

[Polaris]

СНЕЖНОЕ ВИДЕНИЕ

Большая книга рассказов и повестей
о снежном человеке

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

[БОЛЬШАЯ КНИГА]

Salamandra P.V.V.

СНЕЖНОЕ ВИДЕНИЕ

**Большая книга рассказов
и повестей о снежном человеке**

Составление и комментарии
М. Фоменко

Salamandra P.V.V.

Снежное видение: Большая книга рассказов и повестей о снежном человеке. Сост. и комм. М. Фоменко (Большая книга). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2023. — 761 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика).

Йети, голуб-яван, алмасты — нерешенная загадка снежного человека продолжает будоражить умы...

В антологии собраны фантастические произведения о встречах со снежным человеком на пиках Гималаев, в горах Средней Азии и в ледовых просторах Антарктики. Читатель найдет здесь и один из первых рассказов об «отвратительном снежном человеке», и классические рассказы и повести советских фантастов, и сравнительно недавние новеллы и рассказы.

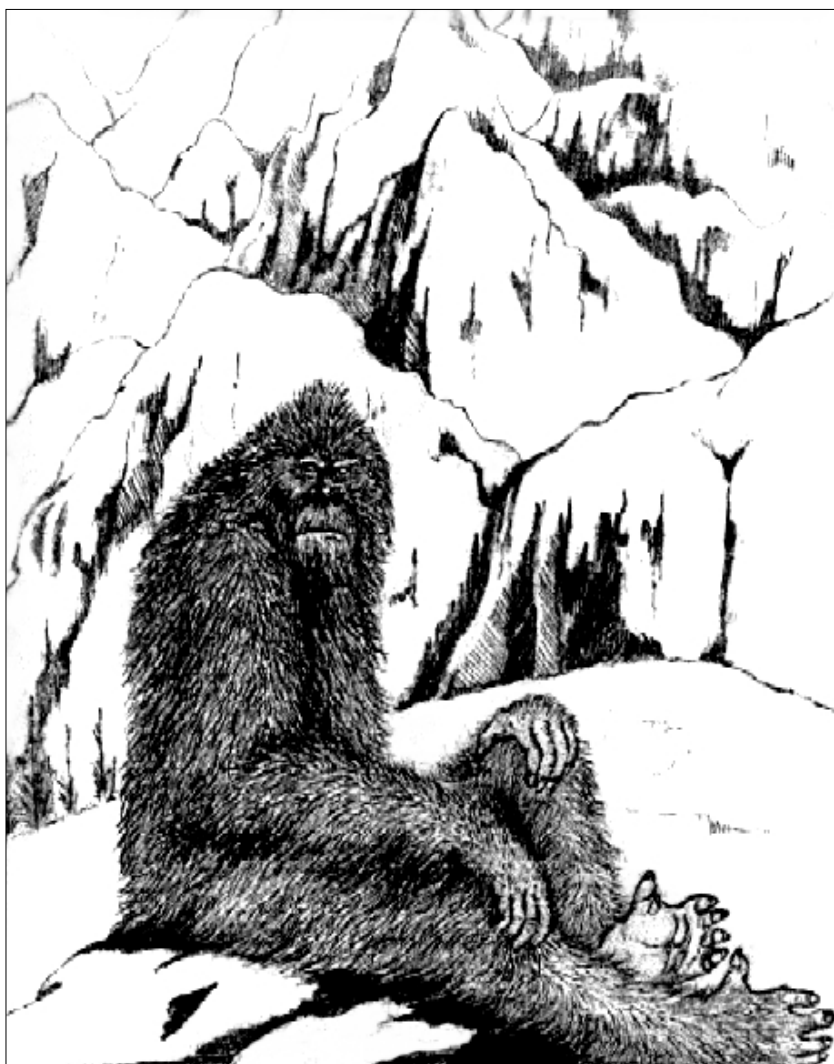
Настоящая публикация включает весь материал двухтомника «Рог ужаса» и «Брат гули-бьябона», вышедшего тремя изданиями в 2014-2016 гг. Книга дополнена шестью произведениями. Ранее опубликованные переводы и комментарии были заново просмотрены и в случае необходимости исправлены и дополнены.

© Authors, estate, 2023

© Translators, переводы, 2023

© M. Fomenko, состав, комментарии, 2023

© Salamandra P.V.V., оформление, 2023

СНЕЖНОЕ ВИДЕНИЕ

Эдвард Ф. Бенсон

РОГ УЖАСА

Все минувшие десять дней Альхубель купался в зимнем сиянии, достойном царственной высоты в шесть с лишним тысяч футов над уровнем моря. От восхода до заката солнце (столь удивительное для людей, привыкших к виду бледного, холодного диска, что едва проглядывает сквозь туманы Англии) прокладывало огненный путь в сверкающей синеве, и каждую ночь звезды искрились блестящей алмазной пылью в недвижимом и безветренном морозном воздухе. К Рождеству легло достаточно снега, и лыжники были счастливы, а большой каток, который ежевечерне поливали, по утрам приветствовал конькобежцев свежей ледовой гладью, готовой к их скользким и изысканным коленцам. Вечерние часы пролетали за бриджем и танцами, и мне, впервые испытывшему радости зимы в Энгадине, казалось, что новые небеса и новая земля были усердно подсвечены, подогреты и охлаждены в награду тем терпеливым людям, что подобно мне целый год мудро откладывали дни отдыха на зиму.

Но внезапно идеальная погода переменялась: как-то во второй половине дня солнце заволокла дымка, и ветер из долины на северо-западе, нестерпимо холодный после многомильного полета над покрытыми льдом скалами, ворвался в безмятежные чертоги небес. Вскоре закружилась снежная пелена — сперва небольшие снежинки, гонимые почти горизонтально студеным дыханием ветра, затем крупные хлопья, похожие на лебяжий пух. И хотя почти две недели я не в пример меньше размышлял о судьбах народов и таинствах жизни и смерти, чем о задаче начертить на льду лезвиями коньков узоры должной величины и формы, в тот день я мечтал лишь поскорее найти убежище в отеле: лучше было на время оставить повороты и петли в покое, нежели замерзнуть, добиваясь совершенства.

Приехал я вместе с кузеном, профессором Инграмом, знаменитым физиологом и покорителем многих альпийских вершин. Он успел воспользоваться спокойным промежутком и совершил несколько примечательных зимних восхождений, но тем утром чутье к капризам погоды заставило его с подозрением отнестись к небесным знакам, и вме-

сто восхождения на Пиц-Пассуг он решил выждать и посмотреть, оправдаются ли его опасения. Теперь он сидел в зале восхитительного отеля, устроив ноги на батарее с горячей водой, и просматривал последнюю почту из Англии. Среди прочего была доставлена брошюра с отчетом о результатах экспедиции на Эверест; кузен как раз закончил ее читать, когда я вошел.

— Весьма любопытное сообщение, — сказал он, протягивая мне брошюру, — буду рад, если они достигнут успеха в будущем году, они это заслужили. Но кто знает, что ждет их на финальных шести тысячах футов? Шесть тысяч футов после пройденных двадцати трех тысяч могут показаться сущим пустяком, однако пока еще никто не может сказать, способен ли человеческий организм выдерживать физические нагрузки на такой высоте. Нельзя исключать, что разреженный воздух повлияет не только на легкие и сердце, но и на мозг. Могут начаться бредовые галлюцинации. К слову, если бы я не знал, как обстоит дело, то сказал бы, что с одной такой галлюцинацией восходители уже столкнулись.

— С какой же? — спросил я.

— Здесь говорится, что на большой высоте они заметили на снегу следы босых человеческих ног. На первый взгляд, это кажется обманом чувств. Разве не естественно для сознания альпиниста, взволнованного и воодушевленного пребыванием на предельной высоте, воспринять определенные отметины в снегу как отпечатки человеческих ступней? На такой высоте каждый орган тела напрягается до крайности, выполняя свою работу, и мозг, замечая углубления в снегу, говорит себе: «Да, я в полном порядке, я работаю как должно, и вижу углубления в снегу, которые воспринимаю как человеческие следы». Ведь тебе известно, каким беспокойным и обостренным даже на той высоте, где находимся сейчас мы, становится сознание — ты сам мне рассказывал, насколько яркие сны снятся тебе по ночам. Преумножь втрое эти возбуждающие влияния и, соответственно, беспокойное и обостренное состояние сознания, и ты поймешь, что мозг самым естественным образом пре-

дается иллюзиям! В конце концов, что есть делирий, часто сопровождающий высокую температуру, как не попытка мозга выполнить свою работу в условиях лихорадки? Мозг так стремится воспринимать, что воспринимает вещи, которых и вовсе не существует!

— И все-таки тебе не кажется, что эти следы босых ног были галлюцинацией, — заметил я. — Ты сказал, что счел бы их обманом чувств, если бы не знал, как обстоит дело.

Он пошевелился в кресле и бросил взгляд за окно. В воздухе висела теперь плотная завеса больших снежных хлопьев, крутившихся в вое налетевшей с северо-запада бури.

— Вот именно, — сказал он. — Вероятней всего, человеческие следы были настоящими следами человека. Во всяком случае, отпечатками ног существа, наиболее близко напоминающего человека. Я говорю это по той причине, что знаю — подобные создания существуют. Добавлю, что однажды я даже видел совсем рядом (уверяю тебя, что ближе я ни за что не захотел бы оказаться, пусть и сгорал от любопытства), скажем так, существо, что могло оставить такие следы. Если бы снегопад утих, я показал бы тебе место, где я с ним повстречался.

Он указал на окно: там, за долиной, высилась громадная башня Унгехойергорна с остроконечной кривой вершиной, напоминающей рог гигантского носорога.

Я знал, что на гору можно взойти лишь с одной стороны, и покорить ее были способны лишь самые опытные альпинисты; с трех других сторон отвесные уступы, перемежающиеся пропастями, делают подъем невозможным. Башня представляет собой две тысячи футов крепчайшей скальной породы; ниже идут пятьсот футов упавших сверху валунов, а у подножия раскинулся густой хвойно-лиственный лес.

— На Унгехойергорне? — спросил я.

— Да. Еще двадцать лет назад вершина считалась неприступной, и я, как и некоторые другие, потратил немало времени на поиски подходящего маршрута. Бывало, мы с проводником проводили по три ночи в хижине у глетчера Блюмен, а днем рыскали вокруг, разведывая подходы. Только чистейшим везением можно объяснить, что мы наконец

сумели найти путь, так как с противоположной стороны гора кажется еще более неприступной, чем отсюда. И все же в один прекрасный день мы обнаружили на склоне длинную поперечную трещину; она вела к удобному карнизу, дальше следовала наклонная ледяная расщелина — заметить ее можно лишь в непосредственной близости от устья. Впрочем, мне не к чему вдаваться в подробности.

Большой зал, где мы сидели, постепенно заполнялся жизнерадостными компаниями, которых загнал внутрь внезапный ветер и снегопад, и гомон веселых голосов становился все громче. Музыканты оркестра, этого неизбежного спутника вечернего чая на швейцарских курортах, начали настраивать свои инструменты, готовясь заиграть обычное по-пурри из Пуччини. Мгновение спустя полились нежные, сентиментальные мелодии.

— Невероятный контраст! — проговорил Инграм. — Мы сидим здесь в тепле и комфорте, наш слух приятно щекочут младенческие ноты, а снаружи бушует буря, что крепнет с каждой минутой, и порывы ветра разбиваются о суровые утесы Унгехойергорна — Рога Ужаса, каким стал он для меня.

— Расскажи мне все, — попросил я. — Ничего не упускай: и если рассказ твой краток, пусть станет длинным. Почему ты назвал гору Рогом Ужаса?

— Ну что ж.... Мы с Шантоном (он был моим проводником) целыми днями исследовали утесы, чуть продвигались с одной стороны, останавливались, поднимались футов на пятьсот с другой, пока не натыкались на непроходимое препятствие; так продолжалось, пока нам не улыбнулась удача. Мы нашли путь — но Шантон, по непонятной для меня причине, все беспокоился.

Дело было отнюдь не в трудностях или опасностях восхождения, поскольку в противоборстве со скалами и льдами он был самым храбрым в мире человеком; однако он всегда требовал, чтобы мы до заката спустились с горы и вернулись в хижину у глетчера Блюмен. Да и после, когда мы оказывались в хижине и запирали дверь на засов, беспокойство не оставляло его.

Помню, однажды за ужином мы услышали в ночи вой какого-то зверя, вероятно, волка. Шантона охватил буквально панический страх; полагаю, он до утра не смыкал глаз. Я подумал, что с горой может быть связано некое пугающее поверье либо легенда, чем и истолковывается ее название, и на следующий день спросил его, почему пик именуют Рогом Ужаса. Сперва он отмахнулся и сказал, что, как и в случае Шрекгорна, гора изобилует пропастями и отличается частыми камнепадами; но когда я начал настаивать на ответе, он признался, что вокруг горы давно ходят легенды. Их рассказывал ему отец. Считалось, что на горе, в пещерах, обитали существа, похожие на людей; все их тело, за исключением лица и рук, было покрыто длинными черными волосами. Эти карлики ростом около четырех футов якобы обладали поразительной силой и проворством и являлись выжившими представителями некоей дикой первобытной расы. Горные создания все еще находились в процессе эволюционного развития; по крайней мере, так я предположил. Согласно рассказу Шантона, они иногда уносили девушек, однако не в качестве охотничьей добычи или пиршественного угощения, как произошло бы у каннибалов, но ради получения потомства. Похищали они и молодых мужчин, которых скрещивали с женщинами своего племени. Выглядело все так, словно эти существа, как сказано, были соприродны человеку. Понятно, что в приложении к сегодняшнему дню я не поверил ни единому слову. Вполне допустимо, что много веков назад такие создания и вправду существовали, и рассказы о них, учитывая поразительную цепкость традиции, передавались из поколения в поколение и все еще жили в сердцах крестьян. Что касается их численности, то Шантон поведал мне, что один человек как-то видел вместе трех существ; будучи очень быстрым лыжником, он смог спастись и рассказать о случившемся.

Шантон клялся, что этим человеком был не кто иной, как его собственный дед, и что существа подстерегли его зимним вечером в густых лесах у подножия Унгехойергорна. Шантон предполагал, что существа спустились туда в пои-

сках пропитания, так как зима выдалась очень холодная: раньше их видели только среди скал горного пика. Преследуя его деда, они мчались чрезвычайно быстрым легким галопом, причем бежали то выпрямившись во весь рост, как люди, то на четвереньках, наподобие животных, а вой их был в точности таким, какой мы слышали ночью в хижине у глетчера. Во всяком случае, так утверждал Шантон, и я, подобно тебе, счел его историю самым воплощением давних суеверий.

Но уже на следующий день у меня появились веские причины изменить свое мнение.

В тот день, после недельных исследований местности, мы нашли единственный известный ныне путь к нашей вершине. Мы вышли, когда забрезжил рассвет – как ты можешь догадаться, по трудным для прохождения утесам невозможно карабкаться с фонарем или при свете луны. Мы наткнулись на длинную трещину, о которой я упоминал, проследовали по карнизу – снизу казалось, будто он обрывается в ничто – и за час, вырубая во льду ступени, преодолели ведущую вверх расщелину.

Дальше начался подъем по скалам; спору нет, он оказался сложным, но впереди нас больше не ждали никакие неприятные неожиданности и около девяти утра мы вышли к вершине. Там мы решили не задерживаться: бывает, на той стороне горы рушатся вниз камни, которые высвобождаются из разогретого солнцем льда; поэтому мы поспешили миновать расщелину, где камнепады случаются наиболее часто. Оставалось только спуститься по длинной трещине, что не составило для нас особого труда. К полудню мы справились со своей задачей и оба, как ты можешь вообразить, испытывали полнейший восторг.

Нам предстоял долгий и утомительный спуск: путь вниз пролегал между огромными валунами у подножия пика. Склон в этом месте очень порист, гора изрыта глубокими пещерами. Преодолев трещину, мы сбросили связку и теперь каждый из нас самостоятельно выбирал дорогу между упавшими скалами; некоторые валуны превышали по размеру обычный дом. И вдруг, обойдя один из валунов, я увидел

нечто, сразу заставившее меня поверить, что истории Шантона были вовсе не выдумками суеверных крестьян.

Менее чем в двадцати ярдах от меня растянулось на земле одно из существ, о которых он мне рассказывал. Голое создание развалилось на спине, обратив голову к солнцу, и глядело прямо на яркое светило узкими немигающими глазками. Тело его было совершенно человеческим, за исключением длинных волос на туловище и конечностях, почти полностью скрывавших загорелую кожу. Лицо, не считая пушка на щеках и подбородке, было безволосым, и передо мной предстала звериная физиономия, чье чувственное и злобное выражение наполнило меня ужасом. Будь это создание зверем, никто и не содрогнулся бы при виде его животных черт; весь ужас состоял в том, что это было человеческое существо. Рядом валялись две-три обглоданные кости; существо, как видно, только что оторвалось от еды и теперь облизывало свои выпяченные губы, издавая довольное урчание. Одной рукой оно почесывало волосы на животе, в другой сжимало кость, похрустывавшую в сильных пальцах. Ужас мой, должен признаться, был вызван не рассказами Шантона о печальной судьбе, что ждала пленников этих существ, но самой близостью к созданию, так похожему на человека и одновременно столь дьявольскому. Пик, о восхождении на который я еще минутой назад вспоминал с таким восторгом и упоением, стал для меня истинным Унгехойергорном, ибо здесь обитали твари, какие не привидятся и в самом жутком кошмаре.

Шантон шел за мной шагах в пятнадцати; я сделал предостерегающий жест, и он остановился. Затем я со всей осторожностью, стараясь не привлечь внимание загоравшего на солнце существа, отступил за скалу и шепотом рассказал ему о том, что видел. Побелев от страха, мы двинулись в обход; мы шли согнувшись и выглядывали из-за каждого валуна, зная, что на каждом шагу можем встретить еще одно из этих существ, что из одной из пещер на склоне может вот-вот выглянуть другое безволосое и чудовищное лицо, но на сей раз с телом, снабженным женской грудью и

прочими признаками женственности. Это было бы самым ужасным.

Счастье улыбнулось нам: мы миновали валуны и каменные осыпи, чей шорох мог в любое мгновение выдать нас, избежав повторения моего опыта. Очутившись среди деревьев, мы бросились бежать, точно нас преследовали фурии. Теперь я понимал – хотя, осмелюсь сказать, не в силах передать – всю боязнь и отвращение Шантона при упоминании этих существ. Столь ужасными их делала сама принадлежность к человеческому роду: тот факт, что они относились к одной с нами расе, но к такой упадочной ее ветви, что самый жестокий и бесчеловечный из людей казался бы в сравнении с ними ангельским созданием.

Небольшой оркестр закончил музыкальный номер, прежде чем он завершил свой рассказ, и болтавшие у чайного стола постояльцы начали расходиться по своим комнатам. Он с минуту помолчал.

– Я ощутил тогда, – снова заговорил он, – ужас духа, от которого, истинно свидетельствую, я так полностью и не оправился. Я увидел, каким жутким может быть живое существо и как ужасна, следовательно, сама жизнь. В каждом из нас, думаю, затаилась наследственная бактерия этой невыразимой бестиальности; да, с течением веков она утратила силу, но кто знает, не пробудится ли она снова? Увидев это создание, загорававшее на солнце, я заглянул в бездну, откуда выползли мы все. Теперь оттуда пытаются выползти эти существа, если они все еще живы. На протяжении последних двадцати лет их никто ни разу не видел, но сейчас мы читаем сообщение о следах, замеченных альпинистами на Эвересте. Если оно подтвердится, если участники экспедиции не ошиблись, приняв за человеческий след отпечатки лап медведя или что-либо еще, мы сможем, вероятно, заключить, что эта обособленная ветвь человечества продолжает существовать.

Скажу прямо, что Инграм был убедителен и красноречив, но здесь, в теплом оазисе цивилизации, тот страх, что он несомненно испытал, оставался далек и чужд для меня.

Умом я соглашался с ним, я мог понять его ужас, но душа не отзывалась на его рассказ внутренним содроганием.

— Удивительно все же, — заметил я, — что пристальный интерес к физиологии не рассеял твои страхи. Ты наблюдал, насколько я понимаю, какой-то вид человека, что может оказаться древнее любых известных нам останков. Неужели голос разума не шепнул тебе: «Это открытие имеет колоссальное научное значение»?

— Нет. У меня было лишь одно желание — бежать, — ответил он. — Как я уже говорил, дело было совсем не в том, что, по рассказу Шантона, могло ожидать нас в плену; сам вид существа вселил в меня ужас. Я весь дрожал.

Снежная буря с растущей яростью бушевала всю ночь. Я плохо спал; снова и снова меня пробуждали от дремоты бешеные порывы ветра, который сотрясал окна, словно бы властно настаивая на своем праве ворваться в комнату. Ветер налетал волнами, и к шуму его примешивались странные звуки, слышимые яснее в мгновения тишины; посвистывания и стоны переходили в вопли, когда новый порыв ветра начинал неистово колотиться в окна. Звуки эти, должно быть, проникли в мое затуманенное и сонное сознание. Припоминаю, как я очнулся от кошмара: мне привиделось, что существа с Рога Ужаса забрались ко мне на балкон и со скрежетом пытались открыть оконные задвижки. Но к утру буря утихла; я проснулся и увидел, что в безветренном воздухе густо и быстро падает снег. Он шел три дня без перерыва, а с окончанием снегопада наступили неслыханные морозы. В одну из ночей температура упала до пятидесяти градусов, в следующую ночь стало еще холоднее. Невозможно было представить себе холод, царивший, должно быть, среди утесов Унгехойергорна. Не иначе, размышлял я, тайные обитатели горы встретили свой конец: да, в тот день, двадцать

лет назад, кузен мой упустил уникальную возможность для научных исследований, какая больше, вероятно, не представится ни ему, ни кому-либо еще.

Как-то утром я получил письмо от друга; он сообщал, что прибыл на соседний зимний курорт Сен-Луиджи, и предлагал мне присоединиться к нему, обещая утреннее катание на коньках и ланч. Курорт находился всего в нескольких милях от нас, и кратчайшая дорога вела через низкие, поросшие соснами холмы; над ними круто уходили вверх глухие леса у подножия первых скалистых ребер Унгейергорна. Я уложил в рюкзак коньки и встал на лыжи; мне предстояло пересечь лесистые склоны и затем свернуть на удобный спуск к Сен-Луиджи. День выдался пасмурный, тучи постоянно застилали наиболее высокие пики, хотя сквозь туман проглядывало бледное и тусклое солнце. Но утро уже вступало в свои права, солнце победило, и в Сен-Луиджи я спустился под сияющим куполом небес. Мы с другом покатались на коньках, но после ланча мне показалось, что погода вновь собирается испортиться, и около трех часов дня я заторопился в обратный путь.

Стоило мне оказаться в лесу, как небо затянули густые и темные облака; полосы и ленты тумана обвили сосны, сквозь которые я пробирался. Через десять минут лес стал так сумрачен, что я ничего не мог разглядеть и в десяти ярдах от себя. Вскоре я осознал, что сбился, вероятно, с проторенной дороги, так как прямо передо мной раскинулись покрытые снегом кусты; я вернулся было назад в поисках лыжни и в итоге совсем заблудился.

И все-таки, несмотря на все трудности, я понимал, что следует двигаться вверх — вскоре я должен был выйти на гребень низкого холма, откуда нетрудно будет спуститься в открытую долину, где лежит Альхубель. Я продолжал свой путь, спотыкаясь и преодолевая препятствия. Глубокий снег не позволял мне снять лыжи: в этом случае при каждом шаге ноги погружались бы по колено. Подъем все не заканчивался. Я взглянул на часы и понял, что покинул Сен-Луиджи более часа назад, а этого более чем хватило бы на все путешествие. Конечно же, я сбился с дороги, однако все еще

продолжал считать, что через несколько минут обязательно выберусь на гребень и найду спуск в соседнюю долину. Примерно в это же время я начал замечать, что клубы тумана постепенно розовеют; видно, близился закат, но мне приносила некоторое утешение мысль, что туман мог вот-вот разойтись, подсказав мне верное направление. Вместе с тем я знал, что скоро наступит темнота, и гнал из сознания отчаяние бесконечного одиночества, так разъедающее душу человека, заблудившегося в лесу или на горном склоне: в нем еще осталось немало энергии, но его нервные силы истощены, и он может лишь лечь на снег в ожидании приговора судьбы... И затем послышался звук, тотчас превративший мысль об одиночестве в небесное блаженство — ибо бывает судьба много горше одиночества. Он напоминал волчий вой и раздавался где-то неподалеку, впереди, где высоко вздымался гребень холма — был ли то гребень? — в облачении сосен.

Сзади налетел внезапный порыв ветра, с сосновых ветвей посыпался мерзлый снег, туман рассеялся, как сметенная метлой пыль.

Надо мной раскинулось сверкающее чистое небо, уже окрашенное красноватыми тонами заката. Я стоял на самом краю леса, в котором так долго блуждал.

Но впереди была не долина — прямо передо мной высился крутой склон, усеянный скалами и валунами; он уходил вверх, к подножию Унгехойергорна. Чей же вой, подобный волчьему, сковал мое сердце? Теперь я увидел.

Не далее как в двадцати ярдах от меня лежало упавшее дерево; к стволу его прислонилось одно из существ Рога Ужаса, и это была женщина. Ее окутывал плотный покров седых клочковатых волос; они ниспадали с головы на плечи и прикрывали увядшие, отвислые груди. Глядя на это лицо, я не одним только разумом, но с содроганием всей души проникся чувствами Инграма. Никогда еще кошмар не вылеплял такой чудовищный лик; вся красота солнца и звезд и зверей полевых и добросердечного человечества не могла искупить столь адское воплощение духа жизни. Неизмеримо-животное начало изваяло этот жующий рот и щелки

глаз; я заглянул в самую бездну, сознавая, что из этой бездны, на чьем краю я сейчас застыл, выбрались целые поколения людей. Но что если каменный край обрушится и увлечет меня за собой в ее бездонные глубины?..

Одной рукой старуха держала за рога серну, которая отчаянно билась и сопротивлялась. Копытце задней ноги ударило женщину в иссохшее бедро; с гневным ворчанием она поймала другой рукой ногу серны и, как человек вырывает с корнем луговую травку, оторвала ее от тела, оставив в прорванной шкуре зияющую рану. Затем она поднесла ко рту красную, истекающую кровью конечность и принялась ее обсасывать — так ребенок сосет леденец. Пеньки ее коричневых коротких зубов впились в мясо и сухожилия, и она с урчанием облизала губы. После, отбросив оторванную ногу, она взглянула на тело своей добычи, содрогавшейся теперь в предсмертной агонии, и указательным и большим пальцами выдавила один из глаз серны. Она вцепилась в него зубами, и глазное яблоко лопнуло, словно тонкая скорлупа ореха.

Думаю, я наблюдал ее не более нескольких секунд в необъяснимом оцепенении ужаса, в то время как в сознании звучали панические приказания мозга, обращенные к недвижным ногам: «Беги, спасайся, пока еще не поздно». И затем, с трудом овладев своими мышцами и сочленениями, я попытался скользнуть за дерево и спрятаться от этого видения. Но женщина — называть ли ее женщиной? — как видно, краем глаза заметила мое движение. Она подняла взгляд от живой трапезы и увидела меня. Старуха вытянула шею вперед, отшвырнула добычу и, согнувшись, двинулась ко мне. Одновременно она разинула рот и издала вой, схожий с тем, что я слышал мгновение назад. Ей ответило издали другое, еле слышное завывание.

Оскальзываясь и едва не падая, задевая кончиками лыж за скрытые под снегом ветки и камни, я бросился вниз по склону, петляя между соснами. Низкое солнце, уже спускавшееся за какой-то горный кряж на западе, окрашивало снег и сосны последними красноватыми лучами дня. Рюкзак с коньками болтался у меня на спине, одну палку я успел по-

терять, наткнувшись на лежавшую в снегу сосновую ветку, но не решился помедлить даже секунду, чтобы ее подобрать. Я не оглядывался и не знал, с какой скоростью бежит моя преследовательница, да и преследует ли она меня вообще: все мои силы и энергия, в неравной борьбе с паническим страхом, были устремлены сейчас на спуск с холма, и я мечтал как можно скорее выбраться из леса. Некоторое время я не сознавал ничего в своем безрассудном бегстве, только скрипел под лыжами снег и потрескивал заснеженный ковер иголок, а затем позади, совсем близко, вновь раздался волчий вой и я расслышал звук бегущих ног.

Лямка рюкзака сползла и, благодаря болтавшимся в нем конькам, терла и сдавливала мое горло, препятствуя доступу воздуха, в котором, Господь свидетель, так нуждались мои натруженные легкие; не останавливаясь, я сбросил рюкзак и сжал его лямки свободной от палки рукой. Бежать стало легче, и теперь я уже мог разглядеть внизу, чуть поодаль, тропу, с которой невольно свернул в лесу.

Если только я достигну ее, накатанный наст позволит мне оторваться от преследовательницы: на склоне, где спуститься было труднее, существо мало-помалу догоняло меня; при виде этой змейки, привольно тянувшейся к подножию холма, в черном провале отчаяния, что охватило мою душу, блеснул луч надежды. С ним пришло и неоодолимое, настойчивое желание увидеть, что или кто бежит по моим следам, и я позволил себе оглянуться. То была она, ведьма, которую застал за отвратительным пиршеством; длинные седые волосы развевались за ее плечами, она лязгала зубами и издавала невнятные звуки, пальцы ее сжимались, захватывая воздух, точно уже смыкались на моем горле.

Но тропа была близко, и потому, думаю, я утратил осторожность. Заметив впереди невысокую кочку, я решил, что сумею перепрыгнуть через этот покрытый снегом куст, зацепился лыжами и упал, погрузившись в сугроб. Позади, прямо за спиной, раздался безумный возглас, не то вопль, не то смех, и не успел я встать, как в мою шею вцепились жадные пальцы и я словно очутился в стальном капкане. Пра-

вая рука, сжимавшая рюкзак, оставалась свободна; я вслепую махнул ею назад, рюкзак, крутясь, вылетел на всю длину лямки и я понял, что мой слепой удар попал в цель. Я все еще не мог повернуть голову, но почувствовал, как хватка на горле расслабилась, а затем что-то рухнуло на куст, ставший ловушкой для моих лыж. Я поднялся на ноги и обернулся.

Она лежала, корчась и дрожа. Лезвие одного из коньков разрезало тонкую альпагу рюкзака и угодило ей точно в висок, откуда потоком струилась кровь; но в сотне ярдов позади я увидел такое же существо — оно прыжками несло вниз по моим следам. В новом приступе паники я помчался на лыжах по гладкой белой тропе к уютным огонькам деревни, уже заблестевшим вдали. Я бежал, ни на секунду не останавливаясь, и только там, среди человеческих жилищ, почувствовал себя в безопасности. Я навалился на дверь отеля и принялся громко кричать, моля, чтобы меня впустили, хотя достаточно было просто повернуть дверную ручку и войти; и снова, как тогда, когда Инграм рассказывал свою историю, меня приветствовала музыка оркестра, и шум голосов; а вот и сам он — поднимает голову и быстро вскакивает, когда я неверными шагами вваливаюсь в зал.

— Я тоже видел одно из тех существ, — вскричал я. — Погляди на мой рюкзак. Ведь на нем кровь? Это кровь одной из них, женщины, старой ведьмы... она оторвала ногу серны у меня на глазах и гналась за мной по всему проклятому лесу... и я...

Не знаю, завертелся ли я, или комната вокруг меня, но я услышал звук собственного падения, ударился о пол и пришел в сознание, лежа в постели. Рядом был Инграм, уверявший, что мне больше ничего не угрожает, и еще один человек, незнакомец, который проткнул мне кожу на руке иглой шприца и стал произносить успокоительные слова...

День или два спустя я пришел в себя и смог связно изложить подробности лесного приключения. Трое-четверо мужчин, запасшись ружьями, отправились по моим следам. Они нашли место, где я споткнулся о заснеженный куст, увидели рядом лужу крови, пропитавшей снег и, продолжая ид-

ти по следам моих лыж, наткнулись на труп серны с оторванной задней ногой и пустой глазницей.

Таковы немногочисленные доказательства, какие я привожу в подтверждение своего рассказа. Я полагаю, что существо, преследовавшее меня, было лишь ранено моим ударом; но возможно также, что ведьма умерла и тело ее унесли соплеменники... Безусловно, недоверчивые читатели вправе самостоятельно исследовать пещеры Унгехойергорна: там они смогут проверить, не случится ли с ними что-либо, что окончательно их убедит.

Александр Беяев

БЕЛЫЙ ДИКАРЬ

Рис. В. Силкина

В прошлом году во многих газетах была помещена телеграмма (Лондон, 7 мая 1925 г.), сообщавшая о том, что один ученый встретил в Гималайских горах, на высоте 15.000 футов, дикаря, «принадлежащего к неизвестной до сих пор расе первобытных людей». В своем рассказе А. Беляев живо рисует столкновение подобного «белого дикаря», вырванного из привычной ему обстановки, с «цивилизованным» миром. Резкий контраст встретившихся двух эпох, двух мировоззрений, как и всегда, ведет к конфликту между ними, и «слабейший» неизбежно терпит поражение... Здесь слишком очевидно неравенство сил — одного против всех, — и трагическая развязка предreshена, но все же ход борьбы захватывает читателя, а герой рассказа — близок и понятен нам, несмотря на то, что он — человек далекого, давно ушедшего мира.

I. Птица на шляпе

Странное впечатление производили эти руины времен римского владычества древней «Лютецией», затерявшейся среди домов Латинского квартала. Ряды каменных полуразрушенных скамей, на которых когда-то рукоплескали зрители, наслаждаясь кровавыми забавами, черные провалы подземных галерей, где рычали голодные звери перед выходом на арену... А кругом такие обычные скучные парижские дома, с лесом труб на крышах и сотнями окон,

безучастно смотревших на жалкие развалины бывшего величия...

Путники остановились.

Их было трое: Анатоль, мальчик лет десяти, худенький, черноволосый, с застывшим вопросом в грустных глазах, его дядя, Бернард де Труа, «шелковый король», и его жена – Клотильда. Только настойчивость Клотильды заставила ее мужа бросить срочные дела и предпринять эту «научную экспедицию» – новый каприз молодой женщины, увлекшейся археологией.

Мадам де Труа, казалось, была очарована зрелищем. Ее тонкие ноздри вздрагивали. Несколько раз, нервным движением руки, она приводила в порядок непослушную прядь каштановых волос, выбивавшуюся из-под серой шелковой шляпы, украшенной маленькой белой птицей.

– Нужно заставить говорить эти камни, – воскликнула она наконец, – мы сделали ошибку. Нам надо приехать ночью, когда светит луна... Луна вызовет к жизни тени прошлого, и перед нами развернутся волшебные картины. Мы услышим звуки букцин – римских военных труб. Один их громоподобный рев приводил в бегство врагов... Зазвучат трубы, и в ответ им раздастся рев голодных зверей, почуявших человеческое мясо, и мы увидим, как Цезарь... ах... ой...

Клотильда де Труа отчаянно вскрикнула. Неожиданное событие прервало поэтический полет ее фантазии.

Какой-то человек, лет двадцати пяти, высокий, сложенный как Геркулес, с русой бородкой и усами на бронзовом лице, незаметно подкрался к ней и быстрым движением сорвал с ее шляпы белую птицу, разорвал ее на мелкие куски и с недоумением начал перебирать пальцами клочья ваты, которыми была набита птица.

Его глаза... Несмотря на весь испуг, Клотильда не могла не заметить этих глаз, их необычайной голубизны, яркости. В них горел какой-то странный огонь. Это не был огонь безумия, но, вместе с тем, в глазах было что-то странное, чего ей никогда не приходилось встречать. В них была зоркость зверя и наивность ребенка. Лицо незнакомца можно

было бы назвать красивым, если бы не выдающиеся надбровные дуги, глубоко посаженные глаза и широкие ноздри. Он был без шляпы. Длинные и густые русые волосы покрывали его голову.

Все оцепенели от этой непонятной выходки незнакомца. Но в следующую же минуту Бернард де Труа бросился к нему, размахивая палкой. Незнакомец, скаля рот в широкой улыбке, открывавшей его прекрасные, крепкие зубы, принял это, как игру. Он будто дразнил де Труа, подбегая к нему и увертываясь от ударов с ловкостью и природной грацией молодой пантеры.

А с угла улицы уже бежал какой-то человек, размахивая руками.

— Адам, назад! — кричал он, как будто на собаку.

Русоволосый великан неохотно, но послушно прекратил игру, отойдя в сторону с каким-то приглушенным рычаньем. В этот же момент с другого угла подходил полицейский, привлеченный криками.

— Приношу мои извинения, — кричал еще издали человек, отозвавший Адама, размахивая шляпой. — Позвольте уверить вас, что здесь не было злого умысла. Разрешите представиться... Профессор Сорбонны по кафедре археологии и палеонтологии Август Ликорн. А вот это Адам... просто Адам... Я сейчас объясню вам...

Но рассердившийся «шелковый король» ничего не хотел слышать.

— Это безобразие. Оскорблять женщину...

— Но позвольте объяснить...

— Никаких объяснений. — И, протягивая трясущейся от гнева и волнения рукой визитную карточку полицейскому, де Труа сказал:

— Вот моя карточка и адрес. Прошу записать этих господ и передать дело в суд. Идем!

Он взял под руку жену, кивнул головой Анатолю, приказывая ему следовать за собой, и быстро зашагал к поджидавшему их черному лакированному автомобилю.

Когда прекрасный лимузин бесшумно тронулся в путь, Анатолий обернулся и с детским любопытством, страхом и

восхищением посмотрел на странного человека, сорвавшего птицу со шляпы тети Кло.

II. Неприятный визит

Профессор Ликорн, свернув с Итальянского бульвара в небольшую улицу Пиллэ-Вилль, замедлил шаг. После шума бульвара тишина этой улочки поражала слух. Это была тишина храма, вернее, капища Золотого Тельца. Здесь живут миллионеры. Хмурые многоэтажные дома, с решетками на окнах нижнего этажа, недружелюбно смотрят на редких прохожих.

– Кажется, здесь... – Профессор Ликорн, волнуясь, нажал кнопку электрического звонка, оправленную в оскал бронзовой львиной головы. Молчаливый швейцар не спеша открыл дверь,пустил профессора в вестибюль, уставленный растениями, с большим стоящим у входа медведем, и позвонил наверх.

По широкой лестнице, устланной темно-красным ковром, спустился слуга. Ликорн протянул ему визитную карточку.

– Господин де Труа дома? Я хотел бы видеть его по личному делу.

– Господин де Труа принимает по личным делам в четверг и субботу, от девяти часов двадцати минут до десяти часов утра. Сегодня вы можете видеть только его секретаря.

В этот момент на лестнице показалась Клотильда де Труа, в сером пальто и серой шелковой шляпе с белой птицей у борта. Ликорн поклонился и отошел в сторону, пропуская ее к выходу.

Клотильда де Труа любезно ответила на поклон. Она узнала Ликорна.

– Профессор Ликорн! Вы к мужу? Его нет. Что привело вас сюда? Не история ли с птицей на моей шляпе? Вы

видите, птица опять сидит на своем месте, значит, все в порядке.

— Я, действительно, пришел поговорить с господином де Труа по поводу того неприятного происшествия, которое имело место...

— Ну что же, поговорите со мной. Ведь, в конце концов, не муж, а я оказалась в роли «потерпевшей». Значит, вся эта история — мое личное дело. Пойдемте со мной, профессор.

Слуга поспешно подошел к Ликорну и почтительно снял пальто.

Ликорн едва поспевал за Клотильдой, которая быстро поднималась по лестнице.

— Наше знакомство завязалось довольно оригинально, не правда ли? — с тою же любезной улыбкой обратилась Клотильда к Ликорну, когда они уселись в гостиной на мягкие кресла.

— Да, — смущенно ответил он, — оригинально, хотя и не совсем приятно и для вас и для меня. Полиция составила протокол, и дело будет передано в суд.

— Какие глупости. Я скажу мужу, и все будет улажено. И не будем больше говорить о судах, протоколах и полиции. Одни эти слова режут мне слух.

У Ликорна отлегло от сердца.

— Я даже очень довольна, — продолжала Клотильда, — что этот случай доставил мне интересное знакомство. Я читала ваши книги о первобытном человеке, и они мне очень нравятся...

Ликорн поклонился. Он никак не ожидал встретить здесь почитательницу своих научных трудов.

— Скажите, профессор, этот молодой человек, поймавший птицу на моей шляпе, не тот ли дикий человек, которого вы нашли в Гималайских горах, в вашу последнюю экспедицию? Все газеты писали о нем, и мне страшно хотелось посмотреть эту знаменитость.

— Да, это он. Дикий человек или, вернее, белый дикарь, которого я нашел в Гималайских горах, на высоте нескольких тысяч футов.

Клотильда сделала быстрое движение.

— Как это интересно...

— Действительно, этот белый дикарь представляет необычайный научный интерес. Он не просто дикарь. Это случайно сохранившийся экземпляр совершенно исчезнувшей человеческой породы, последний представитель людей, которые жили много десятков тысяч лет тому назад и которые, как я предполагаю, были прародителями европейских народов.

— Вы его называли Адамом?

— Это имя дано было ему в шутку, а затем закрепилось за ним. Исключительно интересный экземпляр. Но... — профессор Ликорн вздохнул, — если бы вы знали, сколько принес он мне забот и неприятностей. В первое время я, разумеется, не мог выпускать его на свободу. Его приходилось дрессировать, как животное. Но он скучал взаперти. И когда он несколько «цивилизовался», я стал брать его с собой на прогулку. Он привязан ко мне и послушен, как собака.

Когда я в первый раз пошел с ним в Люксембургский сад, он буквально пришел в дикий восторг. И, прежде чем я опомнился, он уже взобрался на дерево и закричал от радости так, что гулявшие дети с плачем в ужасе шарахнулись в сторону. Сторож окаменел от такого святотатства. В другой раз Адам бросился в бассейн фонтана Карно, — он захотел купаться. На площади Согласия он взобрался на статую коня, собрав вокруг себя толпу зевак...

Клотильда засмеялась. Она слушала его с большим интересом.

— Однажды, когда мы возвращались с Адамом на извозчике, ему надоело ехать слишком медленно. Адам схватил извозчика за шиворот, ссадил с козел, одним прыжком сел верхом на лошадь и помчался во всю прыть.

Клотильда вторично звонко рассмеялась.

— Всего не перескажешь. И на мою голову сыплются протоколы, штрафы, судебные процессы. Улица Шамполлиона, где мы живем с ним, была просто терроризирована. В первое время администрация Сорбонны выпутывала меня

из беды, иногда на помощь приходило и министерство просвещения. Но, в конце концов, им надоело это. К счастью, Адам значительно остепенился. Он уже порядочно говорит по-французски. Я уже радовался, что с его дикими выходками покончено, и вот третьего дня этот неприятный случай с вами...

— Не будем говорить об этом случае, дорогой профессор. Расскажите лучше, как вам удалось оторвать от родных гор этого двуногого звереныша и перевезти в Париж.

— Я готовлю к печати мой путевой дневник. Если вы интересуетесь, я могу дать вам корректурные оттиски.

— Милый профессор, как я вам благодарна! Завтра же пришлите. — Клотильда порывисто встала и пожала обе руки Ликорна.

III. Дневник профессора Ликорна

На следующий день горничная подала на подносе утреннюю почту.

— Это дневник! — воскликнула Клотильда. — Мари, сегодня я никого не принимаю.

Когда горничная ушла, Клотильда, с нервной торопливостью, разорвала большой конверт, уселась в глубокое кресло и начала читать.

11-го июня. Когда я отправился в экспедицию на Гималайские горы, один мой коллега шутливо пожелал мне встретить среди вечных снегов горных вершин «живого однофамильда»*. Это пожелание не исполнилось. «Снежное жилище»** приняло меня довольно негостеприимно. И, во-

---

* По-французски *Licorne* (Ликорн) — единорог, мифическое существо.

** По-санскритски *Himalaja* (откуда и название Гималаи) означает зимнее или снежное жилище.

обще, путешествие мое, в научном отношении, шло довольно неудачно.

Я начал свое путешествие с подошвы южного склона, примыкающего к провинции Ассам. Горы внизу, покрытые роскошной тропической растительностью, дают приют тиграм, слонам, обезьянам. Яркая зелень всех оттенков, от светло-желтого до темно-синего, расцвечена еще более яркими красками цветов и оперения птиц: попугаев, фазанов, кур самой необычайной окраски. Если бы не тучи насекомых и неприятная сырость по ночам и даже днем, поднимающаяся от заболоченной низменности у подошвы гор, это место было бы достойно названия земного рая.

Прекрасен и второй пояс, на высоте 1.000 метров, с его знакомой европейскому глазу растительностью – дубами и дикими каштанами.

Выше 2.500 метров – уже царство хвойных деревьев, а на высоте 5.600 метров начинается в собственном смысле «снежное жилище». Сюда только изредка поднимается медведь или горный козел. Как странно стоять на вершине шести-семи тысяч метров, в ледяном воздухе, от которого захватывает дыхание, и смотреть вниз, на зеленый пояс тропической растительности. Изумительное зрелище.

Но я пришел сюда не для красот природы. Я искал «своих однофамильцев», следы тех, кто обитал в этом снежном жилище сотни, тысячи, миллионы лет тому назад. Поиски мои, однако, были неудачны. *Himalaja* ревниво скрывала свои тайны под глыбами льда.

Путешествие здесь сопряжено с необычайными трудностями. Горы изломаны, пересечены ущельями. Ночью нестерпимый холод. Совершенно нет топлива: ни пучка сухой травы, ни кустарника. Снег, и лед, и вечное безмолвие.

Проводники роптали, и многие из них покинули меня после того, как один проводник упал в пропасть и разбился. Со мной остались только трое. Рубить с ними лед, в поисках ископаемых, было бы безумием. Осталось надеяться на помощь природы: иногда при обвале скал или ледяных глыб обнажаются кости первобытных животных. Но

судьба не посылала мне такой счастливой случайности. И я уже подумывал о бесславном возвращении.

Но сегодняшнее утро вознаградило меня за все. Представляю, сколько шума наделает моя находка во всем ученом мире.

Вот как это было.

Рано утром бродил я между оледенелыми скалами в одиночестве, с винтовкой за плечами.

Завернув за утес, я увидел нечто, заставившее меня вздрогнуть. Мне казалось, что я галлюцинирую. Передо мной, шагах в двадцати, у утеса стоял спиной ко мне двуногий зверь. Иначе я не могу назвать это существо. На его голом бронзовом теле был накинут только плащ из звериной шкуры, скотый на левом плече. Густые волосы превращали его голову в копну. Уши его двигались. На руках и под кожей обнаженных плеч и правой лопатки играли мускулы, как огромные шары. Он голыми ногами упирался в лед, как будто это был паркет, а в руках держал глыбу льда. Но эта глыба несколько не стесняла его движений. Держа на весу эту тяжесть, он всем корпусом подался впе-

ред и высматривал что-то внизу. Наконец, улучив какой-то момент, он с диким рычаньем, которое разнеслось по горам, как удар грома, бросил вниз глыбу льда.

И тотчас, в ответ, раздалось разъяренное рычание медведя. Двуногий зверь отломил еще большую глыбу и кинул ее вниз, а вслед затем с тем же рычанием сам бросился вниз.

В несколько скачков я был на его месте.

Передо мною открылась новая картина, будто выхваченная из ледникового периода. Никогда не забыть мне этой картины.

На дне небольшой ледяной лощины лежал окровавленный дикий козел с перебитым позвоноком. Над ним стоял на задних лапах, с окровавленной головой, медведь. Он свирепо рычал, подняв вверх передние лапы, и из его пасти лилась на синеватый лед струя крови. А навстречу ему, только с ледяной глыбой в руках, бесстрашно шел другой зверь — двуногий.

Почему двуногий зверь так спешил? Почему он не добил медведя со своего безопасного утеса? Не умел он справиться с чувством голода при виде лакомого козла или считал медведя нестрашным противником?.. Кто прочтет мысли под этим толстым черепом?

Противники быстро шли навстречу друг другу. Когда расстояние между ними было не более полутора метров, двуногий зверь бросил в медведя свой ледяной снаряд. Удар пришелся в левый глаз. Медведь присел, завыл от боли и стал лапами тереть морду.

Но в этот же момент, увидав сохранившимся глазом, что противник сделал прыжок, медведь, преодолевая боль и прерывисто рыча, опять поднялся во весь свой рост в оборонительной позе. Остановился и двуногий зверь. Несколько минут они стояли неподвижно. Потом двуногий зверь медленно стал заходить со стороны ослепшего глаза медведя. Медведь начал подвигаться в том же направлении, по кругу. Так они прошли два круга, как борцы перед решительной схваткой.

Я ожидал, что они бросятся в объятия друг друга, но вышло иначе.

В начале третьего круга двуногий зверь оказался рядом с лежавшим на льду козлом. С необычайной быстротой он вдруг схватил козла, зажал в крепких зубах козлиное ухо и, с ловкостью кошки, стал взбираться по ледяным уступам со своей добычей.

Медведь, забыв о тяжелых ранах, с удвоенным ревом бросился вслед за врагом, уносящим вкусный завтрак. Но похититель взобрался уже почти на четыре метра, и медведь, в бессильной злобе, царапал крутой ледяной откос.

Я был восхищен отвагой, ловкостью и находчивостью двуногого зверя, — не эти ли качества сделали его царем природы, — и уже подумал о том, как мне избежать встречи с великаном. Вдруг крик звериного отчаяния разбудил горное эхо, и я увидел, как двуногий зверь, вместе с козлом и обломившейся глыбой, летит вниз. С глухим ударом ударилось тело двуногого зверя, глыба придавила ему ногу, и медведь с победным ревом бросился на свою жертву. Двуногий зверь еще не сдавался и, лежа на спине, старался кулаками отбрасывать лапы медведя, с огромными, выпущенными когтями.

Но положение его было почти безнадежно. Вот медведь сорвал кожу с кисти правой руки, вот запустил острые ког-

ти в левое плечо... и двуногий зверь, только что проявивший чудеса храбрости, кричал от страха и боли, как могут кричать только звери.

В одну минуту я вскинул винтовку, прицелился в голову медведя и, рискуя убить двуногого зверя, спустил курок.

Гулкий выстрел прокатился в горах, эхо повторило его много раз, и сразу наступила тишина. Медведь, убитый наповал, рухнул всем телом на своего врага, покрыв его своей огромной тушей. Жив ли он, мой двуногий зверь?

Не помню, как сбежал я в лощину. Бросился к медведю и, ухватив его за лапы, стал тянуть. Напрасное усилие. Я, парижанин двадцатого века, обладал могущественным оружием, которое поражает насмерть, но слишком слабыми руками, привыкшими иметь дело с книгами, а не с тушами медведей. Мне удалось только освободить голову несчастного. Он был жив и даже не потерял сознания. И он смотрел на меня своими блестящими и голубыми, как небо, глазами.

Мой громоподобный выстрел, сразу уложивший медведя, мой необычайный для двуногого зверя вид, — все это должно было сильно поразить его воображение. Но вместе с тем, я не ошибаюсь, он понял главное: что я тоже двуногий зверь, пришедший ему на помощь. И в его взгляде я прочитал что-то похожее на благодарность. Благодарность человека к человеку. Животным также знакомо чувство благодарности. Но в его взоре было нечто большее. Звери так не смотрят. Да, это был человек. Дикий человек, неизвестной, вымершей первобытной белой расы, но человек.

Однако, рассуждать было не время. Надо было звать на помощь. И я стал стрелять, пока не расстрелял все свои патроны. Потом начал кричать. Скоро послышались ответные крики. Ко мне спешили мои проводники.

С их помощью мне удалось освободить белого дикаря от туши медведя и глыбы льда. Он не стонал, хотя кровь обильно текла из его ран, сквозь разорванные мышцы была видна плечевая кость, а нога, по-видимому, была переломлена. Я сделал перевязки, а затем мы с величайшей

осторожностью понесли к месту стоянки нашу драгоценную ношу.

Едва ли к родному брату я проявил бы столько забот. И понятно почему: ведь это был не просто человек. Это был, быть может, единственный во всем мире экземпляр отдаленных предков человека. Целый ряд неоспоримых признаков говорил за это... я кричал на проводников, когда они оступались, а сам мысленно уже анатомировал его, взвешивал его мозг, измерял лицевой угол...

Конечно, это не *Pitecantropus erectus*, остатки костей которого найдены еще тридцать три года тому назад голландским врачом Дюбуа, — питекантропус был ближе к обезьяне, чем к человеку, и вымер уже около миллиона лет тому назад. И это — не гейдельбергский человек, живший на заре ледникового периода, — нечто среднее между человеком и обезьяной; наконец, это и не неандертальский человек ледникового периода, — тот ниже и приземистей... Скорее всего, он — кроманьонец, прародитель или, вернее, случайно сохранившийся потомок этих прародителей народов Западной Европы. Живой кроманьонец. Что скажут мои коллеги? Что скажет весь ученый мир? Это лучше единого рога. Я превзошел самого себя.

IV. Продолжение дневника

13-го июня. Мой Адам, как я назвал дикого человека, поправляется быстрее, чем я думал. Два дня после битвы с медведем он пролежал в лихорадке, без памяти, рычал и порывался встать. Нам с большим трудом удавалось удерживать его в кровати.

Пользуясь его беспомощностью, я, признаюсь, не удержался и произвел кое-какие исследования антропометрического характера. Объем его черепа — 1.175 кубических сантиметров (у гориллы — 490, у европейцев — 1.400 кубических сантиметров). Интересно, сколько весит его мозг?

Когда его жизнь висела на волоске, у меня, каюсь, мелькнула мысль — предоставить его самому себе. И если бы он умер, я мог бы тотчас анатомировать труп. Сколько сложных вопросов разрешило бы вскрытие. Но я удержался, — буду откровенен до конца, — не по человеколюбию. Я возлагаю надежды на этого дикого человека. Я увезу его с собой в Париж, научу говорить, приручу, цивилизую, и сколько необычайно интересного он может тогда сообщить. Самый интересный вопрос — сохранился ли кто-нибудь еще из его племени, или он последний экземпляр доисторических пледей.

Он безусловно владеет чем-то вроде языка, состоящего, впрочем, всего из нескольких звуков, похожих на междометия.

«Ауа», например, говорит он всякий раз, когда хочет пить. Очень часто он издает какой-то призыв, похожий на «тц- а-а», как будто призывая кого-то. А когда я показал ему вчера шкуру убитого медведя, он сказал: «У-у-у», и лицо его выразило удовольствие.

Я внимательно осмотрел его тело. Необычайно большой объем груди явился, вероятно, результатом жизни на высотах, где очень разрежен воздух. На подошвах кожа его мозолисто-толста. Вот почему он не отмораживает ног.

Щеки и даже лоб его покрыты пушком, по всему же телу, в особенности на ногах и на тыльной стороне рук, растут рыжеватые волосы, миллиметров пяти-семи длиной. Конечно, не они только, а толстая закаленная кожа и хорошая клетчатка предохраняют его от холода.

На его плаще я нашел интересную «булавку», сделанную из слоновой кости, украшенную резной птицей, похожей на глухаря. Ему знакомо искусство. И он, очевидно, спустился с гор туда, где водятся слоны.

С того самого момента, как я спас его от смерти, Адам проявляет ко мне собачью привязанность. Когда я перевязывал ему раны, он схватил мою руку и облизал кисть и ладонь в припадке благодарности. Таким образом, я имел удовольствие познакомиться с «первобытным поцелуем».

Сегодня утром Адам встал с кровати и, несмотря на мой запрет, — хотя, вообще, он послушен, — вышел из палатки, сорвал повязку и, подставив рану солнцу, пролежал до вечера. Это горное солнце делает чудеса. Опухоль опала. Рана быстро затягивается. Еще несколько дней, и мы отправимся в путь. Пойдет ли он со мной? Оставит ли свои родные горы? Так или иначе, я не расстанусь с ним. Живой или мертвый, он будет в Париже.

27-го сентября. Наконец-то я дома, в Париже, в своей маленькой квартире. Как долго я не писал. Адам со мной. Но чего мне это стоило!

Против моего ожидания, он пошел за мной. Адам повиновался, вернее, старался повиноваться каждому моему слову, поскольку сам мог совладать со своей первобытной натурой. Пока мы не спустились вниз, к людям, все было хорошо. Но дальше...

Первой моей заботой было одеть его. Не мог же я привести его в цивилизованное общество голым, только со звериной шкурой на спине. С большим трудом я разыскал белый фланелевый костюм по его росту. Это была просто широкая рубаша и брюки. Рубашу он кое-как одел, но с брюками никак не мог примириться. Они стесняли и смешили его. Он то и дело хлопал себя по ляжкам, фыркал и умирительно выворачивал ноги.

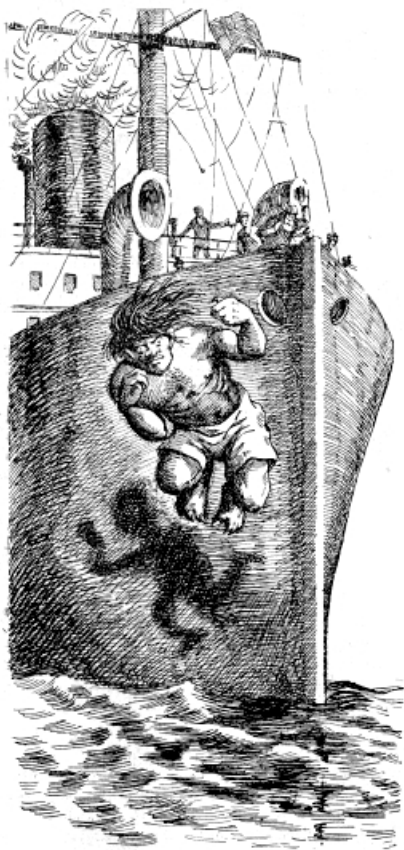
В Калькутте, на людной улице, он вдруг... снял брюки и бросил их. В Калькутте люди привыкли видеть наготу, и это не произвело слишком большого скандала. Но что если он проделает такую штуку в Париже?

В первый раз я выбранил его, и как он был жалок в своем сознании вины. Он опять пытался лизать мне руки, хотя я и запрещаю ему это делать.

Когда мы были уже на борту парохода, с ним опять случилась история.

Перед самым отходом заревела сирена. Адам упал на палубу в паническом ужасе, потом вскочил и одним прыжком бросился через борт в море. Пришлось вылавливать его оттуда и заключить в каюту.

Много забот доставил он мне и с кормлением. Не могло быть и речи о том, чтобы отправляться с ним к общему столу. Ему приносили обед в каюту. Но он отказывался,—

он не мог есть наши блюда. Кончилось тем, что мне пришлось давать ему, как и в горах, сырое мясо и воду. Притом он страдал от жары и поэтому часто был, чем вызывал нарекания пассажиров. Выходить же с ним на палубу было очень затруднительно. Он всегда собирал вокруг себя толпу зевак. Все это очень стесняло меня.

Трудно и долго описывать все события этого путешествия. Адам все время переходил от страха к удивлению. Поезда, автомобили пугали его. Наша одежда, дома, электрическое освещение поражали буквально до столбняка. Какая-нибудь мелочь, на которую мы не обращаем ни малейшего внимания, — вертящаяся световая реклама, звуки духового оркестра или стая

галдящих малышей-газетчиков, — настолько поглощали его, что мне нужно было по несколько раз дергать его за руку, чтобы сдвинуть с места.

Но как бы то ни было, мои мучения кончились. Адам в Париже.

14-го декабря. Адам делает успехи. Он уже не лижет мне рук. Привык носить костюм, — очень любит яркие галстуки, — научился есть наши блюда ножом и вилкой. Знает несколько обиходных французских слов. Но показываться с ним на улицу я еще не решаюсь. А нужно бы его проветрить. Адам стал скучать, — оттого, вероятно, что сидит все время в комнате, хотя и при открытом окне, несмотря на суровую зиму. Ночью, в особенности когда в окно светит луна, он сидит у окна и воет. Я запрещаю ему выть, но он все-таки воет, тихонько, приглушенно, жалобно... Среди ночи этот вой человека очень действует на нервы, но, я вижу, он не в силах не выть.

Чтобы развлечь его, я приношу ему книжки с цветными картинками. К моему удивлению, он очень хорошо понимает их и радуется, как ребенок. Но особенно обрадовал его мой последний подарок: щенок-дворняжка. Адам не расстается с ним ни на минуту, даже спит вместе с Джипси, — он произносит «Жипсь», — и собака платит ему ответной любовью, понимает его по одному жесту. Не потому ли, что их психология близка?

26-го декабря. Однако, Адам еще не совсем «цивилизовался». Сегодня ко мне зашел старый школьный товарищ и дружески хлопнул меня по плечу. Адам, вероятно, думая, что меня бьют, с рычаньем бросился на гостя, а вслед за ним и Джипси, и мне не без труда удалось успокоить всех троих. Мой старый друг, нервный и раздражительный человек, был очень испуган и рассержен этой выходкой.

— Я бы на твоём месте держал его в клетке, — сказал он, уходя.

Дальше в дневнике шло описание уже известных Клотильде событий, — похождения Адама на улицах Парижа. Но она прочитала все до конца.

— Решено, я должна заняться его воспитанием! — воскликнула она, бросив рукопись на стол, и немедленно послала профессору телеграмму, приглашая Ликорна прийти к ней вместе с Адамом.

V. Адам выходит в свет

С некоторым волнением подходил профессор Ликорн к знакомому подъезду дома де Труа, под руку с Адамом.

Адам с неразлучной собачкой, в черной шляпе и модном пальто, выглядел совсем прилично. Ликорн позвонил.

– Смотри же, Адам, будь умницей. Веди себя прилично. Не кричи, не прыгай...

– Да...

Дверь открылась, и они вошли в вестибюль.

Швейцар, узнав Ликорна, почтительно пропустил его. Лакей подбежал снимать пальто.

Вдруг Адам с диким ревом бросился на чучело медведя, стоявшее в углу с распростертыми лапами, сжал медведя за горло и повалился с ним на пол. Джипси залаяла. Изумленный лакей выронил пальто на пол и стоял с открытым ртом.

– Адам, назад! – крикнул Ликорн.

Но Адам и сам понял свою ошибку, когда его железные пальцы прорвали шкуру медведя и извлекли оттуда кло-чья пакли.

– Бедный Адам, ты ошибся. Медведь не настоящий.

– Птица не настоящий, у-у, не настоящий... Все не настоящий, – растерянно бормотал Адам, поднимаясь с пола.

– Идем, Адам.

Адам поплелся за своим повелителем, тяжело вздыхая от сознания своей вины.

– Буду... – сокрушенно говорил он.

На языке Адама, это означало «не буду». Ликорн невольно улыбнулся.

Слуга привел их в комнату Клотильды де Труа.

Когда Ликорн с Адамом появились в дверях, Клотильда, радушно улыбаясь, пошла им навстречу, протягивая Адаму руку. Но ее рука осталась висеть в воздухе.

Внимание Адама вдруг было привлечено фарфоровым китайским болванчиком с раскосыми глазами, который стоял на мраморном камине и качал головой. Потом он

взял в руки безделушку. Она хрустнула, и на пол посыпались осколки.

— Адам, садись, — строго сказал профессор, взяв его за плечо и усаживая в кресло. — Сиди. Не двигайся. Видишь, что ты наделал.

— Буду, — плачевно промолвил Адам, с горестью рассматривая осколки на полу.

— Я предупреждаю вас, мадам, — сказал Ликорн, здороваясь, наконец, с хозяйкой, — что этот визит может доставить вам и мне много неприятностей. Адам еще не настолько воспитан, чтобы бывать в обществе. И я бы предпочел, с вашего разрешения, сейчас же увести Адама.

— Буду, — отозвался Адам, услышав свое имя.

— Пустяки, — ответила Клотильда. — Пожалуйста, не волнуйтесь. Ведь он как ребенок, что же с него спрашивать...

К концу свидания между профессором Ликорном и Клотильдой де Труа состоялось соглашение о том, что Адам поселится отныне в ее особняке, и она будет продолжать его «воспитание» под контролем самого профессора.

VI. Университет на дому

Адам переселился и сразу перевернул вверх дном дом де Труа. Самым несчастным чувствовал себя хозяин дома.

— Можете себе представить, что значит жить в одном доме с тигром, — говорил Бернард де Труа своему компаньону по торговле, — я стараюсь избегать этого дикаря, но сами посудите, возможно ли избежать встреч, живя под одной крышей. Кто знает, что у него на уме. Он может убить, сломать несгораемый шкаф, поджечь дом... Я теперь не обедаю дома, возвращаюсь через боковой ход, прямо в кабинет, закрываю дверь на два замка и не сплю всю ночь.

— Но неужели нельзя отделаться от этого жильца?

Де Труа безнадежно махнул рукой.

— Пока у жены не пройдет эта блажь, — никак.

Адам по утрам занимался с Клотильдой чтением и письмом, а вечерами поступал на «выучку» к ее брату Пьеру.

Общество молодого веселого офицера ему нравилось больше, чем занятия с Клотильдой. Адам охотно занимался с Пьером и удивлял своего учителя необычайно быстрыми успехами. За какой-нибудь месяц Адам прекрасно выучился езде на велосипеде, управлению автомобилем, гребле, боксу, футболу.

Правда, его бешеная езда на автомобиле кончалась многочисленными штрафами, но для Пьера это не имело значения, пока «в руках сестры», как он говорил, был «ключ от кассы Бернарда де Труа».

В боксе и футболе Адам немало перекалечил людей своими сокрушительными ударами. Футбольный мяч, пущенный его ногой, разил с ног, как бомба. Однако, успех его признавали лучшие спортсмены. Он делался знаменитостью на поприсе спорта.

На несчастье Адама, Пьер просвещал его не только в области спорта.

Нередко вечерами молодой офицер переодевался в штатское платье, брал с собой Адама и отправлялся куда-нибудь на Монмартр шататься по кабачкам в поисках приключений. Пьер возбуждал ссоры, затем натравлял Адама и наслаждался эффектом «избиения младенцев». Адам, возбужденный вином, разбрасывал наседавших на него кабацких драчунов, как медведь щенят. Хмель сбрасывал с него тонкую лакировку «цивилизации», первобытные инстинкты прорывались наружу, и он становился действительно страшным в эти минуты.

Пьер был отставлен Клотильдой, она стала заниматься с ним одна.

— Ну-ну, посмотрим, что сделаете вы вашим «облагораживающим женским влиянием»? — говорил с иронией обиженный Пьер.

Однако, он скоро должен был признаться, что Адам заметно изменился к лучшему.

Клотильда часто гуляла с Адамом пешком, и дело обходилось без всяких приключений. Адам вел себя хорошо.

Что иногда смущало Клотильду, так это вопросы Адама, совсем простые, но на которые, однако, ей трудно было ответить.

То он спрашивал, считать ли своим «ближним» медведя и не надо ли и ему подставлять, если ударит, «другую щеку». То, увидев на улице голодного нищего рядом с разносчиком пирожков, Адам самочинно кормил нищего и заводил споры о «чужом» и «собственном», явно не воспринимая «основ экономики» и настаивая на том, что голодных больше, чем полицейских.

Такие разговоры будили в Клотильде какое-то тревожное чувство. И однажды, видя, что Адам идет, понутив голову, очевидно, размышляя над каким-то новым вопросом, Клотильда решила: его надо развлечь. С ним уже можно бесстрашно пойти в театр. Надо будет показать ему какую-нибудь хорошую классическую пьесу.

VII. Спасенная Дездемона

Адам сидел с Клотильдой де Труа в ложе первого яруса, недалеко от сцены.

Когда поднялся занавес, Адам тихо вскрикнул от неожиданности.

— Стена ушла...

— Сидите тихо, — наставительно сказала Клотильда, — не шумите.

— Буду, — по своему обыкновению ответил Адам.

Шла трагедия Шекспира «Отелло».

Адам смотрел на зрительный зал, погруженный во мрак, на яркие огни рампы, на верхние ложи.

— Смотрите туда, — указала Клотильда веером на сцену.

Адам посмотрел и «туда», но видно было, что театральное представление не захватывает его внимания. Клотильда переоценила развитие Адама. Стихотворная речь трагедии, с условной расстановкой слов, певучая дикция французской театральной школы затрудняли понимание. Адам

воспринимал только внешнюю сторону спектакля: краски и телодвижения.

Несколько оживило его только столкновение отрядов Бранцио и Отелло во второй сцене. А в третьей сцене первого акта он уже нетерпеливо возился на месте и вздыхал: ему надоело сидеть в театре.

Но вот вышла Дездемона, роль которой играла артистка с мировым именем. Ее обаятельная внешность, ее костюм и, главное, ее волнующий голос произвели чудо: Адам вдруг обратился весь в зрение и слух. Он так и впился глазами в сцену, не сводя с Дездемоны глаз. Когда она ушла, Адам вздохнул и с тревогой спросил Клотильду:

— Куда она ушла? Она еще придет?

Клотильда улыбнулась:

— Придет. Только сидите тихо.

— Как ее зовут?

— Дездемона.

И Адам стал тихо повторять:

— Деждемон... Деждемон... Дежде-мон...

Спектакль вдруг приобрел необычайный интерес. Адам жил появлением Дездемоны, страдал от нетерпения, когда она уходила со сцены. Он по-прежнему понимал едва ли более одной десятой из того, что говорили на сцене, но каким-то новым для него чутьем он довольно верно оценивал людей в зависимости от их отношений к Дездемоне. Отелло, вплоть до пробуждения в нем ревности, возбуждал симпатии Адама, также как и Кассио. Родриго — не нравился, Яго он возненавидел.

Когда Отелло в первый раз грубо крикнул на Дездемону: «Прочь с глаз моих», Адам глухо заворчал. С этого момента он ненавидел уже и Отелло.

Приближалась трагическая развязка. Дездемона, у себя в спальне, поет грустную песенку:

Бедняжка сидела в тени сикоморы, вздыхая.
О, пойте зеленую иву...

Когда Отелло вошел к Дездемоне, готовый удушить ее,

Адам вдруг весь насторожился, как в самые опасные моменты охоты. Его глаза, с сухим блеском, следили за каждым движением Отелло, мускулы напряглись, голова ушла в шею. Пальцы впились в бархатную обшивку барьера ложи.

Мольбы Дездемоны, гнев Отелло, — все это было понятно ему без слов. Наконец, в тот момент, когда Отелло стал душить Дездемону, нечеловеческий рев раздался в театре, — рев, который не предвидели ни Шекспир, ни режиссер, ни публика.

Из темной глубины ложи выросла фигура огромного человека. Одним прыжком перелетел он через оркестр на сцену, подбежал к актеру, игравшему Отелло, оторвал его от Дездемоны, повалил на пол и стал душить, душить самым настоящим образом.

Из-за кулис на помощь Отелло бросились пожарные, рабочие, актеры. Среди этой свалки Адам не выпускал из виду Дездемону. Вдруг он заметил, что Дездемона поднялась и уходит.

Адам моментально оставил почти бездыханного Отелло, разбросал насевших на него пожарных, Яго, рабочего и Кассио, побежал за Дездемоной, подхватил ее, как перышко, на руки и тем же путем, через оркестр, возвратился в ложу.

Здесь он усадил Дездемону и стал гладить ее по голове, как ребенка, и ласково, прерывающимся голосом, говорил: — Сиди со мной, Дездемон. Тебя никто не обидит. Сиди, будем смотреть вместе туда, что будет дальше.

И Адам, в полной уверенности, что он смотрит продолжение спектакля, следил за поднявшейся на сцене и в зрительном зале суматохой.

Клотильда, бледная, поднялась и в изнеможении вновь опустилась в кресло.

— Адам, — воскликнула она, — отпустите сейчас же Дездемону, и едем домой.

Но Адам посмотрел на нее так, что ей стало жутко.

— Нет, — твердо ответил он. — Нет. Ее убьют. Я никому не отдам ее...

Дездемона трепетала от страха в сильных руках Адама...

Клотильда теряла голову. Неужели разразится новый скандал? Но она нашла и на этот раз.

– Не волнуйтесь, прошу вас, – обратилась она к артистке, говоря так быстро, чтобы Адам не понял, – едем ко мне, а там я сумею вас освободить от неожиданного спасителя. Идем, Адам.

Адам послушно пошел за Клотильдой, неся на руках Дездемону. Они прошли через сцену, в боковой выход, вызвали автомобиль и вскоре были дома.

Адам ни на минуту не расставался со своей ношей. Придя в свою комнату, он бережно опустил Дездемону на пол и сказал:

– Тут никто не тронет. Я буду сторожить. – Выйдя из комнаты, он закрыл дверь и улегся, как собака, на полу, загородив дверь своим телом.

Адам не привык ложиться так поздно. Здоровый сон сразу сковал могучее тело. Когда он уснул, Клотильда, тихо ступая мягкими туфлями, вошла в комнату заключенной через дверь соседней комнаты, вывела артистку, накинула на нее свое манти и шаль и, извинившись перед нею, отправилась на автомобиле домой.

VIII. Леопард в доме

Еще только светало, когда Адам поднялся с своего твердого ложа и приоткрыл дверь в комнату.

– Деждемон! – тихо окликнул он. Ответа не было.

– Деждемон, – уже с беспокойством повторил Адам и вошел в комнату.

Комната была пуста.

Глухой крик вырвался из груди Адама. Но он еще не верил: быстро обходя все уголки и закоулки комнаты, он искал Дездемону.

Ее не было.

Рев раненого зверя раскатился по всему особняку де Труа. Адам вдруг почувствовал необычайный прилив гнева. Его душил этот гнев, гнев против города, где все ненастоящее... Ненастоящие птицы, ненастоящие звери, ненастоящие слова... И даже сама Дездемона ненастоящая. Она исчезла, оставив лишь легкий аромат духов.

Адам обезумел. Он стал ломать мебель, разбивать вазы, — все, что попадалось ему под руки. Это несколько успокоило его.

Тогда он вдруг приник к креслу, на котором сидела Дездемона, и стал вдыхать оставленный ею запах духов. От кресла он пошел дальше, по этому воздушному следу, широко раскрыв ноздри, ловя знакомый запах.

В доме уже поднялась суматоха. Всюду бегали слуги. Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы Адам так же неожиданно не убежал вниз, нюхая воздух и вытянув вперед голову, как собака-ищейка.

Клотильда, заблокировавшаяся в своей комнате, вздохнула с облегчением и начала поспешно одеваться.

Принесли утреннюю почту. Клотильда просмотрела газеты. Многие из них уже откликнулись на событие, происшедшее в театре прошлой ночью.

«Спасенная Дездемона», «Дикарь в Париже», «Опять Адам», «Пора прекратить безобразие», — пестрели названия заметок. Почти в каждой заметке, наряду с именем Адама, упоминалось и имя Клотильды де Труа.

Вошел Бернард де Труа, с тою же газетой в руках.

— Вы уже читали? — спросил он Клотильду, увидав лежащую на полу газету. — Так продолжаться не может. Нельзя жить в одном доме с леопардом.

Клотильда не возражала. Вопрос об обратном переезде Адама к профессору Ликорну был решен, и об этом сообщили профессору.

Между тем Адам, выбежав на улицу, бегал вокруг дома, пытаясь уловить запах Дездемоны. Обращая на себя внимание прохожих, он бежал все дальше, в надежде напасть, наконец, на след. Не зная города, каким-то чутьем нашел

он театр. Но театр был закрыт... Обежав несколько раз здание, Адам вновь отправился рыскать по улицам...

Только поздно вечером он вернулся в особняк де Труа, усталый, голодный и озлобленный.

С этого дня Адам сделался настоящим несчастьем дома. Почти все ночи он выл, как в первые дни приезда в Париж, несмотря ни на какие увещания Ликорна, а днем он пропадал на улицах в поисках Дездемоны. Он не знал, что напуганная артистка на другой же день выехала из Парижа, чтобы случайно не попасться ему на глаза. Когда он возвращался домой, весь дом замирал в ужасе. Обитатели особняка сидели, в тревожном ожидании, в запертых комнатах, и лишь изредка бесшумно, как тени, прокрадывались по коридору.

Адам был раздражителен и никого не хотел видеть. Даже Ликорна он встречал угрюмо и не отвечал на вопросы, чем очень огорчал профессора. Еще так много интересных тайн надо было вырвать у первобытного человека для науки.

Только для двух существ Адам делал некоторое исключение: для своей собаки Джипси и Анатоля.

Что-то вроде улыбки появлялось на похудевшем и побледневшем лице Адама, когда он видел Анатоля. И мальчик ценил эту привязанность. Детским чутьем он понимал трагедию Адама, оторванного от родных гор и брошенного в кипящий котел большого города.

— Уйдем с тобой, — не раз говорил Адам, — туда, далеко... — И в этом «далеко» было столько глубокой тоски, что Анатолий детской лаской пытался утешить своего большого, сильного и в то же время беспомощного, как ребенка, друга.

«Далеко» — это слово было так же дорого и недоступно Адаму, как и Дездемона. В его душе накопал глухой протест, и этот протест, наконец, прорвался наружу.

IX. Бегство

Был званный вечер. Один из тех, которыми славился дом де Труа. Среди приглашенных по строгому выбору были «нужные люди» из министерских и банковских верхов со своими женами. Огромные комнаты утопали в тропической зелени. Живые цветы украшали столы, десятки слуг заканчивали последние приготовления. Все общество, в ожидании обеда, разместилось в обширном салоне

Де Труа был доволен. Одна только туча омрачала Бернарду этот блестящий праздник: Адам... Только бы он не вздумал прийти. Но он пришел. Пришел перед самым концертным отделением, мрачный и молчаливый. Ни с кем не поздоровавшись, он уселся в уголке.

Приглашенная знаменитая певица села за рояль, — она сама аккомпанировала себе. Случайно или умышленно, но артистка запела песнь Дездемоны:

Бедняжка сидела в тени сикоморы, вздыхая.
О, пойте зеленую иву...

Адам окаменел... Он не представлял себе, что песнь Дездемоны могут петь другие так точно, как будто это поет она сама. Потом он вдруг задрожал с головы до ног. Лицо его исказилось судорогой страдания. Он схватил себя за голову, потом вдруг закричал так, что зазвенел хрусталь на люстрах.

— Не надо!.. — и, подбежав к роялю, ударил по крышке, которая с треском и звоном струн разломилась. Адам со стоном выбежал из салона в коридор. В коридоре, у двери в свою комнату, стоял Анатолий. Адам на лету подхватил мальчика.

— Бежим... В горы... Скорей...

У бокового выхода, на улице, стояло несколько автомобилей. Адам выбрал самую сильную машину и, сбросив шофера, уселся на его место, посадив рядом с собой Анатолия

и Джипси. Автомобиль сразу рванулся и помчался с бешеной скоростью по улицам Парижа...

Х. Небо над головой

Скандал в доме де Труа был подхвачен и раздут газетами, живущими на сенсациях. Высокие посетители званого ужина де Труа, возмущенные поведением Адама, с своей стороны нажали кнопки, чтобы поднять газетную кампанию против белого дикаря. Адам сделался печальным героем дня.

И, как это часто бывает, под влиянием газетной шумихи, общественное мнение, до сих пор снисходительно следившее за чудачествами и выходками Адама, вдруг вооружилось против него. Газеты требовали немедленного ареста Адама и содержания его в строжайшей изоляции.

Адам ничего этого не знал. С бешеной быстротой промчался он по улицам Парижа и вздохнул, наконец, всей грудью, когда перед ним развернулись загородные поля, пересеченные лентой шоссе.

— Где горы? — спросил он Анатоля.

Задремавший Анатолий не мог сразу сообразить, где он и о каких горах спрашивает Адам. Вспомнив о бегстве, мальчик вдруг почувствовал радостное, волнующее и жуткое чувство. Не раз мечтал он о бегстве в далекие страны в поисках приключений. И вот теперь мечта его осуществляется.

— Горы, — ответил он Адаму, — есть: Пиренеи, Альпы... Я видел Альпы... Их вершины всегда покрыты снегом...

— Едем к Альпам! — в волнении произнес Адам.

— Но это далеко... И потом... Нас могут задержать в дороге.

— Нет, мы далеко... — беспечно ответил Адам.

— А телефон? Полиция по телефону даст знать во все города, и нас могут задержать.

Адам этого не ожидал. Он знал, как укрываться от опасностей среди диких скал, покрытых снегом и хвойными лесами, но как спастись от телефонов?!

Анатолий оказался прав. Уже в Корбеле, куда они въехали на рассвете, их пытались задержать.

Адам развил бешеную скорость и прорвал цепь полицейских, которые принялись стрелять им вслед, метя в шины автомобиля. Одна из них была прострелена.

— Посмотри, видна ли погоня! — крикнул Адам через плечо Анатолию.

— Сейчас нет, отстали...

Адам неожиданно остановил машину, схватил Анатолия одной рукой, вынул из автомобиля, спустил на землю и помчался один на шоссе.

— Адам! Адам!.. — кричал ему вслед брошенный Анатолий, плача от огорчения и неожиданной измены друга.

Адам не повернул руля автомобиля на крутом повороте дороги, и вдруг, с разбега, врезался в реку, поднимая каскады брызг. Джипси завизжала от страха... Брызги, пар и пузыри поднялись над водой. Река спокойно несла свои воды, только кругами расходились волны от того места, где вода бесследно поглотила автомобиль с человеком и собакой.

Анатолий в оцепенении стоял под начавшимся дождем. Но это длилось несколько мгновений, хотя они и показались Анатолию бесконечно долгими. Скоро на поверхности воды показалась мокрая Джипси, фыркая от попавшей в нос воды, а вслед за собакой и Адам. Он вынырнул из воды и в три взмаха могучих рук был у берега. Адам и Джипси одинаково отряхнулись от воды. Адам подбежал к Анатолию, посадил его на шею и, не говоря ни слова, побежал к кустам.

— Тихо. Сиди. Пригнись.

Не успел Анатолий прийти в себя, как на шоссе послышались звуки автомобиля. Через несколько минут автомобиль с полицейскими промчался по направлению к Мелэну.

Когда машина скрылась из глаз, Адам начал прыгать.

Анатолий, наконец, понял военную хитрость своего друга. Дождь смыл следы автомобильных шин, и полицейские не заметили его исчезновения. На этот раз они были спасены.

Пора было подумать о завтраке. Анатолию нестерпимо хотелось есть.

— Сиди, я скоро приду, — сказал Адам и пошел вдоль прибрежных кустарников.

Прошел томительный час, прежде чем Анатолий услышал свист приближавшегося Адама.

Адам нес двух кроликов и, прикрывая полою, куски сухого дерева. Он бросил убитых кроликов, которых стал обнюхивать Джипси, и стал добывать огонь, натирая один кусок дерева другим. В железных руках Адама работа двигалась быстро. Скоро Анатолий почувствовал запах гари, показался дымок, еще несколько быстрых, сильных ритмических движений, — и вспыхнуло пламя. Зажаренное на костре кроличье мясо Анатолий ел с аппетитом. Подражая Адаму, он разрывал куски мяса руками.

Дождь перестал. Выглянуло солнце и высушило одежду беглецов. Анатолий, усталый от всех пережитых волнений, сладко уснул. А Адам лежал на земле и, не отрываясь, смотрел на небо.

Наконец-то небо над головой вместо этих противных мертвых белых потолков, где нет ни птиц, ни солнца, ни звезд, ни свежего дыхания воздуха.

Адам мечтал о скором свидании с горами. Хотя и не родные, но все же горы. И он был счастлив впервые за все время с тех пор, как спустился с гор в долины, где живут, в тесноте и суете, эти странные люди, которые предпочитают каменные ящики простору земли и неба.

Потянулись счастливые дни вольной, бродячей жизни. Днем беглецы спали в зарослях у реки, ночью продвигались на юго-восток, где, по указанию Анатолия, были горы.

Адам умел спать и в то же время следить за каждым звуком. Когда звук казался ему угрожающим, уши спящего Адама начинали усиленно двигаться, и скоро он просыпался. И им удавалось ускользать от встречи с людьми.

Однако, судьба отмерила на долю Адама немного этих счастливых дней. Путем опроса жителей полиция скоро определила место исчезновения автомобиля. Преследователи все более суживающимся кольцом окружали беглецов.

Одним ранним утром им пришлось спастись бегством на глазах полиции. Они укрылись в лесу и несколько часов провели на вершине дерева, скрытые густыми ветвями, глядя сверху на своих врагов, шарящих по лесу.

Все труднее было добывать пищу, — кур и кроликов, которых Адам ловил около ферм. Главное же, он чувствовал, что им не уйти от цепких лап полиции, и тогда — опять неволя... Одна эта мысль приводила его в содрогание...

XI. Конец Адама

На рассвете серого дня Адам возвращался к Анатолю и Джипси, нагруженный молодым барашком.

Вдруг он насторожился. Его уши пришли в движение. Ему послышался отдаленный, тревожный лай Джипси и испуганный крик Анатоля, призывавшего на помощь.

С раздувающимися ноздрями Адам бросился к чаще кустарников, росших недалеко от шоссе, где он оставил Анатоля.

Полицейские несли к автомобилю отбивавшегося и плакавшего Анатоля. Джипси надрывалась от лая.

Бросив барана, Адам в несколько прыжков оказался у автомобиля. Он схватил одного полицейского за шиворот, поднял над головой, сделал круг в воздухе и отбросил далеко в кусты.

Три дюжих полицейских набросились на Адама. Завязалась борьба. Адам отбросил их от себя. Они хватали его за руки и повисали на них. Один из полицейских, с профессиональной ловкостью, пытался надеть Адаму ручные кандалы, и это ему удалось. Но Адам разорвал кандалы, хотя поранил в кровь руки у кистей, и вслед за тем, озлобленный болью, он набросился на полицейского и вонзил ему в

шею свои острые зубы. Второй из нападавших выбыл из строя... Тогда начальник маленького отряда, видя, что без применения оружия Адама не захватить, выстрелил из револьвера. Пуля попала в плечо Адама, на котором медвежьих когти оставили рубцы, и раздробила плечевую кость.

Адам взвыл от боли, но продолжал отбиваться здоровой рукой. Однако сильное кровотечение все больше ослабляло его.

Полицейские вновь набросились на него и после нескольких неудачных попыток вновь сковали ему руки. Адам дернул цепь и застонал от боли. Его повалили, крепко связали, бросили в автомобиль, где уже сидел бледный от страха Анатолий, подобрали раненых и быстро двинулись в путь.

Джипси, с отрывистым лаем, гналась за исчезающим автомобилем...

Адам был помещен в одну из камер, предназначенных для буйных помешанных. Стены комнаты были обиты мягким войлоком, на окнах – решетки. Тяжелая дверь – на железном засове.

Адаму сделали перевязку и оставили одного. Он рычал, бросался к двери, согнул решетку на окне. Он безумствовал целый день, а ночью так выл, что приводил в содрогание даже привыкших ко всему санитаров.

К утру он утих. Но когда ему подали в дверное окошко завтрак, – не решаясь еще войти, – он только выпил несколько глотков чая, а завтрак выбросил в коридор.

Адам кричал и, как зверь в клетке, ходил, не переставая ни на минуту, тяжело вздыхал и от времени до времени громко и протяжно кричал, призывая Дездемону, Анатолия, Джипси... Иногда звал и Ликорна.

Он был один, совершенно один в этом тесном ящике, где было так мало воздуха для его легких и куда заглядывало солнце только через толстые прутья решетки, бросая от нее решетчатую тень на белую стену.

На третий день Адам затих. Он перестал ходить. Сел на пол, в углу, спиной к свету, положил подбородок на поднятые колени и будто околел. Он уже никого не трогал. К нему входили врачи и ученые, но он сидел молча, не от-

вечая на вопросы и не двигаясь. И по-прежнему ничего не ел, но жадно пил.

Адам начал необычайно быстро худеть. По вечерам его стало лихорадить. Он сидел, стуча зубами, покрытый холодным потом. Скоро его начал мучить кашель, и во время приступов кашля все чаще стала показываться кровь.

Врачи качали головами.

— Скоротечная чахотка... Эти горные жители так трудно приспособляются к воздуху долин...

Однажды вечером, после жесточайшего приступа кашля, кровь вдруг хлынула из его горла и залила весь пол комнаты. Адам упал на пол. Он умирал...

Когда он пришел в себя после обморока, он тихо и хрипло попросил доктора:

— Туда... — и он указал глазами на дверь.

Доктор понял. Адам хочет на воздух. Быть может, в последний раз взглянуть на небо. Он задыхался. Но разве можно выносить тяжелого легочного больного в сырую осеннюю ночь на воздух, под морозящий дождь!

Доктор отрицательно покачал головой.

Адам посмотрел на него жалобными глазами умирающей собаки.

— Нет, нет. Вам вредно, Адам... — и, обратившись к санитару, доктор отдал приказание:

— Подушку с кислородом...

Кислород продлил мучения Адама до утра. Утром, когда бледный луч солнца осветил белую стену, нарисовав на ней тенью решетку окна, что-то вроде улыбки, такой же бледной, как этот луч, мелькнуло на губах Адама... У него началась агония. Он изредка выкрикивал какие-то непонятные слова... Ни одного французского слова он не произносил.

В десять часов двадцать минут утра Адам умер. А в час дня было получено официальное извещение о том, что Адама необходимо выписать из больницы, так как решено отправить его в Гималаи...

— Все таки он хорошо сделал, что поспешил умереть, — не скрывая радости, говорил прозектор, приступая к анатомированию трупа Адама.

Ни один труп не был так тщательно препарирован. Все было измерено, взвешено, тщательно запротоколлено и за-спиртовано. Вскрытие дало много чрезвычайно интересного. *Apendix** был очень больших размеров. *Musculus erectus cocigum*** ясно выделялся, мышцы ушей были очень развиты. Мозг... О мозге Адама профессор Ликорн написал целый том... Скелет Адама был тщательно собран, помещен в стеклянную витрину и поставлен в музей, с надписью:

Homo Himalajus

В первые дни в музей, у витрины со скелетом Адама, толпилось много народа. Среди посетителей любопытные взоры отметили Клотильду де Труа и знаменитую артистку...

Адам перестал быть опасным для «культурного» общества и стал служить науке...

---

* Отросток слепой кишки.

** Мускул, приводящий в движение хвост. У человека этот мускул исчез (атрофирован). Только у некоторых сохранились его едва заметные признаки.

Михаил Грешнов

ПОСЛЕДНИЙ НЕАНДЕРТАЛЕЦ

Рис. Б. Алимова

Сейчас, когда три удивительных дня, болезнь и госпиталь позади, я хочу наконец рассказать о моей встрече с неандертальцем. Правда, семьдесят часов, проведенных с ним, и два месяца бреда на госпитальной койке перемешали в памяти картины действительного и фантастического, и мне еще долго нить за нитью придется распутывать эту историю...

Итак, с чего началось?

Тедди Гойлз сорвал с себя кислородную маску: так он делал всегда, когда у него являлась потребность чертыхнуться. Что последует дальше, я знал.

— Черт побери, — сказал он. — С тех пор как ловкач Хиллари взобрался на Эверест, лазанье по горам потеряло для меня всякую прелесть. Поднимись я на десять вершин и если каждая хоть на метр ниже Эвереста — это уже не даст ни славы, ни денег! Три строчки где-нибудь на последней полосе «Нью-Йорк таймс», и все!..

Говорить было трудно: сухой, прокаленный морозом воздух обжигал легкие, но Тедди уже не мог остановиться:

— Три строчки! Хватит!.. Больше меня не заманишь ни в Гималаи, ни в Анды. Ты, конечно, другое дело — ученый. А собственно, что это принесет тебе? Дашь имя еще одной никому не нужной вершине?..

Дурак этот Тедди. Четвертую вершину мы одолеваем не для того, чтобы дать ей название. В моем рюкзаке счетчик космических ливней. Три счетчика уже установлены; эта последняя вершина замкнет квадрат со стороной в сто километров. Автоматы позволят узнать интенсивность потока корпускул, степень естественной радиации на высоте двадцати тысяч футов. Не объяснять же этого Тедди сейчас... Говорить с ним невыносимо. Лучше глядеть на горы.

Вид отсюда великолепный. Гималаи огромной дугой простерлись на запад и на восток; дуга выгнута к северу, точно сдерживает натиск воздушных волн...

Последняя палатка на шестьсот метров ниже нас, ее не видно: при подходе к вершине мы обогнули скалу с северной стороны. Глянешь вверх — кружится голова, и кажет-

ся, что висишь в центре синего шара, синева втягивает в себя, оторвешься — и растаешь в зачарованной глубине...

Тедди на минуту смолкает. В сущности я почти не знаю этого парня. Как он попал в экспедицию? Из-за своей бычьей силы или как сын председателя «Юнайтед Индиен бэнк»?.. Единственное, в чем ему не откажешь, — в выносливости. Недаром его назначили в последнюю пару.

— Шагнем! — говорит он, утаптывая страховую площадку. — Плюнем сверху на паршивые Гималаи, а там — в яхт-клуб, в футбольную команду, хоть в биржевые маклеры, лишь бы подальше от горных красот...

Вонзив ледоруб между камнями, он пропускает меня вперед. До вершины отсюда тянется чистый, обдутый ветрами наст. Слева сахарная поверхность — ее можно тронуть рукой, справа — обрыв...

Шуршит хвост альпийской веревки, которую травит Тедди. Она скользит по снегу и поет тоненько, как фарфор, когда по нему осторожно проводишь пальцем. Это создает особенное настроение. Последние метры перед вершиной всегда особенные. Забыта усталость, не давит плечи рюкзак. Еще шаг, один шаг — и победа! Но осторожнее: прощупывай каждый дюйм. И не поднимай глаз! Высота...

...Что-то треснуло, расколосось, как под алмазом стекло. Мгновенный зигзаг пробежал по снегу, белое одеяло дрогнуло, поползло... Заваливаясь головой вниз, вижу поверхность склона: она курится ослепительным дымом, вспучивается, бурлит... Сейчас веревка натянется, меня качнет по дуге, как маятник, гвоздь крепления которого — Тедди. И точно — рывок...

В тот же миг что-то лопается во мне, как кровеносный сосуд. Взмывает конец веревки, струной повисает в воздухе. Меня переворачивает, швыряет, кружит, погружает в снег, выбрасывает из снега и тянет вниз. Тщетно хватаю снежные комья, они вспыхивают в руках белым дымом... Рюкзак то оказывается перед глазами, то колотит меня по спине. Кругом стон и шелест, небо и горы пляшут, солнце шарахается вверх и вниз. Но страха почему-то не чувствую: каждый толчок сигнализирует мне, что я жив, и я жду

следующего толчка, чтобы убедиться, что еще жив. И если я не стерт в порошок, то, наверное, потому, что нахожусь на самом верху лавины. Так продолжается до бесконечности... Но вот меня с силой ударяет о снеговую подушку, бросает ногами вперед в сугроб...

Сознание возвращалось ко мне медленно. Сначала я почувствовал боль во всем теле. Потом ощутил, что лежу не в сугробе, руки и ноги мои свободны. Вокруг тишина. Лавина заглохла, опасности нет... Тишина удивительно мягкая.

И вдруг в тишине кто-то дышит. Склоняется надо мной, сдерживает дыхание. Зверь?.. Открываю глаза и в упор встречаю точки зрачков — колючих, как иглы. Горячая волна охватывает меня, приподнимает... Зрачки еще ближе. Нестерпимая боль опрокидывает меня на спину, опять все тонет во тьме...

Но как ни коротко виденное, оно осталось в мозгу. Зрачки оттенялись коричневым ободком на серых, похожих на мрамор белках; над ними — выдвинутые вперед брови, слитые в общий надглазный вал, и за ним — ничего: лба нет... Коричневая, собранная в морщины кожа. Губы едва прикрывают зубы, плоский нос, подбородок скошен, шеи нет, голова приросла к плечам... И все же это не морда зверя, это лицо!.. Больше того: оно покривилось, придвинулось ко мне, губы раскрылись:

— Йа-а...

Никогда в жизни я не встречал такого лица!.. Может быть, это бред, нахлынувший вместе с обмороком? А если не бред?..

И еще краешком глаза я заметил, что лежу в ущелье. Небо над ним точно река, несущаяся в вышине...

Очнулся я от ударов камня о камень. Рядом никого не было. С трудом поднимаюсь с земли и, держась за камень, делаю несколько шагов по ущелью. Вижу его. Он сидит на земле и ест.

Отрывает куски от туши, в сумерках не могу различить, что перед ним: горный баран?.. Кости дробит на камне... Я

смотрю на него, пока он не оборачивается ко мне. Тогда я сползаю с камня на землю.

Пытаюсь собраться с мыслями: как я сюда попал? Один в ущелье я прийти не мог. Меня кто-то привел или принес. Он?.. Рядом рюкзак, веревка... Несколько минут я занят веревкой. Конец ее не разорван, не перетерт. Он отрезан ножом. Гладко и чисто — одним ударом... Почему-то не удивляюсь: уж очень хотелось Тедди в яхт-клуб, и только...

Спиной ощущаю камень. Это приятно: спина болит, холод камня успокаивает боль... В ущелье темнеет, а вершины горят на солнце. Небо синее, с лиловатым оттенком — такое оно в Гималаях, когда предвещает долгую безветренную погоду... Будут ли меня искать? Тедди, конечно, скажет, что я погиб.

От размышлений меня отвлекли шаги. Это он. Подходит, протягивает что-то. Пальцем ощущаю липкое и холодное.

Мясо. В первый момент хочу отшвырнуть кусок, но сдерживаюсь, беру. Слышу сопение, шаги удаляются. А я держу и не могу бросить мясо, будто оно приросло к рукам. Этот кусок с шерстью и кожей — не только дар и не только пища, это акт человечности. Зверь мог найти меня на снегу, мог притащить в логово, мог пренебречь мной как добычей. Но спасти и накормить слабого может только человек.

Теперь я не боюсь.

Встаю и, волоча за собой рюкзак, иду туда, где он ел. Он еще там. Останавливаюсь шагах в трех от него:

— Можно с тобой... Адам?

Молча он принимает имя, сорвавшееся у меня с губ. Молча укладываемся на ночь.

Утром готовлюсь идти с Адамом. Веревку я бросил. Из рюкзака вынул счетчик, теперь ненужный, чтоб не давил плечо...

Мы вышли из ущелья навстречу солнцу. Впереди был пологий спуск в долину, зажатую между хребтами, позади снег, заваливший расселину. До ущелья, которое мы покинули, лавина не дотянулась. Под ногами у нас расстился луг, там и тут виднелись родники, питавшие водой травы и заросли невысоких кустов. Адам шел не торопясь, и, пока мы двигались вниз, поспевать за ним было нетрудно. На ходу он раскачивался, как моряк на палубе корабля, ноги ставил тяжеловато, но твердо, руки его свисали ниже колен.

Утро было временем его завтрака, и он на ходу вырывал из земли корни растений и ел. Находил он их по запаху или процесс собирания был механическим? Меня удивило, что Адам при этом ни на секунду не останавливался: без труда, без усилий он непрерывно наклонял немного корпус то вправо, то влево. Был своеобразный ритм в этих покачиваниях, напоминавших танец, наподобие ритуальных движений первобытного земледельца. Я тоже попытался было так же, как Адам, вырвать растение, но у меня, конечно, ничего не получилось: мешал рюкзак, бо́льшая

рука, стебель отрывался, а корень оставался в земле... Я ошибся, решив, что собирание не требовало труда. Еще какого труда стоило мне выкопать корешок, когда я специально задался этой целью. Корешок получился мятый, истерзанный и не вызывал аппетита. К тому же я отстал от Адама, пришлось догонять его. Наверное, даже зная все съедобные корни, я не сумел бы позавтракать таким способом — требовались сноровка и опыт, как у Адама.

В тот же день я видел, как Адам добывает мясо. Было это после полудневной лежки.

Похоже было, что день у Адама спланирован в голове: утро — время завтрака, в полдень — продолжительный отдых, вечером — опять добывание пищи, охота. И в пространстве Адам ориентировался явно сознательно. Мысль о блуждании наугад я решительно отвергаю. Возможно, у него свой район — «плантации» и «охотничьи угодья»; грецкий орех, желуди, корни и травы, охота дают ему достаточно пищи, жильем служат скалы и заросли. Адам явно не новичок в этих местах.

Мы спустились с лугов, миновали несколько ореховых рощ и проходили мимо такой же, ничем от других не отличавшейся, как вдруг Адам остановился, раздвинул ветви и полез в гущину. Это было кстати для нас обоих: шерсть на его спине взмокла от пота, я еле передвигал ноги. Вслед за ним полез в чащу и я. Здесь было прохладно и зелено. Мы уснули. (Вообще я заметил, что Адам много спит. Сказывается ли здесь высота или необходимость быстро восстанавливать силы, но если Адам не в движении, он дремлет или засыпает совсем.)

Я не боялся, что Адам воспользуется моим сном и уйдет. Стоило ему захотеть, он скрылся бы от меня в первой расщелине. Но этого не случилось. Почему? Испытывал ли он ко мне своего рода симпатию или не замечал вовсе? Первое для меня было приятнее, хотя я не мог понять, чем внушаю ему доверие. Тем, что беспомощен, безоружен?

Первым проснулся я и, наверное, хрустнул веткой, когда повернулся взглянуть, здесь ли мой спутник. Адам бесшумно приподнялся, повел головой — при этом плечи его

вместе с головой качнулись вправо и влево, — так же бесшумно встал на ноги, вышел из чащи. Я продрался за ним. Он уже был метрах в двадцати. Шагал он широко, даже руки раскачивались сильнее.

Но вот кусты кончились. Адам пошел медленнее. Я тотчас догнал его. Перед нами была лощина, заросшая травами, — маленький зеленый оазис, затерявшийся в горах. Солнце садилось позади нас, освещало желтые скалы. Зеленень и желтизна, запах цветущих трав смешивались, и лощина казалась заполненной свежим прозрачным медом. В устье лощины горбами высились камни. Чем ближе мы подходили к ним, тем осторожнее становились шаги Адама, вкрадчивее движения. Я подумал, что Адам боится чего-то, может быть зверя. Но это было не так: он охотился.

Вдоль лощины тянулась тропа, выбитая копытами. Здесь проходили стада горных козлов. Адам, видимо, знал эту тропу, знал, когда животные спускаются к водопою. Подойдя к лощине, он пригнулся к земле, и его не стало видно среди камней. Я тоже присел за камень.

Тянул слабый, прохладный по-вечернему ветерок. Ни один звук не нарушал тишины. Солнце ушло за горы. Желтые осыпи стали оранжевыми, потом красными, потом бурыми. Но воздух был настолько прозрачный, что предметы даже на большом расстоянии можно было рассмотреть, как сквозь увеличительное стекло. Я видел горловину ущелья, тропинку, камни, в которых залег Адам. А вот когда подошли животные, я не видел. Внезапно среди камней во весь рост встал Адам и метнул — мне показалось — глыбой в траву. Тут же он прыгнул в направлении, куда полетел камень, и через секунду я услышал резкий крик животного: горный козел бился в руках Адама.

Вечером мы разговариваем.

— Не обижайся, — говорю я Адаму, — сырое мясо мне не подходит.

— Йа-е... — неопределенно откликается Адам, глядя, как я мешаю варево. К счастью, у меня сохранились таблетки

сухого спирта и дюралевый футляр от счетчика, который я использовал вместо кружки.

Адам и сегодня поделился со мной добычей. Теперь его интересует голубое пламечко и весь комплекс движений, которые я совершаю над металлической банкой. Костер я не развел, полагая, что огонь испугает Адама. Спирт дает мало тепла, и приготовление супа затягивается. Адам время от времени дремлет. Мне хочется угостить его варевом, и, чтобы он не заснул, я развлекаю его разговором:

— Соли у нас нет. Но все равно суп получится, бульон... — Время от времени я вынужден отвлекаться от дюралевой миски, плечо у меня распухло, левую руку я поддерживаю здоровой правой; сидим мы под навесом скалы, в нише, выдолбленной ветром или морозом. — Вот если бы ты полечил мне руку, — говорю я Адаму. — Плечевой сустав, кажется, вывихнут. Но ты, пожалуй, ничего не сделаешь...

— Уф-ф... — вздыхает Адам.

Мне нравится это «уф-ф...». Адам покладистый малый. Жаль, что большего сказать он не может. Есть ли у него сородичи, где они? Почему он бродит один, где бывает зимой? А ведь Адам немолод: в бороде его седина, на голове и на груди тоже седые волосы...

Но вот суп готов. Адам наблюдает, как я, обжигая пальцы, вынимаю из банки мясо, стужу на листьях бадана.

— Сейчас, — говорю я. — Пусть только остынет.

Выкладываю перед ним галеты и шоколад — весь свой аварийный запас.

Вареное мясо Адам не ест. К банке с бульоном не прикасается. Галеты не принимает; днем я пытался угостить его галетами, он и тогда не взял. Может быть, они кажутся ему пыльной галькой? Зато шоколад Адаму по вкусу. Он долго разжевывает кусочки, причмокивает губами.

На рассвете возобновляется кружение по горам. Мы поднимаемся выше, все повторяется: те же луга, те же поиски еды. Мы идем из одной лощины в другую, через луга, ручьи, завалы камней. Я не обращаю на них внимания. Я занят собой и своей болью. Из нижней рубахи я сделал

перевязь для руки. Когда несу руку перед собой, становится легче. Впрочем, боль не проходит ни на минуту. Мне нужен отдых. Как это объяснить Адаму? Пробую морщить-ся и стонать, показываю на руку, но Адам меня не понимает.

Солнце уже высоко, жжет нестерпимо. Адам направляется вниз. Он устал, старый Адам, движения его замедленны, вялы.

Спускаться легче. Я почти наступаю ему на пятки. Вот уже близко заросли. Зачем-то Адам уклоняется в сторону, а я по инерции иду прямо. И все это время оглядываюсь: пойдет он за мной или выберет другой путь? Адам идет следом, но я вполглаза слежу за ним. Вот и кусты. Обхожу один куст, другой, чтобы веткой не зацепить руку, выхожу на поляну и... натыкаюсь на барса. Он шагах в шести от меня. Секунду разглядываю его... Все в нем красиво и совершенно: зрачки, перечеркнутые черной молнией, согнутые, готовые к прыжку лапы, нескончаемо длинная, усыпанная темными кружками спина, и еще дальше — уже в неподдающемся отдалении — белый кончик хвоста... Сейчас зверь взвоется в воздух, опрокинет, сомнет... Эта мысль пригвоздила меня к земле, лишила воли. Только в мозгу кружилось и щелкало одно слово: «конец...»

Чуть заметно барс подтянул заднюю лапу перед прыжком. В тот же миг сильные руки-клешни схватили меня и бросили на траву. Там, где я только что находился, встал Адам. Не вялый, истомленный жарой человек, а яростный зверь: глаза его сузились, на затылке и на спине поднялась шерсть... Если для меня была неожиданной встреча с барсом, для зверя не менее неожиданной была смена лиц. Вместо полумертвого от страха хлюпика, с которым можно разделаться ударом лапы, перед ним встал властелин Гималаев. Зверь взревел. Уклониться от встречи он уже не мог — весь он был как взведенная пружина. Но принимать бой с сильнейшим из всех врагов опасно, и зверь вымерял прыжок, чтобы не ошибиться — накрыть человека всей своей тяжестью. Адам пригнулся, почти присел, выдвинув впе-

ред могучие руки. Он следил за каждым мускулом зверя, точно рассчитывая свои движения и его.

Я смотрел на Адама. Я видел его в эти дни по-разному: на лугах он напоминал крестьянина, пропалывающего гряды, на охоте — охотника. Сейчас это был зверь, сильный и беспощадный.

Они прыгнули одновременно. Барс рассчитывал опуститься на человека всеми четырьмя лапами, поджав задние в те доли секунды, когда он будет в прыжке. Но в момент наивысшего взлета, когда тело зверя было распластано в воздухе, Адам оказался точно под брюхом барса и схватил его за задние лапы. И уже не дал ему опуститься на землю. Могучим движением руки он раскрутил зверя над головой и, вложив в последний рывок всю силу, ударил его головой о камень...

Нервное потрясение и болезнь вызвали у меня бред. Ночью я метался в жару, тревожил Адама, утром не мог подняться на ноги. С рассветом Адам начал мучить голод. Несколько раз он порывался идти на розыски пищи, но я звал: «Адам!», и он оставался. Наконец он сел рядом, примирившись с тем, что уйти от меня нельзя. Лицо его было сосредоточено, брови сведены. Забытье приходило ко мне, уходило, а он все сидел неподвижно.

Около полудня, когда засверкало солнце, бродившее все утро в тумане, и я лежал, отогревшись, уняв колотивший меня озноб, Адам вдруг поднялся и пошел прочь. «Адам!..» — крикнул я. В ответ зашумели кусты: Адам побежал. Меня охватило отчаяние, я пополз сквозь чащу, продираясь через кустарники, но силы поминутно оставляли меня, и, выбравшись на поляну, я уже не мог ползти дальше. Ткнулся лицом в землю и заплакал. От жалости к самому себе, от жестокости Тедди, оттого, что Адам бросил меня на краю гибели. Но что мог сделать Адам? Все, что в его силах, он сделал. Зачем ему возиться со мной? Адам — часть природы, в его понимании и я часть природы. В природе выживает сильнейший. Если я не могу двигаться, бороться, добывать пищу, я уже мертв...

...Проходили часы. Солнце поднималось все выше... Хочется пить. Всю ночь мне хотелось пить, и теперь жажда помрачает рассудок: кажется, что надо мной, а быть может, во мне самом, безостановочным кругом вращается странная черно-белая ночь. Когда всходит белая половина круга, я стараюсь как можно глубже вздохнуть, потому что черная половина тянет меня в пучину, где нет света и воздуха. И так беспрерывно — вверх-вниз, вверх-вниз...

Я зову: «Адам!...»

И Адам приходит. «Ты?» — я не верю глазам. Адам сбрасывает с плеч козленка. Козленок живой и пегий, шерстка его в солнечных пятнах... И опять начинается бред:

Адам запрокидывает козленку голову, вонзает ему в шею крепкие белые зубы... Кровь он засасывает себе в рот, и, когда щеки его отдуваются, будто за каждой по яблоку, Адам тянется ртом ко мне. «А-а-а...», — кричу я, отталкивая Адама. Но коричневое лицо надо мной, губы касаются моих губ. «А-а-а...» — чтобы не захлебнуться, глотаю теплую пряную жидкость. Она разливается жаром по моему телу и утоляет жажду... Потом я дышу, дышу и смотрю на небо: сквозь ветки и листья оно кажется зеленым, как индийский шелк...

В это время издали, из-за вершин, появляется странный звук. Очень знакомый, но я не могу определить, что это. Не шум ветра и не звон ручья. И не шелест дождя. И не рокот грома. Адам тоже слышит его и пугается.

«Вертолет!» — догадываюсь я.

Пытаюсь вскочить на ноги, выбежать из кустов. Где ползком, где на четвереньках выбираюсь на середину поляны.

— Вертолет!.. — кричу я, размахивая рукой. И падаю на землю в беспамятстве.

А потом вижу, как хлопочут надо мной люди, Люсьен Тома из нашего альпийского лагеря. Они поднимают меня, втаскивают в люк.

— Адам! — кричу я. — Адам! — вырываясь у них из рук.

— Джонни, ты бредишь, — успокаивают они меня.

— Адам!.. — Я отбиваюсь от них здоровой рукой. Но их трое, они втаскивают меня в кабину.

Позже я узнал историю моего спасения. Лавина отгрохотала на противоположной от лагеря стороне. Тедди вернулся один.

— Где Джонни? — спросили у него.

— Оборвалась веревка... — Он показал на свой пояс.

Меня искали. Обшарили склон и не нашли.

— Я видел, — утверждал Тедди, — его сразу накрыло снегом...

Ему поверили.

На вершине горы поставили счетчик, уже укладывали палатку, когда Оливер Хови увидел орла. Тот пролетал над

ущельем, унося в когтях что-то длинное, развевающееся в воздухе.

— Змея!

— Альпийский линь!..

Хови схватил ружье. Он был лучшим стрелком-охотником и сейчас на глазах у всех доказал свое мастерство. Выстрел — орел с добычей свалился вниз.

В когтях у него оказался кусок веревки, отрезанный наискось ударом ножа...

Через час Тедди уходил прочь. Ему бросили банку консервов и ледоруб. Уходил он, втянув голову в плечи и часто оглядываясь: не всадят ли ему пулю между лопатками. Но никто не хотел марать об него руки.

Тогда и вызвали вертолет.

А что же Адам?..

Передо мной десятки книг и статей о снежном человеке, непальском йети, монгольских аламасах, троглодитовых людях... Я беседовал с историками, антропологами, все они излагали мне свои взгляды, гипотезы... Все это казалось мне мало убедительным.

Но вот статья русского профессора Поршнева. Он высказывается прямо: снежный человек — вздор. Если говорить о таинственном существе, живущем в Тибете и Гималаях, то оно вовсе не обитает в снегах. Оно может пересекать снежные склоны, переходя из долины в долину, оставляя отпечатки ног на снегу. Это, утверждает профессор, остаточная ветвь человека неандертальского, реликт, который сохранился в труднодоступных местах нашей планеты...

Встреча с Адамом, проведенные с ним три дня дают мне право присоединиться к этому мнению.

Скептики — они есть и среди моих друзей — сомневаются, был ли Адам вообще. Если был, то почему один? — спрашивают они иронически. Не знаю. Да, Адам был один в этой долине, может быть вообще в Гималаях. Недаром с такой привязанностью отнесся он к человеку. Может быть, это был последний неандерталец?

В свою очередь я спрашиваю скептиков, не отказывая себе в удовольствии видеть их вытянувшиеся лица: кто вызволил меня из лавины, перенес в ущелье и после этого три дня водил по гималайским склонам? Кто убил снежного барса? Кто принес мне козленка? О козленке меня спрашивали тысячу раз, горло его было прокушено, это подтвердят летчики. У меня вывихнута рука, я был подобран в таком состоянии, что не мог убить даже мухи... Кто же это был?

Геннадий Прашкевич

Я ВИДЕЛ СНЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА

Рис. Э. Гороховского

Шерп закричал и, взмахнув руками, исчез в снежном облаке. Страх заставил меня вцепиться в гнущуюся рукоять ледоруба, но ледяная глыба переломила ее, и, перевернувшись через голову, я упал в несущийся по кулуару* снег. Только не быть засосанным! Я отталкивался, выгребал руками и ногами, скользил, обдирая лицо, а вокруг, забивая глаза, рот, уши, со свистом и шипением летели струи снега, будто я внезапно попал в кипящий котел.

Ударившись о камень, я рывком бросился в сторону и, вырвавшись из снежных объятий, пополз к угрюмо возвышающимся над бортом кулуара скалам. Снежный поток распался, и только внизу еще клубилось белое облако, пронизанное сияющими радугами.

И все смолкло. Только запорошенные мельчайшей снежной пылью скалы вели странную басовую ноту. Я поднял голову и понял, что в этом безмолвном мире остался совсем один.

Далекая пирамида Джомолунгмы развевала по ветру снежный султан. Она походила на всклокоченное чудовище, и, представив метель, гудящую на ее вершине, я подумал — там еще хуже... Лходзе и Нупзе были так же величественны, и все-таки ни они, ни Джомолунгма не казались отсюда самыми большими. Ама-Даблан придавил все, — его громада по-настоящему закрывала полгоризонта...

Вставай, сказал я себе. Вставай... Там, внизу, Пасанг, шерп, которому ты еще не заплатил за сезон... Шерп, который послушно таскал твои мешки и ни разу не отказался от самых безумных маршрутов, несмотря на страх, который внушала ему поставленная тобой цель...

---

* Кулуар — узкое ущелье.

Я встал.

Только что долина подо мной была затоплена тяжелым туманом, но теперь он расплылся, и я увидел внизу вдавленное как линза черное ледниковое озеро, сжатое почти вертикальными стенами. След лавины шел к озеру, но перед самым берегом отклонялся, разбиваясь о щетку скал, вылезających из снегов как голые пальцы... Где-то там лежал шерп Пасанг...

Горше всего было сознавать, что все случилось в трех шагах от триумфа. Ведь я видел черную тень, мелькнувшую передо мной, видел отчетливую цепочку следов... Это мог быть только йети! И теперь, когда я это знал, судьба не пускала меня к вершине. Она гнала меня вниз, за потерянными спутником. Я готов был бить кулаками по снегу, слезы подступали к глазам, но изменить случившееся было не в моих силах. Я проиграл. Только это смутное видение тени останется моим, видение, которое никого не убедит и ничего не докажет...

Ладно, сказал я себе, главное сейчас — найти шерпа.

А если он мертв?

Я покачал головой... Я должен найти шерпа. Это закон. Ничто не дает мне права оставить в снегах человека, бросившись в погоню за тенью. Великой тенью, но все-таки тенью!

Но за это время йети уйдет, и ты его уже никогда не увидишь!

Хватит... Главное сейчас — разыскать шерпа. Он мой спутник. Все у нас было на двоих — теплые биваки в палатках, с горячим чаем и ромом, и холодные биваки в стременах, когда мы оба зависали на штормовых лесенках, прихваченных к скалам металлическими крюками... И траверсы по вертикальным склонам... И надежды, хотя и свои у каждого...

Уйдет столько времени, а ты можешь и вообще не найти шерпа. Его могло всосать в самую пасть лавины, похоронить под тысячами тонн льда и снега. А йети будет уходить все дальше и выше...

Странный повторившийся хлопок заставил меня обернуться. По крутой скале, помогая себе крыльями и черными клювами, взбиралась стайка лерв, глупых и невозмутимых. Птицы подолгу задерживались у каждой трещины, перекликаясь ворчливо и хмуро... Выбив снег из-под куртки, я снова взглянул вниз, на пелену тумана, под которым был похоронен снегами шерп, — человек, так искренне удивлявшийся таким, как я, вторгающимся вдруг в Непал только для того, чтобы взглянуть на царство восьмитысячников и помериться с ними силой... Как он представлял себе Европу? Скалистой страной, в которой все жители одеты в меховые куртки и вооружены ледорубами?.. Ведь шерпы понятия не имели, что делается за пределами их закрытой горной страны...

Лервы приблизились и встревоженно уставились на меня круглыми черными глазами. Я осторожно ступил на ледяную ступеньку, начало лестницы, должной привести меня к озеру... Будь у меня веревка, я проделал бы этот путь за считанные минуты, но у меня не было ничего — и ледоруб, и рюкзак отняла лавина...

Я цеплялся за камни и по холодку, пробегающему по спине, чувствовал, что снова иду по лавиноопасному склону... Туман затопил расщелину кулуара, и иногда я не видел, куда ставлю ногу. Раза два я пересек трещины, заросшие ледяными кристаллами, — настоящий асимметричный лес из пирамид, зубцов, конусов, прозрачных или густо-зеленых, и даже на вид холодных. Еще час назад я надолго бы остановился перед удивительными кристаллами, но сейчас едва лишь на них взглянул...

Когда стены скал, сжавшие чернильное озеро, поднялись надо мной, я остановился, пораженный величиной ледяных козырьков, свисающих вниз как гигантские застыв-

шие водопады. Страх снова мучил меня — я боялся найти раздавленного снегами шерпа. Наверное, мне было бы легче искать его, если бы он был как-то виноват в падении, если бы он допустил хотя бы одну из тех ошибок, от которых в горах не застрахован ни один человек, — но я ни в чем не мог упрекнуть Пасанга. Он был шерп, то есть человек, исключительно способный носить грузы на больших высотах и при этом не ошибаться...

Подняв голову, я увидел в разрывах тумана смутные вершины зубчатого хребта. Солнце окрашивало их в желтые и зеленоватые тона, но я знал, что через некоторое время каменные гиганты вспыхнут ледяной белизной, чтобы сразу, внезапно, рухнуть в гималайскую тьму.

Порывы ветра разогнали туман, и с узкого гребня, последнего препятствия перед озером, стала видна далеко внизу долина, усыпанная пятнами крошечных деревень, и светло-голубая лента реки... Еще дальше темнела одинокая вершина, рядом с которой каждый ее ледник казался высеченным из хрусталя. Она была такой четкой, что я мог почувствовать непрерывно меняющийся узор теней, отбрасываемых солнцем, и горькое сожаление об упущенном триумфе вновь вернулось ко мне.

Переведя взгляд, я вздрогнул... Внизу по берегу озера шел шерп. Сгорбившись, припадая на одну ногу, он преодолевал сугробы, и я почувствовал колоссальное облегчение.

Жители гор умеют перекликаться на громадных расстояниях, я это помнил. Секрет заключается в правильном ритме речи — так читают вслух в соборе, и, сложив руки рупором, я закричал, растягивая гласные... Звук медленно пронизывал морозный воздух, но шерп не откликнулся. Больше того, он повернул и пошел прочь от озера, к далекой морене. И только после повторного крика остановился и странно помахал рукой, будто желая обратить мое внимание на что-то, чего я не видел с гребня. Наверное, решил я, внизу застрял ледоруб ил и рюкзак, и он просит меня не пройти мимо...

Теперь я думал лишь об йети. Если он пошел вверх, мы сможем перехватить его. Сможем. Перевал наверху был ложным, он упирался в закрытый цирк, и йети должен был повторить возвращение...

Остановившись передохнуть, я с удивлением отметил, что шерп успел уйти далеко, но кричать я не стал — если Пасанг нашел нужным пойти на морену, значит, у него были на то причины... Я ждал теперь только конца уже не опасного, но все еще мучительного спуска, и когда снег подомной перестал крошиться и осыпаться, сел, тяжело и устало дыша.

Туман стянуло вверх. Он висел над замкнутым амфитеатром тоненьким колеблющимся потолком, пропускающим сквозь себя рассеянные лучи солнца. Озеро и вблизи было как черные чернила, хотя сквозь его мглу можно было рассмотреть каждую расщелину на неглубоком дне. Плоский берег был идеальным местом для бивака, и я сразу увидел свой рюкзак, вытащенный шерпом из выноса снежной лавины. На рюкзак он, наверное, и указывал.

Вытащив палатку, я укрепил ее между камней, забив снегом длинные полы. Работая, я посматривал на близкую гору, с вершиной, похожей на рыбий хвост. Она не курилась, и я надеялся, что это признак хорошей погоды. Тогда, думал я, завтра мы сможем повторить восхождение и, может быть, вновь наткнемся на след йети.

Стая лерв опустилась на берег и, хлопая крыльями, побрела к воде. Птицы шли так уверенно, что я испугался — они не заметят ледяную воду! — но у самой кромки ее они повернули и двинулись к следу шерпа. Какая-то странность была в этом следе... Я подошел вплотную — и мерзкий холодок опять пронизал меня: шерп ушел босой!.. Все мои надежды рухнули сразу и окончательно, потому что разутый лавиной человек не может уйти далеко, даже если он сумасшедший...

Нашарив в рюкзаке фонарь, я снова подошел к следу. Если шерп вытянул из лавины рюкзак, лихорадочно думал я, значит, он был в уме и мог обернуть ноги какими-нибудь тряпками... Если он сошел с ума, он не стал бы искать рюкзак...

Взошла луна и осветила морену.

Теперь я не торопился. Тщательно осмотрел следы. Возле берега они расплывались, но выше, на свежем снегу, были достаточно четки. Они были крупнее моих, а большой палец странно вывернут в сторону. Кроме того, у пятки можно было проследить два треугольных отпечатка, как от пучка волос...

Нет, это не были следы шерпа, и я сразу нашел тому доказательство — там, где идущий попал ногой в расщелину, на камне остался пучок колючей щетинистой шерсти. Затаив дыхание, я собрал рыжевато-коричневые волоски. Это мог быть только йети... Но кто же тогда вытащил рюкзак из завала?

Я осмотрелся.

Опять понесло туман, и окружающее приобрело жутковатый оттенок — гигантские тени, как безмолвные драконы, всплывали в ущелье и распускали надо мной мягкие страшные когти... Я медленно двинулся к кулуару... За ночь, думал я, пока я буду раскапывать шерпа, йети тоже уйдет...

Крик, похожий на заунывный стон чайки, донесся издали, сверху. Я поднял голову и в неверном лунном свете увидел на каменной глыбе, поднявшейся над ледяным сераком, черную тень. Я сразу вспомнил истории о черных альпинистах — поморозившихся на ветру и холодах. Только высота может уберечь этих несчастных от гангрены, и, отверженные, они годами бродят по вершинам, желая и боясь оставленного внизу мира... Вот еще один, подумал я, рассматривая черную тень. Мне даже показалось, что я вижу за его спиной рюкзак. Больше того, на секунду блеснуло в лунном свете острие ледоруба, которым он цеплялся за кам-

ни... Впечатление было настолько сильным, что на секунду я поверил, будто это и впрямь заблудившийся европеец. Но мой крик не произвел никакого эффекта. Тень растаяла...

Ночь призраков, думал я. Шерп... Йети... Следы... И как бы для того, чтобы окончательно меня запугать, обнаружился новый след. Он шел от завала к озеру и вдруг, не пересекаясь со следом йети, резко сворачивал в сторону... Я не мог сшибиться: ботинки шерпа были на острозубых кошках, и это был именно он, смертельно боявшийся даже упоминаний об отвратительном снежном человеке — тхлюх-мунге, как он его называл.

Я настолько устал, что находка только успокоила меня. На радость сил не было. Но, прежде чем отправиться в палатку, я проследил след шерпа до самой морены и убедился, что он вел вниз, в долину, к хижине буддиста-отшельника, у которого мы оставили свои вещи... Сколько людей, думал я, пыталось увидеть хотя бы тень, хотя бы силуэт йети, найти хотя бы самые ничтожные доказательства его существования! Экспедиции обшаривали пещеры и ледники, исследователи выманивали у тибетских лам скальпы, якобы принадлежавшие йети, создавались международные комитеты, но йети не торопился к долгожданной встрече, и сведения о нем воспринимались лишь как отзвуки странных легенд...

Я прошел около коша. Это непальская мера. Она равняется примерно двум милям, однако местные жители обращаются с ней весьма произвольно. Когда они говорят, что до цели остается два коша, это не значит, что вам придется идти четыре мили — просто вас ожидает достаточно долгий путь... И сейчас я сказал, что прошел кош, не потому, что знал точное расстояние, а потому, что слишком устал и мне трудно было сориентироваться на морене.

Далекie вершины, затопленные лунным светом, курились. Могла налететь метель, но в это почти не верилось, так тихо и пустынно было вокруг. Тихо? Я прислушался... Станный звук, будто за ближайшим сараком что-то задребезжало, удивил меня. А потом я услышал кашель!

Я онемел. Но мог поклясться, что кашель мне не послышался... Прислушался и уловил его вновь... Медленно, стараясь не скрипнуть, не зашуршать, не наступить на пленку трескучего льда, я обошел серак и увидел странное существо, уткнувшееся в снег. Размерами оно не превышало четырнадцатилетнего мальчика, и я разглядел волосатую голову, странно сходящуюся на макушке, как конус, и лохматую спину... И этот зверь или человек, спрятав лицо в широкие ладони, надрывно и тяжело кашлял.

Я забыл обо всем. Забыл об усталости, забыл даже о шерпе.. Я видел, наконец, то существо, из-за которого снаряжались огромные экспедиции, из-за которого гибли прославленные альпинисты, из-за которого спорили лучшие ученые мира! И пока йети, — а это был он! — меня не заметил, я лихорадочно перебирал в голове десятки вариантов, главным из

которых оставался все же самый простой — оглушить йети и унести его в палатку...

Я всмотрелся.

Йети сидел прямо в сугробе, тело его было напряжено, локти вывернуты наружу, отчего руки казались кривыми. Слабый запах, напоминающий запах мокрого войлочного одеяла, исходил от него. Видимо, йети был очень болен...

Я был готов к тому, что, увидев меня, йети вскочит и бросится бежать, но он лишь медленно поднял голову и, странно вывернув шею, посмотрел на меня маленькими слезящимися глазами. По лбу и через макушку его шла узкая, похожая на гребень, полоска коротких жестких волос, лицо было бурое и плоское. Он плохо видел меня, — луна слепила глаза, — но не это было причиной его медлительности. Он был болен...

Я жадно всматривался в йети, отмечая про себя каждую деталь — плоские уши, прижатые к маленькой, даже слишком маленькой голове, клочья рыжеватой шерсти, спадающей с ног так, что она казалась нелепым меховым костюмом...

Зная, что воспаление легких на высоте смертельно, я лихорадочно вспоминал — есть ли в рюкзаке какие-нибудь лекарства. Вряд ли... Просто надо спешить, решил я. Чем раньше мы попадем к людям, тем это лучше для всех.

Протянув руку, я осторожно коснулся волосатого плеча. Йети растянул тонкие губы и заворчал, показывая крупные, покрытые черным налетом, зубы. Но он был слишком изнурен, чтобы сопротивляться.

Подталкивая, я вел его через сугробы и льды. Кашель гулко отдавался среди сераков. И, будто жалея йети, так же гулко лопался под ногами ледниковый щит, распуская вокруг нас черные трещины. Я вслушивался в странную канонаду и думал только о палатке, в которой мог надежно запереть своего доисторического пленника... И, наконец, мы пришли.

Не обращая внимания на рычание и слабые попытки избавиться от прикосновения моих рук, я втолкнул йети в палатку, и он сразу забился в самый дальний и темный ее угол. Он дрожал в непонятном ему убежище и никак не реагировал на протянутые сухари. Никаких лекарств в рюкзаке я не обнаружил, и это привело меня в смятение. Я готов был прямо сейчас пуститься в путь, но вряд ли йети смог бы его выдержать. Оставалось ждать до утра, и, усевшись у входа, я в каком-то смятении заговорил:

— Там, где будто чиркают спичками, — это метеоры... Они не опасны, мистер йети... Они не приносят несчастий и ничего не меняют в мире... Они просто существуют, как, например, ты... А те звезды — это созвездие Водолея... А те — Большой Пес, Компас, Корма и Единорог... Может быть, и ты замечал их ночами и пытался по ним ориентироваться... — Я, как молитву, произносил названия планет, и йети, не переставая кашлять, тревожно следил за движениями моих губ. Он напоминал крохотного старика из волшеб-

ной сказки, и я думал, что мне повезло, — я попал в эту сказку, к которой стремился более сорока лет...

Посмотрев, какие у него голые и большие ступни, я попытался сунуть их в «слоновью ногу» — короткий спальный мешок, который одевался только до пояса, но на этот раз, рыча и царапаясь, йети сумел отбиться. Теперь я уже не боялся его и сказал:

— Ладно, утро близко...

Я влез в палатку и крепко зашнуровал вход. Было тесно, но йети так сжался в своем углу, что я почти перестал его слышать. И теперь, когда он был рядом, а мысль о шерпе не мучила мое сердце, я невероятно захотел спать... Не давая векам смыкаться, я смотрел широко раскрытыми глазами в угол палатки и думал — как напугано и как слабо это горное создание, горный дикарь, йети... Как сжимается он передо мной, показывая свою слабость. Так ведет себя слабый зверь перед сильным... Впрочем, и слабые

люди ведут себя перед сильными так же, ибо, в конце концов, разве не лежит в основе низкого поклона жителя Востока или кивка европейца такое же покорное припадание к земле?

3

У каждого человека, думал я, есть навязчивые идеи... Одни пересекают океан на парусной лодке, другие штурмуют вершины Аннапурны или Хан-Тенгри, третьи стре-

мятся достичь самых глухих океанских провалов... Я сорок лет пытался найти йети...

Слухи об этих созданиях ходили давно, а в 1937 году в одном из районов Восточного Непала его следы обнаружил сэр Джон Хант. В 1925 году с йети встретился греческий путешественник А. Тамбоци, но отказался поверить своим глазам... Это создание называли по-разному, но шерпское «йети» пошло от тибетского «тех»: «йех» — «скалистое место», «те» — термин, присвоенный данному существу. Шерпы всегда считали, что есть две разновидности йети. Это «дзу-те», более крупная и встречающаяся редко, и «мих-те», как-то связанная с человеком. В чем проявляется эта связь, до сих пор остается не совсем ясным, но живет этот зверь или человек на обширной, усеянной валунами, альпийской зоне, откуда спускается на ледники и морены со своими неясными целями. В холодные зимние месяцы йети тянется к человеческому жилью, но никогда не приближается к человеку...

Йети опять закашлялся... Лунный свет пятнами ложился на йети... Это же тебя, думал я, разыскивала экспедиция Ральфа Иззарда в 1954 году! Но не Иззард, а я нашел йети, хотя и Иззард был к этому близок — однажды вместе с Джералдом Расселом, биологом экспедиции, он в течение двух дней шел по следам двух йети. И хотя йети он не настиг, все-таки лишний раз сумел убедиться, что йети робок и мал, и вряд ли может взять на себя ответственность за приписываемую ему агрессивность. Заподозрив, что какая-нибудь пастушечья хижина обитаема, йети обходили ее далеко стороной и не считали для себя зазорным, например, сесть на верхушку крутого сугроба и съехать в таком положении вниз. Иззард умудрился сделать снимки, подтверждающие столь странный способ передвижения, и фотографии эти доказывают, что он имел дело с необыкновенными созданиями, кем бы они ни оказались...

Невыразимо хотелось спать, и я вслух подумал: сорок с лишним лет я рвался в Непал, чтобы увидеть хотя бы следы таинственного существа, может быть, нашего предка, неведомо как перенесшего нашествие льдов, столкновения

с хищниками, и вдруг, сейчас, переживая свой звездный час, я чувствую только одно желание — спать, спать, спать... Протянув руку, я достал фонарь. Вспышка вырвала из темноты плоское оскаленное лицо йети, и я вздрогнул. Я готов был допустить, что, наверное, именно от встреч с такими существами пошли легенды об оборотнях — искаженное лицо с выступающими челюстями, маленькая голова, плечи, покрытые массой рыжих волос...

— Без этих доисторических шуток, — сказал я, — когда человек мыслящий просыпается в лапах каннибала-неандертальца....

Но йети был слишком слаб, чтобы решиться на что-то. Я выключил фонарь, и опять снаружи раздался тот же заунывный крик, что я слышал во время спуска. Он раздавался совсем рядом, его не могли заглушить даже порывы ветра, и, медленно расшнуровав палатку, я вылез наружу.

На другой стороне озера вспыхнула огненная дорожка — сыпались камни. А впереди, на снежнике, я увидел черного альпиниста.

4

Кто это? — думал я. Правда, заблудившийся альпинист или шерп, решивший, несмотря на мистический страх перед йети, вернуться ко мне?.. С обрывов падали хлопья снега. Я смахнул их со щеки и пронзительно свистнул.

Тень приблизилась — крупная, взлохмаченная, представшая быть тенью, и я замер от восторга и неожиданности. Это был еще один йети, приземистый, сильный, со свисающими ниже колен руками. Тяжелое надбровье, увеличенное не в меру густыми бровями, нависало над глазами, а гребень на голове напоминал лохматую митру. Он молча разглядывал меня, и я подумал, что он не так уж труслив. По крайней мере, он ничем не напоминал своего больного собрата... Пришел ли он за ним?.. Мне очень хотелось как-то вступить с йети в общение, выразить ему

словом или движением, что я не замышляю зла, что мне просто хочется побыть рядом, и, глядя на него, я невольно задавал себе вопрос — чувствует ли он, что нас связывает некое родство?..

Видимо, йети только что занимался обедом — из уголка его большого рта небрежно, будто сигара, свешивался корешок рододендрона. Я не выдержал и рассмеялся.

Йети приблизился еще на шаг и угрожающе зарычал. Он был моего веса, но, несомненно, сильнее. Я старался не смотреть на йети слишком долго, а время от времени даже отворачивался... Тем не менее, я видел, что йети был чем-то встревожен, и я громко сказал, обращаясь в глубь палатки:

— Мистер йети, за вами пришли. Видимо, родственник...

Мой голос поверг пришедшего в изумление. Он заворчал и, неуклюже переваливаясь в снегу, отошел в сторону, не спуская с меня пронзительного взгляда, в котором мне чудились страх и угроза. Ветер бросил на нас снежные хлопья, и йети нервно мотнул головой. Я повторил этот жест. Теперь я чувствовал неуверенность йети, и он, как бы отступая, заунывно и протяжно крикнул. Я не знал, что его пугало и настораживало, но йети явно был напуган и не хотел оставаться рядом с палаткой. Я чувствовал жалость, смешанную, правда, и с облегчением, когда он неожиданно бросился бежать вверх по склону.

Не знаю, что его могло так встревожить... Влез в палатку и почувствовал, каким жаром несло от больного, сжавшегося в углу... Доживет ли он до утра?.. Я думал о нем, как о младшем брате, и вдруг в голову мне пришло — сколько же нам лет? Нам, всему человечеству?..

Геологи научились датировать летопись планеты, астрономы вычисляют возраст звезд, астрофизики знают возраст Вселенной. Но когда, где и как появились мы — люди? И что следует считать днем нашего рождения?.. На это ответить не так просто, ибо кого из наших предков можно назвать человеком — питекантропа, синантропа, австралопитека, неандертальца?..

Наука постепенно заполняет эволюционную лестницу, но не все находки ложатся в одну цепь, бывают странные звенья, выпадающие из этой цепи... Одну из таких находок сделал в Африке в 1959 году археолог Луис Лики, нашедший остатки человеческого предка, названного им зинджантропом. находка интересная, но, казалось бы, не более... Однако, продолжая работы, Лики нашел череп другого существа, названного им «человеком умелым». И этот «умелый» по своему физическому типу был гораздо бо-

лее близок к нам, чем зинджантроп. У него не было развитых надбровных дуг, низкого, скошенного назад лба и тяжелой верхней челюсти. А сенсационность находки заключалась в том, что «умелый» был старше зинджантропа! То есть примитивные существа жили позднее, чем существа высокоразвитые!..

Единственное объяснение, думал я, может заключаться лишь в том, что эволюционная цепь не так прямолинейна, как многие предполагали. Скорее, это не цепь, а дерево, отдельные ветви которого могли отмирать. Не зря в антропологии возник даже термин — «тупиковая ветвь». Пример — неандерталец, потому что большинство ученых в

наши дни отказывается считать неандертальца нашим ближайшим предком... И могли же, думал я, быть времена, когда одновременно обитали на планете существа, весьма разные по своему физическому развитию и уровню мышления... Как долго они двигались параллельными курсами, и не представителем ли такой отмирающей ветви является мой простуженный пленник, сумевший пережить неандертальцев и кроманьонцев и сейчас так трудно умирающий в тесной палатке своего далекого внука?..

6

Ветер завывал все сильнее, временами в щели вдувало снежную пыль. Ближе к утру я расслышал сквозь шум ветра что-то вроде исполинского вздоха. Палатку встряхнуло, и откуда-то пришло и стало шириться тревожное

странное шуршание. Своей непонятностью оно страшило больше, чем шум надвигающейся метели. Потом палатку приподняло, и из щелей хлынули на меня и на йети ледяные струи. Не мешкая, я вспорол ножом полотно палатки и вывалился прямо в мутную, клочущую воду. Налетевший вал накрыл меня с головой и отбросил прочь. В лунном свете я увидел, как фантастически медленно обваливаются со стен, окруживших озеро, ледяные искрящиеся козырьки. Они рушились в воду и поднимали перед собой белый вал,

а потом вставали из черных пучин, как исполинские левиафаны, опутанные космами водорослей... Напрасно я бросался в воду, пытаюсь пробиться к мысу, за который отшвырнуло палатку с запутавшимся в ней йети. Ледяная

вода обжигала меня, сбивала с ног, и через несколько минут у меня хватило сил лишь на то, чтобы уйти от следующего вала. Выбравшись на берег, я, в который раз за последние сутки, почувствовал, что проиграл.

Тупое, холодное отчаяние овладело мной. С далекого склона низвергся камнепад, оставив огненную дорожку. Я даже не посмотрел на нее. Куртка обмерзала, я чувствовал, как схватываются коркой перчатки, брюки, ботинки. Если ты хочешь жить, сказал я себе, спускайся в долину. И смирись. С самого начала йети был слишком фантастическим подарком...

7

Масса Гималаев еще находилась в тени, но самые высокие вершины осветились солнцем и сияли в блистательном одиночестве. Не зря населяли их шерпы мстительными и злобными богами — было что-то угрожающее в их неземной красоте.

Когда солнце стало греть в полную силу, я разложил на камне одежду, дожидаясь, когда она чуть подсохнет... Огнистые капли медленно срывались с длинной, переливающейся радугами сосульки и с тонким звоном падали в снег. Разбиваясь, они вспыхивали оранжевым огнем и разлетались искрами...

Только в горах можно так быстро сменить пустыню на сад. Часа через два я уже шел в зарослях барбариса и рододендронов. Гирлянды ломоноса белыми звездами обвивали кусты. На этом уровне горы казались розоватыми от цветов, прячущихся между камнями и потоками. Ни один садовник не смог бы создать такого — чахлые кустики розовых и лиловых цветов перемежались крошечными холмиками изумрудного льда, кое-где проткнутого высокими стрелками ранних примул, а в неглубоких прогалинах, чистых от снега, поднимались крепкие стебли маков.

Хижина отшельника, как их называют в Непале — найдана, в которой мы оставили с шерпом вещи, была где-то рядом, но отсутствие троп сбивало меня, и я вышел к ней неожиданно. Сквозь щель в каменной ограде я увидел на крохотном дворе самого найдана, погруженного в созерцание. Его длинные пальцы едва шевелились, перебирая четки. Он был стар и согбен, и, увидев его, я вдруг понял, что шерп не приходил сюда...

Дверь скрипнула. Найдан поднял голову, взглянул на меня и молча отправился в хижину, готовить чай. Я вытащил рюкзак, достал белье, свитер, брюки и переоделся. Потом подошел к низкой ограде, вдоль которой тянулись ящики с цветами, и взглянул на снежную громаду Ама-Даблана. Я думал о шерпе, ушедшем вниз, в селение. Это была не самая горькая мысль, но где-то внутри она подогревалась затаенной обидой. Я понимал, что встреча с йети равносильна для шерпа встрече найдана с хозяином ада Эрликханом. Что думал, увидев след йети, шерп? Действительно ли об Эрликхане, держащем в руках волшебное зеркало — толи, в котором отражаются грехи и добродетели человека? Или он думал об аде, великом аде живых существ, которым запугивает буддизм своих верующих? Об аде сопредельном, об аде холодном, об аде непреходящем... Да, думал я, именно видение адов совокупно разрушающих, громкорыдающих, адов, в которых грешники убивают друг друга и вновь и вновь воскресают для вечных страданий, видение адов, в которых люди, увидевшие йети, кипят в котлах и раздавливаются горами, и могло заставить шерпа уйти, оставив меня наедине с Гималаями... Но еще более горько было думать о потерянном йети, в котором мне хотелось видеть предка всех нас — шерпа, найдана, меня, сэра Ханта и всех других, плавающих по океанам, возносящихся в небо, штурмующих горы... Как грешник, у которого ненасытный желудок, но рот не шире игольного ушка, я жаждал открытия, но открытие не состоялось, ибо как и чем я могу доказать людям то, что несколько часов провел рядом с существом, могущим пролить свет на историю человечества?..

Найдан принес чай и стакан крепчайшей, дурно пахнувшей водки-рашки. Он был очень стар, но его волосы не поседел, он связывал черные пряди тугим узлом. Он слишком давно жил в горах, думая о жизни и смерти, чтобы отнестись ко мне и к моим проблемам с должным вниманием. Его страх перед потерями не имел ничего общего с моим. В этом мире для него все находилось в вечной смене форм, которым сопутствовали свои волнения и страдания. Колесо жизни... Он хотел уйти от этого колеса, и потому и жил тут один, отрешенный от всех наших мелких забот... Жалобы и тревоги бессмысленны, читал я на лице найдана, прими жизнь, какой она есть... И я пил чай и с тоской думал о том, что никогда не смогу повторить путь в горы.

Мне хотелось поделиться с отшельником этими мыслями, но пол под нами качнулся, посуда задребезжала, и старик, воздев руки к небу, запричитал: «Гиббозех! Гиббозех! Перестань!», умоляя подводного гиганта, который, по его понятиям, держал на плечах Землю, обращаться осторожнее с хрупкой священной ношей.

Когда все успокоилось, найдан посмотрел на меня... Нет, я напрасно думал, что он равнодушен. Он понимал мои чувства и тихо заговорил на невнятном непали.

— Рай, — говорил он. — Только попав туда, странник, ты приобрел бы блаженную способность явиться в мир всего один раз, как великие мудрецы, и тем достигнуть нирваны... Почва рая, запомни, из рассыпанных кораллов, лазурита, хрусталя, и она плодородна. Пыль не пылит там, а предметов неприятных на вид нет вообще. Там все прекрасно и ничего не найдешь неприятного, такого, что не было бы поучительно для ума и радостно для сердца. Там нет мрака, ибо там постоянно блистает свет будды Абиды.

Над водой летают разные птицы, которые только по цвету и голосу похожи на наших... Там нет грубиянов, лжецов, умножающих зло и вред. Там называют друг друга словами «милый» и «друг».... Все обитатели там обладают свойством помнить прежние деяния и знать мысли других, благодаря чему они знают все дела и мысли существ всех миров...

Я слушал его и думал — нет, найдан, меня нельзя обратить в эту веру. Я видел войны и видел радость, я видел нищих людей и колоссальные богатства. Я всегда хотел рая на земле, я не хочу в рай, где птицы только голосами и цветом напоминают наших... Глаза слипались. Я чувствовал страшную усталость, и найдан произнес:

— Теперь время спать. Но перед сном давай преклоним колени и возблагодарим всемогущего за его благодеяния.

Я жалел старика, но теперь притворился, что не понимаю его непали, и когда найдан разочарованно удалился, бросил на пол мешок...

8

Глубокой ночью меня разбудил крик кукушки. Совсем рядом, невидимая; она выкрикивала странные сочетания, похожие на английское «брейн-фивер» — воспаление мозга.

«Брейн-фивер! — орала она. — Брейн-фивер!»

Я со страхом ждал в лунной ночи следующего крика, боясь, что легкие у птицы не выдержат: с таким надрывом она кричала свою безумную фразу. Спать я уже не мог и, тихо встав, вытащил ледоруб, пистолет и запас галет и кофе.

Проходя мимо каменной кельи, я заглянул в окно и увидел найдана. Он сидел на соломенной подстилке, перебирая четки, а на божнице перед ним стояли крошечные фигурки будд. Там был Шакья-муни, со своей нищенской чашей в руках, грядущий будда Майдари, весь красный, как цветок мака, будда Арьябало, одиннадцатиголовый и мно-

горукий, Бодхисаттва Манжушри с книгой и лотосом, и много других будд, мне неизвестных. Все они были раздеты до пояса и сидели с поджатыми под себя ногами, потупив глаза, не желая вслушиваться в молитвы и плачи. И осторожно, ничем не нарушив тишину, я двинулся снова в горы.

9

Шагах в ста от меня появились два больших тибетских волка и скачками бросились вверх по склону. Я видел, как они добрались до вершины гребня и долго бежали на фоне утреннего неба, упорно перепрыгивая с камня на камень... Я шел, открывая чудеса — то крошечную долинку странных скал, с которых, как коричневые грибы, свешивались осиные гнезда, то изящную амethystово-голубую примулу с желтым пятнышком посередине, уместившуюся в сыром мху, как в гнезде...

Грозная панорама горных цепей и пиков окружала меня, а совсем близко — казалось, я могу добросить до нее камнем — возвышалась стена льдов, наверху которой может и была родина йети... Стена походила на пилу, подножье усеяно фирном, и ноги завязали в нем, как в трясине. Я карабкался по обросшим густым ииеем камням, соскальзывал с неустойчивых валунов и все-таки не останавливался.

Наконец, я вышел на ледник, и черное озеро, берега которого запырило снегом, легло предо мной. Я ожидал, что скалы после шквалов будут голы, но они уже обросли козырьками снежных наддувов. Было холодно, и воду у берегов схватило корочкой льда. Я обошел берег и нашел смерзшуюся покоробленную палатку. Она была пу-

ста, но я нигде не мог отыскать следов йети, того, крупного, который мог вернуться и забрать погибшего соплеменника...

Шероховатая поверхность скал обжигала пальцы, крошки льда алмазно поблескивали, и я медленно полз по скалам, думая о последней возможности — убить йети.

Эта мысль пахла предательством. Разве мог я взять на себя ответственность за уничтожение редчайшего существа, может быть, родственного человеку?

Но я шел и думал об убийстве, и страна льдов открывала передо мной все новые и новые пространства, безжизненные, холодные и пустые... Это существо, кем бы оно ни было, говорил я себе, должно быть изучено на месте и, по возможности,

на свободе... Я думал так, а сам прикасался к карману, в котором лежал пистолет...

Не было ни следа вокруг. Судьба оберегала меня от убийства. Я вглядывался в цирки и кулуары, в гребни ледяных и каменных стен, умоляя промерзлую белую природу дать мне возможность хотя бы еще раз увидеть согбенный силуэт йети, так преданно ходившего по следам умирающего товарища.

Но ледяной мир молчал.

10

Через несколько дней я был в Катманду. Я добился своей цели, но меня это не радовало. Шерпа я разыскал внизу, в

селении, и полностью расплатился за весь сезон. Но и это не служило мне утешением.

Узкое окно отеля выходило на сумеречную свалку. Темные стены комнаты были оклеены библейскими текстами и олеографиями на ту же тему. Отвратительные искусственные цветы торчали повсюду.

Все три окна выходили на западную сторону, отчего в комнате всегда было сумрачно. Город, лишенный европейских шумов, был тих, «Сноувью» — «Отель с видом на снега» — вот как называлась эта часть моей мечты... Я усмехнулся.

Сорок лет назад я был назначен в гуркхский полк и уже тогда мечтал о закрытой стране Непале, въезд в которую стал возможен для иностранцев лишь после падения тирании Ран в 1959 году...

Усевшись в единственное кресло, я попытался сосредоточиться. Что я могу рассказать о виденном?..

Я думал: самые близкие наши родственники — шимпанзе, горилла и орангутанг. Несколько дальше стоит гиббон. Этот вывод, к которому пришли естествоиспытатели прошлого столетия во главе с Дарвином, неоднократно пытались пересмотреть и опровергнуть. Но эти попытки потерпели крах. Анатомические, палеонтологические, физиологические и биохимические исследования привели к почти всеобщему признанию правоты взглядов Дарвина. Но столь же несомненно, что ни шимпанзе, ни гориллу, ни орангутанга, ни тем более гиббона нельзя рассматривать как прямых наших предков. У всех у них предок был только близким к нашему и, видимо, родствен ему.

На Южных склонах Гималайского хребта, думал я, найдены были в свое время обломки челюстей и зубы третичных человекообразных обезьян — рамопитеков. Некоторые признаки позволяют считать, что рамопитеки были ближе к человеку, чем ныне живущие человекообразные обезьяны. В частности, клыки рамопитеков выдавались не так сильно, как у шимпанзе или у гориллы. Но зубы и обломки челюстей все же представляют слишком незначительные остатки, чтобы с уверенностью предположить, что

именно рамопитеки и были непосредственными предками человека, хотя эта возможность и не исключена... В Восточной Африке в слоях примерно того же возраста также были найдены останки человекообразных обезьян, и особенное внимание привлек к себе так называемый «проконсул», о котором мы можем судить не только по зубам, но и по относительно целому черепу... Но ближе всего к человеку стоят так называемые австралопитековые обезьяны Южной Африки. Большое количество сравнительно хорошо сохранившихся останков позволило хорошо изучить их строение. Хотя австралопитеки и не были, видимо, непосредственными предками человека, они все же были близки к нам. И самым существенным оказалось то, что австралопитеки были двуногими, то есть не ходили на четвереньках. Живя вне области тропических лесов, они охотились на павианов, убивая их с помощью трубчатых костей и нижних челюстей копытных животных...

Но это Африка... — думал я. А в течение последних десятилетий европейские и китайские ученые обнаружили в пещерах Южного Китая остатки еще одной ископаемой обезьяны, получившей название гигантопитека. Он тоже не был нашим непосредственным предком и все-таки по многим признакам ближе к нам, чем те же шимпанзе и орангутанг. А разве не важно, что гигантопитек жил в горной местности и в эпоху, когда уже существовал первобытный человек — синантроп? И разве не могли какие-то предлюди, отрезанные горными цепями, сохраниться и до наших дней? То, что до последнего времени они не были известны ученым, ничего не значит. Не знали же европейцы до 1898 года о существовании гризли, не знали же они до 1901 года о существовании белого носорога, не знали же до 1912 года о существовании дракона с острова Комодо, не знали же до 1937 года о существовании одного из самых крупных диких быков — коу-прея... И этот список можно продолжать и продолжать... Что странного, думал я, что в горной стране, в которой не происходило никаких катастрофических изменений климата, могли сохраниться такие предлюди, как йети...

Ты рассуждаешь так, сказал я себе, будто пытаешься оправдаться...

Да, я оправдываюсь... В отчаянии я подошел к окну. Да, я оправдываюсь... Ведь все, что я могу сказать об йети, сводится к чисто внешнему — он сгорблен, длиннорук, волосат, робок, низколоб... Но что я отвечу, когда мне начнут задавать вопросы: а какое соотношение между длиной рук и ростом йети? Такое, как у нас, или нет? Подвергался ли он сезонной линьке? Менялся ли цвет его шерсти в зависимости от времени года и возраста? Были ли его ладони волосатыми? Имелись ли у него когти, которыми он мог разрывать землю? Были ли у него волосы на голове гуще, чем на теле? Ходили ли йети наклонившись вперед или совершенно прямо? Какого цвета были у них глаза? Как они переносили дождь, снег, холода, ветер? Впадали ли они в зимнюю спячку? Спали ли они лежа, как современный человек, или сидя, как самцы гориллы? Болели ли они ревматизмом? Сколько раз в день они ели?

И много-много других вопросов... И разве будет ответом клочок рыжей шерсти, который я могу извлечь из бумажника?

Я вздохнул...

Я не мог ответить на эти вопросы. И никто другой пока не может ответить на них. Но мир велик. И мир еще далеко не изучен... И разве тем, молодым, штурмующим горные цепи, не может повезти больше, чем мне?..

Это меня утешило, и я вдруг подумал, что, несмотря ни на что, я все-таки оказался первым, кто мог сказать:

— Я видел снежного человека!

Кирилл Станюкович

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЕГО ВИДЕЛ

Рис. Г. Петрова

- Что?
- Ледоруб.
- Нет, спасибо. Я привык к своему. Он в порядке.
- А спальный мешок? Хотите мой, пуховый? Он легче вашего.
- Нет, спасибо, мне ничего не нужно.
- И все-таки зря вы.
- Давайте не будем об этом говорить.
- Почему? Наоборот! Нам необходимо поговорить. Вы делаете глупость, а я буду отвечать.
- Вы ни за что не отвечаете.
- Нет! Отвечаю! В конце концов я просто не должен пускать вас!
- Ерунда. Мы уже говорили на эту тему. Не будем повторяться. Отвечать вам за меня не придется, потому что я в отпуске.
- Все равно! Вы не должны ходить, это опасно и бесцельно. Ничего вы не найдете.
- У меня другая точка зрения. Может быть, и не найду, но искать буду.
- Вообще говоря, я бы должен был отобрать у вас и ледоруб и спальный мешок.
- Тоже не выйдет. Они не казенные, мои собственные.

– Ведь вы же сами знаете, что никакого снежного человека нет! Просто нет!

– А следы? Я видел эти странные следы. Да и не только я.

– Обыкновенный медведь. Только он шел...

– Знаете что, дорогой начальник, вы мне надоели.

– Значит, все-таки пойдете?

– Пойду!

Начальник вышел, хлопнув дверью.

А тот, кто собирался искать снежного человека, тщательно укладывал в огромный рюкзак консервы, сахар, папиросы, патроны. С трудом застегнув рюкзак, он несколько раз приподнял его, прикидывая вес. Затем закурил и долго сидел со скептической гримасой на лице. Видимо, думал о том, что с таким грузом далеко не уйдешь. Потом, отбросив колебания, встал и прикрутил поверх еще спальный мешок. С трудом взвалил поклажу на спину, закинул на плечо ружье, надел шапку. У выхода, небрежно прислонившись к двери, стоял начальник.

– Зря, – сказал он уже как-то бесстрастно. – Вы просто упрямый человек.

«Упрямый человек» передернул плечами, поправил рюкзак и ружье, взял ледоруб, стоявший у двери, и пошел по тропинке вверх по склону.

Отойдя шагов на двадцать, он повернулся и крикнул: «Рыжий!» – и засвистел. Из-за домика станции выскочила здоровенная овчарка. Он улыбнулся и погладил ее.

Начальник, все так же небрежно привалившись спиной к двери, смотрел вслед. Перед поворотом человек с рюкзаком оглянулся и поднял руку; тот пожал плечами и ушел в дом.

А «упрямый человек», не торопясь, двинулся дальше. Он остановился, только когда поворот долины скрыл от него мачты метеостанции. Присев на камень, выкурил папиросу и снова пошел по еле заметной тропинке. Он упорно поднимался все выше – к гребню хребта. Останавливался, когда дыхание совершенно срывалось, и опять шел. Потом снова отдыхал, усаживаясь на ледоруб.

Здесь, в высокогорьях, уже чувствовалась зима. Днем на солнце было еще не холодно, но снег лежал не тая. Ночью темное полотно неба прорывали огромные яркие звезды, и казалось, с этих звезд на землю лился, сковывая все, хрустальный мороз. Словом, наступало не самое хорошее время для путешествий.

Но было кое-что, чего нет летом и что могло очень помочь, размышлял человек. Если еще живы, еще уцелели эти таинственные снежные люди, эти галуб-яваны, если еще бродит в приснежных долинах хотя бы один, он должен оставлять следы. В начале зимы, когда всюду ровной пеленой лежит снег, когда галуб-явану нужно проходить огромные расстояния в поисках пропитания, легче всего отыскать эти следы. Именно сейчас ему трудно прятаться, именно теперь больше шансов встретить его.

...Первую ночь путник провел на высоте 4700 метров, у самого перевала. Он разложил спальный мешок между камнями и вскипятил маленькую кастрюльку чаю. Поев, быстро залез в спальный мешок и почти мгновенно заснул. Ночью несколько раз просыпался от холода. Над ним висело все то же яркое, светящееся звездами небо, рядом спокойно дышала собака.

Утром человек не ел. Было слишком холодно. Он с трудом засунул все снаряжение в рюкзак, сложил спальный мешок и направился к перевалу. Воздух был очень жесткий. Когда он добрался до перевала, солнце немного поднялось. Он согрелся и с аппетитом поел.

В этот день человек с рюкзаком не заметил ничего интересного. Напрасно он вглядывался в слепящий снежный покров. Следы он видел не раз: заметил и архарьи и кийичьи, под самым перевалом встретился след ирбиса. Но все это было не то.

На перевале, когда он взваливал рюкзак, почувствовал боль – лямки натерли плечи. Тогда он вынул из рюкзака все вещи и стал сортировать то, что необходимо, и то, без чего можно обойтись. Он отложил в сторону половину патронов, часть консервов. Долго держал в руке десять пачек «Беломора», не зная, куда положить. Наконец решительно отбросил их в сторону.

– Ничего, ничего... – сказал он не то сам себе, не то собаке и выкрикнул уже громко: – Ничего!

Потом закурил, тщательно размяв и продув папиросу. Курил долго, поглядывая на склон, на который нужно было подняться. Когда папироса была докурена до мундштука, взвалил на спину рюкзак.

Долго и тщательно обследовал человек все склоны, но не заметил ничего интересного. Тех следов не было. Тогда он стал спускаться с перевала в долину.

До самого вечера он шел по долине, вверх по речке. Она становилась все уже. На той стороне круто поднимались сухие каменистые склоны. Все реже попадались кусты. Остановившись на ночлег, человек с трудом набрал хворосту и развел костер. Вскипятив воду, всыпал в нее размятый концентрат. Затем съел кашу и еще раз согрел воду – для чая. Когда он залез в мешок, ему очень захотелось курить, и заснул он не сразу. Лежавший рядом Рыжий удивленно повел ушами, когда человек высунулся из мешка и закричал:

– Ничего! Ничего! Обойдемся и без курева. Ничего!

На другой день он по ручью взобрался на следующий перевал. Потом по гребню обошел верховья еще одной долины и, наконец, на пятый день оказался на хребте, у подножья которого лежала долина, известная только ему. Здесь в прошлом году он встретил загадочные следы.

Спуск был очень тяжел. До дна долины он добрался лишь к вечеру и сразу разыскал свой тайник. Весной он спрятал тут запас продовольствия.

Рюкзак, который уже не так сильно оттягивал плечи, теперь был опять наполнен. И человек снова пошел, непрерывно оглядывая покрытые снегом склоны.

Тех следов, которые он искал, нигде не было.

Он шел все дальше, в глубь горного узла, шел среди вздыбленных скал и хаоса каменных осыпей, поднимался в такие места, куда не ступала нога человека. Когда он в седьмой раз залез в спальный мешок, собака слышала, как он опять закричал: «Ничего!» и через некоторое время еще раз: «Ничего!»

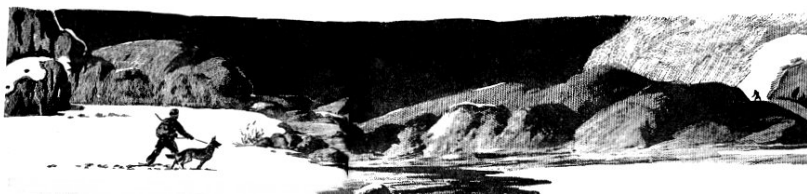
...Это случилось в начале второй недели.

Человек был утомлен многодневным маршем, бесконечными однообразными подъемами и спусками. Он сел на землю, прислонившись к камню, и смотрел на чистую, нежно-голубую воду. Хорошо было видно дно – темные круглые окатанные камешки. Живая струя реки была окружена кромкой забережного льда. Уносимые быстрым течением маленькие льдинки задевали за эти забереги и тонко позванивали. Кругом, по берегам реки, – невысокие деревья и густые кусты.

Между кустами, как обычно, петлял Рыжий, опустив голову и пригнувшись. Вдруг он остановился и настороженно поднял уши. Потом по-особенному тревожно залаял. Хозяин подозвал его, взял за ошейник, попытался успокоить. Но собака рвалась из рук, продолжая тревожно лаять.

И тут человек увидел крошечную фигурку, почти точку, которая быстро поднималась наискось по склону. Разобрать, что это за точка, ни таком расстоянии он не мог. И все-таки торопливо встал, посмотрел на солнце и, не разуваясь, вошел в воду. Хотя река здесь была мелкой, но вода чертовски холодна: можно схватить воспаление легких. Здесь, так далеко от людей и так высоко, это, конечно, смерть.

Началось лихорадочное преследование.

Собака все время находила след. Ее хозяин давно бы потерял его, потому что в долину выходило много отщелков, а снег на дне почти везде сошел. Человек с рюкзаком вскоре совсем выбился из сил и готов был бросить все. Его измучила быстрая ходьба, да и не было уверенности: по чьему следу они идут. Если это медведь или барс, было бы гораздо проще пустить собаку. Рыжий быстро догнал бы и остановил зверя, но вдруг это действительно галуб-яван? Рыжий необыкновенно силен, это настоящий волкодав, он просто загрыз бы снежного человека.

Перед вечером, когда солнце готово было спрятаться за горы, человек увидел на снегу следы. Ему стало радостно и страшно. Это были *те* следы.

Человек сел, разулся и осмотрел ноги. Белые пузыри в некоторых местах уже лопнули. Человек забинтовал ноги, затем тщательно обулся и встал, опираясь на ледоруб. Теперь он был готов к длительному преследованию. Шел он долго, до самой темноты.

Ночью повалил сильный снег. Идти дальше было невыносимо.

На следующий день он снова уверенно шел по следу. Там, где след пропадал, его вела собака. Расстояние между преследователем и преследуемым начало сокращаться. В других условиях галуб-яван, конечно, сумел бы уйти, но он был голоден и силы его падали. Ему было необходимо остановиться, чтобы нарыть корней, пришибить зайца или поймать рыбу подо льдом. Но он не мог этого сделать: как только он останавливался, его настигал человек, и он опять кидался дальше.

Галуб-яван мог подняться на гребень, но там снег мягкий и глубокий, а он боялся рыхлого снега – по нему очень трудно идти. И он шел по долине, а человек все приближал-

ся. Рюкзак и спальный мешок, затруднявшие все время движение человека, теперь помогали ему: они означали еду и сон.

На третий день преследования человек увидел галуб-явана. Галуб-яван, видимо, решил спрятаться – он свернул в боковой отщелок. Его обнаружила собака, шедшая по следу. Скалы здесь были настолько круты, что даже человек-обезьяна, этот сверхлазун, не смог взобраться на стену.

Они столкнулись лицом к лицу. Человек остановился в нерешительности. Собака лаяла и рвалась. Галуб-яван, чуть наклонившись вперед и покачиваясь, бил себя в грудь кулаками. Потом он закричал хрипло и громко. И человек отступил в сторону, открывая галуб-явану дорогу обратно в долину.

Галуб-яван стремительно кинулся из отщелка.

Он бежал, наклонившись и сильно размахивая руками.

Здесь человеку впервые удалось рассмотреть это удивительное существо.

Небольшое ростом, скорее с мальчика, чем с мужчину, сутулое, с короткими кривыми ногами и длинными руками, оно было покрыто рыжевато-серыми волосами, похожими, пожалуй, больше всего на шерсть светлого верблюда. Только ладони у него голые, темные и грязные. Лицо тоже безволосое, но не совсем – с низкого лба спускаются космами более длинные волосы, на щеках и подбородке как бы воротник густых грубых щетинистых волос. Лицо темное, коричневое, морщинистое. Видимо, он не молод, этот галуб-яван. В бороде и на груди у него много седых волос.

С этого момента охотник шел не по следу. Он почти все время видел того, кого искал.

Вечером человек лежал в мешке и думал. Его окружала белая снежная темнота, в стороне шумела река. В обнаженных ветвях кустов выл ветер. Человек лежал с открытыми глазами и думал о том, как поймать это загадочное существо.

А за триста метров от человека за камнем, на песке лежал галуб-яван. Он свернулся в клубок и дрожал. Несколько раз ночью он поднимался и начинал вглядываться в мрак, где лежал человек, потом подходил, стараясь проникнуть взглядом в темноту, но собака поднимала лай, когда он приближался.

В его голове бродили какие-то медленные мысли, его ужасало приближение человека и все-таки тянуло к нему. Он был страшно одинок, этот не то человек, не то обезьяна.

Под утро он стал глодать кору с кустов ивы. Искать корни и выкапывать их в темноте из мерзлой земли было невозможно.

Потом он побрел по склону. Он увидел, как вслед за ним карабкается собака. С глухим ворчанием он начал сталкивать с горы камень за камнем, пока один из них не угодил в собаку. Он размозжил ей грудную клетку.

Этой ночью едва не погиб и человек. Он проснулся от какого-то тревожного беспокойного сновидения и увидел возле себя, почти над собой, темную фигуру. Человек успел схватить ружье и выпалил в воздух. Неясная тень метнулась в сторону и исчезла во мраке.

А человек, когда прошел испуг и прекратилось бешеное сердцебиение, долго лежал и думал. Ему казалось страшно трагическим положение этого получеловека-полуживотного. Он думал о том, что жизнь галуб-явана, в сущности, ужасна; он не знает ни тепла, ни сытости – полуголодный бродяга, вечно дрожащий от холода и страха. Он боится и барса и волка, он в ужасе уходит, едва лишь почует человека. Загнанный в самые неприступные, холодные и мертвые заснеженные долины, вот так, год за годом, бродит он в поисках пищи. Чуть подремлет ночью и опять идет, и все только для того, чтобы найти хоть какой-нибудь скудный корм.

Исследователь не знал, есть ли еще здесь, на Памире, такие существа. А может быть, этот скиталец – последний представитель странного дикого рода? Не знал этого и сам галуб-яван. Только в каких-то очень ранних, неясных вос-

поминаниях сохранил он образы себе подобных. Давно, много зим назад, он в последний раз видел такое же, как он, существо. Тогда еще молодой и сильный, он охотился вместе с другим галуб-яваном, старым и слабым. Однажды они поймали сурка. Молодой был очень голоден и не хотел уступить даже половины добычи своему немощному сородичу. Они подрались, и молодой отогнал того, другого галуб-явана от добычи, а сам один сожрал сурка, потом ушел и больше никогда не встречал старого собрата. А потом... потом он так и ходил один. Иногда в нем просыпалось неосознанное желание встретить кого-то, видимо, такое же, как он, существо, и он искал, пересекая хребты, бродил, вглядываясь в даль, принимаялся к ветру. Но все напрасно.

...И следующий день шли они – галуб-яван и человек. А мороз становился все сильнее, в реве реки, бившей по камням, появились какие-то новые звуки. Слышалось непрерывное позвякивание, позванивание, шуршание. Это все гуще шли по воде льдинки.

Теперь они были почти рядом. Человек все время видел галуб-явана.

Вечером они долго сидели недалеко друг от друга. Человек все думал, как сделать, чтобы галуб-яван привык к нему, перестал бояться.

А тот беспокойно поворачивал голову то вправо, то влево, оглядывая склоны. При этом он не терял из виду человека, все время видел его каким-то боковым зрением, но тотчас отводил взгляд, когда встречал взгляд человека.

Временами он тихо ворчал с подвыванием. Но конфеты, сухарь и мясо, которые положил ему человек, не трогал, хотя явно чуял их запах и время от времени смотрел на них. При этом он водил носом, как собака, подставляя ноздри под струю ветра.

Эта беспрерывная гонка высоко в горах, где трудно дышать и каждое движение стоит больших усилий, страшно изнурила и человека. Теперь при быстрой ходьбе он сразу же задыхался, начинали дрожать ноги, с трудом поднимал

он почти опустевший рюкзак. Вот когда он пожалел, что отправился один в этот рискованный поиск.

Нельзя больше терять ни одного часа. Нужно как-то схватить галуб-явана. Поймать хотя бы для того, чтобы накормить, не дать ему умереть от истощения. Поймать его, чтобы спасти.

В этот день человеку представилась возможность осуществить это решение. Ему удалось обойти галуб-явана, и тот очутился на узком мысу, глубоко вдающемся в бурную речку. Осталось пройти на самом краю заснеженного мыса, спиной к реке. Слева, справа и сзади — ледяная вода, кипевшая в водоворотах, грозно ревущая на перекатах.

Ученый надеялся, что страх перед грозным потоком пересилит в душе галуб-явана страх перед ним, человеком.

Чем ближе подходил человек, тем яснее видел, насколько жалок его противник.

Он был гораздо ниже человека, его ноги с примерзшими к шерсти кусочками льда мелко дрожали. И было странно и жалко видеть, как он, постояв некоторое время на льду, поднимал одну ногу, и она сжималась у него, как рука, и он, согревая, потирал ею о другую. Так он грел ноги по очереди.

Он остановился почти на краю мыса, иногда что-то рыча; в этом рыке чувствовались словно какие-то неясные слова.

Человек подходил. Он шел, говоря что-то ласковое, предельно ласковое, стараясь и словами, и голосом, и всем своим неторопливым приближением, и сухарем, который он держал в протянутой руке, показать дружелюбие своих намерений.

Но вековой инстинкт, видимо, был сильнее, чем разум в этом получеловеке-полуобезьяне. Галуб-яван пятился, тихо ворча и подвывая. И в тот момент, когда человек был всего в трех шагах, он в отчаянии поднял голову и первый раз осмелился взглянуть человеку в глаза, чтобы попытаться прочесть в них, что грозит ему. И он увидел в этих воспаленных от утомления глазах какую-то непонятную ему силу и решимость. Галуб-яван переступил ногами на самом краю льда и прыгнул в реку.

Вода у берега была ему почти по пояс. Он с огромным трудом двигался поперек течения, тяжело переступая, едва удерживая равновесие неуклюже размахивающими руками. Белый пенный бурун, расходившийся от его тела, показывал, насколько сильно течение.

Один раз он оглянулся, и в этот момент, как раз в этот момент, не то нога у него соскользнула с камня, не то он потерял равновесие – течение опрокинуло его и понесло.

Он цеплялся руками за обледенелые камни, торчавшие посредине реки, но пальцы скользили и разжимались, и его несло - все дальше, все ниже. Его голова уже почти скрылась за поворотом, когда человек бросился вниз по берегу. Он бежал, прыгая с камня на камень, сердце подкатило к самому горлу и вот-вот готово было лопнуть.

Через несколько минут он был уже рядом с галуб-яваном, голова которого то показывалась среди пены и брызг, то исчезала. Еще через одну-две минуты этого ужасного бега, опалывшего легкие и разрывавшего сердце, человек, полный безумного отчаяния и решимости, кинулся в реку. Он даже не заметил, как тело обожгла ледяная вода. Подпрыгивая, он пробивался наискось, наперерез беспомощно барахтающемуся галуб-явану. Течение подхватывало человека и каждый прыжок становился от этого более длинным. Он даже не заметил, как очутился на самом краю крутого переката. Ниже река срывалась водопадом.

Человек оказался там на секунду раньше, чем туда же принесло полузадохшегося галуб-явана. На минуту их руки встретились. Со страшным напряжением сохранял человек равновесие под дикими ударами воды. Несколько мгновений, тяжело покачиваясь, боролся он на краю переката, стараясь не упасть и одной рукой удерживая несчастного галуб-явана.

Проклятая высота делала свое дело. Из груди человека частыми толчками вырывалось свистящее дыхание, с каждой секундой слабели, разжимались руки, все сильнее дрожали ноги.

Но человек так и не разжал руки. Он не хотел отделять своей судьбы от судьбы галуб-явана, хотя оставался, каза-

лось, только один выход: сейчас же бросить все и спасти себя – вернее, пытаться спасти себя.

Он не сделал этого.

Еще несколько секунд боролся он с потоком, но течение повалило его. Некоторое время река катила их вместе, и человек ощущал под руками скользкую шерсть галуб-явана.

Но вскоре это ощущение прошло, он чувствовал только, что его бьет о камни, что он задыхается, что вода заливает рот и вот сейчас, через минуту – конец.

Потом... Он плохо помнил, что было потом... Он, кажется, на секунду вцепился в камень и тут увидел, что до берега недалеко. Из последних сил кинулся он в ту сторону, чудом добрался до берега и совершенно без сил свалился на камни. Но лежал недолго, потому что одежда быстро покрылась ледяной коркой и всего его заколотило от холода.

Тогда он кое-как потащился, дрожа и всхлипывая, вверх по реке. На берегу он нашел свой рюкзак.

Вытащил из рюкзака бутылку спирта и выпил чуть не половину. Потом разделся, трясущимися руками выжал одежду, раскидал ее по камням, а сам залез в спальный мешок. Когда он очнулся, все так же мелко дрожа, то не сразу вспомнил, что произошло, и даже не смог бы сказать, сколько времени он пролежал в этом ужасном состоянии – на грани жизни и смерти. Быть может, это продолжалось несколько минут, а может быть, и час, и два, и даже сутки. Часы стояли – то ли потому, что были испорчены водой, то ли потому, что прошло больше суток. Было светло, но солнце закрывали мрачные снеговые тучи.

Когда человек вспомнил, наконец, все происшедшее, он поднялся и, преодолевая тупую боль во всем теле, попытался собрать хворосту на костер. Но добыть огонь не удалось: обе коробки спичек, лежавшие в карманах брюк, были безнадежно испорчены водой. Съев холодные консервы, он медленно двинулся вниз по берегу.

Три дня человек обшаривал берега реки ниже того места, где их с галуб-яваном повалило течением. Он перехо-

дил от камня к камню в надежде найти хоть какие-нибудь следы, хоть что-нибудь, что помогло бы ему узнать о судьбе этого загадочного существа, на поиски и преследование которого он истратил все свои силы, физические и духовные. Но он ничего не обнаружил.

* * *

В ясный морозный день на тропинке, ведущей к метеостанции, появилась странная фигура. По склону медленно, как-то механически переставляя ноги, тяжело опираясь на ледоруб, двигался человек. Грязная, вся в лохмотьях одежда висела мешком на очень худом теле. Совершенно разбитые ботинки были скреплены веревками и тряпками...

Как и месяц назад, у двери, прислонившись к косяку, стоял начальник станции и смотрел на спускающегося по тропе. Когда тот подошел к домику, начальник станции молча открыл дверь. Пришедший выпустил из рук ледоруб и повалился на кровать.

Товарищ бросился к нему, стал быстро расстегивать одежду.

После нескольких томительных минут молчания он решился спросить:

- Ну так что, нашли вы его?
- Представьте, нашел.
- Значит, он существует?
- Может быть....

Кирилл Станюкович

ГОЛУБ-ЯВАН

(К вопросу о жизни снежных людей на Памире)

Долина Восточного Пшарта – это типичная памирская широкая долина с сухим руслом, по которому вода течет только в жаркие летние дни, когда сильно тают ледники. С обеих сторон над долиной поднимаются высокие сухие хребты. Гребни их почти бесснежны, а ледники, встречающиеся только по северным склонам, очень невелики.

В нижней части долины Восточного Пшарта по надпойменной террасе расположены поля колхоза, где несмотря на высоту три тысячи восемьсот метров, сеют ячмень.

В верхней части долины, по боковым щелям расположены летние пастбища и стоят колхозные фермы. До этих ферм нетрудно проехать от Памирского тракта на машине. Но дальше, к последней ферме, расположенной уже за перевалом, добраться было невозможно.

Поэтому, подъехав под перевал и увидев, что Мамат и Султан уже поджидают нас с лошадьми и ишаками, мы продолжили путь верхами, а машину отправили обратно.

Всего в маршруте по Пшарту нас должно было участвовать пятеро: братья Таштамбековы – Мамат и Султан, Тадеуш Николаевич, Анастасия Петровна и я.

Последний подъем на перевал не крутой, и мы быстро достигли его плоской седловины. По другую сторону перевала перед нами открылась широкая и ровная долина реки Западный Пшарт, с широкой поймой, занятой галечниками, лугами и обширными надпойменными террасами, по-

крытыми редкой пустынной растительностью. По обе стороны долины поднимались скалистые склоны хребтов, которые дальше на запад, ниже по долине, резко сближаются и заключают реку в тесное ущелье.

Долину Западного Пшарта нам и нужно было обследовать на следующий день.

У самого подножья перевала стояли две юрты колхозной фермы, где нам предстояло ночевать. Вокруг них уже слышалось бление овец и коз, устраивавшихся на ночевку.

Был вечер. Закатные лучи солнца, садившегося на самые гребни гор, перестали греть, и ветер, еще недавно приятно прохладный, стал жестко холодным. Мимо нас с коротким похрюкиванием, рысью пробежало, направляясь к юртам, стадо кутасов (яков). Они быстро скатились по склону и пробежали к ферме. Это матки. Целый день они пасутся без пастуха, а потом точно в назначенный час стремительно бегут домой кормить своих телят. Но злобные доярки уже поджидают доверчивых маток, — они сначала доят их и только потом разрешают кутасихам проявить материнские чувства — покормить и полизать своих лохматых детенышей.

Принимали нас на ферме с почетом. Хозяин юрты, взяв за уздечку мою лошадь, придержал стремя и помог мне сойти с седла. Сын хозяина приподнял ковровую дверь в юрту и пропустил нас внутрь, хозяйка поспешно постлала одеяла.

Сняв с себя сумки и снаряжение, мы уселись на одеяло, поджав ноги. Хозяин присел сбоку, поинтересовался новостями. Но их было мало — ферма и сама регулярно получала газеты.

Хозяйка щипцами наложила кольцом кизяк и раздула мехами костер посреди юрты, так что он ярко запылал. В огонь поставила кумган — медный кувшин на высокой подставке, который быстро нагревается на костре. Заварив чай в фарфоровом чайнике, хозяин подал мне пиалу чаю; из уважения чаю было налито очень немного, а передавалась пиала обеими руками, вернее одной рукой он передавал, а

другой придерживал, — это также свидетельствовало о желании оказать уважение.

После чая, несмотря на протесты хозяев, мы настояли, чтобы ужин готовили из наших продуктов и, приняв во внимание клятвенные заверения Мамата, что в консервах «чушки» нет, постановили варить рисовый суп с консервами. Готовить картошку или мясо на такой высоте чересчур долго.

Пока варили ужин, мы успели сделать свои дела, уложить в прессы небольшие сборы растений, записать, что нужно, в дневник, расседлать и пустить на траву лошадей.

В юрте скопилось сегодня много народу: кроме хозяев и нас, было еще двое гостей — почтенных бородачей, занятых поисками убежавшей лошади. Когда стали раскидывать одеяла, чтобы ложиться спать, гостеприимным хозяевам пришлось довольно туго. Но все как-то утряслось, и, разложив свои спальные мешки на хозяйские одеяла, мы улеглись. Верхнее отверстие в юрте, через которое выходит дым, затагнули кошмой, лампу задули и стало совершенно темно.

Некоторое время была тишина. Потом один из приезжих стариков тихо позвал:

— Мамат!

— Ну?

— Далеко пойдешь?

— До Чатык-коя.

— И ночевать будешь?

— Буду.

— Не боишься?

Молчание.

— Может быть, нехорошо.

— Что нехорошо? — вмешался я.

— Мамат знает.

— Что нехорошо, Мамат?

Молчание.

— Да ну же, Мамат, что там нехорошо?

— Дикий человек, — неохотно отозвался Мамат.

— Какой дикий человек?

– Просто дикий человек, голуб-яван.
 – Что за «просто», басмач?
 – Нет, просто дикий человек. В горах живет.
 – Мамат, что ты чушь несешь, какой дикий человек? Ты видел дикого человека?
 – Я не видел, другие видали.
 – Ну и что делает дикий человек?
 – Дикий человек будет камни бросать с горы, кричать с горы. Женщину может увести, мужчину будет вызывать драться, кричать, стучать кулаком по груди...
 – Брось, Мамат!
 – Нет не брось. Не смейся. Если он тебя повалит – убьет, изломает; если ты его победишь, повалишь – он будет очень плакать и убежит в горы и жить не будет.
 – Да брось ты, Мамат, чепуху молоть!
 – Нет, есть! – твердо сказал первый бородач.
 – Конечно, есть, – сказал второй.
 – Почему ты знаешь, что есть? – сказал я. – Ты сейчас ходил по Пшарту? Ты видел?
 – Нет, сейчас не видел. Раньше видел.
 – Когда видел? Где?
 – Давно, в Кыл-рабате.
 – А почему ты думаешь, что здесь есть?
 – Все знают, на Пшарте есть дикий человек.
 – Да кто видел здесь дикого человека? Аксакал, тут есть дикий человек?
 – Есть, – еще раз категорически подтвердил первый бородач, – три есть, один мужчина, две женщины есть, один маленький есть.
 – Ты сам видел?
 Молчание.
 – Ты сам видел здесь, на Пшарте, дикого человека?
 Молчание.
 – Про это не надо говорить, – сказал, наконец, бородач,
 – он тогда сам придет, плохо будет.
 Из дальнейших расспросов выяснилось, что хотя никто и не признавался, что своими глазами видел здесь дикого человека, но некоторыми людьми считается общепризнан-

ным, что на Пшарте есть дикие люди. Они ходят голые и покрыты шерстью, едят все, что найдут в горах. Обычных людей дикие люди не любят, и поэтому в одиночку ночевать здесь не стоит.

Я долго спорил, уверяя, что это вздор. Хотя мне и перестали возражать, но, кажется, я своих седобородых оппонентов не разубедил.

В разговор вмешался Тадеуш Николаевич, который стал доказывать, что у нас обязательно украдут Анастасию Петровну, и дело кончилось смехом. Мы смеялись, старики были серьезны.

Хотя я поднял на смех своих противников, но сам долго не мог заснуть, мне вспомнилось многое...

Первый раз о существовании голуб-явана я услышал еще в 1935 году в Кзыл-рабате от одного старика киргиза. Тот утверждал, что когда он в молодости кочевал по Тогдумбаш-памиду (Синьцзян), то ему пришлось уйти из одной долины с хорошими пастбищами, так как там появился дикий человек. Он таскал овец и пугал его домашних криками с горы.

Второе сообщение о том же голуб-яване я получил в 1936 году в районе Алтын-Мазара. Я подходил туда вечером по долине р. Каинды и, чтобы попасть в Алтын-Мазар, должен был перейти через реку Саук-дара. Однако переправляться вечером, когда воды в реке много и лошади устали, было рискованно. Несмотря на это, мои местные рабочие категорически потребовали немедленной переправы, заявляя, что здесь ночевать ни в коем случае нельзя, так как в этих местах живет дикий человек. Он может ночью прийти, и тогда всем нам будет плохо. «Это его места, — заявляли они, — и здесь не надо останавливаться». Тогда же в Алтын-Мазаре одна киргизка, жившая там, рассказывала, что некоторое время тому назад она видела дикого человека в устье Саук-дары и, заметив его, спряталась в камнях, он же прошел выше по склону и кричал.

В 1937 году, когда я, больной, пролежал около недели в юрте у своего друга Джемагула около перевала Тогар-каты, было много разговоров о том, что «опять пришел го-

луб-яван», что он ходит вокруг Булункуля, что пришел он с Лянгара, то есть от Сареза и что поэтому не нужно ходить в одиночку, а то как бы чего не случилось. Джемагул же мне рассказывал, что давно, «еще при Николае», он издала видел двух диких людей: они ходили по горе, «землю копали и траву ели», то есть, вероятно, какие-то корни.

Тогда же он рассказывал, что голуб-яван обычно прячется, потому что боится людей, и всегда уходит, поэтому увидеть его очень трудно. При этом прибавлялось, что сейчас диких людей совсем нет, а раньше «все-таки были». Но если они попадутся навстречу, то бояться особенно нечего; нужно покричать, и голуб-яван сам уйдет.

Рассказы о диких людях я слышал и в Кзыл-рабате и в Алае. Но среди всех повествовавших о подобных случаях я не встретил ни одного человека, которому можно было бы безусловно верить. Известный альпинист Рацек рассказывал мне, что во время работы в окрестностях ледника Иныльчек он слышал от проводника, что там, в одной щели, живут дикие люди.

Вообще, если суммировать все эти рассказы и отнестись к ним с доверием, то можно составить себе следующую картину.

В наиболее труднодоступных и совершенно безлюдных районах Памира, а именно в долине Западного Пшарта, нижнего Мургаба и ряда рек, впадающих в Сарезское озеро с юга, а также в районе нижнего Биляндкиика, Каинды и Саук-дары, некоторые киргизы встречали дикого человека – голуб-явана. Дикий человек весь покрыт шерстью, за исключением лица; ни огня, ни орудия он, по-моему, не знает, но может швырять камни и палки, он избегает людей, питается корнями и мелкими животными – зайцами, сурками, которых может поймать или убить камнем; зимой по глубокому снегу может загнать архара – горного барана или киика – горного козла. Передвигается он быстро и, по-видимому, не имеет постоянного пристанища.

Он сейчас встречается очень редко, раньше встречался чаще.

Насколько достоверны эти сведения и нет ли здесь какой-либо путаницы? Например, не путают ли памирские жители дикого человека с медведем, как это было, по свидетельствам Э. М. Мурзаева, в тех районах Монголии, где местные жители не знакомы с медведем. На это можно было сразу ответить отрицательно: памирцы медведя и все его повадки знают великолепно и нередко за ним охотятся.

Другой вопрос – насколько достоверны все эти рассказы. Ведь мне приходилось слышать и другие.

Так, председатель колхоза «Ленинский путь» на Памире Джурмамат Мусаев, который хорошо знает территорию своего колхоза, относится к подобным рассказам как к легендам. Старые охотники Улджачи, Уразали и Мамат Рохонов из этого же колхоза, много пространствовавшие на своем веку по Памиру, утверждают, что они никогда не встречали дикого человека и никаких следов его пребывания никогда не находили. Уразали, в частности, сказал, что «может быть, голуб-яван и был раньше, но сейчас его нет».

Наконец возникает еще один вопрос: насколько достоверны рассказы людей, будто бы встречавших голуб-явана? На этот, довольно сложный вопрос, легче ответить отрицательно, так как до сих пор совершенно не обнаружены вещественные знаки существования диких людей. Правда, можно думать, если они и существуют, то на всю Центральную Азию, вероятно, можно насчитать в лучшем случае несколько десятков. Живут голуб-яваны в труднодоступных местах, где люди или вообще не бывали, или бывали крайне редко. И если голуб-яваны существуют, то, конечно, живя в самых тяжелых условиях на границе снегов, они должны постепенно вымирать. Под эти воспоминания я и заснул.

Встали мы рано, солнце еще не выходило из-за гор, было светло, по-утреннему холодно, и когда мы тронулись вниз по долине, лед хрустел под копытами лошадей и трава была белая от инея.

На Западном Пшарте нас интересовала, главным образом, древесная и кустарниковая растительность. На Памире деревья и кустарники почти совершенно отсутствуют, вер-

нее, их настолько мало, что они не имеют никакого значения.

В научном отношении для освоения горных территорий очень важно установить ряд границ, например, как высоко поднимается в данной горной системе лес; как высоко заходят отдельные деревья, кустарники, где находится снеговая граница.

Вот все это мы и хотели проследить.

Первые кустарники, встреченные нами, оказались миррикарией. Это стелющиеся, низкие кустики с ветвями, лежащими на самой земле и не поднимающимися выше окружающей травы. Они растут по галечникам вдоль русла реки на высоте 4100 метров. Таким образом, была установлена первая из интересовавших нас границ – верхняя граница, до которой проникают отдельные стелющиеся формы кустарников.

Наша группа двигалась вниз по долине реки. Кусты миррикарии становились все выше. Сначала они были высотой всего пять-восемь сантиметров, потом, когда мы проехали километра три-четыре и спустились метров на 100, миррикария стала поднимать свои ветви на 20-30 сантиметров.

Но, когда река вошла в узкое ущелье, и над ним справа и слева поднялись крутые скальные склоны, все сразу изменилось: прекратился холодный порывистый ветер, стало тепло, и мы сняли полушубки. Между сомкнувшимися скалами весело бежала светлая речка, берега которой густо заросли кустами. Это были не жалкие кустики, едва поднимавшиеся над травой, а настоящие кусты ивы больше метра высоты. Цвел звездчатыми белыми цветами сабельник, в осыпях между обломками скал росли кустарниковая лопчатка, высокие кусты полыни и терескена.

Здесь, в каньоне Западного Пшарта, не было холодного ветра и поэтому гораздо теплее. Чем ниже мы спускались по долине, тем выше становились кустарники: ивы, миррикарии, густыми порослями покрывавшие все берега реки, все отмени, сначала они достигали высоты лошади, а скоро стали возвышаться над всадниками.

Наконец, раздался радостный крик: «Дерево!». И, действительно, среди кустов мы увидели первое дерево. Небольшая ива высотой около трех метров не намного превышала окружающие ее кустарники. Но это было уже настоящее дерево, имеющее ствол и крону. Мы спешили и стали обмерять его, фотографировать и выяснять по высотемерам, на какой высоте оно встречено.

Неожиданно сильный шум и треск ломаемых кустарников, топот, тяжелое сопение нарушили тишину. Мы испуганно вскочили, да так и застыли. Прямо на нас бешеным аллюром неслось целое стадо верблюдов. Именно неслось – неслось галопом, перепрыгивая через протоки, ломая кусты. Что делать? Верблюды приближались с бешеной скоростью, прыгая и брыкая друг друга. Я много видел верблюдов и ходил с верблюжьими караванами. Я знал их широкий шаг, тряскую рысь, но чтобы верблюды неслись галопом – не видывал ни разу. В голове у меня сразу мелькнули рассказы о людях, затоптанных или загрызенных верблюдами.

Бежать? Но куда? Да и поздно...

Верблюды, ломая кусты, налетели и внезапно остановились. Мы оказались окруженными целым кольцом тяжело сопящих и бессмысленно уставившихся на нас животных.

Это были жирные, отъевшиеся великаны, которых на целое лето, одних без пастухов, загоняют пастись на Пшарт, и здесь они, видимо, сильно дичают.

Было совершенно непонятно, зачем они неслись, почему остановились, чего они хотят, злы они или добродушны? Их тупые до предела морды ничего не выражали.

Мы застыли молча посередине этого живого кольца. Я сжимал ледоруб, Тадеуш Николаевич с малокалиберкой на изготовку.

– Мамат, Султан, что делать? – шепотом, не двигаясь, спросил я.

– Ничего. – Мамат спокойно подошел к одному верблюду, похлопал по шее, и верблюд отвернул голову, противно скрипнул и отошел. Тогда Мамат сорвал ветку ивы и, не

больно ударяя, погнал в сторону этого верблюда, потом второго.

Неожиданно все верблюды повернулись и ушли.

Когда они отошли, нас еще долго не покидало неприятное чувство; мы никак не могли приняться за работу и все оглядывались, пока верблюды бродили поблизости.

– Ничего, ничего, – говорил Мамат, – Султан прогонит их.

А Султан пошел и, спокойно что-то говоря, начал отгонять верблюдов в сторону. Те послушно отходили, но по скованным движениям Султана я видел, что он их опасается.

– Они играют, – сказал Мамат, – они человек давно не видал, целое лето. Этот верблюд один ходит, один траву кушает. Увидал человек, – прибежал, посмотрел. Не надо бояться.

И мы продолжали работу. Но действительно ли верблюды соскучились по человеческому обществу, или что-то другое блуждало в головах у этих странных и тупых животных, но они нас так и не оставили в покое.

Через час, когда мы уже далеко ушли вниз по реке, опять раздался топот и треск ломаемых кустов, и мы стали свидетелями того, как ожесточенно дрались два здоровенных верблюда. Один из них норовил укусить другого за шею и все никак не мог ухватить, а другой, поминутно поворачиваясь к противнику задом, злобно брыкал его, и удары мягких копыт по тугому брюху противника отдавались, как в хорошем барабане. Они проскакали мимо.

Затем снова раздался шум. Какой-то верблюд с маху подлетел к нам и неподвижно застыл, бессмысленно разглядывая нас. Мы постояли, постояли друг против друга, а потом он повернулся и убежал.

Верблюды, по-видимому, так и шли сзади за нами.

В течение всего дня они неоднократно догоняли нас, некоторое время рассматривали, а потом уходили.

С самого утра я непрерывно наблюдал за дорогой и отменями реки. Когда-то, будучи юннатом, я очень увлекался изучением следов животных. В то время была опубли-

кована замечательная книга А. Н. Формозова, в которой были даны рисунки следов многих зверей и птиц. И позже я продолжал интересоваться следами.

Отмели и песчаные тропы Западного Пшарта – своеобразные книги, в которых расписывались все обитатели долины. Следов верблюдов было много, не меньше и заячьих следов. Впрочем, о зайцах можно было судить не только по следам. Буквально в каждом расширении долины мы вспугивали целые выводки. Зайцы, как ракеты, разлетались от нас во все стороны. Охота за ними не доставляла никакого удовольствия. Стоило только вспугнуть выводок, пройти за одним из зайцев, миновать кусты и, увидев, как он стоит на склоне на задних лапах и озирается по сторонам, спокойно прицелиться и стрелять.

Попадались следы кииков, но их было сравнительно немного. Наконец, на старой протоке я увидел на песке широкие отпечатки когтистой лапы медведя.

Среди дня попался опять медвежий след. Следов ирбиса (снежного барса) не было.

В два часа дня Мамат показал мне на тропе какой-то необычайный след – он был уже, чем медвежий, и отпечатков когтей, обязательных для медвежьего следа, на нем не оказалось. След отпечатался на сухом песке, и поэтому был неясным. Животное, оставившее след, не шло по тропинке, а пересекало ее, наступив на песок только один раз.

Я хотел зарисовать след. Но в это время опять раздался предостерегающий крик:

– Верблюды!

Снова эти шалые твари подбежали вплотную и устали на нас. Когда они убрались, и я вернулся к дорожке, то следа уже не существовало, он был затоптан.

Напрасно я всматривался после этого в каждый кусок мягкой почвы, на которой оставались многочисленные следы разных животных, но медвежьих следов как с когтями, так и без когтей больше не встречалось.

Мы шли безостановочно вниз по реке. В четвертом часу дня мы увидели первую облепиху, а затем начались великолепные рощи берез. Постепенно, по мере нашего движе-

ния вниз по долине, а, следовательно, и по мере уменьшения абсолютной высоты местности, величина берез все увеличивалась, а в конце дневного пути, около пяти-шести часов вечера, по всей узкой долинке появились березовые лески.

В семь часов вечера мы остановились под высокими скалами в чудесной березовой роще.

После памирской пустыни — холодной, суровой, без зелени, без жизни, где только ветер свистит в бурых скалах, было так приятно сидеть в тени берез, слушать шум листвы, веселый говор воды, видеть, как по скале суетится пернатый скалолаз, поползень, а в кустах пересвистываются пеночки.

Заложив гербарий и сделав описание окружающей растительности, мы стали приводить в порядок материалы, полученные за день.

Результаты были исключительно интересны. Оказалось, что первые кусты были обнаружены на высоте четыре тысячи сто метров; первое дерево ивы — на высоте три тысячи семьсот метров; верхняя граница леса проходит на высоте три тысячи шестьсот метров.

Узкий каньон Пшарта создавал, видимо, исключительно благоприятные климатические условия для роста деревьев, поэтому они и поднимались здесь так высоко. Значит, и культурные растения на Западном Пшарте можно выращивать гораздо выше, чем в других долинах Памира. Здесь можно сеять ячмень, редиску, репу, картошку и т. д. Такие благоприятные условия на Пшарте создались потому, что крутые стены ущелья хорошо прогревались солнцем и защищали долину от ветра.

Был чудесный вечер, тишина, в закатном небе стояли гребни гор, весело шумела река, чуть шелестели листья, и просто не верилось, что мы были всего в одном переходе от безжизненных пустынь Памира.

Палатку не ставили, а постелили кошму и на кошме разложили спальные мешки. Мамат и Султан устроили свои постели отдельно, чуть в стороне, в кустах.

Ужин был прекрасный, мы с собой захватили даже виноград и арбуз. Правда, копченая колбаса оказалась соленой до безобразия.

После ужина стали укладываться, обсуждая результаты дневных исследований.

За этот длинный день, за большой переход, полный напряженной работы, мы все порядочно измотались, и так приятно было, засыпая, слушать шум реки, слабый шелест листьев, мерное похрустывание жующих лошадей.

Я в последний раз выглянул из мешка, оглядел склоны, — скала над нами была прочной, не грозила обвалом, да и камни, упавшие с нее, на нас не попали бы — мы были достаточно далеко; с другой стороны, скала защищала нас от камней, которые могли скатиться со склона. Успокоившись на этот счет, я покрылся поверх мешка полушубком и сразу заснул.

Ночью я проснулся с ощущением, что что-то произошло. Я долго и напряженно прислушивался, но стояла полная тишина, и, кроме шума реки, ничего нельзя было уловить, даже не было слышно, как жуют лошади; они, очевидно, наелись и зоревали или затихли, испуганные чем-то. Я почувствовал, что страшно хочу пить, — съеденная за ужином соленая колбаса не давала покоя. Я долго крепился, но, наконец, не вытерпел и скрепя сердце полез из теплого спального мешка.

Снаружи было просто холодно. Подпрыгивая на колких сучках и острых камнях, которые, конечно, в обилии подворачивались мне под босые ноги, и чертыхаясь, я кое-как добрался до реки, лег и припал к воде. Но пить много не пришлось: вода оказалась до того холодной, что у меня от первых же глотков заломило переносицу.

Когда я вернулся назад, опрокинув по дороге ведро, повалившееся мне под ноги, влез в мешок и согрелся, то почувствовал, что пить хочу по-прежнему.

Укладываясь в мешок, я разбудил Тадеуша Николаевича, спавшего рядом.

— Пить хочу, умираю! — сказал он.

Мы долго молчали, я хотел пить по-прежнему, но выжидал, надеясь, что Тадеуш Николаевич пойдет пить и принесет воды и мне, но он не шел. Тогда я не выдержал, вылез опять, с трудом в темноте нашел кружки, сходил на реку, попил сам, зачерпнул воды и принес ему. Теперь, сидя в мешках, мы напились досыта. Но тут проснулась Анастасия Петровна, ей тоже хотелось пить, но она, видите ли, предпочитала виноград. И так как я тоже согласился, что неплохо поесть винограда, то пришла очередь Тадеуша Николаевича, и он, кряхтя и чертыхаясь, вылез из мешка и притащил виноград.

Тадеуш Николаевич, ходивший за виноградом в ту сторону, где спали Мамат и Султан, ругался.

— Я же слышал, что они, черти, не спят, переговариваются. Я спрашиваю, где виноград, — они только плотнее закутываются в одеяла и не отвечают...

— Да они, небось, вас за дикого человека сочли, — предположил я.

— Во! Во! Очень даже просто, что за дикого.

Мы бы сразу заснули, но вдруг высоко над нами загремели камни и покатались вниз. Мы спокойно лежали в мешках, так как знали, что скала нас прикрывает. И действительно, несколько камней скатились правее со склона и затрещали в кустах. Сами ли они полетели, или их толкнул какой-нибудь киик или мишка, неизвестно. Но шум затих, мы успокоились и заснули.

Когда я утром проснулся, лагерь был в тревоге. Мамат срочно собирал имущество, выючил лошадей и вместе с Султаном просил как можно скорее уходить обратно. На вопрос почему, он сообщил, что ночью приходил дикий человек и что дольше оставаться здесь опасно.

— Да что же сделал тебе этот дикий человек? — спросил я.

Мамат возмутился моей беспечностью. Из его рассказа выяснилось, что они с Султаном всю ночь не спали и сами были свидетелями прихода диких людей. Во-первых, сначала дикий человек швырял сверху камни, потом он ходил по лагерю и что-то бормотал, потом, уходя, опять швырял камни.

Неопровержимые свидетельства присутствия дикого человека были налицо, — это камни, валявшиеся неподалеку и поломавшие кусты; перевернутые ведра и одна развороченная сумка, из которой далеко к скалам были выброшены исцарапанные банки с консервами; разломанный и почти уничтоженный хлеб и ясные отпечатки больших плоских зубов на куске масла.

На заявление мое и Тадеуша Николаевича о том, что мы ночью ходили по лагерю и гремели ведрами, нам резонно указали, чтобы, во-первых, мы не выдумывали, а во-вторых, что смешно даже и говорить о том, будто Мамат мог спутать своего начальника с диким человеком.

На наше несмелое предположение, что хлеб могли слопать ишаки, а по пути вывалить из сумы и консервы, Мамат заверил нас, что суму он на ночь плотно завязывал. Кроме того, если ишаки и могли есть хлеб, то уж сливочное масло они есть не станут. А отпечатки зубов на масле самые ясные.

Попытка выяснить, кто же кусал масло, окончилась неудачно: ишак, которому я открыл рот, чтобы сравнить его зубы с отпечатками зубов на масле, неожиданно вцепился в масло, которое Мамат держал для сравнения рядом. Выкусив здоровый кусок с драгоценными отпечатками зубов дикого человека, он немедленно сожрал его. На масле остались теперь ясные отпечатки ишачьих зубов, которые я, по неразумению, считал схожими с прежними, но которые Мамат совершенно авторитетно признал другими.

Несмотря на длительное обсуждение во время завтрака и на обратном пути, единого мнения по вопросу ночных происшествий в нашей группе так и не удалось установить.

* * *

Теперь, по прошествии нескольких лет после этого маршрута, я получил еще дополнительные сведения о жизни дикого человека от незнакомого старца, которого встретил

на Пшарте в этом году. Он искал там свою сбежавшую кобылу.

Этот достойный человек сообщил мне, что несколько лет назад здесь, на Пшарте, ночевала экспедиция, что их было пятеро, из них одна женщина. Начальник был «Зор-адам» (зор-адам – большой человек, мое киргизское прозвище). Ночью к ним пришел дикий человек, швырял камни с горы и кричал, потом он спустился, съел хлеб и масло и даже прокусил несколько банок с консервами и съел. Затем он хотел утащить женщину, но «Зор-адам» стал с ним бороться и повалил его, после этого дикий человек громко плакал и ушел в горы, швыряя камни. Все это видели многие, например Мамат, у которого сей мудрый старец рекомендовал мне навести справки. Имени этого симпатичного человека я, к сожалению, сообщить не могу, потому что, случайно уяснив из слов моего помощника, кто я такой, он очень заторопился искать свою пропавшую кобылу и сразу покинул нас.

Александр Шалимов

ЗАГАДКА АЗИАТСКИХ ВЫСОКОГОРИЙ

О загадочном голуб-яване — таинственном обитателе азиатских высокогорий — я впервые услышал от Мирзо Курбанова, проводника и охотника, бесстрашного следопыта скалистых круч.

Это было на Западном Памире. Наш геологический лагерь — три маленькие альпийские палатки — уже несколько дней стоял недалеко от края ледника, запиравшего верховья долины. Вблизи палаток быстро текли мутные коричневые воды большой реки. Они вырывались из глубокой расщелины в изъеденном солнцем языке льда.

Выше лагеря, возле ледника, была стоянка чабанов. Их стада паслись по окрестным склонам, и веселые огни костров приветливо мигали в вечернем сумраке.

Однажды чабаны обратились к нам за помощью. В долине начали разбойничать барсы. Минувшей ночью они задрали с десятков баранов. Потревоженные чабанами барсы с большой неохотой покинули место побоища.

Ночью чабаны ждали нового нападения. Кремневые ружья были плохой защитой против дерзких хищников. А у нас были винтовки.

В засаду отправились геолог Петр Васильевич, Мирзо Курбанов и двое чабанов. Однако ночь прошла спокойно. Барсы не появились и на вторую ночь.

— Испугались, — посмеивался Петр Васильевич, — поняли, с кем имеют дело.

Но суровый, спокойный Мирзо был встревожен:

— Почему барс убежал? Моя не понимаю. Совсем не понимаю. Яман. Нехорошо.

На третью ночь охотники не пошли в засаду.

— Барс не придет. Далеко убежал, другой долина, — пояснил Мирзо.

— А почему?

Старый охотник пожимал плечами.

В тот вечер мы долго сидели у костра. Взошла луна. Бледный зеленоватый свет озарил крутые склоны ледниковых цирков. Острые тени легли на скалы и льды.

Мирзо настороженно прислушивался.

— Отсоветовал идти, — сердился Петр Васильевич, — а теперь сам ждет, что подадут голос. Тоже мне истребитель барсов...

В долине Ванча истребителем барсов звали Мирзо. Более тридцати засечек украшало потемневший приклад его винчестера. Каждая засечка — убитый барс.

Вдруг Мирзо, сидевший неподвижно, встрепенулся. На лице старого охотника появилось выражение недоверия и даже испуга.

— Говорил, говорил, — шипел Петр Васильевич.

Мирзо предостерегающе поднял руку, и мы замерли, прислушиваясь.

Издалека, из самых верховьев долины, донесся какой-то звук, какой-то странный голос. Вскоре он повторился ближе, гортанный, загадочный, ни на что не похожий: не то стон, не то рычание.

— Барсы? — с сомнением прошептал Петр Васильевич.

«Волки», — мелькнуло у меня в голове.

В третий раз прозвучал странный голос: далекий, тоскливый, свирепый.

Мирзо поднялся. Губы старого охотника дрожали. Глаза испуганно округлились.

— Голуб-яван, — пробормотал он, отирая коричневой рукой крупные капли пота со лба, — снежный человек. Много снежный человек. Беда, начальник...

Ярче вспыхнули костры в лагере чабанов. Затем оттуда донеслись крики, удары в какие-то жестянки, выстрелы.

— Напали? — спрашивал Петр Васильевич, судорожно сжимая побелевшими пальцами винтовку. — Идем помогать?

— Нельзя, — ответил Мирзо, поспешно валя в костер коряжистые стволы сухой арчи. — Нельзя идти от огня. Снежный человек боится огонь. Больше ничего не боится. Кто пойдет от огня — пропал. Там, — Мирзо указал на лагерь чабанов, — немножко пугают снежный человек. Давай мы тоже... — И Мирзо, схватив в одну руку скалку, а в другую жестяной таз, принялся барабанить, выкрикивая в темноту:

— Эй, о эй, пошел, пошел!..

Рабочие-таджики последовали его примеру.

Тихий геологический лагерь превратился в стойбище загулявших людоедов. Метались на ветру огромные языки пламени. Вокруг них приплясывали и оралы люди, колотя в кастрюли, тазы и ведра. Лошади, привязанные возле самых костров, ржали, стригли ушами, испуганно косились на огонь.

Голосов снежных людей мы больше не слышали: дьявольский шум, поднятый в двух лагерях, мог испугать кого угодно.

Остаток ночи прошел без сна.

Усталые и охрипшие, мы жались к костру, тревожно озирались, прислушивались. Однако, после того как умолкли крики в лагере чабанов, в долине воцарилась полнейшая тишина. Даже ветер прекратился. В неподвижном морозном воздухе спокойно горели костры. Луна ярко освещала белое галечниковое русло, скалистые гребни, пустынный серебристый ледник.

Мирзо тихо рассказывал:

— Голуб-яван очень плохо. О-о!.. Горы живет высоко. Долина не любит. Большой ледник любит. Здесь не был. Недавно из другой долина пришел. Потому барс убежал. Голуб-яван все боятся. О-о!.. Кого нашел, к себе тащил. В земля тащил. Потом кушал... Очень злой, очень сильный...

— Какой он из себя? — спросил Петр Васильевич, потирая над костром озябшие руки.

— Совсем как человек, только поменьше, бегают шибко, шарабара не надевает, совсем голый.

— Глупости, — сказал Петр Васильевич, — замерз бы на смерть.

— Зачем замерз, — возразил Мирзо. — Шерсть хороший есть. Такой шерсть, как у медведь, только серый.

— Глупости, — повторил Петр Васильевич и поспешно оглянулся.

Утром рабочие потребовали перенести лагерь. Работы в этой долине были почти закончены, поэтому Петр Васильевич возражал главным образом из упрямства. При ярком

солнце после сытного завтрака все ночные страхи казались ему наивными и смешными.

— Кого испугались? — уговаривал он рабочих. — Были барсы, а может, волки. Сегодня ночью мы с Мирзо пойдем и подстрелим парочку. Как, Мирзо, пойдем?

Мирзо дипломатично молчал. Рабочие продолжали настаивать. Атмосфера накалялась.

Петр Васильевич попробовал изменить тактику:

— Чабаны нас засмеют, если уйдем. Они вон не думают уходить...

Словно в ответ на эти слова невдалеке слышались гортанные крики, дробный шорох сотен маленьких копыт, и плотно сбита масса баранов и коз подобно потоку потекла мимо нашего лагеря вниз по долине.

Уход чабанов прекратил спор.

Вечером мы разбили новый лагерь в самых низовьях долины. Однако и здесь рабочие не чувствовали себя в безопасности. Они по очереди сторожили лагерь и жгли большой костер.

Осенью, возвратившись в Хорог, я рассказал о нашем приключении геологу Сергею Ивановичу Клунникову — старожилу и замечательному знатоку Памира. Признаться, я побаивался, что Сергей Иванович начнет подтрунивать над мной. Однако этого не случилось.

Выслушав мой рассказ, Клунников совершенно серьезно заметил, что и он не раз слышал от бадахшанцев и таджиков, населяющих долины Западного Памира, о существовании каких-то таинственных животных на азиатских высокогорьях.

Несколько лет назад знакомый охотник даже показывал ему клочок грубой грязно-серой шерсти, срезанной с убитого голуб-явана. Охотник ни за что не хотел расставаться с этим клочком волос, считая его талисманом. Голуб-явана убил дед охотника. Семейная реликвия переходила от отца к сыну. Впрочем, приятелю Сергея Ивановича талисман не принес счастья. Охотник пропал без вести на ледниках Язгулемского хребта. Может, провалился в трещину, а мо-

жет, как уверяли в кишлаке, его утащили снежные люди. Вместе с охотником исчез и талисман.

— Фактов, к сожалению, слишком мало, — заметил в заключение Клунников, — а легенд и фантазии слишком много. Жаль, что вы так стремительно ретировались, услышав голоса голуб-яванов. Кто знает, может, вы стояли на пороге разгадки тайны.

Я признался, что теперь, спустя несколько месяцев, мне самому все наше приключение кажется неправдоподобным. Таджики могли ошибиться. Может быть, мы слышали вой шакалов или рычание барсов. Что это за фантастические существа, живущие среди снегов и льдов? Почему о них ничего не знает современная наука?

Сергей Иванович усмехнулся.

— Начну с конца, — сказал он. — Современная наука кое-что знает о них. Жители Тибета, Непала и особенно индийцы из горного племени шерпов не раз рассказывали европейским путешественникам о снежных людях, будто бы обитающих в недоступных высокогорных долинах Гималаев, Куэнь-Луня и Каракорума. Многие путешественники встречали следы этих существ. Таинственные следы на снегу впервые описал Уэдделл, участник гималайской экспедиции 1889 года. Он видел следы на границе Тибета, на перевале Донкья-Ла, на высоте более пяти тысяч метров над уровнем моря. Носильщики-тибетцы в один голос заявили, что следы оставил йети, или метох-кангми, — страшный волосатый человек, живущий среди снегов. Следы йети видели все участники первой экспедиции на Эверест: шестеро европейцев и двадцать шесть носильщиков-шерпов. Это произошло на северных склонах Эвереста на высоте шести тысяч семисот метров над уровнем моря. Следы были совсем свежие. Близость страшного йети так смутила шерпов, прозванных за свое мужество и выносливость тиграми Гималаев, что начальнику экспедиции Говарду-Бюри стоило немалого труда предотвратить панику и заставить носильщиков продолжать подъем.

Наконец, лет двенадцать назад, кажется, в 1925 году, итальянец Томбози как будто видел даже живого йети в

Центральных Гималаях, у подножия пика Каб-ру. Йети прошел по снегу метрах в трехстах от притаившегося путешественника и исчез среди хаоса морен. Томбози писал, что йети похож на человека, покрыт темной шерстью и быстро двигается на двух ногах...

Сергей Иванович замолчал, что-то припоминая. Мы сидели на открытой веранде, повисшей над зеленоватым пеннистым Гунтом. Прямо перед нами круто уходили вверх ребристые серые скалы Шах-Дарьинского хребта. Вдали, на противоположной, афганской стороне Пянджа, поднимались в темно-синее небо острые, покрытые снегом пики.

— Центральная Азия, Гималаи, Гиндукуш и даже Памир почти не изучены, — продолжал Клуников. — Исследователи встретят здесь тысячи загадок и неожиданностей...

— Но йети, — перебил я, — если они действительно существуют, кто они?

— Таджики считают их сродни шайтану. Отсюда панический страх и легенды, рассказы о том, что йети могут околдовать человека, свести с ума, превратить в змею, в жука, в камень или, что, по-видимому, гораздо проще, сожрать.

— А вы что думаете, Сергей Иванович?

— Я думаю, что йети — потомки древнечетвертичных обезьян. То самое исчезнувшее звено, которое должно связывать древних человекообразных обезьян и людей. Родственник, более близкий нам с вами, чем горилла и шимпанзе. Какая-то ветвь древнечетвертичных обезьян могла акклиматизироваться в суровых условиях высокогорья и существует по сей день. Они, вероятно, умны, сильны и осторожны. В этом источник легенд и в этом причина, что мы о них почти ничего не знаем.

— И вы утверждаете, что на Памире... — начал я.

— Я ничего не утверждаю, — махнул рукой Клуников. — Я слышал лишь рассказы о них. Вы знаете больше. Может быть, вы слышали их голоса. Если даже йети, или, как их называют таджики, голуб-яваны, и сохранились, то здесь, на Памире, они стали большой редкостью. Хотите познакомиться с ними ближе, поезжайте в Гималаи.

Прошло несколько лет. В Гималаи я не поехал, но перед самой войной снова попал на Памир. В конце лета с группой носильщиков мне пришлось переваливать через Ванчский хребет. Мы переночевали у подножия крутого скалистого склона — единственного пути к перевалу Гуджигас. Рано утром начали подъем.

Связавшись веревками, мы с трудом карабкались по узким карнизам, крутым оползающим осыпям, обледеневшим снежникам. Лишь в полдень, измученные и задыхающиеся, достигли широкой седловины. Носильщики побросали груз и повалились в снег.

С юга, от синеющих вдали ледяных гребней Язгулемского хребта, дул пронизывающий ветер. Он свистел в черных, запорошенных снегом скалах и швырял в лицо острую ледяную пыль.

Я взглянул на aneroid. Стрелка показывала пять тысяч метров. Ряды снеговых хребтов громоздились на севере и на юге.

Внизу перед нами чернел глубокий провал Язгулемской долины. Туда вел наш путь. Я крикнул проводнику, что пора двигаться дальше. В разреженном воздухе голос прозвучал, как далекое эхо. Рабочие нехотя начали подниматься.

Вдруг послышался крик. Несколько человек рассматривали что-то на снегу. Остальные поспешно окружили их. Когда я подошел, они молча расступились. На голубоватой поверхности свежавывавшего снега были видны отчетливые следы босых ног. Следы вели из долины Язгулема на северный склон хребта и исчезали в скалах, откуда вихрь уже успел сдуть снег.

— Голуб-яван проходил здесь утром, начальник, — тихо сказал проводник. — Он смотрел, как мы шли на перевал. Заряди револьвер, если он не заряжен...

Никогда еще носильщики так не торопились покинуть место привала. Груз был расхвачан с молниеносной быстротой, без обычных споров и пререканий. Через несколько минут длинная цепочка таджиков бегом спускалась по заснеженному склону.

Возле меня остался только тревожно озирающийся проводник. Он с нетерпением ожидал, когда я закончу осмотр таинственных следов. Я израсходовал пленку фотоаппарата еще на подъеме к перевалу и поэтому теперь не мог сфотографировать следы. Коченеющими пальцами сделал набросок в полевом дневнике. Длина следа была около тридцати сантиметров, ширина — пятнадцать. Были отчетливо видны отпечатки пяти пальцев. След большого пальца был значительно крупнее остальных и оттопырен в сторону.

Значит, Клунников был прав? Значит, снежный человек существует не только в воображении жителей гор? Значит, несколько лет назад мы слышали голоса снежных людей?

Я поднялся с колен и внимательно оглядел скалы водораздельного гребня. Может, за одним из этих выступов прячется сейчас странное волосатое существо, уже не обезьяна и еще не человек, таинственный и свирепый обитатель ледяных вершин.

Проводник потянул меня за рукав. Носильщики уже спустились к краю ледника и, сбившись в кучу, поджидали нас.

— А может, медведь? — сказал я, кивнув на следы.

Проводник отрицательно покачал головой.

В верховьях Язгулема потемнело. Пухлые белые облака тяжело переваливались через ледяные гребни и быстро заполняли долину. Надо было торопиться.

Мы поспешно спустились к краю ледника.

— Где пойдем? — спросил один из носильщиков, поглядывая исподлобья то на меня, то на проводника. — Дороги нет, начальник. Там, — он указал на перевал, — снеговой шайтан, тут тоже яман...

Свежий снег покрывал волнистую поверхность ледника — ослепительно белый, пушистый, обманчивый. Он прикрыв провалы и трещины однообразным, искрящимся покрывалом. Сколько опасных ловушек ждет нас на пути вниз по леднику!

Проводник, сдвинув на ухо засаленную чалму, с сомнением почесывал затылок.

— Ишак надо, — сказал самый старый из носильщиков.

— Ишак хорошо, — оживился проводник, — ишак дорогу знает. Вперед пойдет, трещины будет обходить.

Я слышал, что на особенно опасных участках высокогорных ледников впереди каравана пускают ишака, предварительно освободив его от вьюка. Ишак становится проводником и одному ему известным способом находит безопасный путь в лабиринте невидимых трещин.

Однако у нас ишака не было.

— Обвязаться веревками, — скомандовал я, — пойдем цепью.

Проводник, который в поисках пути удалился в сторону от каравана, что-то крикнул. Носильщики поспешно двинулись к нему. Я пошел следом за ними.

— Есть дорога, — сказал, широко улыбаясь, проводник, когда я подошел ближе, — смотри...

На снегу темнели следы.

— Опять голуб-яван? — спросил я, рассматривая отпечатки, напоминающие следы босых ног.

— Йок, йок, нет, — затрясли бородами носильщики. — Это медведь. Он убегал от снежный шайтан. Смотри, совсем другой след.

След действительно не был похож на тот, который мы видели на перевале. Пальцы почти не отпечатались, кое-где были видны следы когтей. Кроме больших отпечатков задних лап виднелись меньшие, иного очертания.

— Четыре нога, — сказал проводник, указывая на следы. — Там, — он кивнул в сторону перевала, — два нога, как у тебя, у меня.

Медведь, которого, может быть, спугнул голуб-яван, прошел всего несколько часов назад. След был свежий и хорошо заметен на ровной снеговой поверхности. Он уходил вниз по долине, пересекая ледник в нужном нам направлении.

Мы связались веревками и пошли по медвежьему следу. След не был прямым. Медведь, пробираясь вниз по леднику, часто менял направление, обходя какие-то неви-

димые препятствия. Возле одного из поворотов я услышал под снегом далекий шорох воды.

— Трещина, — сказал проводник, указывая на чуть заметную ложбину впереди нас. — Медведь умный, как ишак, все знает...

Мы повернули по следу и довольно долго шли поперек ледника. Видимо, медведь обходил большую трещину. Время от времени справа под снегом слышался шорох и плеск воды.

В одном месте путаница следов и осевший снег показали, что наш невольный проводник сам чуть не свалился в трещину.

— Торопился, — пояснил проводник, — очень его голуб-яван испугал.

Я все всматривался вперед, надеясь увидеть нашего четвероногого проводника. Однако волнистая белая поверхность была пустынна. Только след ниточкой тянулся впереди нас.

Так и не увидев медведя, мы пересекли ледник и со вздохом облегчения перешли на морену. Дальше путь был безопасен.

— Привал? — предложил я носильщикам.

— Йок, йок, начальник, дальше идем, дальше к Язгу-лему.

Мои спутники не хотели отдыхать близко от места, где недавно проходил голуб-яван.

— А видел кто-нибудь из вас снежного человека? — спросил я таджиков, когда мы спустились к руслу небольшой реки и над нашими головами зашелестели ветви чахлах берез.

— Йок, йок...

— Почему же вы его так боитесь? Никто не видел, а все боятся...

Наступило молчание.

— Ну а какой он из себя? — допытывался я.

Носильщики продолжали молчать.

— Страшный, — сказал наконец проводник. — Страшный и сильный. Все может... А какой — разный человек по-

разному говорит. Один говорит — большой, другой — маленький; один говорит — два рука имеет, другой говорит — шесть рука; один говорит — голый, другой говорит — шкура медведя и барса носит. Никто правда не знает. Живой человек его не видел. Кто видел — совсем пропал, никому рассказать не мог...

Загадка снежного человека не разрешена до сих пор. Перед войной сведения о нем собирал на Памире Сергей Иванович Клунников.

Во время Великой Отечественной войны Сергей Иванович ушел добровольцем на фронт и погиб. Материалы Клунникова остались неопубликованными.

В последние годы в печати появилось несколько сообщений, что йети видели в Гималаях.

Заместитель главного ламы монастыря Тхьянгбоч рассказывал начальнику экспедиции на Эверест полковнику Хэнту о появлении снежного человека у стен монастыря. Это было зимой. Йети вылез из зарослей и шел то на двух ногах, то на четырех. Его рост достигал полутора метров. Тело было покрыто серой шерстью. Йети остановился, чтобы почесаться, потом схватил снег и стал играть им. Было слышно, как йети ворчал. Монахи очень испугались, затрубили в рога и раковины, и страшный снежный человек стремительно исчез в кустарнике.

Двоюродный брат покорителя Эвереста индийского альпиниста Тенсинга рассказывает, что он однажды наблюдал из засады страшного йети на расстоянии ста метров. По его рассказу, йети ходит как человек, покрыт шерстью, но лицо у него голое.

Наконец, распространились слухи, что в Восточных Гималаях местные охотники убили йети. К сожалению, никто не проверил этих слухов. Желающих совершить опасное путешествие в недоступные горы, населенные дикими и враждебными племенами, не оказалось.

Проблемой снежного человека Гималаев много лет занимался член-корреспондент Академии наук СССР Сергей Владимирович Обручев. По его мнению, существование в высокогорной части Гималаев крупного антропоида, более

развитого, чем горилла и шимпанзе, весьма вероятно, хотя и не доказано.

Наука требует фактов. Может быть, вблизи недоступных ледников в пустынных высокогорных долинах Гималаев, Гиндукуша и Памира действительно обитают загадочные существа, стоящие на грани между человеком и обезьяной?

Может быть, они жили в прошлом и уже вымерли. Окончательный ответ на этот вопрос дадут не рассказы и легенды, не случайные совпадения необъясненных фактов и явлений, а научные исследования — большая совместная работа географов и биологов, антропологов и палеонтологов. Человек лишь чуть приподнял покров тайн, окутывающий величайшие горы Земли. За одной из складок этого покрова ждет будущих исследователей разгадка тайны йети — снежного человека азиатских высокогорий.

Петроний Гай Алатуни

ВСТРЕЧА СО «СНЕЖНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ»

Фантастический рассказ-шутка

Рис. В. Силкина

Уважаемый тов. редактор!

Я постоянный читатель Вашего журнала. Полагаю, что это достаточное основание для моего решения передать нижеследующий материал именно в Ваши руки, а не в чьи-либо другие...

Неделю назад я получил письмо от своего друга, командира корабля Василия Ивановича Козлова, и если я не переслал его Вам немедленно, то лишь потому, что мне понадобилось время, чтобы прийти в себя от изумления.

Лично я отказываюсь от комментариев. Смею, однако, Вас заверить, что тов. Козлов, с которым я дружу двадцать лет, — человек с безукоризненной репутацией, прекрасный летчик, налетававший два миллиона километров. До прошлого года он работал в Ростове-на-Дону, а потом переехал в Ташкент. Никто из знающих не помнит случая, чтобы тов. Козлов сказал лишнее. Он здоров, годен к полетам без ограничения и никогда не страдал заболеванием нервной системы.

Вот, собственно, все, что я хотел Вам сказать, прежде чем Вы приметесь за чтение заверенной нотариусом копии письма тов. Козлова. Оригинал хранится у меня...

«Привет, старина!

Пишу тебе из Кисловодска. Не тревожься, я здоров более чем когда-либо, но эти чертовы эскулапы... (далее следует несколько чисто «авиационных» терминов, которые я не привожу), эти чертовы эскулапы сочинили уже столько страниц в моей истории болезни, сколько не наберется во всех томах «Тихого Дона».

Но – к делу.

Десятого числа прошлого месяца меня вызвал командир отряда и коротко изложил суть спецрейса, который мне надлежало выполнить.

– В районе Южных Гималаев, – сказал он, – находится научная экспедиция. Слетайте к ним и доставьте продукты, одежду и кое-что из технического снаряжения.

– Понял вас.

– Возьмете с собой бортмеханика Клинка и штурмана Бондарева.

– Понял вас.

«Слетать», старина, предстояло на несколько тысяч километров в глубь наименее исследованного района Земного шара. Полдня мой второй пилот Ваня Кузнецов (тихий юноша, которого мы в наказание за его молодость прозвали Кузнечиком) и Володя Бондарев клеили карты и прокладывали маршрут, а радист Гриша Матвейчук запасался нужными сведениями и документами.

Ну и местность, скажу тебе! Ни приводных радиостанций, ни пеленгаторов, одни горные кряжи и горушки тысяч по пять-шесть и выше.

Загрузились. Володя Клинк заправил все баки «под пробочки», и мы взлетели. Не буду описывать тебе весь долгий путь. Главное – последний этап. Летим: высота – 5200 метров, погода – ясно, видимость – «милion километров». Суровый пейзаж, старина! Темно-синие скалы внизу и льды

и снега на вершинах. За бортом мороз 30 градусов, а в кабине — сидим в одних костюмчиках. Отопление работает

нормально, да и вообще техника нас не подводила. Бондарев глаз не сводит с гор и все время сличает их с картой; Кузнечик потихоньку любит пейзажем; Клинок — дремлет, как многие бортмеханики в рейсе, в хорошую погоду; Гриша Матвейчук выстукивает что-то своим телеграфным ключом на Большую землю; а я на штурманской линейке прикидываю тонна-километраж и примерную производительность полета.

И вдруг, бах! — пушечный выстрел, и оба мотора, дав по несколько выхлопов, стали. Клинок мигом очнулся и принялся проверять бензокраны, показания приборов и все такое.

У меня все внутри оборвалось... Выключаю автопилот, перевожу самолет в планирование. Начинаю соображать, куда девать шестнадцать тонн нашей техники.

— Командир, — крикнул Матвейчук, — я сейчас передаю по радио, что моторы отказали.

— Я точно знаю этот район, — наклонился ко мне Бондарев. — Я не прерывал детальной ориентировки...

Я кивнул хлопцам — действуйте! — и выбираю местечко получше. Но что справа, что слева — один черт: для посадки самолета местность никудышная...

Стало тихо-тихо. Машина снижается, горы все ближе, настроение падает вместе с высотой. По передним стеклам текут и смерзаются струйки крови. Здоровенная птичья лапа точно скребет когтями по стеклу.

Надо же случиться такому! Даже над Гималаями в воздухе оказалось тесно, и мы не разминулись с какой-то огромной птицей. Крылатый хищник, властитель местных небес, решил отомстить нашей технике, без труда ворвавшейся в его холодные владения...

Ах, еще бы тыщонки две высоты и Клинок возможно сумел бы вдохнуть жизнь в моторы! Но где их взять, старина? «Лунные» скалы вылезают со всех сторон и растут, будто мы рассматриваем их сквозь увеличительное стекло.

Вот справа узкое ущелье, километров на двадцать в длину, а у самого начала его единственная пригодная площадка. Подвернули мы с Кузнечиком вправо и сели на нее с убранным шасси.

И только тогда я почувствовал усталость.

Редчайший случай в авиации, и надо же ему достаться на нашу долю! Дело было к вечеру и всего в 347 километрах от цели, старина...

Конечно, мы знали, что завтра, пусть через два-три дня нас найдут, но все же картина не из приятных. Хлопцы мои держались бодро, а Кузнечик с Клинком даже начали сражаться в шахматы. Продуктов у нас вдоволь.

Спали в пилотской кабине, в меховых мешках. При посадке дверь грузовой кабины выломало, и мороз там делал что хотел.

Утро... Бондарев готовит завтрак, Матвейчук включил радию (благо аккумуляторы целые!) и связался с Большой землей.

— Командир, — сказал он, — спрашивают: как самочувствие и сможем ли продержаться еще сутки?

— Сможем, — ответил я. — Пусть вышлют другой самолет в экспедицию...

— Они так и делают.

— Ну и отлично.

После завтрака, для поддержания духа, я предложил ребятам продолжить шахматный турнир. Кузнечик полез в грузовую кабину, где он накануне оставил доску с отложенной партией, пошарил там и возвратился с лицом белым, как снег на скалах.

– Что с тобой, парень?

– Командир, шахмат нет...

– Будет тебе, Кузнечик!

– Даю слово, командир, и там... чьи-то следы...

Я мигом вылез из самолета, глянул на снег и обмер. Веришь ли, старина, всякая всячина в голову полезла, будто фильтры в мозгу засорились!

– Это... «снежный человек», — прошептал Бондарев, вылезая за мной.

Тогда я немного успокоился: снежный или другой, во всяком случае — человек, а не дьявол. С пистолетами в руках мы двинулись по следам. Отошли уже метров на пятьсот, как мой Кузнечик ойкнул и присел, а Клинок попятился и почему-то стал умильно приговаривать:

– Кутю-кутю-кутю...

Снова меня бросило в жар. Вижу: из-за скалы выглядывают два волосатых рыжих великана и наблюдают за нами. Под мышкой один из них держит нашу шахматную доску.

Но что меня поразило более всего, так это то, что они не убегали от нас! А ведь все, что я слышал и читал до сих пор о йети — снежном человеке говорило за то, что они должны были убежать.

Стали мы ласково увещевать их на разные голоса и подходить ближе. Йети по-прежнему не убегают, только переводят взгляды с нас на самолет, и такое впечатление, что вид нашего самолета внушает им не страх, а напротив — успокаивает!

– Бондарев, — тихо говорю я, — дай-ка им свою штурманскую линейку, она белая, блестящая, должна им понравиться.

– Ни за что! — с достоинством произнес штурман.

– Командир, – прервал его Матвейчук, – я им лучше дам хлеба: у меня есть в кармане булка. Дать?

– Попробуй.

Гриша смело подошел к ним и протянул половину булки одному и половину – другому. Взяли!

– Молодцы, шахматисты, – подбодрил их Бондарев, и знакомство стало налаживаться.

Дальше – лучше. «Шахматисты» пошли вместе с нами к самолету и без всякой боязни (заметь это, старина!) полезли в грузовую кабину.

Это были крепкие ребята с длиннющими руками, короткими ногами. Головы у них были чуть откинутые назад, заостренные к макушке. Уши острые, большие надбровные дуги и довольно мирно смотревшие карие глаза. Но зубы них такие, что они могли бы перекусить и подмоторную раму, если бы не питали какой-то удивительной симпатии к технике.

Прошло часа два. Мы пообедали вместе с гостями, и дружба их стала простираться так далеко, что вскоре один из них даже полез целоваться с Клинком.

– Я вижу, что у тебя налаживаются с ними вполне родственные отношения, – заметил Бондарев, жуя колбасу.

– Во-первых, я жертвую собой во имя науки, а, во-вторых, – ответил Клинок, – стоит мне сейчас молвить словечко и кое-кому не сдобровать...

– Нет, нет, тезка, – взмолился штурман, – я сказал это, движимый только чувством юмора и уважением... к науке.

Тут другой йети, как бы желая не обидеть и штурмана, дружески обнял его за плечи, и я явственно услышал хруст чьих-то костей. Впрочем, секунду спустя Кузнечик отвлек йети горстью шахматных фигур, и Бондарев был спасен.

Йети, ответив Кузнечiku благодарным взглядом, принялся пищать от радости и издавать гортанные звуки.

Часом позже мы вышли из самолета, и йети пошли к горам, оборачиваясь и точно приглашая нас следовать за ними. Любопытство, старина, великая сила и не каждый совладеет с ней! Мы пошли за ними.

Менее чем в трех километрах от места нашей вынужденной посадки йети стали спускаться вниз по хорошо протоптанной тропинке. Она круто сворачивала за острый выступ скалы, и когда мы обогнули ее, то увидели... Я не могу передать тебе наше изумление. Картина казалась совершенно фантастической. Между скал был прочно зажат корабль, точнее его останки. Не самолет, а именно корабль, космический корабль.

Мы провели в ракете несколько часов. Призвав на помощь всю свою сообразительность, сопоставляя фотографии, которые были в фотоальбомах, схемы и чертежи, мы попытались представить, что же произошло с этим космическим кораблем. Было очевидно, что ракета разбилась при посадке, и люди, обитатели другой планеты, погибли. Сохранился только грузовой отсек, в котором и жили наши йети. Но откуда они взялись? Судя по фотографиям, это были потомки обезьян, которых космонавты взяли вместе с собой с намерением выпустить сначала их на поверхность той планеты, которую отыщут в космосе. Чудом спасшиеся, они прижились и дали потомство.

Теперь ты понимаешь, что такое снежный человек?! Мы были у истоков тайны, которая беспокоит умы миллионов людей!

Нам пришлось покинуть корабль, когда Кузнечик, выбежавший послушать, не летит ли самолет, крикнул:

– Командир! Летят, за нами летят..

Мы вышли, шурясь от яркого дневного света. Слева высилась километровая стена хребта с миллионами тонн снега на вершине, а справа, за останками межпланетного корабля – почти отвесно вниз уходил бездонный обрыв – пропасть.

Добежав до своего самолета, мы увидели вдали три блуждающие точки вертолетов — нас искали в ущелье. Клинок притащил ракетницу и принялся палить: в небо одна за одной взвивались разноцветные ракеты.

Вскоре нас заметили, и вертолеты гуськом направились к нам, наполняя ущелье грохотом. Снежная вершина

хребта заколебалась, наклонилась и гигантской Ниагарой покатилась вниз.

Рев лавины покрыл шум вертолетов. На наших глазах скалы, служившие опорой межпланетному кораблю, рухнули, и все, что осталось от неведомых пришельцев из кос-

моса, вместе с «шахматистами», посыпалось в бездну, ударяясь и разламываясь на мелкие куски. Более получаса сверху неслись глыбы льда, камни и потоки снега, погребая все в непроходимой глубине сужающейся пропасти...

В ущелье закрутились вихри, и нашим вертолетчикам пришлось немало потрудиться, прежде чем им удалось пробиться к нам.

Вот и все, старина!

А потом... До сих пор все над нами подсмеиваются, а эти чертовы эскулапы (далее опять следуют «термины», которые я не решаюсь воспроизвести), эти чертовы эскулапы, сочувственно кивая головами, направили нас лечиться. Ведь единственное доказательство у нас — это... нехватка шахматных фигур, то есть сплошная «минус-материя»!

Вот почему мы сейчас в Кисловодске.

Черкни откровенно, старина, веришь ли ты мне. Если да, то я на обратном пути загляну к тебе и как-нибудь вечером подробно расскажу о том, что мы увидели в космическом корабле.

Мне не терпится узнать, как ты отнесешься к моему письму.

Ну, пока! Привет всем твоим домашним и нашим авиаторам.

Твой Василий.

...Интересно, согласишься ли ты мне? По крайности, найди мне такого ученого мужа, который взялся бы всерьез доказать, что рассказанное мной – невозможно...»

* * *

Товарищ редактор!

Со своей стороны я присоединяюсь к просьбе моего друга, хотя лично я ему верю.

С приветом пилот Аэрофлота
П. АМАТУНИ.

Василий Карпов

ВЫСОТА 4100

Вид, что открывался отсюда, захватывал дух. Горы про-
рвали ярко-синее небо. Величественные вершины, каза-
лось, спали, укрывшись облаком. На белоснежные склоны
было больно смотреть.

Негнушимися пальцами я затолкал в бутылку записку:

*«9.08.72 г., 8 часов вечера. Здесь были студенты ТПИ
геологи С. П. Богуславский и В. В. Николенко. Замерзаем,
бежим назад...»*

Занесла нас на вершину Каратегинского хребта безрас-
судная молодость.

Сегодня утром у нас и мысли не было о восхождении.
Впервые за месяц не нужно вставать, идти в очередной из-
нурительный маршрут, и мы настроились не вылезать из
спальников по крайней мере до обеда. Отряд базировался
на высоте 2000 метров, а маршруты поднимались до 3000,
поэтому были крайне тяжелы. Как назло, весь месяц стоя-
ла прекрасная, рабочая погода, и как мы ни молили о дож-
де, его не было. Люди выдохлись, и вот, наконец, началь-
ник отряда Сергей Генсюрковский объявил долгожданный
выходной день.

Но странно устроен человек: перед каждым маршрутом
нас приходилось поднимать чуть ли не подъемным краном
(роль которого попеременно исполняли Генсюрковский и
старший геолог Владимир Шибаев), а тут мы сами подня-
лись и совершенно не знали, куда себя деть. Лениво по-
бросали мяч, пока он не улетел в ущелье, позабавлялись,
спуская в то же ущелье камни. С интересом наблюдали,
как прыгали, словно мячики, огромные глыбы, летели вниз,
стремительно уменьшаясь в размерах и разбиваясь вдре-
безги далеко внизу.

— Обвала захотелось? — Генсюрковский выглянул на шум
из рабочей палатки, где он корпел над геологической кар-
той. — Лучше идите очистите от югана тропу к перевалу!

Юган — жгучая папоротниковидная трава в пояс высо-
той — доставляла нам немало хлопот. При соприкоснове-

нии с телом она не жгла, как крапива, но через некоторое время появлялись огромные болезненные волдыри.

Истребив коварную траву, мы опять оказались не у дел, но на всякий случай решили держаться подальше от начальства. К обеду план созрел. Очень, прямо скажем, легкомысленный план. Мы знали, что там, наверху, температура по крайней мере должна соответствовать вечному снегу. Но снежник начинался и от наших палаток, почти не таял даже в жаркие дни, только покрывался красными проплешинами. И мы пошли на штурм высоты 4100 налегке. Предстояло преодолеть чуть более двух километров, но мы, несмотря на маршрутный опыт, трудность этих километров явно недооценили, ничего с собой не взяв, не считая двух флажек чая и геологических молотков.

Справедливо полагая, что начальству о нашем плане лучше узнать попозже, когда мы будем уже в недостижимой зоне, я подозвал самого медлительного горнорабочего – местного жителя таджика Турсуна – и попросил сообщить Сергею Алексеевичу, что «идем на 4100». Турсун достал из кармана стеганого халата небольшой пузырек, вытряхнул на ладонь щепотку зеленого насвая, кинул под язык и лишь после этого неторопливо пошел к Генсюрковскому. Мы скорым шагом уходили к перевалу. Поднявшись по склону, увидели раскинувшийся на террасе лагерь, бредущего к нему Турсуна. Когда тот раздвигал полог палатки, мы уже перевалили через гребень скалы.

Часа через три вся легкомысленность нашей затеи стала ясной, но признаваться в этом не хотелось. Становилось холоднее. Судя по растительности, мы миновали лето, осень и вступили в зиму. Склон становился круче, и каждый метр давался все труднее и труднее. Возможно, мы и повернули бы назад, но горы скрадывали расстояние: намеченный путь лежал перед глазами, вершина казалась обманчиво близкой, и мы карабкались выше и выше. На восьмом часу, совершенно обессиленные, то и дело сползая по заснеженной каменной россыпи, одолели последние метры.

И вот мы наверху. Отдохнуть на таком морозе, при пронизывающем ветре невозможно, а любоваться панорамой

гор пришлось недолго: солнце виднелось где-то внизу, ущелья заволакивала зловещая тьма, и лишь хребет, по которому мы поднялись, белел зигзагами в наступающей мгле.

Засунув бутылку с записками покорителей вершины в каменную пирамиду, мы поспешили вниз. Срезая расстояние, решили бегом спуститься по очень крутому снежнику, подниматься по которому не осмелились. Но, забирая по склону влево, к старым следам, вдруг выскочили на плотный снег. Мы разом упали – не удержали и железные шипы на ботинках, заскользили вниз, отчаянно пытаюсь удержаться. Скорость падения возрастала, быстро приближались камни в конце снежника. Швырнуло вверх, как с трамплина, камни уменьшились, затем вдруг стали огромными. Я потерял сознание.

Очнулся от холода, в ледяной воде, натекашей из-под уступа, которым кончался снежный язык. Я был цел и невредим, если не считать сильной, разламывающей виски головной боли. Богуславский лежал рядом и, судя по стонам, тоже очнулся. Немного придя в себя, выбрались на сухое место и, дрожа от холода, отжали мокрую одежду. Мы прекрасно понимали всю серьезность своего положения, поэтому все делали быстро и молча. Богуславский, прыгая на одной ноге и пытаюсь другой попасть в штанину, неожиданно замер. Округлившимися глазами он смотрел на что-то позади меня. Я резко оглянулся и тоже застыл на месте.

Из-за ледяного уступа медленно вышел человек. Он волочил правую ногу. Одна рука была в крови и висела плетью. Появление человека в этих диких краях само по себе уже было удивительным. И удивление наше нарастало с каждой секундой. Очень странный был этот человек... Широкое, приземистое туловище. Необычно короткая шея, как бы втянутая в плечи. Низкий, убегающий назад лоб. Широкий безгубый рот. Короткий нос с большими круглыми ноздрями. Подбородок срезан. Лицо безволосое, но тело покрывали длинные редкие волосы, которые мы сперва приняли за одежду.

– Йети! Снежный человек! – сдавленно проговорил Богуславский. То, что мы сделали в следующую минуту, труд-

но объяснить. Или сказался нездоровый ажиотаж, поднятый в последние годы вокруг снежного человека, или по какой другой причине, но мы, переглянувшись, бросились на снежного человека. Йети был явно ранен — очевидно, тоже сорвался перед нами со снежника, и мы надеялись его легко скрутить.

Схватка длилась недолго. Йети здоровой рукой легко, как кутенка, поднял меня и посадил на снежный трамплин, который был выше моего роста. Протянув руку назад, он взял за шиворот висевшего у него сзади на шее Богуславского, поднял над головой и посадил рядом со мной.

— У-у-ух! — приглушенно выдохнул йети.

Мы смиренно сидели на снегу, испуганно глядя на него с высоты. Снежный человек тоже смотрел на нас, смотрел печально и как-то очень человечно. За спиной у йети, в ущелье, чернела ночь, а его самого ярко освещали косые лучи солнца. Я отчетливо видел, что морщинистую кожу снежного человека покрывают старые заросшие шрамы. Они образовывали по всему телу сетку, столь густую, что практически не было участка целой кожи: стоящему перед нами человеку очень много лет...

Йети, тяжело припадая на больную ногу, уходил в сторону Гиссарского хребта. Мы смотрели ему вслед. На снегу тянулась цепочка отпечатков босых ног, запятнанных с одной стороны кровью. Нам было очень стыдно. На камнях осталось лежать разорванное ожерелье из больших клыков, судя по всему — медвежьих. Мы их тщательно собрали.

Пора было торопиться. Далеко внизу взмыла красная ракета: в лагере начали беспокоиться. В отряд вернулись глубокой ночью, в лохмотьях вместо одежды, с волдырями по всему телу от югана.

Нашему сбивчивому рассказу никто не поверил, и только ожерелье поколебало скептицизм товарищей. Наутро почти весь отряд ушел к снежному человеку, на высоту 4100. Идти дальше в глубь гор без специального альпинистского снаряжения оказалось невозможно, и отряд, пройдя по следу несколько километров, вернулся. Я был даже рад этому обстоятельству.

Теперь наш лагерь походил на встревоженный улей. Радист не отходил от радиостанции, пытаясь отстучать базе, что необходимо вертолет, что с ума он не сошел, что Генсюрковский и Шибаев стоят рядом и тоже трезвы. Таджик Турсун рассказал о легенде, слышанной им от отца.

С незапамятных времен жители отдаленных кишлаков Гиссарского и Каратегинского хребтов Тянь-Шаня встречали человека-медведя. Встречали очень редко и обычно высоко в горах. Вроде бы даже по его имени назван хребет Каратегинский, что означает «медвежий». Встреча с человеком-медведем обещала долгую жизнь, так как, по преданию, он был бессмертен.

— Насчет бессмертия в легенде, конечно, немного того, но на то она и легенда, — сказал Богуславский. — Но ведь он мог прожить достаточно долгую жизнь, чтобы на памяти нескольких людей прослыть бессмертным. Ведь прожил английский крестьянин Томас Парра без малого 153 года и умер от ожорства. Великий Гарвей при вскрытии не нашел серьезных старческих изменений в его организме. Пусты в эти горы подобного Парру...

— И тебя с ним на пару! — рассмеялся Шибаев. — И родится легенда о вечном студенте.

Шибаев задумался и добавил:

— Дайте-ка мне ожерелье.

На следующий день из Новобада прилетел МИ-4. На нем прибыл сам начальник экспедиции. С врачом. Пораженные убежденностью всего отряда, разрешили совершить облет близлежащих вершин, хотя так и остались при своем, очень нелестном для всех нас, мнении. Через несколько часов начальник экспедиции отбыл обратно на базу, объявив по выговору Генсюрковскому и Шибаеву «за синдром снежного человека, приведший к потере трех отрядодней».

Однажды, когда практика подходила уже к концу, к нам в палатку заглянул Шибаев.

— Сегодня Турсун ходил за продуктами на базу и принес почту. Есть и вам кое-что. Вот, возьмите.

Прочитав письма, мы неожиданно заговорили о снежном человеке, которого встретили месяц назад.

– Вы знаете, а ведь, похоже, это был неандерталец! Да, именно неандерталец. Доживший со времен палеолита до наших дней.

– Он что же, бессмертный?

– Да, – как-то очень уж обыденно сказал Шибаев. – Смерть – совсем не обязательный спутник жизни. Может быть, жизнь имеет вполне определенную продолжительность не оттого, что бессмертие противоречит самой природе жизни. Более того, бессмертие – излишняя роскошь, тормоз для развития вида в целом. Процветающие ныне виды животных утратили в процессе эволюции свое бессмертие – способность полностью обновлять изнашивающиеся клетки. Вероятно, у всех основных групп животных существовала тупиковая, так сказать, «бессмертная», ветвь. Эти ветви засохли, но остатки былой роскоши уцелели до сих пор. Это латимерия, которую ученые называют живым ископаемым, Несси из шотландского озера. Возможно, в этот ряд когда-нибудь встанет обыкновенная щука – всем известны случаи ее удивительного долголетия. Наконец, этот наш снежный человек – неандерталец. Эти виды погибают от болезней, голода, ран. Но им неведома смерть от старости, и при благоприятных условиях они могут прожить долго. Парадокс, но вид, каждая особь которого бессмертна, обречен на вымирание. Они, бессмертные, законсервированы в своем бессмертии и не умеют приспосабливаться к изменяющейся среде. Кто знает, может, именно по этой причине вымерли динозавры?

– Но ведь мозг неандертальца ненамного уступает нашему. Как может его память нести в себе груз тысячелетий? – спросил я Шибаева.

– Несомненно, у него есть разум. Но вряд ли он впитал в себе опыт тысячелетий. Его сознание скользило сквозь века, растянувшись, самое большее, на сотню лет. Обновлялся мозг, обновлялся разум. Но разум оставался на своем первоначальном уровне, не прогрессируя. За это время смертный гомо сапиенс, заплатив миллиардами жизней, поднялся на недостижимую высоту. Мне такое бессмертие напоминает так называемое бессмертие простейших, много-

кратное повторение самого себя делением. Эти организмы не знают, что такое смерть. Так и наш неандерталец: непрерывно обновляя изнашивающиеся клетки, он тоже повторяет самого себя, но в одном теле.

Далее Шибаев объяснил нам, что неандерталец, по последним данным, не является нашим предком, а развивался параллельно, поэтому нам повезло — мы не бессмертные... Сказал, что в принципе возможность бессмертия уже доказана советскими учеными.

— Они тщательно изучили секвойю. Она способна прожить до пяти тысяч лет, это всем известно. Оказалось, клетки этих деревьев, которые тысячелетиями активно размножались, ничем не отличаются от таких же клеток молодых саженцев! То, что мы называем старением, у них отсутствует.

Шибаев некоторое время наблюдал, какую реакцию произвели его слова. Потом вытащил из кармана медвежье ожерелье, которое мы не видели с тех пор, как он у нас его забрал. На каждом клыке почему-то был приклеен маленький бумажный квадратик с цифрой.

— Такие ожерелья принято украшать зубами хищников, добытых лично, — сказал Шибаев. — Так же поступал и снежный человек. Часть этих клыков он добыл в пору своей молодости.

Шибаев взял клык под номером 7. Протянул мне бумагу с печатью республиканского Института геологии и геофизики:

— Это результаты радиоуглеродного анализа. Посмотри, какой возраст проставлен напротив этого номера.

Я глянул и ахнул. Напротив цифры семь значилось — 50 тысяч лет!..

Алан Кубатиев

СНЕЖНЫЙ АВГУСТ

Извиваясь, Август кое-как разгреб льдистые комья и жадно глотнул жгучий воздух. Так дернулся во сне, что стенки норы в снежном надуве не выдержали...

Август помотал головой и клочьями правой перчатки отер набрякшее лицо. Щетина хрустела. Режиссер Карманов первым осмелел его бороду, торчавшую пестрыми «кустиками» во все стороны.

«Товарного вида не имеет!» Бритва тоже осталась во व्यюке, под снегом, как и его спутники...

Кряхтя, он встал и запрокинул голову. Небо стлыло в чернильном льду, но звезды утратили режущую яркость. Скоро рассвет.

По вершинам хребта уже тлела бледная розовато-оранжевая полоска, отсвет будущего дня. Казалось, что видно даже перевал и дорогу, по которой ползут грузовики. Усмехнувшись, Август потянулся и вдруг замер, боясьдохнуть. Потом устало опустил руки и негромко выругался. Любоишорох его натянутые нервы превращали в рокот двигателей поискового вертолета.

В первый раз его слишком глубоко засыпало. Счастье, что снег был рыхлый, а трещина, куда он угодил, не слишком глубока. А во второй... Если бы на нем была подарен-

ная Тимо пуховка! Яркая, легкая, непромокаемая. Даже на той проклятой морене, пестрой, как барсова шкура, ее не проглядели бы... Август проглотил комок, вставший в горле, и затолкал озябшую руку в карман комбинезона.

Будем выкручиваться. Десять часов пути до перевала – это кулуар, плато, закрытый пологий ледник, выход к перевалу, спуск и переход через долину к шоссе. Мда... При сносной погоде можно рассчитывать на сутки. Впрочем, в горах – как на войне: километр умножаем на четыре... Скверно, что батареи садятся. Августу вдруг стало еще холоднее. Он натянул капюшон, завязал все шнурки. Термоткань грела, но регулятор был на максимуме. Он подобросил на ладони тощий пакет пеммикана и мешочек соленого арахиса. «Запасы продовольствия»...

Вьюки с едой были на том сарлыке, который вез Крупицына. Второй шагал под мешками со снаряжением – Август ехал на нем, а впереди всех двигался Досмамбет, проводник. Всплыло перед зажмуренными глазами его лицо, круглое, веселое, обожженное морозом.

Всю дорогу он пел фальцетом, пытаясь переводить Крупицыну слова.

– Этот песня, «Алтын шакек», «золотой кольцо» по-русски, мой брат придумал. Другой «Серый голубь» называется. Когда мой друг женился, его друг этот песня в подарок придумал. Хорошо, а? Когда я жениться буду, он обещал придумать тоже. «Качырэшек» называется, «упрямый ишак»!.. – хохоча, он откидывался в седле и хлопал себя камчой по тулупу. Вряд ли ему было больше двадцати пяти.

...Позавтракав, тщательно упрятал в карман опустевший на четверть мешочек и поднялся. Десять зерен арахиса на второе и сколько угодно талой воды на десерт... Сыпануть бы разом в рот!

Ледяной бес нашептывал, что после можно подбить горную куропатку, или улара, или даже архара, но Август рассудительно отвечал бесу, что так высоко куропатки и

улары не попадают, а скрасть и подстрелить архара при его охотничьей сноровке нечего и надеяться.

Закрывая флягу, подивился своему спокойствию.

Можно подумать, он гуляет по бульвару Дзержинского, кушая эскимо, а не тащится по снежному плато под ледяным небом, с паршивыми крохами съестного и севшими термобатарейками, рискуя сам сделаться пломбиром... Такое объяснимо только в двадцатом веке, когда человек уверен, что его ищут и найдут. Или в первом, когда рассчитывали только на свои силы и опыт.

Силы пока есть. С опытом хуже.

Именно поэтому он сперва так ухватился за эту возможность. Теперь-то ясно, что надо было отказаться наотрез. Ах, Крупицын, Крупицын! Охотнику, видите ли, показалось, что он узнал галуб-явана!..

Чоро. Темная кожа, раздутые ноздри, сжатые губы, прищуренные, окруженные морщинками глаза. После того зоркого, почти недоброго взгляда, каким он их смерил, Августу расхотелось говорить с ним.

Опустив подбородок в воротник свитера, Чоро сидел на поджатых ногах возле очага. Отсветы пламени вились по его замкнутому лицу.

На все крупицынские вопросы Чоро отвечал уклончиво или отмалчивался, явно присматриваясь к гостям.

Крупицын от нетерпения придумал хитрый маневр — стал расспрашивать, какие звери водятся здесь. Мало-помалу Чоро разговорился и даже рассказал, скупно и угрюмо, как ему пришлось ловить снежного барса для Фрунзенской зообазы. Рядом сидел его восьмилетний сын в такой же, как у отца, волчьей шапке и гордо слушал. Скоро беседа перешла на то, ради чего они поднялись в аил.

Три дня назад Чоро ушел на охоту. Лицензии колхоз выправлял заранее: зимой Кара-Мойнок отрезало снегами, а вертолеты обычно садились раз в месяц.

Свалив двух козлов, он ранил третьего, но подранок поскакал прочь. Оставив напарника сторожить туши, Чоро погнал козла по скалам, чтобы измотать, и тот долго карабкался по камням, забрызгивая снег кровью.

Чоро сумел подобраться на выстрел, но убитый козел упал вниз, в лощину. Был час дня, Чоро мог не вернуться в аил засветло, и все же решил рискнуть.

Спустившись по веревке, он издалека увидел, что туша шевелится. Чоро удивился: на этот раз он попал козлу под левую лопатку. Подойдя ближе, он разобрал, что возле туши вертятся какие-то животные. Он громко крикнул и выстрелил в воздух.

– А кто?.. – перебил Крупицын, тиская шапку.

Чоро поморщился на такую невыдержанность, но ответил:

– Маймун.

– Обезьяна?! – в один голос вскрикнули Крупицын и Август.

– Оова, – кивнул Чоро. – Абдан чон.

Очень большая обезьяна на Тянь-Шане?.. По словам Чоро, их было две. Бежали они на задних лапах, изредка пригибаясь и отталкиваясь от наста сжатыми в кулак кистями, как это делают шимпанзе, молча и так быстро, что Чоро не успел толком разглядеть – даже трофейный двенадцатикратный бинокль не помог. Скоро они исчезли в камнях. Чоро едва успел вернуться к встревоженному Асанкулу. К аилу подходили уже в сильную метель. К ночи сорвался буран и мел трое суток.

Крупицын лихорадочно записывал все, что переводил племянник Чоро, Досмамбет. Август молчал. Все это пахло сенсацией, но охотник ему не нравился. Когда тот замолчал и хлебнул остывшего чаю, Крупицын захлопнул блокнот, но пальцы его нетерпеливо шевелились.

Потом Чоро встал, попрощался и ушел с сыном.

Всю ночь, ворочаясь в спальном мешке с боку на бок, Крупицын возбужденно и тоскливо говорил:

– Тебе не понять, ты не антрополог. Боже мой, какая возможность! Неужели это и правда снежный человек? Есть гипотеза, что это неизвестным образом уцелевшие неандертальцы. Какая брешь в науке заделывается одним махом! Это почище открытия Лики. Да что там Лики!..

Он сбросил мешок и сел. Очки его блестели в скудном свете обледенелого окна, ему было жарко от возбуждения, и спать он не хотел. Августу, досыта набродившемуся с камерой по окрестностям, невозможно было уснуть под его восторги. Он вяло слушал, задремывая и просыпаясь. Но вдруг сон слетел и с него.

– Послушай! – он приподнялся на локте и повернулся к антропологу. – А спутать этот «Зверобой» не мог?

– С одной стороны, – в раздумье проговорил Крупицын, – здесь нет похожих животных. С другой, он слишком точно описал некоторые особенности поведения крупных гоминид, понимаешь?

– У-у-у, друг мой, – Август скептически поджал губы. – «Клуб кинопутешествий» да «В мире животных» нынче все смотрят!

Крупицын тогда рассердился за недоверие к его интуиции, затем принялся вербовать в кинооператоры экспедиции. Август пробурчал что-то о шкуре неубитого медведя и предложил приятелю быть гуманным – заткнуться и дать ему поспать хоть три часа...

Утром они пошли к заведующему скотофермой, договорились насчет сарлыков и выючной упряжки, оформили все документы и только тогда отправились просить Чоро проводить их до места.

Хозяин усадил их на подушки под великолепным ширдаком, на котором висели два ружья, нож в инкрустированных ножнах и камча с ручкой из косульей ножки с копытцем. Только одна шкура была растянута на торцевой стене – медвежья, черно-коричневая, выделанная вместе с когтями и головой, скалившей желтые клыки.

Жена подала чай с молоком. Когда Крупицын изложил дело, Чоро выслушал молча и отказался наотрез. Никакие соблазны и уговоры не подействовали.

Отчаявшийся антрополог кинулся искать его напарника Асанкула, но у того кончился отпуск и он уехал во Фрунзе. Крупицын заметался – и тут вмешался Август.

Первым делом он оставил Крупицына дома, хотя тот, похоже, мог вот-вот умереть от неподвижности.

Затем Август разыскал парня, накануне переводившего разговор.

Прошлым вечером он заметил, как горели у того глаза, когда Август при нем заряжал и смазывал камеру, чтобы не отказала на морозе. Досмамбет охотно согласился. Август, умолчав про отказ Чоро, пообещал научить его снимать. Воспрянувший духом Крупицын за сутки раздобыл все, что можно, и в четверг утром они тронулись в путь. Маленький караван выбрался за пределы аила, Досмамбет уже повернул головного яка по направлению к горам, когда Август, ехавший позади, вдруг оглянулся.

На сопке, за которой лежал аил, стоял всадник. Август сразу узнал Чоро и его мохнатого, в зимней обындевевшей шерсти коня.

Охотник сидел неподвижно, чуть ссутулившись, и смотрел на них.

Словно морозный ветер донес недоброжелательность, тревогу и презрение Чоро. Ощущение было слишком сильным и отчетливым – Август знал за собой эту восприимчивость. Заметив, что оператор оглянулся, Чоро толкнул коня каблуками и медленно съехал вниз.

Дорога была не особенно трудной. Досмамбет пел, Крупицын улыбался. Погода была отменная – морозно, сухо, ясно. Августу удалось снять несколько интересных кусков и прекрасную панораму самого начала ущелья.

Смеркалось, когда они были у места, где Чоро с Асанкулом подстрелили первого козла. Досмамбет быстро отыскал участок для лагеря, распряг и привязал яков, пока остальные возились с устройством ночлега.

После ужина спальные мешки положили ногами к обложенному камнями костерку, где тлел кизяк: экономии ради питание термостоек на ночь отключалось.

Трое молча глядели в искрящееся, словно вышитое алмазной крошкой, небо. Жевали и вздыхали сарлыки.

Морозная свежесть смешивалась с тяжелым звериным запахом шерсти и навоза.

– Все же интересно, – пробормотал Крупицын, – почему Чоро не поехал?

Досмамбет встрепнулся в своем мешке:

– Йе, как не поехал?

– А вот так, – в голосе Николая зазвучали отголоски обиды. – Не поехал, и все.

– Ну, мало ли какие причины, – примирительно сказал Август.

Николай по незнанию мог наговорить такого, что осложнило бы ситуацию.

– Человек пожилой, может, тяжело ему.

– Почему тяжело? – сердито заерзал Досмамбет. – Он другой молодой так гоняет, что молодой устанет раньше! Какая работа есть в колхозе – все делает. Самый лучший охотник на наш район, а ты говоришь – тяжело!

– Значит, мало попросили или побоялся, – вырвалось у Крупицына.

Досмамбет выкрикнул что-то гневное и сел, отпахнув мешок.

– Кто побоялся? – даже в скудном свете углей было видно, как он побагровел. – Чоро боялся?! Он разведчик был, столько медали есть, три ордена, снайпер знаменитый: сто фашистов убил, ранен был! У него медведь дома видел? С один нож убил! Не боится – не хочет. Я бы знал – тоже не пошел! – Досмамбет замолчал, яростно посапывая.

Надо было как-то разрядить положение. Чего доброго, этот балбес еще откажется работать с ними.. Но Николай опередил Августа.

– Ты извини, Досмамбет, – растерянно сказал он. – Я ведь не хотел никого обидеть. Мне просто странно было – будто я ему плохое предложил...

Помолчав, Досмамбет отрывисто спросил:

– Ты ему как сказал? Чего просил?

– Н-ну... сказал, что животные эти имеют для науки большую ценность, что мне надо самому их увидеть, а еще лучше поймать или подстрелить из специального ружья... – выпростав из мешка руки, он снял забытые очки и потер намятую переносицу. – Что тут обидного, не понимаю...

Проводник молчал.

– Слышишь, Досмамбет? – Август привстал. – Может, ему, как этому вашему... а, черт, не помню... охотнику из сказки, не всех животных убивать можно, а?..

Лежавший рядом Крупицын удивленно повернул голову.

Досмамбет подумал и неохотно ответил:

– Нет, такой нету животный здесь. Он вообще так просто не стреляет. Архар бьет, когда мясо нет. Медведь на него нападал. Волки стреляет, когда чабан говорит – волки много баран кушал. Барс ловил, для зообазы надо... Когда он с войной ушел, свой ружье прицел снимал и ружье в немецкий река бросал, сказал – все, не буду больше люди стрелять. Четыре года назад, когда я в армию ушел, у нас три бандит горы убежал. Чоро-агай один раз стрелял в тот, у который автомат, – разбил, руку ему ранил. Два другой на аркан связал, свой конь положил и привез. Они в него стреляли много, он семь патрон имел, все равно не стрелял! – Досмамбет крепко хлопнул по мешку и щелкнул языком. – Все милиционер удивлялся!

Помолчав, он сожалеюще-удивленно сказал:

– Чего не пошел? Э-э, не знаю... Такой человек. Ладно, смотреть будем. Джатабыз!

Утром Досмамбет вскарабкался вверх по скале, долго что-то прикидывал и рассматривал с полки-уступа.

Спустившись, он объявил, что идти еще часа четыре, так как вчера в темноте он спутал ориентир. Яков навьючили, и караван тронулся.

На выходе из ущелья их накрыло лавиной.

Четвертый час он брел по плато без отдыха – боялся, что не сможет встать.

Идти было адски трудно, словно по рыхлому первопутку, а не по плотному фирну. Плыла голова, на вдохе смерзались ноздри, сердце колотилось о ребра. Еще на морене он разбил темные очки. С помощью ножа, кое-как втиснул в оправу забытые в кармане зеленую и оранжевую бленды,

примерил и фыркнул – стереокино... Без них было бы куда хуже, снежная слепота не шутит.

Он с тоской чувствовал, что воли идти хватит ненадолго. В мозгу то и дело вспыхивали болезненно-яркие, но несвязные, как плохая слайд-программа, обрывки воспоминаний.

Вот он карабкается, по бедра проваливаясь в снег, чтобы снять сверху, со склона, идущий впереди караван, и, добравшись, останавливается отдышаться. Мало-помалу сердце успокаивается, руки перестают дрожать.

И когда он поднимает камеру, за спиной внезапно возникает странный гул и скрежет, а гора ощутимо вздрагивает под ногами... В следующее мгновение он уже бежит, – проваливаясь, размахивая камерой, нелепыми скачками бежит куда-то вбок, забыв обо всех правилах и о тех, кто остался там, внизу, и кто через несколько минут будет накрыт тоннами снега, льда и гранитных валунов...

Август злобно мотнул головой. Они все равно не успели бы уйти, и бессмысленно терзаться. Жизнь получила новую точку отсчета! Все бывшее до лавины словно бы не существовало. Боже, какая тут экспедиция! Выйти бы живому да не поморозиться при этом.

А что до науки, то пардон – к нему на помощь она пока не торопится!..

Задохнувшись, он остановился и долго стоял, пошатываясь, втягивая сквозь подшлемник мерзлый воздух. Когда его перестало мутить, Август с трудом оттянул руку от кармана с едой и потащился дальше, механически переставляя ободранные унты.

Обходя по крутому склону небольшой контрфорс, он дважды скатывался вниз, и каждый раз вставал дольше, чем взбирался; но страшно было не это, а то, что за четыре часа он вышел только к плато Маркова...

Август глухо замычал, обхватив голову руками. Мощный купол изо льда, покрытого снегом, обрывающийся крутыми расщелинами, – вот что такое нижняя ступень ледника. Исполинской лестницей вырастает из купола вторая ступень – ледопад, основание которого разmolото частыми об-

валами. Тысячи ледяных глыб громоздятся там, отсвечивая зеленовато-голубыми сколами. Одному, без снаряжения, одолеть этот веками намерзавший поток, гулко взрывающийся все новыми и новыми трещинами?.. Пологое плато ледника смыкается с перевальной седловиной, а сразу за перевалом – поляна, где можно спуститься к аилу, дальше уже высокогорное шоссе...

Когда Август вспомнил это, он остановился, упал на колени и заплакал мерзнувшими на щеках слезами.

Потом он сидел на снегу и тупо думал одно и то же: не проще ли остаться среди белой искрящейся равнины, пока батареи совсем не выдохнутся?

И тогда негнушимися пальцами он вытащил из потайного кармана сверток. Крошечная искорка протеста и опасения, затлевшая в мозгу, не остановила его.

Две маленькие таблетки в желтой пластмассовой капсуле. Август зацепил одну, оттянул подшлемник и сунул «ас-то» в рот. Капсулу закрыл и спрятал.

Стимулятор подействовал через двадцать минут. Август сначала удивился взорвавшемуся в нем желанию идти, бежать, карабкаться куда-то. Но тут же понял, встал, глубоко вздохнул и с облегчением развел в стороны онемевшие руки.

Горы были прежними – глыбы сахара на синей бумаге неба.

Солнце и снег были все еще слепящими, неистово чужими, но он их теперь не боялся. Сила, медленно выраставшая в нем, могла победить что угодно.

Август рванул молнию комбинезона и дернул регулятор к минусу.

Сбросив капюшон, он сделал несколько судорожных вдохов и рванул с места, как стайер.

Необъятный мир скал и льда сузился до размеров крохотного островка. Минувя трещины и глубокие «стаканы», протаянные в толще льда камнями, Август мчался так, что пар дыхания клубился за его плечами как шарф. Крутой, но неразорванный склон. Один прыжок – и он уверенно летит по нему, пятная лед белыми уколами шипов.

Дальше. Он лавирует между валунами, и полустертые шипы скрежещут по их грубой поверхности. Дальше. Кулуар, идущий вверх от подножия отвесной скальной стены, завален осыпью, по нему лениво журчит вода. Ерунда, уступы укроют от любого камнепада, да и перегнать любой обвал он сможет!

Вверх, к снежнику, под которым булькают ключи. Вверх, к перевалу! Дальше, дальше, дальше!..

«Асто» достался ему вместе с подаренной Тимо пуховкой. Одну таблетку он потерял, другие пихнул в карман и забыл, пока не прочитал в «За рубежом» интервью с Гербертом Лоу о скитаниях в боливийских джунглях. К тому времени «асто» уже использовали только в аварийных ситуациях. Потом он увиделся с Тимо на мемориале Романа Кармена и там услышал от него, как снежная буря рвала палатку на Зильберкранце, где сгрудились товарищи, давно похоронившие его. А он целым и невредимым вышел к базе, только одежда была изорвана в клочья. Через год, возвращаясь в Таллин из Пярну, Тимо вдруг обнаружил, что боится двинуть руками. Инспектор ГАИ нашел его посреди шоссе горько плачущим возле автомобиля. Полный курс лечения уменьшал вероятность подобных случаев с каждым истекшим годом.

Для устранения вредных последствий после приема стимулятора необходимо было пройти курс неприятных процедур. Но все равно оставался некоторый риск рецидивов. Двойная доза, принятая Августом, увеличивала риск ровно вдвое...

Но сейчас кровь бурлила. Ощущая ее биение, он радовался.

Жестикулируя, гримасничая, он успевал нагибаться, хватать глыбы льда и швырять вперед, тут же стыдить себя за мальчишество, могучими прыжками одолевать трещины и мчаться дальше. С диким восторгом он вспоминал пройденный путь, хохотал при виде предстоящего.

Теперь Август уже бежал, не сдерживаясь, размахивая руками и крича:

– Вернусь, разворочу проклятый бугор! К черту яков!..

Сами дойдем и вернемся! – На бегу, оттолкнувшись от снега, повернулся в прыжке вокруг оси и приземлился на мчавшиеся ноги. Он едва вспомнил – еды нет и даже при могу-чей помощи «асто» надо беречь силы.

Успокоившись, Август скачками понесся вперед, выкрикивая случайные фразы, чаще всего одну:

– Все, что было в душе!.. Все, что было в душе!..

Увидев цепочку следов, он легко сорвался в ярость – отмахать столько и выйти на свой же след!.. Август зарычал, но так же мгновенно и затих. Следы, скорее всего медвежьи, тянулись вперед, к гряде «бараньих лбов» на краю снежника, и там обрывались, но с новой своей зоркостью Август понял, что зверь вскарабкался на тот камень. Откуда здесь медведи, да еще.. Полно, медведь ли это? Широкие округлые ступни, большой палец странно вывернут в сторону, никаких признаков когтей. Подъем неразличим, отпечаток неглубок нога не тяжелая...

Пора было бежать, перед глазами вертелись огненные круги, лопались иссушенные морозом губы, но он удерживался на месте.

Тхлох-мунг. Галуб-яван. Бигфут. Йети.

Задыхаясь, Август схватился за лицо. Ему было уже совсем худо, когда унты, как семимильные сапоги, вырвались из вытоптанной ямы и понесли его вперед. Август бежал вдоль следа, прыгал на валун, секунду побалансировав, перескакивал на второй, третий, четвертый...

За грядой след раздвоился... нет, это животное стояло на месте, тоже долго металось из стороны в сторону. Спрыгнув с камня, он пошатнулся – из подошвы вырвалось сразу три шипа, – но тут же бросился вперед, по снегу, и через несколько шагов все стало ясно.

Путаная сетка волчьих следов накрывала тот, которым шел он до самого снежника, и пропадала за его подъемом. После топтания перед валунами Август не мог позволить себе еще одну остановку – риск помереть от так называемого «стресса неподвижности» был слишком велик. Перейдя на быстрый шаг, он нащупал в кармане плоскую коробочку, о которой не вспоминал с утра. Парализатор!

Сколько волков могло быть в стае? Он не умел читать следы и в другое время вообще спутал бы их с собачьими. «Асто» помогал если не думать, то соображать, но дать знание, которого никогда не было, не мог.

Парализатор стрелял почти бесшумно. Иммобилизация наступала через десять-двадцать секунд, в зависимости от веса зверя, и длилась до сорока минут.

Мда... От самого примитивного дробовика было бы куда больше проку...

Август выбрал из десяти ампул три, рассчитанные, как сказал ему еще Николай, на крупных животных. Зарядив, он сунул парализатор в один карман, футляр в другой и выбежал на гребень снежника. Впереди, далеко-далеко, у самого отрога Чон-Кырган, двигались три черных точки. А еще дальше, опережая их, – одна, похожая на маленький вопросительный знак на огромном белом листе плато.

Теперь ему стало совсем нехорошо. Август, не раздумывая, достал и швырнул в рот остатки пеммикана, арахиса. Стремительно разжевал и с наслаждением проглотил неопишимо вкусную, солоновато-мясную кашицу. Вдохнул, утер губы. Отныне оставалось только выйти – или умереть.

Направление следа примерно совпадало с его маршрутом. Надо было решать: гнаться ли неизвестно за кем или заняться спасением собственной, пусть и не такой ценной для науки, шкуры.

Сталкиваться с волками не очень хотелось. Конечно, при нем парализатор и охотничий нож, но все-таки...

Обострившийся слух уловил kloкочущее рычание, и с легким порывом ветра в ноздри ворвался близкий запах свежей, горячей крови. Август дернулся вперед, остановился, нащупал рукоять парализатора, потом резко выдохнул и в длинном прыжке взвился на гряде валунов, из-за которой донесся запах охоты.

За камнями трое волков, рыча, давясь и мотая головами, рвали какую-то добычу, полужасыпанную изрытым, кровавым снегом.

Только самый крупный из них успел поднять мерзко выпачканную морду. В тот же миг Август схватил его за

задние ноги, поднял и грохнул головой о камни. Отбросив корчащуюся тушу, он еще успел предупредить пинком бросок второго хищника, но третий повис, вонзив клыки ему в плечо. Лопнул комбинезон, оцетинились перекушенные провода термоткани — но и волк взвизгнул, судорожно изогнулся и шлепнулся в снег: ток аккумулятора был достаточно силен. Однако и Август не устоял — упал на колени, словно подставляя горло.

Катаясь по снегу, Август хрипел, отрывая от себя зверя. Волк сдавленно рычал и полосовал живот когтистыми задними лапами, закусив ворот кожаной куртки, душившей Августа. Теряя сознание, человек все же кое-как вытянул парализатор, нащупал дулом мохнатое раздувающееся брюхо и надавил спуск.

Когда Август пришел в себя, волк еще выгибался, пытаясь укусить металлический хвостовик стрелоампулы, торчавшей у него в паху. Кривясь, Август глянул вправо, но оглушенного разрядом хищника там не было. Цепочка извилистых следов тянулась за камни.

«Асто» действовал: скоро о схватке напоминала только саднящая боль в ободранной шее да располосованный комбинезон. Август совсем было двинулся вперед — и вдруг встал.

Сам не понимая зачем, он подошел и вгляделся.

То, что валялось в окровавленном снегу, не было едой. Это была главная улика убийства. Август невольно глотнул — к горлу поднималась жгучая рвота. Не прими он «асто»... Волки успели как следует поработать. Пошевелить останки он уже не решился, просто осмотрел их, насколько хватило сил медлить, подобрал клочок шкуры с короткой серо-рыжей шерстью, сунул в пустой мешочек из-под пеммикана и спрятал в карман.

Итак, снежный человек погиб. Печально. Зато моральное право не продолжать поиски ему обеспечено! Смутное недовольство собой, которое не снял даже «асто», ослабло. Август соскочил с камня и молодецки потопал унтами. Далеко слева он различил удиравшего по глубокому снегу вол-

ка и с огромным трудом подавил мгновенный импульс догнать и добить.

Теперь он старался не срываться в дурацкую скачку с препятствиями, тщательно выбирал трассу и бежал, дыша размеренно и глубоко. «Асто» великолепно помогал усваивать скудный кислород, остававшийся в разреженном горном воздухе.

Мысли были необычайно четкими и быстрыми: думалось лучше, чем за столом в кабинете. Лишь обходя какой-то корявый заструг, он заметил, что в полоске следов, которой он машинально держался, опять появился ТОТ.

Остановившись сперва, он тут же размашисто зашагал-стоять было страшно. Так. Их здесь стадо, наверное. Ну уж двое – точно...

Август злобно пнул плитку снега, та разлетелась облаком блестящей пыли. Что же ему, и за этим гнаться?! Ну нет – черт с ним, с долгом! И перед кем?! Николай сам за-тащил его сюда, и он, и Досмамбет погибли по собственной вине – поперлись лавиноопасным склоном. Он выберется отсюда живым, пусть даже им управляет часть благословенной науки – две серые таблетки...

С гребня высоты ему было далеко и хорошо видно.

И время будто вернулось назад. Он опять увидел три маленьких горизонтальных черточки на белом плато и еще одну вертикальную, чуть впереди. Маленький мазок туши. Восклицательный знак на белом огромном листе.

Бороться было трудно – он больше не был собой, а «асто» был могучим противником. На него не действовали хитрые подножки самовнушения, неотразимо мощные напоминания о долге и чести, крепкие тиски самообладания. И когда Август понял, что снова идет по следу, то обреченно вытащил парализатор и вставил стрелоампулу взамен выпущенной.

Волков он нагнал сравнительно быстро. Бежавшее впереди существо ему не удалось толком рассмотреть. Каким-то сверхъестественным усилием оно держалось впереди зверей, тоже вязнувших в глубоком снегу. Они хрипло рычали, вывалив красные языки, клубившиеся вонючим паром.

Август рванул из кармана парализатор и рявкнул:
– Хей!..

Волки круто остановились и разом посмотрели в его сторону.

Секунду все были неподвижны. За бурным дыханием хищников и человека был едва слышен третий звук – быстрый, отчаянный скрип замороженного, льдистого, рвущего кожу снега...

Первого Август встретил в прыжке. Волк получил стрелоампулу в горло, перевернулся через голову и покатился по снегу, брызгая дымящейся кровью. Остальные, припав на передние лапы, рыча и скалясь совсем по-собачьи, окружали Августа. Но он не стал дожидаться окончания маневра: один получил стрелу в плечо, бросился прочь, слабея на ходу. За ним резво метнулся второй, и Август едва удержался от ненужного выстрела.

Утерев рукавицей взмокшее лицо, Август обнаружил, что ему не холоднее, чем в термокостюме, вечная ему память. Прекрасно.

Значит, он хотя бы на время застрахован от обморожений. А теперь – за зверем, которого видел один Чоро.

Они поравнялись через несколько минут. Скорчившись, йети сидя съезжал по заснеженному склону. Хохоcha, Август шлепнулся на «собственные ягодички» и покатился следом. Йети затравленно оглянулся и вскочил.

Август понял, что нагонит его без труда. Мохнатый уродец бежал, шатаясь из стороны в сторону, горбясь и словно в отчаянии прижимая руки к груди.

Кошка и мышь. Август почувствовал, что ему хочется поиграть с ополоумевшей от страха мышью. На секунду его поразила поза йети – он не ожидал, что эти существа будут держаться так похоже на человека... Но тут же он учуял тяжелый запах живого зверя, и минутное удивление испарилось из его бушующей души. Он слышал даже дыхание зверя – натужное, хриплое, посвистывающее. Временами йети издавал странный звук – скуление или повизгивание – и дергался всем телом. На левом бедре Август

разглядел три багровых параллельных рубца, а между лопаток черные пятна запекшейся крови. Зверь был жалок.

Дистанция для парализатора вполне подходящая.

Что делать с йети потом, Август не думал. Он просто поднял блестящий ствол, но тут же опустил, ухмыльнулся и ускорил шаг.

– Сейчас я тебя голыми руками! – крикнул он йети, пряча прибор. Мохнатая спина дрогнула, широкие ступни замелькали быстрее, но это было явно все, на что способен вымотанный погоней зверь. Не уйдет!

Август захохотал и хлопнул себя по бедрам. И, будто в ответ, раздался жалобный скулящий звук.

Еще два дня назад он испытал бы подобие счастья, оказавшись здесь. Но он больше не был собой, часть души умерла – «асто» лишь доделал дело. Август не видел, что белые вершины пиков пронзают темно-синее небо стройно и почти осмысленно, не замечал ослепительного сияния близкого глетчера, твердой рекой сползающего с утесов, ручейков ледниковой воды, под снегами сливающихся в бушующий поток. Для него исчезла нетронутость голубых снегов, багровые утесы и лиловые тени, вытянувшиеся по фирну. Одним из оснований запрета на «асто» оказалось полное исключение им эстетического восприятия...

Зверь убежал. Август гнался. Все было сведено до размеров формулы. Дадим-ка зверю фору... Он сбавил шаг. Йети по-прежнему с трудом вытаскивал ноги из глубокого снега. Натужное сопение, острая горячая вонь встревоженного животного. Все чаще до Августа доносилось тонкое поскуливание. Дождавшись, пока йети отбежит подальше, Август рванулся вперед, громко крича и топая, как загонщик на охоте. Ему почти удалось нагнать йети, когда загнанный, задыхающийся, запуганный уродец неожиданно упруго присел, яростно вскрикнул непохожим на прежний скулеж голосом и резко нагнулся.

Набегая, Август еще успел рассмотреть, как волосатая жилистая рука с растопыренными пальцами нырнула по локоть в снег и вырвала из него кусок гранита величиной с кинокамеру «Красногорск». Держа вторую руку у груди, йе-

ти крутнулся, словно дискбол, резко выкинул кисть в направлении преследователя и даже вылетевший из нее камень Август успел заметить.

...Со стонами и руганью он сел и, приходя в себя, долго мотал гудящей головой. Спасибо подшлемнику...

Достав из-за пазухи пластиковую флягу, долго и жадно глотал безвкусную воду, затем снова набил флягу снегом и сунул за пазуху.

Он пробыл без сознания недолго: солнце было на том же месте, и он не замерз. След йети перед самым его лицом был обрамлен изнутри мелкими комочками снега, не успевшими промерзнуть. По-охотничьи — наволоками и выволоками. Свежий! Не азарт, не желание посостязаться заставили его вскочить. Теперь его чувство лучше всего укладывалось в три слова: «Ах, ты так!..» Загоняя в канал ствола самый крупный заряд, он хотел одного — доказать и наказать, и какое-то тревожное воспоминание было смыто этим свирепым потоком...

Йети был достигнут снова. На сей раз Август приблизился осторожно, следя за каждым движением снежной обезьяны. Уйти ей было некуда.

Он чувствовал мстительную радость оттого, что загнал йети сюда. Слева вздымались голые, вылизанные горными ветрами скалы, а впереди была пропасть. Справа надвигался человек. Йети остановился и завертелся на месте — сутулый, со скрещенными на груди руками, дрожащий от злости, страха, изнеможения. Он стоял спиной к Августу, и тому показалось, что обезьяна что-то держит в передних лапах. Опасаясь нового удара камнем, Август поспешно взвел затвор.

Сухой металлический щелчок многократно усилился морозным воздухом.

Йети вздрогнул и мгновенно обернулся.

Блестящий ствол в руке Августа дернулся. Медленно, толчками опустился и устоял в снег дульный срез человеческого оружия.

...Лет десять назад, когда он только начал снимать профессионально, по заказу ЮНИСЕФ делался большой фильм о детях.

Тогда-то через стекло Август увидел в руках врача ребенка пятнадцати минут от роду. Он был темно-красный, сморщенный и весь покрытый темным волосом, как маленькая мартышка.

Позже его успокоили, объяснив, что так выглядит преждевременно родившийся ребенок. Но тогда он грохнул работающую камеру объективами вниз и сам едва не последовал за нею.

...Маленький темный комочек, прижатый к вогнутой груди снежной обезьяны, заворочался, расправляя вцепившиеся в ее шерсть скрюченные ручки и ножки, испуская поскуливание, так удивившее Августа. Стыд и отчаяние вскипели в нем так же бурно, как полчаса назад злоба и месть.

Йети медленно отступала спиной вперед. Мохнатый комочек в ее руках пищал уже непрерывно.

Облизнув потрескавшиеся губы, Август шагнул. Сейчас же йети повернулась к нему боком и пошла быстрее, ни на мгновение не спуская с него слезящихся, ненавидящих глаз. Он остановился.

Значит, волки растерзали самца, пытавшегося отвлечь их. У него не было ни ножа, ни парализатора, и все-таки он защищал мать и ребенка. Она не знала, что такое «асто», и все-таки тащила детеныша, погибая от бешеной гонки. Ведь он гнал ее, как волк.

Нет, как охотник! Судорожно глотнув, Август припомнил, что собирался запастись мясом из волчьей добычи. Минуту назад он считал их животными. Что изменилось? Ведь охотники загоняют и самок с детенышами... Но он, он сам? Неужели дело только в «асто»?

Человек много задолжал природе...

Он снова откашлялся и надсадно сказал:

– Не бойся!.. Слышишь? Не бойся!

На секунду застыв, йети тут же ускорила шаг. Детеныш затих и повис, держась за ее шерсть. Хотя трудно было понять, какими мерками его мерить, но крохотное тело, то-

ненькие конечности и неуверенные младенческие движения говорили о том, что родился он совсем недавно. Ему было страшно.

– Не бойся! – повторил Август и шагнул вперед.

Но йети притиснула к себе затихшего детеныша и бросилась вперед, с неожиданной силой пробиваясь сквозь глу-

бокий снег.

Когда Август понял, что до обрыва меньше десяти метров, он что есть силы прыгнул вперед, удержав крик, могущий напугать йети, но было уже поздно.

Поскользнувшись, он пролетел метра полтора и обрушился на бок, на согнутую руку, и тут же услышал знакомый хлопок метательного заряда, а за ним – острый тычок в бедро. Повернувшись, Август отшвырнул парализатор и остервенело дернул засевшую в бедре стрелоампулу, хотя знал, что это бесполезно. Наркотик все равно всосется полностью.

Волоча мгновенно омертвевшую ногу, он с трудом поднялся на вязнувших в снегу руках и встал на ноги.

«Асто» отчаянно боролся в его теле с транквилизатором, но вряд ли ему придется продержаться долго...

Август сделал шаг, захлебываясь обильной слюной.

– По...ааа...гиии... – позвал он коснеющим языком.

Перед глазами плясала, раздваиваясь, рыжая фигурка.

Он силился не упускать ее из виду, словно от этого зависело что-то важное.

– Помм...гиии...

Грузно раскачиваясь, как дерево под ветром, он шагнул еще раз.

Йети отступала и отступала, непонимающим, ненавидящим взглядом отталкивая его прочь. «Наверное, – вяло подумалось ему, – так она смотрела на волков. Но я же не волк... Она должна понять... Что? Что я охотник?..»

Задыхаясь, падая на четвереньки, Август сделал третий шаг.

Последний. Для всех.

Он еще различил гневное, совсем людское презрение на ее темном сморщенном лице.

Уже уткнувшись лицом в снег, он все же нашел в себе каплю сил – в последний раз приподнять голову, плывущую в сладком бреде, разлепить забитые снегом ресницы и сквозь радужные полосы увидеть след, исчезающий за краем обрыва.

Лошадь хрипло вздыхала. От нее валил пар. Человек вел ее под уздцы. Полы дубленого тулупа загребали снег, темное лицо с обмороженными шелушащимися скулами обвисло от усталости, легкие со свистом втягивали бедный кислородом воздух. «Тютек» – горная болезнь валила с ног, разламывала голову. Когда на тулупе стали расплываться темные звездочки, Чоро встал и закинул лицо к небу. С трудом уняв кровотечение, он отдышался и двинулся дальше.

На каждом шагу он проваливался в снег по бедра и с усилием вытягивал ноги, шатаясь и задыхаясь. Спина сгибалась под тяжестью двустволки, плеть, свисающая с руки, оставляла на снегу тонкую неровную канавку. Но глаза под темными стеклами горных очков зорко смотрели по сторонам, не упуская ни единого пятнышка, ни единой точки на белых склонах.

Через десяток шагов Чоро остановился и стащил рукавицы. Надо было поправить съехавший вбок седельный вьюк. Затянув узел, он снова повел лошадей вперед, по едва заметному, уже ссыпающемуся следу.

Йозеф Несвадба

**ПО СЛЕДАМ СНЕЖНОГО
ЧЕЛОВЕКА**

В январе прошлого года все газеты сообщили о трагической гибели лорда Эсдейла, экспедиция которого была якобы занесена снежным бураном при переходе через открытое ветрам горное плато в Гималаях. Клянусь своей честью и совестью, это абсолютно ложное, не соответствующее действительности сообщение. Я единственный человек, знающий, почему лорд Эсдейл исчез в Гималаях, и готов под присягой свидетельствовать следующее.

Мы встретились с лордом Эсдейлом в тридцатых годах, когда он тайно приехал ко мне в Марквартицы. Я преподавал рисование в школе и ведал местными краеведческими коллекциями. Марквартицы находятся, так сказать, по соседству с Вьестоницами, где в делювиальных отложениях профессор Эбсолон нашел женскую статуэтку из слоновой кости, получившую потом известность под названием вьестоницкой Венеры. Во время своих краеведческих экспедиций между Вьестоницами и Марквартицами я обнаружил много старых, полузасыпанных пещер с остатками животных каменного века. Мне даже удалось найти сломанный бивень мамонта (*Elephas primigenius*), которому я решил отвести самое почетное место в школьной коллекции. В это время нас навестил мой тесть Иозеф Жабка, владелец небольшой фабрики шоколадных конфет в Микулове. Жабка уговорил меня никому не отдавать бивень.

— Ты рисуешь и занимаешься резьбой, — сказал он, а спустя некоторое время предложил нечто, похожее на сделку. — Тебе, вероятно, не трудно вырезать из древней кости такую же фигурку, какую нашли в Вьестоницах, а потом вымазать ее глиной и землей.

— Зачем?!

— Неужели ты намерен до конца дней своих торчать в деревенской школе и получать несколько жалких сотен? Моя дочь привыкла к лучшей жизни...

Они уговаривали меня в течение нескольких недель. Я любил свою жену. К тому же наш директор упрекнул меня в том, что я забочусь о своих краеведческих коллекциях больше, чем об учениках. Мы повздорили, он угрожал мне дисциплинарным взысканием и увольнением с государст-

венной службы. А тут еще мой тесть продолжал утверждать, будто две «древние» статуэтки обеспечили бы нас на всю жизнь: мол, агент, поставляющий ему какао, связан в Лондоне с купцом, торгующим древностями. Этот агент как раз приехал в Брно. Мне пришлось за одну ночь вырезать вторую вестоничскую Венеру. Бивень крошился, и я начинал все снова и снова. Затем, руководствуясь книгой о четвертичном периоде, я вырезал еще фигурку мамонта и покрытого шерстью носорога (*Coelodonta antiquitatis*). Тесть показал мои произведения агенту по продаже какао. Мы ждали несколько месяцев, но никаких известий из Лондона не поступало, хотя мы послали туда мои фигурки, а тесть разыскал в Вене какого-то профессора, который засвидетельствовал, что это действительно художественные произведения доисторических людей каменного века. Я уже подумывал о том, как бы помириться с директором, и решил при первой же встрече выгнать тестя и возобновить дружбу с его микуловскими рабочими, с которыми когда-то ходил вместе в школу. Но как-то раз, — кажется, это была суббота, — перед школой остановился автомобиль иностранной марки. Из него вышел элегантный господин в простроченной шляпе ручной работы, какие не носят в наших краях. Ему пришлось пригнуться, чтобы войти в мой кабинет. Он протянул мне левую руку.

— Лорд Эсдейл, — представился он на плохом немецком языке. Я прикоснулся к его правой руке. Это был протез. — Львы, — лаконично пояснил Эсдейл и сел под чучелом редкой песочной змеи. — Я приехал по поводу ваших подделок...

— Статуэтки, безусловно, подлинные, — дерзко ответил я.

— Бивень подлинный, это верно. Потому я и приехал. Не стоит упираться. Статуэтки очень милы, и я рад, что в наше рациональное время — *age of reason* — нашелся человек с таким же художественным чутьем, как у людей ледникового периода.

Это мало походило на комплимент. Я взглянул на себя в зеркало. У меня рыхлое лицо и реденькие рыжие волосы,

иногда я кажусь себе определенно некрасивым. Все же я не так уродлив, как наши мохнатые пращуры.

— Я куплю ваши статуэтки. Но только с условием, — быстро добавил лорд, увидев, как я встрепелся, — что вы поведете меня в пещеру, где нашли бивень мамонта, и подробно исследуете ее вместе со мной.

Тут в мой кабинет вошел разбитной венский шофер, неся в охапке альпинистское снаряжение и дорожный мешок. Он доложил Эсдейлу, что обеспечил ему в гостинице ночлег, и попросил расплатиться. Эсдейл протянул ему чек. Насколько недоуменно посмотрев на меня и на мои коллекции, шофер вежливо попрощался, сел в машину и уехал.

— Пещеры вокруг Марквартиц исследовать невозможно, — растерянно возразил я лорду. Мне нужны были его деньги, но все же не ценой собственной жизни. — Уже много людей заблудилось в них и потом умерло с голоду или свалилось в пропасть. Я каждый месяц пишу об этом в Прагу. Сюда надо посылать целую экспедицию. Здесь могут оказаться сталактиты почище, чем в Деменовей пещере. Но для этого недостаточно двух человек, дорогой лорд.

— Вы боитесь? Сколько хотите за это?

Он думал, что я торгуюсь. Видимо, чувствовал себя у нас в Марквартицах, как где-нибудь в Центральной Африке, и договаривался со мной, как с туземным знахарем. Мне захотелось потребовать с него килограмм яблонецких стеклянных бус и полкило пороха и тут же поджечь этот порох под его стулом, но я раздумал. Отправил Эсдейла спать в гостиницу «У почты», а сам долго не мог уснуть. Всю ночь напролет думал, какая из пещер наименее опасна. На следующее утро мы тронулись в путь. Я намеревался поводить Эсдейла в темноте, чуточку искупать его в подземном ручье, показать полуразрушенный очаг, когда-то найденный здесь мальчишками, предложить его вниманию кости домашних животных, которые всего лишь в прошлом столетии, вероятно, затащили сюда лисицы — ученые ими не интересуются, но на экскурсантов они до сих пор нагоняют страх. Однако лорда трудно было провести.

— Замечательная пещера, — сказал он, обгладывая ножку жареной курицы, которую я захватил для него. — Замечательная пещера, — повторил он и остановился, равнодушно поглядев на побелевший лошадиный череп, обычно приводивший в ужас всех посетителей. — Но вам следовало бы провести сюда электрическое освещение. Тогда можно было бы устраивать в эти места безопасные экскурсии даже для учащихся.

Он двинулся с места и пошел такими огромными шагами, что я едва поспевал за ним. Мне было стыдно. Кроме того, я злился на своего тестя. Ведь это он все затеял. Я заявил Эсдейлу, что ни в какие пещеры с ним не пойду, потому что боюсь, и до сих пор никогда не решался в них углубиться. Два моих товарища, однажды отважившиеся на это, теперь наводят страх на людей, как этот лошадиный череп. У меня нет никакого желания очутиться в музее в качестве чудом сохранившегося скелета доисторического человека. Я — *homo sapiens*, разумный человек, и хочу, чтобы мои останки покоились на кладбище, а не в делювиальных наносах.

Он ничуть не обиделся. Наоборот, подождал меня, взял под руку и закурил трубку.

— Это доказательство, *my goodness!* Это доказательство. Вы действительно убеждены в том, что ваши друзья погибли под землей?

Тогда у меня впервые мелькнула мысль, не спятил ли он.

— А что бы они стали делать там так долго? Тонда Копецкий исчез пять лет назад.

— Так же, как и моя жена, — сказал лорд, отчаянно дымя трубкой. — Это доказательство. Вы должны пойти со мной в эти пещеры, даже если бы мне пришлось здесь продать душу дьяволу, — сказал он.

Он повел меня в гостиницу, где снял целый этаж, вытащил из дорожного мешка бутылку шотландского «*Black and White, special brand of Buchanan's choice old whisky, Glasgow and London*». За ночь мы выпили две такие бутылки. И к утру я узнал историю леди Эсдейл, которую тоже готов подтвердить под присягой.

Леди Эсдейл

Она исчезла пять лет назад во время первой экспедиции князя Павла фон Л. на Гималаи. Это была вторая жена лорда Эсдейла.

— Мы хотели отправиться куда-нибудь в свадебное путешествие. Тут я получил приглашение от князя Павла, с которым близко сошелся в Монте-Карло. Князь Павел был странный человек. При внешности вратаря-хоккеиста, широкий в плечах, как орангутанг, он говорил тоненьким дискантом; казалось, что в этом мощном теле притаился другой, кем-то запутанный, крошечный Павлик фон Л. Он женился на какой-то португальской аристократке, семья которой сводила концы с концами лишь благодаря доходам от больших лошадиных боен в Порту. Они прожили два года, а потом разразился скандал. В казино, за рулеткой, какой-то отвергнутый любовник вслух перечислил ей в лицо имена всех своих предшественников... Вероятно, приревновал ее, словом, скандал был колоссальный. Разумеется, все женщины меняют любовников, но обычно об этом не сообщают обществу так громогласно и обо всех сразу. Павел чуть не убил этого человека. Но с женой продолжал жить по-прежнему. Однако семья князя восстала против этого. Требовала, чтобы он развелся: определенные правила приличия аристократия должна соблюдать. Павел не согласился с семьей и стал изучать полиандрию. Он отправился в путешествие, решив побывать у всех племен, где до сих пор существует полиандрия, то есть где у одной женщины несколько мужей. Хотел научно опровергнуть привычные предрассудки. А между тем его жена, оставшаяся в Европе, применяла полиандрию на практике.

Как известно, до последнего времени полиандрия была больше всего распространена в Тибете. Павел осел там и пригласил нас приехать туда, как бы в свадебное путешествие. Я не опасался, что моя жена последует примеру тибетских женщин, и мы выехали через два дня после свадьбы.

Тогда я еще ничего не знал ни о Гималаях, ни о снежном человеке.

— О снежном человеке? — переспросил я, потому что в те годы в европейской литературе о нем ничего не писали.

— **The abominable snow-man**, — сказал Эсдейл. — Отвратительный снежный человек. Туземцы называют его йети. Мы наткнулись на его следы во время экспедиции в далекую горную деревушку, где, по рассказам, на тридцать мужчин приходилась всего лишь одна молодая женщина: живут они в мире и согласии, не знают ревности, отцом новорожденного считается старший в роде. Павел полагал, что в этой горной деревушке мы сможем изучать полиандрию, так сказать, лабораторно. Но дорога туда была невероятно трудной. Туземные носильщики трижды хотели вернуться, нам пришлось самим перебрасывать веревочный мост через узкую, но невероятно глубокую пропасть. С нами произошло столько приключений, и местность была такая непривычная и необыкновенная, что моя жена чувствовала себя совершенно счастливой, потому что ни одна из ее приятельниц не совершала такого изумительного свадебного путешествия. Ее приятельницы были обыкновенными мещаночками. Гелена единственная из них получила диплом инженера и стала конструктором на моих фабриках в Манчестере, так что мой брак с нею не был мезальянсом, как продолжают утверждать некоторые из моих друзей. Она была замечательной, красивой и умной женщиной. Я до сих пор люблю ее... — Лорд Эсдейл налил и залпом выпил двойную порцию виски. При каждом упоминании о жене он повышал голос, словно хотел убедить самого себя в ее исключительности. — Гелена первая заметила следы. До того она дважды была со мной в Африке. Меня всегда поражала ее сообразительность, она читала следы лучше моего сомалийского боя. Когда мы прошлый раз ездили в Конго, она застрелила трех самцов гориллы, и негры в деревне танцевали вокруг нее, как вокруг богини. Следы, которые она заметила на этот раз, походили на следы гориллы. Но как могло такое животное попасть сюда, в снежные горы? Мы расспрашивали носильщиков. Од-

нако они утверждали, что ничего не видят, что мы ошибаемся, никаких следов здесь нет. Хотя потом, когда мы поднялись на покрытое снегом горное плато, их увидел бы даже слепой. Туземцы посовещались между собой. Видно было, что они боятся.

— Это йети! — сказал наконец самый старший. — Остается только не обращать на него внимания, тогда он оставит нас в покое.

— А что это за йети?

Они объяснили, что это дух. Мы посмеялись над ними. Да разве дух оставляет такие следы? Вероятно, это какая-нибудь крупная обезьяна, живущая здесь, высоко в горах. Между тем Гелена принесла мне оружие. У меня очень точная винтовка, купленная в Германии; до сих пор я ни разу из нее не промахнулся. Мы пошли по этим странным следам. Князю Павлу пришлось идти с нами. Ему не очень этого хотелось, но ведь мы были его гостями.

— Предупреждаем вас, — сказал старший носильщик, опуская свою ношу на землю, — мы гнаться за йети не будем!

— Почему? — нахмурился я. При охоте на диких зверей я не терплю возражений и сопротивления. Первое условие — обеспеченный тыл.

— Кто идет по его следам, никогда не возвращается... — Он повторил это несколько раз на своем певучем тарабарском языке, остальные ему подпевали, как при богослужении.

— Следы совсем свежие, — сказала Гелена. — Пусть носильщики подождут нас здесь. Мы скоро вернемся.

— Вы никогда не вернетесь, — убежденно возразил старик, с грустной усмешкой глядя ей прямо в глаза. — Не вернетесь никогда!

Он был прав.

Отвратительные снежные люди

Мы почти бежали по следам. Павел нес за нами снаряжение. Он признался, что не любит стрелять в животных. У него и впрямь странный характер. Гелена шла впереди, словно не могла чего-то дожидаться. Через час мы обнаружили пятна крови. Очевидно, тот, кого мы преследовали, поранился где-то по пути. Кровавые пятна увеличивались. Спустя полчаса он на короткое время остановился. На этом месте мы увидели кость. Это была дочиста обглоданная лопатка какого-то небольшого животного. Мы тоже остановились. Что все это значит? Если мы гонимся за обезьяной, а мы это до сих пор и предполагали, – то ведь она не питается сырым мясом. А может, здесь водятся такие странные обезьяны, пища которых ничем не отличается от человеческой? Впервые мне пришло в голову, что мы напали на след настоящей тайны и не только привезем в Европу редкую шкуру, но, быть может, прославимся среди естествоиспытателей как открыватели нового вида плотоядных гималайских обезьян. Казалось, мы вот-вот настигнем животное. На всякий случай я спустил предохранитель.

Вот тогда-то все и началось. При ясном небе, на высоте почти двух тысяч метров над уровнем моря, при температуре ниже нуля по Цельсию вдруг разразилась гроза. Вокруг нас скрещивались молнии, и в то же время шел снег. Мы потеряли друг друга из виду и бросились к ближайшей скале. Здесь буран был, однако, еще сильнее. Я хотел поддержать Гелену и в темноте наугад протянул руки, но натолкнулся на огромную лапу. Я подумал, что это Павел, и раздраженно оттолкнул его. Тут кто-то ударил меня по голове, я упал навзничь и потерял сознание.

Когда я пришел в себя, вокруг царила тишина. Мы были уже не под скалой, где нас застиг буран, а оказались высоко в горах, в странной пещере, вход в которую был завален большими каменными глыбами. Разумеется, я тотчас же захотел выбраться из пещеры.

— Погоди! — в отчаянии воскликнула Гелена. — Под нами тысячеметровая пропасть!

Я взобрался на каменные глыбы. Она была права. Пещера выходила к отвесной скале, которая спускалась вниз на головокружительную глубину и подымалась вверх за облака. Отсюда без альпинистского снаряжения нам не выбраться.

— У меня остался только фонарик, — грустно сказал Павел. — Все забрали. Ни одного патрона не оставили в карманах. Нет ни спичек, ни сигарет.

Я тоже осмотрел свои карманы. Мне оставили только носовой платок. Бесспорно, во время бурана на нас напали грабители, которые, по слухам, живут здесь как в феодальные времена. Как-то раз они послали моему знакомому нотариусу в Лондон требование внести выкуп и в доказательство того, что и впрямь захватили в плен его клиента, приложили к письму отрезанный у него большой палец правой руки. Я посмотрел на Гелену. У нее были красивые пальцы.

— Надо отсюда выбираться. И поскорее...

— Ты что, умеешь летать? Или собираешься сделать парашют из своего носового платка?

— Зажги фонарик, Павел, и постараемся проникнуть внутрь пещеры. Только не пытайся уверять меня, что бандиты в такой буран затащили нас сюда по этому отвесному склону. Вероятно, они пришли оттуда, — показал я в темноту, сгущавшуюся за нашими спинами.

— Я уже был там, — сказал Павел. — Пещера заканчивается узким ходом. Очень извилистым и низким. У нас нет веревки, и каждый шаг в такой темноте может стоить нам жизни. Там наверняка есть трещины. Светить все время фонарик не может — батарейки хватит часа на два, не больше.

И все-таки мы пошли. Отправились в глубь этой пещеры. Держались за руки, как в детских играх. Передвигались медленно, осторожно. Несколько раз я ударялся лбом о выступы скалы, но через полчаса ход вдруг расширился, мы смогли выпрямиться и оглядеться. Откуда-то сверху падал свет, и в пещере царил полумрак, как в готических храмах. Павел

выключил фонарик и посмотрел вокруг. Он их увидел первым.

– Снежных людей? – задыхаясь, спросил я лорда Эсдейла.

– Нет, рисунки! – строго произнес он, так как не выносил, когда его перебивали.

На стенах пещеры были изображения, по сравнению с которыми рисунки в Альтамире казались детской мазней. И все же они их чем-то напоминали. На мгновение мы забыли, что должны спасти свою жизнь, что нам, очевидно, придется выбираться наверх по этой узенькой, светящейся расщелине, которая теряется где-то над нашими головами, и, забыв обо всем, рассматривали эти наскальные рисунки, словно находились в музее. Больше всего там было зверей. Доисторический бизон, которого естествоиспытатели называют *bison priscus*, больше напоминающий литовского зубра, чем американского бизона, покрытый шерстью носорог, северный олень, лошадь, похожая на лошадь Пржевальского, несколько оленят или серн, странные, не известные нам птицы и мелкие животные. Это были высокохудожественные изображения. Если мы отсюда выберемся, эта находка прославит нас на весь мир. Но как выбраться? Я попытался взобраться вверх по расщелине, но снова и снова падал на подставленные руки моих спутников. К тому же всех нас начал отчаянно мучить голод. Жажду мы утоляли водой, проступавшей на стенах, но есть здесь было нечего. Этак мы за несколько дней ослабеем от голода и начнем медленно умирать. Пожалуй, лучше вернуться и попытаться спуститься по стене. По крайней мере, смерть будет быстрой и милосердной. Мы присели в этом доисторическом храме и стали советоваться.

– Я думаю... – начала Гелена и застыла с открытым ртом.

Она в ужасе смотрела через мое правое плечо в ту сторону, откуда мы пришли. Однажды я уже был в таком положении, когда охотился на леопардов во владениях племен дробо. Тогда наш бой смотрел на меня с таким же ужасом в глазах. Вряд ли человек может быть столь же коварным, как леопард. Тут остается одно: сделать нечто неожиданное. Если бандит за моей спиной думает, что я

встану, и уже занес надо мной саблю, я должен, наоборот, упасть на землю... Но я забыл о своем плане, потому что за спиной моей жены выросла вторая фигура.

Ни тот, ни другой не походили ни на бандитов, ни на туземцев: они были высокие и совсем голые. Оба мужчины – пожилой и молодой. Спина, грудь и ноги каждого были покрыты длинной шерстью, а руки чуть длиннее наших. Один нес какое-то тощее убитое животное, второй держал на плече два копыя. Они походили на обезьян с умными человеческими глазами. Издавали какие-то звуки. Мы попытались сопротивляться и что-то объяснить, но первый из них подтолкнул меня вперед. Он был невероятно силен, и поднял меня как пушинку. Я сразу узнал его лапу. Вероятно, вот так же они принесли нас сюда. Но как они взобрались босые, без веревок, по такой крутизне, да еще с живой ношей? Времени на размышления у нас не было: нам пришлось бежать перед ними подобно собачонкам или пленным после проигранной битвы.

Ход вел дальше, в глубь скалы. Вскоре мы вошли в пещеру поменьше – там был очаг. Из мрака выступила молодая, статная женщина и тотчас же принялась разводить огонь. Они высекали его кремнем, хотя отобрали у нас спички. На нас никто не обращал внимания. А может, нас собирались изжарить живьем? Уж очень жалкой была их добыча. Когда огонь разгорелся, появился обросший длинной седой шерстью старик с замороженным окороком в руках. Я подумал, что ледниковый период, собственно, был для них благодатью. Правда, им приходилось бегать босиком по снегу, но зато они могли сколько угодно хранить в нем продукты. Уже тогда я понял, почему они переселяются из долин сюда, вслед за вечными льдами. Потому что охота, которой они, видимо, живут – *experto crede* – дело нерегулярное и сопряжено с риском. В богатых африканских лесах даже семьи, имеющие ружья, не могут прокормиться круглый год только одной охотой. Тем более что успех ее непостоянен.

Они бросили нам кусок полусырого окорока, испачканный пеплом, который, видимо, заменял им соль. Я был го-

лоден. Никогда ни один ростбиф не казался мне таким вкусным. Значит, они хотели нас не съесть, а накормить. В остальном мы их мало интересовали. Видимо, у них уже был опыт общения с вооруженными людьми. Но почему они не воспользовались отобранным у нас оружием? Я хотел им это посоветовать, я знаю толк в охоте и с удовольствием поговорил бы с ними. Меня интересовало, как они пользуются своими копьями. Не могут же они близко подбираться к крупному зверю? Это было бы слишком опасно. Помню, одно эскимосское племя, где до сих пор не научились пользоваться луком и стрелами, вообще не верило в естественную смерть, потому что большая часть людей его племени становилась жертвой разъяренных хищников. Они привыкли иметь дело с гибелью охотника, и для ее обозначения у них существовало семнадцать различных слов. Может, именно поэтому почти все жители пещеры находятся в расцвете сил? Подумал я и о крутом склоне и о внезапных снежных буранах. Но как выжил этот старик, который сам не может даже есть? Я видел, как женщина разжевывала каждый кусок пищи и потом осторожно вкладывала ему в рот. Почему они так заботливо берегут этого дряхлого старика?

– Полиандрия, – произнес рядом со мной князь Павел, и его глаза заблестели. – Это случай более совершенный, чем в горной деревне. Самка заботится о старейшем с такой любовью – и ни одному из охотников не приходит в голову ревновать. Это самый чистый вид полиандрического сожительства в мире.

– Слышите? – спросила Гелена странным, приглушенным голосом.

– Что? Ведь все молчат.

– А я слышу, – сказала она. – Они поют какую-то странную песню и о чем-то договариваются. – Она снова стала прислушиваться.

– Так поговори с ними, – посоветовал я. – Я не слышу ни слова.

Она подсела ближе к очагу. Молодой охотник разломил кость и угостил Гелену сырым мозгом. Так охотничьи пле-

мена выражают свою благожелательность. Потом она удалилась с ними в большую пещеру. Там все они начали танцевать. При этом старик ритмично ударял по стене скалы. Оба охотника время от времени указывали на рисунки и громко подражали крикам разных зверей. Затем стали метать легкие копья в наиболее ранимые места своих жертв. Тут-то я понял, для каких целей предназначались наскальные рисунки наших предков: для чего-то вроде тренировки. А эти дикари до сих пор ежедневно учатся убивать мамонтов, которых уже никогда не встретят. Я невольно усмехнулся. Дикари. Я оглянулся на сидевшего рядом Павла. Этот милый человек судорожно дергался под ритм ударов.

— Павел! — окликнул я его. — Ваше сиятельство!

Но тут все заглушил женский возглас. Я прекрасно узнал его: Гелена присоединилась к танцующим. Мне это было непонятно. Когда мы ездили в негритянскую деревню, ничего подобного ей и в голову не приходило. Но не бороться же мне со всеми. Я с достоинством вернулся в маленькую пещеру и уснул там на камнях, натянув пальто на голову.

Утром меня разбудил Павел. Вид у него был несчастный.

— Я говорил с женой, — сказал он.

— С кем?

— Вообрази, она отказалась от полиандрии. Живет теперь в Мадриде с одним старым тореадором и даже стряпает для него. Больше не хочет жить с несколькими мужчинами одновременно. Перешла к моноандрии. Этого я никак не мог ожидать. Теперь мне придется оставаться в Гималаях со своим смешным исследованием до самой смерти.

— Вот уж не думал, что в этой пещере есть телефонная связь. С удовольствием поговорю со своим секретарем в Лондоне: меня беспокоят мои фабрики в Манчестере.

— Но здесь нет никакого телефона...

— Да очнись ты! Значит, ты не мог говорить с женой, где бы она ни была — в Мадриде, в Порту или в Ницце. Просто тебе это приснилось.

— Но я с ней действительно говорил! — изумленно возразил Павел.

До этого ему и в голову не приходило усомниться: сон это или нет. Он и впрямь как маленький ребенок. Когда волнуется или убеждает кого-нибудь, срывается на дискант.

— Где Гелена?

Мы стали ее искать. Но охотники исчезли и Гелена с ними. В большой пещере мы застали только старика, рисовавшего на стене животное, которое вчера принесли на ужин. Я заметил, что он пользуется лишь тремя красками: венецианской красной, темной и светлой охрой. А из чего он делает кисти? На нас он даже не взглянул, словно нас и не было. Мне захотелось стукнуть его. Но кто знает, может, он очень силен, несмотря на старость? Мы направились к выходу из пещеры. Я вскарабкался на каменные глыбы. Там лежало дамское зимнее пальто.

— Что эти бестии сделали с нею?

Я наклонился над пропастью. Надеюсь, она не рискнула спуститься по такой отвесной скале. Вдруг мне почудилось, что я вижу ее внизу с разбитой головой.

— Она пошла с ними на охоту, — послышалось сзади.

Я оглянулся.

— Ты сам видел? — спросил я Павла.

— Нет.

— Так откуда ты знаешь, что она пошла с ними на охоту?

— Я не знаю. Я ничего не говорил. И ничего не слышал.

Позади нас в пещере все еще стоял старик с кистью в руке, склонившийся над своим произведением.

— Понимаю. Они объясняются без слов. Как животные или насекомые.

— Ты еще ничего не понимаешь, — снова услышал я чьи-то слова.

Объяснение

Я обидел их своим сравнением. Они не животные и не насекомые. Это люди. Но они пошли не тем путем, что homo sapiens. Они не мыслят в нашем понимании, не прибегают к разуму для логического анализа, для дедукции или абстрактного счета. Это homiens sensuosi, больше всех животных развившие свои чувства: зрение, обоняние, слух и осязание. Они воспринимают мир гораздо лучше и тоньше, чем мы. Именно потому они так изумительно рисуют, могут объясняться на расстоянии посредством какого-то вида телепатии, свойственной — я верю этому — и людям, могут предвидеть погоду, спастись от моей точной винтовки и в любой момент поймать тех, кто их преследует. В здешних условиях это было для них необходимым. Они не строили жилищ, не приручали животных, имели лишь самые необходимые орудия, они не жили вне природы, но слились с ней, были ее частью — высшим видом плотоядных животных. Как я сожалел, что не могу наблюдать за ними во время охоты. Убежден, что, если бы кто-нибудь привел сюда леопардов, их бы уничтожили так же, как тех гигантских медведей, кости которых мы видели в пещере у очага.

Через несколько дней мной овладела странная апатия. Павел назвал это состояние счастьем. Мне чудилось, что все проблемы моей жизни уже разрешены, что я навсегда стал членом здешнего племени, которому буду помогать, не знаю уж каким образом, был счастлив, когда Гелена принесла свою первую добычу, и мне казалось совершенно ненужным заботиться о моих предприятиях в Англии, об имуществе и имениях, друзьях и родственниках. Я смотрел отсюда на жизнь в буквальном смысле слова с птичьего полета. С одной стороны, потому, что логово этих снежных людей находилось так высоко, а с другой — потому, что чувствовал покой и удовлетворенность, словно от опиума, который я как-то попробовал в Гонконге еще до войны. Павел переживал то же самое. Мы могли целыми днями си-

деть и мечтать или наблюдать, как работает старик, любоваться его рисунками или творениями его далеких предков, по-видимому, расписавших эту пещеру еще в эпоху мамонтов.

Но только я понимал, как это опасно. В Гонконге я все же ушел из опиумокурильни, хотя прислуживавшая мне китаянка была очаровательнейшим созданием в мире и ей еще не исполнилось тринадцати лет. Ушел, разбив ее трубку. Я понимал, что то же самое надо сделать здесь: ведь апатия, которую Павел называл счастьем, могла возникнуть под воздействием разреженного высокогорного воздуха, бедного кислородом и действующего как наркотик. Я не верю, что наркотики могут дать человеку счастье. Я верю в мысль, в разум. Моя семья создала в Манчестере мануфактуры еще до наступления эпохи пара. Мы ввели первые машины в наших краях. Испокон веков мы были противниками религии и поддерживали науку, потому что наука — ключ к благосостоянию нашей семьи, Англии и всего человечества. Я верю в разум, который в конце концов переделает природу, в человека, который покорит все окружающее и таким образом станет равным своей извечной выдумке — всемогущему богу. Сам станет богом. Если кто-нибудь в этом сомневается, пусть побывает в Манчестере, Руре, Силезии или Донецком бассейне. Увидев чудеса современной техники, он перестанет сомневаться в возможностях человека. Сейчас я буду модернизировать свои заводы — вводить новые технические методы. Не могу я валяться на спине в Гималаях, когда другие работают.

Но Гелена отказалась вернуться. Я заподозрил, что она влюбилась в молодого охотника, но она объяснила, что дело не в любви, а в спокойствии и удовлетворенности, которые дает ей здешняя жизнь. Здесь отдыхать гораздо лучше, чем в Африке, охотясь на бегемотов. Гелена всегда была очень чувствительна и эмоциональна, часто приходила в восторг и дома потихоньку от всех писала маленькие акварели — я как-то случайно их обнаружил. Пожалуй, даже верила в некое неземное существо, придумала себе какую-то собственную веру, вроде деизма, которую приспособила

к своему техническому образованию. И всегда ощущала себя одним из существ, сотворенных высшей силой, уважала законы природы.

— Наша цивилизация гибнет, — говорила она; руки ее были в крови только что убитого животного. — Людей охватывает массовая истерия, они верят политическим краснотам, стали непостоянными, капризными, оторвались от природы, и это их губит. Наш вид пошел по плохому пути: разум у нас слишком развился за счет всех других чувств, которые отмирают; потому мы болезненны и несчастны, потому отчаиваемся. Не можем жить полной жизнью. А нам хочется жить так же, как живут вот эти люди.

— Как эти отвратительные люди? — возмутился я. — Да у тебя разума меньше, чем у последнего здешнего туземца!

— А мне и не нужен разум. Он мне ничего не дал. Я вышла за тебя не любя, по велению рассудка, потому что хотела подняться по общественной лестнице. Я знаю, почему твой первый брак оказался неудачным. Таковы мы, люди, способные при помощи рассудка подавить даже инстинкты собственного пола...

Я не нашелся, что ответить. Меня воспитывали в правилах викторианской морали, и я не могу говорить о вопросах пола так же, как о зубах. Кроме того, она страшно оскорбила меня. Так, значит, все-таки дело в охотнике. Влюбилась в обезьяну. Сошлась со зверем.

Возможно ли это? Как могла это сделать женщина, получившая образование в нашем высшем учебном заведении, с детства поступавшая разумно, женщина, умом которой я всегда восхищался? Могу ли я поверить, что настоящие, разумные люди не мы, а те, кто нас сейчас окружает, что там, внизу, в долинах живут лишь уродцы с чрезмерно развитым черепом? Возможно ли это? Нет, Гелена обманывает меня.

— Мы должны уйти отсюда, — сказал я Павлу, который с несчастным видом слушал весь наш разговор. — Мы должны уйти, и не уговаривай, все равно я не буду вместе с тобой изучать полиандрию. Я бы уж предпочел изучать убий-

ства из ревности. Думаю, что в истории человечества для этого найдется более богатый материал.

Но как расценивать ревность? Разумно ли испытывать ее? Дает ли что-нибудь это чувство? А может, оно смешно и ненужно?

— Я уезжаю в Англию, — заявил я. — У меня важные дела в Манчестере.

— А Гелена?

— Жена для меня умерла. Она предпочла дикарское существование.

— Завтра уйдешь, — произнес старик; Павел не слышал его голоса.

Меня это еще больше разозлило. Но снаружи уже подымался ветер. Мы подождали до утра. Полагаю, что и разумные люди именно потому, что они разумны, могут иногда воспользоваться иррациональными советами.

К сожалению, Павлу не помогли ни советы, ни примитивная веревка, которую нам дал старик. Сорвавшись в десяти метрах от земли, Павел ударился головой о колоссальный камень, а оттуда его моментально смыло бурным высокогорным потоком. Ни один спуск не утомил меня так, как этот, даже спуск с Грос-Глокнера. Гибель друга глубоко потрясла меня. Едва спустившись со скалы, я упал на колени и расплакался как ребенок. Ноги у меня дрожали от страшной усталости, руки были стерты до крови. А может, и лучше, что князь погиб? — Вряд ли бы он утешился после измены жены. А как я справлюсь с этим? Я вытер глаза, стал спускаться в долину и лишь на следующий день добрался до человеческого жилья. Один из наших носильщиков открыл мне дверь и испуганно вскрикнул, решив, что видит мой дух.

В Лондоне все, конечно, думали, что Гелена погибла на охоте. С удовольствием выражали мне соболезнование. В наших кругах смерть на охоте считается чем-то естественным. В этом отношении мы похожи на йети. Я подкупил всех издателей и путешественников, с помощью своего адвоката задерживал малейшие упоминания о снежных людях. Мне не хотелось привлекать к ним внимание. Я откупался от каждого, кто хотел о них писать, нанял двух бойких журналистов, которые высмеяли и заставили замолчать одного молодого норвежца, упомянувшего о снежных людях в «Международном географическом журнале». Над этим юношей смеялись все, и, хотя он путешествовал без свидетелей, несколько выдающихся специалистов готовы были присягнуть, что фигуры, которые он видел издали, были всего-навсего фигурами медведей. Когда мы с ним встретились на ужине у леди Астор, он уже сам был уверен, что повстречался с медведями.

Я хотел один на один свести счеты с этими отвратительными людьми. Начать борьбу с ними, такую же беспощадную, как между шотландскими кланами. Я пожертвовал значительную часть своего состояния на развитие беспроволочной связи. Через год из своей исследовательской лаборатории я получил аппарат величиной с портфель, благодаря которому мог объясняться с владельцем такого же аппарата на расстоянии пяти километров. Аппарат был дорогой, приходилось часто менять батареи, но при этом никто не требовал, чтобы вы танцевали вокруг костра или сосредоточивались на мысли о своих любимых. Это была связь на расстоянии, созданная разумом. Я понимаю, вам покажется смешным, что я решил перещеголять этот снежный сброд, занимаясь такими мелочами. Вряд ли хватило бы всей моей жизни, если бы я стал доказывать, что победит разум, что великие идеи Ньютона и Дарвина освободили человечество, что мы покорили природу, но иначе поступить я не мог. Все средства были хороши, только бы верну-

лась Гелена. Я захвачу с собой фотографии новых машин на моих заводах, это действительно чудеса человеческой изобретательности, она наверняка их оценит. Докажу ей... Да, друг мой, вы не ошиблись, я не мог думать ни о чем, кроме ее возвращения. Хотел доказать ей, что разум восторжествует, и воображал, что таким образом верну Гелену, а молодой охотник опротивеет ей, как шелудивый пес. Я готовился к новой экспедиции на Гималаи. А пока что, разумеется, пытался забыться. Приходили знакомые, утешали меня. Я просадил много денег, играя в азартные игры, выбрасывал большие суммы на различных медиумов, за которыми следил во время спиритических сеансов, я разбивал сердца женам своих служащих; однако, лаская их, думал о Гелене; слушая бессмысленные выкрики спиритов, надеялся – а вдруг появится она, говорил со своими знакомыми только о ней. Все видели, как я страдаю, мои друзья и близкие перестали осуждать ее и упрекать меня в мезальянсе. За год я потерял в весе десять фунтов. И в мае телеграфировал в Катманду, что вылетаю. Мой уполномоченный всю зиму занимался там подготовкой великолепной экспедиции, никто никогда еще не тратил на это столько денег. Официально я готовился к восхождению на Нанга-Парбат, но на самом деле в моей экспедиции участвовали опытейшие охотники, привыкшие брать хищников живьем. В своих несбыточных мечтах я представлял себе, что, если моя жена откажется вернуться добровольно, я привезу ее в лондонский зоологический сад под видом самки йети, посажу обоих в клетку, буду демонстрировать их в качестве пары снежных людей и ежедневно посылать туда экскурсии заключенных из исправительных заведений Сохо.

Но, прибыв со своей экспедицией на нашу бывшую базу, мы не нашли и следа горной деревни. Нам рассказали, что люди переселились отсюда в долину, потому что в последнее время их начали тревожить йети. Они якобы не убегали от людей, как раньше, а похищали их. Несколько человек исчезло в горах, остальные в панике бежали. Это было первым затруднением, пришлось вернуться за носильщиками. Между тем погода ухудшилась. Начались метели, ка-

ких здесь никто не помнил в это время года. Ударили запоздалые морозы, во многих местах с гор срывались лавины. Мы продвигались с величайшим трудом. А когда погода улучшилась, оказалось, что перевал, на котором мы когда-то обнаружили следы снежных людей, совершенно замело снегом. Он исчез, и никто не мог найти дорогу через него. Казалось, придется обходить весь горный массив, а это задержало бы нас месяца на два, не меньше.

Но я не сдавался. Заказал в Дели небольшие одномоторные самолеты. Ни дня не хотел терять. Перевезу всю экспедицию по воздуху. При этом мы сможем обозреть владения противников. Стоило это очень дорого, но я был богат. Я так упорно собирал все сведения о снежных людях, отдавался этой экспедиции с такой страстью, что мои сорудники, кажется, начали сомневаться – нормален ли я.

Однажды в лагере появился буддийский монах и пригласил меня в находившийся неподалеку монастырь, где я мог бы отдохнуть и побеседовать с мудрейшим из аскетов. Но все это меня не заинтересовало, так как монах отрицал существование йети, уверял, что они – лишь плод воображения напуганных горцев. Мол, он сам уже давно ходит по горам в этих краях и до сих пор ничего подобного не видел. Я выгнал его. Он слепой, глупец или обманщик. Ничто не помешает мне выполнить задуманное. По крайней мере, так мне казалось.

Но самолеты не прибыли. Вместо них я получил молнию из Дели, в которой сообщалось, что лондонские банки не оплачивают мои чеки. Я спешно вернулся в Катманду. Как назло, в этот день, наконец, установилась прекрасная погода. Но меня это уже не интересовало. Я не представлял себе, как изменилась обстановка на бирже. Вы, вероятно, помните этот крах. Люди стрелялись, бросались из окна, вчерашние миллионеры торговали на улицах яблоками. Внезапно я выяснил, что моя вера в силу разума обманула меня, что мои заводы принадлежат мне не более, чем Трафальгарская площадь. Всю жизнь я верил в абсурд. Люди слишком несовершенны и только притворяются разумными существами. Это опасные, капризные обезьяны, захва-

тившие господствующее место в мире лишь благодаря своей дерзости. И мне стало казаться, что йети гораздо умнее. На нашу цивилизацию обрушиваются катастрофы и ураганы страшнее того, который я пережил в Гималаях. Но как я был самонадеян! Готовился привезти Гелену в цепях! Я показался себе мальчишкой, который хвастал своим автомобилем и вдруг обнаружил, что это лишь игрушка. Меня обманули. Я разорился.

У меня остался только старый родовой замок и немного пахотной земли. Мой адвокат со своей семьей отравился газом — перед самым кризисом он без моего ведома вложил весь мой наличный капитал в бумаги, которые совершенно обесценились. Я ждал, не найдется ли покупатель, который заинтересуется землей. Мне пришлось расстаться с обстановкой замка, чтобы расплатиться со слугами. Каждое первое число они получали что-нибудь из антикварной мебели или старой одежды. Но слуги были мне преданы, в то время ни один из них не покинул меня. И я не обошел их в своем завещании. Я решил умереть в самой старой части своего замка, под портретом деда, участника англо-бурской войны, который застрелился на этом месте, потому что во время смотра забыл приветствовать королеву. Глубокой ночью я вычистил свой пистолет, дважды спасший мне жизнь в Африке. Пусть теперь он спасет мою честь. Я не могу жить нищим. Лорды Эсдейлы всегда были богаты. Я медленно вдвигал обойму в магазин. Патроны были совсем новые, слегка смазанные. Дуло пистолета приятно холодило. «Как Павел...» — подумал я вдруг. Ведь тогда, спускаясь с горы, Павел не сорвался, а нарочно бросился вниз головой. Он не мог жить без своей жены. Сон его оказался вещим: она и вправду влюбилась в мадридского тореадора. Вот теперь и я встречаюсь с Павлом.

— Сантьяго дель Маре, — вдруг прозвучало рядом. Была поздняя ночь, и в этой части замка всегда было пусто. Крыша здесь протекает, окна плохо закрываются, слуги не решаются сюда ходить — боятся тени моего деда, умершего здесь. — Сантьяго дель Маре, — прозвучало снова над самым ухом, словно из дула пистолета. Это был хорошо зна-

комый мне женский голос, голос Гелены. — Сантильяне дель Маре, — в третий раз произнесла она, и мне почудилось, что она уходит. Значит, все-таки вспомнила обо мне. Без радиоаппаратов и телевизора следит со своих гор за моей судьбой. Я, глупец, хотел охотиться за нею, мстить ей, а на самом деле она меня любит. И, быть может, избрала единственно правильный образ жизни в этом мире лицемерия и половинчатого разума. Я бросился в библиотеку, находившуюся в противоположном крыле замка, и по пути напугал старую служанку, подумавшую, что я гонюсь за вормом. Я поспешно спрятал пистолет.

Сантильяне дель Маре — местечко в Испании, в провинции Сантандер. На следующее же утро я позвонил своему кузену в Министерство иностранных дел.

Счастье

— Сантильяне дель Маре? Знаю, конечно, неподалеку отсюда находится знаменитая альтамирская пещера. Но проехать туда невозможно.

— Почему?

— Да ты что, газет не читаешь? Какой-то генерал Лиро начал в Испании гражданскую войну.

Мой кузен не запоминал иностранные имена и порой даже путал их с названиями валюты.

Я занял денег на дорогу и выехал в тот же день. Гелена, несомненно, знала, зачем звала меня туда. Меня водили по пещерам, я был там единственным туристом. Аббат Нейль и профессор Унтермайер, которым мир обязан исследованием тамошних пещер и многочисленными трудами о доисторическом человеке, как раз собирались уезжать. Они настойчиво предостерегали меня об опасности, говорили, что в Сантандере сильное анархистское движение, фашистам, мол, придется туго, дело дойдет до кровопролития, и оставаться здесь не стоит. Но меня не интересовала гражданская война. Я нанял местных проводников, и они пове-

ли меня по альтамирской пещере, довольные, что нашли работу во время мертвого сезона. Показывали мне достопримечательности, на которых обычно не останавливались: рисунки на стенах низких подземных ходов. К ним надо добираться на четвереньках.

— Аббат Нейль утверждает, что доисторические люди считали бизона даром небес, думали, что он рождается в глубине скал, и потому вызывали его этими изображениями в переходах, лежащих глубоко в горе.

— Ерунда, — сказал я. — Жаль, что ваш аббат уехал. Я объяснил бы ему, что доисторическим людям надо было тренироваться, чтобы с близкого расстояния убить бизона своим коротким копьём. В этих переходах они приучались подпускать бизона на несколько шагов и лишь потом вспарывали ему брюхо копьём с кремневым наконечником. Посмотрите сами, — я отметил длинную черту на огромном брюхе животного. В местных пещерах художники пользовались светло-фиолетовой краской, какой я не встречал в Гималаях.

— И вправду, — изумился проводник.

С тех пор за мной установилась репутация крупного специалиста, который может объяснить, почему некоторые изображения так сильно повреждены. Никого больше не удивляло, что я брожу по местности, разыскиваю новые пещеры и лазы. Ведь для чего-то Гелена послала меня сюда. Не собиралась же она встретиться со мной в альтамирской пещере? Это было бы равносильно свиданию на многолюдной площади. К тому же она назвала не Альтамир, а Сантьяне дель Маре. Я исследовал местность целую неделю. И наконец обнаружил нужную пещеру. Указали мне ее дети; они ходили туда играть. Она начиналась неподалеку от каменоломни. Я стал осторожно спускаться. Дети не решились забираться дальше нагромождения камней у подступа к пещере, поэтому вход остался нетронутым. Я сразу понял: это нечто вроде передней, подобной входу в гималайский лабиринт. Идти надо было осторожно, хотя на этот раз я запасся альпинистским снаряжением и мощным фонарем. Но я был один. Сломать ногу здесь, под землей,

было равносильно верной смерти, так как о моем походе не знали даже дети, указавшие мне пещеру. Да и отправился я туда поздно вечером. Не хотел привлекать внимание к своим поискам. Ведь моя экспедиция могла закончиться позорным провалом, а голос Гелены, быть может, я слышал потому, что перед смертью нам всегда мерещатся голоса наших близких.

В конце концов я был вознагражден. Правда, мне пришлось переправиться вброд через подземную речку, ползти на животе и обходить спящих летучих мышей. Но вот я очутился в сводчатом пространстве, погруженном в подземный сумрак и напоминавшем готический храм. Изображения на стенах были еще прекрасней и совершенней, чем в Альтамаре. Но ничто не напоминало ни о Гелене, ни о ее таинственном зове. Я решил закусить.

– Хорошо уже то, что ты пришел, – послышался женский шепот.

Вглядевшись, я обнаружил вторую, меньшую пещеру, а в ней худого, высохшего старца, настоящий скелет, обтянутый грубой, толстой кожей с облезшей шерстью. Он едва дышал. Я хотел накормить его.

– Я только что съел олений окорок, я сыт, – сказал старец.

Я стал смотреть по сторонам. На стенах были изображения кроликов, диких уток, а также кошек, собак, крыс. Неужели здешние йети так низко пали, что едят крыс?

– Ты можешь получить все, что пожелаешь. Но надо понастоящему желать... – послышалось снова.

Я посмотрел на этот живой труп, все еще сжимавший в руках кисть. Поодаль стояли сосуды с красками. Был ли он действительно счастлив? Как сохранился его род в течение целых тысячелетий, никем не замеченный, в стороне от всей нашей жизни? Это была, вероятно, какая-то особенно упрямая семья, если она не переселилась вслед за отступавшими ледниками. Может, какие-нибудь жрецы, хранители местных храмов, кто знает. Надо сказать, что изображения жрецов на их рисунках никогда не встречаются.

– Не уходи, – снова услышал я голос Гелены.

Не стану же я ждать здесь, под землей, пока этот человек умрет.

— Останься, ты должен познать истинное счастье...

Это было смешно, но в глубине души я надеялся встретить ее здесь, думал, что она придет сюда или при помощи какого-нибудь медиума сообщит мне, где ее обиталище в горах, как к ней добраться. Не люблю оккультные фокусы и не намерен в них участвовать. Я принялся собирать свое снаряжение. Завтра приведу сюда местных археологов: авось еще удастся спасти этого старика. Это был действительно уникал.

Уходя, я споткнулся о его одежду. Какая одежда может быть у йети? Ее я у них никогда не видел. И все-таки здесь лежала одежда начала столетия, даже шляпа была продырявлена пулей. Уж не принадлежит ли этот старик к нашему, человеческому виду? Быть может, это какой-нибудь сумасшедший, нарочно забравшийся сюда, в горы, и продолжающий дело доисторических художников? Зачем он это делает? По каким соображениям?

Но через неделю я уже держал в руках его кисть и пробовал провести первые линии на стене. Мне не объяснить вам, зачем я это делал. Это чувство надо испытать. В первую ночь я остался там, потому что совершенно обессилел и хотел спать. Мне приснился удивительно реальный сон, будто я вернулся на лоно природы, будто бегаю с Геленой по странной долине меж ледников и пью сырую кровь диких зверей. Мне мерещилось, что мы любим друг друга, счастливы, что все это не сон, а реальная действительность.

Мною снова овладело безразличие, которое я уже не называл апатией. Его не нарушали никакие воспоминания. Я жестоко обманулся, поверив, что можно достигнуть счастья рациональным путем. Мне было безразлично все, что творится наверху, под солнцем, не страшили голод и холод, безразличны стали родственники, человечество, Англия, весь мир. Мои машины казались мне теперь смешными. Важно было только совершенство рисунков на стене, только их создание казалось мне достойным человека. Я был

спокоен. Был счастлив. И наконец, понял, почему те, кто встречает снежных людей, никогда не возвращаются. Я уже не хотел возвращаться.

Перестрелка

Спустя несколько дней мои мечтания нарушили странные, ритмичные сотрясения почвы, какие не могла вызвать какая-либо нерациональная сила. Это был гул орудий, а к вечеру стала доноситься и ружейная стрельба. Итак, фронт приблизился к нашим пещерам. Тогда я, конечно, не знал, что фашисты подвезли тяжелую артиллерию и готовились обстрелять Сантильяне дель Маре. Защитники города хотели обойти их и атаковать, пройдя подземным ходом. Оказалось, что все проводники – анархисты и прекрасно знают окрестности. Один особенно горячий парень решил пробраться в тыл фашистов через мою пещеру, где он в детстве играл. Фашисты узнали о планах республиканцев, послали сюда свой авангард, и им пришлось вести бой под землей. Главные силы обеих сторон встретились в большой пещере, так очаровавшей меня фиолетовыми красками. Перестрелка продолжалась около пяти часов. Обе стороны понесли большие потери, потому что стреляли в темноте, гранаты швыряли вслепую, и сражавшиеся пострадали от обломков дробившейся скалы больше, чем от выстрелов. Многих засыпало. Среди них и моего старика, который все не хотел умирать. Его придавила огромная глыба, украшенная его собственными рисунками. Я наблюдал бой из небольшого углубления в скале, лежа на животе и вспоминая сцену, разыгравшуюся некогда в Гималаях, охотничий танец снежных людей, странные ритмичные удары старика по стене, нисколько не напоминавшие лай пулеметов, радостный возглас Гелены – клич свободы, столь не походивший на стоны раненых и умирающих под землей.

В конце концов фашистов вытеснили. Им пришлось отступить, потому что республиканцы по другому ходу про-

никли в тыл марокканских батарей и перебили там всю прислугу. Атака на Сантьяго дель Маре была отражена. Вся провинция ликовала.

Вместе с остальными ранеными меня отнесли в военный госпиталь. Думали, что я английский поэт, который, как гласила молва, сражается в одних рядах с анархистами. Моего старика они похоронили со своими убитыми. Обращались со мной вежливо, даже после того, как я им представился. Лечили меня в анархистских казармах и потому называли просто господин Эсдейл, но в остальном относились ко мне внимательно... Я слышал, что впоследствии весь этот отряд погиб под Барселоной. Это были мужественные люди, и я с удовольствием вспоминаю о них. Но, конечно, они не подозревали, что все попытки добиться чего-нибудь разумным путем тщетны. Я не понимал ни сущности их борьбы, ни задач испанской республики. Но одно было мне ясно. Разумные люди доказывают здесь свою правоту странными средствами — оружием. Фронт не место для поисков доисторического счастья. Мне пришлось вернуться в Лондон. Своему кузену я доставил много хлопот, так как сообщение с Англией было уже прервано, и он вынужден был послать за мной специальный самолет.

К счастью, через несколько дней ко мне пришел торговец и предложил искусно изготовленные вами статуэтки, заявив, что это вторая вестоничская Венера, марквартцкий бизон и микуловский носорог. Я сразу понял, что это подделка, но для меня было ясно, что в Моравии, по-видимому, возможны такие же бесценные находки, как в Испании, и здесь, в относительно спокойной обстановке, мы сможем спуститься под землю и раскрыть тайны, которые пещеры до сих пор никому не выдавали.

Четвертая экспедиция

— Я женат, — сказал я лорду, — хочу иметь детей. А чужих ребят учу уму-разуму. Я учитель, господин Эсдейл, и вы вряд ли могли бы найти кого-нибудь менее подходящего для отрицания разума. Я привык спорить со здешним священником. Верю, что мы живем в великое время, скоро у нас будет изобилие товаров для всех, люди полетят в космос, научатся гораздо лучше использовать землю и будут счастливы, но только потому, что доверяют своему разуму.

— Не будут они счастливы.

— Счастье у них будет не таким, как у доисторических охотников. Они не будут пить свежую кровь.

— Они не будут любить.

— Любить будут, но по-иному. Нет, господин Эсдейл, я сторонник нашей цивилизации. Она мне нравится. И я ни в коем случае не променяю ее на медленную смерть в пещере, даже если бы ее стены были расписаны Рембрандтом.

— Значит, вам нравится существующее общество?

— У меня никогда не было фабрик, и я не играл на бирже. Всю жизнь был беден.

— Но это вам не поможет, когда и до ваших мест докатится канонада, раздавшаяся в Сантильяне дель Маре. Я видел, как в Вене они маршировали в коричневых рубашках и высоких сапогах. Они придут и сюда. Неужели вы станете утверждать, что они тоже продукт разума? А ведь они все же часть цивилизации, которая вам так нравится. Ваши друзья были разумнее.

— Какие?

— Те, что остались в пещерах.

— Тонда и Мирек вовсе не остались в пещерах, дорогой лорд. Оба они были страстными футболистами, играли в сборной Микулова, и я в жизни не видел, чтобы кто-нибудь из них рисовал. Они лучше меня объяснили бы вам, в чем ошибки нашей цивилизации. Не зря эти ребята работали на фабрике моего тестя. Нам не хватает разумного ведения

хозяйства, мы страдаем от недостатка, а не от избытка разума. Кризисы, фашизм и все прочие безобразия могли возникнуть потому, что люди поступают подобно вам. Отрекаются от разума, хотят на полном ходу выскочить из мчащегося автомобиля. Это самоубийство. Тонда и Мирек лучше доказали бы вам все. Они спустились в пещеры не для развлечения, их заставила бедность. Надеялись продать кому-нибудь свои находки.

— Скоро мы с ними встретимся...

— Вы пьяны, лорд!

Оскорбленный, он встал и распахнул передо мной дверь.

— Вы не способны на возвышенные чувства, приятель.

Он покачивался, стоя в дверях, и казалось, вот-вот упадет.

— Извините. Может, вы и не пьяны, но вам следовало бы заказать себе кофе.

Он выгнал меня. Впрочем, никто не стал бы для него варить кофе. Было около трех часов ночи, в гостинице все спали. Возвращаясь домой, я услышал пение первых петухов.

«Что ему, собственно, нравилось? — думал я. — Апатия или счастье? В чем суть этих понятий? Странно, почему теперь все жаждут возврата к природе? В те времена, когда я преподавал в Железном Броде, я знал нескольких спиритов. Честное слово, они рассуждали разумнее, чем этот лорд. Их рассказы выглядели более правдоподобными. Телепатию и всю эту ерунду наверняка когда-нибудь объяснят так же, как электричество, если только телепатия вообще существует. Но что она имеет общего с искусством? Мои ученики отлично могут изложить содержание стихотворения или описать картину, которую видели на выставке, и для этого им не надо проводить целые дни под землей в одиночестве и мрачных размышлениях...»

Вся деревня была погружена во мрак, только в нашем доме все еще горел свет. Жабка сидел с моей женой у стола над грудой бумаг. Они подсчитывали всю ночь, что надо купить и как лучше поместить полученные деньги.

— Сколько? — в один голос спросили они, как только я закрыл за собой дверь. — Сколько он предлагает?

— Ничего. — Я тяжело опустился на стул и отпил глоток холодного черного кофе прямо из кофейника. — Ни гроша. Догадался, что это подделка.

— Каким образом? — изумился тесть.

— А зачем же он тогда приехал? — спросила жена. Она умнее отца. — Это он мог написать в письме. Что ему здесь надо?

Я не хотел им ничего рассказывать, знал, что это за семейка, но они упорно настаивали, да и могли подумать, что я совершаю какую-то сделку втихомолку.

— Он хочет отправиться в здешние пещеры.

— Один? — ужаснулись они, так как отлично знали, насколько это опасно.

— Нет, дорогие родственнички. Хотел отправиться вместе со мной. Я говорю это в прошедшем времени, потому что категорически отверг это предложение. Свари мне крепкого горячего кофе и пойдем спать. У меня от всего уже голова пошла кругом.

— Но он, конечно, немало предложил тебе за это? — спросил тесть.

— Я не собираюсь продавать свою жизнь, папенька, так что даже не торговался.

— Трус! — как ужаленный, подскочил он. — Сколько раз я рисковал жизнью ради семьи. Спроси ее...

— Я знаю. Делали шоколад из отрубей. За это можно было самое большее сесть в тюрьму. За это у нас, к сожалению, не вешают. А меня вы посылаете в подземные пещеры. Видели вы когда-нибудь Мацоху? Такая же пещера может оказаться у нас под землей. А может, еще глубже. Если мне выбирать способ самоубийства, так лучше прыгнуть в Мацоху, там хотя бы все видно.

Жабка разволновался, показывал мне свои расчеты, говорил, как можно было бы расширить производство, как он хотел сделать меня своим заместителем, — я делал бы эскизы ко всем его рекламным плакатам, поскольку умею рисовать, — как он собирался выпускать шоколадные фигурки

вьестоницкой Венеры, какой это был бы боевик, злился, уговаривал меня, предлагал найти для лорда проводника, но я только крутил головой.

— Я этого на свою совесть брать не хочу. Пусть его сиятельство сам на этом обожжется. Хватит с меня ваших подделок.

— Моих подделок?! — обиделся тесть и даже побагровел. — Разве я вырезал этого дурацкого носорога, хотя каждый ребенок знает, что у Микулова никто никогда не видел носорогов? Будь это моя работа, никому бы ничего в голову не пришло, потому что я привык все делать как следует, добросовестно. Даже подделки. А ты халтурил. И всю жизнь свою испоганишь. Если у девчонки есть голова на плечах, она с тобой завтра же расстанется!

Он выбежал из комнаты, словно за ним гнались. Даже дверь забыл за собой закрыть.

Я люблю свою жену и особенно восхищаюсь ее ногами. У нее идеальная фигура. Но она ужасная пуританка, не знаю даже почему. В ту ночь она встретила меня поцелуями, которые меня особенно возбуждают. Никогда еще я ее так не любил...

А потом, распустив волосы, она взяла будильник и деловито спросила:

— В котором часу разбудить тебя? Когда вы выходите?

Я едва не разрыдался тут же в постели. Уже светало, из сада доносилось пение птиц, они всегда заливаются перед восходом солнца. Поклоняются ли снежные люди солнцу, как божеству, если уж они так близки к природе?

— Незачем меня будить. — Я поднялся, покачиваясь. — Уйду сейчас. — Она не удерживала меня, не отговаривала. Предложила кофе. — Не хочу, — сказал я. — Ничего не хочу. Думаю, что в вашей семье я единственный...

Я вспомнил рассказ лорда о его жене. О том, как она по велению рассудка подавила свои чувства. Сейчас я испытывал то же, что и он. Моя жена вела себя, как девка. Знала, что этот способ лучше подействует, чем крик ее отца. Она вела себя разумнее, чем мой тесть. Голова у нее работает.

Девка! Я кинулся в гостиницу. Разбудил недавно уснувшего лорда. Для этого мне пришлось колотить ногами в дверь.

– Пойду с вами. Сегодня же, – сказал я.

– All right! Я знал, что ты окажешься благоразумным, вернее, внеразумным, – поправился лорд. – Это будет моя четвертая экспедиция, – пробормотал он, засыпая.

Победа

Мы отправились около полудня. Я раздумывал, сказать ли хозяину гостиницы, куда мы идем, но потом сообразил, что все равно во всем крае, пожалуй, не сыщешь спасательной экспедиции, никто не отважится углубиться в пещеры. Тогда я решил хотя бы договориться с Эсдейлом о вознаграждении. Назначил свою цену. Очень высокую. Лорд только улыбался. Он готов был уплатить мне любую сумму. По видимому, его финансовые дела улучшились с тех пор, как он расплачивался со своими слугами мебелью. Или был убежден, что, найдя его пещеру, я не стану думать о вознаграждении.

– Я не намерен это обсуждать и хочу получить свое вознаграждение, даже если мы ничего не найдем.

Он пообещал мне все что угодно. Мы даже написали что-то вроде соглашения.

Я знал, о чем договариваюсь. Во время вчерашнего рассказа лорда о его путешествиях я подумал о небольшой пещере на склоне в глубине леса, куда я до сих пор не решался ходить, потому что туда надо было спускаться по веревке. Мне о ней рассказывал местный лесничий, говоривший, что там живет особый вид сов. В этой пещере лорд почувствует себя как дома. Для такого спуска он был, конечно, экипирован лучше меня. Я не мог позволить себе купить альпинистские ботинки, мне даже на лыжные никогда не хватало. И вот я спускался по веревке в обычных батевских ботинках и вспоминал судьбу князя Павла. К счастью, внизу была мягкая глина, а не громадные камни. Все казалось

мне страшно смешным. Прислуживаю какому-то эксцентричному типу, превратился в боя, как он выражается. Унижительно для меня. Какой в этом смысл? Если снежные люди, как он утверждал, переселились из Испании на Гималаи, потому что им нужен был лед, чтобы замораживать свою добычу, то как замораживали ее обитатели наших пещер? Что же у них – специальные рефрижераторные или холодильные установки? Он уверяет, что это сказочные места, которые пленяют всех, кто туда попадает, и превращают каждого пришедшего в доисторического человека. Я слышал, что среди аристократов много дегенератов. Но лорд не был похож на идиота. Лазал он замечательно. Я едва поспевал за ним. И никаких признаков вырождения он не проявлял.

В пещере было светло как днем, потому что мы принесли с собой сильные электрические фонари, чуть не в полметра величиной, а кроме того, с нами были горняцкие лампы. По всему было видно, что у лорда действительно большой опыт путешествий в подобных местах. Но ход в горе был такой узкий, что мы не могли пролезть с рюкзаками на спине, и приходилось толкать их перед собой по земле, так что, несмотря на яркое освещение, мы ничего вокруг не видели. Мы продвигались вслепую, шаг за шагом, и я каждую минуту ожидал, что ход кончится и нам придется вернуться. Но лорд Эсдейл, очутившись в своей стихии, и слышать не хотел о возвращении. Он утверждал, что это и есть настоящая пещера, он чувствует это и опять слышит какой-то голос. Я только слышал где-то справа шум подземных вод. Кончится тем, что мы здесь утонем, как крысы. На стенах не было никаких следов изображений. Даже обычные скелеты не попадались. Я ощупывал стены, пробовал исследовать боковые ходы, но, сделав несколько шагов, каждый раз убеждался, что это тупики. Эсдейл замечательно ориентировался. Одна из таких попыток отклониться в сторону оказалась для меня роковой.

Ощупывая стену, я вдруг попал рукой в пустоту, потерял равновесие и свалился. Летел несколько секунд. К счастью,

упал на ноги, но встать уже не мог: щиколотка отчаянно болела.

– Помогите! – крикнул я. – Господин Эсдейл!

Высоко надо мной мерцала его лампочка. Я и не подозревал, как глубоко свалился. У меня потемнело в глазах, и я потерял сознание.

– Ты должен думать о своем спасении, должен его действительно желать...

Мне чудился голос Эсдейла, говорящий, что я должен представить себе хозяина гостиницы со спасательной веревкой, своего директора школы в альпинистской обуви и целую экспедицию из Праги, которая, конечно, никогда не придет. Очнулся я в полном одиночестве. Вокруг сумрак. Лорд, по-видимому, бросил меня без всяких утрызений совести. А может, воображал, что со сломанной ногой я скорее достигну счастья, чем он. Но я не ощущал ничего особенного, никакой апатии, только страх, ужас перед смертью в никому не ведомой подземной пропасти. И думал только о том, каким образом оттуда выбраться.

Если я поползу обратно тем же путем, каким мы шли, я должен попасть наверх. Пальцы у меня были окровавлены. Я казался себе кротом. Но боль в щиколотке и голод подгоняли меня. Я не рассчитывал на силу собственных желаний. Спасся только благодаря своему разуму. Через несколько часов я увидел первый луч света. Выбрался наверх. Подполз на четвереньках к ближайшему зданию. Оттуда меня отвезли в больницу. На ногу мне наложили гипс, воспаление легких лечили какими-то порошками. Пролежал я долго. Если бы в той пещере я понадеялся только на самые горячие желания, меня бы сейчас уже не было в живых.

Лорд там ничего не нашел. Он появился в Вьестоницах через два дня, а оттуда уехал в Вену. Больше мы о нем не слышали. Своего вознаграждения я так и не получил. Но я был рад, что у меня хотя бы зажила нога. И окончательно разошелся с тестем. Обломок бивня мамонта (*Elephas primigenius*) по сей день украшает мою краеведческую коллекцию. Моя жена не решается против этого возражать. От

пути разума, по которому идет наша цивилизация, отклоняться нельзя. Иначе нас ждет смерть во мраке. Тонда и Мирек были правы. Я вспоминаю о них, как только у меня начинает болеть щиколотка. А это бывает часто, особенно при перемене погоды.

Вот почему я могу под присягой подтвердить, что лорд Эсдейл не погиб на Гималаях. По-видимому, он отправился туда вслед за своей женой и присоединился к снежным людям, среди которых ему уже давно место. Но сомневаюсь, что там он нашел счастье.

Терри Пратчетт

УЖАСНЫЙ СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Жил-был однажды молодой человек по имени Капитан Достопочтенный Сэр Герберт Стивен Эрнест Скучинг-Три-страм-Скучинг. Друзья знали его как Билли. Он в самом деле был очень богат, а еще ему было очень скучно жить в Лондоне.

Как-то раз к Билли постучался незнакомец, протиснулся мимо дворецкого и спросил:

– Это вы будете Капитан Достопочтенный Сэр и так далее?

– Это я, – ответил Билли.

– Так вот, я Альфред Тенс, знаменитый исследователь и путешественник, – сказал гость, смахивая со стула кипу пятидесятифунтовых купюр и садясь.

– Человек, прошедший вдоль Амазонки?

– Тот самый, – скромно ответил Тенс.

– Человек, совершивший плавание из Брайтона в Бомбей в гребной ванне?

– Тот самый, – ответил Тенс, надуваясь от гордости.

– Человек, который переплыл Тихий океан на плоту из красного дерева и шнурков для ботинок – и открыл затерянные острова Одиума?

– Нет, я не *тот* человек, собственно говоря, – ответил Тенс, внезапно сдуваясь. – Там был кое-кто другой. Но вам стоит посмотреть на это.

Он извлек бумажник и достал нечеткую фотографию белого пятна посреди снежной бури.

– Знаете, что это? – спросил он. – Это жуткий снежный человек! Будь у меня двадцать тысяч фунтов, я мог бы съездить и поймать его, – добавил он, пристально глядя на Билли.

Билли жестом подозвал дворецкого.

– Выдайте этому джентльмену двадцать тысяч фунтов из стеклянной банки в холле.

– **Превосходно!** – вскричал Тенс. – Вы должны поехать со мной, конечно. Мы отправляемся завтра утром.

– Куда? На Эверест?

– Какая чушь! Эверест стал нынче похож на «Мир Дис-

нея». Снежные люди остались только на горе Бена Драмлина. Вот это настоящая гора! Она в Чилистане. Мне пора бежать — я должен еще много чего успеть.

Билли проводил его взглядом.

— Что за странный человек, Твист, — сказал он своему дворецкому. — Но в нем живет исследовательский гений, разумеется. Интересно, откуда у него эта фотография.

— Не могу сказать, сэр. Мне паковатьсь?

— Да, Твист. Думаю, будет холодно — возьмите грелки, теплое белье и тому подобное. И запихните в чемодан побольше денег.

На следующее утро они заперли дом и ждали на крыльце, пока не появился Тенс в голубой парке и шапочке с помпоном. За ним следовал маленький чилистанец — его проводник и переводчик — и волочил за собой чемодан. Тут же налетело множество репортеров: они все одновременно задавали вопросы и фотографировали на бегу.

Тенс, отмахиваясь от них, крикнул Билли:

— Поймите такси, мальчик мой!

Билли сошел на проезжую часть и поднял зонтик.

— Куда вам, сэр? — спросил таксист, останавливая машину.

— В Чилистан, пожалуйста.

Таксист задумался.

— Это где-то у Шепердс Буш? — спросил он.

— Нет, до Чилистана примерно шесть тысяч миль. Держите для начала пять тысяч фунтов, — сказал Билли.

Таксист побледнел, увидев кучу денег.

— Эгегей, вперед, — сказал он.

— Но в Чилистан не доехать на такси! — воскликнул Тенс.
— По пути океан!

Билли наклонился и потрепал таксиста по плечу.

— Скажите-ка, старина, — промолвил он, — у вас есть паспорт?

— Да, сэр. Получил в прошлом году, когда мы с женой ездили в отпуск в Коста-Лотта, — ответил таксист.

Билли велел ему взять паспорт; поэтому всем пришлось поехать к дому таксиста по адресу Трэмвэй-плейс, дом № 8,

Лондон. Таксист вошел внутрь и вскоре появился вновь в сопровождении невысокой толстенькой женщины в коричневом пальто и бархатной шляпке, утыканной шляпными булавками. Она несла два чемодана.

— Это моя жена, сэр! — грустно произнес таксист. — Она говорит, что не позволит мне волочиться за границей за всякими женщинами. Она говорит, что за мной нужен глаз да глаз.

— Разумная дама! — заметил Билли. — Как вас зовут, мадам?

— Агнес Глупп, — ответила та и сделала реверанс, ибо с первого взгляда могла распознать джентльмена.

— Твист, привяжите багаж дамы на крышу. Садитесь, мадам. Вы хорошо готовите? Чудесно! Сам я и яйцо не смогу сварить.

— **Но так неправильно!** — воскликнул Тенс, чуть не плача. — Нельзя так ездить в путешествие! Мы не можем просто взять с собой чью-то жену. Мадам, вы должны знать, что там, куда мы направляемся, нас ждут жуткие снежные люди, растения-людоеды и прочие опасности!

Миссис Глупп лишь рассеянно улыбнулась.

*

Мистер Глупп довез путешественников до Дувра, и вскоре они уже катились по Франции.

— На юг, — распорядился Билли. — В Коста-Лотта. Там солнечно.

Целые века они пересекали капустные поля. Наконец приехали в Коста-Лотта: голубое море, голубое небо и богатые люди в купальных костюмах.

— О, я все это помню, — сказала миссис Глупп.

Билли купил для отряда маленькую виллу, а затем все спустились на пляж. Мистер и миссис Глупп бродили по воде, повесив на шею связанную шнурками обувь — мистер

Глупп даже снял пальто. Тенс, конечно, остался в подбитой ворсом одежде исследователя, привлекая всеобщие взгляды.

Твист, дворецкий, купил номер своей любимой газеты «Таймс» и приступил к чтению, а чилистанский проводник Тенса пожелал остаться в такси, где он устроился среди чемадманов.

– Я хотел бы заметить, сэр, – неожиданно сказал Твист. – Здесь пишут, что экспедиция арбровианских джентльменов намерена совершить восхождение на Бен Драмлин в поисках жуткого снежного человека. Мне казалось, это *мы* его ищем.

Тенс едва не взорвался.

– **Они доберутся туда раньше нас! Все мои труды насмарку!**

– Дайте-ка мне взглянуть на эту газету! – сказал Билли. – Хм... Тут говорится, что арбровианцы только что отправились в Чилистан. Я полагаю, мы могли бы их опередить. Перестаньте рыдать, Тенс. Твист, найдите мне телефон.

Мгновение спустя он вернулся и приказал всем садиться в такси.

– Поезжайте в аэропорт Насти, на третью взлетно-посадочную полосу, – сказал он мистеру Глуппу.

Пятнадцать минут спустя они въехали по трапу в гигантское брюхо грузового самолета. Пропеллеры уже вращались.

– Как вы это устроили? – выдохнул Тенс.

– Купил самолет, – сказал Билли. – Что удобно в жизни мультимиллионера – не приходится ждать у моря погоды.

– Ой! Я никогда раньше не поднималась в воздух, – заметила миссис Глупп.

Она уселась и положила свою утыканную булавками шляпку на столик. Вот только это был не столик. Это была панель управления, и миссис Глупп случайно сдвинула переключатель.

– Кажется, мы движемся, сэр, – сказал дворецкий Твист. – И, сэр, за нами бежит джентльмен в форме и кричит: «Эй!», сэр. Осмелюсь предположить, что он и есть пилот, сэр.

Самолет катился по взлетно-посадочной полосе, набирая скорость. Стена на краю летного поля была уже совсем близко.

— У кого-либо есть какие-нибудь предложения? — спросил Тенс.

Все стояли вокруг, выглядя смущенными. Затем проводник Тенса, маленький чилистанец, наклонился вперед и осторожно нажал на рычаг.

Самолет оторвался от земли.

Проводник сел и нажал несколько кнопок.

— Как он научился управлять самолетом? — спросил Билли.

— Сам не знаю, — сказал Тенс. — Когда я впервые встретил его, он погонял верблюдов. Он явно человек со многими талантами.

Самолет дважды сделал петлю, нырнул под какие-то телефонные провода, поднялся прямо вверх и более или менее нормально выровнялся, летя в направлении Чилистана. По радио зазвучали отчаянные сообщения с диспетчерской вышки, однако новый пилот не обратил на них никакого внимания.

Вскоре они были уже над морем. Миссис Глупп и Твист стали готовить обед на камбузе.

Потребовалось несколько дней, чтобы добраться до Чилистана, так как требовалось постоянно приземляться для дозаправки — обычно на небольших аэродромах в пустыне, где топливо доставлялось к самолету на верблюдах. Путешественники также на некоторое время заблудились в окрестностях Турции.

— Я только что кое-что вспомнил, — сказал Тенс, когда впереди показались Гималайские горы. — В Чилистане нет аэропорта.

— Забавно, — отозвался Билли. — Кажется, мы приземляемся.

Чилистан – очень маленькая страна, состоящая в основном из тропических джунглей, каменистой пустыни и гор. Столица, Чилблейн, расположена на берегу красной реки Макферсон, названной в честь человека, который утверждал, что открыл эту страну, и именно к ней снижался самолет.

Рыбаки на берегу были поражены, увидев, как самолет выпал из облаков, пронесся вверх по реке, выскочил на берег и остановился в зарослях бальзовых деревьев.

Люк распахнулся, и изнутри на огромной скорости вылетело маленькое черное такси. Затем самолет взорвался.

– Совсем неплохая посадка, – сказал Тенс своему гиду. – Я думаю, теперь мы опередили арбровианцев.

Мистер Глупп затормозил, когда к такси подбежал невысокий мужчина в синем костюме. Тенс бросился наружу и пожал ему руку, и между ними завязался долгий разговор на чилистанском; звуки этого языка напоминали Билли скрип мокрого пальца по стеклу.

– Это мой старый друг Годли, премьер-министр, – объяснил Тенс остальным. – Он говорит, что окажет нам всю необходимую помощь.

– Как мило с его стороны, учитывая, что мы только что подожгли великолепную рощу бальзовых деревьев, – сказал Билли.

– Да, но он не любит арбровианцев, потому что у него когда-то была арбровианская камера, и она сломалась, насколько я могу понять, – сказал Тенс.

– А где гора Бен Драмлин? – спросила миссис Глупп.

Тенс указал пальцем.

Гора поднималась из джунглей и продолжала подниматься все выше и выше, постепенно скрываясь в облаках.

– Боже правый, – сказала она. – А что это там наверху, снег?

– Некоторые считают, что это шербет, – саркастически заметил Тенс. – Однако я не думаю, что нам понадобится проделать больше трети пути к вершине, – добавил он. – Предполагается, что жуткие снежные люди обитают в пещерах не слишком высоко над джунглями.

Остаток дня был потрачен на покупку теплой одежды и наем носильщиков. Тропическая ночь обрушилась внезапно, как кирпич, когда они легли спать в лучшем отеле Чилблейна, «La Grande Magnifique Ritz Splendide Carlton». Твисту, дворецкому, пришлось спать в ванне.

*

Рано утром следующего дня они снова сели в такси, причем Твист вел грузовик, набитый носильщиками и провизией. Небольшая толпа собралась, чтобы проводить их, и духовой оркестр заиграл национальный гимн Чилистана **«Боже, храни нас всех»**.

Затем они отправились в путь по лесам вокруг Бена Драмлина. Такси петляло по крошечным дорожкам между огромными деревьями, полными ярко раскрашенных птиц. Обезьяны прыгали по веткам и пронзительно кричали, а миллионы насекомых жужжали и щелкали.

Маленькая колонна поднималась все выше и выше по предгорьям Бен Драмлина, пока пышные леса не сменились соснами и, наконец, скалами и чахлым кустарником.

Дорога исчезла. Оставалось идти пешком. Мистер Глуш запер дверцу своего такси и спрятал ключ в шляпе.

— Сколько еще осталось до того, как мы найдем этих жутких снежных людей? — спросил Билли, зашнуровывая свои альпинистские ботинки.

Тенс с трудом надел рюкзак.

— Еще две или три тысячи футов, — сказал он. — Вот где я их видел. Ей-богу, как же здесь вкусно пахнет!

— По-моему, пахнет воздухом, — сказал мистер Глуш.

— Вперед! — воскликнул Тенс.

Они тащились по склонам Бен Драмлина, распевая песни. Наконец они подошли к небольшому горному ручью, который, журча, бежал по камням. Билли наклонился, чтобы наполнить свою бутылку водой, и услышал жужжащий

звук. В ручье было установлено миниатюрное водяное колесо, вращавшееся с огромной скоростью.

— И к нему что-то привязано, — пригляделся Тенс. Это был маленький кусочек пергамента. На нем были две строчки на чилистанском, и Тенс перевел их:-

В. Что это такое: зеленое, висит на гвоздике и пищит?
О. Селедка.

— Шутка, — сказал Билли. — И к тому же очень старая.

— В высшей степени, сэр, — сказал дворецкий Твист.

— Хм, — сказал Тенс, разглаживая пергамент. — Вы знаете, что это такое, не так ли? Это колесо для шуток. Здесь, должно быть, где-то есть Монастырь Шуток — и монахи-шутники.

Он объяснил:

— Видите ли, они думают, что мир был создан в шутку, и поэтому каждый должен выразить благодарность, хорошенько посмеявшись. Вот почему они привязывают шутки к водяным колесам. Каждый раз, когда колесо поворачивается, шутка попадает на небеса.

— Какие необычные люди, — заметил Билли. — Вы хотите сказать, что они тратят все свое время на рассказывание анекдотов?

— Да. Они даже встают посреди ночи, чтобы изобрести новые шутки.

Кто-то похлопал его по плечу. Это был маленький кругленький человечек в синем халате, с лысой головой и широкой улыбкой. Он медленно достал из своего объемистого рукава торт с заварным кремом.

Тенс пригнулся как раз вовремя. Торт угодил в Твиста.

Любопытная выдалась сцена на полпути к двадцать седьмой по высоте горе в мире! Монах стоял и смеялся, в то время как все остальные выглядели озадаченными, а заварной крем капал с головы на воротник Твиста. Затем последовала зеленая вспышка, хлопок — и монах исчез.

Твист высморкался.

– Надо же! – сказал Билли. – Какой странный человек.
– Это был один из них, – пояснил Тенс. – Я забыл до-
бавить, что они также владеют магией.

*

Остаток дня путешественники бродили по склонам Бен Драмлина. Среди больших камней и зарослей кустарника они больше не видели монахов-шутников, хотя, когда на небо высыпали звезды, заметили высоко на отроге скалы большое здание.

Проходя мимо, они услышали певучий голос, произносивший шутку на чилистанском. Монахи встретили ее взрывом смеха.

– Странная компания, – сказал Билли после того, как отряд разбил лагерь и все уселись вокруг костра. – Не очень-то весело все время жить на горе и придумывать шутки.

– Им это нравится, – возразил Тенс. – Знаете, они считают, что в мире существует 7,777,777,777,777 шуток, и когда все шутки будут рассказаны, миру придет конец. Как будто погасят свет. Мир больше не будет нужен, понимаете?

Воцарилась тишина, пока все сидели вокруг, размышляя или просто наблюдая за последними лучами заката. Взошла луна, окрасив белоснежную шапку Бена Драмлина в ярко-серебристый цвет. Появилось еще больше звезд.

– Как погашенный свет, говорите? – спросил Билли через некоторое время.

– Да. Или лопнувший воздушный шарик.

Последовала еще одна задумчивая пауза, и все они прислушались к смеху монахов, доносившемуся из монастыря.

– Интересно, сколько еще осталось шуток?

– Миллионы, – успокаивающе сказал Тенс.

– **Ааааааааааа!** – закричала миссис Глупп, выбегая из своей палатки. – В моем спальном мешке – волосатое чудовище!

– **Снежный человек!** – крикнул Тенс. – **Не паникуйте!**

Но все запаниковали, и каждый пытался спрятаться за спинами остальных. Спальный мешок, подпрыгивая, выскочил из палатки, взвился высоко в воздух и лопнул.

То, что было внутри, приземлилось Твисту на голову. Оно сидело там, моргая.

– Мне он вовсе не кажется жутким, – сказала миссис Глушп. – Он выглядит довольно милым.

Он был размером примерно с футбольный мяч и такой же формы, с белой шерстью и маленьким пушистым хвостиком. Из меха выглядывали два глаза-пуговицы. Потом он начал плакать.

Миссис Глушп сняла его с головы Твиста и сказала что-то вроде: «Масью пугать плативный дядя? Ну фот, фот...» Никто не понимал, о чем она говорит, но крошечный снежный человек, казалось, понял.

– Должно быть, это детеныш, – сказал Тенс.

Малыш покашлял и заснул. Миссис Глушп, к большому неудовольствию Тенса, соорудила для него постель из рюкзака исследователя. Затем, удивляясь появлению детеныша в лагере, путешественники забрались на ночь в свои палатки.

Билли приснился монах-шутник. Монах идед в ванне с заварным кремом и рассказывал 7, 777, 777, 777, 777-ю шутку, которая должна была привести к концу света.

Тенс пытался остановить монаха, швыряя в него спальными мешками, но монах продолжал рассказывать.

БАМЦ!

Билли проснулся. Все погрузилось во тьму. Что-то давило ему на живот. «*Наступил конец света*», – подумал он.

Но нет. Всего только рухнула палатка. Билли поерзал под ней и приподнял клапан. Его глазам предстала картина крайнего замешательства. Тенс бегал вокруг, размахивая винтовкой. Большинство палаток обрушилось, и все кричали.

Оказалось, что-то большое и мохнатое ворвалось в лагерь и унесло дворецкого Твиста. К тому же, шел снег.

— Видимо, это был взрослый снежный человек, — сказал Тенс. — Давайте займемся им! Посмотрите на эти следы!

Билли посмотрел. По снегу тянулись трехпалые отпечатки, каждый почти трех футов длиной.

— Э-э, — произнес он. — Ну что ж, я полагаю, нам лучше пойти.

Остальные снова разожгли костер и усадились вокруг него на страже, повернувшись к огню спиной. Тенс и Билли, закутавшись в плотную одежду и взяв по винтовке на брата, начали подниматься на Бен Драмлин.

Следы карабкались по камням, перепрыгивали через расщелины, пробирались бочком по узким уступам и примерно в обеденное время исчезли в пещере.

Тенс наклонился и поднял шляпу-котелок Твиста.

— Он где-то там, — печально сказал исследователь.

— Тогда после вас, — сказал Билли, который не был дураком.

Они осторожно вошли в пещеру. Тенс достал из своего рюкзака фонарик, но при свете фонаря они увидели лишь сосульки и влажные стены.

Они шли на цыпочках, и не было слышно ни звука, кроме их дыхания.

Внезапно Тенс хлопнул Билли по плечу. По крайней мере, так показалось Билли, но после он понял, что Тенс стоит перед ним. То, что он подумал дальше, может быть представлено небольшим уравнением. Итак, Билли подумал вот что:

Тенс = передо мной.

Значит, он не стоит у меня за спиной.

Следовательно, это кто-то другой.

+ Это пещера жуткого снежного человека.

Значит, меня только что похлопал по плечу...

— Боже! — закричал он и резко обернулся. Позади него стоял жуткий снежный человек, большой меховой шар высотой более шести футов с самыми громадными ступнями, какие Билли когда-либо видел. За ним стояли другие снежные люди.

Главный снежный человек выступил вперед и сказал что-то на языке, состоящем из писков и хрюканья.

— Прощу прощения? — переспросил Билли.

Мохнатые руки крепко схватили их и втолкнули в пещеру, освещенную свечами.

Твист сидел у стены и пил из миски суп.

— Доброе утро, сэр, — сказал он. — Немного бесцеремонно, не так ли? Они взяли меня в плен.

Тенс и Билли оглядели пещеру. Там было полно жутких снежных людей.

Главный снежный человек шагнул вперед с палкой в лапе и начал рисовать в пыли у ног Билли. Он тщательно нарисовал серию маленьких картинок. На первой был изображен детеныш, выбегающий из пещеры. Вторая представляла собой набросок лагеря исследователей.

Затем были нарисованы Твист и детеныш. Снежный человек указал на картинку и начал размахивать лапами.

— Возможно, я ошибаюсь, — сказал Тенс, — но я думаю, он пытается сказать, что они будут держать Твиста в заложниках до тех пор, пока им не вернут детеныша...

— Да, но мы его не похищали, — сказал Билли. — Он сам забрел в наш лагерь.

Снеговик снова начал рисовать. Он дал ясно понять, что Билли должен в одиночку отправиться за детенышем и вернуться с ним до заката солнца, иначе Тенс и Твист будут сброшены со скалы.

– О! – сказал Тенс. – Что ж, это достаточно доходчиво. Поскорее возвращайтесь!

Снежные люди вывели Билли из пещеры и смотрели, как он торопливо спускается с горы. Он скользил по ледникам, перепрыгивал через зияющие расщелины, скатывался по огромным сугробам замерзшего снега, проваливался в ледяные пещеры и, наконец, пыхтя и задыхаясь, с голубыми и розовыми звездами, вспыхивающими в голове, пошатываясь, добрался до лагеря.

Миссис Глупп пыталась накормить детеныша чем-то вроде каши, приготовленной из толченого печенья.

Задыхаясь, Билли схватил маленькое пушистое существо и помчался обратно вверх по склонам Бена Драмлина. Детеныш издавал испуганные пищание звуки, но цеплялся за рюкзак Билли, когда тот карабкался по отвесным скалам, держась только двумя ногтями и большим пальцем ноги. Наконец он добрался до пещеры; солнце как раз начало клониться к закату.

– **Погодите!** – Билли едва сумел отдышаться. – **Вот и он!**

Поднялась большая суматоха, и несколько снежных женщин поспешно унесли детеныша. Это был сын вождя, объяснил Тенс.

Вождь рысцой подошел к Тенсу, пожал ему руку и указал на камеру.

– **Фотографии!** – сказал Тенс. – Конечно.

В течение следующего получаса он фотографировал жутких снежных людей, стоящих официальными группами, жутких снежных людей, обнимающих Билли за плечи, жутких снежных людей в котелке Твиста, жутких снежных людей, стоящих на голове, жутких снежных людей, прыгающих вверх-вниз, и жутких снежных людей, принявших серьезный вид*.

---

* На одном из снимков жуткий снежный человек выставляет пальцы рожками за головой Тенса. Похоже, это всегда происходит при съемке групповых фотографий.

На самом деле, они выглядели не такими уж жуткими... но Тенс казался вполне довольным.

— Просто подождите, — сказал он. — Когда я это опубликую, меня назначат президентом Королевского зоологического общества!

Затем все пожали друг другу руки и путешественники отправились обратно в свой лагерь. Твист испытывал облегчение, Тенс был весь в волнении, а Билли думал: *«Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем монахи-шутники расскажут последнюю шутку»*.

В любом случае, время еще оставалось.

Андрей Дмитрук

ВОЛОСАТЫЙ ПАРЕНЬ

– А где бочка с автолом? – очень спокойно спросил Ферчайлд.

Спендлер увидел утрамбованную траву и жирные пятна автола на корнях дерева.

– Тут не обошлось без вертолета, – сказал Ферчайлд, истощив поток ругательств. – Видите, мистер Спендлер: бочку не катили. Ее подняли и понесли. Четыреста восемьдесят килограммов. Масло высшего сорта, сорок пять центов литр, чтоб ему...

– Да, вертолет, – согласился корреспондент, кривясь от ругани Ферчайлда.

– Или волосатый парень, – добавил кто-то сзади. Спендлер обернулся и увидел седого длиннолицего человека в синем комбинезоне и кепке, похожего на гнома.

– Снова людей баламутите, Мики! – рявкнул Ферчайлд, искоса поглядывая на невозмутимого старика.

– Понимаете, сэр, выдумал каких-то лесных обезьян слоновьих размеров и так напугал ими рабочих, что бедолаги боятся отойти от дороги... Что, доволен, паникер старый?

– Мой дед охотился в этих местах, – взволнованно отвечал старик, – и много раз видел лесных людей. Отец даже застрелил одного где-то у склона горного хребта...

Собралось с десятков рабочих. Старик разгорячился и заговорил вдохновенно, как пророк:

– Хозяев леса не напугать никакими бульдозерами. Зря стараетесь, мистер Ферчайлд! Мы – завоеватели их края. Они будут нам мстить!

Усы Ферчайлда затрепетали, как крылышки мотылька, и он тихо произнес:

– Идите спать, Мики.

Старик принял горделивую позу.

– Я вам не...

– Да уберите вы его к чертовой матери! – разозлился Ферчайлд. Двое рабочих взяли старика под локти. Мики сразу умолк, опустил голову и позволил рабочим себя увести. Спендлер успел перехватить его добрый, предупреждающий и немного укоризненный взгляд. Корреспондент почувствовал замешательство. Напускная беспечность Ферчайлда выгля-

дела совершенно неубедительной в сравнении с упрямой настойчивостью старика. Спендлер бросил взгляд на хмурые, сизые деревья.

Ветер пел над тайгой, шевеля кроны. С юга ползли длинные серые тучи.

– Сыновья Еноха, – внезапно вырвалось у Спендлера.

– Это вы о чем? – удивился Ферчайлд.

– Просто вспомнил святое писание. Там говорится о сыновьях Еноха, которые жили на земле Ханаанской и ростом значительно превосходили людей... Может, старик имел в виду одичавших потомков Еноха?

– Побольше слушайте этого старого идиота, мистер Спендлер. Я терплю Мики только потому, что он – отец моей жены и к тому же прекрасно знает местность... Надо же такое придумать! Тысяча девятьсот шестьдесят восьмой год от рождения Христова. Строится современная трасса, и вдруг какие-то «волосатые парни», духи! Тьфу! – возмущался Ферчайлд.

Прозвучал гудок. Рабочие, беззаботно отдохавшие среди сосен, бросились к бульдозерам и циркулярным пилам. Ревущая дымная колонна во главе с громадным асфальтоукладчиком двинулась на привычный штурм.

– А бочка все-таки исчезла, – сказал вдруг Ферчайлд.

– Исчезла, – согласился Спендлер.

– И ее не катили.

– Не катили.

– Ну, я пошел, мистер Спендлер.

– Я тоже пойду. Поработаю немного.

Падая, вертолет загремел так, словно в тайгу скинули с неба десятиэтажный дом, наполненный листовым железом.

Из перевернутой машины, лопасти которой напоминали теперь творение скульптора-сюрреалиста, донеслись беспорядочные удары. После, высадив изнутри поврежденную дверцу кабины, на поляну вывалился Спендлер с окровавленным лицом и осколками разбитых очков, врезавшимися в нос и щеки.

Корреспондент, припадая на правую ногу, — левая была покалечена — долго тащил за собой страшную красную массу — труп пилота. Потом он бросил труп и пополз быстрее, постанывая от боли. Вскоре Спендлер выполз на край лощины. Кисло пахло прелой зеленью, грибной трухой, чьим-то необычайно густым потом... Кровь со лба Спендлера закапала на траву.

Лес падал, отплывал, нет, это сам Спендлер падал, отплывал, растекался, рас...

Корреспондент не мог припомнить всего, что случилось вслед за тем, как он выполз на край лощины и на какое-то время потерял сознание. В памяти остались только приступы острой боли в ноге, тошнотворный запах пота и — будто видение — рыжая косматая голова, голубые глаза и седые волосы на широкой груди под патриархальной бородой...

Скоро боль утихла, и настал полный покой.

Два дня спустя Ферчайлд, Мики и инженер Догерти наткнулись на разбитый вертолет и труп пилота.

— Вряд ли бедный Джерри сам прополз все это расстояние. Его волок Спендлер! — решил Ферчайлд. Глянув на Мики, он насмешливо добавил:

— Или волосатый парень!

— Не называйте его в лесу, потому что он придет, — тихо сказал Мики.

— Ну, еще чего!.. — грохнул Ферчайлд.

— Не надо, сэр, — попросил Догерти.

— Труссы! — истерически заверещал Ферчайлд, срывая с плеча карабин.

В мокром кустарнике засопело. Бах, бах, бах!

Что-то глухо застонало. Кто-то тяжелый, как носорог, бросился в чащу.

Все трое ринулись в кусты. На траве, размеренно дыша, спал Спендлер — грязный и очень бледный. Его левая шта-

нина была оторвана. На обмотанной лыком ноге — шина из толстой ветки.

На кустах краснели капли густой крови. Под корнями застыла целая лужа.

— Он хотел незаметно подкинуть нам Спендлера, — растерянно промолвил Догерти.

— Такого не видели ни отец мой, ни дед... Зато теперь у вас не будут пропадать бочки с автолом, мистер Ферчайлд! — грустно заметил Мики.

Айзек Азимов

ЭВЕРЕСТ

В 1952 году готовы были уже отказаться от подъема на Эверест. Только фотографии не позволяли отказываться.

Ну, не очень хорошие фотографии: нечеткие, с полосами, но нас интересовали только темные пятна на белом фоне. Эти пятна были живыми существами. Свидетели клялись в этом.

Я сказал:

— Что за дьявол, уже сорок лет говорят о живых существах, которые встречаются на склонах Эвереста. Пора что-то с этим делать.

Джимми Роббонс (прошу прощения, Джеймс Абрам Роббонс) был одним из тех, кто убедил меня. Он помешан на альпинизме. Он все знает о тибетцах, которые не приближаются к Эвересту, потому что это гора богов. Он может перечислить на память все загадочные человекоподобные следы, даже замеченные на снегу на высоте в двадцать пять тысяч футов. Он наизусть помнит все рассказы о тощих и высоких живых существах, которые носятся по ущельям выше последнего лагеря; его со страшным трудом умудряются разбить альпинисты.

Приятно иметь такого энтузиаста в главном комитете по изучению Земли.

Последняя фотография, однако, добавила силы его словам. Вряд ли можно подумать, что на ней люди.

Джимми сказал:

— Послушайте, босс, дело не в том, что они здесь, а в том, что они так быстро двигаются. Посмотрите на эту фигуру. Она размазана.

— Могла повернуться камера.

— Тут крутой утес. И люди клянутся, что эта штука быстро двигалась. Каким должен быть метаболизм, чтобы бежать при таком количестве кислорода? Послушайте, босс, поверили бы вы в глубоководных рыб, если бы не видели их сами? Рыбы ищут новые ниши в окружающей среде, которые смогут заселить, и уходят все глубже и глубже и однажды обнаруживают, что не могут вернуться. Они так сильно адаптировались, что могут жить только под многотонным давлением.

— Ну...

— Черт побери, неужели вы не можете применить это и здесь? Какие-то существа вынуждены подниматься в гору. Они постепенно привыкают к разреженному воздуху и низким температурам. Могут питаться мхом или редкими птицами, точно так же, как рыба постепенно отказывается от верхней фауны, медленно опускаясь вниз. И вот однажды они обнаруживают, что не могут спуститься. Я не говорю, что это люди. Могут быть серны, горные козлы, барсуки или что угодно.

Я упрямо ответил:

— Свидетели говорят, что они отдаленно напоминают людей, а следы, несомненно, подобны человеческим.

— Или птичьим, — сказал Джимми. — Невозможно решить.

Вот тогда я и сказал:

— Пора что-то с этим делать.

Джимми пожал плечами и ответил:

— Уже сорок лет пытаются подняться на Эверест. — И покачал головой.

— Ради Бога, — сказал я. — Все вы, альпинисты, свихнувшиеся. Вас не интересует вершина. Вам нужно подняться на нее определенным путем. Пора перестать дурачиться с пиками, лагерями, веревками и прочими принадлежностями Джентльменского клуба, который каждые пять лет посылает в горы новых сосунков.

— К чему вы ведете?

— Самолет изобрели в 1903 году, знаешь ли.

— Пролететь над Эверестом! — Он сказал это так, как английский лорд говорит «Охотиться на лису!», а рыболов: «Насадить червяка!»

— Да, — ответил я, — пролететь над Эверестом и опустить кого-нибудь на вершину. Почему бы и нет?

— Он там долго не проживет. Тот парень, который спустится, я хочу сказать.

— А почему бы и нет? — снова спросил я. — Можно сбросить припасы и кислородные баки, а парень будет в космическом костюме. Естественно.

Потребовалось время, чтобы договориться с Воздушным Флотом, а к этому времени Джимми Роббонс настолько свихнулся, что решил добровольно отправиться на вершину Эвереста.

— В конце концов, — почти шепотом сказал он, — я буду первым человеком, вступившим на нее.

Это начало рассказа. Сам же рассказ гораздо проще и требует всего нескольких слов.

Самолет прождал две недели лучшего времени года (для Эвереста, разумеется), пока не дождался относительно легкой погоды, и вылетел. Получилось. Пилот сообщил по радио, как выглядит с высоты вершина Эвереста, а потом описал, как выглядел Джимми Роббонс, когда его парашют становился все меньше и меньше.

Потом снова началась буря, и самолет с трудом вернулся на базу. Потребовалось ждать еще две недели, пока установится погода.

И все это время Джимми провел в одиночестве на крыше мира, а я презирал себя как убийцу.

Две недели спустя самолет отправился на поиски его тела. Не знаю, зачем это, но таков человек. Сколько погибло в последней войне? Кто может сосчитать? Но деньги не считают, когда нужно спасти одного или даже просто вернуть его тело.

Тело не нашли, но увидели дымовой сигнал; он поднимался вверх, и его уносил ветер. Спустили кошку и подняли Джимми, по-прежнему в космическом скафандре. Выглядел он как из ада, но, несомненно, был жив.

Постскрипtum к этому рассказу связан с моим посещением больницы на прошлой неделе. Джимми поправляется очень медленно. Доктора говорят шок, они говорят истощение, но глаза Джимми говорят гораздо больше.

Я сказал:

– Джимми, ты не стал говорить с репортерами, отказался говорить с правительством, но со мной ты можешь поговорить?

– Мне нечего сказать, – прошептал он.

– Конечно, есть, – возразил я. – Ты две недели в бурю прожил на вершине Эвереста. Ты не мог этого сделать, у тебя не хватило бы припасов. Кто тебе помог, Джимми, мальчик?

Вероятно, он знал, что меня обмануть не сможет. Или ему хотелось с кем-то поделиться.

Он сказал:

– Они разумны, босс. Сжимали для меня воздух. Установили небольшой блок питания, чтобы у меня было тепло. Устроили дымовой сигнал, когда заметили возвращающийся самолет.

– Понятно. – Я не хотел торопить его. – Мы так и думали. Они приспособились к жизни на Эвересте. И не могут спуститься вниз.

– Не могут. А мы не можем подняться. Даже если погода будет благоприятная, они нас остановят.

– Но они, похоже, не злые существа. Зачем им нам мешать? Тебе ведь они помогли.

– У них нет ничего против нас. Они разговаривали со мной. Телепатия.

Я нахмурился.

– Ну, тогда...

– Но они не хотят общаться с нами. Они за нами наблюдают, босс. Вынуждены. У нас есть атомная энергия. Вот-вот появятся космические корабли. Они обеспокоены. И Эверест единственное место, на котором они могут жить.

Я нахмурился сильнее. Он вспотел, и руки его дрожали.

Я сказал:

– Спокойней, парень. Спокойней. Кто эти существа?

И он ответил:

– А кто же может на всей Земле жить только в разреженном воздухе и холоде Эвереста? В этом-то все дело. Они не с Земли. Они марсиане.

Вот и все.

Станислав Лем

EXODUS

Он стоял на углу и удивлялся всему, что его окружало. Вклиниваясь в поток приземистых машин, двигались большие желтые автобусы, трещали мотороллеры, яйцевидные малолитражки, размалеванные словно попугаи (чем меньше машина, тем фантастичнее краски), нагло толкались перед сверкающими серебром уличными лайнерами. Мигали огни светофоров, перекресток работал, как насос, то наполняясь крышами автомобилей, то массой людских голов, а он все смотрел и удивлялся. Его пальцы машинально вертели в кармане треугольный камушек, крупцу скалы, унесенную из тех краев, куда, как он надеялся, еще не ступала ничья нога. Ему было немного жарко в клетчатой фланелевой рубаше. Ремни доверху набитого рюкзака врезались в плечи. И башмаки, тяжелые, на ребристой резиновой подошве, были как-то не на месте среди этой вереницы ног, обутых легко и просто. Но его занимало другое. Значит, перекресток существовал все это время, шагали люди, желтые автобусы курсировали от остановки к остановке, стада машин рывком бросались на зеленый свет – все действительно шло своим чередом, хотя его и не было?

Теперь он был уже почти возмущен. Но и в этом не отдавал себе отчета, а лишь смутно чувствовал: что-то здесь не так, за всем этим кроется большая, хотя и неуловимая, не поддающаяся определению обида. Ему было девятнадцать лет, и, наблюдая, как белые фигуры полицейских в длинных плащах, дирижирующие движением, ежеминутно исчезали среди машин, глядя на людей, толпившихся у огромных витрин универсального магазина, он вдруг окончательно понял – и эта мысль огорчила его – так будет и потом, когда...

Зажмурился – улица исчезла. Открыл глаза – она возникла перед ним. Ему хотелось топнуть ногой о плиту тротуара, совершить нечто такое, чтобы предотвратить эту кажущуюся невероятной неизбежность.

Разумеется, это чистая случайность. В конце концов – каждому, вероятно, приходится когда-нибудь подумать об этом впервые. С ним это произошло сейчас. Он и раньше, конечно, не думал, будто пышность витрин, прекрасные

женщины, автомобили, громады бетонных и алюминиевых зданий – только для него, окружают только его, ведь он не был ребенком.

Ему было девятнадцать лет, и последний раз он ел пять часов назад. Он вынул руку из кармана рабочих брюк, проверив при этом, не выпал ли камень, и ощупал верхний маленький кармашек, туго набитый мелочью.

Пройдя сквозь заслон теплого воздуха, он очутился в универсальном магазине – странное явление, с тяжелым горбом рюкзака, но толпа ничему не удивлялась. Войди он на руках, на него бы тоже не обратили внимания. Он пробрался между столами, заваленными грудями белья, прошел через овальную дверь в стеклянной стене и попал в закусочную. Он попробовал протиснуться в проход между барьером и прилавком, с которого брали на подносы еду, но за что-то зацепился своим слишком широким рюкзаком. Пришлось попятиться назад и положить рюкзак под вешалку. Взяв гороховый суп с колбасой, он присел к свободному столику, придвинул к себе корзинку с хлебом. Хлеб был бесплатный.

Блондинка в голубом свитере с короткими рукавами (не престаивая жевать, он быстро оценил взглядом ее ноги, лицо, руки, особенно руки), осторожно неся тарелку (risotto, дешевка), замедлила шаг, ища глазами место. Он откусил пол-ломтя и, старательно заедая хлеб гороховым супом, еще раз вскинул глаза. Красивая.

Было похоже, что она сядет за его столик, но в последнюю минуту освободилось место у стены. Когда она проходила мимо, он, чтобы составить о ней полное представление, наклонился, икры ее ног и розовые пятки, выглядывавшие из белых туфель, мелькнули среди ножек стульев.

Он снова уставился в тарелку.

Посетителей было очень много, некоторых он знал в лицо – они обедали здесь постоянно. Кто-то остановился возле его столика, так близко, что пришлось бы задрать голову, чтобы увидеть лицо подошедшего человека. Он и не думал этого делать. Если ждет разрешения сесть рядом,

пусть спросит. Мужчина – видны были лишь его брюки: на одной штанине заглажены две складки, ботинки – приличные, модные – не двигался с места.

«Ищет чего-то?» – подумал он. Невольно стал есть быстрее. Кто знает, чем это кончится; а гороховый суп в общем отличный. Он проглотил последний кусок колбасы, хотя собирался оставить его напоследок, и сунул ногу под стул.

Водкой не пахло, впрочем, было еще слишком рано; мужчина не опирался на стол и не пошатывался – значит, трезв. Теперь казалось уже странным, что незнакомец все стоял, не двигаясь. Украдкой он покосился на его правую руку. Она была засунута в карман. Карман казался пустым. Что за кретин!

Мужчина вдруг опустил левую руку ему на плечо. «Однако!» – промелькнуло в голове. Отодвинув стул, чтобы не задеть стола (оставалось еще полтарелки супа), он поднялся во весь рост. Рост был его козырем – руки длинные, и вообще редко кто отважится задеть высокого, – но тут он вздохнул, мышцы его вдруг обмякли, он проглотил кусок и сел, а Том, – это был именно Том со своими обычными выходками – смеясь, уселся напротив.

– Битый час стою, а ты и бровью не повел. Когда приехал?

– Только что. Я сюда прямо с вокзала.

– Голодал там? Оставь кусочек хлеба. Погоди, я принесу чего-нибудь горячего.

Том подошел к прилавку, проследовал вдоль него вместе с вереницей людей и вернулся, неся на подносе сосиски, салат и стаканы с апельсиновым соком. Один стакан поставил перед приятелем. Тот поблагодарил кивком. Подумал, а не вытереть бы тарелку хлебом. Так бы он поступил на любой турбазе. Наконец, отодвинул тарелку.

Том глотал сосиски, почти не разжевывая, – они чуть хрустывали во рту. Потом потянул сок через соломинку, отложил ее и принес себе новую.

– Чего молчишь? – спросил Том.

Том был бледен. Здесь все бледны. Только он, Мат, загорелый, как медь, стоит ему взглянуть на свои руки. Волосы на них совсем выгорели.

– А что рассказывать? Ну, карабкался.

Ему не хотелось здесь, за столом, уставленным тарелками, в сутолоке говорить о горах. Да и что расскажешь?

– Закурим? Выйдем, здесь нельзя.

– Ладно. Только подниму рюкзак в свою хату.

– Зачем? Оставь у меня.

– Ага. Послушай, – он наклонился через стол, – там позади меня, у стены, сидит одна деточка...

– Блондинка?

– Да.

– Ну и что? Знаешь ее?

– Нет. Что она там делает?

– Приглянулась?

– Не можешь по-человечески ответить?

Том вытер рот бумажной салфеткой.

– Сидит с каким-то типом.

Парень не мог скрыть своего разочарования.

– С типом? Кто он такой?

Друзья переговаривались почти беззвучно – как всегда на людях. Они понимали друг друга чуть ли не по движениям губ.

– Чернявый, с перстнем и баками. Шарманщик или фокусник, из тех, что с силомерами.

– Болтают?

– Он треплется. Строит глазки.

– А она?

– Может, хватит? Пошли, Мат. Это бессмысленно.

Друзья поднялись, и, когда Мат нагнулся за рюкзаком, ему даже не пришлось оборачиваться, чтобы увидеть стену, выложенную синим кафелем. У bruneta был оливковый цвет лица, пиджак с подложенными ватой плечами и грудью, брюки песочного цвета и ядовито-оранжевые туфли. Он выклевывал вилкой рис на тарелке своей соседки, а та очаровательно смеялась, будто бы защищаясь от втор-

жения. Мат забросил за спину рюкзак, Том помог застегнуть ему ремни, и они пошли.

Том жил рядом, но его улица походила скорее на окраинную – у самого дома росла липа. Она уже отцвела. Из окна комнаты можно было срывать листья. Мат ждал внизу, в холодных сенях, – Том сам отнес рюкзак наверх. Минуту спустя загревели ступени под его ногами. Друзья неторопливо вышли, некоторое время молчали. Лотки ломились от фруктов. Ногам становилось нестерпимо жарко в тяжелых башмаках. На углу, у кинотеатра, посмотрели фотографии и направились дальше.

– Послушай Мат, я хочу тебе кое-что сказать.

Приятель взглянул на Тома сверху вниз – наконец-то!

– Что же, например?

– Не здесь.

– Вот как? Хочешь, поедem в бассейн?

– Нет. Отвратительные голые туши – толстяки, старые бабы, – и всего этого больше, чем воды.

Мат приподнял брови – не успел он вернуться, как Том уже командует.

– Так куда же?

– Туда, где никого нет.

– А именно?

– Идем.

Больше они об этом не говорили. Мат несколько удивился, когда сели в автобус, 68-й загородный, но промолчал. Ехали долго; несмотря на открытые окна, было душно. Небо завлакивала какая-то пелена, хотя облаков как будто не было. Когда ехали по солнцепеку, становилось трудно дышать. На последней остановке они вышли и, миновав садовые участки, огороженные свежерыкрашенной сеткой, свернули в боковую аллею. Только теперь Мат понял.

– Будь ты неладен! Мы идем на кладбище?

– Ну так что же? Там никого нет.

Ворота были закрыты, они прошли немного дальше, к калитке. Сначала появились огромные, серые, позеленевшие гробницы аристократии – маммоны с лепкой, извая-

ния с колоннами; семейные склепы с цветными стеклышками, миниатюрные храмы, мавзолеи. Когда свернули с главной аллеи, дорога стала сужаться. Вместо асфальта здесь был гравий, сухой и сыпучий, по сторонам надгробья поменьше, стандартные, словно сошедшие с конвейера; бетонные глыбы, кое-где чернели полированные плиты, на некоторых надписи уже стерлись, буквы выкрошились.

Они шли дальше. Все больше было старых деревьев, могилы терялись в высокой некошенной траве. Наконец, Том остановился у часовенки среди берез.

— Здесь?

— Сядем.

— Ладно.

Поодаль стояла скамейка, трухлявая, разохшаяся, в щелях — зеленый мох, сухие кленовые листья. Сели. Том открыл новую пачку сигарет, Мат постучал сигаретой о ноготь, достал пробковый мундштук. Наверное, специально купил к этой встрече. Но ничего не сказал. Они закурили.

— Я все это время не курил, — признался он, пуская дым через нос и рот.

— Ты?!

— Да, но потом надоело. И вовсе не из-за того, что нельзя было иначе. Просто — чего ради воздерживаться?

— Расскажешь как-нибудь?

— Сперва ты. Ведь говорил...

Том отчаянно затягивался.

— Что за история? Бабенка?

— Вот еще...

— Тогда постой. Догадываюсь. Ты что-нибудь придумал? Опять?

— Мат, ей-богу...

— Знаю, знаю. Это не липа, все абсолютно реально, дело верное, могу даже поклясться. Допустим, ты все это мне уже сказал, а теперь выкладывай.

— Ты надо мной смеешься.

— С какой стати? Ну, выдумщик, не заставляй себя упрашивать...

Том, тронутый, улыбнулся, склонил голову.

– Ну разве я виноват, что придумываю вещи, которые никому не приходят в голову.

– Конечно. Разве я говорю, что это плохо? Это хорошо. Ну?

– Видишь ли... теперь... это нечто большее. Не знаю, как объяснить. Ты не поверишь.

– Ну не поверю. И что же случится?

– Хочется, чтобы поверил.

– Том, валяй!

Молчание продолжалось довольно долго. Они затягивались, стараясь не стряхнуть пепел, шелестели березы. Было пусто.

– Тут... дело касается летающих тарелок.

– Ага, – кивнул Мат.

– И... еще кое чего. Йети, например.

– Йети?

– Да, обезьяны с Гималаев. Ты же знаешь.

– А... Следы на снегу?

– Да. И еще... В общем, иногда пишут, что может произойти нашествие на Землю, и могут сюда прилететь существа с какой-нибудь другой планеты.

– Да, пишут.

– Но всегда пишут, якобы нашествие это только будет и никогда – что оно уже было. Понятно?

– Почему же? Я читал однажды, что на Землю прилетали примерно миллион назад, когда еще не было людей...

– Суть не в этом. Оно было, но не так давно. Ну скажем, лет тридцать назад.

– Действительно?

– Да, на самом деле, не в книгах.

– Как же могут писать о нашествии, если его не было?

– Именно – было.

– Неужели? Тогда где же они – эти выходцы с другой планеты?

– Здесь.

– Летающие тарелки? Это не ново.

– Летающие тарелки тоже играют тут кое-какую роль, но дело не в них. Послушай. Представь себе: какие-то су-

щества с другой планеты наблюдают за Землей и намереваются ее завоевать. Они видят – у людей высокая техника, и если дойдет до войны, она будет длительной и кровавой, и неизвестно, чем кончится. Они хотят избежать схватки. И создают план: пусть люди сами сделают все, что нам нужно.

– Перебьют друг друга, да?

– Что-то вроде этого. Но как это сделать? Если бы на Земле появились какие-то новые существа, непохожие на тех, каких мы видим повседневно, люди сразу бы их заметили. Значит, надо послать нечто такое, что останется незамеченным. Это они и сделали.

– Летающие тарелки?

– Нет! Ведь тарелки производят сенсацию – каждый обратит внимание, пришлось людей послать.

– Как --людей?

– Настоящих, живых, из плоти и крови, но сделанных так, что действуют они только в интересах тех, кто их послал. Понимаешь?

– Разве это возможно? Искусственно созданные люди?

– Точно не знаю. Не совсем искусственные. Встретишь такого – и не отличишь от обыкновенного человека... такого можно опознать только по его делам.

– А что он делает?

– Готовит атомную войну.

– Как?

– Думаю, они начали это гораздо раньше, чем тридцать лет назад. Может, и сто? По ночам, где-нибудь в пустынной местности, или как-то иначе, они высаживали десанты, разумеется, без оружия. Летающие тарелки доставили, скажем, несколько тысяч людей – их людей. Каждый имел имя, фамилию, свою биографию, конечно, вымышленную, но он сам об этом не знал.

– Как же так?

– Это самое главное во всем плане! Эти люди – орудия, поступающие так, а не иначе в силу своего характера, образа мыслей. Так уж устроен их мозг. Им и невдомек, что их кто-то где-то когда-то создал и все разместил так, чтобы

они стали именно такими. Важно было, чтобы именно эти люди оказались на самых ответственных постах. Конечно, это шло очень медленно. Порой в одном месте удавалось, в другом нет. Иной раз, добившись цели, человек вдруг умирал, так и не успев ничего сделать. Кроме того, они ведь не автоматы. Очевидно, не могли сделать так, чтобы эти люди только и рвались сбрасывать бомбы. Сразу стало бы ясно, что они полоумные, и никто бы не доверил им важных постов. Главное, чтобы такие люди существовали, чтобы характер у них был неуступчивый и думали они о том, что нормальному человеку не придет в голову, чего он отнюдь не хочет. Достаточно было их настроить на этот лад — и оставалось лишь терпеливо ждать. Они, разумеется, не знали, сколько пройдет лет, прежде чем вспыхнет война, — двадцать, пятьдесят, а может, и сто. Но спешить им некуда. Не горит. Здесь игра покрупнее, стоит подождать. Они предпочитают действовать медленно, но верно, чтобы все шло как бы само собой.

— Значит, ты думаешь, что у нас...

— В общем да. Не везде, конечно, но это даже и не обязательно. Достаточно, чтобы нашлись такие, которые на все ответят «нет». Этакие, знаешь ли, несговорчивые государственные деятели, которым дух, престиж и тому подобное дороже мира на земле и того, чтобы каждый мог заниматься тем, чем ему хочется. Постой, это еще не все. Они ждали-ждали — и дождались.

— Как так?

— Обстановка, по их мнению, сложилась вполне благоприятная. Разумеется, для них. Как же теперь, с их точки зрения, следует поступать?

— Не знаю.

— Прежде всего очень внимательно следить за тем, что происходит на Земле. И выждать момент, когда достаточно будет только дунуть, чтобы чаша весов перетянула в их сторону. Следовательно, надо, чтобы было кому дунуть. Это одно. Во-вторых, людей, посланных сюда, необходимо будет в последний момент вернуть назад. Эвакуировать, так как они свое уже сделали.

– Зачем их эвакуировать, и откуда ты это знаешь?

– Их уже начали эвакуировать!

– Как? Кого? Где?

– Пойми же. Типы, пробравшиеся на высокие посты, должны оставаться на них до последней минуты, не так ли? Пока... пока это не начнется. Но ведь сюда послано гораздо больше людей, чем было вакантных должностей. На планете не могли знать заранее, кто из них сумеет забраться так высоко. Вот и осталась целая куча неудачников. Их-то и отзывают, уже сейчас. Это совсем обыкновенные люди – именно потому, что им не удалось выбиться наверх.

– Каким образом их вывозят?

– На тарелках. Вот почему тарелки появляются, прилетают, улетают и возвращаются снова. Таких людей, вероятно, десятки тысяч – их эвакуация требует времени. А где они это делают? Ну, где пустынно, где обнаружены загадочные следы?

– В Гималаях?

– Верно.

– Значит, тамошние следы принадлежат якобы этим людям? Э, Том! Зачем же их забирать босыми? Ну, этого тебе не объяснить! Ты же знаешь, что там были только следы босых ног.

– Конечно, знаю. Но это вовсе не их следы. Это вообще ничьи следы.

– А снежный человек?

– Нет никакого йети.

– Как? Я же сам видел в газетах их фотографии.

– Мы мало знаем о летающих тарелках, но кое-что известно. Они могут приземляться вертикально, слышал об этом?

– Кажется, могут...

– А если бы ты хотел приземлиться на вертолете, то есть вертикально, но не оставляя следов, что бы ты сделал?

– Я выбрал бы место с твердым грунтом, скалу или что-нибудь в этом роде.

– А если бы ты хотел иметь уверенность, что никогда не оставишь следов даже при наличии недостаточно твер-

дой почвы, что бы ты тогда сделал?

– Не знаю.

– Надеть на шасси вместо колес ноги.

– Ноги?

– Да. То есть – такие лапы, заканчивающиеся слепком человеческой ступни. Следы на снегу были очень глубокие – здесь, видно, давил большой груз. И они были крупнее нормальной человеческой ноги, ведь чем больше поверхность, тем равномернее распределяется тяжесть.

– Значит, по-твоему, у летающих тарелок вместо шасси человеческие ноги?

– Разумеется, искусственные, металлические.

– Пусть так. И все, кого должны эвакуировать, летят в Гималаи? Том! Ведь все эти путешествия обратили бы на себя внимание.

– Да нет же! В Гималаях они тоже были... и бывают там... но могут приземляться, и где им вздумается – если ты рано утром заметишь на лугу следы босых ног, то что подумаешь? Кто-то, мол, с ближней фермы пробежался босиком, и ничего больше, верно? Но отпечатки человеческой ступни на больших высотах, на снегу, в горах уже возбуждают любопытство. Просто они не подумали об этом или считали, что там этих следов никто не заметит.

– Да, что то в этом есть... Но если этим людям не известно собственное происхождение, то чего ради они как дураки лезут в тарелки? И откуда им знать, что она уже приземлилась? И зачем, наконец, тем, с планеты, понадобилось их эвакуировать? Какое им дело?

– Ты задал мне очень трудные вопросы. Я знаю не все. Видишь ли, может, они там вовсе не нужны. Возможно, эти люди им только мешают здесь и поэтому...

– Почему же мешают, если должны были на них работать? Взбунтовались они, что ли?

– Нет. Но они были предназначены для ответственных постов, для руководства, а наверх удалось пробраться лишь единицам. А остальные, неудачники, устраивают разные скандалы, беспорядки, ну, знаешь, все то, о чем сейчас так много говорят; ведь пишут же, что современная молодежь

такая бешеная, любит драки, а это все те, пришельцы – такая уж у них натура.

– Хорошенькое дело, может, и мы с тобой тоже...

– Я думал об этом. Ты хотел бы, чтобы все пошло к черту?

- Нет.

- И я нет. Вот тебе и доказательство.

– Это доказательство? Допустим... И они, говоришь, собирают своих...

– Да. Как они это делают, я не представляю. Может, какими-нибудь сигналами.

– Послушай, Том, не сердись, но все это так же невозможно, как зажечь лед.

– Я знаю. Ну, а посмотри, что творится с атомами. Помнишь, в прошлом году полиция как сумасшедшая носилась со счетчиками Гейгера из-за того, что на рынок попала партия молока от коров, нажравшихся какой-то чертовой радиоактивной травы?

– Помню. Ну и что?

– Между тем, некоторые ученые утверждают, будто радиоактивность не опасна и незначительна, что можно так продолжать и вообще все идет как по маслу.

– Ну?

– Это как раз их люди. Они искренне верят в то, что говорят. Так им устроили мозги – там, на их планете. Дорогой мой, ты думаешь, нельзя договориться насчет бомб? Если знаешь: договоришься – значит, будешь жить, а не договоришься – сгниешь в земле, ну так как– договоришься ты или нет?

– Я бы договорился.

– Вот видишь. Каждый человек думает так – кому охота стать покойником? Даже ребенку ясно, что если так дальше пойдет, война неизбежна, а нашим генералам не ясно? Одни они не знают? Уверяю тебя, это не нормальные люди.

– Допустим... Но что мы можем сделать?

– Если б я стал распространяться на эту тему, меня бы упекли в сумасшедший дом. Знаешь, Мат, я об этом рассказал тебе первому.

– Ладно, Том. Но нельзя же не говорить никому ни слова и ничего не предпринимать... В конце концов, не все ли равно, что ты об этом думаешь: полетят ли атомные бомбы просто так или с помощью тарелок, йети или прочего?

– Мне все равно, Мат, и знаешь почему?

– Потому что именно тебе это пришло в голову.

– Вовсе нет. Только зная это, я могу быть спокоен и смотреть на людей как на людей, а не как на взбесившихся животных. Теперь ты понимаешь?

Некоторое время оба молчали. Первым поднялся Мат. Выпрямился. Вынул из кармана крохотный осколок камня, несколько раз подбросил его на ладони, снова спрятал и сказал:

– Видишь эти тучи? Идем. Будет гроза.

Действительно – вдали, за горизонтом, гремело.

Боб Шоу

НЕВЕРОЯТНЫЙ ДУБЛИКАТ

Кобурн глядел на свою приятельницу с растущим чувством ужаса. Он, конечно, слышал, что бес порой вселяется в совершенно нормальных женщин, но всегда считал, что Эрика искушениям неподвластна.

– Раньше ты не говорила, что нам следует пожениться, – пролепетал он. – Кроме того, ты же зоолог.

– Значит, у меня блохи? Или бруцеллез? – Эрика выпрямилась во весь рост, уставившись зелеными глазами в лоб Кобурну. В этот момент ее мускулистое скандинавское тело было прекрасно как никогда, но Кобурну Эрика показала коброй, угрожающе раздувшей капюшон.

– Нет, нет, – поторопился сказать он. – Я только имел в виду, что человек твоей профессии должен знать, насколько неестественно моногамное состояние для...

– Для животных... Ах, вот кем ты меня считаешь!

– Ну, ты, бесспорно, не минерал и не растение, – Кобурн отчаянно силился улыбнуться. – Это шутка, дорогая.

– Я так и поняла, глупыш, – Эрика, неожиданно смягчившись, придвинулась к нему. Кобурна буквально захлестнули ощущения: теплота, золотая канитель волос, запах духов, а также округлости и выпуклости, способные довести до амнезии. – Но признайся: ты ведь не прочь стать мужем такого здорового животного, как я?

– Ну, конечно, мне... – сообразив, к чему клонится дело, Кобурн умолк.

– Проблема в том, что я просто не могу на тебе жениться.

– Это почему же?

– Ну, видишь ли... – его разум заметался в поисках спасительной отговорки, – в общем, я, э-э-э... поступил на службу в Космическую Торговую Эскадру.

Эрика невольно отпрянула:

– Чтобы от меня сбежать!

– Нет. – Кобурн широко распахнул глаза, надеясь, что так больше будет похож на фанатика-звездопроходца. – Это высшая тяга, дорогая. Ничего не могу с ней поделать. Неизведанные дали зовут меня к себе. Моим ногам не терпится ступить на пыльные тропы чужих звезд.

– Планет, – язвительно поправила Эрика.

— Ну да, я и хотел сказать «планет».

— Тогда я тоже уеду. — Ее глаза наполнились слезами. — Чтобы забыть о тебе.

Природа наделила Кобурна добрым сердцем, и ему было неприятно видеть Эрику расстроенной. Но он утешался мыслью, что счастливо избежал супружеских уз, которые, как известно любому гражданину двадцать первого века, являются тягомотным анахронизмом.

Тем сильнее было его удивление, когда он обнаружил — спустя три дня после отъезда Эрики с экспедицией в какую-то немыслимую дыру — что жизнь утратила для него интерес. Все удовольствия, которые так влекли его, пока Эрика толковала о свадьбе, не заслуживали теперь даже названия удовольствий.

В конце концов, придя к выводу, что невзгоды достигли апогея и хуже все равно не будет, Кобурн принял то единственное решение, которое подсказывала логика.

Он поступил на службу в Космическую Торговую Эскадру.

Спустя некоторое время судьба дала понять Кобурну, что вывод «хуже не будет» был слишком поспешным. Это внезапное озарение настигло его на четвертом месяце службы.

Хотя Кобурн не имел ни опыта управления звездолетом, ни особых способностей к этому, он успешно справился с двухнедельным начальным курсом — благодаря Универсальному Пульту Управления, этому практически идентичному элементу всех транспортных средств от автомобиля и самолета до подлодки и космического корабля. Универсальный Пульт позволял пилоту сосредотачиваться не на процессе передвижения, а на его цели.

Мысли Кобурна как раз и были заняты доставкой груза флюоресцирующих мехов из одной захолустной планетной системы в другую, когда в его затылок вдавилось что-то холодное и металлическое. Удивленный появлением «зайца» на борту своего одноместного корабля, Кобурн издал тихий возглас, который тут же перешел в панический вопль — Кобурн сообразил, что предмет, приставленный к его затылку, мог быть только пистолетом.

— Это пистолет, — подтвердил хриплый голос. — Будешь делать, что я тебе скажу, — останешься цел.

— Э-э-э... я хочу домой. Это вам подходит?

— Нет, не подходит, — незванный гость, выйдя из-за кресла пилота, встал перед Кобурном. Это был крепко сбитый мужчина лет сорока, с бритой головой.

Его череп и лицо покрывала рыжеватая щетина.

Кобурн понимающе кивнул головой:

— Если бы вы хотели попасть на нашу базу, то прятались бы до конца рейса?

— Вот именно.

— Следовательно, вы хотите, чтобы я совершил посадку где-то еще.

— Опять в точку, сынок. А теперь двигай ко второй планете Тонера, — рыжий постучал пальцем по яркому мерцающему огоньку у самого края экрана переднего обзора.

— Не может быть! Вы уверены, что вам надо именно туда? Эта планета необитаема.

— Потому-то мне туда и надо, сынок. Я Пэтси Эккерт.

При звуке этого имени у Кобурна похолодело в груди. Эккерта нельзя было назвать выдающимся преступником — для этого он слишком часто попадался, — но его разыскивала полиция сотни планет. Он, по-видимому, был физически неспособен и шагу ступить, не нарушая закона. Воровство, шантаж, изнасилования и убийства были для него таким же обычным, естественным образом жизни, как работа и отдых для других.

— Я думал, что вас... — пролепетал Кобурн.

— Казнили? Да нет пока. Мне удалось смыться, но теперь, похоже, придется на пару лет залечь на дно. В таком месте, где им и в голову не придет меня искать.

Кобурн, не будучи дураком, попытался перевести беседу в другое русло, пока гость не пришел к неминуемому выводу относительно его, Кобурна, дальнейшей судьбы.

— Но вы вполне можете найти убежище получше, — он указал на кольцо экранов, опоясывающее рубку. — Вы только посмотрите на просторы Галактики. Тысячи огоньков, и каждый из них — это планета...

– Звезда, – вмешался Эккерт, с любопытством уставившись на Кобурна.

– Ну да, я и хотел сказать «звезда». И наверняка где-то в этих бескрайних, пустынных просторах...

Эккерт поднял руку с пистолетом:

– Сынок, если ты не хочешь, чтобы в твоей башке стало слегка просторнее, давай правь, куда тебе говорят, ясно?

Кобурн мрачно кивнул и начал вводить в бортовой компьютер команды, которые должны были повернуть корабль к ближайшей звезде и произвести автоматическую посадку на ее второй планете. Само собой, Эккерт, сойдя с корабля, не позволит ему продолжать путь, и лучшее, на что мог надеяться Кобурн, – это жизнь «робинзона» на неисследованной планете. Единственной альтернативой была скоропостижная смерть после посадки. Кобурн в скорбном молчании следил за тем, как корабль совершает один подпространственный скачок за другим. Искомая планета на экране то расплывалась кляксой, то вновь появлялась, с каждым скачком становясь все больше. Наконец, выросшая до размеров блюдца вторая планета повисла над кораблем. То был ватно-белый шар, одетый сплошной облачной пеленой.

– Посадочных маяков тут нет, так что рассчитать прямой скачок не удастся, – сказал Кобурн. – Придется садиться линейно – через нормальное пространство.

– Не бойся – я к этой планете давно приглядываюсь. Под тучами сплошная травянистая равнина.

Пока Кобурн проверял точность его слов с помощью дальнотействующего радара, Эккерт снова встал у него за спиной и вдавил дуло пистолета во впадину у основания его черепа.

В тоске и отчаянии Кобурн предался думам об Эрике, о том, что жил бы сейчас беспечно и счастливо с молодой женой, когда б черт не дернул его покинуть теплую и безопасную Землю. «Вот оно, – сказал он себе, когда корабль нырнул в клубящуюся мглу атмосферы Тонера-2. – Это и есть апогей моих невзгод. Хуже просто быть не может».

И вновь оказался неправ.

Когда после скольжения корабль преодолел последний, нижний слой облачности, Кобурн увидел прямо перед носом звездолета – там, где следовало бы находиться плоской равнине – массивную, странно знакомую гору со снежной шапкой на вершине.

И едва он успел вскрикнуть, как корабль врезался прямо в каменистый склон.

Придя в себя, Кобурн обнаружил, что лежит на накренившемся, но неповрежденном полу своей рубки. Эккерт, как занавеска, свешивался с приборного щита. Вид у него был озадаченный и сокрушенный. Электронные датчики хором тревожно зывали к пилоту, но это обрадовало, а не испугало Кобурна. Ему казалось чудом, что после такой аварии хоть что-то подает признаки жизни. Слабо мотнув головой, он задумался о невероятности всего происшедшего. Но тут Эккерт, нажав пистолет, вновь навел его на Кобурна.

– Как ты это провернул? – прорычал он.

– Что «это»?

– Как ты подогнал скачки, чтобы мы сели на Земле?

– С чего вы взяли?

– Не придуривайся, сынок. Знаешь, во что мы чуть не врезались? В Эверест!

Кобурна мутило, он был напуган и разозлен – и вдруг ощутил, что плевать хотел на пистолет рыжего:

– Пойми своей дурьей башкой, что если б я придумал такую технику скачков, то был бы миллиардером, а не... – у Кобурна перехватило горло: в его голову забрела странная мысль. Чудовищное нагромождение скал, мельком увиденное им перед столкновением, действительно походило на Эверест. С трудом поднявшись на ноги, он взглянул на экран, но все панели обзора после аварии погрузились во тьму. В его мозгу зашевелилась одна мысль.

– И вот что я вам еще скажу, мистер: мы не то что «чуть не врезались» в эту гору – мы просто въехали в ее склон! От нас не должно было и мокрого места остаться.

Эккерт, набрав в грудь воздуха, зловеще нахмурился:

– Я-то знаю, что никаких гор на Тонере-2 нет...

Раздался пронзительный звонок – приборы оповещали, что смертоносное радиоактивное топливо льется сквозь поврежденные переборки в жилую часть корабля.

– Потом разберемся, – рассудил Кобурн. – Надо смыться.

Он взломал аварийную дверцу, из которой открылся вид на крутые белые склоны, и прыгнул с порога в снежный сугроб. Секундой позже ему на голову плюхнулся Эккерт. Они сели на корточки, вдыхая холодный, пахнущий смолой воздух и оглядываясь по сторонам. Звездолет покоился в длинной, мелкой ложбине, окруженный образовавшимися при падении снежными валами. Позади к свинцовому небу вздымались застывшие каменные громады. Кобурну снова пришел на ум Эверест – и это было не менее странно, чем тот факт, что он еще жив..

– Эта фигня теплая, – воскликнул Эккерт, зачерпнув пригоршню белых хлопьев. – На нормальный снег не похоже.

Кобурн поднес комочек белого вещества к глазам и увидел, что пушистые хлопья больше напоминают кусочки пенопласта. Сильный запах смолы, которым, казалось, насыщенный был пропитан воздух Тонера-2, въедался в ноздри, ударял в голову.

– Лучше отойти от корабля подальше, – сказал Кобурн неуверенно. – А то вдруг взорвется.

Они побрели прочь от помятого корпуса звездолета, инстинктивно двинувшись по склону. Сильный ветер швырял в лицо струн снега и тумана, но время от времени землянам удавалось разглядеть далеко внизу что-то вроде серо-зеленой равнины.

– Похоже, это правда не Земля, – смирился Эккерт. – И все равно, чудные здесь дела творятся.

Прошел час. Они немного продвинулись вперед на своем пути к подножию горы – белое вещество под ногами, несмотря на все свое несходство с земным снегом, было таким же скользким и так же налипало комьями на обувь. Кобурн хранил скорбное молчание и, лишь оступаясь или падая, разжимал губы для короткого стога. Он с болью и

тоской думал об Эрике, оставшейся на Земле, за барьером во много световых лет, и гадал, доведется ли ей когда-нибудь узнать о его таинственном исчезновении. Вдруг его слуха достиг далекий крик. Ветер тут же отнес в сторону этот ничтожный обрывок звука, но по лицу Эккерта было видно, что и он слышал.

— Туда, — сказал Эккерт, указав влево от себя. — Там кто-то есть.

Они двинулись поперек склона. Через несколько минут Кобурн различил сквозь мглу лимонно-зеленое сияющее пятно. Свет явно исходил от искусственного источника. Кобурн чуть не ринулся на сияние очертя голову, но Эккерт вновь выхватил пистолет.

— Не спеши, сынок, — рявкнул он. — Мне что-то неохота совать голову в петлю.

Они подошли к невысокому бугру, над которым и парило сияние, теперь очень яркое. Ползком — так распорядился Эккерт — они добрались до вершины бугра и боязливо заглянули вниз. Не более чем в ста шагах от них из снега торчали два черных столба, разделенных расстоянием фута в четыре. Оба столба были облеплены внизу железными ящиками и опутаны проводами. Прямоугольное пространство между столбами было словно задернуто мерцающим, потрескивающим, светящимся занавесом, непроницаемым для глаза. Снег вокруг был истоптан множеством ног. Все это почему-то напомнило Кобурну дверной проем, который забыли снабдить дверью.

Спустя несколько секунд это впечатление подкрепилось неожиданным появлением двух бурых, мохнатых горилл, которые вышли из сияющего прямоугольника и, пританцовывая на снегу, принялись выдирать из своей шерсти сосульки. Из прямоугольника за их спинами вырвался неистовый снежный шквал, хотя — как успел заметить Кобурн — в этот момент на Тонере-2 было относительно безветренно, и снег не шел. По спине Кобурна поползли мурашки — он уже предчувствовал разгадку.

— Ну и уроды! — раздался шепот Эккерта. — Не знаешь, откуда они?

– В атласе Торговой Эскадры их нет, но ты сам знаешь, что Федерация Земли – лишь крошечная часть Галаккоммун. Есть тысячи цивилизаций, о которых мы ничего не знаем...

– Чем меньше о таких рожах знаешь, тем лучше, – возразил Эккерт, слегка ошарашив Кобурна своим шовинизмом, Впрочем, неудивительным в свете его антипатии ко всем устоям человеческого общества.

– Вон еще идут, – заметил Эккерт. – Слушай... эта штука случайно не передатчик материи?

Действительно, появилось еще четверо горилл. Двое несли треноги, слегка напоминающие геодезические теодолиты. Один из новоприбывших заговорил скрипучим голосом такого странного тембра, что Кобурн не сразу понял, что существо говорит на галалингве.

– ...от руководителя отдела Текущего Ремонта, – продолжала горилла. – Он сообщил, что небольшое судно земного типа неожиданно вошло в атмосферу планеты менее чем два часа тому назад. Поскольку абсорбированные поля скрыли наше сооружение от его радаров, оно врезалось в северный склон в самой середине Великого Ущелья, частично разрушило новую отопительно-охладительную систему и выскочило на поверхность на южном склоне, несколько выше ледника Кхумбу.

Другая горилла восторженно запрыгала:

– Насквозь пролетело! Значит, оно где-то здесь.

– Вот почему мы отозвали с Земли все геодезические партии. Вы должны присоединиться к поискам. Все строительные работы приостанавливаются, пока мы не удостоверимся, что команда мертва.

– Их, что, надо убить?

– При необходимости. Затем потребуется найти корабль и удалить его из системы Тонера, пока его радиомаяк не запеленговали спасатели.

Вторая горилла от огорчения перестала подпрыгивать.

– И стоит так возиться с каким-то примитивным кораблем!

– Стоит. Ты только вообрази, что с нами сделает Комитет, если распространятся слухи об Эвересте-2! Двести лет труда на ветер!

Эккерт больно стиснул плечо Кобурна:

– Слышал, что он сказал? Он толковал про вызов геодезистов с Земли – с Земли, понял? А те уроды, что вышли из зеленого света, несли геодезические приборы! По-моему, это передатчики материн. Один шаг – и я на Земле!

– Я думал, ты хочешь укрыться где-нибудь в захолустье, – проговорил Кобурн в растерянности. Его голова была забита другими мыслями. Весьма тревожными.

– Если я доберусь до Земли в один момент, не оставив следов, это будет лучшее убежище на свете. Кто додумается меня там искать?

Кобурн нетерпеливо сбросил со своего плеча руку Пэтси:

– Ну и ладно. Слушай, я только что понял, почему мы врезались в вершину и остались живы, и почему здесь пахнет смолой, и почему этот снег ненастоящий.

– Ты чего, сынок? – покровительственно процедил Эккерт, жадно пожирая глазами сияющий зеленый угольник.

– Разве ты еще не догадался? Эти существа строят из стекловолокна копию Эвереста!

– Мать их за ногу, – добродушно пробурчал Эккерт, даже не оглянувшись.

Припав к земле, он следил за группой инопланетян. Те деловитым шагом направились прочь от ворот и прошли совсем близко от бугра, но землян никто из них не заметил. Как только гориллы скрылись за завесой снегопада, Эккерт, обернувшись к Кобурну, направил на него пистолет.

– Тут наши дорожки расходятся, – сказал он. – Я пойду сквозь зеленый свет.

– А как же я?

– Очень жаль, сынок, но ты единственный, кто мог бы меня заложить. Извини, – и он прицелился в Кобурна.

– Послушай, ведь если ты выстрелишь, наши мохнатые друзья услышат. Они могут оказаться со всех сторон. И тогда за тобой погонятся.

Эккерт призадумался:

— Твоя правда. Я лучше вот что сделаю — я разломаю черные ящики у столбов, когда пройду в ворота. Вот дверочка и захлопнется. А тебя мы на время стреножим, — словно заправский боксер он ткнул Кобурна в солнечное сплетение дулом пистолета. Кобурн почувствовал, как из его легких изливается воздух. Он оставался в сознании, но парализованные мышцы отказывались сделать вдох. Кобурн до смерти перепугался. Вязкий, смешанный с пеной хрип вырвался из его горла. Эккерт вскочил и, низко пригнув рыжую голову, побежал к воротам.

Он почти достиг их, когда из сияющего облака появилась еще одна горилла. Эккерт выстрелил инопланетянину в живот. Тот грузно сел на снег, схватился за поясницу, потом мягко опрокинулся на спину. С той стороны, куда ушла первая группа инопланетян, послышались гортанные крики. Эккерт оглянулся по сторонам, прыгнул в зеленый прямоугольник и — только его и видели.

Кобурн внезапно почувствовал, что опасность этой планеты для его здоровья резко возросла. Это ощущение было таким сильным, что он, преодолевая паралич, хотел было на четвереньках доползти до ворот, но инопланетяне уже возвращались. Кобурн понял, что не успевает, и снова распластался на снегу. Из мглы вынырнули призрачные фигуры гуманоидов.

Четверо из них принадлежали к уже знакомому типу гориллообразных, но у двоих других кожа была голая, зеленоватая. Они были одеты в желтые туники. Кроме того, они были гораздо хуже своих спутников. Их лысые головы сверкали, как тщательно вымытые яблоки.

Инопланетяне столпились вокруг распростертой на снегу убитой гориллы, вполголоса поговорили между собой и стали свирепо озираться по сторонам. Их тяжелые взгляды могли обжечь камень. Кобурн вдруг обратил внимание на следы ботинок Эккерта, ведущие от ворот прямо к его укрытию на бугре. Секундой позже то же самое заметили и инопланетяне. Рассыпавшись по местности веером, они двинулись в сторону Кобурна. Он отчаянно пытался зарыться

в неподатливый грунт, но тут всеобщее внимание было привлечено неожиданным происшествием.

Из сияющего прямоугольника ворот вывалился, шатаясь, Пэтси Эккерт.

Облепленный с головы до пят настоящим снегом, он так дрожал, что едва держался на ногах. Его лицо, насколько можно было разглядеть за сосульками и инеем, заливала мертвенная бледность. Одна из горилл тут же заметила Эккерта и подняла крик. Инопланетяне всем скопом ринулись к Эккерту. Тот попытался было поднять пистолет, но оружие вывалилось из его пальцев. Один из безволосых мастерской футбольной подножкой свалил Эккерта на снег, и рыжий пропал из виду за мельтешением инопланетных тел.

Меж тем Кобурн, притаившись в своем относительно безопасном убежище, успешно продолжал размышлять о синтетической копии Эвереста. Если его предположения верны, ворота вели не в любое, произвольное место на планете Земля – они должны были соединять копию с соответствующей точкой настоящего Эвереста, чтобы облегчить перенос результатов геодезических замеров.

Следовательно, Эккерт вынырнул на склоне Эвереста посреди зимы, а в тамошних условиях не выживешь и минуты без защитной маски и костюма с подогревом.

Гориллообразные инопланетяне, по-видимому, переносили этот адский холод благодаря своей длинной и густой шерсти, и если они тайно навещают Землю уже в течение двух столетий...

«О Боже, – подумал Кобурн. – Я сподобился увидеть ужасного снежного человека! Да не одного, а сразу кучу».

Все давнишние непроверенные наблюдения, все необъяснимые отпечатки босых ног на снежных склонах Гималаев, все легенды об йети... – и все из-за этих пришельцев с чужой планеты, которые, руководствуясь какими-то собственными соображениями, сооружают пластиковую копию высочайшей горы Земли.

Тайна предназначения Эвереста-2 грозила вызвать у Кобурна умственное переутомление, но, к счастью, его отвле-

кло происходящее у ворот. Позабыв о бездыханном теле своего товарища, инопланетяне подхватили беспомощного Эккерта и понесли его в зеленоватую мглу. Они вновь прошли мимо бугра, но Кобурна не заметили. Способность дышать наконец вернулась к нему. Дорога к воротам была открыта. Но теперь Кобурн знал, что этим путем не спасешься. Он достал из сумки на поясе питательную пилюлю, задумчиво разжевал ее, потом двинулся вслед за группой инопланетян, держась от них на почтительном расстоянии.

Пройдя около километра по снежным склонам, они оказались среди голых скал, где были встречены отрядом из четырех безволосых. Те остановились посмотреть на Эккерта, еще трясущегося от холода. Один из них слишком низко наклонился к Пэтси, который не замедлил проявить свою неистребимую сноровку и ударил любопытного кулаком в переносицу. Сгорая от зависти к некоторым чертам характера рыжего рецидивиста, Кобурн подполз поближе к отряду, чтобы подслушать разговоры инопланетян. У него сложилось впечатление, что представители обоих видов были довольно близоруки, и он не особенно боялся приближаться к ним.

— ... судя по тому, что мы обнаружили на корабле, землян было двое, — гнусавил на галалингве один из новоприбывших зеленых гуманоидов. — До прибытия шефа мы должны найти второго.

— Похоже, вину опять свалят на нас, — пожаловалась самая малорослая горилла. — Я всегда говорил, что следует обзавестись орбитальным поясом обороны.

— И привлечь внимание? Ты же знаешь, как относится Комитет Галааигр к нарушению устава. Если нашу альпинистскую команду застигнут за отработкой восхождения на Эверест, нас дисквалифицируют как минимум на десять столетий.

Маленькая горилла не была удовлетворена ответом:

— А откуда известно, что они обязательно выберут Эверест?

— Ты что-то растерял всякую почтительность к старшим, Велло, — заявил безволосый. — Эверест — великолепная го-

ра, отвечает всем требованиям для соревнований. Ты же знаешь, как трудно разведчикам из Комитета каждые пять столетий подыскивать новую подходящую гору. Они ведь могут выбирать лишь из планет, которые точно будут готовы к вступлению в Галакоммуну до следующих Игр. Это непросто, особенно когда туземцы бдительны, чуть что, начинают устраивать охоту на НЛО.

— И все равно мне кажется, что эта тренировочная модель не стоит таких затрат.

— Мой юный друг, ты явно еще не созрел умом, чтобы в полной мере оценить масштабность престижа и политического капитала, который обретает планета, выставившая сильнейшую команду.

В разговор вступили и остальные. Они прямо-таки наседали на маленькую гориллу. Пытаясь разобраться в многоголосом галдеже, Кобурн так увлекся, что неосмотрительно высунулся из-за синтетической скалы. По его спине тут же пробежали мурашки — он встретился взглядом с Эккертом, лежавшим у ног инопланетян. Однако Кобурн не находил причин бояться своего сотоварища-землянина, тем более что гориллы и безволосые в пылу жаркого спора позабыли обо всем и вся. Кобурн выставил из-за скалы руку и слегка пошевелил пальцами в знак дружеского приветствия. Пусть раньше Эккерт хотел его убить, но теперь они были равны — два землянина на чужой планете, в окружении врагов.

— Вот он, второй! — завопил Эккерт, указывая прямо на скалу Кобурна. — Вон там он прячется!

Среди инопланетян мгновенно воцарилось молчание. Близоруко щурясь, они смотрели в сторону Кобурна. Тот припал к грунту, мысленно проклиная Эккерта и шепча Эрике душераздирающие слова прощания. Что до Пэтси, то он воспользовался случаем, чтобы дать деру. Со звериным проворством он вскочил на ноги и пустился наутек. Двое инопланетян пытались его перехватить, но Эккерт, увернувшись, легко вспрыгнул на большой валун и соскочил с другой стороны. И с треском провалился. Там, где он только что стоял, зияла черная дыра с рваными краями, из которой

доносился отчаянный, переходящий по закону Допплера в басистый стон, крик. Видимо, Эккерт было еще очень долго лететь до дна.

– Я так и знал, что здесь есть тонкие заплатки, – заметила одна из горилл. – Мильдо опять решил сэкономить стройматериалы.

– Это к делу не относится, – раздраженно оборвал его безволосый. – Пойдемте-ка осмотрим те скалы.

Отряд, совсем как в прошлый раз, рассыпался по местности и двинулся на Кобурна. Это напомидало пластинки веера, сходящиеся к ручке. Кобурн неуклюже поднялся и побегал, инстинктивно держа курс на зеленое сияние ворот.

– Хватайте его! Убейте его! – закричал один из инопланетян. Кобурн нехорошо выругался, узнав гнусавый голос самого малорослого, которого уже успел окрестить про себя главным вредителем. Кобурн всегда хорошо бегал, но сейчас – подгоняемый страхом, что его схватят или что он провалится внутрь горы – он буквально летел по снежному склону, не чуя под собой ног. Инопланетяне плелись далеко позади, а зеленое сияние впереди все разгоралось, пока не обернулось уже знакомыми воротами. У одного из черных столбов по-прежнему лежала убитая горилла.

На первом этапе забега Кобурну казалось, что он вот так, не снижая скорости, может обежать вокруг всей планеты, но теперь – после первого же километра – силы быстро иссякали, а гиканье инопланетян слышалось прямо за спиной. Он доковылял до ворот, шагнул одной ногой за светящийся прямоугольник – и тут же выдернул ногу обратно. Гималайская зима голодным зверем впиалась в его тело. Шумно дыша и захлебываясь соленым потом от изнеможения, он опустился на снег. Выбирать ему особенно не из чего – либо весьма скорая смерть в холодных снегах Эвереста подлинного, либо очень скорая смерть от рук инопланетян на Эвересте поддельном. Кобурн избрал последнее, в основном потому, что это избавляло его от необходимости снова вставать. Крики преследователей становились все громче.

«Вот и все. Эрика, — думал он. — Я любил тебя».

Потухшими глазами он огляделся по сторонам, пытаясь настроиться на философски-стоический лад, но зрелище уродливого тела мертвой гориллы не особенно успокаивало. Длинные шерстинки безжизненно шевелились на ветру. Под ними блеснуло что-то медное. Украшения? Кобурн дополз до бездыханного тела, запустил руку в шерсть и обнаружил застежку-«молнию», идущую от подбородка существа до его паха.

Его лицо просияло — он догадался. Подняв голову, он увидел скачущий по скалам авангард погони. Зеленокожие бежали впереди. У Кобурна было не больше минуты. Он расстегнул «молнию» на теле гориллы, сорвал с ее лица звериную маску и обнаружил внутри мертвого инопланетянина — такого же лысого и зеленокожего, как остальные. Шерстистый покров оказался маскировочно-защитным костюмом для нелегальных прогулок по Земле.

Подвывая от возбуждения и страха, Кобурн вытряхнул инопланетянина из его кокона. Крики преследователей, заметивших его действия, стали тревожнее.

Еще миг — схватят. Кобурн влез в мешковатую шкуру, натянул на голову шлем с обезьяньей маской и, не застегивая «молнии», нырнул в ворота как раз в тот момент, когда сильная зеленая рука попыталась ухватить его за шерсть на спине.

Ветер Гималаев, невероятно колючий и холодный, ворвался в распахнутую обезьянью шкуру. Кобурн неловко застегнул костюм руками в перчатках и поспешил ретироваться от ворот, которые с этой стороны представляли собой два обычных черных столба. Дул свирепый ветер, на неровном склоне было почти невозможно удержать равновесие, но убраться подальше было просто необходимо.

Инопланетяне в костюмах, более неповоротливые, чем их одетые по-летнему собратья, еще не подросли к воротам, но очень скоро они всем скопом ринутся ему вдогонку.

Кобурн побрел сквозь слепящие снежные вихри. Минут через десять он почувствовал, что ушел от погони, спустя

час стал абсолютно уверен, что больше никогда не увидит зеленокожих инопланетян. Правда, он начал подозревать, что вообще больше никогда никого не увидит. То был Эверест, грозный царь Гималаев, вокруг бесновались торжествующие стихии, а у Кобурна не было ни снаряжения, на знаний, чтобы найти дорогу к людям.

Он упрямо переставлял ноги, стараясь по возможности двигаться под гору и надеясь только на прочность отопительной системы костюма. Однако постепенно он начал выдыхаться. Он все чаще оступался и, упав, уже не торопился вставать. В конце концов дальнейшее продвижение стало бессмысленным. Кобурн сел на камень и стал ждать, пока снег заметет его с головой, и следа не оставив от его жалкого, бесплодного существования. Он отрешенно приготовился погрузиться в вечный покой...

Не прошло и тридцати секунд вечного покоя, как сверху на него внезапно опустилась грубо сплетенная сеть. Его швырнуло на снег.

Кобурн с испуганным криком попытался высвободиться, но жесткие веревки еще крепче впились в его руки и ноги. Он понял, что все же попался в руки инопланетян, и на этот раз его живым не отпустят. Импровизируя ругательства на галалингве, он отчаянно пытался встать на ноги, чтобы умереть стоя, как подобает мужчине, но сокрушительный удар по основанию черепа не позволил Кобурну осуществить даже это скромное желание. Погружаясь во тьму, он успел заметить, что атакующие были одеты в обычные земные горнолыжные костюмы...

О последующем временном отрезке Кобурн мало что помнил. Большую его часть он был без сознания, но иногда, полуочнувшись, понимал, что сеть с ним волокут по снегу. Когда к нему вернулся дар речи, он попытался было протестовать, но обнаружил, что рот обезьяньей маски намертво захлопнулся, и сказать что-либо членораздельно просто невозможно. Кобурн сдался и, откинувшись на спину, сосредоточил все усилия на том, чтобы уворачиваться от острых камней, в изобилии попадавшихся на дороге. Несколь-

ко минут спустя отряд остановился. Один из присутствующих откинул забрало своего лыжного шлема.

— Один есть! — крикнул он по-английски кому-то, кто был невидим Кобурну. — Мы поймали йети!

— Вот здорово! — отозвался женский голос.

Кобурн возмутился, что его считают животным и соответственно с ним обращаются, но при звуке этого голоса позабыл обо всем. Он сел и стал отчаянно дергать за язычок «молнии».

Женщина опустилась на колени перед ним.

— Мой йети, — выдохнула она. — Мой собственный йети!

Кобурн, наконец-то справившись с «молнией», сорвал с головы свою обезьянью маску.

— Эрика, — произнес он. — Моя собственная Эрика!

— Бог ты мой, — пробормотала она изумленно. Потом ее лицо расплылось в лучезарной улыбке, над которой не был властен даже холод: — Ах ты мой глупыш, ах ты мое чудо! А я ведь вправду поверила, что ты удрал в космос и позабыл обо мне.

— Ничего подобного, — ответил он, потянувшись к ней.

— Подожди, здесь не место, — она помогла Кобурну подняться на ноги. — Надо доставить тебя под крышу, а то еще замерзнешь. И ты нам объяснишь, как так вышло, что ты пустился догонять мою экспедицию в обезьяннем наряде. Не сомневаюсь, у тебя уже заготовлена какая-нибудь невероятная история.

Кобурн обнял ее за талию:

— Постараюсь что-нибудь придумать.

Фредерик Браун

УЖАС ГИМАЛАЕВ

Сэр Чанси Атертон помахал на прощание рукой проводникам-шерпам, которые остались внизу, и продолжил свой путь один — дальше шерпы отказались идти, ибо тут, в Гималаях, за несколько сот миль от Эвереста, начиналась страна ужасного снежного человека. Время от времени его видели в горах Тибета и Непала, но пик Облимова, у подножья которого он оставил местных проводников, прямо-таки кишел этими существами, и шерпы не осмеливались подниматься выше. И в этот раз они благоразумно предпочли остаться внизу, дожидаясь его возвращения, впрочем, не особо веря в это. Для того, чтобы идти дальше, требовалась храбрость. Сэру Чанси нельзя было отказать в ней.

Ему также нельзя было отказать в умении ценить женскую красоту. Именно поэтому он оказался здесь и теперь в одиночку намеревался совершить не просто опасное восхождение, а спасти Лолу Габральди. Если она до сих пор жива, то, несомненно, находится в плену у снежного человека. Задача, что и говорить, посложнее и опаснее штурма любой горной вершины.

Сэр Чанси никогда прежде не видел Лолу Габральди. Он вообще узнал о ней месяц назад, когда попал на фильм с ее участием, в котором она играла главную роль и благодаря которому вдруг стала живой легендой, самой красивой в мире женщиной, самой миловидной из кинозвезд, когда-либо рождавшихся в Италии. Сэр Чанси никак не мог понять, как такая женщина могла родиться на Земле, пусть даже и в Италии. В одной-единственной картине она затмила красотой Бардо, Лоллобриджиду и Экберг, вместе взятых, и стала идеалом женской красоты в сердцах ценителей во всех уголках планеты. Едва она появилась на экране, он понял, что должен увидеть ее наяву — иначе умрет.

Но вскоре Лола Габральди пропала без вести. После того, как закончились съемки первого фильма, она поехала отдыхать в Индию, где присоединилась к группе альпинистов, собравшихся штурмовать пик Облимова. Все участники экспедиции вернулись, кроме нее. Один из вернув-

шихся утверждал, что видел (правда, на слишком большом расстоянии, чтобы прийти на выручку), как ее унесло человекообразное волосатое существо ростом в девять футов — ужасный снежный человек. Несколько дней группа искала ее, потом прекратила поиски и вернулась в цивилизованный мир. Все были уверены, что ее нет в живых. Все, но не сэр Чанси, который немедленно вылетел из Англии в Индию.

И вот он с трудом пробивался сквозь вечные снега. Кроме альпинистского снаряжения, он нес тяжелое ружье, с которым год назад охотился на тигров в Бенгалии. «Что годится для тигров, — рассудил англичанин, — сойдет и для снежного человека».

Снег вихрем кружил вокруг него, когда он достиг облаков. Внезапно в нескольких шагах от себя (дальше ничего было нельзя разобрать) выросла огромная тень, отдаленно похожая на человека. Он поднял ружье и выстрелил. Тень, стоявшая на самом краю пропасти, покачнулась и полетела в тысячефутовую бездну.

Не успело стихнуть эхо, как чьи-то руки схватили его сзади. Этот кто-то, держа одной рукой сэра Чанси, другой взял ружье, согнул его словно зубочистку пополам и швырнул в сторону.

Откуда-то, высоко над головой, прозвучало: — «Тише. Все будет хорошо». Сэр Чанси был неробкого десятка, но только выдавил из себя что-то нечленораздельное, несмотря на успокоительный тон чудовища. Существо так крепко прижало его к себе, что невозможно было повернуть голову и взглянуть на него.

— К твоему сведению, — продолжал таинственный голос, — мы те, которых вы называете ужасными снежными людьми, трансмутанты. Когда-то, много веков тому назад мы были таким же племенем, как шерпы, но нам удалось открыть средство, которое позволило изменять наше телосложение и приспособиться, увеличив размеры тела и изменив физиологию, к чрезвычайно холодному и разреженному воздуху, и теперь мы живем высоко в горах, где дру-

гим не выжить, — лишь изредка сюда могут подниматься люди. Тебе понятно?

— Д-д-да, — стуча зубами, произнес сэр Чанси, у которого вдруг затеплилась надежда. С чего бы этому существу пускаться в объяснения, если оно задумало убить его?

— Тогда слушай дальше. Нас мало, и все время становится меньше. По этой причине мы время от времени отлавливаем, как сейчас, какого-нибудь альпиниста. Мы вводим средство — и он наш. Это позволяет поддерживать нашу численность на довольно высоком уровне.

— Н-но, — запинаясь, пробормотал сэр Чанси, — неужели эта участь постигла женщину, которую я разыскиваю, — Лолу Габральди? Значит, в ней сейчас... восемь футов, она вся в волосах и...

— Была. Только что ты убил ее. Один из моих соплеменников взял ее в жены. Мы не привыкли мстить, но кто-то должен занять ее место — так у нас принято.

— Занять ее место? Ведь... я — мужчина.

— Слава богу, — послышалось откуда-то сверху. Он почувствовал, как его повернули лицом к огромному заросшему телу, так что голова оказалась между огромными волосатыми грудями. — Слава богу, что это так, поскольку я — отвратительная снежная женщина.

Теряющего сознание сэра Чанси подхватила его новая подруга и легко, словно щенка, понесла в глубину пещеры.

Георгий Реймерс

ГОРЫ ХРАНЯТ ТАЙНУ

В то время как некоторые из вас будут штурмовать межпланетные просторы или осторожно продвигаться по поверхности иных миров, необходимо, чтобы другие ваши товарищи продолжали исследование самых потайных уголков нашего земного шара в поисках не обнаруженных еще, вымирающих или неизвестных существ.

*Профессор Б. Эйвельманс. К советской молодежи.
Альманах «Мир приключений», 1961 год*

Глава 1

Аур сидел у отвесного обрыва скалы, опираясь на полусогнутые длинные волосатые руки.

Вокруг раскинулся горный пейзаж. В синеве неба белели заснеженные пики. Застывшими реками сползали с хребтов ледники. Из-под конечных морен вырывались бурные пенистые потоки.

Воды ревели и бушевали. То крутясь среди утесов, то срываясь водопадами в пропасти, они, наконец, достигали долины и вливались в стремительную реку. Но шум вод не достигал Аура. Здесь, на высоте, царила тишина.

Обычно Аур в это время спал в пещере или в каком-нибудь укромном месте, где его шерсть по цвету сливалась с окружающими камнями. Там, даже вблизи, его трудно было отличить от большого валуна.

День предназначен для сна, ночь — для охоты. Но на этот раз были причины, заставившие Аура нарушить установленный природой порядок. То, что он увидел ночью, охотясь за пищухами и выкапывая вкусные сочные корни, заставило его насторожиться.

В долине появились люди. Аур был стар, а поэтому вдвойне подозрителен и осторожен. Он видел людей. Они

ходят, подобно ему, на двух ногах и пригоняют на высокогорные пастбища яков и коз.

Когда перестают дуть свирепые холодные ветры и солнце растопит снега, наступает пора тепла и обилия пищи. Низины и горные склоны покрываются травой и яркими цветами. В это время из далекого, лежащего у подножия гор, загадочного мира приходят люди, поселяются в каменных хижинах и пасут своих животных до тех пор, пока снег снова не засыплет землю.

Люди очень могущественны. Они умеют строить жилища, из которых сверху идет дым, и заставляют служить себе даже солнце. Уходя за снежные вершины, оно оставляет им немного света и тепла. Темными вечерами люди сидят у своих хижин вокруг сияющих кусочков солнца, которые их освещают и обогревают.

Хотя люди не делали ему зла и не преследовали его, Аур старательно избегал встреч.

В холодное время Аур в поисках еды спускался с высокогорья в нижние долины, где было теплее и меньше снега. Там постоянно жили люди. Эти непонятные существа влекли его, но одновременно внушали страх. Осторожность зверя всегда брала верх над смутными проблесками разума и, не осмеливаясь приблизиться к их селениям, он уходил.

Постоянная борьба с хищными зверями сделала его сильным и ловким. Волки боялись мощных челюстей и сильных рук Аура, а также его умения метко швырять камни. Он легко уходил от волчьей стаи, быстро взбираясь по крутым скалам и каменным осыпям. Не следовало встречаться со злыми горными медведями, когда они голодны. Однако Аур гораздо проворнее любого из них, и чтобы не попасть медведю в лапы, ему нужно только не зевать. Страшнее всех был барс, но отличный слух и тонкое чутье всегда предупреждали Аура об опасности.

Пока детеныш не подрос, Аур хотел остаться в облюбованном месте, поэтому он не увел Улу с маленьким Иу на перевал при появлении в долине людей. Сейчас Улу с забавным мохнатым детенышем спала в пещере на подстил-

ке из кустарника. Аур должен был охранять их покой и добывать пищу.

Люди, которые вчера пришли в долину, были не такими, как пастухи. Их было много и с ними не было скота. Они поселились на берегу реки в белых колышущихся от ветра жилищах. Это насторожило Аура, инстинкт всегда предостерегал его от всего необычного. Притаившись, он с обрыва осматривал долину, ловил расширенными ноздрями воздух и напряженно прислушивался. Пока все было спокойно. Он уже собрался уходить в пещеру к Улу, но тут ветер принес снизу из ущелья какой-то незнакомый запах. Аур глубоко втянул воздух, фыркнул, потом осторожно приподнялся и выглянул за обрыв. От того, что он увидел, седая шерсть на загривке встала дыбом, желтые глаза загорелись. Окалив зубы, он тихо заворчал. Внизу, рядом с отвесной стеной, шел человек. Он нес в руках короткую темную палку.

Неожиданно из бокового распадка выскочил горный козел. Он быстро взбежал на утес и на мгновение замер, осматриваясь по сторонам. Человек вскинул палку, на ее конце что-то блеснуло. Козел высоко подскочил и упал с утеса. По ущелью прокатился гулкий удар.

Аура точно ветром сдуло с обрыва. Глухо рыча, он мчался на всех четырех конечностях, перескакивая через камни, через трещины ледника, не хуже козла взлетая на крутые склоны. Скорей к пещере! Прочь от опасного места!

Глава 2

Кандидат биологических наук Николай Петрович Орлов стоял на скальном выступе и смотрел с кручи вниз.

Широкоплечий, мускулистый, он скорее походил на спортсмена, чем на научного работника. В его собранной плотной фигуре чувствовалась сила и неистощимая энергия.

Видавшая виды армейская гимнастерка, такие же брюки, заправленные в шерстяные гетры, и крепкие горные ботин-

ки свидетельствовали о долголетней привычке молодого ученого к удобной военной одежде.

Тряхнув головой, он откинул со лба светлую прядь волос и приложил к глазам бинокль. Далеко внизу, на берегу реки, бежавшей по высокогорной долине, белели палатки базового лагеря.

После шести месяцев безрезультатных поисков йети – легендарного снежного человека, – экспедиция забралась в самый глухой, почти неисследованный уголок Гималаев. Люди устали. Орлов заметил – большинство из них теряет веру в успех поисков. Ему, как начальнику, было ясно, что теперь только крепкая товарищеская спайка да чувство долга заставляют людей безропотно переносить тяготы изнурительного похода.

Итак – последняя попытка. Вчера все способные к высокогорным восхождениям разбились на три группы. Две из них должны пройти по границам намеченного для обследования района, третья, под руководством Орлова, направлялась в центр узла горных хребтов.

На долю этой группы выпал самый тяжелый маршрут. Пики высотой более семи тысяч метров, мощные ледники и крутые, зачастую отвесные скалы требовали хорошей альпинистской подготовки.

Кроме Орлова и мастера спорта инструктора-альпиниста Рашида Благоева, в группу вошли альпинист зоолог Смирнов и неоднократно участвовавший в разных экспедициях проводник шерп Норбу. Пятым был Рекс – рослая немецкая овчарка.

Выйдя из лагеря с рассветом, они поднялись к леднику и остановились на ночлег около нагромождений конечной морены.

Сверху потянуло прохладой. Молодой ученый повел плечами. За целый день тяжелого пути белье намокло от пота и теперь неприятно холодило спину и грудь. Уложив бинокль в футляр, Орлов по привычке одернул гимнастерку. «Хорошо бы завтра перевалить через хребет», – подумал он, глядя на скалистый гребень, потом поднял лежащую у ног куртку, набросил ее на плечи и пошел к палатке.

Солнце опустилось за горы. На долину легли вечерние тени. Далеко, на юго-востоке, розовела в последних лучах величественная громада Дхаулагири.

Около палатки костер постреливал золотыми искрами. Синий ароматный дымок арчи, смешанный с запахом жареного мяса, стелился по склону.

Низкорослый, коренастый Норбу присел на корточках у костра и, шуря от дыма раскосые глаза, время от времени поворачивал шипящую на вертеле козлиную ногу.

Миша Смирнов устроился с наветренной стороны, где ему не мешал дым. Сидя на плоском камне, молодой зоолог старательно снимал шкурку с убитой пищухи.

Из палатки высунулась черноволосая курчавая голова.

– Ай, какой хороший шашлык! – Потянув носом воздух, Рашид аппетитно облизнулся и вылез наружу.

– Дорогой Миша, спасибо за угощение! Ты великий охотник! – с сильным кавказским акцентом воскликнул он и, подойдя к приятелю, похлопал его по плечу.

Широкое добродушное Мишино лицо побагровело.

– Уйди! – огрызнулся он.

– Не бойся, твою крысу не съем! Козел лучше.

Миша с неприязнью взглянул на козлиную ногу. Впечатлительному юноше крепко запомнился полученный нагоняй.

Вчера утром, осматривая ущелье, он подстрелил горного козла. В прекрасном настроении Миша притащил свою добычу в базовый лагерь. Свежего мяса они уже давно не видели, и удачливый охотник естественно рассчитывал на похвалу. Однако дело обернулось совсем не так, как он ожидал.

Увидев козла, Орлов расвирепел. Он считал, что стрельба может распугать всех йети, обитающих в окрестностях, и тогда труды экспедиции пропадут даром. Начальник битый час перед всеми отчитывал Мишу за допущенную оплошность.

От этих воспоминаний у юноши даже уши зарделись от стыда. Настроение снова испортилось. «Всегда этот Рашид

со своей подначкой! Тыфу», – отплюнулся он. Сдернув с щухи шкуру, Миша бросил Рексу ободранную тушку.

Пес понюхал ее, фыркнул и с отвращением отвернулся.

Рашид потрепал Рекса по загривку.

– Скажи Мишке, пусть сам ест крысу, а мы с тобой съедем шашлык, – усмехнулся он, разглаживая черные усики.

– Смеешься, копченый абрек, а небось не отказываешься от козлятины, – проворчал в ответ зоолог.

К палатке подошел Орлов.

– Связывался с базой? – спросил он Мишу.

– Связался, – ответил тот. – Сообщили: группа Максимова вышла сразу после нас, а Либова – в полдень.

– Вечно он копаются, – недовольно поморщился Орлов. – Рацию убрал?

– Убрал. А вы хотели говорить?

– Ладно. В следующий раз.

Николай Петрович уселся около костра, вынул трубку и не спеша стал набивать ее табаком.

– Как думаешь, Рашид, вылезем завтра на перевал? – спросил он.

Тот взглянул на кручу.

– К вечеру вылезем. Дай-ка закурить твоего, крепкого, душистого.

Орлов протянул Рашиду табакерку, вытащил из костра ветку и, прикурив от уголька, с наслаждением затянулся.

– Хорошо здесь! Совсем как на Кавказе, – сказал он.

– Нет, там лучше, – возразил Рашид.

Старые знакомые, если можно так сказать о ровесниках, едва разменявших по третьему десятку, они сдружились еще во время службы на горной пограничной заставе.

Быстро темнело. Норбу подбросил в костер веток. Огонь вспыхнул с новой силой. Шерп, нанявшись проводником в эту экспедицию, впервые встретился с русскими. Особенное впечатление произвел на него Орлов. Могучего телосложения блондин, с военной выправкой, он казался ниже стройного высокого Рашида, однако это было не так. Стоило им встать рядом и оказывалось, что Орлов выше приятеля почти на полголовы.

Никогда не унывающий шутник Рашид и крепыш Миша тоже понравились шерпу. Одно было плохо – по-английски умел говорить только Орлов. С остальными приходилось объясняться «международным» языком жестов.

Тем временем козлятина изжарилась. Норбу расстелил на землю клеенку и положил на нее мясо.

Орлов протянул Мише охотничий нож.

– Твоя добыча – тебе и делить, – холодно сказал он, а сам незаметно подмигнул Рашиду.

Миша тяжело вздохнул и снова покраснел.

– Хватит уж, Николай Петрович! Рашид весь день издевался, а теперь и вы...

– То-то же. Будешь знать, когда стрелять, – усмехнулся Орлов.

Увидев, что начальник «сменил гнев на милость», Миша повеселел и принялся резать жаркое.

Глава 3

Ночью был заморозок. Иней посеребрил землю. Горные дуга искрились в лунном свете. Ни один звук не нарушал тишину, только чистый прозрачный воздух, пронизанный голубыми лучами, казалось, тихо звенел, словно кто-то осторожно прикасался к тонкой, туго натянутой струне. В глубоком темно-фиолетовом небе сверкали звездные россыпи. Горы застыли в спокойном сне. В долинах лежал туман. Ночь жила скрытной таинственной жизнью.

Вот из-за скалы показалась лобастая голова матерого волка. Двумя светлячками блеснули зеленые огоньки глаз. Неловко, как призрак, волк двинулся вперед по чуть заметной звериной тропе. Чуткий нос все время сообщал о происходящем. На полянке среди валунов, в траве рассыпаны катышки помета, здесь днем паслись горные козлы. Около небольшого бугорка зверь снова принюхался, – тут, под землей, спит жирный сурок. Хищник покосился на нору и продолжил путь: добыча была недоступна. Обнюхав обло-

мок скалы, он узнал оставленную лисой отметку. По неписаному закону собачьей породы волк тут же оставил свою и, осторожно ступая, пересек каменную осыпь. Обнаружив след барса, он пошел было за ним, надеясь поживиться остатками добычи, но вдруг остановился: резкий запах ударил в ноздри. Серый разбойник оскалил клыки и метнулся прочь. Здесь недавно прошли люди. Беззвучно, как тень, спускаясь по склону, поросшему стелющимся кустарником, он заметил около скального выступа широкоплечую, коренастую фигуру с заостренной головой и длинными руками. Волк бросился в сторону и растаял в полумраке ночи. Он боялся этих животных, так похожих на людей, и старался не попадаться им на глаза.

Из-за скалы Аур смотрел на залитую лунным светом долину. Поземный туман скрывал стоянку недавно пришедших людей. Йети хотел узнать, ушли они или нет, однако, спуститься вниз не осмеливался, особенно после того, что недавно увидел в ущелье.

С гор тянул легкий ветерок. Чутье предупредило: там волк, но Аур и ухом не повел. Он презирал этих зверей и не считал нужным уделять им внимание. Легкий шорох известил о том, что волк, увидев йети, скрылся. Так и должно было случиться.

Аур вышел из-за прикрытия и мягкими, крадущимися шагами пошел разыскивать съедобные растения. Около каменной осыпи какой-то новый запах заставил его насторожиться. Аур опустился на четвереньки и обнюхал землю. Сомнений не было: здесь прошли люди. Остановившись в нерешительности, старый йети долго прислушивался и настороженно всматривался в темноту. Слишком необычно было присутствие людей в этих высокогорных местах. Нужно узнать, куда они направились.

Аур осторожно пошел по следу. На небольшой ровной лужайке он замер на месте. Невдалеке белела палатка. Тонкий слух йети уловил дыхание спящих людей. Не спуская глаз с опасного места, Аур начал медленно пятиться. Но тут, сзади, налетел легкий порыв ветра. Раздалось ворчанье, и какой-то серый зверь, похожий на небольшого

волка, выскочил на лужайку. Подняв кверху морду и пригнувшись, он направился в ту сторону, где спрятался за камнем Аур. Старый йети насторожился: такого еще не случалось. Небольшие животные всегда скрывались или, по крайней мере, уступали ему дорогу. Этот же, казалось, искал встречи. Тогда Аур прибег к последнему средству, которое безотказно отпугивало всю мелочь. Выпрямившись во весь рост и размахивая руками, он издал пронзительный крик. Однако странный зверь вместо того, чтобы обратиться в бегство, кинулся вперед. Послышались голоса людей. Мешкать было некогда.

Злобно зарычав, Аур бросился наутек вверх по склону. Но противник оказался храбрым и проворным. Видя, что остановить йети не удастся, он без колебаний вцепился в обросшую густой шерстью ногу.

Аур молниеносно обернулся. Его руки, как стальные клещи, схватили зверя. Оторвав противника от ноги, он поднял его и со страшной силой ударил о камень. В темноте раздался громкий визг. Со стороны лужайки, приближаясь, мелькали огоньки и слышались человеческие голоса. Не глядя на поверженного врага, Аур быстро убежал в горы.

Глава 4

Сложенная из камней хижина, как птичье гнездо, прилепилась к подножию скалы около быстрой речки.

У порога, скрестив ноги, сидел старый шерп. Каждое лето он пригонял свое стадо в этот чудесный уголок.

Невдалеке от его жилища зеленела роща, на полянках цвели кусты великолепных розовато-пурпурных рододендронов. Грациозные нектарницы, поблескивая ярким оперением, перелетали с цветка на цветок. На лужайке, густо поросшей голубыми и лиловыми примулами, паслись козы.

Старый шерп изредка посматривал на тропинку, выющую по берегу речки. Он ожидал прихода родственников из деревни, расположенной в нижней долине.

Шорох скатывающихся камней заставил его обернуться. Сверху спускалась группа людей. С ними бежала большая серая собака. Когда они подошли, старик внимательно оглядел их умными, не потерявшими живого блеска глазами, с достоинством поклонился и жестом пригласил сесть. С чисто восточной сдержанностью он не выказал никакого удивления по поводу неожиданного прихода европейцев.

Гости сбросили рюкзаки и расположились на лежащих у входа ковриках. Старый шерп угостил их чаем.

Рашид отстегнул от пояса фляжку и подлил каждому в пиалу клюквенного экстракта.

Потягивая душистый напиток, путники завели с хозяином разговор о снежном человеке. Сначала Норбу переводил с шерпского языка на английский, затем Орлов, уже по-русски, объяснял друзьям, что говорит старик.

Такой «двухступенчатый» разговор пастуха вполне устраивал. Ему спешить было совершенно некуда. Добродушно улыбаясь, он охотно отвечал на расспросы.

Да, он видел йети и слышал его крик. Прошлым летом ночью его разбудил резкий визг. Старик даже воспроизвел этот звук, чем вызвал раздражение Рекса. Пес угрожающе зарычал. Едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, Рашид взял его за ошейник и подтащил к себе.

Опасливо поглядывая на собаку, шерп рассказал дальше, что, выглянув в окно, страшно перепугался.

На лужайке стояло похожее на человека существо. Пастух догадался, что это был йети. Луна светила ярко и он успел заметить: покрытый темной шерстью зверь был коренастый, с широкой грудью и заостренной кверху головой.

Рассматривать йети он не стал, это не сулило ничего хорошего. Встреча с йети обязательно приносит несчастье. Старик до утра молился и, по его мнению, только благодаря этому остался жив и здоров.

Заинтересованный рассказом, молодой ученый спросил, куда нужно идти, чтобы встретить йети. Старый пастух удивленно посмотрел на Орлова. Он считал, что как и вся нечисть, йети живут в самых диких скалах. Туда можно попасть, поднимаясь вверх по ущелью к истокам реки, но не-

понятно, зачем гости хотят его увидеть, неужели им не терпится покинуть этот мир?

Неодобрительно взглянув на Норбу, старик что-то ему сказал на своем языке. Тот довольно резко ответил и, заметив вопросительный взгляд Орлова, перевел:

— Он спрашивает: зачем я веду вас искать йети? Шерпам не следует этого делать.

— Ну, а ты?

— Я ему сказал, что обещал идти с вами до тех пор, пока буду нужен, — с достоинством ответил проводник.

— А если мы встретим йети — не испугаешься?

Норбу задумался.

— Не знаю, — пожал он плечами. — Наверное, испугаюсь, но не убегу. Я буду с вами, что бы ни случилось.

Орлов почувствовал признательность и уважение к простому честному человеку. «Этот в беде не покинет», — подумал он.

Поблагодарив гостеприимного хозяина, друзья собрались идти дальше.

Уже надевая рюкзак, Николай Петрович заметил, что пастух все время посматривает на фляжку. Орлов взял ее у Рашида и подал старому шерпу.

— Скажи: мы просим принять от нас этот подарок, — обратился он к Норбу.

Старик обрадовался и поблагодарил их. Потом прошел в хижину и вынес оттуда маленькую, искусно вырезанную из дерева статуэтку. Передавая ее Орлову, он сказал, что это тот самый святой, который спас его от несчастья после встречи с йети. С ним надо обращаться почтительно, тогда он отвратит от путников все неприятности и беды.

Орлов с улыбкой поблагодарил старика за подарок, и, распрощившись с хозяином, друзья направились вверх по реке.

Глава 5

Близилося утро. У горизонта, на посветлевшем зелено-вато-сиреновом небе отчетливо обозначился черный гребень хребта.

В кустах пискнула проснувшаяся пичужка. Птаха встрепенулась, повертела головкой и вдруг испуганно сорвалась с ветки. Рядом, из зарослей арчи, высунулась большая кошачья голова. Осторожно раздвинув кустарник, на поляну вышел барс.

Зверь был голоден, а поэтому особенно свиреп. Неслышно ступая, он поднялся по склону к скалам. Там могли ночевать горные козлы.

Под обрывом барс присел на задние лапы и, выпрямившись, как стальная пружина, прыжком взлетел на скальную площадку. Здесь он остановился, поднял морду, принюхался и внезапно прижался к земле.

Теперь он казался уснувшим, лишь подрагивающий кончик хвоста да горящие глаза выдавали нетерпение зверя. Долетевший запах был очень слаб, но барс понял: где-то недалеко находится большое, похожее на человека существо. Можно не доверять зрению, слуху, но чутье еще никогда его не обманывало.

Хищник был в нерешительности. Ему не приходилось нападать на этих животных, и он трусил. Однако голод заставил забыть осторожность. Распластавшись, барс пополз, извиваясь между камнями, как пестрая змея.

Движения зверя становились все медленнее, медленнее... Около входа в пещеру он притаился, лоя расширенными ноздрями теплый возбуждающий запах. Добыча была рядом, в темноте пещеры слышалось дыхание животных и причмокивающее посасывание.

Барс осмелел – там была слабая самка с детенышем. Прижавшись к стенке, он тихонько, шаг за шагом, подкрадывался к добыче. Вдруг из темноты вылетел камень и сильно ударил его в голову.

Оторопевший хищник отскочил назад и зашипел, как рассерженный кот. В этот момент второй удар пришелся прямо по носу. Разъяренный зверь взревел от боли и бросился вперед, в пещеру.

Аур почувствовал себя в безопасности только после того, как забрался под защиту скал. Ворча и вздрагивая от возбуждения, он уходил все дальше и дальше в горы.

После схватки с небольшим, но видно очень злобным зверем, у старого йети пропал аппетит. Сейчас ему было не до еды. Аур понимал, что напавший на него зверь пришел в горы вместе с людьми, которые неизвестно зачем забрались в места, где он считал себя хозяином.

Старый йети инстинктивно чувствовал: его спокойной жизни пришел конец. Нужно немедленно уводить Улу с Иу подальше от опасного соседства с людьми.

Уже светало, когда он поднялся на скалистое плоскогорье. Пещера теперь была недалеко.

Около ручейка Аур встал на четвереньки, прильнул губами к ледяной струе, но тут же поднял голову. Он услышал хриплое рычание и визг. Сорвавшись с места, Аур помчался туда и, выскочив на площадку, увидел, как из пещеры выкатился живой клубок. Улу злобно визжала, отбиваясь от барса. Старый йети громадным прыжком бросился на хищника и вцепился ему в горло.

Улу, вырвавшись из когтей, с ожесточением рвала барса крепкими зубами. От пестрой шкуры хищника полетели клочки. Когда с ним было покончено, Аур поднял изуродованный труп зверя и сбросил его под обрыв. Потом опустился на корточки и принялся зализывать раны жалобно повизгивающей Улу.

Восходящее, еще невидимое солнце метало из-за гор раскаленные стрелы лучей.

Над хребтом появилась сияющая корона. Она разгоралась все ярче, ярче, и вот медленно, величаво выплыл ослепительный диск. Вспыхнули ледяные грани вершин. Белые от инея травянистые лужайки заискрились. Ночевавшие на перевалах облака легко снялись и поплыли над туманной долиной, купаясь в голубом воздухе. По снежному

склону поднимались две бурые лохматые фигуры. Первым шел Аур, за ним, прижимая к себе уцепившегося за шею детеныша, спешила Улу. Они уходили через хребет на север.

Глава 6

Долина, по которой шла группа Орлова, постепенно суживалась, подъем становился круче. Когда стемнело, друзья разбили лагерь на берегу реки и заночевали.

На другой день они вышли рано утром, но скоро их путь преградила отвесная скальная стена.

Вырываясь сверху из щели, река стометровым прыжком спадала в долину. Грохот водопада заглушал все звуки.

Путники внимательно осмотрели стену и убедились: она неприступна. Чтобы пройти к истокам реки, нужно было подняться по боковому склону выше водопада. Не теряя времени, маленькая группа пошла в обход. Друзья выбрали самое удобное для подъема место, попарно связались веревками и начали трудное восхождение.

Орлов с Рашидом, поднимаясь первыми, на крутых местах забивали крючья. Вслед за ними шли Миша и Норбу. Рекса усадили в мешок и подтаскивали на веревке от площадки к площадке.

Выветренная порода поминутно осыпалась. Каждый шаг приходилось делать со всеми предосторожностями. Часто отдыхая, то приютившись на выступе, а то и просто повиснув на веревке над пропастью, друзья, наконец, выбрались на каменистую площадку. Дальше подъем уже был не таким крутым.

Измученные путники сбросили рюкзаки и присели.

Спугнутые появлением людей, недалеко поднялись два коршуна. Миша пристально смотрел, как птицы, не желая улетать, кружатся в воздухе. Пытливый зоолог заинтересовался их поведением.

— Там что-то есть, — проговорил он, вставая.

– Какая–нибудь дохлятина, – предположил Рашид. – Сиди отдыхай.

Усталому юноше и самому не хотелось двигаться, но профессиональный интерес победил. Отцепив от пояса веревку, связывающую его с Норбу, Миша полез к месту, откуда слетели птицы.

Там между камнями оказался труп барса. Запаха падали не чувствовалось, зверь погиб совсем недавно. Миша присел, чтобы получше рассмотреть, и его глаза округлились от удивления.

Барс был так растерзан и изуродован, что зоолог только диву дался.

– Идите сюда! Быстрее! – позвал он спутников.

Те подбежали.

Случай действительно был из ряда вон выходящий. Вряд ли кто может похвастаться, что находил в горах растерзанного барса.

– М-да. Кто же его так отделал? – подивился Орлов.

Норбу вытащил из пасти зверя большой клоч бурой шерсти, вырванный вместе с мясом, и лаконично сказал:

– Йети.

– Не может быть! – воскликнул молодой ученый. – С барсом ему не справиться!

– Один – нет, а два – справятся, – убежденно ответил шерп.

– Но здесь не видно следов борьбы!

– Там надо смотреть, – указал Норбу на кручу. – Он упал оттуда.

Орлов порывисто обернулся к друзьям.

– Пошли! – крикнул он и бросился вверх по склону, куда указал проводник.

Все поспешили за ним.

На ровной, как стол, площадке, у входа в пещеру, валялись окровавленные клочки пестрой барсовой шкуры и бурой шерсти, такой же, как та, которую Норбу вытащил из пасти зверя.

– Караульте здесь, – шепнул Орлов спутникам, а сам, вынув карманный фонарь, хотел было лезть в пещеру, но крепкая рука Рашида сжала ему плечо.

Николай Петрович показал другу кулак. Однако на Рашида это не подействовало.

– Не спеши на тот свет, – сказал он, не выпуская Орлова и, размахнувшись, бросил в пещеру камень. Раздался удар о противоположную стену, камень покатился по земле.

– Вот теперь – пойдём. Хозяева, видно, сбежали.

Молодой ученый включил фонарь и все осторожно полезли под свод.

Небольшая пещера оказалась пустой. В ней валялись обглоданные кости мелких животных, а в углу из ветвей арчи было сооружено подобие настила или, скорее, большого гнезда. От резкого неприятного запаха спирало дыхание.

Миша вынул фотоаппарат со вспышкой и сделал несколько снимков.

Когда все вылезли наружу, Орлов снял вязаную шапочку и обтер рукавом лоб.

– Черт возьми! Куда же они делись? – с досадой проговорил он. – А ну-ка, давайте Рекса!

Миша развязал мешок и выпустил пса на поиск. Рекс взял было след, но вскоре начал метаться. По склону хребта недавно прошла гроза, дождь смыл следы.

Раздосадованные неудачей, друзья остановились, не зная, что предпринять.

Орлов спросил проводника, где, по его мнению, искать ушедших животных. Норбу полагал, что их теперь не найдешь. Если йети ушли, то обратно не вернуться.

– Сообщим обо всем на базу и пойдём дальше по маршруту, – решил Николай Петрович.

Миша быстро развернул походную рацию и вызвал базовый лагерь.

Все собрались вокруг него.

Из репродуктора послышался голос радиетки:

– Утес, я База! Из группы Максимова сообщили: прошлой ночью неизвестное животное убило собаку. Считают,

что это был йети, слышали его крик. Ушел в вашу сторону. Как поняли?

Орлов схватил микрофон.

– База, я Утес! Вас понял! Благодарю. – Передав свое сообщение, он выключил рацию.

Глаза Николая Петровича блестели от радостного волнения. Шестимесячные напряженные поиски дали первые результаты. Уже две группы: его и Максимова, нашли следы снежного человека. Okрепла поколебавшаяся было надежда на успех экспедиции.

Энергичный молодой ученый был готов идти в какие угодно дебри. Они должны, обязательно должны найти йети!

– Ну, друзья... – сказал он вставая. – Снежный человек где-то близко! Теперь все зависит от нас!

К полудню путники с трудом добрались до обрыва, с которого низвергался водопад. Наскоро перекусив, они вошли в ущелье.

Там было темно, холодно и сыро. С отвесных стен падали капли и сбежали прозрачные струйки. Мертвые скалы, казалось, плакали, тоскуя по солнечному свету, жизни и теплу. Бурный поток, то скрываясь под каменными завалами, то вырываясь на свободу, стремительно мчался по крутому скату.

Перелезая через осыпи, местами переходя реку по поясу в ледяной воде, друзья после двухчасового изнурительного пути выбрались на сухой бережок.

– Привал, ребята! – сказал Николай Петрович.

Все, тяжело дыша, расселись по камням.

Орлов оглядел спутников.

Рашид сидел, забросив ногу на ногу, и, как ни в чем не бывало, попыхивал коротенькой трубкой.

По внешнему виду Норбу трудно было определить его состояние. Сдержанный шерп не проявлял свои чувства. Выражение его лица всегда оставалось непроницаемым.

Миша выглядел неважно. Парня бил озноб. Плотнo запахнув теплую куртку, он сидел, безучастно глядя куда-то в пространство.

Николай Петрович отстегнул фляжку и налил в походный металлический стаканчик немного спирта.

– Давайте-ка по маленькой, а то как бы не простудиться, – предложил он.

Все, кроме Миши, охотно выпили.

Рашид посмотрел на зоолога.

– Пей, дорогой, если не хочешь свалиться, – посоветовал он.

Тот поднес стакан ко рту, но тут же опустил руку и с отворачиванием сплюнул.

– Не могу, противно!

– А я говорю – пей! Лучше будет!

Миша решился. Зажмурив глаза, он залпом проглотил обжигающую жидкость и закашлялся.

Орлов покачал головой и вопросительно взглянул на Рашида. Тот махнул рукой.

– Не страшно, пройдет. Это горная болезнь.

Николай Петрович взглянул на альтиметр.

– Да, забрались мы выше пяти тысяч метров, – сообщил он. – Скоро выйдем к истокам реки.

После короткого перекура друзья двинулись дальше. Подъем становился все круче. Но вот, обойдя скальный выступ, они вышли из ущелья и остановились. Перед ними открылся суровый пейзаж.

На дне обширной котловины синело озеро. Причудливые пики, похожие на зубы гигантского дракона, отвесно обрывались в воду. С перевала стекал ледник. Отколовшиеся от него ледяные глыбы плавали по озеру, как небольшие айсберги. Кругом было пустынно и дико. Никаких признаков жизни, только редкие чахлые травы да лишайники прозябали на этих каменистых берегах. Вечер еще не наступил, но солнце уже скрылось за высоким хребтом и лиловые тени подчеркивали мрачность фантастического, словно перенесенного с другой планеты, пейзажа. Позади путников зияла узкая щель, будто сказочный великан ударом меча рассек горный хребет, чтобы дать выход воде из этого жуткого места.

Даже выдавший виды Рашид не мог удержаться от восклицания.

– Проклятое Аллахом место! – не то в шутку, не то серьезно произнес он.

Норбу тронул Николая Петровича за рукав и указал на Смирнова. Миша сидел, привалившись к валуну. Он как-то ссутулился, обмяк. На побледневшее лицо легли синеватые тени. Его голубые, с живым блеском глаза сейчас потускнели и казались выцветшими. Свесившаяся челка прилипла ко лбу, покрытому бисеринками пота.

После перекура в ущелье он почувствовал себя совсем плохо. Разболелась голова, затошнило, появилась неприятная слабость. Поминутно ополаскивая ледяной водой пересыхающий рот, Миша изо всех сил крепился и шел. А теперь крепкого парня свалило кислородное голодание.

– Как себя чувствуешь? – обеспокоенно спросил Орлов.

– Ничего. Вот только немного отдохну...

– Где уж там «ничего»! Раньше чем через сутки он не пойдет. Нужно привыкнуть к высоте, – заявил опытный в этих делах Рашид.

Орлов задумался. Запасов пищи в обрез. Досадно терять сутки на отдых.

– Вот что: я и Рашид осмотрим перевал, а завтра вернемся за вами, – решил Николай Петрович.

У бедного Миши глаза наполнились слезами. Он мучился, что невольно задерживает поход группы, но двинуться с места сейчас не мог. Орлов понял его состояние и, чтобы успокоить вконец расстроенного парня, сказал:

– Вам нужно остаться еще и потому, что йети может прийти к озеру. Караульте его здесь.

Норбу после быстрого подъема тоже чувствовал себя неважно и в душе был доволен решением начальника.

Ни слова не говоря, он вытащил из рюкзака палатку и стал ее устанавливать.

Чтобы идти налегке, Орлов и Рашид взяли с собой только самое необходимое.

– Пошли, Рекс! – поманил пса Николай Петрович.

Распрощавшись с Мишей и Норбу, они направились к леднику.

Тяжелый подъем изрядно измотал уставших за день друзей, а тут еще Рекс провалился в оказавшуюся под снегом трещину ледника.

Чертыхаясь по-русски и по-азербайджански, Рашид полез за визжащим где-то внизу псом. Орлов, потихоньку отпуская веревку, страховал спуск товарища.

— Ну как? — крикнул он, заметив, что веревка ослабла.

— Все в порядке! Вытаскивай! — донеслось из глубины.

Появившись на поверхности, Рекс запрыгал от радости, бросился Николаю Петровичу на грудь и чуть не сбил его с ног. По счастливой случайности пес отделался только сильным испугом и небольшими ссадинами.

В глубине трещины раздались удары — Рашид вырубал ступени в отвесной ледяной стене.

Выбравшись наверх, он бросил ледоруб и в изнеможении повалился. Орлов сел рядом.

Начало подмораживать. В ледяных гротах все реже и реже раздавался стеклянный звон падающих капель. Причудливые ледяные столбы отсвечивали зеленоватыми, голубыми и розовыми тонами. Глубокие синие тени придавали пейзажу необычный сказочный колорит. Но друзьям было не до красот. Они обеспокоенно поглядывали на хребет, из-за которого выползала багровая в лучах заката зловещая туча. Следовало поторапливаться, чтобы до наступления темноты и непогоды выйти на перевал. Приятели, не теряя времени, полезли вверх.

Внезапно Рашид остановился.

— Смотри! — крикнул он Орлову, указывая на гребень.

Оттуда, с нависшего карниза закованной в лед вершины, беззвучно сорвалась громадная снежная глыба. Скользя вниз по крутому скату, она долетела до обрыва и упала в пропасть. Высоко в небо взметнулся столб снежной пыли. Растекаясь над хребтом пламенеющим в лучах заката облаком, снег начал медленно оседать. Только сейчас прокатился глухой гул, завершившийся тяжелым ударом.

— Вот это да-а! — только и произнес Николай Петрович.

– На лавине хорошо спускаться. Сам испытал, – заявил Рашид.

– Помню. То-то ты два месяца провалялся в больнице!

– А что мне пара месяцев, если проживу сто пятьдесят лет.

– Почему же так много? – улыбнулся Орлов.

– Потому, что мои земляки живут по столько. Разве я хуже?

Несмотря на усталость, приятели нашли еще в себе силы пошутить.

Перевал встретил их завыванием ветра и метелью. Отыскав под защитой скалы относительное затишье, альпинисты кое-как установили палатку, залезли в нее и забылись тяжелым беспокойным сном.

Глава 7

Наутро друзья почувствовали себя значительно бодрее. Рашид первым вылез из палатки и огляделся. Небо прояснилось, ветер стих. Девственная белизна свежеевыпавшего снега слепила глаза.

Раздевшись до пояса, закаленный горец с ожесточением принялся растираться снегом.

Орлов смотрел из палатки, как под смуглой кожей Рашида играют крепкие мускулы, а на спине дрожат капельки. Сам он сегодня был не способен на подобный подвиг. От одного вида полуголого приятеля у молодого ученого пробежал по спине озноб.

– Ну, как ты меня находишь? – спросил Рашид.

Николай Петрович, зябко поеживаясь, выбрался наружу.

– Молодец все же ты! – с хорошей завистью похвалил он друга и, захватив пригоршню снега, начал растирать лицо.

Рашид натянул рубашку, свитер, заправил их в брюки и огляделся, ища Рекса.

– Погляди, пес что-то нашел! – тронул он Орлова за плечо.

Тот поднял голову. Фыркая и тыкаясь носом в снег, Рекс что-то вынюхивал. Приятели направились туда.

– Николай! Что это? – воскликнул подошедший первым Рашид.

На выпавшем за ночь снегу отчетливо выделялись характерные пятипалые отпечатки, с отставленным во внутреннюю сторону хорошо развитым большим пальцем. Рядом виднелись следы меньшего размера. У Орлова даже дух перехватило от волнения.

– Проспали! Позорно проспали двух йети! – с отчаянием крикнул он, схватившись за голову.

– Да, они прошли недавно. Но как же их прозевал Рекс? – почесывая затылок, недоумевал Рашид.

– Что Рекс! Ветер был не с их стороны, потому и не учуял. Какая досада! – и, обычно сдержанный в выражениях, Орлов на этот раз крепко выругался. Приятели опустили на колени, чтобы лучше рассмотреть следы.

– Тут были взрослый и молодой! – сказал Николай Петрович.

– А может быть, он шел со своей Зулейкой, – предположил Рашид.

– Может быть и так. Давай-ка за ними!

Друзья быстро сняли палатку и бросились в погоню.

Цепочка следов пересекла перевал, а затем пошла вверх.

– Черт побери! – ворчал Орлов. – Куда же их понесло?

– Прямо к шайтану в зубы, – ответил Рашид, указывая на острые оледенелые клыки хребта.

С трудом карабкаясь по крутому фирновому склону, они выбрались к острой, как нож, скальной перемычке, соединяющей два пика. Ее скаты были почти отвесны, на них едва удерживался снег. Друзья связались веревкой. Орлов взял Рекса на руки и осторожно пошел вперед. Рашид, следуя за ним, страховал приятеля.

До конца опасного перехода осталось несколько шагов, как вдруг, поскользнувшись, Николай Петрович сорвался, вскрикнул и покатился вниз. Рашид моментально бросился с перемычки в другую сторону. Рывок! Падение прекра-

тилось. Оба лежали на противоположных головокружительных скатах.

– Николай, ты цел? – крикнул Рашид.

– Цел!

– А Рекс?

– Тоже.

– Лежи, не двигайся!

Рашид, ловко подтягиваясь, поднялся по веревке кверху и закрепился на перемычке.

– Лови! – бросил он крепкий запасной шнур.

Орлов поймал конец шнура и обвязал Рекса вокруг туловища.

– Готово! Тащи!

Когда они выбрались, Николай Петрович с благодарностью взглянул на Рашида и крепко пожал ему руку.

Скоро альпинисты вышли на обширное снежное плато. Следы вели к северо-восточным вершинам. Друзья остановились.

– Наверное, йети ушли за хребет, – предположил Николай Петрович.

Рашид взглянул из-под ладони.

– Да, больше им идти некуда, – согласился он.

– Вот что: возвращайся быстро назад и веди остальных, а я с Рексом пойду по следу. Буду вас ждать вон у той седловины, – указал Орлов. – Перейти хребет можно только там.

– Нет, генацвале! Я от тебя не уйду. Ты имеешь привычку соваться к шайтану в пасть, – решительно возразил Рашид, вспомнив, как Орлов хотел один лезть в пещеру.

Николай Петрович опешил. В экспедиции еще не было случаев неподчинения.

– Да пойми же! Нельзя тех оставить у озера, и еда у нас с тобой кончается, – сдерживая нарастающее раздражение, попытался он урезонить Рашида.

– Так не пойдет, – стоял на своем Благоев. – Одному тебе идти нельзя.

Орлов начал терять терпение.

– Что же ты предлагаешь? – резко спросил он.

– Вернемся к озеру, как договорились, и пойдем все вместе.

– Черт побери! Неужели ты думаешь, что йети будут нас дожидаться!

– Не кричи! Найдем других. А подыхать из-за них не будем.

Молодой ученый был вне себя от неожиданного упрямства приятеля, хотя в душе и чувствовал, что тот рассуждает здраво. С усилием овладев собой, Орлов решился на последнее средство. Сощутив глаза, он пристально посмотрел на Рашида злым, колючим взглядом и процедил сквозь зубы:

– Я понял. Ты боишься один идти через ледник.

Удар попал прямо в цель.

Болезненно самолюбивый горец побледнел и сжал кулаки.

– Ну, знаешь!.. – задыхаясь от гнева, проговорил он. Потом опомнился, сорвал рюкзак и, вытащив оттуда пакет с оставшейся пищей, бросил его к ногам Николая Петровича.

Ни слова больше не говоря, Рашид забросил рюкзак за плечи, повернулся и быстро, почти бегом, зашагал прочь.

– Рашид! – крикнул ему вслед Орлов и почувствовал, как волна жгучего стыда заливает румянцем щеки.

Не оборачиваясь, обиженный до глубины души, горец уходил к перевалу.

– Рашид, друг дорогой! Прости! – прошептал Николай Петрович. Потом нагнулся и поднял лежащий на снегу маленький кулек.

Вечерние сумерки сгустились, когда Орлов добрался до конца плато. После утомительной ходьбы по рыхлому подтаявшему снегу болели ноги.

Досадуя, что до наступления темноты ему не удалось догнать загадочных животных, молодой ученый принялся устанавливать маленькую палатку.

Тяжело дыша и вывалив розовый язык, Рекс улегся рядом на снег.

– Ну вот, ночлег и готов. Так что ли, Рекс? – усмехнулся Николай Петрович.

Общительный по натуре, он, за неимением собеседника, разговаривал с умной овчаркой. Услышав свое имя, Рекс насторожил уши и вильнул хвостом.

Орлов развязал рюкзак и огорченно взглянул на остатки еды. Четыре сухаря и несколько плиток шоколада, да еще и курево кончилось...

– Ничего не поделаешь, дружище. Придется подтянуть животы, – сказал молодой ученый и дал Рексу сухарей. Шоколад он решил оставить на завтрак.

После скудного ужина Орлов с Рексом забрались в палатку и прижались друг к другу. От переутомления и разряженного воздуха Николай Петрович никак не мог уснуть. Заложив руки за голову, он лежал и смотрел через щель палатки на мерцающую холодную звездочку. Недавняя ссора с Рашидом не выходила из головы. Молодого ученого мучила совесть.

– Нехорошо получилось. Экая я все-таки свинья! – проворчал он вслух.

Незаметно к нему подкралось щемящее чувство одиночества. Вспомнилось уютное кресло у письменного стола, ряды поблескивающих золотом томов на полках в кабинете... Потом возникли родные образы. Как бы снова ощутил он прощальный поцелуй жены и нежное щекочущее прикосновение пальчиков дочки.

Лола держала на руках маленькую Лидочку, похожую в своей меховой шубке на забавного медвежонка. Она взяла дочку за руку и махала ее маленькой ручонкой.

– Прощайся с папой. До свидания! До свидания! – шептала улыбаясь Лола, а у самой на ресницах дрожали слезы. От этих воспоминаний стало еще тоскливее.

Обнимет ли он своих любимых или останется навсегда в этих суровых горах?

– Тьфу! – встряхнулся Николай Петрович, отгоняя минутную слабость. Придет же в голову такое!

Погладив вскочившего было Рекса, он натянул на голову капюшон мехового костюма и повернулся на бок.

Глава 8

Восход застал Орлова бодро шагающим вверх к седловине. Ночью на высокогорье сильно подморозило. Идти было легко, ноги не проваливались. Рекс уверенно тянул за поводок. Около гранитного утеса он остановился и принюхался. Николай Петрович заметил на скальной площадке несколько клочков бурой шерсти. Дальше следы были значительно свежее.

«Здесь они отдыхали», — отметил про себя Орлов.

Петляя между торчащими по склону каменными кинжалами, Рекс вел вверх. После полудня, выйдя на седловину, Николай Петрович снял светофильтровые очки и осмотрелся. Вдали тонуло в легкой дымке холмистое зеленое плоскогорье. Прямо под ногами, в глубине пропасти раскинулся обширный, заваленный снегом горный цирк.

Дул пронизывающий ветер. Небо затягивалось облачной пеленой. Солнце просвечивало сквозь нее тусклым расплывчатым пятном. Опасаясь, что начавшаяся поземка заметет следы, Орлов решил нарушить уговор. На листке блокнота он написал друзьям, что идет дальше и просит их следовать за ним. После этого сложил на видном месте каменный тур, вложил в табакерку листок и спрятал ее под камни.

— Ну, Рекс, пошли! — сказал он.

Умный пес вильнул хвостом и устремился вперед. Цепочка следов, спускаясь с седловины, пересекала забитый снегом крутой кулуар. Подойдя к его краю, Рекс, повизгивая, остановился. Орлов понял опасения собаки. Пес инстинктивно чувствовал опасность перехода через подтаявший за день, едва державшийся в желобе снег. Йети перешли опасное место ночью при морозе, не рискуя вызвать обвал. Николай Петрович остановился в раздумье. Другого пути в обход желоба не было. Ждать, когда подморозит, было равносильно прекращению поисков. Скоро должна разыгаться пурга, и тогда следы заметет. Орлов не мог допустить мысли о прекращении преследования. Вся его

волевая натура бывшего офицера-пограничника протестовала против этого, тем более, что на поиски другого йети времени не оставалось. Сейчас от его решения зависел успех экспедиции. Все эти мысли быстро промелькнули в голове и заставили молодого ученого пойти на риск.

– Вперед, Рекс! – скомандовал Орлов.

Осторожно ступая, они направились через желоб. Противоположная сторона медленно приближалась. Уже были отчетливо видны следы выбравшихся на склон йети, как вдруг снег под ногами шевельнулся. Николай Петрович с ужасом почувствовал, что скользит вниз.

Снежная глыба, на поверхности которой находился человек с собакой, медленно тронулась по кулуару. Увлекая за собой все новые и новые массы, она росла, с каждой секундой увеличивая скорость падения; и вот громадная лавина, грохоча и сметая все на своем пути, тяжело рухнула на дно горного цирка. Последнее, что увидел Орлов, были мелькающие в бешеном хороводе скалы. Потом что-то тяжело ударило в грудь, и он провалился в черную немую мглу.

Глава 9

Аур и Улу не стали спускаться с перевала к озеру, там не было пищи. Они пересекли плато и, не доходя до седловины, остановились на отдых. На этой высоте, среди голых скал, снега и льда ничего не росло. Не было здесь пицух и жирных сурков; только изредка, спасаясь от преследования волчьих стай, сюда забегали горные козлы.

Суровая природа не баловала йети. Живя на высокогорье, они привыкли к лишениям и легко обходились без пищи по несколько суток, поэтому днем семья Аура спала, нежась на согретой солнцем каменной площадке. Они тронулись в путь, когда стало смеркаться. Аур вел семью к зеленому холмистому плоскогорью. Спустившись на альпийский луг, йети до утра утоляли голод съедобными расте-

ниями и ловили мелких грызунов. С восходом солнца они спрятались в уютом месте среди скал.

Чтобы не дать кому-либо застать себя врасплох, Аур время от времени осторожно выглядывал из-за камней. Уже перешло за полдень, как вдруг, на седловине, через которую они прошли этой ночью, острые глаза Аура заметили человека. Он шел с перевала вниз, направляясь в их сторону. Старый йети проворно вскарабкался на скалу. Теперь был хорошо виден и сам человек и бежавший впереди него, похожий на волка зверь, точно такой же, как тот, что напал на Аура. Глаза йети злобно засверкали. Оскалив зубы, он тихо зарычал. Сомнений не было, их преследовали. Нужно немедленно уходить. Опустившись на зад и отталкиваясь длинными руками, он быстро скатился по снегу вниз, к тому месту, где спала Улу с маленьким Иу. Аур разбудил ее гортанным звуком, означающим опасность, и когда увидел, что она уходит, снова залез на скалу. Он остался для того, чтобы отвлечь внимание человека на себя. Ему легче будет уйти от него, чем Улу, несущей детеныша.

Человек с небольшим серым зверем приблизился к желобу, остановился было у его края, но затем пошел вперед. И тут йети увидел, как преследователи, чуть видные за клубами снежной пыли, пронеслись мимо скалы и исчезли в глубине котловины.

Животные, попавшие в лавину, почти всегда погибают, но осторожность заставила Аура спуститься вниз и узнать, живы ли они? Нужно ли их опасаться?

У подножия обрыва высился громадный снежно-каменный завал. Около него Аур заметил неподвижно лежащего на спине, полузасыпанного снегом человека. Серого зверя нигде не было, его, очевидно, погребло лавиной. Старый йети подкрался к преследователю, но тут же отскочил. Человек приподнял веки и взглянул, затем зажмурился, пошевелил головой, застонал и, снова открыв глаза, изумленно уставился на Аура.

Некоторое время они смотрели друг на друга, потом человек сделал попытку встать, но со стоном упал обратно.

Йети отскочил еще дальше и хотел было скрыться, но, поняв, что его преследователь беспомощен, остановился, наблюдая за ним издали.

Вдруг раздался голос человека. Непонятные звуки речи вызвали в душе старого йети целую бурю каких-то новых незнакомых чувств. Голос манил к себе и с непреодолимой силой вызывал в мозгу полуживотного сложные ассоциации, похожие на мысли разумного существа. Аур теперь не боялся этого человека, наоборот, его влекло к нему сильное незнакомое чувство. Он понял, что должен помочь попавшему в беду, но не знал, как это сделать. В сильном волнении йети метался, издавая гортанные звуки, страдая от невозможности понять речь. Случайно он взглянул вверх и заметил далеко, на краю желоба, людей. Внезапно что-то оседало Аур, и он, не колеблясь, бросился к ним. Люди были еще на том же месте, когда йети, недалеко от них, осторожно выглянул из-за валуна. Они рассматривали снег и о чем-то переговаривались. И тут Аур решился на, казалось бы, невозможные для него действия – он резко крикнул. Люди, как по команде, обернулись, йети крикнул снова и, когда они побежали в его сторону, стал спускаться. Искусно прячась за камнями, заманивая людей криками, он вел их к лежащему внизу беспомощному человеку.

У завала Аур снова взглянул в широко раскрытые глаза раненого, спрятался за утесом и в последний раз пронзительно крикнул. Люди сбегали вниз и, услышав стон, склонились над лежащим.

Аур, быстро пробираясь между скалами, догонял ушедшую Улу. У вершин злобно завывал ветер. В горах начиналась пурга.

Уильям Сэмброт

СНЕЖНОЕ ВИДЕНИЕ

Эд Маккейл с трудом выпрямился под грузом камер и оборудования, щурясь от безжалостного порывистого ветра, вглядываясь, всматриваясь, обводя глазами бесконечное пространство снегов и иззубренных, иссеченных ветром скал. Поиск, непрерывный поиск с камерами наготове, как и все последние два месяца.

Ничего. Ничего, кроме навевающего восторг и трепет величия гималайских высот, что вздымаются со всех сторон на целые мили и простираются от горизонта до горизонта; вершины увенчаны гигантскими знаменами из белых снежных перьев, которые струятся по ветру и ярко выделяются на фоне темно-синего неба. Глядя на непревзойденную красоту пейзажа, Эд машинально подумал о диафрагме, фокусном расстоянии, цветофильтрах — и так же машинально отбросил эти мысли. Он поднялся сюда, на крышу мира, чтобы сфотографировать кое-что бесконечно более сенсационное, если только это «кое-что» удастся найти.

Отряд остановился, растянувшись вдоль заснеженного, отсвечивавшего голубизной гребня; тени людей падали в бездонные пропасти справа и слева. Эд втянул воздух. Двадцать тысяч футов: довольно высоко, если вдуматься, хотя многие пики вокруг поднимались на десять тысяч футов над ним.

Носильщики-шерпы впереди (каждый — замечательный портретный кадр: заразительные улыбки с провалами на месте выпавших зубов, морщинистая кожа, коричневые лица), сгибаясь под колоссальной для такой высоты тяжестью поклажи и опираясь на палки, терпеливо дожидались решения доктора Шенка. Сам доктор Шенк, глава экспедиции, вновь спорил с проводниками. Дыхание вырывалось хлопьями пара у него изо рта, он размахивал руками и указывал вниз.

Все было ясно — как видно, Шенк собрался возвращаться. И он был в своем праве, это-то Эд хорошо знал. Шенка наняли на два месяца, и точка. Два месяца они сражались со снегами и льдами, перебирались через расщелины ледников, карабкались на гибельные отвесы мрачных, разбитых ветрами скал, уходивших нескончаемыми грядами

к Тибету и неведомым землям за ним. Два месяца прошли в поисках следов — там, где никаких следов быть не могло. Поисках запаха, помета, чего угодно, что указало бы на присутствие существ, отличных от людей. Все без толку.

Два месяца — и ничего. Громадная, жирная дырка от бублика.

Экспедиция была обречена на провал. Самое тупое задание всех времен и народов, сразу понял Эд два месяца назад, в нью-йоркской конторе иллюстрированного журнала, когда большой босс протянул ему через стол размытую фотографию и начал излагать диковинные подробности дела.

Фотография, с серьезной миной поведал босс, была сделана в Гималаях, на высоте двадцати одной тысячи футов, пилотом планера, пролетавшего над той местностью.

— Планера, значит, — уклончиво произнес Эд, глядя на нечеткий увеличенный снимок обширного пространства, состоявшего из снега и скалистых выступов и испещренного резкими пятнами света и тени, словом, чего-то похожего на плато в форме чаши. Посередине виднелась группа неясных крошечных фигурок, затерявшихся среди громадных ледяных башен. Эд присмотрелся внимательней. Люди, что ли? А если люди, то куда подевалась их одежда?

— Планера, — твердо повторил босс. Пилот, сказал босс, маневрировал в восходящем потоке воздуха, пытаясь совершить невероятное — пролететь над Эверестом на самодельном планере. Ширококрылый планер не смог подняться так высоко, однако же, беззвучно порхая в поисках восходящих потоков, миновал остроконечный зубец; там, менее чем в тысяче футов под крыльями, пилот заметил какое-то движение — а ведь двигаться в тех местах ничего не могло. Пилот, сухо излагал босс, спустился ниже и к своему изумлению увидел «существ, которые в точности походили на играющую в снегу, на высоте двадцати одной тысячи футов, группу голых мужчин и женщин». Пилот был достаточно хладнокровен и успел, пока существа не скрылись, сделать несколько снимков. Удалось проявить лишь один негатив.

— Эти штуки нечеткие, — сказал Эд, глядя на снимок с профессиональным презрением. — Думаю, он пытается вас надууть.

— Ничего подобного, — возразил босс, — парня мы проверили. Он в самом деле летал там на планере. Эксперты изучили увеличенный снимок вдоль и поперек. Картинка подлинная. Это голые, двуногие, прямоходящие существа.

Он раздраженно перевернул снимок.

— Я не могу это напечатать. Мне нужны крупные планы, мне нужно действие, в общем, все то, чего ждут от нас подписчики.

Босс медленно раскурил сигару.

— Привези мне несколько фотографий, которые я смогу опубликовать, Эд — и проси что угодно.

— Вы хотите, чтобы я забрался на Эверест, — осторожно заметил Эд, стараясь подавить в голосе сарказм, — нашел эту вот лужайку, — постучал он пальцем по поддельной фотографии, — и снял, как вы их назвали... двуногих, прямоходящих существ, верно?

Босс откашлялся.

— Не на Эверест, Эд. Это Гауришанкар, одна из вершин в районе Эвереста. Всего-навсего двадцать три тысячи футов или приблизительно около того.

— Гм... довольно приблизительно, — сказал Эд.

Босс принял страдальческий вид.

— По правде говоря, это даже не Гауришанкар, а один из меньших пиков массива Гауришанкар. Он намного ниже двадцати трех тысяч. Пустяк для такого бравого ветерана десанта, как ты, Эд.

Эд поморщился, и босс продолжал:

— Тот парень, пилот планера, не сумел точно определить место, но нарисовал вполне подробную карту местности — за вполне разумную цену. Мы проверили его данные в Американском альпийском клубе; они совпадают с их общими картографическими набросками. Несколько экспедиций проходили поблизости, но в этом месте, как мне сообщили, никто не бывал. Добраться туда нелегко, не спорю, но местность все же доступней Аннапурны или К-2.

Он задумчиво втянул в себя сигарный дым.

— Альпийский клуб говорит, что у нас осталось всего лишь около двух месяцев хорошей погоды, а затем начнутся неизбежные муссоны. Так что время, по их словам, становится важным фактором. Но двух месяцев, Эд, для такого дела более чем достаточно. Все будет по первому классу — мы даже запаслись этими новыми газовыми ружьями, которые стреляют иглами со снотворным или чем-то вроде того. Снаряжение мы перебросим в Катманду и все, что возможно, сбросим с парашютами на пути к вашей базе, — тут босс покосился на карту, — в Намче-Базаре, деревне шерпов, расположенной на высоте двенадцати тысяч футов.

Он приветливо улыбнулся Эду.

— Поселок лежит в паре недель пути, то есть подъема, от ближайшей железнодорожной станции, что позволит вам отлично акклиматизироваться. В Намче полно опытных носильщиков, все шерпы. Мы наняли несколько альпинистов со стажем, знакомых с Гималаями. Руководить экспедицией будет доктор Шенк, лучший в своей сфере.

— И какова его сфера? — угрюмо осведомился Эд.

— Зоология. Чем бы ни были эти существа на снимке, они животные, и это его епархия. Все подпишут бумагу о неразглашении. Только тебе одному будет позволено фотографировать. Это может стать венцом твоей карьеры, Эд — если наши существа в самом деле те, каковыми я их *считаю*.

— Кто же они, по-вашему?

— Незвестный вид человека или первобытные предки людей, — ответил босс. Эд благоразумно промолчал. Через два месяца все выяснится.

Но два месяца спустя ничего не выяснилось.

О да, по пути наверх они слышали от непальцев немало самых нелепых слухов. Те шепотом рассказывали о двуногом существе, ходившем прямо, как человек. О чудовище, которое шерпы называли йети. Легенды. Станные встречи. Барабанный бой, звучащий на заснеженных высотах. Обрывки дикарских песнопений, доносящиеся с вершин, недоступных обычным людям. И конкретный факт: наложенный буддийскими монахами запрет на убийство любого

живого существа в высокогорных Гималаях. О каких существах могла идти речь? — недоумевал Эд.

Истории, легенды и ничего более.

Два месяца. С тропических равнин, через пышные, экзотические джунгли, где солнце едва пробивалось сквозь ветви огромных деревьев, увешанных орхидеями. Два месяца. После засушливые предгорья, где растительность резко сошла на нет, а место ее заняли камни и ветер. Вверх, все время вверх, к первому снежному насту. И еще выше, по маршруту, проложенному пилотом планера. (Интересно, раздумывал Эд, что может заставить человека попытаться пролететь над Эверестом на самодельном планере?)

За эти два месяца Эд окончательно невзлюбил доктора Шенка. Высокий, замкнутый, Шенк распространял вокруг себя сильный запах формалина, и все в мире ограничивалось для него позвоночными и беспозвоночными.

И теперь, стоя на иссеченном ветрами гребне, откуда в пропасти по обеим сторонам рушились тени, Эд наблюдал сквозь обледеневшие очки, как Шенк спорит с проводниками. Зоолог указал на находившийся чуть выше уступ, и шерпы послушно двинулись туда. Должно быть, уступ станет последним привалом. Два месяца истекли несколько дней назад, и Шенк мог с полным правом положить конец экспедиции. Только заверения Эда, что неуловимое плато вот-вот покажется, помешали Шенку повернуть назад в назначенный срок; да еще, пожалуй, пылкая мечта навеки вписать свое имя в историю зоологии, открыв новое, двуногое, прямоходящее — что?

Но и следующее плато, и следующее за ним, и все остальные были так же пустынные, как и оставшиеся позади.

Полный провал. Неведомые существа, которых сфотографировал планерист, так и останутся неведомыми.

И все-таки, медленно бредя к носильщикам, устанавливавшим яркие синие и желтые нейлоновые палатки, Эд испытывал странное чувство: причудливая скала впереди казалась ему очень похожей на ту, что была изображена на размытой фотографии. Эд обладал безошибочной памятью на снимки и сразу вспомнил высокий зазубренный конус,

отбрасывавший на снег плато четкую тень, которая указывала прямо на группу существ в центре фотографии.

Но Шенк не желал больше слышать ни о каких плато. Он яростно замотал головой, и покрытые белой коркой мази губы прочертили суровую линию на его обожженном солнцем лице.

— Последняя стоянка, Эд, — отрезал он. — Мы договорились, что это плато будет последним. Я и так на неделю отстаю от графика. Если угодим в муссоны, при спуске могут начаться серьезные трудности. Нужно возвращаться. Я хорошо понимаю, что ты чувствуешь, но наша экспедиция, боюсь, завершена.

Тем вечером, под неумолчное завывание ветра, вгрызавшегося в полотнище палатки, они поглубже зарылись в спальные мешки и разговорились.

— Все эти рассказы должны основываться на каких-то фактах, — сказал Эд доктору Шенку. — Я много об этом думал. Не замечал ли ты, что все наблюдения, все встречи лицом к лицу между местными и этими... неизвестными... обычно происходили, по словам шерпов, на рассвете и как правило тогда, когда местный житель был один?

Шенк недоверчиво улыбнулся.

— Чем бы ни было это существо — а я убежден, что это разновидность крупного медведя или какой-либо большой антропоид — оно, несомненно, будет держаться в стороне от хорошо известных маршрутов. На этих пиках не так много перевалов и троп, и существа могут легко их избегать.

— Но мы сейчас далеко от проторенных троп, — задумчиво заметил Эд. — Мне кажется, наши методы в корне неверны. Мы развернулись целым отрядом и искали на снегу следы. И в результате известили о своем прибытии все в округе, что только имеет уши. Пилот с планера не производил никакого шума и наткнулся на них неожиданно.

Эд пристально поглядел взгляд на Шенка.

— Я хотел бы осмотреть ту скалу впереди и плато за нею.

Когда Шенк издал протестующий возглас, Эд добавил:

— Погоди. На этот раз я пойду сам. Возьму одного проводника-шерпу. Мы можем выйти за несколько часов до рас-

света. Никакого снаряжения, только кислород, припасы на один привал — и мои камеры, конечно. Двигаться будем в полном молчании. К полудню вернемся. Согласен подождать и позволить мне еще одну, последнюю попытку?

Шенк колебался.

— Всего лишь несколько часов, — взмолился Эд.

Шенк посмотрел на него и медленно кивнул.

— Согласен. Но ты, кажется, забыл о самом важном.

Эд ничего не понимал. Шенк улыбнулся:

— Газовое ружье. Если встретите существо, нам понадобятся доказательства посolidнее, чем твои слова.

Стояла почти безветренная и безлунная, но морозная, дышащая холодом открытого космоса погода, когда Эд и носильщик-шерпа покинули спящий лагерь и двинулись по разбитому льду ледяной реки, стекавшей с вершины зубчатой скалы.

Они шли вверх, слыша только поскрипывание ремней, характерные шуршащие звуки, с какими кошки погружались в слежавшийся снег, и редкие глухие удары падавших обломков льда. На востоке уже виднелась тонкая серая линия; до рассвета оставалось несколько часов, но на этой невероятной высоте солнце вставало рано. Они шли медленно, вдыхая сквозь шерстяные маски разреженный воздух, немилосердно впивавшийся в легкие, и поднимались все выше и выше.

Затем они остановились, чтобы подкрепиться горячим шоколадом из термоса, и Эд хлопнул шерпу по плечу, улыбаясь и указывая на зубчатый пик, светившийся розовым и золотом в первых косых лучах солнца. Шерпа посмотрел на скалу и быстро перевел взгляд на небо. Он с тревогой оглядел тучи, собиравшиеся на востоке, что-то пробормотал и указал вниз, туда, где в чернильной тени огромных валунов прятался лагерь.

Эд снова двинулся вверх, и шерпа отвязал соединявшую их длинную нейлоновую веревку. Путь сделался относительно ровным и пролегал по громадной, раздавшейся вширь поверхности заснеженного ледника у подножия пика. Шер-

па, который вначале шел ведущим, начал теперь отставать, но Эд лишь прибавил шагу.

Взошло солнце, а с ним поднялся и ветер, резкий, жальщий, несущий запах близкого снегопада. На востоке, за зубцом скалы непосредственно впереди, колоссальные откосы Гималаев скрылись в надвинувшейся туче. Эд спешил, как мог. Будет снегопад, и очень скоро. Ему нужно было торопиться.

Но небо над головой было синим, бесконечно синим, и позади солнце поднялось совсем высоко, хотя лагерь все еще окутывала ночная тьма. Впереди и близко от него высилась скала; ее огибала проделанная, казалось, самой природой тропа.

Миновав небольшой гребень, сложенный из красноватого битого камня, Эд огляделся. Перед ним расстиралось плато с пологими склонами, чаша естественного амфитеатра, заполненная глубоким, ровным снегом; со всех сторон ее окружали скалы, главный зубец отбрасывал к центру плато длинную, черную тень. Шерпа остановился намного ниже, и лицо его казалось издали темным пятном; он смотрел вверх и отчаянно жестикулировал, указывая на тучи. Эд дернул головой, повернулся и прислонился к скале, рассматривая плато.

Гигантская тень на снегу безусловно напоминала ту, на снимке, но только сейчас она указывала на запад; позже, когда солнце сместится южнее, она сдвинется к северо-западу. И тогда все станет точно как на... Он резко вдохнул, раздирая легкие.

Он глядел, щурясь от крепнущего ветра, словно прилетавшего с крайних пределов земли. Три фигуры, едва различимые на фоне снега и изъеденных ветрами скал, чуть пошевелились и внезапно обрели резкость. Три фигуры не более чем в ста футах под ним. Две маленькие, третья побольше.

Он наклонился вперед. На высоте двадцати тысяч футов его сердце билось громовыми ударами. Он трясся от волнения. Господи Боже мой, так это правда! Они живут, су-

ществуют. Перед ним, несомненно, была самка и два детеныша — кого? Обезьяны?

Они были покрыты пушистым, почти белым мехом, более всего напоминавшим плотно облегающее трико. За исключением волос на теле, самка во всем походила на любую женщину. Не выше большинства женщин, руки немного длиннее и более мускулистые. И бедра тяжелее, а ноги, по отношению к туловищу, короче. Груды полные и налитые.

Нет, это не обезьяны.

Застыв, затаив дыхание, Эд глядел на них, щуя глаза. Не обезьяны. Те не держатся так прямо. У обезьян нет такого широкого, высокого лба. Малыши возились рядом с матерью и, без сомнения, вели себя разумно. Обезьяны на такое не способны. Как и на — и увидев это, Эд задрожал, почувствовав ледяной холод скалы — внезапный ласковый порыв, с каким женщина подняла малыша и прижала его к груди, отводя волосы с лица движением, присущим любовью матери на земле. Удивительно нежный жест.

Кто были они? Нечто меньшее, чем люди, не такое развитое? Возможно. Ему почудилось, что мать, лаская малыша, тихонько рассмеялась. Звук потряс его. Доктор Шенк уверял, что ни одно животное не умеет смеяться настоящим смехом — только человек.

Но они смеялись, эти трое, и слыша это, видя, как мать щекочет малыша, а тот извивается от восторга, Эд осознал, что в лице этих чудесных созданий внизу, в идеальном обрамлении, идеальном освещении, ему выпала честь созерцать одну из самых сокровенных тайн земли.

Ему давно следовало начать съемку; затем нужно выстрелить в них из газового ружья, усыпить всех троих и отправить шерпа вниз за доктором Шенком и остальными. Тучи собирались, нависая необъятными сине-черными массами. Первые хлопья снега, большие и мокрые, уже упали ему на лицо.

Но он еще долго оставался неподвижен, не желая хоть чем-либо разрушить гармонию, щемящую чистоту развернувшейся перед ним сцены, так живо подчеркнутой ярким

светом и глубокими тенями. Женщина, небрежно прижав малыша к бедру, выпрямилась и заслонила глаза рукой. Эд улыбнулся. Неискушенная, но отлично позирует. Она пристально глядела по сторонам, явно высматривая что-то среди огромных скал. После она замерла.

Она смотрела прямо на него.

Эд обратился в камень, хотя и знал, что непроглядная тень высокой скалы позади надежно скрывает его. Она все еще смотрела прямо на него и затем медленно подняла руку.

Она помахала рукой.

Эд неудержимо дрожал под пронзительным ветром, пытаясь сохранить неподвижность. Младшие вдруг стали подпрыгивать, проявляя все признаки радости. И вдруг Эд понял.

Он медленно, очень медленно повернулся, чувствуя себя так, словно в грудь погрузился ледяной нож, и менее чем в пяти ярдах от себя увидел самца.

Тот был огромен и более чем вдвое превышал по размерам самку. (В замешательстве Эд вспомнил краткую лекцию Шенка, прочитанную, казалось, тысячелетия назад, в поразительной тропической роще далеко внизу, где в непредставимом изобилии росли рододендроны и над головой порхали громадные бабочки. «У первобытных людей, как и у современных больших обезьян, — сказал тогда Шенк, — особи мужского пола были гораздо крупнее особей женского».)

О газовом ружье, надежно притороченном к рюкзаку, нечего было и думать. Эд мог только смотреть, зная, что ничем не сможет защититься от этого существа ростом в восемь футов, чьи руки были сравнимы по толщине с бедрами самого Эда, а глаза (Господи — голубые глаза!) сверлили его взглядом. В них светился дикарский разум — и что-то еще.

Существо (человек?) не бросилось на него, и Эд глядел, трудно, быстро и неглубоко дыша, отмечая глазами фотографа гигантский объем грудной клетки, вздымавшейся и опадавшей от неторопливого дыхания, большие, квадратные,

белые зубы, сумрачное выражение лица. На плечах, груди и спине вился длинный, песочного цвета мех, переходивший в белесую поросль на остальных участках великолепного торса. Уши довольно маленькие, прижатые к голове. Короткая, толстая шея поднималась по прямой линии вверх от широких плеч к задней части головы. Пальцы ног длинные и определенно цепкие.

Они молча глядели друг на друга через бездну времени и таинств. Человек и — что? Как долго, думал Эд, простоял он там, наблюдая за ним? Почему не напал? Может, он ждал, что Эд сделает какой-либо угрожающий жест, нацелит ружье или камеру? Эд различил в этих длинных, раскосых глазах спокойную уверенность и вознес молчаливую благодарственную молитву; было вполне очевидно, что потянувшись он к камере или ружью, это движение стало бы для него последним.

Они смотрели друг на друга сквозь завесу падающего снега, и внезапно между ними установилось совершенное, мгновенное понимание. Эд отвесил неуклюжий, неловкий полупоклон и отступил назад. Огромное существо стояло, не двигаясь, лишь наблюдая, и тогда Эд совершил нечто странное: протянул вперед руки ладонями кверху, криво усмехнулся, быстро нырнул за выступ скалы и начал спускаться, спотыкаясь и скользя на склоне. Несмотря на резкий, несущий колючий снег ветер, он был весь в испарине.

Один раз Эд все же оглянулся. Никого. Только все более плотная светящаяся завеса снега заволакивала скалу, стирая все следы, любое доказательство того, что кто-то, что-то находилось там минуту назад. Только снег, только скалы, только ветер и вечная тишина вершины мира.

Больше ничего.

Шерпа карабкался к нему снизу, торопясь поскорее вернуться. Не произнося ни слова, они обвязались веревкой и стали ощупью, спотыкаясь, спускаться в связке вниз к последней стоянке экспедиции. Лагерь уже свернули, шерпы готовились тронуться в путь. Шенк, проходя мимо, помедлил и бросил на Эда вопросительный взгляд.

Что Эд мог ему сказать? Шенк был ученым и требовал материальных доказательств. Если не труп, то по крайней мере фотографии. Но единственные фотографии Эда были выгравированы в его сознании, а не запечатлены на пленке. И даже если бы он сумел убедить Шенка подождать до окончания бури, гигант был теперь предупрежден и, конечно, исчезнет. На каком-нибудь далеком пике, где-нибудь в уединенной долине будут раздаваться отзвуки смеха его малышей.

Ничуть не сокрушаясь по этому поводу, Эд еле заметно мотнул головой в ответ на взгляд Шенка. Зоолог тут же пожал плечами, повернулся и исчез в густом снегопаде. Эд потащился следом.

На протяжении всего трудного спуска в эту первую большую бурю, перехода через ледники и влажный, жаркий тропический лес, Эд думал о гиганте, оставшемся там, наверху, где воздух был разрежен и чист.

Кем и чем был он, его народ? Жертвы крушения, навсегда оставшиеся пленниками этой планеты и мечтающие о далекой, недостижимой родине?

Или прямые выходцы из плейстоцена, начала начал человечества, когда все расы подобных людям созданий были гигантами, которые не сумели или не пожелали свернуть на путь, сотворивший их меньших и более разумных соперников, и были вынуждены отступать все выше и выше, все дальше и дальше, пока у них не остался один-единственный уголок земли — вершины Гималаев?

А может, он и его род были последним резервом Земли: еще не люди, ждущие начала новой главы в бесконечной и таинственной земной истории?

Кем бы ни был гигант, его тайна в надежных руках, размышлял Эд. Да и кто поверил бы, даже вздумай он рассказать?

Кэрол Эмшвиллер

ОТВРАТНЫЕ

Мы продвигаемся в глубь неведомой земли нарочито беззаботной походочкой. Локти выставлены, руки в боки. Картинно опираемся ногой на любой подходящий камень. Слева все время река, как нам и говорили. Справа все время холмы. У каждой телефонной будки останавливаемся и звоним. Связи часто нет из-за ураганных ветров и льда. Командор говорит, что мы уже в зоне контакта. Пора, сказал он нам по телефону, искать те странные двойные следы — маленькие, почти мальчишеские, и необычайно изящные. «Залезайте на деревья», — говорит Командор, — «или на телефонные столбы, в общем, куда получится, и выкрикивайте имена, которые заучили на базе». Вот мы и забираемся на столбы. Кричим: Алис, Бетти, Джоан, Жанна, Мэри, Мэрилин, Элейн... и так далее, и снова, в алфавитном порядке. И ничего не происходит.

Нас семеро — мужественных мужиков в форме морских пехотинцев. Мы (за исключением одного из нас) вовсе не морпехи. Но считается, что эта форма их привлекает. Мы — семеро вальяжных и расслабленных на вид (воротнички расстегнуты в любую погоду) экспертов, каждый — лучший в своей области, мы — исследовательская группа Комитета по неопознанным объектам. Короче, Тех-Что-Свистят-Улетают-Вдаль-За-Своей-Призрачной-Идентичностью.

Наши стволы стреляют искрами и звездами и вишнями в шоколаде и громко делают «бух». На дворе век полной наготы, вид спереди; времена «Почему бы нет?» вместо «Может быть». На дворе век устройств, способных почувствовать теплое, трепещущее, живое тело на расстоянии семидесяти пяти ярдов и навестись на него. У нас с собой есть одно такое. (Я и сам, не исключено, смогу когда-нибудь так любить.) С другой стороны, у нас в бумажниках только несколько мутных фотографий, в основном добытых несколько месяцев назад во время случайных наблюдений. На одной, вроде бы, жена Командора. Снимок был сделан с большого расстояния и черты лица не различить, она была в шубке. Ему показалось, что он ее узнал. Говорит, с ней в общем-то все было в порядке.

До сих пор ничего, кроме снега. Что только не приходится терпеть ради этих существ!

Представьте себе их тела, когда вы держите в руке это крошечное напоминание... эту толстую, четырехдюймовую Венеру их возможностей... Главных деталей не разглядеть, глаза — просто точки (характерные прически почти закрывают лица), ноги; голова не имеет значения. Представьте себе возможность победы, только без ухмылок. Примите вызов грудей, округлых бедер, а затем... (самый серьезный вызов). Если мы столкнемся с ними, сможем ли победить? Или выйти из положения с честью, или, по крайней мере, сумеем ли избежать того, что они станут разбирать наши ошибки?

Вот какие следы их присутствия мы успели обнаружить (иногда даже кажется, что эти предметы были нарочно оставлены у нас на пути, но мы знаем, какими они бывают неаккуратными, особенно когда беспокоятся или торопятся; а так как создания они нервные и легко впадают в возбуждение, они *обычно* чем-то обеспокоены и / или торопятся)... Итак, по пути мы обнаружили: один, все еще замороженный, стебель спаржи, рецепт приготовления мусаки с помощью растворимого лукового супа, небрежно выдраный из журнала, небольшой кошелек с несколькими смятыми долларовыми купюрами и коробок спичек. (Ясно, что огонь им знаком. Это нас утешает.)

Теперь Командор приказывает нам свернуть от реки в горы, где нам грозит предательский весенний подтаявший снег и лавины. Компас указывает вверх. Бывает, мы целыми днями скользим по льду и каменистым осыпям. Мы хорошо понимаем, что они могли давно уйти на юг — целые племена, чувствующие себя никудышными, уродливыми, лишенными любви. Варианты бесконечны, всякое направление может оказаться неверным, но при первом признаке верхоглядства мы поймем, что находимся на правильном пути.

Один из нас — психоаналитик с большим опытом, специалист по истерии и мазохизму. (Даже не располагая медицинскими картами, он поглощен исследованиями этих созданий). Он говорит, что если мы с ними встретимся, то услышим, вероятно, странные сдавленные звуки; они не имеют никакого значения и их часто принимают за смех, поэтому лучше всего так к этим звукам и относиться. Если, с другой стороны, они станут улыбаться — это простой рефлекс с целью нас обезоружить. (Установлено, что они улыбаются в два с половиной раза чаще нас.) Время от времени, замечает он, случается и своего рода нервное хихиканье: оно имеет преимущественно сексуальную подоплеку, и если они начнут издавать такое хихиканье, заведя нас — это хороший признак. В любом случае, говорит он, нам следует называть только свои имена и звания, а если они рассердятся, нужно следить, чтобы их ярость не обратилась против них самих.

Ту, что на снимке, зовут Грейс. Сейчас ей, должно быть, уже пятьдесят пять. Однажды лунной ночью сбежала во время ужина, когда Командор забыл посмотреть в ее сторону. И что ему оставалось делать, как не продолжать исполнять свой долг, командуя тем, что нужно было в командовании? Мы с этим согласны. Он говорит, что до тех пор, насколько может судить, принимал как данность ее ограниченность и пределы ее действий. Он решил, что виной всему недостаточная аккультурация или неспособность разглядеть очевидное, и лишь несколько лет спустя начал задумываться.

Хотел бы я сейчас повстречать какую-нибудь похожую на нее. Спросить, откуда она, почему они совсем другие. Как случилось, что у нас и у них развились совершенно противоположные аффектации? Живут ли они глубоко под землей в громадных кухнях, в святилищах с анфиладами залов, разогретых духовками, пропахших имбирными пряниками, где особи детородного возраста вечно беременны благодаря замороженной сперме какого-нибудь высокого, ры-

жеволосого и давно умершего комедианта или рок-звезды? По крайней мере, такова одна из теорий.

И вдруг — внезапная тишина первого зрительного контакта. Нашего собственного. Есть!... Высоко над нами, огромная (или кажущаяся огромной), со всеми регалиями (как на фотографии у Командора): норковый мех, чудовищная шляпа, в ушах что-то поблескивает, стоит неподвижно (целых пять минут) на одной ноге. А может, просто выпрямившись (солнце светило нам в глаза). Когда мы через полчаса добрались до места, ее уже не было. Психиатрик ждал у следов всю ночь, приготовив свои сладкие речи, но безуспешно.

О встрече доложено по телефону Командору («Передайте ей, что я ее люблю», сказал он). Было решено, что мы сами наденем должную атрибутику... туфли по размеру следов, норка, лиса, леопард (искусственный) поверх нескольких слоев обычного белья. Мы также решили выложить в снегу круг из бананов в семидесяти пяти ярдах от лагеря и задействовать сенсор телесного тепла. Стоит им прийти за бананами, и мы последуем за ними в их логовища, спустимся в их священные чертоги; съемочная группа готова запечатлеть для телевидения их первую реакцию на нас. Им понравится, что мы идем за ними. Как всегда.

Надеюсь, они хотя бы смутно осознают, какой репутацией в своей области пользуется каждый из нас.

Сенсор подает сигнал тревоги, но не в состоянии взять направление. Утром мы видим, что все бананы исчезли.

Это потому, что они не в состоянии усидеть на месте... и ни к чему не относятся серьезно. Их действиями никто не руководит, вот они и мечутся во все стороны, вечно отвлекаются от конкретной задачи, делают поспешные выводы, выдвигают необоснованные предположения, считают все само собой разумеющимся или, с другой стороны, *ни во что* не верят (в любовь, например). Силы природы на их сторо-

не, это верно (хаос?), но у нас в запасе другие силы. На сей раз мы выложим бананы логичной прямой линией.

И когда мы наконец войдем в эти кухни! Самая громадная гора полностью изрыта, о Боже! И эти запахи! Суета! Банальная *повседневность* их существования! Мы не поверим своим глазам. А они нам скажут, надо полагать, что дела идут как никогда хорошо. Станут твердить, что им больше незачем находиться у источников власти. И даже заявят, что им нравится жить без всяких источников власти... Жить в безвластии, в дружбе, среди нежных сигналов, которые одна другой подает — от ничтожнейшей к ничтожнейшей. И еще они скажут, что мы и так едва их замечали, или замечали только тогда, когда они уходили. Что мы вечно смотрели в другую сторону, что мы никогда не знали, кто они и что они, что нам в сущности было все равно. Честно говоря, мы кое-что чувствовали... давно подзревали, и сейчас ощущаем нехватку чего-то, что не можем определить. Существа без зарплаты и чаще всего без денег, пусть так, и все же заметные. Вот что мы им скажем и добавим — Командор считает, что любит одну из них.

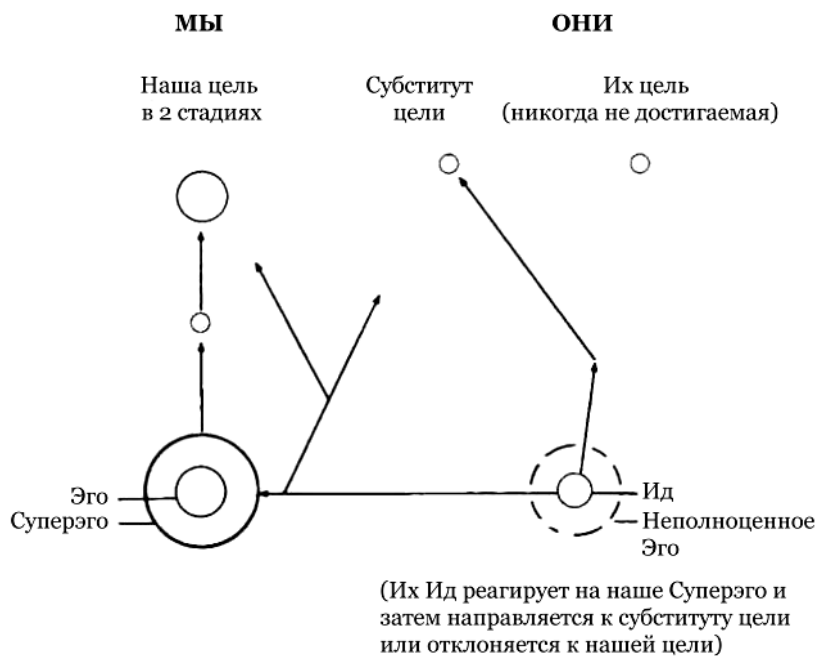
Но на этот раз они отказались от бананов. (Все, что мы им предлагаем, вечно не то.) Последнее предложение (у них остается лишь один шанс): стеклянные бусы, похожие на нефритовые; набор отличных импортных кухонных принадлежностей; самоучитель «Как преодолеть застенчивость в отношениях с противоположным полом»; и (главное), мы предлагаем им себя в качестве сыновей, отцов или любовников (выбор за ними).

Психоаналитик говорит, что они имеют право на собственное мнение, но мы задаемся вопросом, насколько независимыми позволено им быть?

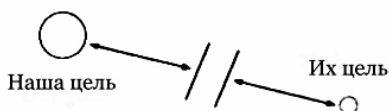
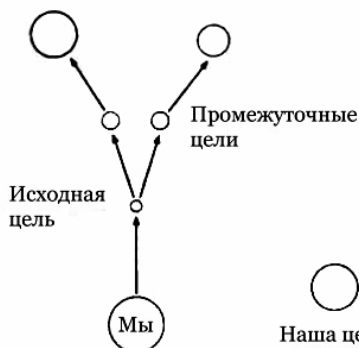
Один из нас утверждает, что на горе мы видели всего-навсего медведя. Дескать, постояв на одной ноге, медведь опустился на четвереньки — но ведь и они *могут* поступать схожим образом.

У психоаналитика был сон. После он велел нам никогда не бояться зубастой вагины (образно выражаясь), но снизить до их уровня (собственно, мы все время поднимаемся) и насытить эту утробу рыбой (лучшим филе камбалы, образно выражаясь).

Привожу диаграмму, которую психоаналитик предложил нам для дальнейшего изучения:

Смещенная цель в 3 стадиях
с 2 возможностями (обе
достигнуты)

Если бы мне попалась одна, я омыл бы ей ноги (буквально) и спину. Перешел бы и на переднюю часть. Пусть по нашим телам стекает вода. Пусть ее волосы разовьются. Я бы время от времени отрывался, даже от важной работы, на подобные незначительные мелочи, и иногда прислушивался бы к пустой болтовне существа, по крайней мере делал бы вид, что прислушиваюсь. Но на Грейс у меня, видимо, другие планы, хотя я что-то не пойму, какие именно.

По вечерам, сидя у костра, мы пересказываем старинные легенды о них; дрожь ужаса иная, совсем не такая, как в детстве, когда мы так же, у огня, рассказывали друг другу эти истории: сейчас все мы понимаем, что они, вполне может быть, притаились где-то там, в темноте — и самое страшное, что мы не имеем никакого представления об их размерах! Может, они вдвое больше нас или же, как уверяет Командор, большинство из них намного меньше ростом и определенно слабее нас. По словам тех из нас, что склонны к мифическому мышлению, они достаточно большие, чтобы поглотить нас своими животами (снизу) и извергнуть много месяцев спустя — слабых и беспомощных.

Специалисты-антропологи считают, что они могут оказаться тем самым потерянным звеном, которое мы так долго искали — и располагаются, по их мнению, где-то между гориллой и нами (хотя, вполне вероятно, повыше на шкале, чем *Pithecanthropus erectus*); следовательно, они (логически рассуждая) меньше нашего и несколько сторблены, но не обязательно уступают нам в силе. Сексуально озабоченные в наших рядах интересуются, является ли их оргазм такой же специфической реакцией, как наш. Романтики видят их милыми и привлекательными созданиями — даже в гневе и вне зависимости от их роста и силы. Другие придерживаются прямо противоположной точки зрения. Мнения по поводу того, какое утешение мы можем им предложить ввиду данностей их существования и возможно ли это вообще, резко расходятся, особенно учитывая то, что 72 процента из них считают себя созданиями второго сорта, 65 процентов уверены, что их душевное равновесие непрочное, и только 33 и одна третья процента не испытывают глубокого чувства униженности по поводу того, кем являются. Как же можно проникнуть сквозь их линии самообороны и оборонительного поведения? Столкновения неизбежны, это очевидно. (Восемьдесят пять процентов из них снова и снова повторяют в разных формах все те же доводы.) Нам не нравятся неприятные эмоциональные конфронтации, мы пытаемся любой ценой их избежать, но мы также осознаем, что играть роль доминантного партнера в интимных взаимодействиях будет непросто. И все же как приятно думать, что в один прекрасный день появится род существ (вдобавок почти невидимых), чьей основной задачей станет уборка!

Для них уже приготовлены пьедесталы.

И даже если (или особенно если) выяснится, что они не соответствуют нашим стандартам, они тем не менее будут напоминать нам о животном внутри каждого из нас, о звериной составляющей нашей сущности, наших высотах и

низинах... жизненных силах, о каких мы едва ведали... а может, и не подозревали.

Странное и тревожное сообщение от Командора: он говорит, что некоторые очень высокопоставленные политические назначенцы считают рассказы о виденных кем-то существах не более чем рассказами... мистификациями, и якобы было доказано, что фотографии подделаны — в одном случае имело место изображение гориллы, наложенное на заснеженную гору, в другом человек в соответствующем костюме. (Только два снимка пока не нашли объяснения.) Несколько человек признались в фальсификациях. Некоторые вообще никогда не бывали в этих местах. То же, что видели мы, было, вероятно, игрой света и тени или одним из бродячих медведей; конечно же (и в этом они полностью уверены), среди нас затесался шутник, который сам крадет бананы и оставляет следы посредством старого ботинка, надетого на длинную палку. Кроме того, что будет, если наши открытия докажут их существование? Различным комитетам придется изыскивать способы развеять их скуку, когда закончатся годы мытья посуды. Медикам понадобится искать лекарства от раковых опухолей, возникающих в самых неожиданных местах, необъяснимых перепадов настроения, вагинизмов и прочих напастей. К обществу прибавится огромная дилетантская прослойка (музицирование и поэзия по выходным), без которой, согласно Командору, обществу лучше обойтись. И почему это мы должны разыскивать их, будто они гора Эверест (и равноценны по важности) — только потому, что они где-то там? Короче говоря, финансирование наших поисков прекращено. Командор даже сомневается, сможет ли позволить себе еще один телефонный звонок.

Все мы очень огорчены этими известиями. Трудно в точности сказать, почему. Некоторые из нас были уверены или почти уверены, что там что-то есть... на краю поля зрения... еле доступное слуху... Некоторые уголком глаза замечали цветные вспышки, словно нечто, по сути невидимое,

становилось на несколько секунд *почти* видимым. Невольно начнешь мечтать (а иные из нас так и делают) о том, как в один прекрасный день, будто по волшебству, носки и трусы выпрыгнут из-под кровати и лягут в ящик, чистые и сложенные, из ниоткуда будут появляться в самую нужную минуту чашки с кофе, в холодильнике всегда будет полно молока и масла... Но мы подчинены расписанию и бюджету. Мы должны вернуться к истокам власти, на службу цивилизации... политике... Мы поворачиваем назад.

Какое-то время я раздумываю, не пойти туда ли самому. Если бы я потихоньку вернулся, один, сел бы не двигаясь, в подходящей одежде... Кто знает — если бы я сидел там достаточно долго (и перестал бы во всеуслышание повторять эти древние страшилки о них), не принимал бы гордых поз... чуть согнул бы плечи... может, они привыкли бы ко мне, ели бы бананы у меня из рук, и со временем по различным еле уловимым признакам распознали бы во мне руководящую фигуру, быть может, научились бы выполнять несколько простых команд... Но я обязан подчиняться приказам. Жаль, конечно, однако я хочу получить свое жалованье, награды и перейти к другому проекту. И все же мне хочется еще кое-что сделать для этих существ — хотя бы чисто символический жест. Я осторожно возвращаюсь по нашим следам и оставляю на видном месте послание, окруженное бананами. Они наверняка поймут мое послание: грубое изображение голого мужчины; полумесяц, который можно трактовать лишь как луну; сердце (анатомически правильное), означающее любовь; циферблат с отметкой времени, когда было оставлено послание; отпечаток моей ноги рядом с отпечатком ноги одной из них (похоже на вопросительный знак рядом с восклицательным). Сверху надпись — «Для Грейс». Какое-то время сижу и прислушиваюсь, не слышатся ли вздохи (кажется, что-то слышу)... и кажется, смутно вижу что-то посреди белизны снега, белое на белом. *Намеренно* невидимое (если оно во-

обще там), нет сомнения — так что если мы не в состоянии их разглядеть, это не наша вина.

Ну и ладно, если им так хочется, пусть сами воют на луну (или чем они еще занимаются), танцуют и поддерживают огонь в домашних очагах. Пусть живут, как сказано, «в тени человека». Так им и надо.

Я спрашиваю психоаналитика: «Кто же мы?» Он отвечает, что не менее 90 процентов из нас так или иначе задаются этим вопросом, а остальные 10 процентов, похоже, в итоге находят на него какой-то собственный ответ. Как бы то ни было, говорит он, мы в принципе остаемся теми же, кем являемся, и не суть важно, интересуется нас или нет указанный вопрос.

Виктор Рожков

ПЛАТО ЧЕРНЫХ ДЕРЕВЬЕВ

Старый пастух

Стоянка пастухов – две большие, обтянутые кошмой юрты – располагалась в нескольких километрах от главной базы альпинистов, и вскоре Кратов увидел огонь большого костра и сидящих вокруг него людей.

Пастухи – шумный, говорливый народ – радушно встретили Кратова.

Немного поговорив с ними, Кратов отошел к юрте, где у входа, ссутулившись, сидел Кунанбай. Это был глубокий старик с длинной седой бородой, с умным выразительным лицом. На вопрос о своих годах Кунанбай отвечал уклончиво («Может, сто, может, больше»), но, обладая прекрасной памятью, приводил столь давние случаи из своей жизни, что можно было с уверенностью сказать: человек этот прожил на земле значительно более века.

– Посоветоваться к тебе пришел, – без обиняков сказал Кратов, зная, что старик любит прямой деловой разговор.

– Какой совет нужен, говори, – поднял голову Кунанбай, дружелюбно глядя на Кратова задумчивыми светло-желтыми глазами.

– Вот уже дважды за последний месяц люди видели в горах непонятные следы, – начал Кратов. – Встречались ли тебе раньше такие?

– Следы? – насторожился Кунанбай.

– Да, – подтвердил Кратов. – Это не так уж далеко отсюда, в долине реки Балянд-су.

Он рассказал Кунанбаю, что следы видели охотники, а также группа альпинистов, возвращавшихся после неудачного похода в Бледные горы. Можно было принять эти следы за медвежьи, но охотники ясно видели отпечатки только двух лап с четырьмя малыми пальцами и одним большим, немного сдвинутым на сторону.

Кратов пригладил светлые, коротко стриженные волосы, потер ладонью высокий загорелый лоб и, усмехнувшись, добавил:

– Чего не померещится в горах усталому человеку! Но я получил задание еще раз попытаться пройти к Бледным горам и выяснить все, что можно, об этих следах. Ты понял меня, Кунанбай?

Старик чуть качнулся вперед, устало прикрыл глаза.

– Идут разговоры о каких-то «снежных людях», – как бы вскользь заметил Кратов, – и многие утверждают, что это их следы. Мне бы хотелось знать, что думаешь ты об этом, Кунанбай?

– В старину говорили: хочешь догнать ветер – седлай двух коней. Хочешь найти чудо – седлай трех: первый повезет тебя, два других – твое терпение. Если ты пойдешь в Бледные горы с сомнением, не будет у тебя удачи. Людям надо верить: один ошибся, второму показалось, но много глаз видели эти следы.

– Прости, Кунанбай, – перебил его Кратов, – но, по-моему, это сказки...

– Сказки, говоришь ты? – переспросил старик, и глаза его блеснули живо, по-молодому. – Я ходил в горы еще тогда, когда твой отец был грудным младенцем. Снежный человек есть! – повысив голос, воскликнул Кунанбай. – Он рождается среди снега и камня, знает тайну черного дерева. А Бледные горы хранят эту тайну.

– Подожди, Кунанбай, расскажи по порядку, – попросил Кратов. – Что это за тайна черного дерева, откуда ты слышал о ней?

– Народ говорит, – негромко, с оглядкой, пояснил старик, – снежные люди бывают там, куда нам нет дороги. Там, на вершинах Бледных гор, есть черное дерево; дым его может исцелить любую болезнь и продлить жизнь...

– Кто тебе говорил об этом? – настаивал Кратов.

– В горах ходят разные люди, все они знают о черном дереве и снежном человеке, – уклончиво ответил Кунанбай. – Индусы и шерпы зовут его «йети», китайцы – «миге» – дикий человек...

– Не будем спорить, Кунанбай, – поднялся Кратов. – Я думаю начать поиски этих следов с долины Балянд-су.

– Ты решил пробраться к поясу Бледных гор? – бесстрастно спросил Кунанбай.

– Да! – нахмурившись, подтвердил Кратов. – Поищем там, осмотримся, есть же где-нибудь проход...

– Много людей пытались пройти туда, – задумчиво произнес Кунанбай. – Ой много! Одни возвращались с полдороги, другие оставались навсегда в горах...

– Ты не советуешь мне идти? – прямо спросил Кратов.

– Как я могу советовать, когда ты уже решил. Подбери надежных людей, и да сопутствует успех твоим помыслам!

– Спасибо, Кунанбай! – поклонился Кратов и, улыбнувшись, добавил: – Если я увижу снежного человека, обязательно расскажу тебе об этом. Прощай!

– Коню – добрые копыта, песне – вечность, смелому – удача! – ответил пословицей старик. – Прощай, друг!

Он долго задумчиво смотрел вслед Кратову, и в глазах его была тоска, словно Кунанбай жалел, что сам не может идти в горы с этим человеком.

Встреча

На восьмые сутки своего пути горный отряд экспедиции профессора Самарина вышел к долине реки Балянд-су. Солнце только что спряталось за гребень ближайшей горы, но багрово-красные отсветы его лучей еще долго бродили по небу, и нежная розовато-светлая дымка висела над долиной. С ревом, грохотом мчалась река среди огромных коричневых валунов, и у края ледника, отступавшего, казалось, перед ее бешеным напором, резко сворачивала влево.

Здесь на одной из каменистых площадок, хорошо защищенной от ветра глыбами грязно-серого льда, решили устроить привал.

Профессор Самарин, веселый, общительный человек, был на этот раз необычно задумчив. Молча сняв рюкзак, он отошел в сторону и за все время, пока ставили палатки и готовили ужин, не прооронил ни слова.

Худощавое энергичное лицо с открытым взглядом светло-серых глаз было сумрачным. Казалось, какая-то тревога гнетет старого ученого.

— Я думаю о судьбе группы Кратова, ведь маршрут ее проходил где-то здесь. Во всяком случае, они обязательно должны были побывать в долине, — сказал он своему помощнику Андрею Стогову — молодому плечистому здоровяку, одетому в короткую альпинистскую куртку.

Не одного Самарина занимала эта печальная, а вернее, трагическая история, так как поиски бесследно исчезнувшей группы Кратова не дали никаких результатов.

— До сих пор я не верю в их гибель, — задумчиво продолжал Самарин. — Никто и никогда не мог упрекнуть Кратова в безрассудном риске, а его осведомленности и знанию этих мест позавидует любой из нас.

— Если не ошибаюсь, — спросил Стогов, — группа Кратова имела задание разведать подходы к скалистому поясу Бледных гор после той на шумевшей истории со следами снежного человека?

— Да, вот вам еще одна загадка здешних гор, — усмехнулся Самарин. — Гм... Если все это не вымысел, в наш век, век атомной энергии и сверхдальних ракет, войдет человек в самом что ни на есть первобытнейшем состоянии.

После того как стихли разговоры и улеглось оживление, вызванное словами профессора, Стогов придвинулся к нему и негромко спросил:

— А что, если Кратову действительно удалось увидеть снежных людей, ведь он не мог рассчитывать на любезный прием с их стороны, как вы думаете?

— Ну, батенька, это уж слишком! Вы, — так сказать, перекантовались. Давайте-ка отдохнуть, друзья!

В темноте едва угадывались контуры ближних гор. Прохладный сырой ветер лениво веял над сонной долиной, затухающий костер подслеповато мигал багрово-синими огоньками, и только одна Балянд-су шумела среди валунов, нарушая покой редкой здесь погожей ночи.

Наутро, миновав изрытую, в каменистых россыпях речную пойму, отряд профессора Самарина вышел к краю лед-

ника. Справа непокорно, дико вздымались гребенчатые уступы вершин, окруженные редкими красноватыми облаками. Слева поблескивали обрывистые бока гигантского каменного уступа, а еще дальше лежали узкие поля фирнового льда, отливающего светло-золотистыми отблесками яркого солнца.

Путь отряда проходил мимо этих полей, к террасе из буро-серых скал, замкнувших в огромную подкову склоны ледника. Каждый шаг давался с трудом. На острых, изрезанных трещинами камнях скользили ноги, но стоило немного отступить в сторону, как человек по колено проваливался в мелкозернистую россыпь фирна, выбраться откуда стоило немалых усилий.

Путь был так тяжел, что почти не оставалось времени для того, чтобы разглядывать окружающий ландшафт, и вначале никто не обратил внимания на странный предмет, чернеющий метрах в двухстах у засыпанного снегом каменистого склона. Издали он напоминал большой матерчатый мешок или тюк, случайно оставленный кем-то в этом пустынном краю.

Каково же было удивление Самарина и его спутников, когда они увидели, что этот странный предмет движется. В горах, особенно на большой высоте, где в разреженном воздухе, несмотря на его прозрачность и чистоту, преломление лучей создает порой самые фантастические и причудливые миражи, все это могло показаться обманом зрения.

Но через некоторое время, когда все убедились, что в их предположении нет ошибки и темный предмет продолжает двигаться, Самарин приказал свернуть к кромке каменистого склона.

— Товарищи, — отрывисто вскричал Стогов, опуская бинокль, — да там человек! Ей-богу, человек! — И, уже не разбирая дороги, рискуя ежеминутно провалиться в трещину или в один из узких клинообразных колодцев, что так густо усеяли основание ледника, бросился вперед, увлекая остальных.

Рассказ Андросова

По хрупкому ледяному насту полз человек. Судорожно, словно повинаясь какой-то невидимой воле, человек выбрасывал вперед руки, цеплялся за выступы льда и медленно подтягивал вперед тело, чтобы через минуту повторить все это вновь.

Вид его был страшен. меховая куртка с разодранными в клочья рукавами, лицо, заросшее грязно-серой бородой, обмороженные щеки и уши...

Но больше всего поражали глаза. Широко открытые, горящие лихорадочным яростным блеском, способным, казалось, растопить ледяную плиту, по которой он сейчас полз. Не замечая того, что возбужденные, жестикулирующие люди окружили его, человек продолжал двигаться вперед резкими судорожными рывками до тех пор, пока Стогов не преградил ему путь, придержав за плечи. Незнакомец попытался подняться, заговорил что-то быстро, неразборчиво и вдруг, сникнув, упал на бок, широко раскинув руки.

— Ну что, как он? — нетерпеливо спрашивал Самарин врача экспедиции.

— Видите сами, — недовольно отвечал врач, быстро распаковав рюкзак с медикаментами. — Обморожен, без сознания, ушибы и кровоподтеки по всему телу. Не понимаю, как он полз! Что-то невероятное!

— Несомненно, он из группы Кратова, — сказал Самарин. — Я не знаю там всех, но он только оттуда, других людей здесь не может быть!

— А снежные люди? — робко и неуверенно спросил кто-то из геологов.

— Не говорите нелепостей! — рассердился Самарин. — Объявляю дневку. Ставьте палатки, радисту немедленно связаться с базой!

Несмотря на добрый, покладистый характер Самарина, в экспедиции знали, что в делах службы он строг и взыскателен.

Поэтому после его слов все быстро принялись за устройство лагеря.

Погода в горах, особенно здесь, среди неприступных вершин горного Памира, настолько переменчива, что никогда нельзя предугадать ее капризов. Так было и на этот раз. Сообщив на базу свои соображения и догадки о найденном человеке и вызвав санитарный самолет, Самарин решил, что завтра они смогут двигаться дальше. Но разыгравшаяся метель сорвала все его планы.

Больше всего Самарина беспокоило состояние больного.

Он бредил, метался, рвал на себе одежду и, несмотря на все усилия врача, не приходил в сознание.

Только к вечеру второго дня, когда, вслушиваясь в завывания метели, Самарин, Стогов и доктор уже готовились ко сну, больной, лежавший до этого в забытии, открыл глаза и в первый раз осмысленно и недоуменно огляделся вокруг.

— Где я? — спросил он, облизывая сухие, потрескавшиеся губы. И после того, как Самарин коротко сообщил о том, как они нашли его, долго лежал молча, словно заранее подыскивая слова для предстоящего большого разговора.

— Фамилия моя Андросов, — медленно начал он. — Я из группы Кратова...

— Что с Кратовым? — быстро спросил Самарин.

— Вы знаете, зачем мы вышли к скалистому поясу Бледных гор, об этом много говорили в свое время, — как бы не слыша вопроса, продолжал Андросов. — Никто из нас, пожалуй и сам Кратов, не верил в существование этих следов, слишком уж фантастической казалась вся эта история. Все мы не новички в горах, а о Кратове и говорить нечего, но на этот раз нам не повезло. Мы много раз пытались подняться на первый уступ террасы или хотя бы пройти до половины ущелья, но каждый раз ни с чем возвращались обратно. Надо вам сказать, что во время наших поисков мы нигде не видели ничего похожего на следы, и Кратов не раз честил тех, кто так упорно твердил о существовании снежного человека. Это продолжалось до тех пор, пока Кратов не предложил нам смелый, но рискованный план.

Левый гребень ущелья был единственным местом, по которому можно было пробраться вверх, но путь словно нарочно преградили рыхлые снежные карнизы. Достаточно было небольшому камню сорваться вниз, как это сразу бы вызвало лавину.

— Но Кратов все-таки решил идти карнизом? — заинтересованно спросил Стогов.

— Да! — подтвердил Андросов.

Было заметно, что рассказ утомил его. Он дышал тяжело, прерывисто, пальцы беспокойно ощупывали одеяло, словно это была не мягкая ворсистая ткань, а бугры и впадины ледяного поля.

— ...Когда мы начали подъем, Кратов и Зимин шли в первой связке, а я с Паньковым следовали за ним. Расщелина — выход на скальную территорию виднелась метрах в трехстах впереди... Мы уже миновали половину пути, когда Кратов вдруг негромко свистнул и предостерегающе поднял руку. Как я вам уже говорил, он шел первым и к тому времени выбрался на высокий ступенчатый порог, наискось прорезающий ущелье. Напарник его, Зимин, подбирая веревку и услышав свист, остановился. Остановились и мы. Ведь мы находились ниже его и не могли видеть того, что видел Кратов, стоя на уступе порога. Вначале он обеспокоенно вглядывался вперед, потом резко и как бы испуганно отступил к краю порога. Я хорошо запомнил эту минуту. Он крикнул что-то неразборчивое, словно предупреждал нас, и это было последним, что я услышал от Кратова. Вверху замелькали какие-то тени, раздался дикий, раздирающий душу вой, грохот, и, подхваченный вихрем лавины, я сразу же потерял сознание...

Андросов умолк и попросил пить. Зубы его стучали о край эмалированной кружки, и Стогов, поправляя изголовье, ощутил жар, охвативший тело больного.

— Что же было потом? — осторожно осведомился Самарин, с трудом сдерживая волнение.

— Плохо помню, — ответил Андросов. — Видно, потому, что я стоял ниже всех, меня выбросило к подошве склона. Я ползком добрался до нашей временной базы и здесь вновь

потерял сознание. Больше недели жил там: ждал, может быть, вернутся наши, потом решил ползти, выбраться отсюда...

Андросов хотел, видимо, еще что-то сказать, но голова его бессильно откинулась набок, и он медленно опустил вздрагивающие веки.

– Обморок? – тревожно привстал Самарин.

– Да, кажется, так. – Врач взял руку Андросова и, слушая пульс, сердито добавил: – Напрасно мы утомляли его разговорами.

– От этих разговоров, доктор, – строго сказал Самарин, – зависит, может быть, судьба его и наших товарищей. Как знать, а вдруг где-нибудь и Кратов ползет вот так, как он.

– Он же был у базы, а Кратов...

– Вы впервые в горах, доктор, и еще не знаете хорошо здешних людей...

– Он ошибся! – громко и отчетливо проговорил вдруг Андросов, не открывая глаз.

Стогов, Самарин и доктор недоуменно переглянулись.

– Ошибся Кратов! – продолжал тем же размеренным, странно безразличным голосом больной. – Он увидел первый, а я потом!

– Что вы увидели? – настороженно переспросил доктор, опуская руку на пылающий лоб больного.

– Кратов не верил, а между тем это они, да... и потом на скале у расщелины, я сам видел!.. – уже бессвязно и хрипло произнес Андросов.

– Бредит! – заключил врач. – Придется делать укол.

– Да, да! Поторопитесь! – склонив голову, Самарин задумчиво потер лоб короткими сильными пальцами.

Метель не прекращалась. Снег шуршал по брезентовым стенам палатки, как шуршат осенью гонимые ветром листья.

Слова больного, несмотря на всю бессвязность, насторожили Самарина, и он долго, мучительно думал над ними, прислушиваясь к шуму метели...

Новый маршрут

Санитарный самолет прилетел на вторые сутки, когда стихла пурга и ничто, кроме вереницы высоких сугробов, густо покрывших долину, не напоминало о вчерашнем ненастье.

Выполняя просьбу Самарина, переданную им по радио в главную базу, самолет перед посадкой долго кружился над долиной, взмывая вверх, скользил вдоль отвесных скальных террас, нырял в темноту горных распадов.

Сразу после посадки, поздоровавшись с летчиком, Самарин позвал его с собой.

Они вышли на гребень ледяного плато, откуда как на ладони была видна долина с чернеющей впадиной ущелья.

— Значит, вы хорошо осмотрели эту местность? — пытливо спросил Самарин, показывая рукой на ледник и уходящие к горизонту гряды скалистых уступов.

— Да, во всяком случае, я старался сделать это как можно тщательнее. Вы же знаете, профессор, что там нагромождено.

— Знаю, мой друг. И вы нигде не замечали ничего, что указывало бы вам на присутствие в тех местах человека?

— Нет, не замечал.

— А в ущелье?

— Оно слишком узко, чтобы там прошел самолет, а тень от скал и снежные карнизы почти до половины закрывают его.

— Ни сверху, ни снизу... — задумчиво проговорил Самарин. — Горы умеют беречь свои тайны. Что ж, пожелаю вам счастливого пути!

Вечером, после того, как радист, окончив переговоры, вручил Самарину несколько радиogramм, тот вызвал к себе Стогова и командира группы альпинистов, следовавших вместе с отрядом.

— Обстановка сложилась так, товарищи, — начал Самарин, расстилая перед собой карту, — что нам на время придется отложить наши изыскания. Мы не имеем права двигаться

вперед, пока не выясним причины этого обвала, о котором говорил Андросов. Это не только законный, но, если хотите, и научный интерес. Что увидел Кратов, поднявшись на ступенчатый порог ущелья, что так удивило и даже напугало его? Потом эти тени и вой перед лавиной! Андросов бредил, но некоторые моменты его рассказа насторожили меня. Ущелье, по которому они пытались проникнуть на скальный пояс, называется Ущельем скользящих теней. Охотники бывали там и, видимо, не зря так называли его.

– Чертовщина какая-то, – усмехнулся Стогов. – Дорого бы я отдал, чтобы побывать там!

– Должен разочаровать тебя, Андрей Иванович, – мягко, с подкупающей добротой произнес Самарин. – В штурмовой группе пойду я, ты останешься с отрядом.

– Но позвольте, почему?! – возмутился Стогов.

– Об этом поговорим на месте.

– Значит, идем к ущелью? – спросил командир альпинистов Редько, строгий немногословный человек с продолговатым шрамом на бледном лице.

– Да, вот подтверждение. – Самарин показал одну из радиограмм. – Выходим завтра, давайте наметать маршрут.

Он придвинул фонарь, и все трое склонились над картой...

Как и следовало ожидать, сообщение Андросова вызвало большой интерес в ученом мире. После того, как он был доставлен в город и здоровье его улучшилось, врачам больницы, где лежал Андросов, приходилось выдерживать целые сражения с посетителями, стремившимися под разными предлогами проникнуть к отважному альпинисту. К нему шли корреспонденты областных и центральных газет, секретари ученых обществ, о нем писали, говорили по радио, на его имя ежедневно поступали десятки телеграмм и запросов. На ближайшие дни было назначено заседание выездной сессии Академии наук.

Профессор Саламатов – крупнейший знаток и исследователь Памира – выступил со статьей, в которой пытался проанализировать события последних дней.

«Высокогорные районы нашей страны – Памир и Тянь-Шань – хранят еще немало загадок, – писал Саламатов. – И нет ничего удивительного, что общественность проявляет такой интерес к сообщению альпиниста Андросова. Поскольку мнения в этом вопросе резко разделились, я, не пытаясь мирить спорящих, выскажу свои взгляды.

Существует ли в действительности так называемый снежный человек?

Есть факты, приведенные альпинистом Андросовым, человеком мужественным и безусловно правдивым; но он сам говорит, что видел снежных людей в полузабытьи, когда полз по склону ледника, и нет ничего удивительного, что все это могло показаться ему. С другой стороны, природные условия этой части горного Памира, гигантские ледники и недоступные для восхождения скальные террасы допускают, что там сохранились в полной изоляции от цивилизованного мира первобытные люди, приспособившиеся к суровому климату. Думаю, что единственно правильный, достоверный ответ на эти вопросы даст экспедиция профессора Самарина, горный отряд которого приступает с завтрашнего дня к штурму скального пояса Бледных гор. Условия там исключительно тяжелые, и, видимо, никогда еще нога человека не ступала по склонам и карнизам этих отвесных пятисотметровых стен. Нависшие над ними скальные уступы исключают применение вертолетов, но будем надеяться, что мужество и настойчивость наших людей принесут победу отечественной науке».

Ущелье скользящих теней

Мастер спорта Редько, возглавлявший группу альпинистов в экспедиции профессора Самарина, был большим знатоком своего дела. Он участвовал в восхождении на одну из величайших вершин Памира – Хан-Тенгри, имел за плечами еще несколько не менее трудных горных штурмов, но

он удивленно присвистнул, когда отряд Самарина вышел к Ущелью скользящих теней.

– Ловушка! – определил одним словом Редько, с интересом осматривая мощные снежные стены и карнизы с черными пятнами отвесных скал.

– Не понимаю, чем руководствовался Кратов, выбирая такой маршрут, – недоуменно произнес Самарин. – По этому гребню невозможно пройти, не вызвав обвалов.

– Не совсем так, – нахмурился Редько. – Я знаю Кратова, и раз он начал здесь подъем, у него, безусловно, были на это свои соображения.

– Что же вы предлагаете? – спросил Стогов.

Их окружили остальные участники экспедиции. Все они с интересом ожидали слов Редько, зная, что мнение его в этом вопросе будет решающим.

– Предлагаю перед подъемом вызвать обвал, этим мы избавимся от главной опасности. Затем штурмовой группе добраться до ступенчатого порога, о котором говорил Андросов и, так как он наискось перерезает ущелье, дальнейший путь продолжать под его прикрытием.

– Да, но в лучшем случае порог даст нам возможность подняться только до половины ущелья, а что делать потом?

– Увидим на месте. На первый раз и этого будет много.

– Я согласен! – подытожил Самарин. – Назначаю состав штурмовой группы: командир Редько, затем Панин, Смольков и я. Тебе, Андрей Иванович, держать связь с главной базой, остаешься здесь за меня.

Зная, что Самарин никогда не меняет своих решений, Стогов вздохнул и безнадежно развел руками, словно подчеркивая свою обиду на профессора.

Обвал вызвали без особого труда. Подняв карабин, Стогов выстрелил. Стены ущелья, ближние и дальние горы откликнулись мощным громогласным эхом, и сейчас же с одного из карнизов сорвалось облако снежной пыли. Медленно нарастая, оно катилось вниз по ущелью, воздух дрожал от грохота камнепада, вызванного лавиной...

Дождавшись, пока осядет снег, Самарин сделал еще несколько распоряжений, и штурмовая группа тронулась в путь. По предложению Редько шли в общей связке: он первым, за ним Самарин, следом Панин и Смольков, молодые, но бывалые альпинисты.

Самарину казалось, что он поднимается по длинному темному коридору, стены которого постепенно сходятся одна с другой, грозя вскоре преградить дорогу...

Рассчитывая каждый шаг, двигались альпинисты в настороженной тишине ущелья.

Через несколько часов тяжелого изнурительного пути Самарин и его спутники выбрались к ступенчатому порогу. Ступенчатый порог был волнистым наслоением каменных глыб, размежеванных полосами светло-голубого льда. Большая часть его уже осталась пройденной, когда все ясно услышали пронзительный многоголосый вой, сейчас же поглощенный гулом второй лавины. Предусмотрительность Редько спасла альпинистов. Не будь они сейчас под прикрытием порога, их в секунду смяло бы и унесло вниз, как это было с группой Кратова. Поэтому все с нетерпением ждали той минуты, когда осядет снежная пыль и они смогут двигаться дальше.

Когда к вечеру альпинисты выбрались на верхний край порога, глазам их предстало дивное зрелище. Агатовые, словно отполированные, стены отражали на своей поверхности лучи заходящего солнца, и легкие, прозрачные тени веером разбегались от них, скользили по ущелью. Они мелькали в распадах, расщелинах, на снежных склонах и обнажениях фирнового льда, достигая светло-розовых облаков, низко плывущих над хаосом обрывистых вершин. Круговорот теней создал впечатление, что весь воздух в ущелье вращается как в гигантской воронке. От этого кружилась голова, было тревожно и вместе с тем хорошо стоять вот здесь, в последние минуты уходящего дня.

Возможно, что альпинисты долго бы еще любовались этим зрелищем, но вновь раздался пронзительный гортанный крик, принадлежащий, без сомнения, живому существу.

— Смотрите! — взволнованно воскликнул Самарин. — Это, безусловно, оттуда! — Он указал на темный овал пещеры, служившей естественным входом на первую ступень скального пояса.

Крик повторился еще и еще с равными промежутками. Теперь он был не таким злобным, как раньше, в нем слышались жалоба, тоска.

Показав на минуту край огромного темно-багрового диска, солнце скрылось за уступом зубчатой вершины, и тени, промчавшиеся в последний раз по стенам ущелья, растаяли в надвигающихся сумерках. Осыпь мелких камней градом застучала по ледяному склону, и темная человекообразная фигура возникла на краю пещеры. Несколько минут человек или существо, похожее на него, стояло на месте, потом взмахнуло непомерно длинными конечностями, склонилось над обрывом, словно пытаясь получше разглядеть альпинистов, и исчезло так же внезапно, как и появилось.

Самарин и его спутники, как зачарованные, стояли на месте, боясь шелохнуться.

В пещере

Ночь прошла спокойно, но почти никто из альпинистов не спал. Долго перешептывались Панин и Смольков. Откинув полог палатки, лежал с открытыми глазами Самарин. Подложив руки под голову, едва слышно насвистывал что-то Редько.

Плотные темно-бурые облака вереницей плыли над ущельем. Влажный порывистый ветер доносил из долины тревожный шум горных потоков.

Как только взошло солнце, альпинисты, наскоро закончив немудреный завтрак, вплотную подошли к отвесной стене перед входом в пещеру. Это была обледенелая гранитная глыба, покрытая сеткой мелких продолговатых трещин, при первом же взгляде на которую Редько понял, что

взять ее в лоб будет невозможно. Влево за ледяными карнизами зияла пропасть, а над ней громоздились каменистые уступы с острыми зубцами, напоминающие перевернутую вверх пилу.

— Вот она, дорожка! — хмуро проговорил Редько, показав на уступы. — Вчетвером тут делать нечего. Разрешите, профессор, мы с Паниным попытаемся?

— Нет уж, милейший, — усмехнулся Самарин, — пытаться будем мы с вами. — И, повернувшись к молодым альпинистам, закончил: — Вам, друзья, быть здесь наготове, как говорится, в случае чего — поможете!

Редько согласно кивнул головой, и, проверив снаряжение, они молча двинулись к пропасти, на краю которой громоздились гранитные уступы. Вбивая скальные крючья, подтягивая друг друга за связывающую их веревку, Редько и Самарин поднимались вверх.

Метров за двадцать до вершины карниза увидели глубокую извилистую трещину и уже по ней после многочасовой нечеловечески трудной работы, поминутно рискуя сорваться, они выбрались ко входу в пещеру.

Вход, или, вернее, высокая узкая щель с полукруглым, словно нарочно отесанным сводом, была теперь совсем рядом.

Немного отдышавшись, Самарин уже направился ко входу, как вдруг Редько остановил его, придерживая за локоть.

— Посмотрите, профессор, — указал он на грудку камней, на которую они вначале не обратили внимания.

Самарин оглянулся и удивленно отступил назад. Ему, человеку, проведенному столько лет в горах, хорошо было известно, что на такой высоте не могло быть никакой растительности. А между тем среди камней лежали толстые ветви и обломки ствола необычного на вид темного дерева. Дерево было сучковатым, с бугристыми иссиня-черными, точно покрытыми лаком, наростами, и профессор, отлично знакомый с флорой Памира, мог твердо сказать, что ничего подобного он не встречал во время своих экспедиций и походов по этому краю.

— Как вы думаете, — спросил он у Редько, — каким образом попали сюда эти сучья, не могло же их занести ветром?

Редько к этому времени, осматривая камни, отошел в сторону и поманил к себе профессора.

— Вот, — указал он на остатки потухшего костра и покрытую копотью плоскую гранитную глыбу, — здесь разводили огонь, и заметьте, профессор, недавно. Это поинтересней вашей находки.

— Ого! — удивился Самарин. — А ну-ка, ну-ка, дайте мне. — Он долго разглядывал находку, ощупывал пальцами и даже пытался сплющить ее.

— Банка новая, попала в костер недавно, — заключил он. — Безусловно, здесь были люди, но откуда?

Редько хмуро пожал плечами, немного подумав, сказал:

— За это время в здешних местах не проходило ни одной альпинистской группы, да и вообще о восхождении на скальный пояс было бы известно.

— Вы полагаете, — насторожился Самарин, — что Андросов ошибся и из их группы еще кто-нибудь остался в живых?

— Человек, побывавший здесь, — умелый, опытный альпинист, — неторопливо проговорил Редько. — Но он пришел сюда не нашим путем. Без скальных крючьев сюда не подняться, а мы обязательно заметили бы их в стене.

Самарин огляделся и, видя вокруг отвесные гладкие скалы и массивные неприступные карнизы, только удивленно развел руками.

— Я не берусь спорить с вами, но, по-моему, другой дороги нет!

— Видимо, есть, — как бы про себя заметил Редько, — и, возможно, мы еще узнаем об этом. Идемте, профессор!

— Да, да, — заторопился Самарин, — идемте. — И, поправив рюкзак, первым ступил под своды пещеры.

Бурые ребристые стены и такой же потолок подпирали колонны из прозрачных сталактитов, похожих издали на гигантские оплывшие свечи. В пещере царил полумрак, но Самарин разглядел несколько темных фигур у противоположного входа, ведущего на вторую ступень террасы.

— Вы видите? — вполголоса спросил он у Редько. — Вон там, впереди?

— Вижу. Идемте туда!

Но не успели они сделать и трех шагов, как раздался уже знакомый им вой и камень с силой ударился в стену над их головами.

Самарин хотел только одного: увидеть наконец вблизи этих таинственных снежных людей, и, не думая об опасности, он бросился вперед.

— Стойте! — закричал Редько, видя, как несколько коренастых длинноруких фигур метнулось навстречу Самарину.

Редько в два прыжка догнал его и, схватив за рукав, с силой отдернул в сторону. Камни градом застучали вокруг, и один из них, отскочив рикошетом от стены, ударил Самарина.

— Смотрите! — воскликнул он, показывая Редько острый выщербленный камень, вделанный в обломок темного дерева. — Это же топор, настоящий топор каменного века! Вы только подумайте!

Редько, не разделявший восторгов профессора, увлек его к подножию сталактитовой колонны. Достав бинт, он наскорю разрезал куртку, из-под которой сочилась кровь, и, забинтовав Самарину плечо, осторожно выглянул из-за ледяного выступа.

Тусклый свет, едва проникавший в пещеру, не мог рассеять ее полумрак, и Самарин пожалел, что не захватил с собой карманный фонарь. Как бы он нужен был сейчас! На минуту, на один момент осветить площадку перед сталактитовой колонной, куда уже вползали снежные люди.

— Вот что, — сказал молчавший до этого Редько, — пугнука я их, профессор!

— То есть как это пугну? — возмутился Самарин. — Мы на пороге открытия, а вы хотите... — не договорив, он резко отдернул голову. Камень величиной с арбуз, пролетев рядом, с гулом ударился о хрупкую поверхность сталактита, и часть его, образуя основание колонны, звонко, как стекло, рассыпалась на кусочки.

Тогда Редько, уже не слушая больше Самарина, выхватил ракетницу и, вскинув руку, нажал курок. Вспыхнул ослепительно яркий свет. Ожили, заискрились многоцветными огнями ледяные оплывы сталактитов, и, ударившись в сводчатый потолок пещеры, ракета рассыпалась сотнями быстрых светло-огненных пчел.

— Теперь пошли! — крикнул Редько и, размахивая ледорубом, бросился вслед за снежными людьми, мохнатые тени которых уже мелькали у выхода на вторую террасу.

Вместе с подросшим Самариным Редько выскочил на открытую скальную площадку. Вокруг было пусто, лишь пронизывающий ветер гнал плотные, непривычно близкие облака. По стволу гигантского обугленного дерева, переброшенного над пропастью к уступам второй террасы, перебежал последний из снежных людей, и тогда Самарин, не раздумывая, последовал за ним.

— Что вы делаете, профессор?! — с отчаянием воскликнул Редько, видя, как, неловко размахивая руками и чуть не сорвавшись вниз, Самарин уже перебежал на противоположную сторону террасы. Едва он успел скрыться в узкой расщелине, как сверху посыпались мелкие камни, а вслед за ними ринулись вниз несколько светло-зеленых ледяных глыб.

Когда улеглась снежная пыль, бледный от волнения Редько увидел, что лавина не только унесла с собой черный ствол, но и обломала края гранитных карнизов.

Двое суток жил Редько в пещере. По несколько раз в день подходил он к краю пропасти, звал, кричал, стрелял из ракетницы, но все было напрасно, Самарин не появлялся.

Иногда он начинал упрекать себя, почему не последовал за профессором, но сейчас же голос рассудка подсказывал ему, что он поступил правильно. Самарину, безусловно, нужна будет помощь, а чем он мог помочь, если бы подобно профессору очутился по ту сторону пропасти, отрезанный от живого мира? Единственный выход был в том, чтобы поскорее спуститься в долину и, взяв с собой людей, немедленно возвратиться обратно.

Да, да, он так и поступит.

Редько, взяв обутленную головню и выбрав на стене место посветлей, вывел крупными буквами: «Я пошел за людьми, держитесь!» – рассчитывая, что Самарин, если вернется сюда, обязательно прочтет эту надпись.

Немного постояв у пропасти, Редько направился к площадке у входа в пещеру, где они впервые увидели с Самариным остатки костра.

Спуск в одиночку по отвесной скале был еще более трудным, чем подъем. Редько окинул петлей скальный крюк, забитый им же при подъеме, и, медленно потравливая веревку, повис над бездной.

События в долине

Андрей Стогов с нетерпением ожидал возвращения профессора Самарина и его группы. Он верил в знания и опытность своего учителя, в находчивость и умелость Редько и, возможно, чувствовал бы себя спокойнее, если бы не странные, неожиданные события, разыгравшиеся здесь после ухода профессора.

Лагерь Стогова располагался между массивными каменными глыбами, образующими надежный барьер, за которым альпинисты могли укрыться в случае обвала. Метрах в двухстах от лагеря пенистая, стремительная Балянд-су растекалась на несколько рукавов, образуя подобие озера, окаймленного невысокими гранитными уступами. Рядом лежала волнистая галечная насыпь, напоминающая издали огромную подкову.

Однажды ночью Стогов был разбужен дежурным, в обязанности которого входило поддерживать огонь костров и охранять лагерь.

– Андрей Иванович, Андрей Иванович, – встревоженно говорил дежурный, склонившись к Стогову, – вы слышите?

– Что, – приподнявшись, спросил Стогов, – о чем ты?

– Вы прислушайтесь, – досадливо повторил дежурный, откидывая полог палатки.

Две-три минуты было тихо, и вдруг откуда-то издалека донесся протяжный крик. Жалобный, унылый, он плыл над сонной долиной и ущельем, заставляя тревожно сжиматься сердце, и Стогов, повинуясь беспокойному щемящему чувству, торопливо выбежал из палатки.

– Непохоже, чтоб кто из наших, – высказал свою мысль дежурный. – Голос какой-то странный.

В минуты раздумья лицо Стогова приобретало мальчишеское задорное выражение, и весь он, порывистый, энергичный, никак не походил на того серьезного, степенного кандидата наук, каким видели его зимой в аудиториях института.

– Вот что, – решительно сказал Стогов дежурному, – людей не будить, пусть спят. Смотрите тут получше, я один пойду к насыпи.

– Вы думаете, что кричали оттуда?

– Да, как будто бы так. – Стогов закинул за плечи ружье и пошел по берегу к смутно белеющей вдали галечной насыпи. Временами он останавливался, чутко прислушиваясь к звукам туманной сырой ночи, но, кроме глухого шума горных потоков и шуршания мелких камней, не мог различить ничего.

Внимательно, шаг за шагом Стогов осмотрел насыпь и, решив переправиться на другую сторону реки, подошел к камням, где еще с вечера оставил небольшую резиновую лодку.

Стогов хорошо запомнил это место и знал, что из участников экспедиции никто не приходил сюда. Каково же было его изумление, когда, включив карманный фонарик, он увидел развороченные, разбросанные вокруг камни, незнакомые широколапые следы, истоптавшие вдоль и поперек песчаный плес, и обрывок веревки – все, что осталось от его лодки!

– Кто же мог унести ее с собой?

Следы можно было принять за медвежьи, но медведи разодрали бы лодку на месте. Осталось предположить, что

здесь побывали люди. Возможно, что сегодняшние ночные крики тоже связаны с этим...

Стогова охватил нервный озноб. Значит, слова Андросова не были выдумкой больного воображения... Забыв обо всем, Стогов побежал вдоль насыпи: «...Только бы не потерять, не спутать следы. Вот они, рядом, ясно отпечатались. Эх, сюда бы сейчас Самарина...»

Несколько раз Стогов спотыкался, проваливался в снег, больно ударил колено, перепрыгивая небольшую трещину. Но мысль о том, что, возможно, он нагонит, увидит похитителей лодки, неудержимо влекла его вперед.

Кончилась насыпь. Стогов миновал несколько волнистых откосов и только тут заметил, что следы вывели его к Ущелью скользящих теней.

Это было несколько левее того места, откуда Стогов провозжал группу Самарина, но и здесь, выступая из тумана, высились изгибы ступенчатого порога.

Еще несколько минут Стогов шел по следу и вдруг недоуменно остановился. Путь преграждала скала с ледяными оплывами в трещинах. Влево темнел широкий зигзагообразный провал с острыми краями, вправо, уходя в сторону, тянулось ледяное основание ступенчатого порога. Стогов не ошибся, след вел только сюда.

Долго и терпеливо осматривал он каждую трещину, каждую малозаметную выбоину в камне, пытаясь отыскать проход, но старания его не привели к желаемому результату. За этим занятием и застал его рассвет.

Рваные тени краев провала посветлели, стали серыми и наконец совсем исчезли в розовых, багряно-золотистых лучах яркого солнца. День обещал быть погожим. Вереница неприступных вершин отчетливо вырисовывалась на фоне неба.

Расстроенный неудачей своих поисков, Стогов долго стоял на месте, вглядываясь в плотные молочно-белые полосы, что все еще выплывали из ущелья. Его неудержимо потянуло вниз к своим, и, чтобы рассеять чувство одиночества, он сложил руки и, поднеся их ко рту, громко крикнул:

– Эгей-й-й!

Не только горы отчетливым эхом ответили Стогову. Он услышал, как откуда-то из-за тумана донесся взволнованный голос, повторявший:

– Да-да-да! Да-а!

И когда порыв ветра немного приоткрыл туманную завесу, Стогов увидел на гранитном уступе Редько и быстро идущих за ним Панина и Смолькова.

– Здравствуйте, друзья! – радостно приветствовал их Стогов через несколько минут, когда они спустились к подножию барьера. – А где же?..

– Беда, – поняв его вопрос, пояснил бледный, измученный Редько. – Поднимайте народ, идем на выручку!

– Да, но что случилось?

– Подберите пять-шесть наиболее выносливых людей, – как бы не слыша его, продолжал Редько. – Их поведут Панин и Смольков. Мы с остальными выйдем к вечеру. Мне надо немного отдохнуть, иначе я не сумею подняться к этому дьявольскому ущелью!

– Вы достигли скального карниза? – изумился Стогов. – Что же там, наверху?

– Там много такого, рассказывая о чем, не сразу подберешь слова. Но самое главное в том, что снежные люди существуют и профессор остался один на один с ними.

Возбужденно разговаривая, альпинисты вышли на узкую каменистую площадку, откуда уже виднелись палатки лагеря и выходящий над ними дым от большого костра.

Плато черных деревьев

Самарин настолько был увлечен погоней за снежными людьми, что почти не обратил внимания на грохот лавины, раздавшийся за его спиной. Он был уверен, что Редько последовал за ним, и только, миновав расщелину и оглянувшись, понял, что альпинист не успел перебежать на эту сторону террасы.

При других обстоятельствах Самарин, возможно, вернулся бы назад, к пропасти, осмотрелся на месте, поговорил бы с Редько, который, конечно, ждет его на той стороне. Но сейчас нельзя было терять и минуты.

Разве мог он, воочию увидевший снежных людей, не довести до конца это открытие? Новое, еще неизвестное науке, становилось осязаемым, близким. Самарин устремился вперед, стараясь не упустить из виду снежных людей, бежавших уже далеко впереди, между небольших каменных увалов.

Погоня продолжалась еще некоторое время. Самарин миновал с десяток бугристых скальных площадок, с трудом взобрался на ледяной куполообразный гребень и вдруг, пораженный тем, что он увидел отсюда, отступил назад.

Взору открылось огромное плато, похожее на неровную лестницу с длинными плоскими ступенями. По его каменистому полю были разбросаны гигантские стволы того самого дерева, которое Самарин впервые увидел у входа в сталактитовую пещеру. Это было тем более невероятно, что здесь, на такой высоте, среди вечных снегов, не могли расти столь мощные деревья.

Пока ученый разглядывал странные стволы, снежные люди скрылись в распадках, и, сознавая бесполезность погони, Самарин пошел медленнее. Нужно было отдохнуть и хорошенько обдумать свое положение.

Как опытный, бывалый альпинист, Самарин понимал, что дальнейшие поиски будут связаны с тем, насколько у него хватит продуктов. К пещере они поднимались налегке, рассчитывая сразу же вернуться обратно, поэтому запасы профессора были невелики.

Сняв рюкзак, он пересчитал галеты, подержал в руках и опустил обратно две консервные банки и, решив, что может до вечера обойтись без еды, присел на лежащее поблизости дерево. Он с интересом рассматривал его кору с наростами и прожилками, поблескивающую серебристыми кружочками, похожими на слюду. Сколько лет лежали здесь эти стволы? Снежные люди использовали их для своих

нужд; топор, брошенный в Самарина, имел рукоятку из такого же дерева. Интересно, как оно горит?

Когда-то давно, еще будучи студентом, Самарин читал, что тибетские монахи в одном из своих монастырей показывали верующим куски чудесного дерева, упавшего будто бы с неба.

«Может быть, это оно и есть – таинственное, неизвестное науке? Надо обязательно взять с собой образцы». Он поднялся, оглядываясь, выбирая место, где можно было бы набрать сучья разной толщины, и, хотя события сегодняшнего дня приучили его в какой-то мере к необычным картинам, изумленно подался вперед. Не более чем в сотне метров вдоль одной из ступеней плато двигалась группа снежных людей. На плечах они несли надувную резиновую лодку.

Самарин отказывался верить своим глазам, зажимал их, вытирал платком, но наконец убедился, что все это происходит в действительности. «Лодка здесь, на такой высоте, в совершенно безводном месте, да и умеют ли они пользоваться ею?»

Кто мог ответить Самарину!

Белесый туман – предвестник снегопада – все больше затягивал, укутывал плато своими широкими полосами. Хмурилось, темнело небо.

Нет, на этот раз он будет внимательней, и снежным людям не удастся скрыться. Надо только не обнаружить себя.

Он торопливо укрепил за плечами рюкзак, но не успел сделать и десятка шагов, как услышал позади чей-то удивительно знакомый голос:

– Куда вы так спешите, профессор?

Самарин от неожиданности оступился, но сейчас же крепкие руки подхватили его и осторожно поставили на ноги. Рядом с профессором стоял большой широкоплечий человек с загорелым обросшим лицом и смеющимися глазами, одетый в рваную меховую куртку.

– Вы! – воскликнул Самарин. – Вы, Кратов?

– Конечно, я! – усмехаясь, подтвердил альпинист. – Не понимаю, почему это вас удивляет?

– Мы считали вас... – начал было профессор.

– Погибшим, хотите сказать? – подхватил Кратов. – Вы близки к истине. Откровенно говоря, я и сам до сих пор не понимаю, как мне удалось выбраться живым... Вам не надо говорить, что такое лавина... схватило, понесло. Каких товарищей потерял: золотые были люди, – помрачнел Кратов.

Самарин в нескольких словах рассказал ему о судьбе Андросова, о том, как он попал сюда, но, видя, что снежные люди уходят, заторопился:

– Второй раз я не смогу догнать их. Поговорим после, мой друг, идемте!

– Не беспокойтесь, профессор. Потерпите до вечера. Я знаю место, откуда мы сможем беспрепятственно наблюдать за ними.

– Но лодка? – быстро спросил Самарин. – Откуда она здесь?

– Утащили у кого-нибудь в долине, – спокойно пояснил Кратов, словно разговор шел о самых обычных вещах.

Лицом к лицу

– Знаете, профессор, нам можно позавидовать, – с воодушевлением говорил Кратов, когда они пробирались между огромными стволами черных деревьев, в беспорядке набросанных друг на друга. – Любой из ученых отдал бы полжизни, лишь бы очутиться здесь! Я брожу тут вторую неделю и не устаю удивляться. Это как в сказке: вас перенесли на много тысяч лет назад, в каменный век.

– Вы правы, – поддержал его Самарин. – Я отказываюсь верить своим глазам. Снежные люди, эти деревья на пла-то... Не знаю, как и объяснить такое...

– Деревья могли расти здесь раньше, ну а отсутствие почвенного покрова можно объяснить деятельностью ветров.

– Однако! – усмехнулся профессор и мягко, дружественно сказал: – Дорогой мой Константин Иванович, вы делаете научный вывод, словно штурмуете очередную вершину.

Объяснение всех этих явлений — очень сложная штука, тут не нужно торопиться.

Они вышли к небольшому ущелью, до половины загроможденному глыбами грязно-серого льда. Здесь, в юго-западной стороне плато, высились несколько карликовых гор, выглядевших на фоне могучих хребтов малозаметными буторками.

Поднявшись на несколько метров по ледяному склону, Самарин еще раз заинтересованно, с улыбкой спросил Кратова:

— Ну а чем вы объясните, что столь обширное необычное плато оставалось до сих пор неизвестным? Пусть случайно, но самолеты могли пролетать здесь, и залежи черного дерева, безусловно, были бы обнаружены.

— Ответ на этот вопрос, профессор, вы не только услышите, но и увидите завтра. Ветры всему причиной. Сила их здесь не поддается описанию. Они могут в полдня выдуть весь снег с плато, но могут в такой же срок нагромоздить такие сугробы, что все исчезнет под их покровом.

— Что же, разумно, — согласился Самарин. — Но почему именно завтра?

— Погода портится, и нам надо уходить отсюда...

Через полчаса Кратов и Самарин приблизились к ледяному гребню, венчающему ущелье...

Внизу, в ложбине, возле перевернутой лодки, сидели снежные люди. От Самарина их отделяло не более пятидесяти метров. Он был в тени и, прячась за зубчатый край пещеры, мог хорошо рассмотреть почти каждого. Некоторые из них вставали, переходили с места на место, другие сидели на камнях, поджав ноги, с интересом рассматривая и ощупывая лодку.

Неровная, переваливающаяся походка, неуклюжий поворот головы на толстой, очень короткой шее. Самарин убедился, насколько правы были уйгуры и китайцы, называя снежного человека «жень-сю», то есть «человек-медведь».

Но в то же время нельзя было отрицать, что эти существа близки к человеку. Ну, разве не так вот сидят обычные люди, собравшиеся в круг за беседой? Нетерпеливые, по-

рой резкие жесты, будто разговор, который они ведут между собой, очень волнует их.

– Константин Иванович, – спросил профессор у Кратова, – у вас нет с собой фотоаппарата?

– Нет, потерял, – ответил Кратов и со своей обычной усмешкой добавил: – Я рад, что во время обвала сохранил голову, – это важнее.

– Заснять хотя бы пару кадров, это так необходимо! – не обращая внимания на шутку Кратова, проговорил Самарин.

В это время снежные люди, видимо, почувствовали, что за ними наблюдают. Один из них вскочил; несколько минут, словно размышляя о чем-то, постоял на месте, потом, сделав резкое движение головой, с хриплым, коротким криком почти вплотную подбежал к ледяному гребню.

Самарин испытывал сейчас нервное возбуждение, которое не сумел бы, пожалуй, выразить словами: вот он, словно сошедший с картины, его далекий предок – человек каменного века – стоит на гранитной плите, немного сутулясь, вытянув вперед длинные полусогнутые конечности. Могучее рослое тело покрывает короткая рыжеватая шерсть. Плоская, чуть вытянутая кверху голова, с большой нижней челюстью, настороженно поворачивается на короткой широкой шее.

Самарина поразило выражение глаз снежного человека. Светлые, глубоко запавшие, с широко разлившимися зрачками, они смотрели встревоженно и в то же время недоуменно, растерянно. Человеческие глаза! В них в какой-то мере отражались мысли, мелькавшие в голове этого существа. Он с настойчивым упорством пытался понять, объяснить себе, почему и зачем появились здесь существа, так странно похожие на них.

Так во всяком случае казалось Самарину.

– Вы смелый человек, профессор, – шепнул Кратов, вплотную подходя к Самарину. – Но это соседство не очень удобно. Стоит нашему предку схватить камень побольше, и от нас с вами останется мокрое место.

Кратов быстро поднял с земли ветку черного дерева и, вытащив спички, поджег ее.

Как только вспыхнул огонь, в глазах снежного человека мелькнул ужас. Он крикнул протяжно и хрипло что-то вроде «У-э-э-э!», и его собраты с быстротой, какую нельзя было предполагать в них, помчались вдоль лощины, унося с собой лодку.

— Что же вы наделали! — с отчаянием воскликнул Самарин. — Нужно было измерить его рост, описать внешность...

— Не будьте наивным, профессор, — строго сказал Кратов. — Взгляните! — Он указал влево, где туман и неправдоподобно светлые, почти серебристые облака уже закрыли большую половину плато. — Нам надо торопиться, — продолжал Кратов. — Скоро начнется снегопад, и, если он нас застанет здесь, мы будем присыпаны снежком, как и эти деревья.

— Как вы можете шутить в таком положении?! — рассердился Самарин.

— Дорогой профессор, — подняв короткие светлые брови, произнес Кратов. — Я могу по три-четыре дня жить без пищи, но шутка у нас, альпинистов, необходима, как воздух! Не будем задерживаться, идемте!

— Да, но каким путем? Я ведь рассказывал вам, что лавина, вызванная руками снежных людей, уничтожила переход, ведущий к сталактитовой пещере.

— Пойдем другой дорогой, той, по которой шел я и где снежные люди пронесли резиновую лодку из долины.

— Сколько дало бы науке наше сообщение, — не слушая Кратова, с тоской произнес Самарин. — Увидеть столь невероятные вещи — и уходить...

— Но мы не последний день живем, профессор, — сочувственно улыбнулся Кратов. — Я верю, что мы еще встретим снежных людей. Кстати, вон они, видите, тоже уходят.

Самарин поднял голову и уже с трудом различил вдали маленькие длиннорукие фигурки, одна за другой исчезающие в тумане.

Вскоре пошел снег, и Кратов с Самариным едва успели добежать к расщелине, где начинался узкий извилистый проход, ведущий в долину.

Еще давно, будучи в одной из экспедиций, Самарин испытал на себе силу и ярость океанских штормов, но то, что творилось сейчас за каменным гребнем расщелины, было невероятным. Все вокруг гудело, выло и стонало. Громадные, многотонные глыбы срывались с места и легко, как невесомые, катились по ступеням плато. Снег не падал, не кружился, а бил и хлестал по камням, набрасывая на голом месте высокие слоистые сугробы, неправдоподобно быстро растущие на глазах изумленного Самарина.

— Нам нельзя здесь задерживаться, — напомнил Кратов.

— Снег может засыпать расщелину. Ниже есть небольшая пещера, в ней мы переждем ненастье.

Самарин вздохнул и, оглянувшись еще раз в ту сторону, где лежало плато, усталой, тяжелой походкой пошел за Кратовым.

Только к вечеру выбрались альпинисты к небольшой, полукруглой пещере, замеченной Кратовым еще тогда, когда он проходил здесь, отыскивая дорогу на вершину скального пояса.

«Только бы не перемело дорогу, не закрыло выход», — мелькало в голове Кратова.

— Профессор, дорогой профессор, — подбадривал он Самарина. — Ну, как-нибудь, еще немного...

— Я, пожалуй, не дойду, — с трудом, виновато улыбаясь, проговорил Самарин. — Оставьте меня здесь, потом вернетесь. Слишком ценно то, что мы увидели на этом плато. Задерживать такое сообщение нельзя. Возьмите у меня в рюкзаке образцы черного дерева и отправляйтесь.

Кратов взял рюкзак и, выбрав из него сучья, принялся укладывать их между двух камней в дальнем краю пещеры.

— Что вы собираетесь делать? — с тревогой спросил Самарин, видя, как его спутник крошит сучья обломком камня и достает спички.

– Это дерево хорошо горит, – ровно и бесстрастно проговорил Кратов, – десяти-пятнадцати минут будет достаточно, чтобы вскипятить чай, после чего мы двинемся дальше. Я все это время так питаюсь: чай, полгалеты, вот осталось еще полплитки шоколада и...

– Это будет преступлением, – резко перебил его Самарин, – вы не имеете права уничтожать образцы.

– Разве вы забыли, дорогой профессор, старую прописную истину, что жизнь человека дороже всего. Будут у вас новые образцы, не горюйте, вспомните о тех, кто ждет нас внизу...

Кратов набрал в котелок снега и, устроив его над плотно уложенными сучьями, чиркнул спичкой.

Вспыхнул, загудел огонь и, не успев отшатнуться, Кратов полной грудью вдохнул окутавший его багрово-фиолетовый дым.

– Идите к костру, профессор! – почти приказал он.

Странная, никогда не испытанная, бодрящая свежесть разлилась по телу Самарина. Он забыл об усталости, о пути, какой им еще нужно было пройти, ровно и легко стучало сердце, и с каждой минутой силы возвращались.

– Гм, это почти невероятно, Константин Иванович...

– Невероятно, но факт. Меня он поддерживает, – подтвердил Кратов и припомнил слова Кунанбая: «Дым его костра может исцелить болезнь, продлить жизнь».

Самарин склонился над весело поблескивающим костром, внимательно вглядываясь в фиолетовое пламя.

Возвращение

Непогода с обвалами и снегопадами разыгралась и внизу. Поэтому Стогов и Редько были вынуждены на некоторое время отложить свой поход.

Не успели они вернуться в лагерь, как налетел ветер, пошел снег и сразу, как это бывает в горах, поползли по кручам черно-лиловые тучи.

Только на четвертый день к вечеру группа, возглавляемая Стоговым и Редько, вышла к Ущелью скользящих теней.

Местность вокруг неузнаваемо изменилась. Снегу намело так много, что все подходы к ущелью стали недоступными. Нависшие друг над другом многоступенчатые сугробы, насколько хватал глаз, уходили кверху. Кое-где блестящая бахрома их гребней подтаяла от солнца, и длинные искристые сосульки, образуя ажурную ледяную изгородь, дополняли фантастичность этой картины.

Рассказ о том, как снежные люди, похитив лодку, скрылись с ней, навел Редько на мысль, что в бурой скале с ледяными оплывами все же существует какой-то проход.

Более трех часов тяжелого пути потребовалось альпинистам, чтобы достигнуть этого места, и, когда они все же выбрались к подножию бурой скалы, шедший впереди Редько увидел метрах в семидесяти выше двух людей.

– Посмотрите! – закричал он. – Посмотрите!

Но альпинисты уже сами заметили их и, забыв об усталости, бросились к ледяному оплыву в скале, оказавшемуся не чем иным, как природной лестницей. Скользкие неровные ступени вели наверх, и, задышавшись от волнения, Стогов первым выбежал на ледяной гребень перед узкой, незаметной снизу каменной щелью. Может быть, другой человек в такой момент бросился бы в объятия, начал бы бурно выражать свою радость при столь неожиданной встрече. Но Стогову было достаточно того, что он видел живыми этих дорогих ему людей. Разве только в глазах молодого ученого отражалось то, что было сейчас у него на сердце. Он пожал руку профессору, молча обнял Кратова, и за ним в таком же торжественном молчании все это проделали подоспевшие наверх остальные члены экспедиции.

Потом все вместе подняли ледорубы и помахали ими в воздухе по старому альпинистскому обычаю в знак счастливого возвращения.

Завтра предстоял новый, еще более трудный поход.

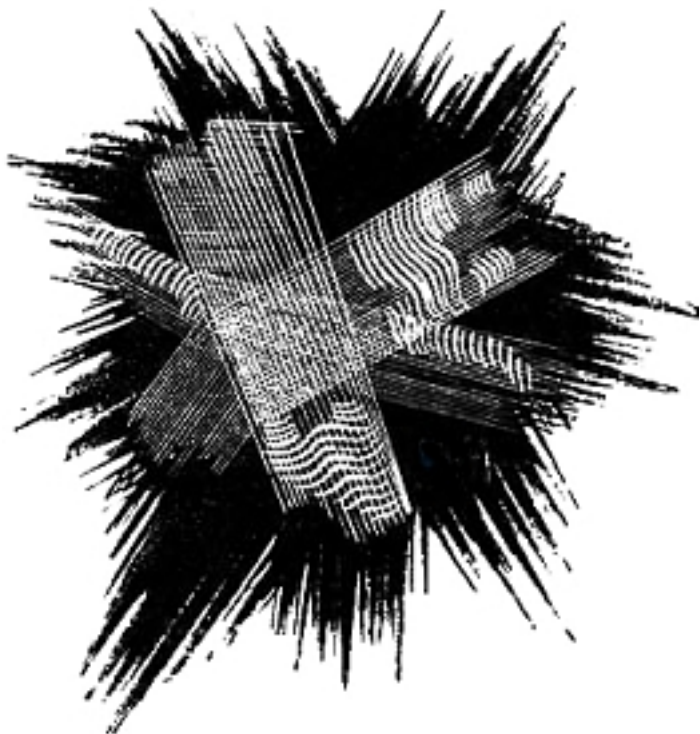
Заходящее солнце покрыло вершины гор светлой позолотой, щедро рассыпая свои лучи над хаосом ледников, островерхих скал, каменистой долиной и над буйным, неумолч-

ным течением горных потоков, где висит радужная водяная пыль и ползут широкие полосы прозрачного бледно-розового тумана.

Александр Шалимов

**ПРИЗРАКИ ЛЕДЯНОЙ
ПУСТЫНИ**

Джек Рассел – геофизик экспедиции – лежал на подвешенной койке у самого потолка Большой кабины. Не отрывая глаз от окуляра зрительной трубы, он время от времени записывал что-то на листе бумаги, приколотом кнопками к потолку.

Геолог Ральф Стонор сидел за столом, разглядывая образцы минералов. Стрелка радиометра вздрагивала и начинала колебаться, когда Стонор подносил к прибору черные, маслянисто поблескивающие кристаллы.

За дверью послышалась возня, притоптывание озябших ног, громкое сопенье. Дрогнула тяжелая портьера, пропустив в Большую кабину метеоролога Фреда Локка, маленького, коренастого, почти квадратного в меховом комбинезоне и огромных унтах.

– Минус пятьдесят с ветерком, – прохрипел он, стягивая меховые рукавицы. – Запирай контору, Джек. Все равно ничего не видишь.

Скрипнула койка под потолком. Рассел взглянул на вошедшего и молча отвернулся к окуляру трубы.

Локк с трудом вылез из комбинезона, отшвырнул его ногой в угол; достал из стенного шкафа бутылку и граненый стакан, налил, выпил; отер рыжеватую бороду рукавом шерстяной куртки, потянулся.

– Чертов электроподогрев не действует, – пояснил он, кивнув на лежащий в углу комбинезон. – Пускай Генрих проверит контакты.

– Ты же знаешь, что Генрих остался в Ледяной пещере, – сказал Стонор. – Они с Тойво хотели сегодня прорубить проход к нижней жиле.

– Ну и глупо, – скривился Локк. – Будут сидеть там, пока не прекратится пурга.

– Там у них спальные мешки и примус. Могут сидеть хоть неделю.

«Тебя бы на неделю запереть в Ледяной пещере, – подумал Локк, поглядывая на розовую лысину Стонора. – Сегодня, кажется, и носа не высунул наружу...»

– Ого, – сказал Стонор, наблюдая за стрелкой прибора.

– Что-нибудь новое? – поинтересовался Локк, раскуривая трубку.

– Ничего особенного. Опять высокое содержание урана.

– Значит, все-таки месторождение стоящее, – пробормотал Локк, затягиваясь.

– Еще бы, – поднял голову Стонор. – И потом, это первая находка урана в Антарктиде... При таких содержаниях мое месторождение прогремит на весь мир.

– Почему же не торопимся заявить миру о твоём открытии?

– Пока нельзя. Шефы не хотят, чтобы русские всерьез занялись поисками урана в Антарктиде.

– Думаете, русские глупее вас, – усмехнулся Локк. – Можете не сомневаться, Стонор, они сделали здесь больше нас с вами.

– Урана они пока не нашли. Я убежден в этом. Они регулярно сообщают о своих открытиях... А кроме того, большинство исследователей убеждены, что урана в Антарктиде вообще нет.

– Какой толк в вашей находке! Недоступные горы в трехстах милях от берега. Ледяная пустыня вокруг. Дьявольский холод, ураганы, пурга... Завезти сюда шестерых безумцев и бросить на год – еще можно. Но строить тут рудник... не стали бы даже русские.

– Вам приходилось бывать на урановых рудниках Северной Канады? – задумчиво спросил Стонор, подбрасывая на ладони сросток черных кристаллов, покрытых желтыми и оранжевыми охрами.

Локк мотнул головой.

– Там содержание урана в пятьдесят раз меньше, а условия немногим лучше, чем тут. Калькуляция простая... Такое месторождение выгодно эксплуатировать даже на Луне.

– Еще вопрос, где хуже – на Луне или на Земле Королевы Мод, – пожал плечами Локк.

– На Луне пока никто еще не был, а на Земле Королевы Мод мы обосновались и, плохо ли, хорошо ли, сидим девятый месяц.

– Делайте, что хотите, – махнул рукой Локк, – стройте тут рудники, города, аэродромы, растапливайте льды, добывайте уран, черта, дьявола, кого угодно. Я знаю одно: больше сюда ни ногой. Ни за какие доллары. Гренландия, Гималаи, что угодно, но не Антарктида – будь она трижды проклята. Это мое последнее слово, мальчики... Однако, – Локк сделал паузу и прислушался, – о чем думает наш журналист? Собирается он кормить обедом? Эй, Красная Шапочка!.. Мсье Ришар! Скланки давно пробили на обед, черт побери!

Под койкой Джека Рассела приоткрылась узкая дверь. Выглянул Ришар Жиро – врач, повар, радист, а по совместительству специальный корреспондент трех крупнейших парижских газет. Вместо поварского колпака на голове Жиро красовался малиновый берет. Маленькие острые глазки насмешливо поблескивали за толстыми стеклами очков.

— Правда не нуждается в громком крике, дорогой Фред, — объявил доктор, подмигивая Локку, — обед готов, мойте ручки... Он вдруг замолчал и уставился округлившимися глазами на Стонора. — Что такое? — указательный палец доктора был нацелен на черные кристаллы. — Опять? Сколько раз я требовал, просил, умолял не раскладывать тут эту радиоактивную мерзость... Я ночей не сплю, дрожу над вашим здоровьем, а вы...

— Что изменится, если он уберет свои камни за фанерную перегородку кладовки? — посмеиваясь спросил Локк. — Не будь страусом, Красная Шапочка. Здесь кругом излучение. Жилы в трех милях отсюда. А может, они и под нами... Нам всем обеспечена лучевая болезнь.

— Пыль, сотрите со стола пыль, — твердил Жиро, не слушая Локка, — она тоже радиоактивна! Не подам обед, пока не уберете. Собери мокрой тряпкой, Фред, и выкинь ее наружу.

Локк, ухмыляясь, вытер стол тряпкой и, когда доктор исчез за дверью, швырнул тряпку под диван.

Жиро внес на подносе кастрюлю и миски, принялся разливать суп.

Локк достал из стенного шкафа бутылку и три стакана.

— Тебе не наливаю, — заметил он доктору. — Судя по носу, ты уже покончил с недельной порцией.

— Не судите и не судимы будете, — сказал доктор, косясь на бутылку. — Я добавлял в пудинг ром и только чуть-чуть попробовал.

Дождавшись, когда Локк наполнил стаканы, доктор ловким движением выхватил у него бутылку, встряхнул, посмотрел на свет и приложил к губам.

— Луженое горло, — с легкой завистью заметил Локк, глядя на опустевшую бутылку.

— И все остальное, — сказал доктор, закусывая сардинкой. — Вы будете сегодня ночью спать, а я еще должен сочинить корреспонденцию и толкнуть ее в эфир. Это не сводка погоды! Тут нужна голова и фантазия. Наша экспедиция задумана как международная. Но кое-кто из организаторов перестарался... Двое сынов Альбиона, американец и француз

– еще куда ни шло. А попробуйте объяснить читателям парижских газет, почему Канаду должен представлять поляк Генрих Ковальский, а Норвегию – финн Тойво Латикайнен! Кстати, о ком из нас прикажете врать в сегодняшней корреспонденции?

– Можно о нем, – Локк кивнул на лежавшего под потолком геофизика. – Он жертвует обедом ради метеорного потока.

– Мысль! – подскочил на стуле доктор. – Очерк можно озаглавить: «Охотник за метеорами» и начать, например, так: «Седьмой месяц самоотверженный молодой ученый не отрывает глаз от телескопа»... Между прочим, юноша, второй раз греть обед не буду. Вы слышите?

– Да, – сказал Рассел, глядя в окуляр трубы и неторопливо записывая что-то.

– Вы, англичане, удивительно разговорчивый народ, – продолжал доктор, хлебая суп. – Не знаю, что бы я делал, если бы не было Генриха. Все-таки поляки во многом напоминают нас, французов.

– А я? – возразил Локк. – Кажется, и меня нельзя назвать слишком молчаливым.

– Во-первых, ты не настоящий англичанин. Американцы – особая нация. А во-вторых, и ты можешь часами молча сидеть над шахматной доской, как кот у мышиной норы. Он, – доктор кивнул на Стонора, – говорит только об уране. А что касается этого жреца ионосферы – не знаю, сказал ли он десять слов подряд с начала зимовки.

Койка под потолком снова скрипнула. Локк и доктор глянули на геофизика и увидели на его лице выражение величайшего изумления. Бросив карандаш, Рассел быстро крутил тонкими пальцами винты прибора; потом откинувшись на подушку, словно ослепленный, несколько мгновений лежал с закрытыми глазами, затем приподнялся и снова припал к окуляру трубы.

В это время далекий нарастающий гул заглушил вой пурги. Гул быстро превратился в оглушительный грохот, от которого задрожали стены Большой кабины и зазвенела посуда на столе. Казалось, исполинский поезд проносится в пус-

тынных горах Земли Королевы Мод. Доктор и Стонор вскочили из-за стола, опрокинув стулья. Но грохот уже постепенно затихал. Что-то похожее на взрывы донеслось издали; снова дрогнули стены, и стало тихо. И опять послышался глухой однообразный вой пурги.

— Что это? — вскричал доктор, с испугом глядя на потолок.

— Кажется, землетрясение, — сказал Стонор, прислушиваясь.

Локк внимательно следил за побледневшим от волнения геофизиком.

— Ну, что там было, Джек? — спросил он, видя, что Рассел снова откинулся на подушку и закрыл глаза.

— Гигантский болид. Его обломки, по-видимому, упали где-то поблизости.

— Вы видели его? — спросил Стонор.

— Да.

— И уверены, что это болид?

— Конечно.

— А может, это межконтинентальная баллистическая ракета? — неуверенно пробормотал доктор.

— С помощью которой русские решили уничтожить нашу станцию, — добавил Локк.

— Неостроумно, — обиделся Жиро. — Кстати, это как раз ваши соотечественники производят сейчас испытания ракет на мысе Кеннеди. О, они вполне могли, целясь в Южную Атлантику, попасть в Антарктиду.

— Это был болид, — сказал Рассел. — Он появился на северо-западе, пролетел над нашей станцией и взорвался над плато к юго-востоку от нас. Я отчетливо наблюдал уменьшение его скорости. При этом он светил все ярче. Никогда не видел такого крупного болида.

— А сейчас видно что-нибудь? — поинтересовался Стонор.

— Нет, пурга усилилась. Снег несет выше перископа.

— Установится погода, надо поискать осколки, — сказал Стонор, закуривая сигарету. — Новый метеорит, упавший в Антарктиде, — это тоже сенсация.

— Ничего вы не найдете, — возразил Локк. — Ветер сейчас гонит по плато сотни тысяч тонн снега. Все следы будут захоронены самым надежным образом. Не так ли, Джек?

Рассел спрыгнул на пол и молча пожал плечами.

— Куда? — спросил Стонор, видя, что геофизик взялся за портьеру выходной двери.

Рассел указал пальцем наверх.

— Только ни шагу от входа, — предупредил Стонор. — Слышите, что там делается?..

Рассел кивнул и исчез за тяжелой портьерой.

Через несколько минут он возвратился, отряхивая снег с бороды и усов.

— Видели что-нибудь? — спросил доктор.

— Нет...

* * *

Четверо суток бушевала пурга над обледеневшими хребтами Земли Королевы Мод. Массы сухого колючего снега неслись над утонувшими в сугробах постройками станции, словно огромная река в половодье. Даже в полдень нельзя было ничего рассмотреть в непроглядной мгле. Исчезли скалы и небо, окрестные хребты и глубокая долина, протянувшаяся на десятки миль к западу, в лабиринт пустынных гор.

Над головой гудели стальные тросы радиомачт. Свистел и завывал ураган.

Едва угасал короткий день, где-то в вышине вспыхивали сполохи полярных сияний. Их разноцветные лучи не достигали дна разбушевавшегося снежного океана. Лишь по меняющимся оттенкам снежных струй угадывалась невидимая пляска огней в антарктическом небе.

Радиосвязь прекратилась. В хаосе тресков и шорохов утонули не только голоса южноафриканских и чилийских станций, но даже и сигналы соседей — советской антарктической станции Солнечная, находившейся всего в семистах

милях от англо-американо-французской станции, возглавляемой Стонором. Не слышно было и передатчика Ледяной пещеры, где четвертый день находились отрезанные от базы геодезист Генрих Ковальский и геолог Тойво Латикайнен...

Главный выход из Большой кабины, недалеко от которого находилась будка с метеорологическими приборами, замело сугробами.

Локк и Рассел с трудом опустили крышку запасного выхода. Обжигающий вихрь ударил в лицо, ослепил. Локк выполз из люка и, лежа на снегу, принялся нащупывать трос, протянутый к будке с приборами. Пальцы хватили сухой сыпучий снег, убегающий вместе с ветром. Наконец удалось нащупать металлический стержень, забитый в лед.

Локк чертыхнулся.

– Даже и этот трос оборвало, – крикнул он Расселу, который напряженно вглядывался в окружающую тьму.

Геофизик протянул Локку тонкую нейлоновую веревку. Тот обвязался ею и уполз в темноту. Рассел внимательно следил, как разматывается веревка. Время от времени он бросал быстрые взгляды вверх, откуда в промежутки между снежными вихрями прорывались зеленовато-фиолетовые сполохи необычайно яркого полярного сияния.

«Словно на дне океана чужой планеты, – думал Рассел. – Однако почему так интенсивно свечение? Такого еще не было здесь. Может быть, это результат падения болида? И, как назло, ничего не видно...»

Веревка разматалась. Рассел привязал конец к поясу и ждал. Легкое подергивание свидетельствовало, что Локк полз в темноте, ощупью отыскивая будку с приборами.

Наконец веревка перестала дергаться.

«Добрался, – с облегчением подумал Рассел. – Но удасться ли ему при таком ветре перезарядить самописцы?»

Прошло несколько минут. Геофизик все острее чувствовал пронизывающий холод. Многослойный шерстяной костюм и меховой комбинезон не были надежной защитой от мороза и ветра. Здесь, возле купола Большой кабины, бы-

ло чуть тише, а каково Локку на открытом пространстве ледяного склона...

Веревка продолжала оставаться неподвижной. Рассел осторожно потянул ее. Ответного сигнала не последовало.

Неужели веревки не хватило и Локк рискнул отвязаться? Это было бы чистейшим безумием в такой буран.

Рассел потянул сильнее. Сомнение исчезло: конец веревки был свободен. Включил рефлектор. Однако сильный луч света пробивал тьму не более чем на полтора-два метра.

Негнуцимися пальцами Рассел торопливо привязал конец веревки к крышке люка и пополз в набитый снегом мрак.

* * *

Стонор беспокойно глянул на часы:

– Долго копаются...

Доктор, развалясь на диване, неторопливо потягивал ром.

Замечание Стонора почему-то развеселило француза. Он оскалил желтые зубы, хотел что-то сказать, но махнул рукой; посмеиваясь, налил себе еще рома.

Стонор нахмурился и отодвинул бутылку подальше от Жиро.

– Прошу вас, доктор... Последние дни вы опять злоупотребляете... Кстати, не попробовать ли еще раз связаться с Ковальским?

– Бесполезно, шеф, – Жиро вздохнул. – В эфире трещит громче, чем у меня в голове.

– Попробуйте все-таки, а я посмотрю, что делают Локк и Рассел.

Доктор, пошатываясь, прошел в радиорубку, примыкающую к Большой кабине, надел наушники, включил передатчик. Трескотня в эфире как будто уменьшилась. Но что это?..

Маленькие глазки доктора широко раскрылись. Может быть, ему показалось? Нет, вот снова. Станный прерывистый вой звучал в наушниках. У доктора пересохло во рту, и он мгновенно протрезвел. Никогда в жизни ему не при-

ходило слышать ничего подобного... Вой затих, потом возник снова. Это не было похоже на атмосферные помехи. Скорее призыв или угрожающее предупреждение; какая-то ошеломляющая мелодия, полная ярости, тоски и невыразимой боли. Доктор почувствовал, что холодеет. Он сорвал наушники и отбросил в сторону. Но дикая устрашающая мелодия продолжала звучать в ушах.

«Похоже, я схожу с ума», — мелькнуло в голове Жиро, и он ринулся прочь из радиорубки.

В Большой кабине никого не было. Доктор оперся руками о стол, до боли закусил губы, стараясь собраться с мыслями. Колени дрожали... Он пощупал пульс и растерянно всплеснул руками.

— Не меньше двухсот...

Схватив бутылку с ромом, приложил к губам. Зубы противно стучали о холодное стекло.

Когда облепленные снегом Рассел и Стонор втащили в Большую кабину неподвижное тело Локка, доктор сидел у стола, напряженно глядя в одну точку. Он не шевельнулся

и тогда, когда Локка уложили на диван и Рассел принялся стягивать с метеоролога меховой комбинезон.

Стопор оглянулся на доктора.

– Ждете специального приглашения? Посмотрите, что с ним. Джек нашел его возле будки с приборами. Чудо, что нашел...

– С-сейчас, – пробормотал доктор, медленно приближаясь к дивану, на котором лежал Локк.

Рассел внимательно посмотрел на Жиро и тихо отстранил его:

– Я сам... Вы отдохните...

Стопор стиснул кулаки.

– Вы все-таки не послушали меня, – негромко сказал он доктору. – И вот что получилось, когда вы нужны. Идите в коридор, а когда протрезвитесь, закройте люк.

Доктор, пошатываясь, исчез за портьерой.

Рассел со шприцем в руках подошел к Локку.

– Он потерял сознание не от холода, – заметил Стопор. – Руки у него теплые. Может, его ударило обо что-то?

– Сейчас узнаем, – сказал Рассел, вонзая иглу в руку Локка.

Через несколько минут метеоролог шевельнулся и открыл глаза.

– Выпей-ка, старина, – прошептал Стопор, поднося стакан к губам товарища.

Локк проглотил лекарство и откинулся на подушки.

Взгляд его постепенно принял осмысленное выражение. Казалось, метеоролог припоминает что-то. Потом он сделал знак, чтобы Стопор нагнулся.

– Проверьте, хорошо ли закрыты входные люки, – прошептал метеоролог, – там...

Он не успел кончить. Громкий вопль заглушил вой урагана. Портьера распахнулась, и в Большую кабину одним прыжком влетел доктор.

Он был без очков и шапки, его рыжие волосы стояли дыбом, лицо было перекошено от ужаса.

– Помогите! – закричал он, ухватившись за Стопора. – Скорей! Сейчас оно войдет...

Стонор резко оттолкнул доктора, шагнул было к выходу в коридор и остановился, сообразив, что не захватил оружия.

В это время электролампы, освещающие Большую кабину, начали медленно гаснуть.

— Скорее к генератору, Ральф! — раздался в ступающем мраке голос Рассела. — Я посмотрю, кто там.

И Рассел с пистолетом в одной руке и фонарем в другой выбежал в коридор.

— Сразу стреляй, если увидишь его! — крикнул Локк, пытаясь подняться с дивана.

...Стонор дрожащими руками шарил по распределительному щиту электростанции. Вот рубильник, переключающий сеть на аккумуляторы.

«Слава всевышнему, есть свет»...

Выхватив из ящика стола автоматический пистолет, Стонор кинулся в Большую кабину, резким движением откинул портьеру. Потянуло холодом.

По лестнице из верхнего коридора медленно спускался Рассел. Он тщательно закрыл дверь, ведущую на лестницу, задвинул тяжелый засов и опустил портьеру, затем бросил на стол какой-то предмет. Это были раздавленные очки доктора.

— Что там было? — спросил Стонор, внимательно глядя на Рассела.

— Не видел ничего.

— Люк был открыт?

— Да, но возле него никого не было. Не было даже следов. Вот только раздавленные очки.

— Чуть! — поднял голову Жиро. — Оно вылезло из темноты и хотело схватить меня. Я увернулся, но у него остались моя шапка и очки.

Рассел молча указал на лежащие на столе остатки очков.

— Что тебе померещилось, Ришар? — спросил Стонор, пристально глядя на француза.

— Сам не понимаю, что это было. Живое существо или призрак...

– Призрак, – насмешливо повторил Стонор. – Так-так... Дело дошло уже до призраков...

– Ты, конечно, можешь мне не верить, – чуть не плача, возразил доктор. – Я действительно хватил лишнего. Но если бы ты слышал то, что довелось слышать мне... – доктор прерывисто вздохнул. – Иди, послушай, что творится в эфире. Иди, иди...

Стонор пожал плечами, но прошел в радиорубку. Надел наушники, принялся крутить ручки настройки.

– Обычная трескотня, по-видимому, связанная с полярным сиянием, – крикнул он наконец. Отложив наушники, он возвратился в Большую кабину.

– Может, я действительно схожу с ума, – растерянно пробормотал доктор.

Локк, приподнявшись на диване, внимательно разглядывал остатки очков.

– Здорово покорежило, – вполголоса заметил он, пододвигая Стонору расплюснутую оправу. – Можно подумать, что побывали под пневматическим молотом.

– Он сам наступил на них, – сказал Стонор, кивнув на доктора.

– Если у тебя есть лишние очки, – возразил Локк, – готов доказать, что, затапывая в снег, их нельзя так изуродовать.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я хочу сказать... – Локк сделал паузу и обвел всех серьезным взглядом, – хочу сказать, что какая-то мохнатая тварь, похожая на обезьяну, появилась около меня, когда я возился у будки с приборами. Я шарахнулся в сторону и, наверно, треснулся головой о мачту ветромера...

К рассвету следующего дня ураган начал стихать. Когда из-за северного горизонта выкатилось неяркое красноватое солнце, пурга почти улеглась. Ветер налетал лишь редкими шквалами, вздымая облака снежной пыли на крутых белых склонах.

Синие тени легли в глубоких, занесенных снегом ущельях, куда не проникали лучи низкого солнца. Поиски в окрестностях станции не дали результатов. Никаких следов

не осталось — за ночь все замело снегом. Ничего живого не было видно на много километров вокруг.

Радио Ледяной пещеры продолжало молчать. Было решено, что Стонор и Рассел попытаются добраться туда на лыжах. Доктор и Локк должны были остаться в Большой кабине.

После завтрака Стонор и Рассел стали собираться в путь.

Поверх пуховых комбинезонов надели легкие ветронепроницаемые костюмы ярко-красного цвета, подняли опушенные серебристым мехом капюшоны.

— Элегантная пара, — заметил Локк, вышедший проводить их. — Вареные раки! Оружие не забыли?

— Ты еще веришь в своего мохнатого призрака, Фред? — спросил Стонор.

Локк смущенно усмехнулся:

— Оружие все-таки следовало бы взять.

— В порядке, Фред! — Рассел похлопал рукой по оттопыренному карману куртки.

Они легко поднялись на ледяной холм. Рассел оглянулся, помахал красной рукавицей и вслед за Стопором быстро побежал вдоль крутого склона.

Высоко над головами лыжников громоздились черные, иссеченные трещинами обрывы. Тропа, проложенная к Ледяной пещере, исчезла. Ее замело снегом.

За поворотом открылась далекая панорама уходящего на запад ущелья. Снежные козырьки нависали над черными базальтовыми стенами. Обрывы, сложенные древними лавами, высились над застывшими волнами огромного ледника. Неподвижная, иссеченная глубокими трещинами ледяная река текла с юго-запада, из неисследованных областей Земли Королевы Мод.

Стонор, бежавший первым, остановился, приложил к глазам бинокль.

— Вижу вход в Ледяную пещеру, — объявил он, — но кругом ни души. Странно, что они, потеряв связь, не попытались в такую погоду выйти нам навстречу.

Рассел молча поправлял крепления лыж.

– Кстати, что вы думаете, Джек, о ночной панике? – спросил Стонор, пряча бинокль.

Рассел молча пожал плечами.

– Сегодня утром мне пришла в голову странная мысль, – продолжал Стонор. – Очень странная. Вы не догадываетесь?..

Рассел покачал головой.

– Видите ли, я много лет работал в Гималаях. Впрочем, все это, конечно, суший вздор. Не стоит и говорить...

Стонор резко оттолкнулся палками и понесся вниз, оставляя на синевато-белом снегу четкую нить лыжного следа.

Не дойдя нескольких шагов до узкой щели, ведущей в глубь ледяного купола, Стонор остановился и громко крикнул. Эхо, отраженное от базальтовых стен, долго повторяло возглас и стихло вдали. Никто не отозвался.

– Странно, – пробормотал геолог, вытирая рукавицей пот со лба.

Рассел снял лыжи и шагнул к расселине. Кругом лежал волнистый покров свежего снега. Ни единый след не темнел на его искрящейся поверхности. Геофизик ступил шаг, потом другой и провалился почти до пояса.

– Похоже, что они не выходили из пещеры после пурги, – ворчал Стонор, осторожно пробираясь вслед за Расселом.

В глубине расселины снегу было меньше, однако глубокую тишину по-прежнему не нарушал ни один звук.

Ледяные стены расселины сблизились. Стало темно. Яркий день чуть просвечивал сквозь зеленоватые толщи льда.

Рассел включил рефлектор. Сильный луч света уперся в узкую обледеневшую дверь. Она была закрыта.

Рассел скользнул лучом по ледяным стенам. Сверкнули металлические крепления лыж. Прислоненные к стене нарты отбросили на лед длинные изогнутые тени.

– Они здесь, – сказал Стонор. – Лыжи и нарты на месте. Хэлло, Генрих!..

Ответа не последовало.

— Однако они выходили сегодня! — крикнул Стонор, указывая на следы, натоптанные возле двери. — Эй, Тойво, Генрих! — Он толкнул дверь. Она не поддавалась.

— Заперта изнутри, — заметил геолог, собираясь постучать.

Рассел потянул его за рукав.

— Дверь примерзла, Ральф.

Он налег на дверь плечом. Стонор помогал. Дверь с треском распахнулась.

В Ледяной пещере было темно.

— Генрих, Тойво! — снова крикнул Стонор. В его голосе слышался испуг.

Рассел, пригнувшись, шагнул в дверь, нашел аккумуляторы, щелкнул выключателем. Неяркий желтый свет залил Ледяную пещеру. На низких складных койках лежали спальные мешки. Они были пусты. В углу на примусе стояла покрытая инеем сковородка. Возле — пустая банка из-под консервов.

Стонор, протиснувшись в дверь, в недоумении огляделся.

— Записка, — сказал Рассел.

На столе возле радиопередатчика лежал лист бумаги. Стонор поспешно выхватил записку из рук геофизика, щурясь, с трудом разбирал корявые, наспех нацарапанные строчки.

— «Вчера прорубились к главной жиле. Она вся избуравлена какими-то ходами. Тойво сказал, что это похоже на древние выработки». — Стонор умолк и уставился на геофизика: — Какая чепуха, Джек!

— Читайте дальше, — попросил Рассел.

— «Он пошел их посмотреть и не вернулся», — продолжал Стонор. — «Иду искать его. Генрих».

— Но записка датирована утром вчерашнего дня, — заметил Рассел, взяв у Стонора листок бумаги.

— И ни слова о том, есть ли уран, — пробормотал Стонор.

— Вероятно, это из жилы, — сказал геофизик, указывая на лежавшие возле койки камни.

Стонор поспешно наклонился, схватил образцы и принялся жадно разглядывать их.

– Ну и штука! – прошептал он. – Богаче, чем наверху. Чистый уранинит. Ты понимаешь, что это значит, Джек?..

Рассел неторопливо крутил верньеры передатчика.

– С приемником у них что-то произошло, он не работает...

– Исправить не сможем?

– Кажется, сели лампы. А запасных тут нет.

– Что же делать?

– Надо спуститься к жиле.

– Понимаешь, Джек, – Стонор замялся. – Мне кажется, лучше подождать... Возможно, они скоро вернуться.

– Генрих ушел сутки назад, а Тойво еще раньше. С ними что-то случилось.

Стонор отвел глаза.

– Боюсь, что спуск к жиле небезопасен. При таком содержании урана... – он кивнул на образцы. – Нужен индикатор радиоактивности, а я оставил его в Большой кабине.

– Я спущусь один, – холодно предложил Рассел.

– Как начальник зимовки запрещаю тебе. Сделаем так: ты останешься здесь, ждать их возвращения. Если нужно, поможешь, когда вернуться. Я поеду в Большую кабину. Вернусь с Фредом. Мы привезем индикатор, веревки и запасные радиолампы. Если Генриха и Тойво еще не будет – организуем поиски.

– Но если с ними что-то случилось и помощь нужна немедленно?

– Два-три часа ничего уже не изменят, Джек. Кроме того, я думаю, что Генрих спутал даты. Записка написана сегодня утром, а не вчера. Генрих ушел на поиски совсем недавно. Ты забыл о следах, которые мы видели у входа в пещеру.

– Если это следы Генриха, непонятно – почему он выходил босиком?

– Босиком?..

– Да, у двери пещеры на снегу были следы босых ног.

– Чушь! – воскликнул Стомор. – Невероятная чушь, – повторил он и вдруг умолк. – Впрочем, это легко проверить, Джек.

Он поспешно схватил фонарь и распахнул дверь.

– О, черт, мы затоптали эти следы, – донесся из ледяного коридора его голос. – Нет, конечно, тебе показалось, – продолжал Стомор, возвращаясь. – Кому пришло бы в голову бродить по снегу босиком?.. Значит, решено. Я еду, ты остаешься.

Когда входная дверь захлопнулась, Рассел быстро поднялся и задвинул металлические засовы.

Теперь можно было приниматься за дело.

Геофизик приподнял крышку деревянного люка в стене Ледяной пещеры. Потянуло морозным воздухом. Рассел прислушался. Ни единый звук не доносился из узкого прохода, пробитого сквозь лед к подножию базальтовых обрывов. Геофизик привязал конец шнура к кольцу люка и, перебросив моток через плечо, осторожно пролез в темное отверстие. Включил рефлектор. Ярко блеснули ледяные стены. Прямой, чуть наклонный ход терялся в зеленоватом мраке.

* * *

– Ни за какие блага я не останусь тут один, Стомор. – Голос доктора стал хриплым от волнения. – Ни за какие, понимаете?! Если вы не вернетесь до темноты, я... сойду с ума.

У Фреда Локка дрогнули углы губ. Он с трудом сдерживался.

Стомор растерянно развел руками.

– Тогда тебе придется идти со мной, Ришар. Может, так будет даже лучше – вдруг там понадобится твоя помощь. А Фред останется в Большой кабине.

Фред Локк хватил кулаком по столу. Звякнули стаканы. Заметались стрелки счетчиков.

— Это не зимовка, а богадельня трусов! — заорал метеоролог. — Почему ты просишь, а не распоряжаешься, Ральф? Кого ты хочешь взять с собой? Он не опомнился со вчерашнего вечера и свалится на полпути. Ох, не хотел бы я быть рядом с вами в случае реальной опасности.

— Ты не кричи, а посоветуй, что делать, Фред, — тихо сказал Стонор.

— Точно ты сам не знаешь! Забираем груз — и полный вперед. И ты, — Локк поднес кулак к самому носу доктора, — если заикнешься еще раз, что трусишь, будешь ходить в гипсе до конца зимовки. Ясно?

Доктор испуганно отшатнулся.

— Задрай входной люк и не вздумай открывать его, что бы тебе ни померещилось. Понял? И не отходи от передатчика. Через час вызовем по радио Большую кабину. Пошли, Стонор!

В дверях Локк оглянулся на доктора, указал на стенной шкаф, щелкнул себя большим пальцем по воротнику и со свирепым видом потряс головой.

* * *

...Еще издали Стонор и Локк разглядели длинную фигуру Рассела. Геофизик лазил по глубокому снегу возле ледяного купола, потом исчез в расселине. Когда Локк и Стонор приблизились, он вышел им навстречу.

— Как дела, Джек? — крикнул Стонор, освобождаясь от лыж.

— Генрих здесь.

— А Латикайнен?

— Его нет.

— И что говорит Генрих?

— Почти ничего. Он очень плохо себя чувствует. Уже дважды терял сознание.

— Ранен?

– Нет... Скорее какое-то странное лучевое поражение.

Локк тихонько свистнул.

Все трое поспешно прошли в Ледяную пещеру.

Ковальский в меховом комбинезоне лежал поверх спального мешка. Изрытое глубокими морщинами лицо казалось окаменевшим. Глаза были закрыты, зубы сжаты, под ногтями проступила синева.

– Нет, нет, он жив, – сказал Рассел в ответ на испуганный взгляд Стонора, – но опять без сознания.

Локк наклонился над Ковальским, пощупал пульс, покачал головой.

– Скверно иметь кретина вместо врача.

– И все же от него здесь было бы больше пользы, чем от всех нас, вместе взятых, – заметил Стонор.

По телу поляка пробежала чуть заметная дрожь. Локк протянул руку, хотел коснуться его лба, но от волос Ковальского ударили синеватые искры. Локк поспешно отдернул руку.

Стонор и Рассел переглянулись.

– Кажется, его тело наэлектризовано? – растерянно пробормотал Локк,

– Во всяком случае, это не радиоактивность, – сказал Стонор. – Какая-то чертовщина! Боюсь, тут и Жиро будет бессилён. А как по-твоему, Джек?

– Вероятно, там, в этом подземном лабиринте, его поразила какой-то разряд, – задумчиво ответил геофизик. – Там целый лабиринт, Ральф. Я не знаю, выработки ли это... Но ими издырявлена и сама жила, и вмещающие ее лавы. Генрих сказал мне, что плутал несколько часов. Тойво не нашел и не видел даже его следов. А потом... вдруг почувствовал слабость. Больше он ничего не помнит.

– Вы, значит, спускались туда? – спросил Стонор.

– Да.

– И как себя чувствуете сейчас?

– Пока нормально. Но я пробыл там недолго...

– Странно, очень странно, – пробормотал Стонор. – Просто не знаю, что подумать. Радиоактивность руды не могла подействовать так быстро.

– Руды там почти не осталось, – сказал Рассел. – Похоже, что она... вынута...

– Невероятно... Что же нам делать с Генрихом?

– По-моему, ему становится лучше, – заметил Локк. – Смотрите, бледность постепенно исчезает. И дышит он ровнее... Какова может быть природа этого странного поражения?

– И, главное, каковы будут последствия? – сказал Рассел.

– Не кажется ли тебе, Джек, что это могли быть какие-то земные токи, связанные со вчерашним необычайно интенсивным полярным сиянием? – спросил Стонор.

– Нет.

– Но тогда что?

– Не знаю.

– Бесплезно заставляя Джека фантазировать, – сказал Локк. – Лучше фантазируй сам. Это твоя специальность, Ральф.

– Не остроумно, – обиделся геолог. – И должны же мы в конце концов понять, что здесь происходит.

– Это не похоже на поражение электрическим током, – сказал Рассел. – И, конечно, не радиоактивность... Может быть, какое-то особое излучение? Нейтрино, мезоны? Но источник его совершенно непонятен...

– Кажется, обморок переходит в сон, – заметил Стонор, прислушиваясь к дыханию поляка.

– Превосходно! Выкладывай, где ты его нашел, Джек.

– В ста семидесяти метрах отсюда, у разветвления... штольни, прорубленной в рудной жиле.

– У разветвления... штольни? – поднял брови Стонор. – Ты действительно считаешь, что лабиринт – это древние выработки?

– Не знаю... Но похоже, что он искусственный... Впрочем, тебе надо все это посмотреть самому. Я никогда не видел древних выработок.

– Похоже, что в твоём месторождении кто-то уже ковырялся, Стонор, – насмешливо заметил Локк.

– Похоже, что мы все понемногу сходим с ума! – крикнул геолог. – Здесь не может быть никаких горных выработок.

Понимаете? Никаких... Мы – первые люди, проникшие в эту часть Антарктического континента.

– Тогда остается предположить, что выработки пройдены пингуинами или теми обезьяноподобными призраками, которые навели нас минувшей ночью.

– Сейчас не так важно – искусственный лабиринт или естественный, – сказал Рассел. – Один из наших товарищей еще находится там. Вероятно, с ним случилось то же, что с Генрихом.

– Джек прав, – нахмурился Локк. – Надо действовать, а не болтать. Стомор, мы ждем твоих распоряжений.

– Один из нас должен остаться с Генрихом.

– Превосходно... Оставайся ты, а мы с Джеком идем искать Тойво.

– Но я должен скорее посмотреть то, что Джек называет штольной.

– Тогда командуй, а не рассуждай!

– Пожалуй, останься ты, Фред, – поспешно сказал Стомор. – Кстати, надо исправить передатчик и установить связь с доктором. Никто не сделает это лучше тебя.

– Есть, шеф. И проваливайте быстрее под землю или под лед, если угодно, – посоветовал метеоролог, открывая люк ледяного тоннеля.

* * *

– Как далеко мы ушли, Джек?

– Я размотал около пятисот метров шнура. Если учесть бесконечные повороты, мы находимся метрах в трехстах по прямой от Ледяной пещеры.

– Сколько шнура осталось?

– Еще столько же.

Рассел и Стомор медленно спускались по наклонному трубообразному каналу, проходившему в сплошной толще лав. Черные стены канала тускло поблескивали в лучах ре-

флекторов.

– Опять поворот.

– И ответвление вправо. Жила осталась где-то в стороне, Джек. Здесь руды нет. Смотри, это базальт или что-то очень похожее на него.

Стопор с силой ударил молотком по гладкой стенке канала.

– Хотел бы я знать, что это за пустоты. Ни в одной выработке я не видел таких идеально гладких стен. Можно подумать, что их специально выравнивали и полировали.

– Или прорезали чем-то, что значительно прочнее этого камня, – предположил Рассел.

– Поразительно и то, – продолжал Стопор, – что они совсем не похожи на древние выработки. Я видел древние выработки в Нубии и в Тибете. То были дьявольские спиральные ходы, в которые едва мог протиснуться человек. А здесь простор, ювелирная обработка камня, можно идти не сгибаясь. Если бы мы не находились в центре Антарктиды, я бы сказал, что весь этот лабиринт искусственный. Но ведь Антарктида находится подо льдом уже миллионы лет... И потом, я затруднился бы назвать ультрасовременный рудник в Соединенных Штатах, где имеются такие совершенные подземные выработки. Тут не хватает лишь электричества. Даже существует какая-то система вентиляции... Повсюду ощущается ток свежего воздуха.

– Снова поворот, и опять спуск вниз.

– Похоже, что этому лабиринту не будет конца, Джек. Мы уже опустились значительно ниже дна ущелья. Странно, что не повышается температура.

– Вероятно, это результат хорошей вентиляции.

– Стоп, дальше хода нет. Впереди лед. Откуда он мог взяться на такой глубине?

Стопор тщательно обследовал ледяную пробку, преградившую путь, отколол кусок льда, вглядывался в искристый зеленоватый излом.

– Еще одна загадка, Джек. Этот лед, вероятно, проник в лабиринт с поверхности. Значит, одно из входных отверстий было перекрыто льдом. Скорее всего ледником, запол-

няющим теперь ущелье. Лед, как известно, способен течь. Поток твердого льда, постепенно двигаясь вниз по пустотам лабиринта, затек до этих глубин. Но это означало бы... – Стонор умолк, многозначительно поглядывая на геофизика.

– Что у лабиринта весьма солидный возраст, – спокойно сказал Рассел.

– Именно. Это означало бы, что лабиринт образовался или был создан кем-то еще до последнего оледенения Антарктиды, то есть много миллионов лет тому назад.

Рассел шевельнул бровью, но промолчал.

– Тебя это не удивляет, Джек?

– Удивляет немного и это, и другое, но... Тсс! Ты слышал?

Оба замерли, прислушиваясь. Что-то, похожее на шипение, донеслось издали.

– Ветер?

Рассел предостерегающе поднял руку. Шипение послышалось ближе. Потом – тихий шорох, напоминающий шаг...

– Это Тойво; пошли, Джек. Хэлло, Тойво!..

– Тсс! – сильная рука Рассела зажала Стонору рот. – Тихо, Ральф. Гаси рефлектор.

Их окутала тьма.

– Джек, ты сошел с ума...

– Ни слова, – прошептал геофизик. – Здесь гораздо больше непонятного, чем тебе кажется. Непонятного и, может быть, опасного...

Щелкнул предохранитель автоматического пистолета.

– Не вздумай стрелять, Ральф. Мы еще не знаем, что там.

Стонор опустил пистолет. В окружающем непроглядном мраке теперь царил абсолютная тишина.

Ждали долго. Из лабиринта больше не доносилось ни одного звука.

– Может, нам показалось, Джек?

Рассел не ответил.

– Надо возвращаться. На сегодня хватит.

– А Тойво?

– Может быть, он уже ждет нас в пещере.

– Едва ли.

Рассел включил рефлектор. Обратно шли медленно. Остатывались, прислушивались и снова карабкались вдоль тонкого нейлонового шнура – единственной нити, связывавшей их с выходом из подземного лабиринта.

В стенах темнели бесчисленные отверстия – входы в боковые коридоры. Одни уходили куда-то в стороны, другие вели наверх, третьи круто спускались вниз.

Рассел шагнул впереди, на ходу сматывая шнур. Вдруг геофизик резко остановился. Стопор понял – что-то произошло.

– В чем дело?

Рассел обернулся. Ослепленный светом его рефлектора, Стопор зажмурил глаза. Первое, что он увидел, когда открыл их, был конец шнура в руках Рассела. Шнур был оборван. Ни в одном из четырех тоннелей, уходящих от места обрыва, продолжения шнура не было видно.

– Очень странно, – тихо сказал геофизик, разглядывая конец шнура.

– Может быть, случайный обрыв? – неуверенно предположил Стопор. – Трудно усмотреть в этом дело чьих-то рук.

– Обыкновенные руки вообще не разорвали бы такого шнура. Он выдерживает нагрузку в пятьсот килограммов.

– Пожалуй, ты прав. И все же он разорван. Что теперь делать?

– Искать выход.

– Но как?

– Оставайся здесь, а я осмотрю разветвления тоннеля. В одном из них должен находиться второй конец шнура.

– Но ты можешь заблудиться...

– Я захвачу оставшийся у нас шнур. Мы будем связаны им. Держи оборванный конец, Ральф.

Рассел исчез в левом ответвлении штольни. Через несколько минут он возвратился.

– Там тупик. Тоннель перекрыт льдом. Теперь посмотрим следующий...

– Подожди-ка, Джек, – тихо сказал Стонор. – Пока тебя не было, я... Одним словом, шнур не оборван... Кто-то перегрыз его. Похоже, что это ловушка. В лабиринте скрываются какие-то живые существа.

* * *

Локк долго возился с ремонтом радиопередатчика. Пришлось менять лампы и несколько пробитых конденсаторов.

– Можно подумать, что в него угодил такой же разряд, как в Генриха, – бормотал метеоролог, отодвигая в сторону ворох замененных деталей. – Чудо, если после этой операции он заработает.

Передатчик заработал. Локк удовлетворенно хмыкнул, напяливая наушники, повернул ручку настройки. И сразу же в шорох далеких станций ворвался пронзительный тенор доктора:

– Ледяная пещера, алло, Ледяная пещера, почему не отвечаете? Отвечайте! Перехожу на прием.

«Вот разверещался», – с раздражением подумал Локк, щелкая переключателями.

– Ледяная пещера слушает! – крикнул он в микрофон. – Как у тебя дела, Красная Шапочка?

Выслушав встревоженный писк доктора, Локк коротко рассказал, что произошло.

– Ты уверен, что он спит? – спросил после краткого молчания доктор.

Локк оглянулся на Генриха.

– По-моему, спит. Дыхание хорошее. Цвет лица почти нормальный... Не слышишь меня? Сильные помехи? Вот черт! – Локк хлопнул себя по лбу. – Забыл о заземлении. Минуту, Красная Шапочка, кое-что надо доделать.

Метеоролог снял наушники и подсоединил провод к штырю заземления. Послышался треск – и зеленый глазок передатчика погас. Передатчик снова вышел из строя. Локк

поспешно вырвал из гнезда шнур заземления. На конце шнура с треском полыхнула зеленая искра. В воздухе резко запахло озоном.

Метеоролог вытер ладонью влажный лоб.

«Что это могут быть за разряды? Неужели придется повторить всю трехчасовую работу?»

Он осторожно потрогал ладонью ледяной пол возле штыря заземления. Показалось, что ладонь чувствует покалывание. А может, так ощущался холод?

Локк прошелся по ледяной комнате, пощупал рукой стены, потолок. Вокруг был обыкновенный лед. Выключил свет. Нигде никакого свечения. Лишь сквозь южную ледяную стену пещеры слабо пробивался дневной свет. Локк подошел к койке, на которой лежал Ковальский, прислушался к дыханию спящего, пощупал пульс. Дыхание было ровное, пульс почти нормальный.

Локк снова принялся за передатчик. На этот раз вышли из строя только предохранители. Метеоролог быстро заметил их и вскоре снова услышал призывы доктора:

– Ледяная пещера, алло, Ледяная пещера...

– Я тебя слышу, Красная Шапочка... Ничего особенного. Сгорели предохранители. Кстати, отключи-ка заземление... Так надо...

– Солнце садится. Через полчаса будет совсем темно. Что мне делать? – вопрошал доктор.

– В шестнадцать ноль-нольними показания метеоприборов, перезаряди самописцы в снежном коридоре. Если установишь связь со Слоновым островом, попробуй передать им метеосводку; потом съешь обед и садись возле передатчика. Если до двадцати ноль-ноль я тебя не вызову, снова проведи метеонаблюдения, поужинай и спокойно ложись бай-бай. Если постучится серый волк, не открывай ему... Разговор окончен. Как понял?

Не дослушав сетований доктора, Локк отложил наушники.

«Долго не возвращаются Рассел и Стонор. Не случилось ли чего?»

Локк поднял крышку люка и прислушался. В ледяном коридоре было тихо.

Не закрыв люка, метеоролог присел на ящик возле койки. Сказывалась бессонная ночь. Хотелось спать. Незаметно он задремал.

Разбудило чье-то прикосновение. Локк вскочил. Генрих, приподнявшись на койке, с трудом шевелил перекошенными губами.

Наклонившись к нему, Локк разобрал слово: «Радио!». Метеоролог поспешно обернулся к передатчику. Из наушников доносился отчетливый шорох. В трескотне и свисте помех Локк едва различил голос доктора. Станный, постепенно нарастающий вой неся из эфира, заглушая слова, которые кричал в микрофон Жиро:

– ...Сломали... напали... о господи!

– Ключ, передавай ключом, Ришар! – крикнул Локк и сам перешел на ключ.

Ответа не последовало. В вое, который неся из наушников, уже ничего нельзя было разобрать.

Локк глянул на часы. Пять. Ночь наступила, а Рассела и шефа все нет. И у доктора что-то стряслось... А может, он снова напился?

Восклицание Генриха заставило Локка оглянуться. Из открытого люка струился неяркий фиолетово-зеленоватый свет. Локк стремительно вскочил, опрокинув табурет, нащупал в кармане комбинезона рукоятку пистолета. Полоса фиолетового света становилась все ярче.

– Кто там? Стоять! – крикнул Локк, наводя пистолет на отверстие люка. Ответа не последовало, однако свет начал постепенно бледнеть.

– Стоять! – повторил Локк, делая шаг к люку и заглядывая в него.

В ледяном коридоре никого не было. Только где-то вдали бледнело, расплывалось неярко фиолетовое пятно.

Локк прицелился... и не выстрелил. Светящееся пятно исчезло. Метеоролог захлопнул крышку люка и задвинул ее тяжелым ящиком.

Генрих сидел на койке, свесив на пол одну ногу. Широко раскрытыми глазами глядел на Локка.

— Кто... там... был?... — Поляк с трудом шевелил перекошенными губами.

— Не разглядел, — ответил Локк, прислушиваясь. — А ты? Что было с тобой?

— Не... помню... странно... Я, кажется, отлежал... руку и... ногу... не чувствую...

Резкий стук не дал ему кончить.

Ящик, которым был привален люк, шевельнулся.

Ковальский попытался приподняться.

— Спокойно, Генрих, — Локк шагнул к койке и заслонил собой товарища.

«Держись, Фред, — мысленно подбодрил себя. — Трус умирает тысячу раз, храбрец — всего один раз... Сейчас узнаем, что за дьявольские бестии ползают тут в темноте и действуют нам на нервы».

В ледяной стене появилась полоса света. Люк медленно открывался. Локк поднял пистолет и... тотчас опустил его.

В освещенную щель протиснулась красная рукавица Рассела.

* * *

Стонор первым подкатил к главному входу Большой кабины. Облегченно вздохнул:

— Наконец-то дома...

Снег возле входа был расчищен, однако обледеневшая дверь оказалась запертой.

Там, в Ледяной пещере, тоже был «дом», но после приключений в подземном лабиринте, а особенно после ночи, проведенной в ожидании таинственного врага, этот ледяной дом был полон непонятной угрозы.

«Вообще в событиях последних дней много загадочного и необъяснимого, — подумал Стонор. — Не вызывают сомнений в своей реальности только четыре факта: открытие

месторождения урана, обнаружение подземного лабиринта в древних лавах, исчезновение Латикайнена и паралич Ковальского. Все остальное на грани фантазии и может оказаться просто галлюцинацией. После долгих месяцев зимовки у всех напряжены нервы. Локку и доктору померещился в темноте какой-то мохнатый призрак. Нам с Расселом почудились шорохи в подземном лабиринте... И еще эта поразительная история со шнуром, которая могла окончиться трагически, а теперь выглядит просто бредом...»

Когда Стонор предположил, что шнур перегрызен, они с Расселом решили не разлучаться и продолжать поиски выхода совместно. Они придавили конец шнура куском базальта, прошли через второй тоннель и очутились в огромной пещере, через которую раньше не проходили. И тут они случайно обнаружили на полу второй конец своего шнура. Как он очутился там?..

Шнур лежал между камней, образуя несколько спутанных петель, словно брошенный кем-то второпях. Они с Расселом размотали петли, и оказалось, что шнур тянется дальше в один из тоннелей. Рассел начал уверять, что на шнуре появились утолщения, которых раньше не было, однако вне всякого сомнения это был их шнур, неизвестно как попавший в ту часть лабиринта, через которую они не шли. Осторожно двигаясь вдоль шнура, они в конце концов благополучно достигли выхода в Ледяную пещеру. Правда, здесь их чуть было не перестрелял Локк, но, к счастью, все окончилось благополучно... Благополучно, если не считать того, что Латикайнен исчез бесследно, а Ковальский болен...

Ночью, разумеется, никто не сомкнул глаз. Рассел снова и снова перематывал шнур. Он безуспешно пытался найти утолщения, почудившиеся ему во время пути по лабиринту. Локк копался в умолкнувшем передатчике...

Однако все имеет свой конец; кончилась и эта ночь, а на главной базе, кажется, обошлось без происшествий...

Стонор постучал лыжной палкой в обледеневшую металлическую обивку двери.

В чистом морозном воздухе раннего антарктического утра удары прозвучали, как гонг. Однако за дверью никто не отозвался. Стонор ждал, закусив губы. Подъехал Рассел, волоча нарты с Генрихом.

— Спит он, что ли? — раздраженно проворчал Стонор, снова принимаясь колотить палкой в дверь.

За дверью по-прежнему было тихо.

— Что вы подняли такой трезвон? — крикнул Локк, который задержался возле метеорологической будки. — Готов держать пари на свою бороду, что ночью доктор не высовывал носа наружу. У будки ни одного следа. Плакали мои наблюдения...

— На рассвете мело, — заметил Стонор. — Следы могло занести.

— Эй, Красная Шапочка, проснись, бабушка приехала! — заорал Локк и, вложив два пальца в рот, пронзительно зашвистел.

Однако и после этого разбойничьего свиста, сопровождаемого дробью палочных ударов по металлу двери, никто не отозвался.

— Может, с ним что-то случилось, — встревоженно предположил Стонор. — Такой шум поставил бы на ноги даже мертвецки пьяного... Неужели придется ломать дверь?

— Подождите, — вмешался Рассел. — Дверь нам еще понадобится. В ледяном коридоре у ангара есть запасной радиопередатчик.

— Идея! — крикнул Локк. — Попробуем начать переговоры по радио.

Метеоролог возвратился через несколько минут, таща маленький блестящий ящичек. Сдвинув меховую шапку набекрень, прижал к уху один наушник. Вспыхнул зеленый глазок на панели передатчика. Локк уже открыл рот, чтобы произнести позывные, но вдруг вытаращил глаза и застыл в недоумении.

— Ну, что там еще такое, Фред? — испуганно спросил Стонор, переставая долбить палкой в дверь. — Что случилось?

– Нет, вы послушайте только! – вырвалось у Локка. – Возьмите наушники. Что за кретин!..

Стопор торопливо схватил наушники.

– Алло, Ледяная пещера. Стопор, Рассел, откликнитесь!
– явственно услышал он прерывающийся шепот доктора.
– Святая Тереза Лиможская, дева Мария, помогите... алло, перехожу на прием...

– Скорее, Фред, он перешел на прием.

Локк откашлялся и пустил в эфир такой набор замысловатой брани, что Стопор отвернулся, а Рассел принялся смущенно теребить бороду.

– Ты меня понял, Красная Шапочка? – спросил в заключение Локк. – Перехожу на прием.

– Слышал, понял, слава создателю, – послышался в наушниках голос доктора. – Ради бога, скорее, Фред! Они держат меня в осаде с вечера.

– Кто они?

– Призраки. Только что они хотели сломать входную дверь.

Локк яростно махнул рукой.

– Слушай, ты, лиможская обезьяна! – заорал он в микрофон. – Сейчас же открой входную дверь. Мы торчим здесь больше часа. Ты понял меня?

В наушниках стало тихо.

Локк снова щелкнул переключателем.

– Ты понял меня?

Из наушников явственно донеслось приглушенное дыхание доктора. Однако он молчал. Локк приготовился в третий раз повторить свой вопрос, но в это время доктор кашлянул и, заикаясь, сказал:

– Я н-не совсем п-понял... Где вы т-торчите б-больше часа?

– Влезь на койку Джека, загляни в перископ и посмотри, где мы торчим.

– Я не могу последовать т-твоему с-совету, Фред. Они сломали перископ и, кажется, унесли его с собой.

Локк бросил быстрый взгляд на снежный бугор, под которым находилась Большая кабина, и убедился, что трубы перископа там действительно нет.

— Тогда постарайся понять. Мы стоим под дверью Большой кабины, в десятке метров от тебя. Стучим не меньше часа, а ты молишься по радио Терезе Лиможской вместо того, чтобы открыть дверь. С нами Генрих. Он тяжело заболел. Понял ты наконец?

— Понял, — невнятно прозвучало в наушниках.

Прошло еще несколько минут. Наконец за дверью в глубине коридора послышалось движение. Доктор крадучись поднимался по лестнице. Не дойдя до самого верха, он остановился и, видимо, стал прислушиваться.

Локк зло откашлялся.

— Кто там? — донеслось из-за двери.

— Доктор, ваши предосторожности бесспорно хороши, — крикнул Стонор. — Но всему должна быть граница. Открывайте.

За дверью послышалась возня. Доктор разбирал баррикаду. Потом звякнули засовы. Дверь дрогнула и чуть приоткрылась.

В образовавшейся щели блеснули очки доктора.

Локк, стоявший возле двери, толкнул ее плечом. Дверь распахнулась. Ослепленный солнцем и блеском снега, доктор, щурясь, отступал в глубину коридора, выставив перед собой длинную стальную острогу. Из карманов его халата торчали рукоятки пистолетов. За пояс был заткнут широкий нож.

— Нет, вы посмотрите на него! — воскликнул Локк, на всякий случай выставляя вперед палку, чтобы отразить возможный удар остроги.

— Боже мой, Фред, дорогой! — воскликнул Жиро, отбрасывая острогу и раскрывая объятия.

— Легче на поворотах, Красная Шапочка! — предупредил Локк. — Целоваться будем после, а сейчас помощи втащить Генриха. Он парализован.

После завтрака собрались на «военный совет».

– Сейчас главное – исчезновение Латикайнена и болельщик Ковальского, – сказал Стопор. – Это вещи реальные. И о них мы должны подумать прежде всего. Каковы ваши соображения?

– Надо сообщить по радио об исчезновении Тойво и просить помощи, – предложил Локк. – До ее прибытия самим продолжать поиски в лабиринте.

– В первой части твое предложение нереально, Фред, – возразил Стопор. – Никто сейчас не пошлет самолета в Антарктику. Кроме того, у нас не хватит сил приготовить посадочную площадку для тяжелого самолета. Не забывай, что нас забросили сюда вертолетами. Что же касается поисков Тойво в лабиринте – я... пожалуй, считаю их бесполезными. Генрих, до того как он потерял сознание, осмотрел верхнюю часть лабиринта. Мы с Расселом обследовали нижнюю. В лабиринте Тойво, по-видимому, нет. Он не мог уйти один далеко от входа. Я предполагаю другое: Тойво возвратился, когда Генрих был в лабиринте. Обнаружив, что пещера пуста, а радио не работает, он попытался еще до прекращения пурги добраться до Большой кабины. Ведь он геолог: естественно, что он хотел скорее сообщить нам о месторождении... Тропу замело, он заблудился...

– Тойво – финн и, с его северной рассудительностью, пожалуй, не способен на такую выходку, – возразил доктор.

– Мне это тоже кажется маловероятным, – заметил Локк.
– Нет никаких доказательств, что он выходил из пещеры.

– Следы у входа. Мы с Джеком видели их.

Локк с сомнением покачал головой.

– Твое мнение, Генрих? – спросил Стопор.

– Не... знаю... – с трудом ворочая языком, прошептал поляк. – Я помню все... смутно... Какая-то... завеса... тут. – Он коснулся здоровой рукой лба. – Все... стараюсь вспомнить... и... не могу...

– Это пройдет, – поспешно сказал доктор.

– Возможно... Не знаю... Тойво был... хорошим товарищем...

Наступило молчание.

– Есть еще одна вполне реальная вещь, – сказал вдруг Рассел. – Таинственные аборигены Земли Королевы Мод.

– Но, Джек, – перебил Стонор, – неужели и ты?..

– Да. Разорванный и отброшенный далеко от места разрыва шнур и исчезнувший перископ – вещи реальные. Они не могут быть проделкой «призраков», о которых твердит доктор. И даже пингвины, если бы им вздумалось навесить нас, едва ли были бы способны на такое...

– Шнур мог лопнуть сам от сильного натяжения. Ведь, поднимаясь по крутым участкам лабиринта, мы держались за него.

– Допустим, хотя тогда мы обязательно заметили бы момент обрыва. А перископ?

– Они утащили его, это ясно, как диагноз насморка, – сказал доктор. – Всю ночь они бродили вокруг Большой кабины и возились возле дверей. Это была ужасная ночь.

– Ну все-таки, кто «они»? – с раздражением спросил Стонор. – Вы, доктор, даже не можете описать, как они выглядят.

– Разумеется, я не смог разглядеть их как следует. В перископ были видны только тени. Не забывайте, что сильно мелко. Но я хорошо слышал удары в дверь. Когда они приближались к двери, она даже изнутри начинала светиться.

– Светиться?

– Да, фиолетовым светом.

– Это очень странно, – заметил Локк. – Значит, у нас были одинаковые галлюцинации. В Ледяной пещере мы с Генрихом тоже видели фиолетовое свечение. Я даже хотел стрелять...

– Ты хотел стрелять и в меня с Джеком, когда мы возвратились, – перебил Стонор. – Это доказывает лишь то, что у всех нас не в порядке нервы.

– Это доказывает, что возле нашей зимовки происходит нечто такое, чего мы пока не в состоянии понять, – тихо сказал Рассел. – Непонятное нельзя сбрасывать со счетов.

– Что же ты предлагаешь, Джек?

– Выход один. Мы столкнулись с явлениями, которых не можем объяснить, обнаружили лабиринт, который не сможем до конца исследовать. При неясных обстоятельствах исчез наш товарищ. Выход один, Ральф. Надо связаться с советской станцией. Она недалеко. У них есть самолет.

– Никогда! – закричал Стонор. – Никогда! Просить помощи у советских ученых! Ты забыл, что мы нашли место-рождение урана. Все что угодно, но не это.

– Постойте, Стонор, – поднял голову доктор. – Наш уважаемый ловец метеоров прав. У русских хороший врач. Вдвоем мы могли бы быстрее помочь Генриху. А об уране им совсем необязательно рассказывать.

– Нет, – твердо повторил Стонор. – Забудьте об этой идее. В случае организации совместных поисков им пришлось бы показать лабиринт. А там тоже уран. Нет, уж лучше просить помощи с континента...

– Стоит нам попросить помощи, Ральф, как первыми тут появятся именно русские, – насмешливо улыбнулся Локк. – Они ближе всех. Парни отзывчивые и... смельчаки, черт побери.

– Значит, будем выкручиваться сами, – запальчиво бросил Стонор.

Снова воцарилось молчание.

– Каков же план действий? – спросил наконец Локк.

– Надо... продолжать... поиски... Тойво... – внятно прошептал Ковальский.

– Конечно, – кивнул Стонор. – Попробуем организовать поиски на леднике... между Ледяной пещерой и Большой кабиной. В первую половину дня идем мы с Фредом; после обеда – Рассел с доктором. До темноты все должны быть в Большой кабине. Ночью дежурство по очереди. Джек, постарайтесь соорудить до ночи новый перископ с горизонтальным обзором.

– И с хорошим прожектором, – добавил Локк.

Рассел молча кивнул.

– А что передать по радио? – спросил Жиро, сосредоточенно разглядывая свои ногти.

– Ничего... Или нет: сообщите, что во время пурги пропал геолог Тойво Латикайнен. Тело пока не найдено.

– Гм, тело... И это все?

– Все.

Доктор сдвинул на лоб берет и покачал головой.

* * *

Поиски в окрестностях Большой кабины не дали результатов. Стонор и Локк еще раз добрались до Ледяной пещеры. Там все было на своих местах. Записка, адресованная Тойво, по-прежнему лежала возле радиопередатчика. Стонор поднял крышку люка, ведущего в лабиринт, долго всматривался во мрак. В ледяном коридоре было темно и тихо, ощутимо тянуло морозным воздухом.

«Странно, что мы не нашли выходов из этого загадочного подземного царства, — подумал Стонор. — А они явно есть. Сквозняк слишком силен. Надо во что бы то ни стало разыскать их...»

Послеобеденный поход геофизика и доктора также оказался безрезультатным. Они в нескольких местах пересекли ледник, заглядывали во все трещины; удостоверились, что темные пятна, выступающие среди снега и фирна, это — морена. На обратном пути Рассел предложил подняться на высокое плато, ограничивающее ущелье с юга. Доктор, проклиная в душе своего длинноногого спутника, согласился.

С вершины плато открылся вид на десятки километров вокруг. На северо-западе совсем низко над снеговым горизонтом висело неяркое оранжевое солнце. Густая синяя тень уже легла в долине. На юге за снежными волнами бескрайних белых увалов виднелись скалистые зубцы далекой горной цепи. Над ними в темнеющем небе висели радуги. Вихрь, летящий из глубин континента, уже поднял в воздух мириады мельчайших снежных кристаллов. Они преломляли солнечные лучи, образуя радужные пояса и своды.

– Надо возвращаться, коллега, – поеживаясь, сказал доктор. – Солнце заходит...

Рассел пристально всматривается в снежную равнину, раскинувшуюся на юго-восток от плато. Где-то там, на юго-востоке, пять дней назад упали обломки гигантского болида... Как добраться к месту падения?

– Если бы у нас был самолет, – тихо сказал геофизик.

– О-о! – оживился доктор. – Самолет! Можно было бы улететь в Монтевидео... Я хотел сказать, отправить туда Генриха, – поправился он, заметив удивленный взгляд Рассела.

С последними лучами солнца доктор и геофизик подъехали к Большой кабине. Локк копался возле метеобудки. Стонор прилаживал прожектор к новому перископу.

На вопрос Стонора Рассел отрицательно покачал головой.

– А у нас новость, – зло прищурился Стонор. – Радиogramма от русских. Предлагают помощь. Вероятно, слышали наш разговор по радио.

– Что ты ответил?

– Поблагодарил, просил не беспокоиться.

Рассел отвернулся и молча прошел в Большую кабину.

Вопреки предсказаниям доктора, ночь прошла спокойно. Ветер переменял направление и пригнал вереницы облаков. Столбик ртути в термометре поднялся до минус десяти градусов.

– Погодка на славу, – объявил Локк, возвратившись в полночь с метеоплощадки. – Тишина... Ни ветра, ни призраков... И такое полярное сияние – сквозь облака видно.

Доктор смущенно кашлянул.

По очереди дежурили у перископа, освещая окрестности зимовки сильным лучом прожектора. Каждый час дежурный поднимался наверх, обходил вокруг Большую кабину и метеоплощадку. Под утро снова налетел ветер, поднял в воздух снежную пыль.

– Через три часа рассвет, – сказал Стонор, дежуривший в последнюю смену. – Ваши призраки, доктор, решили ос-

тавить нас в покое. Запремся покрепче – и спать... Можно опустить перископ и выключить прожектор.

С восходом солнца пурга улеглась. Около десяти часов утра Локк открыл главный вход и принялся расчищать дорожку к метеоплощадке.

Возле будки с приборами лопата наткнулась на что-то твердое. Локк копнул глубже и вытащил... трубу перископа. Метеоролог растерянно оглянулся. Над снеговым куполом Большой кабины ярко блестел объектив второго перископа, только что выдвинутого Расселом.

– Так, – процедил сквозь зубы метеоролог, – ко всем прочим талантам, наш эскулап еще и актер... Ну, сейчас я ему устрою сцену с распущенными волосами...

Взвалив на плечо перископ, Локк решительно зашагал в Большую кабину.

На шум, поднятый разъяренным метеорологом, в салоне собрались все обитатели зимовки.

– Мошенник, фигляр! – кричал Локк, тыча под нос доктору обледеневшую трубу. – Я тебе покажу, как издеваться над товарищами!

– О-эй, подожди, Фред, при чем тут я! – бормотал доктор, поспешно отступая в угол салона. – Стонор, Рассел, держите его, он убьет меня!..

– Разрешите, – негромко сказал Рассел, отстраняя метеоролога и беря у него трубу.

– Я заставлю тебя проглотить свой берет! – продолжал кричать Локк, пытаясь поймать доктора за воротник.

– Успокойся, Фред, – вмешался Стонор. – Как, доктор, неужели вы решились на эту неумную шутку?

– Я.. я... – твердил совершенно ошеломленный Жиро.

– Комедиант, клистирная трубка, лиможский попугай!..

– Хэлло, Фред, не торопитесь! – Тон, которым Рассел произнес эти слова, заставил всех замолчать. – Вот нижний конец перископа, который я вчера вынул из штатива.

– Ну?

Рассел вместо ответа приложил нижний конец прибора к обледеневшей трубе, принесенной метеорологом.

– Ну? – все еще не понимая, повторил Локк.

— Верхняя часть перископа вырвана; не вынута, не вывинчена, а вырвана. Трубу разорвали. Ни у доктора, ни у нас всех, вместе взятых, не хватило бы для этого сил.

— О, черт! — пробормотал Локк, убедившись, что Рассел прав.

Доктор сообразил, что сейчас самый подходящий момент взять реванш.

— А, разбойник! — завопил он. — Ты чуть не задушил меня. Помесь павиана с навозным жуком! Ржавый флюгер! Я оскорблен как француз, как ученый, как человек. Я...

— Извини меня, Красная Шапочка.

— Я тебе не Красная Шапочка, а доктор медицины!.. Наглец! Я требую удовлетворения. Я... я...

— Джентльмены! — вмешался Рассел. — Отложите выяснение отношений. Надо немедленно осмотреть место, где был найден перископ.

* * *

— Совершенно ясно, что вчера его здесь не было, — объявил Стонор, когда осмотрели место находки. — Если бы Фред был внимательнее, он сразу заметил бы это. Перископ принесен ночью, скорее всего под утро, во время пурги.

— Что же все это означает? — пробормотал Локк.

— Следы! — вдруг крикнул доктор с купола Большой кабины. — Следы на снегу возле перископа. Идите сюда!

Стонор, Локк и Рассел поспешили к тому месту, где стоял доктор. Цепочка темных углублений на искрящемся снежном покрове ни у кого не вызвала сомнений.

— Следы ног, — задумчиво проговорил Стонор. — Ночной гость, видимо, обошел вокруг перископа, а следы сохранились лишь на подветренной стороне купола.

— Может быть, это наши следы? — заметил Локк.

— Разве ночью кто-нибудь из вас приближался к перископу? — спросил Стонор.

Все отрицательно покачали головами.

– Стойте! – крикнул вдруг Стонор. – А не кажется ли вам, что вот это углубление напоминает след босой ноги? И это тоже...

– Пожалуй, верно, – согласился доктор. – Вот отпечаток большого пальца, вот еще палец, а здесь пятка.

– Это такие же следы, какие мы видели позавчера у входа в Ледяную пещеру, – сказал Рассел. – К сожалению, мы затоптали их, не успев как следует рассмотреть.

Стонор опустился на колени, принялся внимательно разглядывать следы. Потом он тихо рассмеялся.

Локк и доктор удивленно переглянулись.

– Друзья мои, все ясно, – торжественно объявил Стонор. – Точнее, перед нами еще одна удивительная загадка Антарктиды. Это следы йети – таинственных снежных людей, которые, по мнению некоторых ученых, населяют высокогорные области Гималаев. В настоящее время в Гималаях йети, по-видимому, стали величайшей редкостью. Никто из европейцев их вообще не видел. Однако я сам лично наблюдал такие же следы на перевале Донкья-Ла, на запад от Эвереста, несколько лет тому назад. К двум величайшим открытиям мы можем добавить еще и третье: в Антарктиде сохранились крупные антропоиды. Нам необходимо поймать хотя бы одного из них...

– Судя по тому, что они без труда рвут на части металлические трубы, это будет нелегко, – покачал головой доктор.

– ...или убить!.. Это сенсация: йети на Земле Королевы Мод. Я не знаю, что произведет большее впечатление: лабиринт или древние человекообразные обезьяны, открытые нашей экспедицией в глубине Антарктического континента.

– Или уран, – заметил Локк.

– Об уране придется молчать, Фред, – вздохнул Стонор, – но уж зато йети...

– Можно дать о них корреспонденцию по радио? – оживился доктор.

– Ни в коем случае. Пока... Сначала надо раздобыть живого или мертвого йети. Если поднять шум раньше време-

ни, нас могут опередить. До конца зимовки около трех месяцев. Может, нам посчастливится и добудем не одного, а несколько экземпляров. Думаю, что чучело йети будет стоить не меньше миллиона долларов.

– Значит, йети вчера утащили перископ, а сегодня ночью вернули его? – спросил молчавший все это время Рассел.

– Убежден, что именно так и было.

– А зачем им это понадобилось?

Стонор развел руками:

– Но позволь, мой дорогой, откуда я могу знать, чем руководствуются в своих действиях антарктические обезьяны? Интересно, а что ты думаешь?

– Думаю, что любую гипотезу надо привести в соответствие с фактами. А факты свидетельствуют, что многое из случившегося напоминает сознательные действия...

– В ближайшие дни ты убедишься, Джек, что это отнюдь не гипотеза. А что касается фактов... Фред, не будешь ли ты так любезен принести кинокамеру? Надо быстрее сфотографировать эти следы.

* * *

Три дня зимовщики Большой кабины, подгоняемые нетерпеливым Стонором, охотились на таинственных аборигенов Земли Королевы Мод.

Погода благоприятствовала поискам. Солнце с каждым днем поднималось все выше. Ветра не было. Даже ночью температура не падала ниже двадцати градусов мороза.

Из ангара были извлечены аэросани, и Рассел, воспользовавшись обстановкой, совершил далекий маршрут на юго-восток, туда, где, по его предположениям, должны были упасть обломки болида. Однако ни метеоритов, ни йети, ни даже их следов обнаружить не удалось.

На снежном покрове зимовщики встречали лишь заструги да борозды, оставляемые полозьями аэросаней. Снежные люди словно провалились под лед.

– Три дня не было пурги, – говорил Стонор, возвращаясь вместе с Расселом на аэросанях из очередного маршрута. – Следы, оставляемые ими, должны были бы сохраниться, а тут... нигде ничего. И главное, они перестали по ночам приближаться к Большой кабине. В чем дело?

– Может быть, они появляются только в непогоду, – заметил геофизик, резко тормозя аэросани перед полосой обледеневших застрогов.

– Странная мысль!

– Но фактически так и было, – продолжал Рассел. – В последнюю ночь они, видимо, появились лишь под утро, когда разыгралась пурга и мы пошли спать. Предыдущие их визиты тоже совпадали с непогодой. И пожалуй, это похоже на маскировку... Надо подождать пурги, Ральф.

Аэросани выкатились на невысокое плато, ограничивающее с севера ущелье Ледяной пещеры. Внизу, в конце пологого склона, появились, словно из-под снега, верхушки мачт Большой кабины.

Возле метеобудки их встретил Локк.

– Как дела, Фред? – спросил Стонор, когда затих мотор и осела снежная пыль, поднятая мощным винтом аэросаней.

– Ничего нового. Впрочем, нет... Генриху опять стало хуже. Доктор говорит, что болезнь прогрессирует. Боюсь, что нам предстоит потерять и второго товарища, Стонор.

– В Ледяной пещере были?

– Да. Там все по-старому. Я даже рискнул спуститься метров на триста в лабиринт.

– Один?

– Доктор сторожил у открытого люка, и мы все время перекликались, как в лесу.

– Ну и что?

– Страшновато было. Но, в общем, ничего интересного.

– А как погода, Фред?

– Барометр падает.

– Будет пурга?

– По-видимому.

– Рассел считает, что это к лучшему...

– По-моему, тоже. По крайней мере, отдохнем от бесцельного блуждания по снегу. Я устал за эти дни, как пехотинец после форсированного марша.

После ужина доктор позвал Стонора в кухню.

– Надо что-то срочно предпринимать, шеф!

– Вы о чем? – спросил Стонор, глядя в сторону.

– О Генрихе, конечно. Если так пойдет дальше, он не протянет и трех дней.

– Вам виднее...

– Но я бессилён! – крикнул доктор. – Понимаете, бессилён! Я испробовал все, что имею. Чтобы лечить, надо знать источник поражения. Это не молния, во всяком случае, не обычная молния, и не радиоактивное излучение. Я не умею творить чудеса...

– Ну, а что вы хотите от меня?

– Не понимаете?

– Нет.

– Разрешения связаться с советской станцией. Возможно, что и их врач будет бессилён, но это последний шанс...

Стонор, насупившись, молчал.

– Вы не имеете права отказываться! Если он умрет, грех ляжет и на вас.

Стонор усмехнулся.

– Что изменится, если он умрет на руках советского врача?

– Во всяком случае, будем знать, что испробовали все средства, какие были доступны.

– Слабое утешение.

– Может быть. Но шансы есть. Я знаю, что русские в последние годы добились больших успехов в лечении всякого рода параличей. Врач советской станции – известный ученый. Не то, что я...

Стонор снова усмехнулся, похлопал Жиро по плечу.

– Кого ты хочешь обмануть, Ришар?

– Обмануть?

– Вся твоя дипломатия не стоит горсти снега. Хочешь избавиться от ответственности. Иметь возможность сказать: «Я не один провожал его в лучший мир. Мы посоветова-

лись с коллегой». Успокойся, никто не станет винить тебя, если он умрет. Не такой уж он крупный ученый... К тому же поляк...

— Он наш товарищ, Ральф!

— Да-да, конечно... Но в данном случае уже не это главное... Ты сделал, что мог, к тебе не будет никаких претензий. Обещаю как начальник зимовки...

— Ты можешь как угодно истолковать мою настойчивость, Стонор, — тихо сказал доктор. — Даже таким образом или еще хуже. Когда я трезв, я слишком низко ценю себя, чтобы обижаться на такое... Подумать, какая бездна подлости заключена в каждом из нас!.. Впрочем, это даже к лучшему, что мы так хорошо узнали цену друг другу. Можно отбросить условности. Итак, я жду ответа, Стонор, но прямо, без уверток.

— Этот тон вам не идет, доктор. Вы перестаете быть самим собой.

— Это не ответ.

— А другого и не будет. Занимайтесь сами своим больным. А остальное предоставьте провидению.

— Значит, отказываетесь?

— Считаю это бесполезным.

— А я как врач считаю это необходимым.

Круглое лицо Стонора начало краснеть.

— Если мне не изменяет память, начальником зимовки являюсь я.

Доктор печально покачал головой.

— Увы! Именно поэтому я и обратился к вам.

— Довольно. Я считаю вопрос исчерпанным.

— А я нет. — Голос доктора стал визгливым и резким. — И я вынужден предъявить ультиматум. Если до утра вы не согласитесь, я сам обращусь по радио к зимовщикам станции Солнечная.

— Не посмеешь.

— Посмею. Рассел на моей стороне.

— А Локк на моей... Подумай о последствиях, Жиро!

Пурга началась вскоре после наступления темноты. Сила ветра увеличивалась с каждым часом. К полуночи над Большой кабиной бушевал редкий по силе ураган. Сорвало прожектор, залепило снегом объектив перископа. Рассел попробовал опустить трубу, но ее перекосило ветром и накрепко заклинило в держателе.

Помехи прервали радиосвязь. Доктор не выходил из кабины, в которой лежал Генрих. Больной уже не мог говорить. Только блестящие глаза и легкое подергивание правой стороны лица свидетельствовали, что жизнь еще не совсем покинула его парализованное тело.

Локк и Стонор, пытавшиеся совершить очередной обход вокруг купола Большой кабины, возвратились облепленные снегом с ног до головы.

– Бесполезно, – прохрипел Локк. – Невозможно удержаться даже на четвереньках, да и видимость – абсолютный ноль. Можно столкнуться нос к носу с этими самыми йети и не разглядеть их. Неважная погодка для охоты на снежных людей.

– А не устроить ли засаду в кабине аэросаней? – предложил Стонор. – Они крепко привязаны. Из кабины хороший обзор, а если включить подогрев, снег не будет заносить стекла.

– Во-первых, ты не доберешься до аэросаней; во-вторых, не откроешь дверцу, в-третьих, если и откроешь, кабину забьет снегом раньше, чем ты протиснешься внутрь.

– Так мы никогда никого не поймаем, Фред, – махнул рукой Стонор. – Я бы все-таки попробовал.

– Держу пари, что в такую погоду даже антарктические обезьяны не высунут носа из своих убежищ, – посмеивался метеоролог. – Им тоже жизнь дорога.

– Попыаться надо, – вмешался вдруг Рассел. – Раз нельзя пользоваться перископом, сани – единственная возможность продолжать наблюдение.

– Как, Джек, – удивленно прищурился Локк, – тебе тоже захотелось заработать миллион долларов?

– Он думает, что здешние йети предпочитают для прогулок именно такую погоду, как сегодня, – пояснил Стонор. – И, кажется, в этом есть определенная логика.

– Ты действительно так думаешь, Джек?

Рассел кивнул.

– Тогда можно попробовать, – оживился метеоролог. – Риск – благородное дело, как сказал один полководец, готовясь проиграть войну.

Первую попытку сделал Локк.

Однако уже через несколько минут он, совершенно обесилевший, ввалился вниз головой в выходной люк, где его ждали Рассел и Стонор.

– Ну?

Метеоролог, отдышавшись, разразился ругательствами.

– До саней ты дополз?

– Да, черт побери, но не смог открыть дверцу.

Рассел молча обвязался шнуром, перекинул через плечо футляр с телефоном и нырнул в снежные волны.

Локк спустился вниз, в Большую кабину. Стонор остался у входа один; напряженно ждал.

Постепенно разматывалась веревка, которой был обвязан геофизик. В шипении и вое пурги ничего нельзя было слышать.

Аэросани были укреплены метрах в пятидесяти от входа, над занесенным ангаром. Возможно, вокруг них уже наметилось высокое сугроб и из кабины ничего не будет видно.

Веревка перестала разматываться. Стонор подождал еще немного, потом дважды дернул за веревку. Вскоре послышался ответный рывок. Рассел сообщал, что пока все в порядке.

Колючий снег струями бил в отверстие люка. Стонор опустил крышку, оставив только узкую щель, сквозь которую пытался разглядеть что-нибудь во тьме. На мгновение ему показалось, что он уловил вспышку света в той стороне, где стояли аэросани. Неужели Рассел все-таки проник в кабину саней и включил рефлекторы? Стонор напряженно

вглядывался в темноту. Нет, вероятно, почудилось. Он уже собирался еще раз сигнализировать рывком веревки, но в это время внизу приоткрылась дверь и послышался голос Локка.

Стонор опустил крышку люка, задвинул засов и спустился вниз.

— Он в кабине саней, — сказал Локк, протягивая Стонору телефонную трубку. — Можешь поговорить с ним.

— Хэлло, Джек! — крикнул Стонор в телефон. — Как дела?

— Сiju в кабине, — послышался в трубке голос Рассела.

— Рефлекторы включены?

— Да.

— Как видимость?

— Несколько метров.

— Не холодно?

— Нет.

— Мы будем по очереди дежурить у телефона. В случае чего сообщай!

— Да.

Прошло около двух часов. Пурга не утихала. На вопросы Стонора Рассел лаконично отвечал, что ничего не видит.

— Может быть, тебя сменить, Джек? — предложил Стонор.

— Пока не надо.

Прошло еще около часа. Из радиорубки выглянул Жиро.

— Опять начинается вой в эфире, как тогда, — вполголоса сообщил он. — Вот послушайте... — Доктор исчез в радиорубке, оставив открытой дверь.

Послышалось шипение динамика, и сразу же его сменил вибрирующий низкий звук — устрашающая мелодия тоски и угрозы. словно крылья каких-то неведомых злобных сил распростерлись над притихшими зимовщиками. А мелодия продолжала звучать, затихая и снова разрастаясь, предостерегая и угрожая, таинственная и непонятная.

— С ума можно сойти! — вскричал Стонор, затыкая уши.

Локк, сморщившись как от зубной боли, покачивал головой.

— Довольно! — гаркнул он наконец. — Не стоит злоупотреблять... такой музыкой.

Доктор поспешил выключить приемник.

– Ну как?

– Никогда не слышал ничего подобного, – признался Стопор. – Неужели и тогда это звучало так?

– Абсолютно. Самому хотелось завывать от ужаса.

– Странные здесь бывают помехи, – пробормотал Локк, раскуривая трубку.

Звякнул телефон. Стопор поспешно схватил трубку.

– Хэлло, Джек?

– Только что видел тень. Похоже на... медведя или крупную обезьяну. Посмотрите, что делается у люка.

По лицу Стопора Локк понял: что-то произошло.

– Появились?

– Кажется... Скорей! – Стопор указал на стоявший в углу карабин. – Джек, ты тоже, если увидишь, стреляй. Доктор, трубку!

Не слушая предостережений Рассела, Стопор сунул телефонную трубку доктору, схватил второй карабин и вслед за Локком выбежал из салона.

Припав к крышке выходного люка, они прислушались.

– Ничего, кроме воя пурги, Ральф.

– Открывай люк.

В лицо ударил слепящий снежный вихрь. Луч сильного фонаря пробил ревушую тьму всего на два–три метра.

– Как будто никого, Фред.

– Гаси фонарь. Быстрей! Смотри...

Расплывчатое зеленовато-фиолетовое пятно появилось среди снежных вихрей. Оно медленно приближалось.

Локк и Стопор поспешно скинули карабины.

Треск двух выстрелов, слившихся в один, утонул в вое пурги. Затем произошло нечто невероятное.

Яркая зеленая вспышка, подобно молнии, разорвала тьму. Порыв ветра, более сильный, чем все предыдущие, подхватил снежные вихри и разметал их прочь.

В десятке метров от люка на снегу корчилось огромное мохнатое существо. Его длинная шерсть светилась ярким голубовато-фиолетовым светом, а из тела били в окружаю-

щую тьму зигзаги зеленых молний. Одна из молний скользнула над головой Локка. Сильно запахло озоном.

– Люк, быстро! – крикнул Стонор.

С грохотом захлопнулась тяжелая крышка. Локк хотел задвинуть засов. Металлический обод люка вспыхнул голубоватым светом. Сильный удар оглушил метеоролога, и он покатился в глубину коридора, увлекая за собой Стонора.

* * *

Доктор, не отнимая от уха телефонную трубку, настороженно прислушивался. Вой пурги стал громче.

Значит, открыли выходной люк.

– Они выходят наружу, Джек.

– Ты успел предупредить, чтобы без нужды не стреляли? Это какое-то удивительное существо. Вероятно, Стонор ошибся...

– Выстрел, Джек!

В телефоне послышался треск, потом шипение.

– Сани... оторвало... – с трудом разобрал доктор в промежутке между разрядами. – Меня понесло...

Последний, прерывистый треск – и в телефонной трубке стало тихо.

«Оборвался провод, – мелькнуло в голове доктора. – Что же теперь будет?»

Грохот в коридоре заставил его вскочить. Из-под портьеры выполз на четвереньках облепленный снегом Стонор. Следом за ним показалась всклокоченная голова Локка. Оба с трудом поднялись на ноги. Локк, даже не пытаясь отряхнуть снег, шагнул к столу и тяжело опустился на стул.

– Тебя не ранило, Фред? – пробормотал Стонор, протирая кулаками глаза.

Локк попытался ощупать себя.

– Кажется, нет. Но что за адскую бестию мы подстрелили?

Стонор ошалело вертел головой.

— Уму непостижимо. Никогда бы не поверил, если бы... не видел сам. Засов! — спохватился он вдруг. — Ты успел задвинуть засов?

— Не... знаю...

— Доктор, скорей проверь, задраен ли люк. Но... не открывай. И не касайся засова голой рукой.

Доктор на мгновение зажмурил глаза и с видом приговоренного к смертной казни шагнул за портьеру.

Когда он возвратился, Стонор вертел в руках телефонную трубку.

— Дверь не светилась? — спросил Локк.

— Н-не заметил. Засовы задвинул...

Локк облегченно вздохнул.

— А что с телефоном, доктор? — удивленно спросил Стонор. — Почему он молчит?

— После вашего выстрела Джек только успел крикнуть, что сани оторвало и его уносит ветром. И еще он крикнул, что ты ошибся...

— Ошибся? В чем? — растерянно спросил Стонор.

Локк вскочил.

— Джек погибает, а мы тут...

— Ни шагу, Фред! Ему ты не поможешь. И вспомни, что лежит за дверью.

Локк отступил и закрыл лицо руками.

— Что же делать, Стонор?

— Ждать, когда кончится пурга.

Метеоролог, не отнимая стиснутых пальцев от лица, снова опустился за стол. Доктор содрогнулся, услышав, что Локк плачет...

Обитателям Большой кабины эта ночь показалась особенно долгой. Стонор бесцельно бродил по салону, время от времени откидывая тяжелую портьеру и, приоткрыв дверь в коридор, прислушивался. Но снаружи доносились лишь завывания пурги.

Под утро из радиорубки вылез доктор.

Шаркающей походкой он подошел к Стонору.

– В эфире тихо и хорошо слышно русских. Они вызывают нас. Ради матери Джека, ради своих детей, Ральф, разреши связаться с ними.

– Подождем до утра. Надо посмотреть, кого мы убили ночью. Потом решим. А сейчас оставь меня в покое.

Доктор принялся трясти метеоролога:

– Фред, ты понимаешь, что здесь происходит? Помоги мне... скажи Стонору...

Но, заглянув в глаза Локка, доктор махнул рукой и, сгорбившись, вернулся в радиорубку.

Наконец, судя по часам, наступил рассвет. Пурга продолжала бушевать. Ветер достиг чудовищной силы. Где-то наверху, над просторами вздыбленных снегов, поднялось солнце, а над куполом Большой кабины ураган продолжал гнать тысячи тонн стремительной снежной пыли.

Выйти наружу оказалось невозможным.

Ветер не только угнал весь принесенный снег – он поднял в воздух и часть старых сугробов, наметенных за прошедшие недели. Люк запасного выхода, ночью находившийся на уровне снежного покрова, теперь возвышался почти на метр. Верхняя часть выходной шахты содрогалась от непрерывных ударов ветра и вибрировала, как вагон бешено несущегося поезда. Из отверстия люка нельзя было выставить головы. Мутный свет сменил тьму, но он был так же непроницаем, как и чернота минувшей ночи.

После безуспешных попыток выбраться из люка Стонорс трудом задраил его и по забитому снегом коридору возвратился в салон.

– Да очнись, старина, – шепнул он Локку. – Чего раскис! Ведь это Антарктида. Поверь, мне не меньше тебя жаль Джека, но что поделаешь? Если сани не разбило о ближайšie скалы, ураган мог угнать их за сотню километров. Не помню такого бурана. Скорость ветра не меньше пятидесяти метров в секунду. Очнись, нам еще предстоит немало дел... И может быть, Джек не погиб. В баках было горючее. Стихнет ураган, он заведет мотор и возвратится.

Локк медленно поднял голову. Стонорс глянул ему в лицо и содрогнулся. Фред постарел за ночь лет на десять. Гла-

за потускнели, морщины стали глубже, черты лица заострились.

— Ты не заболел?

— Нет, говори, что надо делать, Стонор.

— Пока ждать. Впрочем, обсудим... Боюсь, что мы не найдем трупа убитой бестии. Ветер мог уволочь его куда угодно. Это будет ужасная неудача, Фред...

Стонор не ошибся. К вечеру ураган ослабел настолько, что можно было выбраться наружу. Пригибаясь до самой земли, чтобы удержаться на ногах, Стонор и Локк обшарили площадку вокруг купола Большой кабины. На ней ничего не оказалось. Новых сугробов поблизости не было. Тело светящегося ночного чудовища исчезло. Не нашлось и никаких следов аэросаней. Только оборванный телефонный провод, закрученный ветром вокруг оттяжки радиомачты, напоминал о событиях прошедшей ночи.

Ужинали молча. Стонор был подавлен случившимся.

Мысли Локка блуждали где-то далеко. Доктор за весь день не промолвил ни слова.

— Интересно, появятся они сегодня ночью? — спросил Стонор, вставая из-за стола. — Как по-твоему, Ришар?

— Мне все равно, — пробормотал доктор.

— А как Генрих?

— Пойди посмотри...

Стонор заглянул в кабину, где лежал поляк.

— Он спит... или...

Доктор бросил на Стонора внимательный взгляд поверх очков и, ничего не сказав, прошел в кабину Ковальского.

Стонор подошел к Локку.

— Что ты думаешь, Фред, по поводу наших ночных чудовищ? Что это такое?

— А я о них вообще не думал, — тихо сказал метеоролог. — Не знаю...

— Поразительна их способность аккумулировать энергию, — рассуждал вслух Стонор. — Это какие-то ходячие аккумуляторы колоссальной емкости. И что это за энергия? Обычное атмосферное электричество или что-то другое? С аккумуляцией энергии, видимо, связана и способность светить-

ся. И почему-то они появляются именно в непогоду... Шерпы рассказывали мне о гималайских йети всякие сказки, но действительность превзошла самую буйную фантазию. Если бы не исчезновение Джека, я готов был бы думать, что нам с тобой все приснилось.

— Если бы это был сон, Стонор!

Стонор вместо ответа ударил себя ладонью по лбу.

— Какая мысль! Не их ли приближение создает эти поразительные помехи в радиосвязи? Ведь если они являются источниками какого-то излучения...

— Знаешь, Стонор, — сказал задумчиво Локк, — я теперь убежден, что Тойво попал в руки этих адских тварей. Они, без сомнения, водятся в подземном лабиринте. Свечение воздуха, шорохи — это их работа. Удивительно, как они тогда выпустили вас живьем...

Стонор вздрогнул.

— Ты думаешь?

— Нас осталась половина, — продолжал Локк. — Мы теперь ничего не сделаем... Мы даже не узнаем о судьбе пропавших товарищей. Ведь и Рассел, если он уцелел, мог очутиться во власти этих тварей. Может, их несколько бродило вчера ночью возле Большой кабины? Если они вздумают атаковать нас, мы погибнем...

— Атаковать?

— А почему бы и нет, Стонор?.. Я все думаю и никак не могу понять, почему Рассел предупреждал доктора, чтобы мы не стреляли. И что он имел в виду, говоря, что ты ошибся?

— Ерунда все это... Радио, вот что важно... Эти странные помехи, они могут подсказать...

Стонор поспешно прошел в радиорубку.

Вскоре в открытую дверь донеслась музыка.

— Это, кажется, Кейптаун, Фред, — сказал Стонор, возвращаясь. — Пока в эфире спокойно.

Музыка резко оборвалась. Краткая пауза, а затем:

— Алло, алло, говорит радиостанция Солнечная. Вызываем зимовку англо-американо-французской экспедиции.

Алло, алло, Большая кабина, почему молчите? Сообщите, что случилось. Алло, алло...

Текст обращения был дважды повторен по-английски, затем по-французски.

— Не понимаю, чего ради они опять нас вызывают, — раздраженно бросил Стонор.

— А что тут непонятного? Мы молчим. Они — ближайшие соседи. Это Антарктида, Ральф. — Локк поднялся из-за стола. — Надо им немедленно ответить. Может быть, позвать доктора?

— Не надо. Поговори сам.

Локк шагнул в радиорубку.

— Слушай, Фред, подожди минутку! — крикнул Стонор. — Ты им скажи так...

Он не успел кончить: в репродукторе послышался вой. С каждой секундой вой становился все громче.

Из радиорубки выглянул Локк.

— Эфир взбесился. Ничего не слышно, кроме этой адской музыки.

— Наверно, они опять приближаются к Большой кабине, Фред, — прошептал Стонор. — Сделай тише, но не выключай. Попробуем выдержать эту мелодию. Вот так... Ну, что предпримем, старина?

* * *

Прошло несколько часов. Вой продолжал звучать в эфире. Он то усиливался, то слабел, но был слышен на всех волнах и совершенно прервал радиосвязь.

— Они ходят вокруг Большой кабины, — стиснув зубы, говорил Стонор. — Ходят и что-то вынюхивают.

— Странно, что они не пытаются проникнуть к нам, — заметил Локк. — При их силе и прочих свойствах им ничего не стоит сломать крышу ангара или выходной люк.

– Они не могут сообразить, что надо сделать, – неуверенно предположил Стонор. – При всех их особенностях это не более чем обезьяны.

– А по-моему, это не обезьяны, Ральф, – Локк понизил голос. – Я не суеверен, но, право, и мне начинает казаться, что мы столкнулись с... призраками – злыми духами холода и мрака, истинными хозяевами этих проклятых ледяных пустынь.

– Чушь, невероятная чушь, Фред! Они оставляют следы на снегу, как любое живое существо, и ты сам убедился, что они уязвимы для пуль. Все дело, вероятно, в том, что тут, в условиях Антарктиды, у них из поколения в поколение вырабатывались особенности, которыми не обладает большинство живых существ, – способность аккумулировать электрические заряды, а может быть, и другие виды энергии. Например, энергию радиоактивного распада. Ученым давно известны организмы, способные аккумулировать электричество. Вспомни электрических скатов из семейства торпединид. У них есть электрические органы по бокам головы, они могут создать разряд напряжением до трехсот вольт.

– Все это теория, – скривился Локк, – а на практике у меня, пожалуй, не хватит мужества выпустить еще одну разрывную пулю в эту светящуюся бестию. Никто не назовет меня трусом, но сейчас, признаюсь, мне страшно.

– И все-таки рано или поздно нам придется выбраться наверх и еще раз попытаться счастья.

– Счастья?

– Конечно. Мы любой ценой должны заполучить такую бестию. Хотя бы одну. Иначе нам не поверят.

– Джек вчера ночью успел крикнуть, что ты ошибся, Ральф. Он имел в виду этих обезьян. В чем ты мог ошибиться?

– Доктор что-то напутал. И какая разница – обезьяны или что-нибудь другое! Это новый вид, а быть может – род или даже новое семейство человекообразных с особыми и пока совершенно загадочными энергетическими свойствами...

Открытие в квадрате, в кубе. Оно принесет мировую славу. Мы обязательно должны убить эту тварь.

— А вдруг они разумны?

— Что за бред!

— Они сильны, легко могли бы уничтожить нас, но не нападают. И вспомни лабиринт и возвращенный перископ... А этот странный вой. Его оттенки меняются... Может быть, они хотят привлечь наше внимание?..

— Ты сошел с ума, Фред. Ты же видел, что это такое. Если у них и есть крупица разума, то не больше, чем у питекантропа. Решительно, тебе следует глотнуть свежего воздуха. Почему бы тебе не заглянуть на метеоплощадку? Последние дни ты часто нарушаешь график наблюдений.

— Хочешь, чтобы я вышел сейчас наружу?

— Вместе со мной. Я буду страховать. Сейчас не очень метет...

— Хочешь использовать меня как приманку? В Индии так охотятся на тигров... с молодым барашком... Бэ-э, бэ-э...

— Боишься?

— И не скрываю этого. И ты боишься, Стонор. И доктор боится. И каждый боялся бы на нашем месте. Мы столкнулись с чем-то небывалым, грозным, непонятным и потому страшным. Но мы все боимся по-разному. Доктор прикрыл голову подушкой и надеется проспать страшные часы; в тебе страх борется с честолюбием и желанием слупить миллион долларов за шкуру этой бестии. А меня после гибели Джека не привлекают даже доллары. Да ты и не поделился бы со мной, Стонор.

— Хочешь поторговаться, Фред? Подходящий момент, чтобы сделать бизнес.

— Нет, торговаться не буду. Пойду...

— Куда?

— На метеоплощадку. Чтобы ты больше не смог упрекнуть Фреда Локка в нарушении графика наблюдений.

— Ну вот, ты, кажется, обиделся на меня, старина.

— Нет. На тебя обижаться нельзя. Ты начальник. На войне, как на войне...

Перед выходом на поверхность Стонор снова включил радио.

Вой звучал тише, временами совсем затихал. В нем появились новые оттенки тоски и неутолимой боли.

– Невероятно, – прошептал Стонор. – В этом действительно есть мелодия и какой-то свой ритм. Что все это может значить? Если источником помех являются здешние обитатели, пожалуй, сейчас они удаляются от Большой кабины. Не опоздать бы нам.

Надев поверх меховых рукавиц резиновые, Стонор осторожно опустил крышку люка. Над головой блеснули радужные фестоны полярного сияния. Сквозь разноцветные волны, медленно катившиеся по темному небу, просвечивали звезды. Ветер задувал редкими порывами, поднимая и гоня струи поземки.

Стонор посветил сильным рефлектором и убедился, что площадка вокруг люка пуста.

– Опоздали! – крикнул он в самое ухо Локка. – Слишком долго философствовали... Погода улучшилась, и... они исчезли.

– Но мороз дьявольский, – пробормотал метеоролог, вылезая из люка.

– Посмотри, нет ли следов! – снова крикнул Стонор.

Локк вместо ответа указал на шипящие струи поземки, сразу же заносившие его собственные следы.

Пригнувшись, чтобы удержаться на ветру, метеоролог нащупал провод, протянутый к метеобудке, и, не оглядываясь на Стонора, шагнул в снежную тьму.

Возле будки тоже никого не оказалось. Все было на месте, в полном порядке, и Локк занялся приборами. Его охватило полнейшее безразличие ко всему происходящему. Он словно наблюдал за собой со стороны.

Вот Локк берет отсчеты и записывает их, вот сменяет ленты, закрывает будку, проверяет направление ветра. Странно, что этот Локк ничего не боится. А ведь он боялся, он знает это...

Он, кажется, не испугался даже и тогда, когда, возвращаясь к люку, увидел перед собой что-то темное.

– Стонор? – окликнул он.

Нет, это был не Стонор. Луч света скользнул по густой шерсти, осветил уродливую коническую голову с большими, как у летучей мыши, оттопыренными ушами. Чудовище медленно приближалось, легко переставляя похожие на колонны ноги. Длинные руки были протянуты вперед. Широкий темный нос жадно втягивал морозный воздух – ловил неведомый запах. В черных провалах глазниц светились две красноватые точки, устремленные на Локка.

«Глаза, а за ними мозг... – мелькнуло в голове метеоролога. – Оно внимательно разглядывает меня, но не торопится подойти!» Локк вдруг вспомнил, как охотился ночью с фонарем в джунглях западной Суматры. Он без промаха всаживал пулю между блестящих глаз, устремленных из темноты в световой сноп фонаря.

«Почему бы и сейчас?..» Он нащупал в кармане рукоятку пистолета. Расстояние – десять шагов. Он не промахнется. А, собственно, почему он должен стрелять? Ведь он даже не знает, что или кто находится перед ним. Расстояние – восемь шагов... семь... Рассел тогда крикнул, что Стонор ошибся... Предупредил, чтобы без нужды не стреляли... А почему знакомство с неизвестным надо обязательно начинать с пули?.. Локк остановился. Остановилось и мохнатое ночное чудовище.

«Странно, что оно не пытается приблизиться, – думал метеоролог. – А может, у него мирные намерения? Мирные? Известны ли ему такие понятия? Что вообще ему известно, этому порождению льдов и мрака? Думает ли оно, может ли оно думать?»

Локк чувствовал, что весь дрожит, и в то же время был удивительно, непостижимо спокоен.

«Спокойствие перед неизбежным концом?.. Странно, кажется, оно делает мне какие-то знаки. Что могут означать движения его рук? Не приближаться?..»

Яркий луч света откуда-то из-за спины чудовища ослепил Локка. Метеоролог скорее угадал, чем расслышал крик Стонора:

– Фред, ложись!.. Стреляю!..

— Нет! — Локк отчаянно замахал руками. — Не стреляй... Подожди, Ральф!

Темная фигура ночного гостя с непостижимой для его размеров быстротой выскользнула из-под скрещенных лучей двух рефлекторов. Локк успел заметить еще один, предостерегающий жест чудовища, без сомнения адресованный ему. Он замер на месте. В то же мгновение под фонарем Стонора блеснуло. Гулко грохнул выстрел, затем другой. Две пули просвистели совсем близко. Еще выстрел и еще. Видимо, Стонор стрелял наугад в темноту.

— Не стреляй, Стонор!

Еще выстрел... Он оказался последним.

Невдалеке от того места, где стоял Локк, вспыхнуло зеленое пламя. Локк разглядел неясные контуры мохнатой фигуры, которая на мгновение озарилась зеленовато-фиолетовым сиянием. Послышался треск.

Яркая, похожая на молнию искра ударила туда, где метался желтый луч фонаря Стонора. Луч описал широкую дугу, ткнулся в снег и погас.

Локк глянул в ту сторону, где только что видел светящуюся фигуру ночного пришельца. Там был мрак. Направил туда луч фонаря — никого. Очертил лучом вокруг себя — пусто.

Ночной призрак словно провалился сквозь землю. А может быть, улетел по воздуху?... Локк задрал голову, но увидел только причудливые сполохи полярного сияния.

Метеоролог медленно подошел к тому месту, где лежал шеф. Он догадывался, что произошло. Стонор лежал ничком, уткнувшись лицом в снег. Локк нагнулся, осторожно перевернул неподвижное тело и, еле волоча ноги, потащился к открытому люку.

* * *

Краснокрылый самолет описал широкий круг над Большой кабиной, приветственно качнул крыльями и пошел на посадку. Локк и доктор ждали у главного входа.

Самолет легко коснулся лыжами гладкой белой поверхности; замедляя бег, скользил в прямоугольнике, отмеченном цветными полотнищами. В облаке снежной пыли, поднятой винтами, сверкали радужные круги. Обрамленная дугами серебристая машина подкатила к Большой кабине.

Смуглый горбоносый человек в шелковистом голубом комбинезоне с откинутым капюшоном спрыгнул на снег. Ветер подхватил его густые черные волосы, бросил на лицо. Придерживая волосы рукой, человек направился к зимовщикам Большой кабины. За ним из самолета уже вылезал второй – большой и грузный, в пушистом меховом комбинезоне и унтах, затем легко выпрыгнул третий – маленький и юркий, в меховых штанах и коричневой кожанке.

– Начальник станции Солнечная – Шота Вериадзе, – представился брюнет, протягивая руку Локку. – Мои товарищи – летчик Иван Лобов и врач Юрий Белов.

Здоровенный Лобов крепко сдвинул в кулаке руку метеоролога; у Локка хрустнули пальцы. Рукопожатие миниатюрного Белова также оказалось твердым.

Локк представил доктора.

– Где пострадавшие? – спросил по-французски Белов, внимательно и строго глядя на Жиро.

– Вашей помощи ждет только один, профессор. Он внизу, в Большой кабине. Начальник зимовки – геолог Стононор – был убит на месте.

– Состояние больного?

– Очень тяжелое.

– Может быть, сразу и пройдем к нему?

– Разумеется.

– Пожалуй, и мы не будем терять дорогого времени, – предложил Лобов. – Машина готова. Сейчас механики добавят горючего, и начнем поиски.

– Иван прав, – кивнул Вериадзе. – Есть что-нибудь новое?

– Абсолютно ничего, – сказал Локк. – Вчерашний день и сегодняшняя ночь прошли спокойно. «Электрические обезьяны», как их называл покойный Стононор, больше не появлялись.

Вериадзе потер гладко выбритый подбородок.

– Предлагаю сделать так. Юрий останется здесь. Мы с Иваном летим на поиски. Вы сможете присоединиться к нам?

– Конечно, – ответил Локк. – Но, пока заправляют машину, прошу вниз, на чашку кофе. За столом обсудим детали. Пропустив гостей вперед, Локк нагнулся к уху доктора:

– Ты, кажется, назвал этого мальчика профессором, Рикшар?

Жиро сердито фыркнул.

– Этот «мальчик» – известнейший медик, доктор наук, автор десятка книг и сотен статей. Это три аса, Фред. Вериадзе – крупный геофизик и метеоролог, почетный член многих академий, в том числе и вашей – американской, а Лобов – непревзойденный мастер полярной авиации.

Локк покачал головой.

– Большая cabina удостоилась большой чести, Жиро.

– Остается пожалеть, что это не случилось тремя днями раньше.

За столом Локк кратко рассказал о событиях последних десяти дней. При упоминании о подземном лабиринте Белов и Вериадзе переглянулись.

– Все это очень странно, господа, – задумчиво сказал Вериадзе, когда Локк кончил. – Разрешите задать вам несколько вопросов. Впрочем, вы, разумеется, можете не отвечать, если сочтете некоторые вопросы чересчур прямыми или недипломатичными.

Локк смутился.

– Задавайте вопросы. Я расскажу все, что мне известно.

– Этот лабиринт, на который вы случайно наткнулись ледяной штольней, он – в древних лавах?

– Покойный Стопор называл породы лабиринта базальтами.

– Так... Какова же его протяженность?

– Очень большая. Мы не успели исследовать его целиком.

– У пустот гладкие, словно отполированные стены?

– Именно... И сеть пустот очень сложна... Но, простите, откуда вы знаете?

– В прошлом году подобные пустоты в древних лавах были обнаружены нашими предшественниками близ станции Солнечная. Сейчас результаты их исследования уже опубликованы.

Локк тяжело вздохнул.

– Жаль, что покойный Стонор не знал...

– К сожалению, и мы не знали о вашей находке. Мы общили бы вам все наши данные...

– Господин Вериадзе, – вмешался Жиро, – а как вы и ваши товарищи объясняете... э–э... как бы это сказать... кто создал такие лабиринты?

– Есть несколько точек зрения на этот вопрос. На него легче будет ответить после того, как мы осмотрим вашу находку. У нас лабиринт невелик, и его каналы сильно испорчены льдом. Впрочем, говоря о возможных создателях лабиринта, лучше употреблять местоимение «что», а не «кто». Это естественные пустоты и, вероятнее всего, они образованы вулканическими газами. Возможно, это каналы фумарол. Обычно такие каналы по мере отмирания вулкана заполняются различными минералами... Здесь этого не произошло. Из глубин выделялись какие-то газы, которые при своем движении вверх растворяли или разъедали лавы и создали сеть пустот. А затем выделение газов резко прекратилось и пустоты остались незаполненными. Но, повторяю, это лишь одно из многих возможных объяснений... В нашем случае газы, выделявшиеся из глубин, несли радиоактивные элементы. В краевой части лабиринта мы нашли небольшие скопления одного очень редкого ториевого минерала – если хотите, небольшое месторождение тория...

– С нашим лабиринтом связано урановое месторождение, – сказал Локк не поднимая глаз. – И Стонор считал его богатым. Вот образцы...

– Я не минералог, – улыбнулся Вериадзе, – но, судя по этим образцам, ваш лабиринт интереснее...

– Нам, пожалуй, пора к больному, доктор, – заметил, хмурясь, Белов.

– Да-да, конечно, – согласился Жиро, торопливо допивая кофе.

– Но еще один вопрос, прежде чем расстаться: что вы думаете по поводу наших «светящихся призраков», господин Вериадзе?

– Пока ничего... Или, вернее, пока готов думать все что угодно. В нашем секторе, да и нигде в Антарктиде, никто не встречал ничего подобного. Может быть, вам удалось сделать поразительное открытие...

– Эти области Земли Королевы Мод до нас никем не исследовались, – возразил Локк. – Так же как и огромные территории в центре континента. Антарктида – край множества загадок. Нам случайно удалось натолкнуться на одну из них... За этот приоритет мы заплатили очень дорогой ценой.

– Да, первые встречи обошлись дорого... Неужели эти... загадочные существа обитают в лабиринте?

– Во всяком случае, заходят туда. Факты, о которых я рассказывал вам, мистер Вериадзе, говорят сами за себя.

– Остается четыре часа светлого времени, – пробасил Лобов, отодвигая недопитый стакан. – Предлагаю продолжить разговоры в самолете.

– Откуда вы думаете начать поиски? – спросил Вериадзе, вставая.

– В ту ночь ветер дул с юго-востока, – сказал Локк. – Сани могло угнать только на северо-запад, в сторону океана. Мне кажется, следует лететь к побережью. Километрах в сорока отсюда в сторону берега есть группа нунатаков. Они окружены полосой трещиноватого льда. Сани, если их не разбило по пути, могли там задержаться.

– А в какой стороне от вашей станции находится лабиринт?

– Шесть километров к западу.

Вериадзе задумался.

– Хорошо, – сказал он наконец, – полетим в сторону океана, но по пути осмотрим и горы в районе лабиринта. При урагане ветер часто меняет направление. Сани могло угнать и на запад к горам. Хотя ветер дул именно с юго-

востока, через четыре или пять часов после того, как с господином Расселом произошло несчастье, сани, по-видимому, находились значительно западнее вашей станции. Наши радисты не могли ошибиться: сигнал бедствия был получен именно оттуда. А никто, кроме господина Рассела, сигнал подать не мог.

— Но это было давно...

— Да, около трех суток назад. Однако других сведений у нас нет.

— Хорошо, попробуем начать с Западных гор, а потом полетим к северу, — согласился Локк.

— Надо, чтобы кто-нибудь из остающихся все время был у передатчика. Могу оставить здесь для помощи одного из механиков. Самолет будет держать постоянную связь с Большой кабиной и со станцией Солнечная... Через три с половиной часа мы возвратимся.

Ровно через три с половиной часа, с последними лучами солнца, самолет Лобова подрулил к Большой кабине.

Пока укрепляли самолет с подветренной стороны снежного купола, Вериадзе и Белов успели перекинуться несколькими фразами.

— Разбитые аэросани мы нашли в шестидесяти километрах отсюда, у северного подножия гор, — сказал Вериадзе в ответ на вопрос профессора, — но геофизика там нет. Мы прошли над санями на бреющем полете. Кабина пуста, и вокруг никаких следов. Либо он выпал из саней раньше, либо остался цел и решил добираться к базе пешком. В обоих случаях шансов на спасение почти никаких. Сейчас Лобов проявит фотопленку, проверим еще раз всю трассу. А что нового у тебя?

— Геодезист очень плох. Но надежда есть. Все было бы гораздо проще, если бы начать лечение раньше. Впрочем, этот Жиро — молодец. Хоть он, кажется, и алкоголик, но талантливый врач. Он сделал все, что было в его силах, и даже больше. Если бы не он, поляк умер бы несколько дней назад.

— Видел ты тело их начальника?

– Да. Он убит каким-то неизвестным мне разрядом большой мощности. Ткани головы разрушены, однако, по некоторым признакам, разряд мог быть холодным.

– Значит, действительно убийство?

– Но совершенное не человеческими руками.

– Уверен?

– Да... Паралич геодезиста, вероятно, вызван подобным же разрядом, но гораздо меньшей мощности...

– Значит, эти их «электрические обезьяны» – не галлюцинация?

– Убежден, что нет. Впрочем, все это не похоже на поражение электрическим током. Вероятно, это какой-то другой вид энергии.

Договорившись о порядке дежурств, все, кроме Лобова, спустились в салон Большой кабины. Летчик остался в самолете проявлять снятый фильм.

Жиро решил блеснуть кулинарными талантами и приготовил к ужину изысканный набор французских блюд. Ужин прошел в молчании. За тонкой перегородкой лежало на грани жизни и смерти неподвижное тело Ковальского. Белов дважды во время ужина поднимался из-за стола и исчезал в кабине геодезиста. А в темном ангаре ждал погребения изуродованный труп Стонора...

После ужина Лобов принес проявленный фильм. Все склонились над пленкой.

– Вот сани на снегу, – сказал Вериадзе, – они просто увязли в сугробе. По пути их ударило обо что–о. Сломан винт, и нет двери кабины. Кабина пуста – это хорошо видно. След саней здесь очень отчетлив, а больше никаких следов. Вашего товарища уже не было в кабине, когда сани завершали свой бег. А сигнал бедствия был послан примерно из того района, где сейчас находятся сани... Значит, господин Рассел покинул сани незадолго до их полной остановки...

– Посмотрим другие снимки, – предложил Локк.

– Конечно. Вот на следующем снимке еще виден след саней. Постепенно он становится все менее четким. Его по-

что занесло снегом. Вот след обрывается, и дальше ничего не видно...

На остальных снимках были только снег, шагреневая поверхность застругов, да резкие черные пятна нунатаков. Ни Рассела, ни его следов...

– Завтра утром мы посадим самолет недалеко от саней и осмотрим всю окрестность, – сказал Вериадзе. – Потом продолжим полеты...

– А лабиринт? – спросил Жиро.

– Дойдет очередь и до него. Туда пойдем все вместе большим отрядом... Чтобы вы с Беловым могли принять участие в этой вылазке, надо сначала поставить на ноги вашего пациента. Вы согласны?

– Разумеется.

– И пойдете с нами в лабиринт?

– Д-да...

– Ну вот и превосходно. Присутствие биологов, и особенно медиков, при исследовании лабиринта мне кажется совершенно необходимым...

Жиро тяжело вздохнул и отправился в кабину Ковальского сменить Белова.

* * *

Прошло три дня. Погода держалась сносная, и видимость была хорошей. Почти все светлое время, с рассвета до захода солнца, самолет находился в воздухе. Посадки у Большой кабины Лобов делал только затем, чтобы заправиться горючим. Тысячи километров на средних высотах и на бреющем полете, сотни метров отснятой аэрофотопленки, десятки рискованных посадок во всех сомнительных пунктах – у каждой темной точки на снегу, возле углублений, напоминающих следы и... ровно ничего... Ни Рассела, ни его следов, ни Латикайнена, ни каких-либо знаков, оставленных ими. Геофизик и геолог исчезли бесследно.

Поиски Латикайнена еще можно было продолжать в лабиринте. Но Рассел... Обследование разбитых аэросаней тоже не дало ключа к разгадке. Расселу, видимо, так и не удалось включить мотор, и аэросани, превращенные в утлое парусное суденышко на лыжах, стали игрушкой урагана. При каких обстоятельствах исчезла дверь кабины и был расщеплен винт, оставалось неясным. На корпусе кабины было несколько глубоких вмятин, но оба стекла – большое лобовое и заднее – остались целы. Все три лыжи были повреждены очень сильно, а от левой сохранилось меньше половины. Передний рефлектор оказался включенным, но не светил, так как аккумуляторы совершенно разрядились. Снега в кабину попало немного, а единственным следом пребывания Рассела была его меховая рукавица, валявшаяся на полу.

– Что сделаем с санями? – спросил Лобов, когда закончили осмотр.

– Пусть остаются, – махнул рукой Локк. – Все равно мы не сможем их отремонтировать.

– Через несколько дней их занесет снегом.

– Ну и на здоровье...

Они молча вернулись к самолету.

Лобов поднялся в кабину, Локк остался возле самолета – подождать вторую группу. Вериадзе с одним из механиков пошли по следу аэросаней и еще не возвратились.

«Конечно, все это впустую, – думал метеоролог, посасывая потухшую трубку. – Разве найдешь... Он мог выпасть из саней в любой точке шестидесятикилометровой гонки. И пурга тотчас же похоронила его. А радиосигнал просто почудился радистам Вериадзе. К тому же помехи... Эх, Рассел, Рассел, как все глупо получилось... Страшно подумать, что будет, когда мы останемся вдвоем с доктором... Еще два месяца до смены. И вопрос, захочет ли доктор остаться тут со мной после всего случившегося. Самое правильное было бы законсервировать станцию и перебраться до смены к Вериадзе. Но эти ослы из Управления Фолклендских островов и слушать ничего не хотят... Престиж, видите ли!.. Престиж им дороже людей, – Локк зло сплюнул в голу-

боватый, ослепительно сверкающий снег. — Кажется, они и не очень верят в наших чудовищ... Начальник Управления заявил по радио, что обстоятельства гибели Стонора расследует весной лично. Даже не разрешили хоронить тело. Еще, чего доброго, нам с доктором предъявят обвинение в убийстве. Эти чиновники на все способны... Кажется, даже Вериадзе не очень верит в “электрических призраков”. Только вежливо улыбается, когда о них заходит разговор. А эти бестии, как назло, не появляются больше... Впрочем, существуют ли они в действительности? Не сходим ли мы все постепенно с ума?..»

Локк сдвинул капюшон на затылок и сжал рукой лоб.

...Какая чушь! Ведь он помнил во всех подробностях события той кошмарной ночи, темную фигуру, густой мех и коническую голову чудовища, зеленую молнию и почерневшее лицо Стонора. Все разыгралось на его — Локка — глазах... И тем не менее, если вдуматься, все кажется каким-то дичайшим бредом, мучительным сном без пробуждения...

Послышался шорох лыж. Подъехали Вериадзе со спутником.

— Абсолютно ничего, — сказал грузин, с размаху втыкая палки в снег. — Мы добрались до того места, где след саней теряется... То же, что и на аэрофотоснимках, — никаких следов...

— Мы ничего не найдем, — хрипло пробормотал Локк и отвернулся.

— И все-таки продолжим поиски, — спокойно возразил Вериадзе. — Будем искать снова и снова.

И они продолжали летать; садились на снег, снова взлетали и снова садились, как только внизу появлялось что-то, казавшееся подозрительным. Третий день полетов был на исходе, когда Лобов неведомо в который раз — они уже потеряли счет посадкам — поднял самолет в воздух.

— Возвращаемся? — спросил Вериадзе.

— Пожалуй, — кивнул Лобов, — с базы передали, погода меняется. Усилился ветер, гонит поземку.

— Значит, ночью будет пурга, — сказал Локк, а про себя подумал: «Хоть бы сегодня ночью пришли...»

Пурга бушевала всю ночь, но и на этот раз в окрестностях Большой кабины никто не появился. В ярких лучах рефлекторов были видны лишь снежные вихри, да залепленные снегом фигуры вахтенных. Локк сидел у включенного приемника, но эфир безмолвствовал; лишь чуть слышными всплесками доносились, словно с другой планеты, голоса южноафриканских станций.

Утром все собрались на завтрак в Большой кабине. Пришел и Белов, необычно оживленный, с покрасневшими от бессонницы глазами.

— А ну-ка, дежурный, чашку крепкого бульона для нашего пациента, — крикнул он механику, который готовил завтрак.

— Вижу, что больному лучше, — обрадовался Вериадзе. — Ну, выкладывай, что нового, генацвале?

— Все в порядке, — сказал Белов. — Он пришел в себя, а сейчас даже попросил есть.

— Превосходно. Но что с памятью?

— Пока еще провал. Однако кое-что мне стало понятнее...

— О-о... Рассказывай.

— Это потом. Сейчас надо его накормить... Я думаю, его уже можно отправить к нам на базу. Как с самолетом, Иван?

— Сегодня не удастся. Придется целый день расчищать взлетную полосу.

— Вы уже хотите покинуть нас? — всполошился Локк.

— И мысли такой не было, — очень серьезно сказал Белов. — Я только хочу отправить на Солнечную мистера Ковальского. Там уход будет лучше, и он быстрее поправится. Надеюсь, вы не станете возражать?

— Нет, конечно... Значит, вы уже уверены в его выздоровлении?

— Я уверен, что теперь полет не повредит ему. А в случае каких-либо осложнений у нас будет легче оказать необходимую помощь. Кроме того, в крайнем случае аэродром в Солнечной сможет принять тяжелый самолет из Южной

Африки или Австралии. Можно будет отослать вашего товарища в клинику.

— Я отвезу его завтра, — обещал Лобов. — Завтра, если не будет новой пурги.

День ушел на расчистку взлетной полосы. Работали все, даже Белов, который оставлял лопату лишь для того, чтобы заглянуть к своему пациенту.

Солнце уже коснулось краем ледяных гребней, когда Лобов, прошагав с лопатой вдоль расчищенной полосы, объявил, что для его самолета хватит и что завтра, с рассветом, он взлетит.

— Если, конечно, ночью не заметет взлетную полосу, — добавил он, подумав, — если из Солнечной дадут «добро», если все будет в порядке, если... — последние условия Лобов проглотил вместе с богатырским зевком.

Ночь прошла спокойно, и с рассветом все собрались у самолета. Принесли на носилках Ковальского, подняли в кабину. Лобов занял свое место. Больного должны были сопровождать Белов и радист. Вериадзе и оба механика решили остаться.

— Эй, кто на посадку! — крикнул Лобов, приоткрыв окошко кабины. — Включаю моторы.

— Значит, если все будет удачно, вернусь вместе с Иванов, — сказал Белов Вериадзе. — И захвачу с собой Мики...

— Мики — не обязательно, — возразил Вериадзе. — А вот одного из геологов привози. И пару хороших радиометров.

— На Мики я надеюсь больше, чем на радиометры...

— Чепуха все это, Юрий! Чепуха!... Мы пробыли здесь неделю... И ничего... Я просто удивляюсь: ведь психиатрия — одна из твоих специальностей. Неужели тебе еще не ясно, что тут произошло?

— Пока нет...

— История полярных зимовок знает не один подобный случай. Персонал подобран неудачно. Не знаю, что представляли собой Стонор и исчезнувшие товарищи, но доктор — натура явно неуравновешенная, а этот Локк... Да, по моему, он и сам не уверен, произошло ли в действитель-

ности все то, о чем он рассказывает. Что же касается твоего пациента, генацвале...

– Моего пациента пока не касайся, Шота. Это интереснейший случай... Если бы не желание проникнуть вместе с вами в таинственный лабиринт, я бы теперь остался в Солнечной. Остался бы – хотя формально мое дежурство у постели Ковальского уже не является необходимым.

– Последние дни ты говоришь загадками, Юрий.

– Просто не люблю распространяться на тему... рабочей гипотезы...

– Значит, рабочая гипотеза существует?

– Пожалуй... Ты слышал о так называемом запечатанном изображении?

– Разумеется. Это дефект в телевидении.

– Только в определенном смысле, когда это получается при приеме телеизображения. В других случаях этот эффект специально используется, например, в запоминающих устройствах электронных машин.

– Но мы говорили о Ковальском... Какое отношение...

– Самое прямое. Нечто подобное может происходить в человеческом мозге. После сильного потрясения сознание как бы раздваивается. Возникает эффект «запечатанного изображения». Больной воспринимает его как провал в памяти, но мозг хранит «запечатанное» воспоминание. И в некоторых случаях его может прочесть... другое лицо... Понимаешь? Иногда этим даже пользуются при лечении...

– Значит, парапсихология?

– Если угодно.

– И тебе удалось что-то прочесть в его, так сказать, подсознательном воспоминании.

– Образ нечеткий, страшно нечеткий... Ярче всего это проявилось тогда, когда к нему начало возвращаться сознание. Потом все снова ушло куда-то на глубину. Иногда картина становится четче. Сам он ощущает это как проблески каких-то неясных воспоминаний. Но образ, по-видимому, один и тот же... Вот почему у меня возникла аналогия с запечатанным изображением.

– И что же это было?

– «Призрак»... Фигура «призрака», как в «галлюцинациях» доктора и Локка. Но Ковальский мог повстречаться со своим «призраком» лишь в шести километрах отсюда – в лабиринте, один на один. Он ничего не знал и до сих пор не знает о «галлюцинациях» товарищей. Значит...

– Гм... Хочешь сказать, что твой довод свидетельствует не в пользу возможности массовой галлюцинации?

– Хочу сказать, что ты невероятно упрям, Шота; но тише, к нам подходит Локк.

Взвыл один из моторов самолета, и Лобов, снова высунув голову и руку в маленькое окошко, яростно махнул Белову.

Доктор торопливо пожал руки Вериадзе и Локку, легко вскочил в самолет, втянул внутрь лестницу.

Дверь кабины закрылась, и тотчас же самолет побежал вдоль расчищенной полосы. Вериадзе и Локк с тревогой глядели вслед. Гладкая полоска снега между сутробами казалась совсем короткой. Краснокрылая машина быстро приближалась к ее концу. Локк закусил губы: вот сейчас самолет врежется в снежный бархан...

На последних метрах взлетной полосы Лобов круто поднял машину в воздух, развернулся, покачал крыльями и, постепенно набирая высоту, полетел на восток.

* * *

Днем Локк и Вериадзе в сопровождении обоих механиков совершили первый совместный поход в Ледяную пещеру.

Там все оказалось без изменений. На столе лежала записка, адресованная Тойво. Вход в ледяную штольню закрыт; к двери придвинут тяжелый ящик.

– Никого, – сказал Локк, – никого не было...

– А кого вы ждали, мистер Локк? – спросил Вериадзе, с интересом разглядывая пещеру.

– Да, собственно... – начал метеоролог и умолк.

Он действительно никого уже больше не ждал. В нем лишь жила слабая надежда, что «призраки» как-то напоят о своем существовании... Но не мог же он поделиться этой мыслью с начальником советской зимовки, который – Локк теперь был твердо убежден в этом – не верил ни ему, Локку, ни доктору.

– Спустимся? – предложил Вериадзе и подмигнул механикам. – Профессор, правда, просил не начинать без него обследование лабиринта, но мы чуть-чуть, одним глазом. А вдруг...

Отодвинули ящик, открыли дверь.

Вериадзе, согнувшись, шагнул в ледяную штольню. Локк последовал за ним.

Около часа они втроем лазали по южной части лабиринта, которая примыкала к ледяной штольне.

– Интересно, очень интересно, – бормотал Вериадзе, делая отметки мелом на стенах тоннелей, – кружево, настоящее кружево... Как это получилось? Неужели вулканические газы? А тут целый зал... Нет, пусть решают геологи. Я не знаю, что это такое... Интересно...

Потом он умолк и лишь время от времени пронзительно свистел. Сверху доносился ответный свист второго механика, который остался караулить у входа в ледяную штольню.

Локк поймал себя на мысли, что ему совсем не страшно. Не то, что тогда, когда он лазал тут один, а доктор дежурил наверху... Может, на него так успокаивающе действовали эти веселые здоровые парни, которые, кажется, вообще ни в какие страхи не верят и абсолютно ничего не боятся, а может, он, Локк, становится другим. Сейчас его не только не пугала возможная встреча с «призраками», он мечтал о ней, желал ее...

Но лабиринт был тих, темен и пуст.

По наклонному проходу они вышли в широкий низкий зал с нависающим неровным сводом. Из зала расходились ветвящиеся коридоры.

– Погасим рефлекторы и посидим тихо, – предложил Локк.

– Хотите побыть в темноте, – усмехнулся Вериадзе. – Можно попробовать...

Он вложил два пальца в рот и свистнул еще раз. Издали донесся ответный свист.

– Располагайтесь, – сказал Вериадзе.

Они устроились на полу у стены зала и выключили рефлекторы. Сразу надвинулась тьма и стала почти осязаемой. Полная тьма и тишина. Локк слышал лишь приглушенное дыхание своих спутников.

Довольно долго сидели молча. Когда Вериадзе шевельнулся, Локк сказал:

– Они светятся в темноте... Такое зеленовато-фиолетовое свечение...

– Вы заметили что-нибудь? – поинтересовался грузин.

– Пока нет.

– Вот и я – тоже.

Механик ничего не сказал, но Локку показалось, что он тихонько засмеялся.

– Пошли, – сказал Локк, вставая.

Они включили рефлекторы и молча возвратились в Ледяную пещеру. Когда бежали на лыжах к Большой кабине, Вериадзе рассказывал механикам о каналах и пустотах, которые прокладывают в толщах лав вулканические газы. Локк всю дорогу молчал...

* * *

Самолет прилетел лишь на следующий день. Лобов протиснулся сквозь узкую дверь кабины первым. Затем появился Белов. Он вытолкнул здорового лохматого пса с широкой мордой и маленькими круглыми ушами. Пес довольно ловко спустился по легкой алюминиевой лестнице и, не обращая внимания на встречающих, прилег на снегу и принялся стаскивать передними лапами намордник. Вслед за Беловым появился чернобородый радист, уже знакомый зимовщикам Большой кабины. Последним из самолета

та вылез невысокий коренастый человек с лицом, сплошь заросшим рыжей бородой, и с густой гривой рыжих волос, закрывавших лоб. Из огненной заросли поблескивали лишь стекла очков и торчал большой нос.

– Наш геолог – Сергей Фомин, – представил рыжего незнакомца Белов. – Сгорают от нетерпения попасть в лабиринт. Сгораешь, Сережа?

– Угу, – равнодушно кивнул рыжий и, поздоровавшись с обитателями Большой кабины, отошел в сторонку и принялся раскуривать трубку.

– Ваш товарищ превосходно перенес полет и чувствует себя неплохо, – сказал Белов доктору. – Шлет вам всем привет.

– Вспомнил он что-нибудь? – спросил Локк.

– Нет, сам он пока ничего вспомнить не может...

– Ну, так за него это никто не сделает, – заметил Локк.

– Однако можно попытаться ему помочь, – возразил Белов.

Жиро внимательно глянул на профессора, но промолчал. После завтрака устроили совет.

Белов первым попросил слова:

– Нас стало больше, – сказал он, – и я предлагаю разделиться. Одна группа будет продолжать воздушный поиск; другая займется лабиринтом. У нас теперь есть надежный помощник в подземных маршрутах – Мики. У него превосходное чутье...

– Ваш пес не боится темноты? – заинтересовался Жиро.

– Нет... Он работал со спелеологами на Дальнем Востоке и привык лазать по пещерам.

– А я предлагаю прекратить поисковые полеты, – сказал Локк. – Ни к чему... Рассел и Тойво, конечно, погибли. И шансы найти их тела совершенно ничтожны. Надо бросить все силы на исследование лабиринта. Он огромен. Мы видели лишь ничтожную его часть. Лабиринт потребует много времени. И еще одно: покойный Стонор считал, что Тойво заблудился по пути из Ледяной пещеры на базу, но не исключено и другое... Тойво мог погибнуть в лабирин-

те...

— Здоровые мысли, — проворчал Лобов.

— И все-таки, Иван, тебе придется полетать, — сказал Вериадзе. — Надо еще раз осмотреть и сфотографировать район. Пурга быстро хоронит все живое, но она сама же выдает свои тайны... То, что было скрыто вчера, может сегодня оказаться на поверхности.

— Добро, — сказал Лобов, — будем летать. Хлопцы, готовить машину!

Четыре дня продолжались полеты, и четверо суток группа в составе Вериадзе, Белова, Локка, Жиро, Фомина и Мики шаг за шагом обследовала лабиринт. Ледяная пещера стала базой подземных маршрутов. В ней бесменно дежурил радист, а «спелеологи» возвращались сюда лишь затем, чтобы передохнуть немного. Лазали по лабиринту двумя группами. С первой всегда шел Мики. Группы не отдалялись друг от друга более чем на сто пятьдесят — двести метров. Связь с Ледяной пещерой поддерживали по радио. В Большой кабине обосновался Лобов с механиками. Днем они летали, а ночью несли вахту на базе.

В конце четвертого дня поисков в лабиринте Вериадзе вызвал по радио Большую кабину.

— Ничего нового, — лаконично доложил Лобов. — Я только что вернулся. Ребята заняты самолетом. Погода отличная. Ночью ждем до минус тридцати. Из Солнечной сообщили, что все в порядке. Ковальский поправляется, но с памятью по-старому. Что у вас?

— Тоже — в порядке, и тоже — ничего нового.

— Кончаете? — поинтересовался Белов.

— Похоже, что да... Лабиринт очень сложный. Нижние этажи недоступны — каналы становятся слишком узкими. Даже Мики не проберется. А широкие проходы забиты льдом. Сергей набросал план обследованных частей. Получается, что осталось посмотреть самый дальний — южный участок. Он находится где-то под ледником. Там тоже большинство ходов занято льдом, но местами можно пробраться...

— И никаких следов?

– Конечно, никаких... Убежден, что лабиринт никем не посещался, кроме верхней части, где до нас побывали Сто-
нор и его товарищи.

– А что говорит Юрий?

– Преимущественно молчит... Позвать его к микрофону?

– Не надо... У меня все...

– У меня тоже...

– Значит, до утра. Привет ребятам!

– Спокойной ночи, Иван.

Вериадзе выключил передатчик. Оглянулся. Локк и радист спали на раскладных койках поверх спальных мешков. Жиро готовил ужин. Фомин что-то рисовал в полевом дневнике. Белов, подперев руками голову, сидел в дальнем углу за грудой ящиков.

Вериадзе прошелся по Ледяной пещере, осторожно обходя раскладные койки, рюкзаки, сложенное на полу снаряжение. Потом подошел к Белову, сел рядом.

Белов вопросительно взглянул на товарища и снова опустил голову.

– Не получается, Юрий, – тихо сказал Вериадзе. – Не получается по-твоему... Выходит, все-таки я прав... Пора кончать и возвращаться к нашим собственным делам. Тут нет ничего, кроме лабиринта. И не было того, о чем они рассказывали, – Вериадзе кивнул в сторону доктора и Локка. – А все эти загадочные исчезновения и убийство – пусть их власти разбираются. В конце концов это не наше дело.

– Но наше дело помочь им.

– В чем?

– Разгадать эти загадки.

– А если загадок нет? Если существует лишь то, что они сами хотят скрыть?

– Однако они обратились к нам за помощью.

– Обратились с большим опозданием. Помнишь, что было вначале? Мы предлагали помощь, а они отмалчивались. Отмалчивались до тех пор, пока не исчез геофизик и не был убит Стоно-
р.

– Смерть Стонора не может быть делом человеческих рук. Утверждаю это с полной ответственностью как биолог и как врач.

– Генацвале, даже их власти в Управлении Фолклендских островов подозревают неладное. Ведь запретили хоронить Стонора...

– Сказать тебе, о чем ты сейчас думаешь, Шота?

– Ну, скажи...

– Ты уверен, что тут произошло преступление, что Локк и Жиро сообщники и один из них – убийца.

– Н-не совсем, – смутился Вериадзе. – У меня могут быть подозрения, но уверенность – откуда же?..

– Нет, – твердо сказал Белов. – Сейчас ты кривишь душой, Шота. Именно – ты убежден, и не хочешь признаться в этом. И самое скверное: твоя убежденность опирается не на факты, а на домыслы...

– Не на домыслы, генацвале, на логику...

– Ну вот и признался.

– Не лови на слове, – рассердился Вериадзе. – Подозревать каждый имеет право. Хоть ты и понял мою точку зрения, ты ее чрезмерно упрощаешь. Я не исключаю нервного расстройства, групповой галлюцинации, массового приступа безумия, при котором могло почудиться все что угодно и случиться черт знает что. Странно даже: я, не психиатр, утверждаю то, что, по моему разумению, должен был бы утверждать ты...

– Так получается именно потому, что ты не психиатр, Шота.

– Опять парапсихология?

– Да! И могу добавить – Локк уверен, что ты, Шота, считаешь его убийцей, и больше всего на свете он теперь хочет встречи с «призраками», чтобы оправдаться в твоих глазах.

– Ой-вай, – растерялся Вериадзе. – Нехорошо получается... А ты не ошибаешься, Юрий? Или он тебе это сказал?

– Нет, не говорил, конечно. Но я не ошибаюсь. И не по-

нимаю, почему тебя смутили мои слова. Ведь ты действительно считаешь его убийцей.

– Ну, это я про себя и для себя...

– Значит, дело не в самой сути твоего отношения к Локку, а лишь в том, чтобы он пока не догадался о ней...

– Зачем все уточнять, дорогой! Конечно, нехорошо, что он догадался. И в конце концов я ведь тоже человек, могу и ошибиться...

– Вот это ценное замечание, Шота! Но, понимаешь: не то, чтобы Локк по твоему виду или поведению догадался о твоих мыслях о нем. Нет... Просто у него постепенно появилась уверенность, что ты считаешь его виновным, так же как в тебе – убежденность, что он действительно виноват.

– Гм... что же такое получается, генацвале? Для тебя все мозги прозрачные. Выходит, ты можешь читать самые сокровенные мысли, как слепой читает пальцами страницы рельефного шрифта? Я начинаю тебя побаиваться...

– Напрасно... Я никогда не злоупотреблял этой своей особенностью. И лучшее тому подтверждение – даже ты ничего не знал о ней. Но тут мы очутились в особой ситуации...

– Значит, ты по-прежнему настаиваешь на своем, генацвале?

– Да.

– Слушай, интересно, а о чем думает Жиро?

Белов покачал головой:

– Я ведь сказал, что не злоупотреблял и никогда не стану злоупотреблять своей способностью читать чужие мысли. То, о чем думает Жиро, совсем не интересно, ни для тебя, ни для разгадки здешних тайн.

– Значит, ты считаешь, что надо продолжать?

– Конечно... Ведь мы еще ни на шаг не приблизились к разгадке. Мы обязаны продолжать, Шота.

– Может, ты веришь и в «призраков»?

– Верю, Шота. Верю, что Локк и доктор видели кого-то. Верю, что жертвой этого «кого-то» пали Ковальский и Стонор. Допускаю, что эти «кто-то» причастны к исчезновению Латикайнена и Рассела. Верю в аборигенов этих пустынных гор. Дорогой Шота, человек открыл далеко не все

на своей небольшой планете. Жизнь обладает удивительным свойством приспосабливаться к самым невероятным условиям. К самым невероятным, Шота. В Европе наши предки тоже уцелели во время Великого оледенения... Да, я верю в аборигенов Земли Королевы Мод, отнюдь не призрачных, а вполне материальных. Допускаю, что они стоят на лестнице эволюции гораздо ближе к нам с тобой, чем моржи или пингины, хотя, быть может, и обладают удивительными, с точки зрения нашей физиологии, свойствами... Ты вправе сомневаться, Шота, спорить, браниться, но ты обязан продолжать поиски. Мы все должны... Нельзя отступать, очутившись на пороге такой загадки. Мы ученые, и мы не имеем права отступить.

– Ну, дорогой, – сказал Вериадзе, – давай я тебя поцелую. До чего хорошо говорил. Никто лучше не скажет. Я тебе, конечно, не верю... То есть нет: как начальник я тебе не верю, как ученый – сомневаюсь, а как Шота Вериадзе я тебе подарю самый лучший кинжал прадеда, и можешь жарить на нем шашлык из свинины, если поймашь этого своего аборигена. И будь он хоть помесью моржа, питекантропа и пингвина, мы поймаем его, если, конечно, все так, как ты говоришь...

* * *

Прошло еще несколько дней. Лобову пришлось прекратить полеты. Начал барахлить левый мотор, и самолет поставили на профилактику. Механики занялись мотором, а летчик присоединился к «спелеологам». Радииста отправили в Большую кабину. Его место у передатчика Ледяной пещеры теперь должен был занять Жиро. Доктор с радостью принял свою новую обязанность. По крайней мере теперь ему не надо было ежедневно спускаться в лабиринт и лазать там в поисках бестий, встретиться с которыми Жиро не имел ни малейшей охоты.

Лобов, появившись впервые в Ледяной пещере и оглядев товарищей, не мог скрыть удивления:

– Эге, друзья, – пробормотал он, потирая свои свежесбритые щеки, – да вы скоро Сергея перещеголяете... Или у вас тут соревнование под девизом «прочь бритье?»

– Ничего, Иван, – утешил летчика Белов, – поживешь тут с недельку, еще не так зарастешь.

– Дудки! – объявил Лобов. – Я с собой механическую бритву взял.

– Не понадобится, – жестко сказал Вериадзе, – еще два похода в лабиринт, и кончаем. Все имеет свой предел...

– Разумеется, мистер Вериадзе, – кивнул Локк. – Пора кончать. Вы и так посвятили нам и нашим бедам слишком много дорогого времени.

– Неужели и вы готовы отступить, мистер Локк? – спросил Белов, внимательно глядя на метеоролога. – Вы, потерявший тут троих товарищей?

– К чему вспоминать, – глухо сказал Локк. – Их уже не вернешь... Летом, когда здесь появятся наши шефы, мы, конечно, снова проникнем в этот лабиринт, а сейчас...

– Засыпать вход в Ледяную штольню, и дело с концом, – предложил Жиро. – И возвращаемся в Большую кабину. Тайна этого проклятого места нам просто не по силам.

– Еще два маршрута все-таки сделаем, – возразил Вериадзе. – Два последних. Так, мистер Локк?

– Как хотите. Мне все равно... И если говорить откровенно, я уже не поручусь, что действительно видел их... этих «электрических обезьян». А ты, Ришар?

– Клянусь святой Терезой Лиможской, – сказал Жиро, – я вообще ни за что не поручусь на этой земле. Абсолютно все могло быть видением, галлюцинацией, миражем, фата-морганой, приступом безумия, даже настоящими призраками, черт побери. Кто из вас поручится, господа, что призраков не существует? Я имею в виду полноценных, классических призраков или привидений, перед которыми равно бессильны и медицина, и пуля, и даже здравый смысл ученого.

– Ну вот, что я говорил! – бросил сквозь зубы Вериадзе, обращаясь к Белову.

– Очень хорошо, коллега! – быстро сказал профессор, не отвечая Вериадзе. – Однако как вы, оставаясь на позициях классического идеализма...

– Дуализма! – прервал Жиро, поднимая указательный палец.

– Превосходно – даже дуализма! Как вы с этих позиций объясните кончину вашего начальника и паралич мистера Ковальского? Тоже вмешательством потусторонних сил?

– Видите ли, коллега, – начал Жиро. – На этот вопрос я...

– Перестань паясничать! – яростно крикнул Локк. – Простите его, господа; он опять... Разумеется, вы имеете право сомневаться и не верить нам, – продолжал кричать Локк, обращаясь к Вериадзе и Белову. – Ришар напивается, стоит оставить его одного, а я... я действительно теперь не знаю, видел я их или это была галлюцинация... Понимаете, не знаю, не уверен... Вы опять скажете – смерть Стонора, случай с Ковальским. А можете вы поручиться, что все это не поражения разрядами атмосферного электричества?.. Молчите, да?

– Мистер Локк, – начал Фомин, который только что появился из Ледяной штольни, – а ведь эти ваши «призраки»...

– Подожди, Сергей, – прервал Белов. – Мистер Локк, вы трезво мыслящий, сильный человек и старый полярник, как же вы так легко готовы согласиться, что все случившееся – галлюцинация? Когда-нибудь раньше у вас были галлюцинации?

– Никогда!

– А здесь трижды на протяжении нескольких дней. Ведь вы трижды видели их, не так ли?

– Да, и один раз так, как вижу сейчас вас.

– Так почему же галлюцинация?

– Мистер Локк, – снова начал Фомин, – понимаете, я сейчас...

– Не знаю, – сказал Локк. – Вот когда слушаю вас – одно, а когда начну думать... Наверно, этого слишком много для

моей бедной головы. Порой даже думаю, не схожу ли с ума...

– Чепуха какая!

– А вот и не чепуха, – сказал Жиро. – Очень даже можно сойти...

– Чепуха. Человеческий разум – великолепный аппарат. Надо ему доверять.

– Конечно, – подтвердил Лобов. – Вот мне покажи хоть взвод рогатых вурдалаков с горящими хвостами, я подойду и потрогаю, какие они – из капрона или из папье-маше...

– В общем, все ясно, – резюмировал Вериадзе.

– Ничего не ясно...

– Нет, ясно...

– Что тебе ясно, Шота?

– Ты остался в абсолютном меньшинстве, Юрий.

– И тем не менее не считаю вас правыми.

– Это уж ты из упрямства.

– Нет.

– Да!

– Нет.

– Да подождите, не кричите вы все сразу, дайте мне сказать... – опять начал Фомин.

– Действительно, Сергей еще не высказался, – сердито заметил Вериадзе, вытирая платком покрасневшее лицо. – Ну, говори, Сергей, ты разделяешь точку зрения профессора или – как все?

– Что, как все?

– Все, кроме профессора Белова, склоняются к тому, что пора прекратить поиски, что «электрические призраки» могли оказаться галлюцинацией, что...

– Ага, понял, – прервал Фомин. – Нет, я не согласен...

– С чем не согласен?

– С галлюцинацией...

– А, собственно, почему?

– Какая, к черту, галлюцинация. Я только что видел его.

– Кого?

– Ну этого – «призрака».

– Что?..

– Видел, говорю, этого их «призрака»... В лабиринте... Ну чего вы все на меня так смотрите?

– Подожди-ка, Сергей... Повтори еще раз, что ты видел, – сказал Вериадзе, подходя вплотную к геологу. – Ну, только спокойно...

– А чего мне беспокоиться? Видел, говорю, «призрака». Похож на большую мохнатую обезьяну, только голова коническая.

– Ничего не понимаю... Где видел? Когда?

– В лабиринте возле урановой жилы. Я пошел наколотить еще образцов. Отбиваю, слышу – сопит сзади кто-то. Оглядываюсь. Он... Стоит шагах в десяти, смотрит на меня и сопит. Мохнатый, голова конусом и лапы передние почти до земли...

– Ну, а ты что?

– Ничего... Думаю, значит, все в порядке. Есть... Пойду сказать... А образцы потом. И пришел...

– Когда же это было?

– Минут десять назад.

– Так чего же ты молчал?

– А вы мне не дали говорить. Спорили все, кричали...

– Он остался там, у жилы?

– Остался...

– Бери оружие, пошли, – крикнул Вериадзе. – К жиле ведут два тоннеля. Пойдем двумя группами и возьмем его в кольцо. Стрелять по моему сигналу.

– Нет, – поднял руку Белов. – Никакой стрельбы. Ведь он не причинил вреда Сергею. А мог бы... Он подошел незаметно сзади и не напал. Смотрел, что Сергей делает.

– Да если бы он попробовал, – начал Фомин, – я бы...

– И он позволил Сергею уйти и не преследовал его...

– Наверно, принял Сережку за одного из своих, – проворчал Лобов, засовывая в карман комбинезона пистолет.

– Повторяю, никакой стрельбы, – нахмурился Белов. – Я иду вперед. А вы за мной двумя группами. Не спорь, Шота. Мы ученые, а не охотники за черепами.

– Но я не могу позволить тебе, Юрий... – начал Вериадзе.

– Придется позволить, Шота. Как видишь, пока я оказался прав. И теперь предлагаю единственно верный путь. Не будем спорить... Он может уйти далеко. Придется опять разыскивать. Идите за мной на расстоянии видимости. Вторая группа пусть возьмет Мики. Пес может понадобиться. Пошли.

– Ты вооружен, Юрий?

– Да... Пожалуй, даже надежнее, чем вы.

– Сергей, мы с тобой в первом эшелоне, – распорядился Вериадзе. – Мистер Локк, вы с Лобовым во втором. И возьмите Мики, но не спускайте его. Держите крепче. Вперед...

– Вперед! – повторил Лобов, протискиваясь вслед за Локком в отверстие штольни.

– Вперед... – прошептал трясущимися губами Жиро, присев в углу Ледяной пещеры и безуспешно пытаясь вогнать картонные патроны с разрывными пулями в узкий магазин карабина. – Святая Тереза Лиможская, помоги им и мне...

* * *

«Ушел или нет?» – думал Вериадзе, осторожно пробираясь по наклонному ходу вслед за Фоминым.

Впереди мелькало светлое пятно от рефлектора Белова. Сзади доносилось сопение Лобова и прерывистое дыхание рвущегося вперед Мики. Похоже было, что и пес почуял кого-то...

«Успеем или нет?..»

Успели... Белов резко остановился и поднял руку. Значит, есть... Вериадзе и Фомин погасили рефлекторы, бесшумно поползли вперед в темноте. Свет фонаря Белова исчез за поворотом. Когда Вериадзе и Фомин добрались до расширения тоннеля, они уже стояли в нескольких шагах друг против друга – маленький хрупкий Белов и большая мохнатая обезьяна, покрытая густым буровато-черным

мехом. Они стояли неподвижно и внимательно глядели один на другого. Шерсть чудовища серебрилась в лучах рефлектора. Маленькие глазки вспыхивали, как красные угли.

Потом Белов сделал шаг вперед. Глаза чудовища вспыхнули ярче, и оно отступило. Подняло длинную мохнатую руку, словно предостерегая.

Вериадзе бесшумно спустил предохранитель пистолета. Приподнял короткий вороненый ствол.

«Пожалуй, не промахнусь, — мелькнула мысль. — Надо стрелять в глаз...»

— Нет, — шепнул в самое ухо Фомин. — Нельзя... Он сам справится... Вот увидите...

Белов скрестил руки на груди и продолжал в упор рассматривать «призрака».

Постепенно красноватые угольки-глаза стали меркнуть и потухли совсем. Чудовище стояло неподвижно. Белов сделал еще шаг вперед, и Вериадзе снова поднял пистолет. Но мохнатый «призрак» не шевельнулся. Еще шаг... Теперь их разделяло расстояние не более пяти метров. Чудо-

вище не шевелилось, словно охваченное столбняком. Профессор, не оборачиваясь, поднял правую руку над головой и сделал призывный жест.

– Оставайся тут, Сергей, – шепнул Вериадзе. – Он зовет... Я подойду ближе. В случае чего, понимаешь?..

– Ага, – сказал Фомин, усаживаясь поудобнее.

Через несколько секунд Вериадзе был рядом с Беловым. Обезьяна продолжала стоять, как изваяние.

– Ты, Шота? – тихо, но внятно сказал Белов, не оглядываясь на товарища. – Ну, вот она – загадка Земли Королевы Мод, таинственный ночной призрак. Прав оказался несчастный Стонор. Это – крупный прямоходящий антропоид... Антарктический кузен легендарного йети.

– Что с ним? Столбняк от удивления?..

– Нет-нет, конечно. Удалось загипнотизировать.

– Можно потрогать?

– Ни в коем случае. Он не спит. У него только временно парализованы двигательные центры. И не знаю, долго ли смогу удержать его в таком состоянии. Думаю, для первого раза хватит. Отходи потихоньку, я за тобой.

– Но...

– Отходи, Шота. Этот красавец гораздо опаснее гориллы, если его взволновать.

Вериадзе начал отступать пятясь. В нескольких шагах перед ним отступал Белов, не отрывая луча рефлектора от неподвижного чудовища.

Когда они отошли к тому месту, где сидел Фомин, «обезьяна» шевельнулась. Покрутила конической головой и вдруг, словно человек, заслонила огромными лапами глаза.

– Свет, – шепнул Вериадзе. – Ее ослепил твой рефлектор. Погаси!

– Нет, просто она пытается сообразить, что с ней случится. Эти твари, без сомнения, разумны, Шота. Смотри...

Чудовище приложило теперь лапы ко лбу наподобие козырька и всматривалось в рефлектор Белова. Казалось, оно было в нерешительности: последовать ли за лучом света или остаться.

В это время сзади послышалось какое-то движение, сдержанный возглас Лобова и тотчас раздался громкий лай Мики.

Вериадзе толкнул Белова в боковой коридор, заставил его выключить рефлектор и лечь. Выглянув через мгновение из-за выступа камня, Вериадзе увидел в отдалении зеленовато-фиолетовый фосфоресцирующий контур чудовища. Лай Мики продолжал греметь в темноте, как раскаты грома. Светящаяся фигура быстро удалялась, потом нырнула в один из боковых ходов и исчезла.

— Спугнули все-таки, — сказал Вериадзе, поднимаясь и включая свет. — Черт бы побрал этого горластого Мики.

Когда все вернулись в Ледяную пещеру, доктора в ней не оказалось. Белов, пошатываясь, добрался до своей койки, повалился на нее и закрыл глаза.

— Что с тобой, Юрий? — всполошился Вериадзе. — Тебе нехорошо? Где ваш доктор, мистер Локк?

Локк растерянно развел руками:

— Не знаю. Видимо, не выдержал... Удрал...

— Ничего не надо, — тихо сказал Белов. — Это от перенапряжения. Его нелегко было загипнотизировать... Полежу немного, и все пройдет.

— Ну как, Иван? — спросил Вериадзе Лобова.

— А я ничего не видел. Держал этого проклятого пса и думал только о том, чтобы он не залаял. А он на тебе, все-таки высвободил голову...

— Хорошо, что ты не выпустил его.

— Еще бы...

— А вы, мистер Локк, сейчас рассмотрели вашего «призрака»?

— Не так близко, как вы, Шота, но кое-что видел.

Вериадзе протянул метеорологу руку:

— Вы простите меня, Фред... за мои сомнения.

— Ну, что вы, они более чем естественны... Хорошо, однако, что мы все убедились в существовании этих дряней. Словно гора с плеч свалилась.

— Вы с вашими товарищами сделали большое открытие, Фред. Шутка ли сказать, новый неизвестный науке антарк-

тический антропоид! Сколько лет искали его в Гималаях, а он оказался в Антарктиде.

— Открытие сделано всеми, кто тут сейчас находится, — решительно сказал Локк. — Оно в еще большей степени ваше, чем наше. Да-да, это общее открытие... И я предлагаю в названии антропоида увековечить имя Сергея Фомина. Ведь он первый, повстречавшись с нашим «призраком», поступил именно так, как следовало поступить здравомыслящему ученому, — не испугался, а пошел позвать товарищей — полюбоваться на свою находку...

— Да бросьте вы, — смущенно пробормотал Фомин. — Я-то тут при чем? Все случайно получилось. Я за образцами руды ходил...

— Позвольте я вас расцелую, Сергей, — попросил Локк. — Вы даже не представляете, какой вы мне подарок сделали.

— Пустяки, — сказал Фомин, обнимая метеоролога.

— Ну, а теперь остается окрестить нашу находку, — объявил Локк. — Только подождите, я достану шампанского. И чтобы обязательно в названии было «фомиус» или что-нибудь в этом роде.

— Да бросьте, ребята...

— А что, можно! — заметил Лобов. — Главное — они похожи на тебя, Сергей, или, вернее, ты на них...

— Ну так как же все-таки? — спросил Локк, ставя на стол бутылки с шампанским.

— Например, неоантропус антарктикус фомини, — подсказал со своей койки Белов, не открывая глаз.

— Итак, товарищи, — крикнул Локк, — первый тост за неоантропуса антарктикуса фомини и за его первооткрывателей!

С треском полетели в ледяной потолок пробки, и в тот же момент распахнулась наружная дверь. Толкая друг друга, в Ледяную пещеру ввалились вооруженные с ног до головы оба механика и радист. За ними следовал доктор с карабином в одной руке и лыжной палкой в другой.

Воцарилась тишина. Сидящие за столом отставили кружки и стаканы с шампанским. Только Фомин, тяжело вздох-

нув, поднес к губам большую эмалированную кружку и принялся большими глотками пить ее содержимое.

– Ну-с, – сказал Вериадзе, – интересно, что это должно означать?

Механики и радист смущенно переглянулись.

– Это я, – сказал Жиро, выступая вперед. – Это я, когда вы отправились за призраком, объявил по радио тревогу и пошел встретить подкрепление. Но, кажется, мы все-таки опоздали.

– Чепуха, вы явились как раз вовремя, – сказал Лобов. – Садись к столу, ребята! Налей им, Фред. Зря, что ли, они сюда бежали.

Через полчаса в Ледяной пещере стало жарко. Все, кроме Белова, сбросили меховые куртки и остались в свитерах.

Фомин и механики затянули украинскую песню. Локк, прислушиваясь к незнакомым словам, пытался подпевать.

Лобов обнял Жиро за плечи и в третий раз рассказывал ему подробности встречи с неоантропусом антарктикусом фомини. Доктор хихикал, подслеповато щурился, высматривая, в какой бутылке осталось шампанское. Вериадзе вслух рассуждал об организации большой международной экспедиции для изучения антарктических антропоидов:

– Парапсихологическое воздействие – вот пути начальных контактов, ты превосходно продемонстрировал это сегодня, Юрий. Значит, в составе экспедиции...

– Господа, – вдруг закричал Жиро, поднимаясь со своего места, – господа, нехорошо получается... Мы тут сидим, беседуем, пьем – а где виновники... торжества? Нет, я вас спрашиваю, где они? Не пригласили! А можно было пригласить. Мой уважаемый коллега, профессор Белов, мог это сделать. Он все может... Все... Представляете, сидим мы за столом... И вдруг – стук в дверь.

Доктор, пошатываясь, подошел к двери, ведущей в лабиринт и, опершись о нее, продолжал:

– Значит, сидим, ждем: вдруг – стук, такой деликатный... – доктор постучал согнутым пальцем в дверь и с очень довольным видом оглядел присутствующих. – Ну как?

– Очень хорошо, – заметил Лобов без особой уверенности.

– Мы отворяем дверь и говорим... – доктор приоткрыл дверь и заглянул в ледяную штольню... – А-а-а! – тотчас же завопил он. – А-а-а!.. – И, стремительно захлопнув дверь, доктор одним прыжком очутился в дальнем углу Ледяной пещеры.

Все повскакали с мест. В тот же момент Мики, спокойно лежавший под столом, бросился к двери и, оскалив огромные клыки, угрожающе зарычал. За дверью послышался явственный шорох шагов и тихий стук.

– А ну-ка, Жиро, иди открой, – сказал Локк, наводя на дверь пистолет.

– Я? Ни за что!.. Там... Они...

Лобов шагнул к двери и, оттянув за ошейник яростно рычащего Мики, резким рывком распахнул дверь.

И тотчас опустились нацеленные в дверь стволы.

– Джек, – прошептал ошеломленный Локк, отбрасывая оружие, – Джек, Тойво...

Две исхудавшие фигуры, с восковыми, обтянутыми почти прозрачной кожей лицами, пошатываясь, вышли из штольни и остановились, ослепленные светом.

– Господа, это Джек Рассел – наш геофизик и Тойво Латикайнен, исчезнувший три недели назад.

– Все-таки мы вернулись, Тойво, – прошептал Рассел, обращаясь к товарищу. – Вернулись, а ты не хотел верить мне. Мы очень ослабли, Фред, хотя они и кормили нас сырым тюленьим мясом... А сегодня они вдруг освободили нас, даже вывели из лабиринта. Без них мы не смогли бы... – Рассел пошатнулся, но его и Тойво уже подхватили товарищи.

– Дайте им немного вина, – крикнул откуда-то сзади Жиро.

– Нам бы что-нибудь теплое и под душ, – прошептал Рассел и потерял сознание.

– Ну, Шота, теперь ты окончательно убедился, что неопантропусы разумны? – спросил Белов, наклоняясь над Расселом, которого уложили на койку.

– Да, конечно... Но неужели... они обитают в лабиринте?

– Нет, – медленно, но очень внятно заговорил Латикайнен, которому Жиро уже успел влить в рот немного вина. – Они живут далеко отсюда... в ледяных пещерах... даже подо льдом. О, они разумны, очень, но... – Латикайнен вздрогнул...

– Молчите, молчите, – сказал Белов. – Потом расскажете.

– Да... я долго пробыл... у них... Они все понимают... Гигантский болид разрушил часть их пещер... Они решили, что это мы... И схватили меня, может быть, как заложника... А потом Рассела вытащили из саней... Но старались сохранить нам жизнь. Они аккумулируют какую-то лучистую энергию и легко могут убить разрядами, когда взволнованы... Их язык очень примитивен, но... они способны передавать какие-то сигналы мысленно... или при помощи радиоизлучения... Эволюция в этих труднейших условиях наделила их удивительными свойствами, которыми мы не обладаем... Но они поняли, что мы тоже разумны, и хотели установить контакт... Может быть, поэтому нас и отпустили сегодня...

– Ну, дружище, – тихо сказал Вериадзе Белову. – Ты оказался прав во всем... Абсолютно во всем. Неужели ты рассчитывал даже на это? – Вериадзе кивнул в сторону Латикайнена и Рассела.

– А пожалуй, я мог бы еще подрасти в твоих глазах, – улыбнулся Белов. – Что мне стоит сказать: да, рассчитывал? Но нет, Шота, дорогой. На их счастливое возвращение от «братьев по разуму» даже я не смел рассчитывать... Ну что ж, тем больше шансов в пользу установления надежных контактов... в будущем. Здесьние аборигены могут стать неоценимыми помощниками при исследовании антарктических пустынь. А сколько любопытнейших задач для физиологов! Кто знает, быть может, у здесьних аборигенов проявились какие-то свойства, которые обычный человек Земли приобретает лишь после длительной эволюции...

Николай Абыйчанин

Из повести
«ЧУЧУНА И СУЛАНЯ»

Старого охотника-эвена Холчохо Хонохоя до сих пор помнят многие следопыты Индигирки. Знаменит он был не только тем, что разменял вторую сотню лет и редко кто мог сравниться с ним в знании повадок зверей и птиц, но и тем, что имя его часто связывали с чучуной — «снежным» человеком.

Часто у таежных костров вспоминал он необыкновенную историю. А когда Хонохой умер, рассказы обратились в легенду, которую мне и довелось услышать в одном из охотничьих стойбищ.

Давно это было, в те далекие времена, когда якуты называли нас «омуками», русские — «ламутами», а мы сами считали себя «ывыками». Еще мальчишкой, кочуя вместе с родителями по охотничьим угодьям от Яны до самой Колымы, я наслышался разных легенд и былей о «диком человеке». Называли его по-разному: «хозяин гор», «бродяга», «кучуна», иногда даже оскорбительно — «сэдьэк», но чаще всего — «чучуна».

Говорили, что он приходит по ночам к стойбищам охотников, съедает или уносит запасы пищи, уводит оленей. Завидев чучуну, люди его преследовали и порой убивали. А вот чтобы «дикарь» убил человека — такого никто вспомнить не мог. Правда, когда в горах терялся охотник или молодая девушка, обычно все приходило к выводу: «Это дело рук чучуны». Считалось, что хозяин гор обладает какими-то гипнотическими чарами, у него необыкновенно сильные руки и ноги, он не знает огня, а из оружия признает только камни.

Мне довелось видеть его своими глазами. И не только видеть...

Мало стало в те годы диких оленей в окрестностях нашего Бурунаса. Исчезли и горные бараны-чубуку. О прежней добычливой охоте приходилось только вспоминать. Все чаще возвращался я домой с пустыми руками и погасшим взглядом. Я знал, что стада чубуку ушли на хребет Тумус-Гас, но за этими горами шла дурная слава, считалось, что именно там живут чучуны.

В ясную погоду от нашего стойбища были хорошо видны белые остроконечные пики, которые притягивали и одновременно пугали меня.

И вот наступил день, когда, окончательно отчаявшись после бесплодных поисков возле нашего Бурунаса, я объявил жене, что поеду на Тумус-Тас.

Надо сказать, что моя жена Екена была в это время беременна, ждала второго ребенка, и это налагало особый отпечаток на все действия нашей семьи. По старинным поверьям считалось, что, имея жену на сносях, охотник должен особенно старательно придерживаться всех таежных законов, иначе на него разгневается Буйун Мурани — Дух Дикого Оленя, а тогда — ввек не видать удачи на промысле. Беременной было строго запрещено есть сердце, печень и почки диких оленей, не разрешалось подходить к ним близко и даже перешагивать через их кровь.

Едва заслышав о Тумус-Тасе, жена моя отрезала:

— Ни в коем случае! Ты что, забыл про чучуну?!

У нас, эвенов, жены в большом авторитете, их принято слушаться и уж ни в коем случае нельзя бить. Наоборот, они нас частенько ругают, а случается, если сердятся, могут и ударить. Приходится терпеть. Женщина — племянница мэнэ — медведя, когда он сердится, защищает ее, мстит за ее обиды.

— Не хочу остаться вдовой, и поехать туда не позволю! — стояла на своем жена, как ни пытался я ее уговаривать.

От нашей ссоры проснулся и заплакал двухлетний сын.

— Не плачь, сыночек, — начал я его успокаивать, но жена, оборвав меня, строго прикрикнула на малыша и шлепнула его. Видно, сильно рассердилась. Сынок притих и вскоре опять заснул.

Вечер был испорчен. Даже огонь в очаге тлел еле-еле.

Гнетущую тишину нарушил лай собаки. Распахнулась дверь и вошел старик Оронча, глава племени Наготу. Мы хоть и из племени Мямли, но его очень любили. Хороший старик — мудрый, добродушный, прямо как луна в погожую ночь.

Екена быстро раздула огонь, нажарила мяса, вскипятила чай. За ужином я и рассказал о своем намерении.

— Правильно решил, — неожиданно заключил старик.

Она, конечно, не смогла это перенести спокойно, опять принялась за свое:

— Не пуцу! Кто будет потом детей моих кормить??

Я сидел молча, не ввязывался.

— А ты когда-нибудь слышала, чтобы чучуна человека убил? — начал уговаривать ее Оронча.

— Люди говорят, что не только убивает, но и ест.

— Ложь все это! Достойный человек такого не скажет, потому что настоящий чучуна никогда никого не трогал.

— И все-таки, — вздохнула она. — не хочу я тебя отпускать. Вдруг съдзэк там околдует тебя, уведет оленей, останешься один и помрешь с голоду, либо заберется ночью в тордох, когда спать будешь, и убьет.

— Да-а, — покачал головой Оронча, — если женщина заупрямится, то повернуть ее в другую сторону трудно. — Он закурил свою трубку, выпустил несколько клубов дыма. — Почему ты говоришь только о плохом?.. Зачем такое предсказываешь! Беременной женщине грех беды накликать, о хорошем надо говорить и думать — хорошее и сбудется.

— Какой в том грех, что я беспокоюсь за мужа, — начала оправдываться Екена. — Ты, конечно, из другого племени, тебе, может, моего мужа и не жаль.

— Обижаешь. Екена. Ты ведь сама не раз слышала об охотниках, что дружили с чучуной и вместе вели промысел, притом очень удачно. Чем хуже их твой муж?

— Не пуцу — и кончено! — опять подскочила Екена.

— Нет, не кончено! — рассердился Оронча. — Ты помнишь, чтобы я на своем веку кого-то заманил на худое дело, на погибель, или кому-то не помог в беде? Ты, женщина, меня обидела!..

Екена виновато склонила голову и посмотрела на меня. Я изобразил сочувствие, но в душе ликовал: нашел-таки мудрый старик на нее нужные слова!

— На верную смерть я его никогда не пошлю, — продолжал Оронча. — Я на его стороне, потому что хочу, чтобы он

узнал то, чего не знает, победил непобежденного. Мы все боимся, потому и так мало знаем, в этом все наши беды. Если уж тебя так страшит призрак-сэдьэк, я одолжу ему шапку с рогами великого шамана Юляди из племени Шоронбой и своего белого оленя-самца.

Ты говоришь, что «дикарь» его может убить, но ведь вооружен-то он только камнями да, может, копьем или шестом, а твоему мужу в прошлом году русские продали огнестрельное ружье. Что может быть сильнее такой защиты?!

Жена примирительно улыбнулась, пошла к спящему ребенку, поправила укрывавшее его одеяло. Старик продолжал говорить, но теперь он обращался уже ко мне:

— Не забывай обычаев. Помни каждого духа. Урекчен Мурани — Дух Горы. Тога Мурани — Дух Огня, Окат Мурани — Дух Реки, Сунгэ Мурани — Дух Ветра, Буйун Мурани — Дух Дикого Оленя. Каждому из них надо кланяться по-особому. Самый главный — Яктянь — Дух Небесного Грома, не заставляй его гневаться, его боятся все: и люди, и звери, и птицы, и чучуна тоже.

— Я помню об этом с детства.

— Ничего, перед дальней дорогой не грех повторить. Если застанет тебя гром в горах — сразу раздувай большой огонь, он спасет... Помни, сынок, южный ветер — хороший знак, он приносит удачу и обилие, а вот ветер с запада — злых духов. Хоть летом, хоть зимой, если ветер потянет с запада, то поздно вечером, когда все заснут, возьми полено, зажги его, поставь около тордоха против ветра и прошепчи негромко: «Оогли дэкувкэли — падай вниз и задохнись». Ветер утихнет и не нанесет злых духов в твоё жилище. На всякий случай возьми с собой дедовский куйах*. На ночь оставляй огонь в очаге... Я уверен в тебе, душа у тебя чистая, ум смелый, значит, тебе будет сопутствовать удача. Помни пословицу: тундра всегда богата, а добрый молодец удачлив. Если мужчины перестанут идти в сторону неизвестности и опасности, на земле этой не останется людей. К

---

* *Куйах* — панцирь, кольчуга.

тому же, ты идешь в горы не для забавы, а по нужде, жизнь заставляет. — Он повернулся к жене.

— А ты, Екена, не беспокойся, до его возвращения я буду навещать, помогать буду. Он вернется, когда уснет солнце и заиграет Байгал Оотан — Северное Сияние. На том и договоримся.

Приняв решение, мы все надолго замолчали.

— Если не вернешься в условленный срок, я поеду искать тебя,— сказал Оронча уже перед самым уходом. — А ты, Екена, шей узорное нэлэкэ*, разукрась его бисером, да рукавицы сделай такие, какие чукчи носят, слышал я, что чучуны любят красивые и блестящие вещи. Счастливого тебе пути, да сопутствует тебе Ньюбати Уйамкан! — Старик весело улыбнулся и вышел бодрой походкой.

Жена внимательно и долго глядела на меня, будто впервые увидела. Потом мирно улыбнулась:

— Пусть будет так. Поезжай в свои горы. Только вернись без метки на лбу.

* * *

Проехав около тридцати кёс** до Тумус-Таса, я поставил у его ближних отрогов тордох. Осмотрев на следующий день уголья, убедился, что охота должна быть удачной. Боясь чучуны, поначалу кружил неподалеку от своей стоянки, но затем осмелел, поскольку «дикий человек» не появлялся. И тогда я стал забираться все глубже в горы.

Стояло морозное ноябрьское утро. Зимнее солнце едва выглядывало из-за вершин. Изморозь покрыла ветви деревьев, осела на камни. День обещал быть погожим и теплым.

---

* Нэлэкэ — передник из замши.

** Кёс — мера расстояния, приблизительно 10 километров.

Я растопил снега, вскипятил, попил чаю и принялся кликать бродивших поблизости оленей:

— Мах, мах, мах!

Когда первый из них подбежал ко мне, я невольно вздрогнул: на нем было седло! А я вчера вечером собственными руками сложил все седла на лабаз, все четыре. Глянув на закрепленную между деревьями площадку, я увидел на ней только три седла. Значит, началось, кто-то ночью взял с лабаза седло и оседлал оленя. Я снова с опаской перевел взгляд на ездового: седло на нем было закреплено не на передних лопатках, как положено, а на середине спины, причем топорщилось оно задом наперед и подпруги все были спутаны.

— Оок-сие! Ну и дела! — только сумел выдохнуть я и почувствовал, как под шапкой зашевелились волосы. Однако постарался не подать виду. Постоял, чуть успокоился. Зубчатые скалы вокруг немо глядели в небо и не собирались раскрывать тайны.

«Почему же он не отправил меня, спящего, на тот свет? Решил попроказничать, как ребенок?.. А где его следы?.. Нет. Их затоптали олени. К тому же, старики говорили, что брать след чучуны нельзя, кажется, об этом предупреждал и Оронча... — Мысли мои лихорадочно метались. — Значит, он ходит по ночам, а днем спит. Это уже неплохо. Да и мы не из робкою десятка, еще повоюем. Кольчуга на груди, нож на боку, ружье в руках. Легко не возьмет... Если он сейчас наблюдает за мной, то надо показать, что я его не боюсь...»

Я не спеша снял с оленя седло, приладил его как надо, собрал остальных оленей и погнал их к тордоху.

Когда я уже входил в жилище, за спиной раздался громкий смех. Вздвогнув, я обернулся. Эхо несло смех от горы к горе и казалось, что смеются за каждой из них.

Угодья оказались богатыми, то тут, то там тропу мою пересекали следы чубуку, диких оленей, лосей, росомах, волков, лис, то и дело раздавалось хлопанье крыльев глухарей, рябчиков и куропаток. Охотничья душа пела, порой я увлекался настолько, что забывал и про чучуну, и про всех прочих духов и привидений.

Я поднимался по очередному распадку, когда вдруг раздался пронзительный свист. Я глянул вверх: навстречу мне по ложбине мчалось стадо диких оленей. Ветер дул с их стороны, потому они не могли учуять моего запаха. Я встал за ствол дерева, быстро зарядил ружье. Стадо подлетело почти вплотную, после первого выстрела олени сгрудились, затоптались на месте, и я выстрелил еще два раза. Мог бы сделать и четвертый выстрел, но остановил себя: в нечистых местах стрелять больше трех раз нельзя, так гласит поверье. Да и этих выстрелов оказалось достаточно, на снегу лежали два больших самца.

После первого выстрела я услышал человеческий крик и боковым зрением заметил, как у одного из дальних уступов вихрем взметнулся снег и за ним мелькнула какая-то тень. Сейчас там было тихо. «Это он. Следил за мной. Видимо, никогда не слышал ружейных выстрелов, испугался. Может, это и к лучшему, вдруг да и совсем уйдет».

Отрубив топориком голову одного из оленей, я взял ее в руки и поклонился на все четыре стороны и громко произнес:

— Дух Горы! Помоги-спаси! Будь мне солнцем! Спаси меня от невидимой силы, от невидимого врага, если он хочет погубить меня! — Потом повернулся в сторону уступов, за которыми скрывался чучуна, и обратился к нему: — Бродяга-брат, друг мой чучуна, не направляй против меня своего волшебства, не разгоняй мою добычу, не трогай моих оленей. Прошу тебя, отведай первой добытой мной свежатины! Я не хочу быть твоим врагом, нам хватит тут места обоим.

Эхо разносило мои слова. Я долго ждал ответа, но его не последовало. Добыв мозг оленя, я разбросал его по снегу. А потом набрал полные ладоши свежей крови и омыл

ею лицо, говорят, кровь жертвы духам имеет большую силу, охраняет от любой напасти. Хотя лицо и стало пощипывать от замерзающей на нем маслянистой влаги, но я почувствовал облегчение, видимо, по-настоящему поверил, что теперь менее уязвим.

До конца разделав оленя, я сложил мясо и печень с сердцем в котомку, сверху приладил к ней голову с рогами. А второго оленя оставил на месте нетронутым — чучуне.

Вернувшись к тордоху, смазал кровью рога всем своим оленям. Достал на переметной сумы аркан, тоже пропитал его кровью и намотал на рога того самого оленя, что ночью оседлал чучуна. Теперь он будет огражден от порчи. Голову с рогами приладил над входом в тордох: если злой дух попробует войти в жилище, то наткнется на них и отступит.

Соблюдя все обычаи и правила, развел огонь, сварил мясо, накормил огонь и поел сам. Вышел из тордوخа, прислушался — никого. Лег спать, положив ружье под бок.

Утром все олени оказались на месте, они спокойно копытили ягель, но на рогах у «оседланного» чучуной аркана не было. Неужели размотался и упал? Плохая примета! Где же он лежит, что-то не видно...

Аркана поблизости не было, пришлось разбираться, чистая следы оленя. Пройдя по ним в обратную сторону, я завернул в соседнее ущелье и увидел аркан, вернее — то, что от него осталось. Прочная полоска кожи была разорвана на мелкие куски и разбросана по снегу. Вот тебе и талисман-защитник! Плевал на него этот разбойник. А жалко, такой хороший аркан был, не вдруг похожий раздобудешь.

Меня вдруг взяло зло. «Все же обычай есть обычай, талисман есть талисман, его должен уважать и враг, и злой дух, и колдун. А этот не то что не побоялся, а в клочки разодрал! Погоди, у меня посильнее средство есть — порох да свинец!».

Немного остыв, я стал рассуждать уже по-другому: «А может, это его чем-то обидело? Порвал аркан, но ведь меня-то не тронул. И оленей тоже. А ведь мог и в тордохе напасть, и в любом месте в горах подкараулить. Мог, но не

захотел. И даже вчерашнее стадо оленей, похоже, своим свистом на меня выгнал... Надо с ним как-то по-доброму все уладить... Интересно, принял ли он мой дар?..»

Меня так разобрало любопытство, что я тут же направился к тому распадку, где оставил оленя, а у обрывков растерзанного аркана воткнул в снег палку и повесил на нее сшитые женой рукавицы. Мимо таких не пройдешь: при луне блеснуть будут, при ветре переливаться, при звездах сверкать; глаза чучуны к такому чуду прилипнут.

Олень лежал нетронутым, снежок уже слегка присыпал его.

На следующее утро я заторопился посмотреть на рукавицы. Чучуна их тоже не взял, но несколько раз обошел во круг. Внимательно разглядывая его следы, я обратил внимание, что при ходьбе он наступает не на всю ступню, а только на пальцы, значит, еще молодой, сильный и ловкий. Озадачило меня то, что отпечатки на снегу были точь-в-точь как следы пятилетнего сохатого. Почему? Неужели у него вместо ног копыта?

Возвращаясь назад, я наклонил палку с рукавицами в ту сторону, куда ушел чучуна. Пусть это послужит ему знаком.

* * *

Однажды утром я увидел на дальнем склоне большой табун горных баранов, которые легко, как бы выплясывая, мчались над кручей. Сел верхом на оленя и направился к этой горе.

Размеренно покачиваясь в такт шагавшему оленю, я ехал по руслу замерзшей горной речки, сжатой с двух сторон скалистыми стенами. И вдруг мой учух* резко метнулся в сторону. «Волк!» — мелькнуло в голове, и я, сорвав с плеча

---

* Учух — верховой олень.

ружье, спрыгнул с оленя. И тут раздался пронзительный свист, а затем над моей головой разрезал воздух камень. «Чучуна!» — обмер я. Протянув вперед свой дар — нэлэкэ и весь трясясь от испуга, я начал кланяться в сторону, откуда летели камни. А еще через несколько мгновений из-за обломка скалы выпрыгнул огромного роста человек и закружился на одном месте, подняв вокруг себя снежный вихрь. Мне показалось, что тело его сплошь покрыто шерстью, а длинные, взлохмаченные, как у шамана, волосы закрывали лицо. На них коркой блестел морозный иней. За долгую жизнь в тайге мне доводилось встречаться лицом к лицу и с волком, и с медведем, и с другими зверями, но ничего более страшного я не видел. Я весь дрожал как от утреннего мороза и все тянул и тянул к нему свое нэлэкэ и, не слыша собственного голоса, твердил заклинания.

Вдруг «человек» рассмеялся. Смех его звучал необычно, словно шел откуда-то из самой глубины горла. Чувствовалось, что «хозяин гор» тоже боится меня: сделав вперед два-три шага, он вдруг отскакивал назад. Так продолжалось довольно долго, а затем, показав рукой на нэлэкэ, он радостно захлопал в ладоши и издал странный звук, что-то между смехом и свистом. Я уже успел разглядеть его и понял: то, что поначалу посчитал шерстью, было обрывками шкуры сохатого, каким-то непостижимым образом державшимися прямо на теле чучуны. Сквозь смерзшиеся пряди волос проглядывало коричневое от морозного загара довольно молодое лицо, обыкновенное лицо человека. Правда, постоянно трепетавшие ноздри и горящие глаза придавали ему что-то звериное, дикое. Вместо обуви на ногах у него были лосиные копыта, примотанные чем-то к передней части стопы.

Я повесил нэлэкэ на ветку кустарника и отошел в сторону. Чучуна сделал два огромных прыжка, схватил подарок и тут же понесся обратно. Остановившись па мгновение и похлопав в ладоши, он скрылся за обломком скалы, откуда и появился.

Я долго не мог прийти в себя и сесть на оленя, все озираясь по сторонам, успокаивая себя тем, что чучуна все-

таким принял мой дар. Вскочив наконец на ухах, я быстро погнал его в сторону своей стоянки.

В тордохе страх сжал меня в своих объятиях с новой силой. Я трясся, как олененок, родившийся во время весенних заморозков, по спине моей струился холодный пот. Вытащив из сумы рысью шапку с рогами и бросив в костер несколько кусков жирного мяса, я стал шептать заклинание.

Тогда у нас, эвенов, считалось, что такая шапка может спасти человека от любого нечистого духа. А ведь чучуна-сэ-дзэк, по некоторым рассказам, водился с ними, мог мгновенно исчезать с троны, уходить в снег, превращаться в кустарник или дерево, не оставляя за собой следов. Всякое стало приходить на ум. Вспомнился и аркан, что оказался бессилен со всем своим волшебством.

«Зачем, зачем приехал сюда! — сокрушался я. — Как защищаться, если он нападет?..»

На всякий случай я сделал в стенах тордохы дырки, через которые можно было бы отстреливаться, просунув ружье. Сон не шел, и я пролежал всю ночь с открытыми глазами, сжимая в руках приклад и время от времени подбрасывая в очаг дрова.

Чучуна не пришел. Утром я снова сотворил заклинание, держа шапку над огнем. Выглянув из тордохы, увидел мирно пасущихся оленей. На душе стало чуть спокойнее.

* * *

Теперь и стал охотиться возле самого стойбища, хотя диких оленей там было мало, а горные бараны почти не появлялись. Покидая жилище, всякий раз надевал рысью шапку, и она как будто оберегала меня.

Однажды, возвращаясь к тордоху, я наткнулся на только что убитого чубуку, лежавшего на моей лыжне. В боку его зияла рана, намного превышавшая пулевую. От лыжни уходили огромные следы, напоминавшие те, что обычно

оставляют широкие лыжи эвенских мальчиков. Но в передней части каждого следа четко прорисовывался отпечаток копыт сохатого. Сомнений не осталось — здесь был чучуна, и это его добыча.

Я обошел стороной барана, не тронув его, хотя уже несколько дней сидел без свежего мяса.

Уже дома подумал: а может, он оставил барана мне в дар? Тогда должен взять и рукавицы. Надо пойти посмотреть.

Рукавицы были па месте, но следов вокруг них заметно прибавилось. Было видно, что чучуна подходил совсем близко, потом резко отскакивал назад, садился в снег и подолгу сидел, видимо, любовался издали узорами. Но не тронул. Я еще раз переставил палку в сторону его тропы и наклонил ее ниже.

Ходил я недолго, но возле тордоха меня ждал сюрприз. Тот самый чубуку, что лежал на лыжне, теперь уже был аккуратно уложен на лабаз возле жилища. Все стало понятно: баран предназначен мне.

Спустив его вниз, я тут же принялся разделывать. Шкуру повесил над тордохом, что должно было означать мою благодарность. На всякий случай намазал кровью лицо. А голову с рогами поставил недалеко от входа, чуть правее его. Для любого таежника этот жест был понятен: «Заходи, будь гостем!»

Напарил свежатины, подождал для приличия часок, потом наелся и лег спать. Вместо прежних кошмаров и страхов на этот раз во сне я видел ласково улыбающуюся Екену и счастливых ребятишек.

Утром рукавиц на палке не было. Слава всем духам! Наконец-то мы поняли друг друга! Выходит, помогли мне старые обычаи и заклинания. И растопил снега, смыл кровь с лица и с благодарностью бросил в огонь несколько кусков мяса.

Вечер я провел в раздумье. От кого он родился, этот чучуна, от человека или зверя? А может, одичал в тайге, ведя одинокую жизнь? Почему люди моего племени охотятся за ним, в чем его вина? Так вот и будет всю жизнь бродить в горах, а после смерти тело несчастного растерзают звери. А ведь отличает же он плохое от хорошего, вот и барана принес в благодарность за мой дар. Может, и колдовских чар у него никаких нет, а все это просто рассказы. Попробовать бы подружиться с ним, помочь ему стать обыкновенным человеком.

Невольно я стал вспоминать приходившие на память истории о «диких людях».

Рассказывали один случай. Тоже в старину это было. Собиратели ясака тогда часто обижали неграмотных охотников и рыбаков. Особенно усердствовал в обманах и вымогательствах Селдьюэс Седэр — Мелочный Федор. Долго не могли найти на него управы, но однажды Седэр поехал в Зашиверскин острог и по дороге попал в руки трем чучунам. Затащив его в пещеру, они прилично намяли ему бока и поставили на лоб печать — «Меркешкин», а потом отпустили. Показав лоб дружку писарю Сылкину, он попросил объяснить, что означает это слово. Тот растолковал, что, мол, в переводе с якутского — «Отмеченный». Такой знак понравился Седэру, а как же, сами духи его руками чучуны выделили среди прочих. Пошел он к попу и заявил, что хочет поменять имя на новое, «данное провидением». А священник увидел надпись и стал смеяться, он хорошо знал все северные языки и сразу понял, что слово чукотское и означает оно — «Мелочный».

Понятное дело, что в этот раз чучуны были самыми обыкновенными людьми, решившими отомстить вымогателю, ослабить его перед всеми.

И еще одна история широко известна в нашем племени. На восточном берегу Индигирки есть скала Долекут, за несколько кёс ее видно. Возле нее с давних пор жили старик со старухой — Умыйык и Лана. Охотились, рыбачили. Однажды, когда старик ушел на промысел, к тордоху подошли двое людей, завернутых в обрывки шкур и обросших

шерстью. Они бросили перед онемевшей от страха старухой убитого оленя и принялись что-то говорить на непонятном языке. Очнувшись, Лана принялась крестить их русским крестом, читать заговоры, но «злые духи» не исчезали, и тогда она поняла, что это все-таки люди.

Незнакомцы дали ей понять жестами, что их друг повредил ногу и его надо вылечить. В случае положительного ответа они указывали на оленя, что, видимо, значило — отблагодарим, а изобразив отказ, потрясали копьями с костяными наконечниками.

Делать было нечего, старуха закивала головой и указала па дверь тордоха.

Они удалились, а потом принесли на руках своего более молодого и низкорослого соплеменника. Лана в молодости занималась знахарством, поэтому сразу определила, что нога сломана. Она сложила кость и закрепила голень в лубке, уложила больного на нары.

Вечером чучуны встретили старика с поклонами, старший протянул ему шкуру песка. Умыйык хоть и испугался, но дар принял, а потом старуха ему все объяснила.

Лана ухаживала за больным, а его друзья регулярно приносили свежее мясо и ценные шкуры. Когда молодой чучуна в первый раз вышел, хромая, из тордоха, соплеменники встретили его восторженным свистом. Еще через пару недель он сам выпрыгнул наружу и принялся громко свистеть. Вскоре раздались и ответные сигналы. Низко поклонившись хозяевам, чучуна, подхваченный под руки друзьями, направился в горы. Больше никого из этой троицы старики никогда не встречали.

Выходит, и здесь были люди, может, дикие, но люди... Мало ли куда может закинуть судьба. Вполне возможно, что, оказавшись случайно в чужих краях, не зная языка, обычаев местных жителей, такие люди, оставшись без одежды, жилья, привычной пищи, вполне могли одичать. А нас они боятся, потому что знают: мы смотрим на них как на нечистую силу, преследуем, даже убиваем. Вот потому и не идут на сближение, живут дикарями. Несчастные...

Максим Кабир

НОЧЬ БЕЗ СИЯНИЯ

Это видео Люда Белиникина показала коллегам три дня назад. Коротенький ролик с «Ютуба», тридцать пять просмотров – явно не то, о чем мечтал загрузивший его пользователь. Разобрать что-то было непросто, середина марта – а клип датирован прошлой субботой – отметилась ураганами, ветер дул со стороны Белого моря, лютый, пробирающий до костей даже обвыкшихся северян. Картинку затупевала вьюга, к тому же у оператора тряслись руки – то ли от холода, то ли от предвкушения легкой интернет-славы. В общих чертах содержание ролика сводилось к тому, что по улице, кутаясь в метель, брела темная фигура, и Демид Клочков, зевнув, обозначил ее термином «какая-то хрень».

– Ничего не замечаете? – Люда прокрутила видео заново, и на экране «андроида» замельтешили снежинки.

– Ну, мужик в шубе, – сказал Клочков.

– Да ты к фону присмотришься! Вон труба, вон вывеска Сбербанка. Это же напротив нашего магазина снято.

– Точно! – воодушевился Клочков. – Хоть чем-то прославимся. Даст Бог, табличку мемориальную повесят: «По этой улице весной две тысячи шестнадцатого ходил дядька в шубе».

Белиникина хихикнула и игриво шлепнула сотрудника по плечу. Один Ваня Григорьев не смеялся. Худой и бледный, он работал в магазине «Северянка» второй месяц и прослыл пареньком замкнутым, от которого не добьешься лишнего слова. Зато справлялся отлично, при своей щуплости и низком росте давал фору мускулистому Клочкову. Ильин, хозяин «Северянки», нарадоваться не мог. Да и где вы еще отыщете грузчика-трезвенника?

Вернувшись в тот день домой, Ваня включил допотопный компьютер и позвал деда.

Старик долго глядел на монитор слезящимися глазами.

– Чучун это, – был его вердикт, – абаасы кыыла. Разбуженный, злой. Где его сняли, Уйван?

– На Аляске, – сказал парень тихо.

Дед поковылял в спальню, по-якутски благодаря богов верхнего мира за то, что не пускают к жилищам людей су-

ществ из мрака.

Через три дня ту же молитву читал Ваня, таская ящики со склада.

Щедрые проектировщики отвели под торговую зону первый этаж хрущевки, и помещение магазина тянулось на десятки нефункциональных метров, повторяя в миниатюре историю всего городка. Отгремели фанфары, отжили свое энтузиасты-покорители Русского Севера. И добыча циркониевого сырья оказалась не таким уж перспективным занятием. В заполярном городке, рассчитанном на сто тысяч жителей, обитало тысяч двадцать. Молодежь уезжала: кто в Мурманск, кто на континент, и снег заносил пятиэтажки, как заносил ранее срубы вымерших хуторов.

Тайга нависала над оплотом цивилизации, по горизонту щетинились соснами грозные утесы. Они вздымались силуэтами мамонтов, окружали городок. К ледяным далям, к вечной мерзлоте ползли облака. Здесь, среди редких фонарей, среди пятиэтажек с пятью-шестью горящими по вечерам окнами, люди смотрели ток-шоу, общались в социальных сетях, старались не отставать от большой земли. А совсем близко шуршал кронами вековой лес, кричало и охало в валежинах, и тени плавно скользили меж лиственниц; под их лапами пружинился губчатый мох, проваливался снег, испещренный глухариной клинописью, хрустела хвоя. Порой они вылезали из дебрей, неправильные тени.

И тогда кто-нибудь пропадал. Или находили, например, фуру с распахнутыми дверцами кабины, а водителя находили чуть позже. В омуте под руинами мельницы. Мельничное колесо и плотина поросли илом, и дальнобойщик, как мумия, тиной обернут, и еловая шишка в горле. Зачем-то понадобилось ему, дальнобойщику, покинуть машину, топтать по рыжим от стоячей воды бочагам к бору, к мельнице, – наверное, голубики отведать хотел. Голубика в этих краях вкуснейшая.

– А кто, – спрашивал дед Ваню, – в болотцах и озерах живет?

– Аглулики, – отвечал, как на экзамене, представляя осклизлых рыболодей, – и сюлюкюны.

Дед хвалил, довольный. А мать слишком уважала старика, чтобы перечить, что, мол, тринадцать лет мальчишке, взрослый для сказок, и XXI век на дворе. Оно-то двадцать первый, но вот тюкнешь по сосенке топором, а из нее сочится красная медовая живица – кровь иччи, что в стволе жил.

– Иччи хорошие, – рассуждал школьник Ваня. Друзья режались на «икс-боксах» в «Pro Evolution Soccer» и «Prototype». Он предпочитал лес, компанию всезнающего деда. Пьянящий запах грибов, прелых листьев, гниющих деревьев, аромат осеннего увядания.

– А кто плохие? – шурился старик.

– Призраки-абасы, – мальчик загибал пальцы, – и юеры, якутские упыри. Ангьяки, злые души младенцев, и оборотни ийраты. Они в полярную лису превращаются и в олень-карибов. И чучуна, конечно.

Если обнаруживали примятые соцветия козлобородника, Ваня говорил, что это Инупа-сукугьюк прошла. А еслидохлый олень на таежной гари попадался с перевязанными тальником копытами – что Мээлкээн охотился.

Мама опасалась, что после дедовых баек мальчика будут мучить кошмары, но спал он спокойно, лишь однажды демоны потревожили сон: Махаха, самый страшный из них, гнался по лесу за Ваней, безумно хохоча и чиркая железными когтями. Звук был такой, словно точат лезвие о лезвие. Во сне Ваня спрятался под облепихой и наблюдал, как Махаха рыскает по поляне, с синей кожей и выпученными бельмами, и высекаемые когтями искры – чирк-чирк-чирк – тают в темноте.

Когда Ваня заканчивал седьмой класс, у матери диагностировали рак мозга. Не спасли ни врачи, ни заклинания-аглысы. Она наглоталась таблеток накануне химиотерапии. Ваня не плакал на похоронах и погодя спросил у деда, не возвратится ли мать в обликии деретника, кровожадного зомби?

– А мы ритуал проведем – не возвратится.

Славно сработал дедовский ритуал.

– Эй, Иван! – окликнул парня Ильин. Начальник был грузным мужчиной с проседью в бороде. – Поди-ка сюда.

Флуоресцентные лампы лили экономный свет на полупустые прилавки. Люда расставляла товар так, чтобы занять хотя бы половину полок. Покупатели не толпились в просторном зале – постоянным клиентом было эхо, гулко отражающееся от дальних, скрытых тьмой углов. В квартирах над магазином жили с полдюжины семей, и те посещали современный супермаркет по соседству. Впрочем, единодушно доверяли «Северянке», приобретая мясо. Магазин снабжали охотники, и оленина была высшего сорта.

– Шабашим, – сказал Ильин, доставая из пакета фруктов и контейнеры с салатами. Люда ассистировала ему.

– А что за повод? – потер руки Демид Ключков, мясник.

– День рождения у меня вчера был.

– О, отец, ну, за такое и выпить не грех! Ванька, да брось ты ящики свои.

От алкоголя Ваня отказался. Соврал, что антибиотики принимает. Чокались без него: мужчины – алюминиевыми походными рюмками, Люда – пластиковым стаканчиком с вином. Ваня ел мандарин, очищал сосредоточенно и медленно прожевывал дольки.

Сдержанно улыбался анекдотам и исподтишка поглядывал на Люду.

Она была слегка полноватой, но симпатичной, с пышными формами и смоляными, до локтей косами. Пару раз она снилась Ване, голая, лежащая на палой, в шафрановых разводах, листве. Голодная, сладкая, как перезревшая брусника. Проснувшись, он застирывал плавки в ванной.

Первая бутылка прикончена. Ключков отлучился домой сказать жене, что припозднится. Мобильная связь сбоила. Обычное дело в их глуши.

– Простите, – встал из-за стола Ваня, – я собак покормлю.

Услышал в дверях вопрос Люды:

– А он кто? Казах?

– Якут, – сказал Ильин. – У него дед, говорят, шаманом на родине был.

Над гольцами, над тундрой, над урочищами и ручьями плывет глаз. Имя ему Иститок, размером он со спутник, ресницы пятиметровые. Иститок все видит: каждую былинку, каждую ягоду и каждый грех людской. Строго наказывает нарушителей. Ийратов насылает и кого похуже. Ванин дед узрел Иститок, отбывая срок в лагерях. Потому у него зрение особое, и у Вани по наследству тоже.

На улице безлюдно. Единственный автомобиль – припаркованный «мерседес» Ильина. В домах спят давно или умерли. За придорожным буераком – пустырь, неоновые вывески «Сбербанк» и «Танцевальная школа». В белесое ночное небо дымит труба районной котельной. Свет колченогого фонаря будто затвердел, кристаллизировался игрушкой с острыми гранями, пучком оранжевой проволоки.

Ваня вдохнул колючий воздух. Поддел ботинком собачью миску. Мясо в ней заиндевело, припорошенное снегом. Парень нахмурился, озирая пустырь.

– Найда! Отшельник! – посвистел, но дворняги не отозвались привычным радостным тьяканьем. Он перевел взгляд на холмы вдаль, черные пики сосен, впи-впиеся в небосвод. Контуры тайги с ее причудливыми тенями.

– Не помешаю? – спросила Люда, появляясь на пороге. Щелкнула колесиком зажигалки. Огонек озарил ее хорошенькое личико в пещере капюшона. – Как думаешь, сегодня будет северное сияние?

– Вряд ли, – ответил он и засунул руки глубже в карманы.

– Раньше во время сияния по городу парочки гуляли, – произнесла она мечтательно. – Только по нему и буду скучать, когда уеду.

– Уедешь?

– Ну, рано или поздно. – Люда затагнулась сигаретой. – А у тебя девушка есть? – сменила она внезапно тему.

Ваня качнул головой.

– Странно. Ты нормальный парень, серьезный. Такие женщинам нравятся.

«Правда?» – едва не вырвалось у него.

По пустырю, со стороны высохшего ручья, торопился Демид. Он махал шапкой и что-то кричал.

– Чего это с ним? – Люда затушила окурок об ободок урны. Недоброе предчувствие захлестнуло Ваню, хотя мясник и улыбался во все зубы и вроде посмеивался на ходу.

– Кличьте Ильина! – сказал он, привалившись к фонарю.

– Что случилось? – спросила Люда.

– Фух, – Клочков сплюнул в сугроб. – Мужик этот... ну, с ролика. Волосатый. Он у гаражей. Да не стойте вы как истуканы. Идем снимать его, говорю.

Мясник шагал впереди. За ним – заинтригованные Ильин с Белиникиной. Люда несла под мышкой початую бутылку вина. Замыкал шествие Ваня. Точно друзья, спешащие полюбоваться фейерверком.

«Это не он, – размышлял Ваня, – не чучун. Недельку ему в городе не прожить, пусть и в таком. Засекли бы...»

«Засекли же, – сказал внутренний голос, – и на мобильник сняли, и тридцать пять человек просмотрело. Людям начхать, люди слепые».

– А почему охотники его не встречали? – интересовался мальчик у деда. – Он же из плоти и крови.

– Ты про чучуна? Почему же, встречали. Кто до нас жил. Как города строить стали, они в нижний мир подались. Они могут между мирами шастать. А к нам приходят женщин наших похищать. Самок-то у них нет.

Тропинка сбегала в овраг. На склонах располагались гаражи, дорожки петляли к руслу высохшего ручья. Здесь царило запустение. Гаражный кооператив обратился в свалку, кирпичные коробки облепил спрессованный серый снег, из которого проклеивалась арматура. Тоскливо ржавел увязший в сугробе фургон – порождение ереванского завода.

– Блин, Демид, я замерзла, – пожаловалась Люда.

– Ага, – поддакнул Ильин, – побаловались – и хватит. Водка стынет.

– Ван момент! – Клочков ловко запрыгнул на крышу приземистого гаража. – Ну где ж ты, гад? – и цыкнул через

мгновение: — Сюда, ребя!

Беззлобно ругаясь, Ильин вскарабкался к мяснику по снежному пандусу. Вскоре все четверо очутились на крыше.

Хилые хозяйственные постройки засоряли белое поле окраины. Оно упиралось в костлявый подлесок, в заграждение кустарника, за которым колыхался на ветру березняк, а выше по холмам вздыбились темные сосны.

— Красиво, — сказала Люда.

— Тише, — прошипел Клочков, — вон там.

— Что за черт? — ахнул Ильин.

Оно сидело на корточках у гаража, спиной к людям. Даже сгорбившись, оно впечатляло габаритами, шириной плеч. Густая шерсть была по-медвежьи бурой, но это определено был не медведь. Тело сужалось к ягодицам, спутанные космы ниспадали до лопаток.

— Обезьяна? — спросила Люда, когда шок миновал.

— Да какая обезьяна, — поморщился Демид. — Снежный человек. Долбаный бигфут.

Пискнула, включаясь, видеокамера на телефоне Клочкова, объектив зафиксировал недвижимую фигуру. Существо сливалось с грязным снегом, с кирпичными стенами. Ворота гаража справа от него были взломаны, угол отогнут.

«Его гнездо», — промелькнуло в голове Вани. Он шепнул Люде:

— Надо уходить.

Она не слушала. Таращилась зачарованно на коричневую спину, кучерявый мех.

— Оно вообще живое? — усомнился Ильин.

— Дай-ка, — не сводя с существа камеры, Клочков отнял у Люды бутылку. Хлебнул из горлышка и, прежде чем коледи опомнились, метнул бутылку вниз. Снаряд ударил о землю рядом с косматым, вино окропило шерсть длинной пошевелившейся лапы.

Оно обернулось. За паклей волос сверкнул красный глаз.

— Ух! — выдохнул Клочков, пригибаясь. Остальные как по команде упали на колени, затаились.

Клочков захихикал беззвучно.

– Может, действительно пойдем? – с тревогой предложил Ильин.

– Ага, но сперва рожу его сниму.

Демид начал подниматься, коллеги вытягивали шеи над краем крыши. Сердце Вани колотилось бешено, кожа под зимней одеждой взмокла. Он шарил взглядом, ища силуэт чучуна в конце дорожки...

Существо стояло под ними, невероятно уродливое и огромное. Крошечные глазки сверлили людей.

– Господи, – промолвил Ильин.

Чудовище распахнуло пасть, и в ее алой воронке блеснули клыки. Грудной рык повис в морозном воздухе. Люди отпрянули, а потом побежали.

Замедлили шаг у «Северянки».

– Черт тебя возьми, Демид! – простонал запыхавшийся Ильин.

– Придурок! – добавила Люда.

– Снял! Снял обезьяну! – приговаривал Клочков.

– Откройте магазин! – крикнул Ваня начальнику.

– Да не преследует он нас, – массируя грудь, сказал Ильин и швырнул молодому грузчику ключи.

Тот завозился с замком, то и дело оглядываясь.

– Готовьтесь давать интервью «Первому каналу», – сказал торжествующий Клочков.

Кровь похолодела в жилах Вани. Чудовище мчалось по пустырю, почти касаясь снега передними лапами. Волосы развевались вокруг бурой оскаленной морды.

– Быстрее! – умоляла Люда.

Периферическим зрением Ваня заметил, что Ильин семенит к припаркованному у фонаря «мерседесу».

– В машину! – орал предприниматель.

Засов клацнул, отпираясь. Ваня ввалился в магазин и помог Люде. Существо добралось до вывески Сбербанка. Миг – и оно будет на проезжей части.

Клочков растерянно смотрел то на автомобиль, то на магазин. Предпочел второй вариант. Пулей влетел в помещение, и Ваня захлопнул дверь. Одновременно взревел автомобильный двигатель, колеса шаркнули по асфальту, из-

вещая, что и начальник вышел из передраги невредимым.

Ваня уперся в подоконник и смотрел на улицу. Пространство перед магазином было пустым, словно волосатый урод им померещился. Групповая галлюцинация, не больше. Мирно клубился дым над трубой, светились неоновые вывески.

– Я чуть не обделался, – сообщил Клочков и рассмеялся.

– Ты чего ржешь? – взвилась Люда. – У него же зубы, как сабли!

– Да ладно, – фыркнул Клочков, – мы бы отметили тупую макаку втроем. Верно я говорю, Ваню?

Ваня проигнорировал вопрос. Прильнул к стеклу, бормоча:

– Где же он?

– Ну и что теперь? – спросила Люда, пряча бесполезный телефон. – Ни одной черточки.

– Классика, – осклабился Клочков, направляясь к столу. Он плеснул себе водки в рюмку и вооружился бутербродом. – Эй, Антибиотик, ты не передумал по поводу беленькой?

– Козел, – ответила за Ваню девушка.

– Да чего вы, ей-богу. Ильин на полпути к полицейскому участку. И соседи наверняка видели что-то и позвонили...

– Куда? – не унималась Люда.

– А куда звонят, если медведь в город забредет или рысь? Есть службы...

– Это не рысь была и не медведь. А мутант какой-то... Сне... – Люда взвизгнула и прижала руки к щекам.

– Мать твою, – сказал Клочков.

Существо смотрело на них снаружи. Его огромная голова занимала треть зарешеченного окна.

Дед рассказывал Ване про такрикасиутов – людей из параллельного мира. Сами по себе они не представляют угрозы, но услышать их означало бы, что ты вплотную подошел к черте, что стенки реальности истончились и ты покидаешь известные тебе пределы. Ване, замершему в метре от чучуна, казалось, что предупреждающий гомон так-

рикасиутов вот-вот взорвет барабанные перепонки.

Великан зарычал, трогая прутья решетки. Покатый лоб, приплюснутый нос, массивная челюсть. Он походил на первобытного человека из учебников, которому нерадивый школьник пририсовал ужасающие клыки и заштриховал морду коричневым фломастером.

Шерсть на торсе существа слиплась, красный сироп стекал по подбородку. Лохмы болтались дредами.

– Ты же понимаешь, что дедушкиных монстров не бывает взаправду? – спросила как-то мать.

– Чучун, – произнес Ваня, отступая в зал.

– Знакомый? – осведомился Клочков.

– Их еще мюленами зовут, – говорил дед, – или «абаасы кыыла», зверями абасов. А тунгусы – хучанами. Юагиры зовут «шегужуй шоромэ», убегающими людьми. А русские старожилы – худыми чукчами.

– Чучун, – повторил Ваня. – Так якуты называют йети.

Йети и чучун – смешные, дурацкие клички, никак не подходили хищной твари, что застила собой окно.

– В старомодном ветхом чучуне, – сказал Клочков и залпом осушил рюмку.

Люда заныла:

– Почему оно на меня пялится?

Глубоко посаженные глазки вперились в девушку поверх Вани. Алчные, налитые кровью. Толстые губы искривились, вытянулись трубочкой. Затрепетали ноздри.

Люда переместилась к прилавкам. Глазки проводили ее.

– А ты ему понравилась, – сказал Клочков, обновляя рюмку. – Красавица и чудовище.

– Очень забавно, – огрызнулась девушка.

Великан перешел к дверям «Северянки». Поглядел сквозь стеклопакет. На оконце в пластиковом полотне не было решеток, но для существа оно было маленьким.

– Заберет тебя, Людочка, в тайгу, – глумился Клочков.

– Или в гараж. Или откуда оно там выползло.

– Из нижнего мира, – сказал Ваня, и под потолком мигнули лампы.

Люда поежилась.

– В легендах говорится, что они блуждают между мирами.

– Миры, Людочка. Ты же хотела из нашей глухомани смотреться.

Высоко в горах, в ледяной пещере, обитает Улу Тойон, бог смерти. Черным туманом спускается он в долины, чтобы разрушать леса и истреблять деревни. Ураганы – это Улу Тойон. Болезнь скота – это Улу Тойон. Одержимые демонами медведи – его рук дело.

Будь проклят древний бог, с чьего позволения разгуливают по пограничью гиганты-чучуны.

Ваня проскочил мимо Ключкова в холод складского помещения. Боковая дверь выходила на тупиковый переулок среди домов. Фактически он зигзагом вел в пасть чудовища. Покачивались мерзлые олени туши на крюках, их тени плясали по кафелю. Шуршал полиэтилен. Парень ощущал лежащие на полках инструменты. Электрический нож, незаменимый при распиливании замороженного мяса. Топорики, молоток.

– Эй, Иван! Чучундра слиняла!

Ваня разорвал карман своей куртки так, чтобы поместился электрический нож. Зачехленное лезвие высывалось из дыры. Он отобрал два тесака покрупнее.

В зале Ключков уминал салат и тихонько посмеивался. Угрюмая, напуганная Люда курила, примостившись в уголке.

– Вот, – Ваня положил тесаки на столик.

Ключков презрительно ухмыльнулся.

– Кем ты себя возомнил, Чаком Норрисом? Да этот здоровяк нам рыпнуться не даст.

Люда вздрогнула.

– Но ты же сказал...

– Что я сказал? – гаркнул мясник. – Сиди молча и жди спасателей. Или...

Ключков уставился на дверь. Лицо его побелело. Люда заверещала. Пальцы Вани оплели рукоять тесака.

Из оконца на них смотрел Ильин. Не весь Ильин – только его голова. Оторванная, буквально выкорчеванная.

Чучун держал голову за волосы. Из ошметков шеи свиным хвостиком торчал позвоночник.

Клочкова стошнило прямо на стол.

Существо, скалясь, ткнуло в оконце страшной ношей. Нос мертвого Ильина хрустнул. От второго удара лопнули его губы, и резцы закрипели о стекло. Третий удар разукрасил стеклопакет трещинами.

— Назад! — скомандовал Ваня. Он сгреб Люду в охапку. Существо уронило голову бедного Ильина и когтями выковыривало стекло. Рвало дверное полотно как картон.

Не разбирая дороги, люди кинулись на склад. Пока Ваня закрывал складскую дверь, Люда вопила на мясника:

— Чтоб ты сдох! Это ты виноват! Это из-за тебя!

— Не сейчас, — остановил ее Ваня. — Демид!

Клочков будто остолбенел. Ване пришлось потормозить его. Из рта Клочкова со свистом вышел воздух. Он заморгал изумленно.

— Да-да, я здесь...

— Выбегаем в боковую дверь. Ильин далеко не уехал. Машина где-то возле магазина. Люда?

— Я готова, — сказала девушка, вытирая слезы.

Они выскочили из «Северянки», по тесной улочке к плоске ночного неба. Люда споткнулась, ойкнув, упала на четвереньки. Ваня подхватил ее. Она всхлипнула благодарно. Клочков махал им, стоя в конце проулка.

«Надо же, — успел подумать Ваня. — Не ушел без нас».

Великан вырос за спиной мясника, будто сформировался из мрака. Темечко человека едва доходило до его ребер. Могучие лапы взмыли и опустились на ничего не подозревающего Клочкова. Смяли, ломая кости, круша грудную клетку, запечатывая предсмертный вопль. Кровь обогрила снег.

Ваня втащил девушку обратно на склад. Чудище уже громыхало по переулку. Тесак звякнул о плитку.

«Ключи, где ключи? К черту!»

Ваня толкнул Люду к холодильным установкам:

— Залезай!

Девушка покорно втиснулась между стеной и холодильником. Он нырнул следом, и секунды спустя вонь из пасти чучуна опалила их. Боком, царапая плоть железными деталями, они попятились вглубь. В щели маячила свирепая морда существа. Чую самку, оно рычало нетерпеливо. Когда мохнатая лапа просунулась за холодильники, Люда зарыдала.

– Слушай внимательно, – сказал Ваня.

Она повернула к нему заплаканное лицо. Косы растрепались, щеки были выпачканы. Объемный бюст нелепо расплющился о конденсатор.

– Вылезай с другой стороны и беги на улицу.

– А ты?

– Я тебя догоню.

Молясь богам верхнего мира, Ваня схватил обеими руками протянутую лапу чудовища.

– Давай! – закричал он.

Существо заревело, когти располосовали куртку парня. Но он держал тварь изо всех сил, используя холодильник как опору. Он бы самого Улу Тойона держал, Уйван-богатырь.

Глаз Иститок парит над тайгой. Он не видел за Ваней Григорьевым грехов.

Чучун тряс человека, левой лапой отпихивая холодильник. Тяжеленная установка рухнула, освобождая путь. Ваня разжал пальцы, не раздумывая шмыгнул под локтем великана. Разница в росте отсрочила гибель. Снова переулоч, смоляные косы Люды впереди, улица. Автомобиль Ильина ближе, чем он предполагал. Врылся кормой в сугроб, и снег вокруг протаял от горячей крови.

– На помощь! – заорала Люда. – Пожар!

В двух окнах зажегся свет.

Ваня поймал запястье сотрудницы. Двадцать метров до «мерседеса», десять метров.

Рык возвестил о появлении чучуна.

Водительские дверцы валялись рядом с обезглавленным телом Ильина. Беглецы юркнули на мокрые липкие сиденья.

Внуку Ильина недавно исполнился год. Клочков летом женился.

– Пристегнись! – велел Ваня, заводя мотор, косясь в зеркало. Существо настигало.

Авто тронулось, и Ваня издал ликующий крик:

– Получилось!

Крыша «мерседеса» прогнулась от веса твари, машина вильнула. Ваня припал к рулю. Ветер врывался в салон через отсутствующую дверь, туда же вторглась лапа чучуна. Одной рукой Ваня пристегнул ремень.

Люда запричитала отчаянно.

Автомобиль кружил, оглашал улицу призывными сигналами, оседлавшее его чудовище терзало сталь, скрежетало клыками, тянулось к глоткам, к запаху самки.

Пропасть качнулась в лобовом стекле, Ваня отпустил руль и обнял Люду. Зажмурился.

«Мерседес» прошил дорожное ограждение и ухнул в пятиметровую глубину за ним. Грохот, плеск... тишина.

– Люда, Людочка!

Девушка разлепила искусанные губы:

– Где он? Мертв?

Существо скулило из мглы.

– Почти, – сказал Ваня, отщелкивая ремень, вызволяя Люду.

Машина угодила в мелкий быстрый ручеек на дне ущелья. Бугристые склоны поросли соснами, чьи корни частично торчали наружу, как одревеневшие спруты. По ущелью струился сизый туман.

Чучун отползал от ручья, цепляясь лапами за мох. Его задние конечности были перебиты.

Ваня достал из кармана электрический нож, снял чехол. Надавил на кнопку, и нож зажужжал приятно. Парень вспомнил вдруг, как лунной ночью они с дедом эксгумировали тело матери, как он ножовкой отпиливал мамину голову, чтобы мамочка не стала деретником. Как закопали ее, перевернутую на живот, с головой, уложенной меж колен.

Он наступил ботинком на поясицу чучуна. Существо не сопротивлялось. Застыло смиренно. Ваня наклонился и

вонзил нож в затылок чудовища. Зазубренное лезвие намотало на себя грязные патлы и легко прошло в мозг. Существо дернулось и обмякло. Туман саваном окутал труп.

Ваня сел на прогнивший сосновый ствол около Люды. Лента дорожной ограды свисала в ущелье, но саму дорогу он не видел, как и трубу котельной.

– Скоро приедет полиция, – сказал он.

Люда погладила его по плечу.

– Спасибо.

Ваня кивнул. Он думал о том, почему он не видит трубу котельной, куда делась труба?

Туман окуривал искореженный «мерседес», плыл над журчащей водой, над каменистой почвой. «Чирк-чирк-чирк», – раздалось из тайги, словно там точили ножи.

Ваня сильнее стиснул Людину ладонь.

Джей Лейк

ЖИРНЯГА

Клинт Амос и его приятель Барли Джон Диммитт тайком пробирались через заповедный лес Маунт-Худ, неподалеку от озера Тимоти, на юго-востоке округа Клакамас. Шли они тихо – боялись спугнуть лося, которого выслеживали, а еще больше опасались потревожить лесных рейнджеров. Клинт плевать хотел на печати и лицензии. Барли Джон обычно почти во всем соглашался с Клинтом. Так всем было легче.

Они охотились в этой части леса, потому что люди чаще всего старались держаться отсюда подальше. С годами исчезли туристы с рюкзаками и любители природы с палатками; лесорубов преследовали несчастья. Дети пропадали без следа, не помогли даже поисково-спасательные команды следопытов. Года три назад Лесное управление потихоньку распорядилось закрыть последние официальные маршруты, так что и без того немногочисленные туристы стали объезжать стороной городок Сведен в штате Орегон, где жили друзья. Даже самые упорные частники-лесорубы предпочитали теперь брать лицензии на вырубку в других лесах.

Правда, Клинт был доволен: нет маршрутов – меньше лесников, да и туристы не портят охоту. Отсутствие лесорубов означало хреновое положение с работой, но тут он ничем не мог помочь.

Они молча пробирались между рядов цуг и красных сосен. На вырубках и в тенистых местах вдоль холмов росли рододендроны, но поглубже только мелкие растения пытались выжить рядом с обреченными отпрысками высоких деревьев. Лес пах глиной, и целебным запахом хвои, и холодной серостью горных скал, скрытых неглубоко под землей. Скоро выпадет снег, и тогда лося будет легче найти по следам, но охотиться станет труднее.

Барли Джон поднял руку, растопырив пальцы.

Что-то услышал.

Клинт считал, что Бог, может, и не наделил Барли Джона чутьем канадского гуся, но этот Барли все же слышал,

как растет трава. Поэтому на охоте Барли Джон был чертовски хорошим напарником.

Клинт присел, держа свой карабин «Ругер Дирфилд» наготове. В этой позе его объемистый живот передавливалось, но только так он мог сделать меткий выстрел. Какое-то время он мог продержаться. Зверя мог заметить Барли Джон, но первый выстрел всегда оставался за Клинтом. И он же обычно первым выстрелом укладывал добычу.

Вот бы там оказалась большая мамаша-лосиха, подумал он, с запасом доброго мяса на ближайшие месяцы. Они оба уже больше года, с тех пор, как закрылась лесопилка Баргера, нигде не работали. Зарплату жены урезали пополам в этом треклятом магазине автомобильных запчастей, что в Эстакаде.

Если он не убьет, жрать будет нечего.

Черт побери, да всем в Сведене не хватало еды, разве что люди шли и стреляли. Будто кто-то нарочно затеял настроить их против правительства: одной рукой поднимали налоги, другой отнимали работу. Клинт точно не знал – может, это были япошки, китайцы или «Аль-Каида», только кто-то подлизался к этим проклятым демократам и украл у него работу. А жизнь его превратил в дерьмо.

По возрасту он был тогда мал для призыва, но он помнил Вьетнам. Страна должна снова стать такой же сильной. После чистого выстрела иногда делалось хорошо. Можно притвориться, что застрелил кого-то, чья смерть сделает твою жизнь лучше.

Барли Джон щелкнул языком, привлекая внимание Клинта, потом махнул рукой вправо, подняв два пальца. Клинт направил дуло карабина на четыре часа в сторону и засыл, ожидая движения. Барли Джон тихонько отошел и исчез среди сосен в поисках удобной позиции. Он спугнет лося, Клинт выстрелит первым, а потом Барли Джон добьет зверя, если понадобится.

Жемчужно-серый свет предвещал снег. Клинт почувствовал, что время замедляется, как всегда, когда его палец лежал на курке. Мясо, колбаса и стейки на зиму. Работа.

На прицеле скользкий Билли. Он вскинул карабин к плечу и затаил дыхание.

Где-то далеко справа Барли Джон снова щелкнул, на сей раз громче, после бросил камень. Мелькнул мех, лось рванулся и Клинт выстрелил. Старый «Ругер» ударил отдачей в плечо и он тут же понял, что что-то не так.

Он наверняка попал, потому что раздался дьявольский визг, вроде крика большого орла или ястреба. Кто бы там ни был — всяко не лось, Клинт был уже уверен — он грохнулся в зарослях рододендронов на краю опушки.

— Проклятье! — заорал Барли Джон, выскочил из укрытия и помчался к кустам. Клинт бежал следом, двигаясь очень быстро для своего роста и веса. Оба замерли в тридцати или сорока футах от подстреленного зверя.

— Не лось это был, — сказал Клинт. — Может, медведь.

— Нет. Больше похоже на обезьяну.

— Где ты видел обезьян в этом...

Они уставились друг на друга.

— Снежный человек, — еле слышно выдохнул Барли Джон.

Клинт кивнул. Но не может ведь быть?

— Прикрой меня, — шепнул он. — Если двинется, вали его.

Держа «Ругер» на уровне пояса, с прижатым к телу прикладом, Клинт приблизился к кустам, где заиграл теперь бледный солнечный луч.

Оно было большое и лежало на боку. Брюхо громадное, как у медведя. Клинт разглядывал свою жертву. Брюхо или нет, но совсем не медведь. Меха как такового нет. Вместо меха спутанные волосы. А вместо лап руки и ноги. На коленях и локтях бугрятся наросты рубцовой ткани, вокруг пальцев рук и ног тоже.

Такого жирнягу Клинт еще не встречал. Но жирнягой называют человека, а человек не мог быть таким большим. Клинт прикинул, что ростом он был футов восемь, вес — не меньше пятисот фунтов. Клинт осторожно подался вперед и ткнул его в живот стволом карабина.

Никакого движения.

Он обошел тварь кругом, заметив краем глаза, что Барли Джон все еще прикрывает его.

— Здоровый парень, — сказал Барли Джон.

— Снежный человек. Как ты и подумал. — Клинт потыкал голову жирняги карабином, прямо за ухом. Ничего. Даже не вздрогнул.

— Думаешь, он еще дышит?

Клинт фыркнул.

— Мне что, руками его потрогать? У этой скотины такие гребаные челюсти, что дыня поместится.

Он поднял карабин к плечу. Дуло дрожало.

Барли Джон в свою очередь приподнял винтовку.

— Что это ты делаешь?

— Проверяю, — ответил Клинт и выпустил пулю в зад огромного создания.

Тварь и не пошевелилась.

— Друг, — выдохнул Клинт, — мы на пути к славе и богатству, я так полагаю. Это вот — настоящий живой снежный человек.

— Как по правде, — заметил Барли Джон, проявляя редкую для него независимость взглядов, — это вот настоящий дохлый снежный человек. У меня только один вопрос.

Клинт уже представлял себе, как дает интервью Джерри Спрингеру или выступает в программе «20/20», рассказывая об их опасной многодневной охоте на обезьяну-убийцу.

— Что за вопрос?

— Как мы вытащим эту штуку из леса, не разрезав ее на куски?

В конце концов они дотащили тело до старого «вагонера» Клинта с помощью индейской плетенки из веток, механической лебедки, ста футов веревки и бесконечных ругательств, которыми много часов осыпали каждый дюйм лесной тропы, где тащились со своей громоздкой мертвой ношей. Лося они просто освежевали бы, разделали на месте и вынесли по частям.

Уже стемнело, когда Клинт вывел джип с заброшенной дороги лесной службы на орегонское шоссе 224, трассу, проходившую через Сведен. И единственную дорогу в Сведене, если не считать нескольких узких гравийных проселков, уходивших в лес по обе стороны от шоссе. Клинт остановился на обочине и вышел из машины, чтобы отсоединить передний мост и перевести привод джипа на два колеса. Было холодно, луна не показывалась, и его дыхание поднималось паром к звездному небу.

Снежного человека они привязали к крыше. Подняв голову, Клинт увидел, как ветер пошевеливает шерсть добычи. Ему показалось, что пальцы согнулись, пока они выезжали из леса. Сокращение мышц, подумал он. Кто бы не пошевелился, получив пулю в зад, даже если валяешься без сознания?

Он выпрямился, вернулся в джип, где Барли Джон курил косяк и рассматривал лес.

— Выброси до того, как подъедем к дому. Я и так весь провонял, Марджи не понравится. Увидит в джипе огонек косяка и набросится на меня, как вороны на спелую пшеницу.

— Не ты же куришь, — спокойно возразил Барли Джон.

— А ей все равно. Говорит, мы подаем детям дурной пример.

Барли Джон глубоко затынулся, затем старательно затушил косяк о переднюю доску и спрятал окурочек в карман охотничьей куртки.

— Клинт?

— Чего?

— Вопрос есть.

— Выкладывай.

Клинт вцепился в руль на крутом повороте шоссе 224. Груз на крыше был таким тяжелым, что металл поскрипывал, а джип шел неустойчиво.

— Мы правильно сделали?

— А папа римский срет в лесу? — Клинт взглянул на Барли Джона. Напарник был явно не в себе. Странно.

— В чем дело?

— Мы будто... застрелили человека или что-то такое.

Клинт рассмеялся.

— Просто скажи себе, что он был либеральным, бля, предателем. И станет в разы легче.

Почему-то после всех объяснений с Барли Джоном самому Клинту стало хуже. Они молча ехали сквозь тьму. Через несколько минут Клинт спросил:

— Не возражаешь, если я пару раз затянусь твоим косяком?

В Сведене жило три сотни душ, почтовое отделение было чуть больше туалета на заправке, да и сама заправка не сильно больше того. Еще имелась старая стоянка для грузовиков — дизельные насосы давно сломались, и их повываскивали. Теперь здесь расположилось единственное маломальски преуспевающее предприятие Сведена — забегаловка «Фиш-Крик». Кафе занимало освещенный угол у ворот и вечно казалось затерявшимся в огромности здания, но со времен процветания в нем сохранились громадные холодильные комнаты.

Клинт остановился перед закуской. Нужно сбросить груз. Шелли Мендес, управлявшая заведением, разрешала жителям пользоваться холодильниками, а в обмен, когда кто-то ездил в Эстакаду для разделки, брала несколько кусков. Иногда люди внаглую разделяли свою добычу на бетонной площадке перед забегаловкой, но запах крови привлекал медведей, и Шелли такого не одобряла.

Было уже почти девять, когда они остановились у кафе. Внутри горел свет, в дюжине открытых кабинок и у барной стойки тут и там сидели несколько человек. Клинт заметил у входа патрульный автомобиль службы шерифа округа Клакамас, большой «форд краун виктория», сверкавший на фоне целого сборища обшарпанных пикапов и ржавых «субару», обычных для сельских районов Орегона.

— Черт подери. Там Дамероу.

С Элизой Дамероу Клинт и Барли Джон учились когда-то в одной школе. Элиза была та еще задавака, сама непри-

ступность, ни с кем из парней не встречалась, а к Клинту и его друзьям питала глубокую и убежденную неприязнь. А он-то всего-навсего пару раз немного ее подразнил.

С годами она почти не изменилась, только обзавелась жетоном и пистолетом, а недавно и татуированной подружкой, которая жила в домике на дереве где-то в заповеднике. Ее неприязнь к Клинту, само собой понятно, ничуть не стала от этого меньше.

— Что мы будем с ним делать? — спросил Барли Джон, постукивая по крыше. — Разрешений у нас нет.

Клинт усмехнулся.

— Не бывает никаких разрешений для охоты на снежного человека. Но припаркуюсь-ка я сзади. Зайдем, потолкуем с Шелли, а когда придет время сгружать, глядишь, *заместительница шерифа* Дамероу уже уберется.

Он потушил фары, объехал вокруг здания и остановился рядом с мусорными баками. Затем они с Барли Джоном вошли в кафе.

— Добрый вечер, мальчики, — произнесла Шелли. Симпатичная блондинка с седыми нитями в волосах и фигурой что надо, она овдовела в дни операции «Буря в пустыне» и с тех пор была не очень расположена к тесным связям. Клинт как-то за ней приударил, когда Марджи уехала к сестре в другой штат. Шелли вела себя с ним вполне мило, но в ответ на его заходы отшила так, что даже Клинт понял всю безнадежность затеи.

— Шелли, — кивнул Клинт. Барли Джон кивнул вместе с ним, как молчаливая тень.

Она смахнула со стойки воображаемую пылинку.

— Чем могу услужить? Кофе?

— Да, мэм. Обоим как обычно.

Барли Джон снова кивнул, но на этот раз губы его чуть пошевелились.

— Нам может понадобиться морозилка. — Клинт наклонился поближе к Шелли. — *Попозже*, — шепнул он, кивнув на Дамероу, которая вставала из-за своего столика.

— Вы, мальчики, когда-нибудь слышали о разрешениях? — с улыбкой спросила Шелли.

Дамероу подошла к ним, выставив бедро, что делало пистолет самой выпуклой частью ее тела. Больше у нее, по мнению Клинта, особых выпуклостей не было. Тощая, как жердь, а выглядит еще хуже. Честно говоря, если бы карты легли так, что в самом деле *понадобился* бы полицейский, он скорее предпочел бы помощь Дамероу, чем кого-либо еще. Но в остальном она была совершенно бесполезна.

— Вижу, ты припарковался сзади. На парковке слишком много машин? — Ее серые глаза сверкнули.

Клинт пожал плечами.

— Да так как-то.

— Застрелил кого в сезон, покажи печать. Застрелил не в сезон, и тогда... — Она положила на стойку деньги и подтолкнула их к Шелли. — Вам сильно повезло, ребята, что я не инспектор по охране дичи. Уберите-ка все подальше, не то мне придется заметить, что вы там перевозите.

— Ч-ч-человек должен ч-ч-что-то есть, — вставил Барли Джон, который всегда заикался при виде Дамероу.

Она усмехнулась, потрепала его по подбородку.

— Еда делает человека счастливым, Джонни. — Бросив еще один пристальный взгляд на Клинта, она вышла за дверь.

Он смотрел ей вслед, пока патрульная машина не выехала на шоссе 224, потом повернулся и поднял чашку. Барли Джон покраснел, точно одна из бутылок кетчупа за стойкой.

— Истинно говорю, — заявила Шелли, протягивая Барли Джону еще одну пластиковую чашечку с кофе, — что ты нравишься этой женщине.

— Он всегда был помешан на лесбиянках, — сказал Клинт. Барли Джон вернулся к жизни.

— Н-н-никогда больше н-н-не г-г-говори такого слова.

— Ладно, женщинах. Ты всегда был помешан на женщинах, похожих на мужиков.

Шелли отошла, смеясь в полотенце для посуды.

Они выкатили железную тележку Шелли и отвязали снежного человека. Клинт не хотел его разделять или

снимать шкуру, считая, что тело будет больше стоять в цельном виде. Пальцы, заметил он, сжались в кулак. Клинт приспособил лебедку к одному из опорных столбов крыши, затем с помощью ворота на бампере джипа спустил снежного человека вниз, а Барли Джон направил груз на тележку.

Затем они вкатили тележку внутрь.

Кто-то из посетителей вскрикнул от удивления в одной из кабинок. Шелли обернулась. Глаза ее сузились, как давеча у Дамероу при взгляде на Клинта.

— Во имя Натана Хэйла, это еще что такое, Клинт Амос?

— Наша дичь, — ответил он, оглядывая «Фиш-Крик». Уолтер Арнасон вышел из кабинки, чтобы лучше видеть, подошли братья Койчи. Клинт был страшно рад, что Дамероу успела уйти.

— Дичь. Хм... — Шелли, задумавшись, вертела в руках полотенце. — Стало быть, вы в тумане стреляли горилл. Что бы *это* ни было, стейки из него мне не нужны.

Барли Джон ухмыльнулся.

— Никаких стейков не будет.

— Джон, — предостерегающе сказал Клинт.

— Это не медведь, — сообщил Фредди Койчи.

Шесть или семь человек, еще остававшиеся в кафе, столпились у тележки.

— Снежный человек, — признался Клинт.

Уолтер Арнасон рассмеялся.

— Ни хрена себе, Клинт. Вы, ребята, теперь станете знаменитыми!

— Вы уже кого-нибудь вызвали? — вмешался Френки Койчи.

— Нет, и не собираюсь, пока все не обдумаю хорошенько. И вы мне пока что не делайте сюрпризов, ладно?

Все некоторое время разглядывали массивное тело на тележке. Наконец Шелли заговорила:

— Ты его застрелил, Клинт?

Он раздулся от гордости.

— Угу.

— А я его заметил, — сказал Барли Джон.

«Что это на парня нашло?» — подумал Клинт. И с великодушием, которого на самом деле не испытывал, сказал:

— Наша добыча.

— Добыча Сведена, — решительным голосом заявила Шелли. — Если хотите хранить эту штуку у меня в морозилке, весь город должен выиграть. И я совсем не хочу, чтобы твоя жалкая жирная задница сбежала с нею куда-нибудь в Портленд или Сиэтл. Люди будут приезжать сюда, обедать у меня, покупать бензин у братьев Койчи и отправлять домой открытки с нашей маленькой почты. Ты же не против, мистер великий охотник на снежного человека?

Хранить существо Клинту было больше негде. И уж точно он не потащит тварь домой, к Марджи. Он обвел всех взглядом. На него смотрели семь пар глаз. Все зарабатывали крохи, у половины работы и вовсе не было. Включая его самого.

— Черт, терпеть не могу речи об общественном благе, когда не светит никакая награда, — медленно, наслаждаясь моментом, сказал Клинт. — Но я оставляю право собственности за собой — я имею в виду, мы с Барли Джоном оставляем за собой право собственности. Обещаю: все, что мы на этом зарабатываем, останется в Сведене.

Все в забегаловке «Фиш-Крик» пожали друг другу руки, будто обмениваясь новогодними поздравлениями. Тележку вкатили в морозильник номер три, который Шелли ради такого случая включила на полную мощность перед тем, как угостить всех пивом за счет заведения.

Около полуночи Клинт высадил Барли Джона у маленького и ржавого трейлера «эйрстрим», затерянного в промерзлом сыром лесу. Затем он отправился домой, в огромный гниющий коттедж под острой А-образной крышей — служивший в сороковых годах гостиницей для приезжих — раздумывая, как рассказать жене о том, что он сделал.

Завтрак прошел в напряженном молчании. Марджи швырнула на стол оладьи из готовой смеси и, подгоняя, проводила Клинта-младшего, Сьюзен и подросткового Хоб-

сона в школу. Клинт тем временем боролся с головной болью, состоявшей в равных частях из легкого похмелья и недосыпа, так как в шесть утра жена заставила его встать. Он умудрился все же поцеловать Хобсона и обнять Сьюзен. Клинт-младший ловко уклонился от тычка в плечо — он давно уже считал себя взрослым.

Марджи придвинула стул для себя и занялась последней горкой оладий с теми же двумя полосками ветчины, которые семейный бюджет позволял каждому из детей. Клинт с обидой молча прислушивался к звяканью ее вилки и вдыхал надоевший противный запах сиропа. Прошлой ночью они так и не поговорили.

Из-за этого ему было немного грустно.

— Элиза звонила, — наконец сказала Марджи. Зубчики ее вилки теперь скребли по пустой тарелке и размазывали пятна сиропа. — Вчера вечером.

Элиза? Дамероу, понял он. Заместитель шерифа.

— Сказала, что вы с Джонни опять занимались браконьерством.

— Ты хочешь, чтобы у нас зимой была еда? — кротко спросил он, хотя внутри klokотали злые слова. Но Клинт слишком устал и не хотел скандала. — Кроме того, это не браконьерство.

— А что по-твоему, черт побори? Не можешь взять охотничью лицензию, как честный человек?

— Нет, я подстрелил... одну штуку, для которой не нужны разрешения охотничьего и рыболовного управления.

Марджи уставилась на него с выражением отчаяния и гнева. Он вспомнил, какой хорошенькой жена была двадцать лет назад. Черт, она все еще хорошенькая, несмотря на лишний вес, короткую стрижку — так за волосами легче ухаживать — и эту уродливую растянутую одежду из «Уол-Марта», купленную в городе.

— Кого же... — наконец спросила Марджи, — кого же ты подстрелил? Пришельца из космоса, что ли?

— Снежного человека, — гордо произнес он.

— Снежного человека? — переспросила она, будто в жизни не слышала о таком.

— Снежного человека. *Здоровенного.*

— Господи, Клинт. — Марджи со слезами на глазах покачала головой. — Ты или пьян, или рехнулся, или все сразу. Ради Бога, раз уж решил браконьерствовать, принеси домой что-нибудь, что я могу приготовить.

— Барли Джон был там вместе со мной, — сказал Клинт, защищаясь. — Шелли видела снежного человека, когда мы его привезли. И Уолтер Арнасон, и Койчи тоже.

— Настоящего снежного человека?

— самого настоящего.

— И что ты намерен делать?

— Созовем пресс-конференцию, — усмехнулся он. — Раскрутимся на полную катушку. Будем брать плату за показ. Заработаем деньги. — Клинт потянулся через стол и взял жену за руку. — Это большие деньги, Марджи. Больше, чем... чем... не знаю. Представь, что у нас в Сведене, в штате Орегон, проводится Супер Боул, и нам дарят команду-победителя.

Марджи разразилась слезами и сделалась отчего-то совсем красавицей.

Когда Клинт после обеда подъехал к кафе «Фиш-Крик», чтобы проверить, все ли в порядке с добычей, там уже собралось множество людей. Целая толпа.

Пришлось по-честному парковаться сзади.

Все кабинки и большинство мест у стойки были заняты. Здесь были и завсегдатаи, и куча таких, кого Клинт видел очень редко, на заправке или по дороге в Эстакаду, когда ездил за покупками в город. Кое-кого он вообще не знал.

Шелли порхала за стойкой. Она взяла помощницу, чего не могла себе позволить с тех пор, как закрылась лесопилка и сгнули последние из постоянных рабочих мест в Сведене. Клинт рассматривал повариху: лицо казалось знакомым, но никак не вязалось с кафе. Наконец он понял, что это та самая древесная подружка Дамероу — еще более точная, чем заместительница шерифа, голова бритая, на ли-

це татуировки цвета морской волны, ноздри пробиты серебряной гантелью.

— Чертовски много здесь народу, — проворчал он, когда Шелли остановилась перед ним у барной стойки.

— Трое хранят секрет, только если двое из них мертвы, — ответила она. — Кроме того, это хорошо для бизнеса. Весь город получит свою выгоду, так ведь? Мы же договорились.

— Ну да, верно. — Клинт покачал головой. — Кофе, когда будет минутка. Я думал посмотреть, как он там, но не хочу открывать морозилку номер три, куда здесь такая орава.

Шелли заговорила сердито, совсем как Марджи:

— А зачем, ты считаешь, пришли сюда все эти люди?

Клинт пил маленькими глотками кофе и размышлял над ее словами. Реклама — это, конечно, хорошо, но нельзя сразу пускать целую толпу.

Правда, их не так-то много. Будем надеяться, как-нибудь обойдется. Определенно никаких фотоаппаратов. Права на снимки будут стоять хорошие деньги. Миллионы.

Можно ли доверять Шелли? Клинт подумывал было попросить у нее разрешения повесить на морозилку номер три замок, но вовремя сообразил, какой ответ получит. Не хотелось бы искать новый дом для снежного человека.

Доверие.

— Ладненько, — сказал Клинт, вставая и потягиваясь. Прозвучало это совсем фальшиво, как много лет назад, когда он впервые с деланной небрежностью приобнял Марджи. Забегаловка затихла, словно школа в жаркий летний день. — Проверю-ка я третий номер.

Он обошел стойку и направился в кухню.

— Клинт.

Это была Шелли.

Он обернулся и увидел, что за ней стоит вся толпа; люди сгрудились у стойки, точно лошади перед забегом.

— Хотите посмотреть, — неохотно начал он, понимая, что играть придется по правилам Шелли, — смотрите. Два условия. — Он поднял два пальца. — Только если я вас знаю.

И никаких разговоров с прессой. Весь город должен быть в этом заодно.

Послышалось ворчание, но Шелли кивнула.

Клинт подошел к морозилке номер три. Ручка была чуть повернута вниз. Кто-то открывал холодильную комнату до него. С утра или днем. Клинт уже открыл рот, но решил не портить впечатление. Наверняка Шелли. Она бы никого туда не пустила, разве что эту мелкую повариху, которую так неожиданно наняла.

А это означает, что Дамероу все известно, рассудил он.

Он повернул ручку. Внутри зажегся свет. Снежный человек лежал там же, где они оставили его вчера: на тележке, волосы покрылись изморозью. Люди по одному проталкивались поближе мимо Клинта и застывали, словно у гроба в похоронной конторе. Клинт остановил рыжего амбала в ковбойке.

— Мы знакомы, приятель? — спросил Клинт. — Для публики пока закрыто.

— Работали вместе на лесопилке в девяносто втором, девяносто третьем, — сказал рыжий. — Я водил погрузчик бревен, там, во дворе, помнишь? Теперь перебрался на юг штата.

— Чего же сегодня приехал?

Рыжий усмехнулся и кивнул на снежного человека.

— А ты бы не приехал ради такого?

После этого Клинт перестал проверять людей. Он просто смотрел, нет ли у них в руках фотоаппаратов, не сверкнет ли где вспышка.

Они все столпились в кругу у тела, и снова это было похоже на похороны, и тут начались речи, как на поминальной службе.

— Здоровый какой! — сказала Дженни Уоткинс, которая жила с глухим мужем в нескольких милях на северо-запад от городка, в самой старой хижине в округе.

— Несчастливо он умер, — заметил рыжий с юга штата.

— И жил он тоже не очень счастливо, — добавил Уолтер Арнасон. Вчерашнего ему оказалось мало. — Смотрите, ка-

кие шрамы. Как будто его кто-то давным-давно отделал стальным прутом.

Они продолжали обмениваться замечаниями, обсуждая размеры и строение тела снежного человека, как школьники, препарирующие лягушку. Наконец Клинт громко прочистил горло.

— Народ, здесь холодно. Оставим его пока в покое, а мы с Шелли тем временем разработаем стратегию для прессы.

Славно было сказано — Клинт мог гордиться собой.

— Как вы собираетесь его назвать? — спросила Дженни.

— Сведский Стив, — не задумываясь, ответил Клинт.

— Прощай, Сведский Стив, — уходя, сказала она. И все прочие на выходе повторяли эти слова, пока Клинт не остался наедине с Шелли.

— Думаю, теперь полштата знает, — сказал он.

Шелли жестко улыбнулась.

— Тогда лучше займись своей *стратегией для прессы*, Клинт.

Клинт оглянулся на Сведского Стива. Ладони у трупа были плоские, раскрытые. Прошлой ночью, он точно помнил, они были сжаты в кулаки.

Клинт долго сидел дома, пытаясь записать свои мысли. Он прекрасно понимал, что нужно побыстрее найти кого-нибудь достаточно известного и начать раскручивать историю. Майклу Джексону такое бы подошло, только Клинт и рядом не сядет с придурком-метисом. Ему нравились некоторые приличные консерваторы из Орегона, скажем, этот Хемстрит, что занимается гостиницами. Но Клинт решил, что здесь требуется кто-то из прессы или Голливуда.

Не важно кто, главное — составить деловое предложение, которое он изложит, когда будет говорить по телефону с будущим спонсором. Клинт пересмотрел достаточно телепрограмм о людях, которые выиграли в лотерею или что-то там еще, а после потеряли все деньги из-за мошенничества с вложениями и жадных родственников. Он не хотел

просто приглашать телевидение или обращаться в газеты. Нет, ему нужен большой человек.

Марджи работала до семи, домой приезжала еще позже, и Клинт сидел в одиночестве, пока дети около четырех не вернулись из школы. Клинт-младший – младший класс средней школы – с шумом распахнул дверь, рыгнул и бухнулся на диван. Сьюзен – седьмой класс – вошла следом, тряхнула волосами, издала драматический вздох и исчезла в своей комнате.

Клинт ждал, что войдет Хобсон, но младший – третий класс – так и не появился.

— Где твой брат? — спросил он Клинта-младшего.

— Какой брат?

— *Младший.*

— А, малыш-плохиш, — усмехнулся Клинт-младший. — Сошел с нами с автобуса у «Фиш-Крик» и убежал в лес со своим фриканутым дружком.

Так Клинт-младший называл племянника Барли Джона, Тайлера Диммитта Стефенса. Тайлер весь пошел в свою семейку, и Клинт считал, что в будущем это не предвещало пацану ничего хорошего, но племянник Барли Джона ладил с Хобсоном, как спички с керосином.

— Сначала он должен был зайти домой, — проворчал Клинт. — Семейные правила.

— Я ему не сторож. — Клинт-младший раскрыл учебник по математике и сделал вид, что погрузился в чтение.

Спорить Клинту не хотелось. Он надел пальто и вышел на крыльцо, высматривая младшего сына. Чувство времени у Хобсона и Тайлера развито не лучше, чем у сойки, а уже начинает темнеть.

Воздух был чист и свеж, скоро должен был выпасть снег. Небо снова стало жемчужно-серым, и ветер забирался за воротник вельветового пальто. Клинт пожалел, что не надел охотничью куртку, но решил, что и пальто сгодится: он только по-быстрому дойдет до «Фиш-Крик» и позовет из лесу детей. Он жил в полумиле на юго-восток от центра городка: как раз успеет согреться. По пути он то и дело кричал:

— Тайлер! Хобсон! Идите сюда, мальчики.

Ребята не показывались. Клинт дошел до кафе и заглянул внутрь. Шелли не было, за стойкой крутилась чудаковатая подружка Дамероу. Народу опять собралось больше, чем обычно.

Может, они тут водят людей в морозилку? Интересно, сколько денег заработает Шелли на Сведском Стиве, минуя Клинта? Клинт понял, что придется целыми днями сидеть в кафе, а дети пусть встречаются с ним прямо там, когда будут приезжать на школьном автобусе.

— Вы не видели Тайлера и Хобсона? — спросил он у подружки Дамероу.

— Не-а.

— Два маленьких мальчика, — добавил он. — Сошли с автобуса где-то полчаса назад.

— Не-а.

— Шелли здесь?

— Не-а.

— А другого ответа у тебя нет?

Она выставила средний палец.

— Не-а.

Он ответил ей тем же жестом и затопал в лес, вплотную подходивший к громадной парковке «Фиш-Крик» с юго-востока. На северо-западе парковка незаметно переходила в гравийную дорогу, которая вела к бензоколонке братьев Койчи и оттуда к почте. Если дети убежали в лес, как сказал Клинт-младший, они где-то здесь.

Через двадцать минут, зайдя в дом Тайлера и узнав от сестры Барли Джона, что мальчики не появлялись дома, Клинт вернулся в «Фиш-Крик». Уже смеркалось, и он беспокойся. Он снова распахнул дверь. Полно людей, примерно половина из них местные.

— Я не хочу поднимать тревогу, — сказал Клинт, — но потерялись два мальчика. Надеюсь, кто-нибудь из вас поможет мне прочесать лес и найти их.

— Вот дерьмо, — выдохнул кто-то. Крытые винилом сиденья закрипели, все вскочили на ноги. Подружка Даме-

роу направилась к телефону. Звонит своей, подумал Клинт. Что ж, сейчас это правильная мысль.

— Если у кого-нибудь есть в машинах фонарики, пожалуйста, возьмите их, — громко сказал Клинт. — Как только солнце зайдет, там станет темно, как у енота в заднице.

Подружка Дамероу принесла из-за стойки «Маглайт» — длинный полицейский фонарь на пять батареек, каким при случае легко проломить череп.

— Спасибо.

— Я позвонила Элизе и Шелли. Сожалею о вашем сыне, — помолчав, добавила она.

— Что это значит — *сожалею*? — спросил он с внезапным подозрением. «И куда, к чертям, подевалась Шелли?» — зудел голосок где-то в затылке.

Она снова выставила средний палец.

— Жаль, что он потерялся. И жаль, что отец у него — такой гребаный неудачник.

Клинт мгновенно затрясся от гнева, но не мог же он влупить ей пощечину прямо в кафе, на глазах у толпы обеспокоенных людей.

— Пошли! — крикнул он. — Пора идти.

Все гурьбой вышли на улицу и разошлись в разные стороны, зовя мальчиков по имени. Сердце Клинта сжалось в кулак и словно пыталось вырваться из груди. На парковке он встретил Клинта-младшего и обнял его так, что у сына затрещали кости.

— Полегче, пап, — тихо сказал Клинт-младший. — Малыш-плохиш просто заигрался с птичьими гнездами или чем еще там.

Ни один из них в это не верил.

Когда около 7:40 старенький, еле двигавшийся «плимут эрроу» Марджи показался на шоссе, весь город уже прочесывал лес. Дамероу приехала вскоре после начала поисков и пыталась вызвать подмогу, но все силы были брошены на ограбление банка в пригороде Портленда, на другом конце штата. Ей удалось вызвонить пожарных, а

лесное управление пообещало прислать рейнджеров. Они еще не приехали.

Клинт вовсе не мечтал беседовать с рейнджерами, ну ни капельки не мечтал, но вернуть мальчика было в сто раз важнее. Температура упала ниже нуля и люди уже начинали говорить «тела» вместо «дети».

Марджи немного сбросила скорость у почты и заправки Койчи, затем подъехала к кафе «Фиш-Крик». Парковка была полностью забита машинами. Клинт видел, как Марджи вышла, спросила у кого-то, что происходит, и ей указали на него.

Больше всего в жизни ему хотелось убежать прямо сейчас же. Он не мог посмотреть жене в глаза и признаться, что потерял их малыша. Клинт знал, что всю выдержку жены сдует как мочу на ветру, стоит ей услышать новости.

Он знал, что его слова убьют ее.

Марджи подошла к Клинту, стоявшему в свете одного из фонарей кафе. Лицо ее беспорядочно смялось, как белье в корзине для стирки.

— Дорогая, — медленно сказал он. — Мы найдем его.

— Я... он... — слова, будто вязкие конфеты, застревали у нее во рту.

— Все ищут, — сказал ей Клинт, и его голос окреп. — Мы останавливаем каждую проезжающую машину и просим помочь. Весь треклятый город Сведен здесь, Марджи.

— Хоб... Хоб... — Она хватала ртом воздух, умирая столь же бесповоротно, как выброшенная на берег радужная форель. — Хобсон.

Клинт развел руки и обнял ее рыдания. Они стояли на холоде и дрожали, а люди вокруг кричали, звали и мелькали огоньками в деревьях вокруг, повсюду, куда ни смотрел Клинт. И еще дальше, надеялся он. До самого конца света.

Через полчаса Марджи пила кофе и плакала вместе с Шелли. Клинт стоял на морозе. Ему хотелось самому бе-

жать в лес, но Дамероу приказала ему оставаться в «Фиш-Крик».

— Как найдем его, нужно будет найти *тебя*, — сказала она.

Клинт с молодых лет участвовал в окружных пожарных и поисково-спасательных операциях. Он знал правила. И все-таки он наказывал себя, стоя на морозе и отказываясь от кофе Шелли. Пусть ему будет так же трудно, как любому из спасателей.

Как Хобсону или Тайлеру.

Из тьмы выскользнул Барли Джон с тускнеющим фонариком в руке. Где-то далеко перекликались люди.

— Клинт, — сказал он. — Тебе лучше пойти со мной.

Клинт и без расспросов понял, что дело плохо.

Он пошел следом за Барли Джоном в лес по гравийной дороге, где стоял трейлер сестры Барли Джона, а дальше жили еще с полдюжины семей. Затем они свернули с дороги в лесную тьму — виден был только рой фонарей. Позади себя Клинт слышал ворчание двигателя старой спасательной машины окружной пожарной службы.

Что бы там ни было, понадобился грузовик. И это еще хуже, чем плохо.

Барли Джон подвел Клинта к кучке людей, светивших фонарями на дугласову пихту. Нижние ветви были в сорока футах от земли. Чуть повыше виднелось что-то светлое.

— Собака залаяла, — сказал кто-то, и все в толпе стали рассказывать на дюжину голосов:

— Мой мальчишка что-то услышал.

— Она никогда сюда не заходит.

— Ветер как будто позвал меня по имени.

— Кто же в лесу смотрит вверх?

— Проходили мимо много раз.

— Как можно туда забраться?

— По стволу течет кровь.

— Должно быть, волк.

— Орел.

— Месть снежного человека.

Виляя между деревьями, подъехал «додж», пожарные достали лестницу и приставили к пихте, надели шипы и обвязались страховкой и полезли по стволу и кричали и просили носилки и вся жизнь Клинта словно собралась в это единое мгновение и громадный отрезок времени раскачивался на краю обрыва и готов был обрушиться лавиной, что унесет остаток его дней волной скорби, ярости и боли.

На веревках спустили носилки, и на них было лишь одно крошечное тельце под одеялами, прочно охваченное ремнями. Люди внизу поймали носилки. Клинт стал проталкиваться вперед, и тогда Стефани Диммитт, которая все отказывалась выйти замуж за Барта Стефенса, потому как не желала стать Стефани Стефенс, упала на окровавленные одеяла и завывала. Там лежал Тайлер Диммит Стефенс с раздутым лицом и разодранной кожей на голове, и весь он был цвета кубика льда, а губы синие, как джинсы Клинта.

— Где Хобсон? — спросил Клинт, но никто не услышал.

Веки Тайлера задрожали, он открыл глаза, такие же синие, как и губы — хотя Клинт готов был поклясться, что глаза у него раньше были карие, как у дяди — и четким, пронзительным голосом произнес:

— Обезьяна, это была обезьяна.

Его вырвало на одеяло смесью кровью и желчи, тело сотрясала крупная дрожь.

Пожарные из округа втолкнули носилки с Тайлером в машину и двинулись задним ходом, вызывая по радио спасательный вертолет.

Через несколько минут почти все разошлись. С тупым отголоском удивления Клинт обнаружил себя рядом с Дамероу.

— Хобсон где-то здесь, — сказала она Клинту. — Какой бы больной говнюк ни сделал это, он не мог уйти далеко. Ты довольно быстро начал поиски.

Дамероу обняла его за плечи, и это даже не показалось Клинту странным, хоть она и была лесбиянкой, или как ее теперь полагается называть.

— Ты сделал все правильно, Клинт. Ни в чем не ошибся. Затем пар дыхания унес ее прочь. Она без устали отдавала приказы по рации, распределяя людей и технику, точно Эйзенхауэр в Нормандии.

Прошло еще немного времени, и Клинт вернулся в кафе «Фиш-Крик». Он хотел заглянуть в номер третий и проверить, там ли еще Сведский Стив. На самом деле он собирался проверить, нет ли крови на руках Стива.

Когда он подошел к морозилке, перед большой алюминиевой дверью уже стояла Дамероу с цифровым фотоаппаратом в руке.

— Так и думала, что ты придешь сюда, — сказала она. — Решила глянуть. Расскажешь?

Клинт кивнул и потянул ручку. Они вошли внутрь, и он начал рассказ. Ясно было, что Дамероу уже все о этом слышала, но он все-таки рассказал ей все, что знал, не упомянул только о неплотно запертой двери и двигавшихся руках. Репутация психа ему совсем не улыбалась.

Крови на руках Сведского Стива не оказалось, но два пальца правой были вытянуты в виде буквы «V», знака победы. Клинт рассудил, что подружка Дамероу решила вконец затрахать ему мозг, но заместительнице шерифа он об этом сообщать не собирался.

Кафе «Фиш-Крик» оставалось открытым всю ночь в качестве базы поисков Хобсона. В конце концов Клинт решил, что будет сидеть внутри — нужно же следить за морозилкой номер три, сказал он себе. Но там был кофе, общество людей и, время от времени, проявления сочувствия. Марджи давно исчезла в недрах таинственного сестринского сообщества скорбящих женщин, и Клинт чуть ли не всерьез задался вопросом, увидит ли ее когда-нибудь снова.

Клинт-младший ни за что не соглашался покинуть поисковый отряд, а Сьюзен улетела на вертолете в портлендский госпиталь вместе со Стефани и Тайлером.

Клинт остался один, и даже группы замерзших спасателей, врывавшиеся в кафе, чтобы перехватить гамбургер с

кофе и воспользоваться туалетом, обходили его стороной. По их разговорам он заключил, что Дамероу разделила спасателей на два отряда: один вел поиски широкой спиралью, а другие действовали поблизости от дерева, на котором нашли Тайлера. Рядом с деревом им, похоже, удалось обнаружить пятно крови, но сколько-нибудь достоверные исследования в криминалистической лаборатории пришлось отложить по крайней мере до утра.

Часа в три утра вернулась Дамероу. Она выглядела усталой и бледной, кожа казалась почти зеленой.

— Плохие новости, Клинт, — сказала она, села напротив и стала дышать на руки, стараясь их согреть.

— Разве другие теперь бывают?

— Звонили из госпиталя. Они определили группу крови на лице и одежде Тайлера. Не настоящая экспертиза, конечно, но крови было много, прости уж за прямоту. Смесь двух групп. У Тайлера В отрицательная. Ты случайно не знаешь, у Хобсона АВ положительная?

— Черт побери, — сказал Клинт, — понятия не имею. Может, Марджи знает. — Он вздохнул долгим, всхлипывающим вздохом. — Готов поставить оба яйца, что кровь его. Чья же еще?

— Преступника, — сказала она. Ее лицо казалось почти каменным и ничего не выражало. — По учебнику, ты подозреваемый номер один, но у тебя нет царапин или синяков, и уж всяко из тебя не вытекло столько крови, как на Тайлере. Кроме того, я познакомилась с тобой раньше, чем у меня сиськи выросли. Ты придурок, тупой болван, плохо обращаешься с женой, ты бестолков, как пень, но скорее ты полетишь на Луну на крыльях из паутины, чем убьешь ребенка. Не говоря уж о том, что тебе действительно понадобилось бы взлететь, чтобы забросить Тайлера на пихту в пятидесяти футах от земли.

— Да, летать я не умею, — стертым, как старая крышка, голосом сказал Клинт.

— И никто не умеет. Так что тут у нас маленькая криминалистическая загадка. Еще важнее то, что алиби у тебя не хуже, чем у всех остальных. Ты оставил других детей дома,

а десятью минутами позже люди здесь видели, как ты бежал и звал на помощь. Ты никак не успел бы так быстро сгонять в лес, разделаться с пацанами, закинуть одного из них на дерево, привести себя в порядок и явиться сюда.

Клинта не удивило, что Дамероу успела опросить свидетелей. Что тут удивительного — это ее работа.

— Так кто же затащил его на дерево?

— Какой-то психопат с лестницей и железными нервами, — сказала Дамероу. — Если бы я знала кто, то знала бы, где искать Хобсона.

— Тело Хобсона, — сказал Клинт.

— Нет, Хобсона. — Дамероу встала, потрепала Клинта по плечу, потом наклонилась и поцеловала его в макушку.

— Погоди.

— В чем дело? Ты собрался признаться и изничтожить все мое прекрасное расследование?

— Нет. Только это сделал он. Сведский Стив.

— *Снежный человек*? Он мертв, Клинт. Тебе нужно отдохнуть.

— Он и раньше выбирался оттуда. Утром я заметил, что ручка на двери, там, в морозилке номер три, была чуть повернута вниз. И его руки... каждый раз, когда я смотрю на них, они выглядят по-другому.

— Пойдем, здоровяк. — Она взяла его за плечо и силой подняла на ноги. — Пошли, посмотрим.

Пальцы Сведского Стива все еще были сложены буквой «V». Дамероу сделала еще несколько снимков, затем вытащила из-под стойки скотч, заклеила дверь сверху, снизу и посередине и прикрепила к ручке свою визитку.

— Если кто-то захочет пролезть, то не заметит скотч наверху, — сказала она Клинту.

— Что ты сказала шерифу о Стиве? — спросил Клинт.

— Пока ничего. Не хочу показаться ненормальной. Но прокурор округа набросится на дело о похищении детей, как только эта новость попадет в газеты в Портленде, и мне нужно будет как-то оправдаться, иначе подумают, что я скрываю улики. — Она поморщилась. — Если хочешь большой куш, у тебя остается от восьми до двенадцати часов. А

тем временем постарайся держать свою жалкую задницу здесь, где тебя видит куча людей.

Дамероу вышла на улицу, вернулась в жестокий холод, к поискам того, что осталось от его младшенького. Клинт сел за столик и заплакал.

Дыра в сердце Клинта, размером с пропавшего ребенка, продолжала саднить, кофе не помогал. Решив, что глоток холодного воздуха его взбодрит, Клинт кивнул подружке Дамероу за барной стойкой и вышел наружу.

В лесу все еще поблескивали огни, и люди звали его сына по имени. Во всех направлениях, по обе стороны от шоссе, как светлячки. Он стоял, дрожа, и думал, что предпринять. Что он должен сделать. Должен был сделать.

Не верилось, что виноват проклятый снежный человек. По всему выходит, что он, но не получается. Кто способен вылезти из холодильника с тремя пулями в теле и пробраться незамеченным мимо всех?

А он, Клинт, должен быть там, быть одним из светлячков. Хобсон услышит голос папы, а не зов незнакомцев. Клинт знал малыша, как никто, кроме Марджи. Он сможет распознать убежище, которое выбрал бы Хобсон, где сынишка спрятался бы от гребаного психа, что порезал Тайлера.

Живого или мертвого, никто не мог разыскать сына Клинта лучше отца.

Надвинув кепку на лоб, Клинт побрел в лес, к тому месту, где нашли Тайлера. Дамероу права. По всему видать, как раз оттуда парень бросился наутек. Клинт так устал, что едва не падал на каждом шагу, холод пробирал его до костей, но он счел все это небесной карой за то, что не уследил за сыном.

Что еще он мог сделать?

Клинт не понимал теперь, где находится. Он прожил в Сведене всю жизнь, ни разу не заблудился. Но сейчас все

было по-другому. То он готов был поклясться, что по пояс провалился в снег, который еще не выпал, то, мгновение спустя, задыхался от летнего зноя. Деревья он тоже не узнавал.

Голоса, правда, еще слышались. Он пытался следовать за ними. Не удавалось разобрать, что там говорят. Какой-то странный монотонный язык — братья Койчи, что ли, разговаривают между собой по-японски?

— Хобсон? — прохрипел он. Может, с ними его сын.

Потом снова послышался скрежещущий орлиный крик, такой же, как давеча, когда он стрелял в снежного человека. Клинт споткнулся, схватился рукой за сосну, пытаясь удержаться, и вдруг ему привиделась лодчонка на реке и громадный бородатый человек, который целился в него из какого-то старинного пистолета, а сам он словно парил в воздухе. На берегу горел лагерь, люди в меховых одеждах лежали в воде лицами вниз.

Клинт опять споткнулся и повалился в заросли ежевики, одежда на нем порвалась. Теперь бородатый кричал и ругался на непонятном языке, и тогда лодчонка повернулась боком, пистолет полетел в реку, и огромный жуткий ястреб, каких никогда не видывал Клинт, медленно взмахивая гигантскими крыльями со звуком тяжелого предсмертного сердцебиения, пал на бородатого и вонзил глубоко в его плечи чудовищные когти.

В плечи, как раз туда, где у Стива тянулись большие зарубцевавшиеся шрамы.

Клинт задыхался, измазанные медвежьим жиром женщины с плоскими лицами резали его сухожилия и суставы заостренными раковинами, потом проснулся, крича в светивший прямо в лицо луч фонаря.

— Приятель, тебе будет лучше в тепле, — сказал Барли Джон. Таким грустным Клинт никогда его не видел.

Кто-то с силой потряс Клинта за плечо. Его голова резко дернулась. Чашка опрокинулась, холодный кофе залил лицо и волосы.

— Я уже проснулся! — чуть не выкрикнул он.

— Вы Клинт Джеральд Амос?

Клинт сел и протер глаза. Высокий человек в плаще, с узким черным галстуком, в темных очках «Рэй-Бэн», смотрел на него сверху вниз. Утреннее солнце било в окна кафе «Фиш-Крик». Клинт прищурился. Незнакомец во всем походил на агента Малдера из сериала «Секретные материалы».

— А вы кто, к чертям, будете?

Высокий незнакомец нахмурился.

— Я из Бюро паранормальных исследований.

— Пара... — Клинт снова потер глаза. — Какого хрена? Пошел вон от меня, больной!

Высокий наклонился и оказался почти лицом к лицу с Клинтом.

— Мы частная организация сэр, и изучаем паранормальные явления. Как в «Секретных материалах», если хотите. Но только в реальной жизни. Мы также выплачиваем солидное вознаграждение за достоверную информацию.

— А за пропавших детей вы тоже выплачиваете *солидное вознаграждение*? — ядовито спросил Клинт. С тех пор, как исчез Хобсон, это был первый человек, которому он мог с полным правом врезать по морде.

— Детей? — удивился паранормальный исследователь. — Я здесь по поводу вашего снежного человека.

Клинт вскочил, сжал в руке цилиндрок стеклянной сахарницы и резко замахнулся. Незнакомец уклонился от удара и начал отступать, а из соседних кабинок выбежали несколько человек, собираясь прекратить драку.

Входная дверь распахнулась так резко, что треснуло стекло.

— Клинт Амос, *немедленно* тащи свою задницу сюда!

Это была Дамероу. С ней вместе вошел еще один заместитель, которого Клинт не знал, здоровенный красноротый бугай с пухлыми губами. Фрэнки Койчи и Боб Уоткинс уже загнали паранормального исследователя в угол. Клинт вышел на морозный утренний воздух.

Дамероу кончиком пальца ткнула его в грудь.

— Есть у тебя хоть *какая-нибудь* гребаная идея насчет того, где может сейчас находиться Стейси Камерон?

— Что?

Он знал Стейси Камерон — подросток, дочь директорши почтового отделения.

— Утром мать пришла ее разбудить, а девочки в комнате не оказалось. Окно открыто, на подоконнике следы крови. — Палец снова уперся в грудь Клинта. — *Три* гребаных ребенка меньше чем за двадцать четыре часа, в *моем* городе, и каким-то образом ты все это заварил! И Санфайр говорит, что ты, бля, зачем-то выходил из кафе ночью, хотя я тебе, бля, велела сидеть *на месте*!

— Элиза, — сказал второй заместитель, схватив ее за локоть.

Она убрала палец с груди Клинта.

— Где она, черт подери, Клинт?

— Ты проверяла морозилку?

— Проклятье, Клинт, я сейчас пристрелю тебя прямо тут, если ты, бля...

— *Заместитель* Дамероу! — рявкнул ее напарник с южным, как кукурузный початок, акцентом. — *Достаточно*!

— Я тут ни при чем, и ты это знаешь, — негромко и настойчиво проговорил Клинт. — Проверь треклятый холодильник. И заместителя Гавка прихвати.

Она едва ему не вломила, но сдержалась и заговорила тише.

— Я знаю, что это не ты, говнюк, но теперь ничего не смогу доказать, потому что ты выходил из кафе!

— Так что там в морозилке, Дамероу? — спросил второй заместитель.

— Не поверишь, пока не увидишь, — пробормотала Дамероу. — Но к детям это не имеет никакого отношения.

— Я бы предпочел сам об этом судить.

Дамероу бросила на Клинта острый взгляд, и все трое направились к морозилке номер три.

— На двери твоя визитка, — сказал новый заместитель, Рохан — Клинт наконец разобрал его имя на бейдж.

— Скотч разорван, — упавшим голосом сказала Даме-роу и посмотрела на Клинта. — Кто сюда заходил?

— Не знаю, черт побери. Я уснул.

— Тоже мне отец, бля, из тебя...

— *Даме-роу!* — крикнул Рохан. — Хватит!

Даме-роу замолчала, вытащила из кармана пальто цифровую камеру и сделала несколько снимков порванного скотча на двери холодильника. Кто бы ни сделал это, он даже не попытался приклеить ленту на место.

Они вошли внутрь и увидели, что на правой руке Сведского Стива вытянуты три пальца.

Даме-роу куда-то ушла. Рохан с пристрастием допрашивал Клинта в крошечном кабинете Шелли.

— Послушай-ка меня, — сказал громадный заместитель. — Я знаю, что у тебя есть алиби. Я знаю, что со вчерашнего дня ты был здесь. Но ночью ты выходил, и теперь твоему прикрытию каюк. У тебя в друзьях половина говенного городка, и каждый из них готов рискнуть своей задницей и солгать ради тебя, а я никогда не узнаю. Но слушай сюда, Амос. Когда они поймут, что ты натворил, что ты на самом деле за человек, они перестанут тебя покрывать. Лучше со-знайся сейчас, и весь этот кошмар, надеюсь, быстрее закон-чится. Потому что я тебе обещаю: так или иначе, конец на-станет.

Клинт уставился на Рохана красными глазами, окружен-ными, как песком, воспаленной каемкой.

— Можете продолжать задавать мне вопросы, но от это-го правда не изменится. Исчез мой гребаный пацан, замест-итель. Что я прячу? Какого черта мне что-то скрывать?

— Это ты мне скажи, Амос. Ведь ты зачем-то прячешь от нас детей.

Клинт вскочил, ударился головой о полку, и вокруг раз-летелись компьютерные пособия и кулинарные книги.

— Как я мог, бля, похитить Стэйси Камерон, умник ты эдакий? Я что, два близнеца? Я что, бля, весь город заги-пнотизировал? Да, я выходил из кафе на некоторое время,

но вернулся. Я спал в кабинке, пока этот паранормальный debil меня не разбудил. Прямо на виду у всех.

Рохан схватил Клинта за рубашку, в его пороссячьих глазках загорелась жажда убийства, но тут дверь кабинета распахнулась.

— Нужно поговорить, заместитель, — сказала высокая латиноамериканка в штатском. Она положила руку на предплечье Рохана, в другой руке блеснул жетон.

Рохан отпустил Клинта и направился к выходу. Его лицо обещало неминуемую расправу. В комнату вошел еще один человек в штатском, невысокий чернокожий в пидерском свитерке с вышитыми оленями.

— Агент Моран, ФБР, портлендское отделение, — сказал он.

— Спасибо, что избавили меня от этого маньяка.

— Заместитель Рохан, я уверен, действовал в интересах следствия, — сказал Моран.

Клинт внезапно почувствовал смертельную усталость. Его душа была опустошена.

— И каковы эти интересы?

— Давайте пройдемся, мистер Амос, если не возражаете.

Клинт проследовал за агентом, прошел мимо заместителя Рохана, которого отчитывала напарница Морана, и ступил в холодное утро мира, где не было его сына.

Они шли молча, пока не добрались до дерева. Здесь нашли Тайлера. Моран отвел рукой полицейскую ленту. Они с Клинтом посмотрели вверх.

— В криминалистической работе мне не так часто приходилось сталкиваться с деревьями, — сказал Моран. — Хотя бывали случаи с лесорубами. Люди падали на ветки, острые предметы и все такое.

Он говорил непринужденным и даже дружеским тоном, но Клинт решил ему не поддакивать.

— Полагаю, что так.

— Как бы вы залезли на это дерево, мистер Амос?

Клинт оглядел сорок футов гладкого ствола и уперся взглядом в то место, где от него начинали отходить раскидистые ветви. Это дерево даже уступало в размерах многим пихтам.

— Никак.

— А если бы пришлось?

Клинт пожал плечами.

— Думаю, нашел бы грузовик с подъемной стрелой.

— Шипы, веревки...? — мягко осведомился агент.

— Посмотрите на меня, Моран. — Клинт похлопал себя по животу. — Во мне семьдесят или восемьдесят фунтов перевеса, и мне давно перевалило за сорок. Я не смог бы залезть на это дерево, даже если бы мне поджаривали задницу, а наверху меня ждала вода.

— Я вам верю, мистер Амос, как ни прискорбно.

— Прискорбно?

— Если бы вы *могли* забраться на это дерево, то все наше малоприятное дело быстро бы закончилось.

— Прошлой ночью Дамероу сказала примерно то же.

— Заместитель Дамероу работает на пределе сил и сейчас немного не в себе. Однако я уже успел заключить, что эта женщина достойна глубокого уважения. — Моран помолчал, будто подбирая слова. — Но вы и так все знаете, верно?

— Да. — Плечи Клинта задрожали от рыданий. Шрамы на теле Стива приходились на те же места, где индейские женщины резали его самого во сне. Те же, куда на теле огромного человека-медведя вонзились когти ястреба. — Это снежный человек. Я убил снежного человека, и теперь он каким-то образом мстит.

— То тело в холодильнике? Его алиби даже лучше вашего, мистер Амос. В мешковатом пальто еще можно проскользнуть незамеченным. Но того человека, существо, кем бы оно ни было, заметил бы даже слепой.

— Это только кажется, — тихо проговорил Клинт. — Тайлер говорил что-то про обезьян. А Сведский Стив и есть обезьяна. Большая, гигантская обезьяна-убийца.

Сзади захохотало, и Клинт с опозданием различил выстрелы. Отставая от Морана на два-три шага, он помчался вслед за агентом к кафе «Фиш-Крик».

— Там была обезьяна! — кричал Фредди Койчи. — За домом Уолтера. Как пацан и говорил.

На парковке собралась группа разъяренных жителей. У многих были при себе пистолеты и винтовки. Заместитель Рохан и агентша-латино крутились рядом и выглядели очень несчастными.

— Что тут, к чертям, происходит? — спросил Клинт.

Толпа собралась вокруг него. Большинство — жители Сведена, которые знали Клинта и знали, что его сын пропал первым.

— Обезьяна, — повторил Фредди. — Пыталась залезть в верхнюю спальню Уолтера Арнасона.

— Там его сын Бобби делал уроки! — крикнул кто-то.

— И что же? — спросил Клинт. — Вы ее застрелили?

Кто-то резко и нервно засмеялся.

— Я стрелял, — пробурчал Фредди. — И еще пара человек.

На лице Рохана было написано отвращение.

— Они выбили окно и напугали ребенка, — сказал он.

Из кафе «Фиш-Крик» вышла Дамероу и подошла к Клинту и агенту Морану. Выглядела она совсем дерьмово, и голос звучал так же:

— Мне нужно вам кое-что показать.

— Не сейчас, — сказал Клинт.

— Это доказывает, что я тебе верю.

Клинт взглянул на Морана. Его лицо оставалось бесстрастным.

— Хорошо, — сказал Клинт и выбрался из толпы. Тем временем заместитель Рохан принялся разглагольствовать и угрожать всем арестом.

Дамероу достала цифровую камеру и перевела экран в режим предварительного просмотра.

— Вот, смотрите, — сказала она. — Этот снимок я сделала только что.

На фотографии был лежащий в холодильнике Стив.

Дамероу несколько раз нажала на маленькую кнопку меню.

— А теперь взгляните на это. Самый первый снимок.

Снова Стив.

— Ну и что? — спросил Клинт.

Моран нахмурился.

— Он выглядит иначе.

— Он *похудел*.

Клинт был готов взорваться.

— Как такое, *бля*, возможно? — Он стремительно повернулся и бросился к Фредди Койчи. — Дай-ка мне твой пистолет, Фредди, *сейчас же!*

Растерявшийся Фредди протянул ему девятимиллиметровый «глок».

— Эта штука готова к стрельбе? — спросил Клинт.

— Эй, вы, — сказал Рохан, но Моран притронулся к его руке.

Фредди взял пистолет, снял оружие с предохранителя и вернул Клинту. Тот зашагал к кафе «Фиш-Крик», за ним потянулись Моран, Дамероу, Рохан, латино из ФБР и с дюжину жителей Сведена. Держа пистолет перед собой, Клинт прошел через дверь, миновал подружку Дамероу за стойкой и приблизился к холодильнику номер три.

Там он остановился и глубоко вздохнул.

— Каким-то образом этот говнюк справляется с нашими детьми, — заявил Клинт. — Я собираюсь выпустить ему в голову четыре-пять пуль, чтобы он раз и навсегда успокоился.

Рохан был не в восторге, но Моран теперь крепко держал заместителя шерифа в узде. Дамероу, казалось, готова была застрелить или Клинта, или снежного человека. Все остальные выглядели напуганными.

Не зная, что еще остается делать, Клинт распахнул дверь холодильника.

Внутри, на прежнем месте, лежал Стив. На его левой руке были выставлены четыре пальца.

— Пропал кто-то еще, — с тошнотворной уверенностью сказал Клинт.

— Рохан! — почти хором рывкнули Моран и Дамероу.

Клинт слышал, как удалялись шаги заместителя. Он поднял «глок», навел дуло на висок Стива и положил палец на курок.

Что-то было не так, осознал он. Перед ним вновь возникли индейские женщины, которые при свете костра срезали мясо с тела какого-то мужчины. С его тела, по крайней мере в этом сне, или видении, или что там еще.

Стрелять было неправильно. Клинт чувствовал это. Затем он подумал о Хобсоне и понял, что ему наплевать. Он глубоко вдохнул и нажал на курок.

И тут точно разверзся ад и вся преисподняя. Пуля раздробила мерзлый левый висок Стива, на Клинта и Морана брызнула густая розово-серая жижа. Затем громадное тело лопнуло по швам.

Волосы свернулись, увлекая за собой кожу, закручивая ее, как при ядерном ожоге. Маленькие обезьянки, крошечные копии Стива, ростом около трех футов, хлынули из громадного тела, словно спасаясь из тюрьмы. Сперва две, затем их стало четыре, после дюжина.

Кто-то начал кричать. Может, это был он сам — Клинт не смог бы сказать. Многие открыли огонь, что не стоило делать в закрытом, обшитом металлом пространстве холодильной камеры. Еще крики — теперь копии Стива прыгали людям на грудь, вцеплялись в пальцы, в пах, тянулись к незащитным ушам, носам и губам.

Пули свистели и жужжали в хаосе крови и криков боли. Дамероу громко закричала, приказывая всем взять себя в руки и прекратить стрельбу.

Дверь, подумал Клинт, только бы эти суки не выбрались — и попытался протиснуться к выходу мимо испуганных людей, но многие из горожан уже столпились у двери,

и маленькие твари скакали по их головам, отрывая на бегу полоски кожи, а из обеденного зала «Фиш-Крик» уже начали доноситься крики.

Кто-то или что-то сбило его с ног. Клинт рухнул одновременно с грохотом винтовочного выстрела, снова раздался скрежещущий крик какой-то громадной птицы. Пол был холодным, но на него текла теплая кровь, и Клинт замер, пережидая опасность.

Двадцать минут спустя он стоял в окружении людей на парковке. Все были вооружены. Дамероу и Моран держались рядом с Клинтом. Возможно, приглядывали за ним. Многие исчезли. Включая Фредди Койчи, чей пистолет все еще сжимал в руке Клинт.

Моран говорил в рацию:

— Заместитель шерифа округа Клакамас Рохан мертв. Специальный агент Мартинес мертв. У нас как минимум трое убитых среди гражданских и большое число раненых. — Он поглядел на облака. — Подтверждаю. Шоссе закрыть с обеих сторон. Необходим кордон хотя бы в двадцать пять миль. Без моего разрешения никого не пускать. — Последовала длительная пауза. — Если это случится, пришлите армию. Больше я ничего не могу предложить. Конец связи.

Агент ФБР сунул рацию в карман куртки.

— Теперь мы сами по себе, — объявил он. — После этой дурацкой стрельбы я не желаю подвергать опасности жизни людей. Прежде всего нужно понять, что здесь, черт возьми, происходит. Я приставил к каждому ребенку в городе полицейского или вооруженного родителя. Что будем делать дальше? Это ваш город. Что здесь случилось?

— Сведский Стив, — сказал Клинт. — Я со вчерашнего дня говорю. Снежный засранец все это и натворил.

— Но как ваш снежный человек сумел разделиться на дюжину обезьян-убийц?! — спросил Моран. Голос его панически дрогнул. — Такого дерьма на свете не бывает!

Клинт смерил его взглядом.

— Вы сами там были.

От Стива осталось только крохотное, скорченное тело дряхлого белого старика. Пуля Клинта разmozжила ему голову. Клинт с беспокойством заметил на теле знакомые шрамы. Двух обезьян, или кто они там, они убили. Значит, маленьких тварей все-таки *можно* убить.

Понятно, их больше никто не видел — выжившие обезьяны выскочили из кафе «Фиш-Крик» и исчезли в лесу.

— Так что это было? Или кто?

Заговорила подруга Дамероу. Она как раз готовила, когда выскочила стая, и стала отбиваться от них черпаком с раскаленным маслом. Так погибла одна из двух убитых обезьян, хотя затем последовала пара напряженных минут с огнетушителем.

— Они его двойники.

— Двойники? — спросил Клинт.

— Двойники. Копии. У коренных жителей северо-запада Америки, вероятно, найдется название для этих созданий, но я не знаю этого слова. Они — его части, вроде как отражения.

— Откуда тебе это известно? — требовательно осведомился Моран.

— Что, есть теория получше?

Клинту пришла в голову ужасная мысль.

— Хочу поглядеть на одного из этих двойников, — сказал он и поднял глаза на Дамероу. — Можно мне войти внутрь? С ней? — Кивком головы он указал на подружку.

— Меня зовут Санфайр.

Ах да, подумал Клинт, Дамероу ведь упоминала это имя.

— Ступайте с ними, Дамероу, — распорядился Моран.

Санфайр, Дамероу и Клинт вернулись в кафе. Клинт и Дамероу держали наготове пистолеты.

— Санфайр? — спросил Клинт. — Солнечный Огонь? На самом деле? В свидетельстве о рождении так и написано?

— Заткнись, блядина.

— Заткнитесь оба! — рявкнула Дамероу. — Здесь могли остаться обезьяны.

Мертвых людей здесь уж точно намного больше, подумал Клинт. Его замутило. Сколько из них перестреляли

друг друга? Скольких убили двойники, как назвала их Санфайр? Фредди Койчи лежал у холодильника номер три с разорванным горлом.

— Лучше посмотрю на того, которого убила Санфайр, — прошептал Клинт. Ему очень, очень не хотелось снова заходить в морозилку.

Они медленно пересекли зал. Столики были опрокинуты, повсюду на полу виднелись пятна крови вперемешку с белой пеной огнетушителя, рассыпанной солью и сахаром, разлитым кетчупом. Клинт содрогнулся.

Убитая Санфайр обезьяна лежала, свернувшись, между барной стойкой и кухней, обратив к ним мохнатую спину. Клинт хотел было передать свой пистолет Санфайр, но та мотнула головой, и оружие взяла Дамероу. Клинт нашел на кухонном столе двенадцатидюймовый нож, нагнулся и ткнул двойника острием лезвия.

Все это казалось слишком знакомым и слишком странным. Так же он поступил в лесу со Стивом. Клинту почудилось, что двойник растворяется, превращаясь в дюжину двойников поменьше, и каждый из них распадается в свою очередь, пока весь Сведен не заполнили микроскопические адские демоны.

Если он и был прав, этому не суждено было случиться.

Он перевернул двойника. На груди, где его обожгла Санфайр, зияли ужасные раны.

— Отличная работа, подружка, — выдохнул Клинт.

Он погрузил острие в пошедшую волдырями плоть, пошевелил нож, попытался сделать разрез, избегая прикасаться к двойнику рукой.

Двойник елозил по обгоревшему линолеуму кухни Шелли, но нож уходил все глубже, а от маленького волосатого тельца поднимался запах жареного бекона.

— Какого черта... — начала Дамероу, но Санфайр шикнула на нее.

Потом что-то лопнуло, кожа раскрылась и скрутилась, совсем как у Стива, обнажив иссохшее бледное тело, одетое прослойкой волосатого жира.

Одну из женщин позади него затошнило и вырвало.

— Все жертвы за много лет, — хрипло вымолвил Клинт, борясь с удушьем и подступавшими рыданиями. — Пропавшие туристы и исчезнувшие дети. Он, каким-то образом, вбирал их в себя. Каждый из этих двойников — кусочек Стива, обернутый вокруг одного... одного... из нас.

И тогда Клинт и вправду зарыдал, потому что понял, где Хобсон.

— И что теперь? — Моран выслушал их рассказ, в одиночку пошел в кафе и вернулся оттуда бледным и полным решимости.

— Приманим их, — сказал Клинт. — Под этой обезьяньей шкурой они остаются людьми. Наверное, поэтому Сведский Стив охотился на малышей. Нам понадобится моя Марджи, Кэти Камерон и прочие родители, которых могут знать пропавшие дети. Соберем всех остальных детей и выстроим их в большой круг прямо здесь, на парковке, где двойники смогут их увидеть. Мы будем звать Стейси, Хобсона и других, кто прячется в лесу. Выманим их сюда. — Он помолчал, в горле поднимался комок. — Потом мы убьем их. Наших пропавших детей.

— Нет, — сказала Санфайр. — Мы не станем их убивать. Мы их освободим.

Клинту стало дурно.

— Как?

— Мы принесем сюда того старика, который остался, как ты сказал, в холодильнике, и тех двух мертвых двойников. Проклятие, или чудовище, или кто там он есть — все дело в нем. Он был первым. Он втянул в себя других. Мы принесем его, излечим его душу, и остальные последуют за ним.

— Излечим душу? — недоверчиво спросил Моран.

Клинт набросился на агента ФБР. Может, как-нибудь удастся вернуть Хобсона, если Моран не станет истреблять треклятых двойников.

— А у вас какой план, Ефрем Цимбалист-младший? Шоссе вы уже перекрыли. Сожжете нас всех напалмом? Разрушите деревню, чтобы ее спасти?

— Если придется, — спокойно ответил Моран. — По моему мнению, мы столкнулись с биологической опасностью худшего типа. Но я готов предоставить некоторое время для проверки этой идеи, прежде чем перейду, так сказать, к ядерному оружию.

Клинт ухмыльнулся. Он почувствовал, как оскалились зубы. Все ради сына. Все.

— Так сказать... Ее идея — и моя тоже, уважаемый специальный агент.

Клинт обвел всех взглядом и удивился, заметив улыбку Дамероу.

— Я пойду за Стивом, — сказал он. Как ни странно, голос вовсе не дрожал от ужаса. — Пусть двое из вас принесут убитых двойников. И нам все же понадобятся дети.

— И целый полк психиатров, — пробормотал Моран. — Разумеется, если кто-нибудь из них выживет.

— Это не гребаное кино, — сказал Клинт агенту. Он снял «глок» с предохранителя, сунул пистолет за ремень, глубоко вздохнул и снова направился к кровавому залу «Фиш-Крика».

Следом за ним в кафе вошли Санфайр и Моран. Санфайр тут же пошла за убитым ею двойником, а Моран с Клинтом опасливо приблизились к двери холодильника номер три.

Дверь все еще была открыта.

Клинт посмотрел на Фредди Койчи и произнес молитву Господу, в которого все равно не верил. Затем завернул за угол и вошел в холодильную камеру.

Там был Рохан — лежал лицом вниз в луже крови, которая уже превратилась в темную застывшую грязь. Мартина привалилась к стене у двери с пистолетом на коленях, на ее лице и шее виднелись три дыры от пуль. Там был и Уолтер Арнасон, хотя Клинт узнал его лишь по одежде.

И двойник с почти оторванной пулей головой рядом со Стивом.

Клинт подошел к Стиву, чье тело показалось ему очень маленьким. Скорчившийся труп лежал на железной тележке Шелли в груди окровавленного мяса. Это был глубокий старик, на тонких костях висела морщинистая кожа. Шрамы все еще казались знакомыми. Клинт мельком подумал о Хобсоне и поднял на руки, как ребенка, останки Сведского Стива.

У самой двери тело напряглось. Клинт поглядел вниз и увидел, что губы старика шевелятся. Он чуть не выронил свою ношу, когда старик что-то невнятно прошептал.

На парковке они положили на землю все три тела. Санфайр начала, монотонно напевая, обходить их по кругу. Испуганные мужчины и женщины, вооруженные винтовками, выстроили детей Сведена в большой круг. Клинт поднял голову и заметил, что прямо на него смотрит Марджи. Ее глаза так глубоко запали, что могло показаться, будто ее избили. Она чуть качнула головой и опустила взгляд.

Он был бесконечно рад, что Сьюзен улетела на вертолете. Хотя бы дочь выживет.

Санфайр жестом велела людям в кругу открыть проход к лесу. Она продолжала ходить вокруг тел, поводила руками, ее голос поднимался и падал в монотонном напеве на неизвестном Клинту языке. Было чертовски холодно, с высоких небес полетели, рассекая воздух, первые снежинки.

Все они стояли, не шевелясь, и слушали песнь этой хиппушки времен «Нью-Эйджа», а их дыхание висело на ними тяжелыми облачками несбыточных надежд.

Из леса показался первый двойник.

— Молитесь за него, — произнесла Санфайр, вплетая эти слова в свою песню и продолжая двигаться по кругу. — Молитесь за них.

Клинт прикидывал, сколько всего может быть двойников. Люди вокруг него начали читать молитву Господню.

— Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое...

Санфайр все еще кружила вокруг тел и напевала. Ее голос, движения рук и тела манили двойника в круг. Дру-

гой двойник выступил из теней, чтобы посмотреть, что случится с первым.

— Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе...

Еще два. Первый двойник опустился на корточки рядом с телом старика. Снег повалил хлопьями. Кто же из этих двойников — его сын, раздумывал Клинт.

— Хобсон, — тихо произнес он, стараясь не заглушать молитву. — Хобсон Бернард Амос.

— Хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим.

Уже девять двойников один за другим пробрались в круг. В морозилке ведь было двенадцать? Двое убиты, значит, вне круга остался только один? Клинт снова и снова повторял имя сына и не мог различить Хобсона среди двойников.

— И не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого.

Появился десятый. Клинт подумал, что всего их было, должно быть, тринадцать, и еще один двойник оставался в лесу. Он не понимал, откуда пришла мысль о тринадцатом, но знал это твердо.

Хобсон еще не пришел.

Клинт положил «глок» на землю, разорвал круг, сел рядом с двойниками, собравшимися у тела Стива, и раскрыл объятия.

— Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь.

— Хобсон Бернард Амос, — сказал Клинт, и его сын, искривленный и маленький, окутанный мехом и яростью, бросился к нему.

Санфайр замкнула круг около них. Дети держались за руки, за ними стояли взрослые, и они пели песнь закатов, и прыжков лосося в реке, и исчезающих за горными вершинами птиц. Клинт слышал знакомый хищный крик, и огромный ястреб, которого он видел во сне, вырвался из облаков и устремился к ним. Птица летела прямо в середину круга, где сидел Клинт, широко расставив когти и рассекая воздух громадными крыльями.

Двойники забрались на тело Стива, как скорпионы на спину матери. Двойник, что был когда-то Хобсоном, пытался вырваться из рук Клинта и присоединиться к новоявленным братьям, а ястреб вцепился когтями в тело Стива и взмахнул крыльями, вновь уходя в высоту.

Клинт крепко держал маленькое тело, не желая снова потерять сына. Напротив него, в кругу взрослых, дрожало лицо Марджи, и слезы текли из ее запавших глаз. Сан-файр глядела на него сверху с жалостью и решимостью. Хобсон извивался, стараясь вырваться.

Наконец Клинт посмотрел на Дамероу. Она покачала головой.

Тогда Клинт разжал руки и отпустил сына.

Клинт Амос и Барли Джон Диммитт удили рыбу на реке Уилламетт неподалеку от острова Сауви. Ни один из них не жил больше в Сведене. И никто там не жил с тех пор, как прошлой осенью неожиданный лесной пожар, какие бывают только летом, уничтожил город. Огонь бесновался даже в снегу. Пожар случился как раз вовремя и поставил удобную точку в деле об исчезнувших телах, так что Морану оставалось только подогнать результаты криминалистической экспертизы.

Марджи нынче жила с сестрой в Айдахо и говорила, что когда-нибудь, может статься, вернется. С ней уехали Клинт-младший и Сьюзен. Клинт понимал, что никогда больше их не увидит.

Он и Барли Джон по-прежнему держались вместе, ведь у них никого не осталось. Теперь они разговаривали все меньше. Клинту нравилось бывать на воде, частью потому, что над рекой он время от времени видел или слышал ястреба. К тому же от середины реки до деревьев было очень далеко.

Клинт закинул удочку, но поплавок сорвался и крючок погрузился слишком глубоко. Он дернул леску и почувствовал, что она натянулась.

— Проклятье.

— Должно быть, — согласился Барли Джон.

Клинт потихоньку выбирал леску: не хотелось ее просто так обрезать. Леска подалась. Тяжесть все еще чувствовалась — мертвый груз, не рыба. Охваченный любопытством, он потянул сильнее.

Перед ним оказался засевший в глине и обросший мелкими ракушками старинный пистолет. По-настоящему старинный. Рукоятка чуть выгибалась назад, и когда Клинт потер пистолет большим пальцем, показался восьмигранный ствол.

— Что скажешь? — спросил он, протягивая пистолет Барли Джону.

— Он тоже проклят. Совсем как мы.

Клинт пожал плечами и посмотрел на воду. Раздался пронзительный крик — не то ястреб, не то птица поменьше. Клинт взвесил на ладони покрытый илом пистолет. Он знал, кто стрелял из него и во что стрелял.

— Теперь ты принадлежишь реке, — сказал он и швырнул пистолет в воду.

— Как и все мы, — добавил он, глядя на свое отражение в мелкой ряби. Что-то большое пролетело над головой и отбросило на воду тень. Клинт закрыл глаза и стал вспоминать Хобсона.

Уильям Мейкл
ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ

Отец мой был носильщик-шерпа. Кстати, почти все мужчины из числа моих ближайших родственников потратили лучшие годы, помогая иностранцам с Запада затаскивать тяжелые грузы на крутые горы.

Я с малых лет решил наплевать на эту традицию.

Может, вы видели меня на рынке в Катманду. Там всегда полно туристов. У них водится слишком много денег и слишком мало мозгов, и каждый хочет купить и увезти домой кусочек Тибета. А я всегда готов их обслужить. В конце концов, им незачем знать, что сувениры на моем прилавке изготовлены по большей части на фабриках Шанхая и Дели.

В этом году на мировых финансовых рынках разразился очередной кризис. Количество покупателей и мои доходы резко упали, и я уже начинал беспокоиться, чем стану кормиться зимой.

И вот тогда отец, который давно уже болел, послал за мной.

О металлической шкатулке я знал всю жизнь – но никакие детские скандалы и истерики не помогли мне ознакомиться с ее содержимым.

Отец понимал, что скоро умрет, и все изменилось. Он велел мне хранить шкатулку, повторив наказ своего отца. И теперь я готов поделиться ее сокровищами с вами и со всем миром. Уверен, что когда вы увидите документы, которые я вам покажу, мы сойдемся в цене и оба останемся довольны.

Все это заняло какое-то время, но я расположил документы в хронологической последовательности. Так легче разобратся. Начнем с их прибытия в лагерь III.

19 мая 1924 года

Четыре дня прошло с тех пор, как нас благословил лама монастыря Ронгбук. По счастливой случайности или божественному вмешательству, погода после этого значительно улучшилась и Нортона, Сомервелла, Оделла и я без особых трудностей добрались до лагеря III, нашего передового лагеря на двадцати одной тысяче футов. Он призван слу-

жить опорной базой в ходе попыток покорить вершину и находится менее чем в миле от ледовых склонов, ведущих к Северному седлу.

Небо еще недостаточно прояснилось, и цель нашу мы не видим, но все мы знаем, что она там, нависает над нами. Я и сейчас вижу ее мысленным взором, и каждую ночь созерцаю ее в своих снах.

Я не позволю ей победить себя.

Только не в этот раз.

Как я и подозревал, такая близость к горе вновь принесла кошмары. Тогда, в 22-м, я поддался искушению гордыни; сейчас у меня хватает мужества в этом признаться. После того, как Финч дошел до двадцати семи тысяч футов и даже выше, я твердо сказал себе, что должен стать первым. Что имею на это *право*.

Моя спесь чуть не погубила нас всех.

Шерпы предупреждали меня, что погода портится, но я был так близок к цели... Я шел вперед, мечтая забраться выше Финча и вдобавок доказать ему, что это *можно* сделать без кислорода. Если бы из ниоткуда вдруг не налетел проклятый муссон, у меня бы получилось.

Кончилось тем, что шерпы уговорили меня на стратегическое отступление. Я все еще считаю, что позорный страх этих закаленных людей был продиктован не только погодой, но что бы ни стало причиной их трусости, было ясно, что без них я не смогу продолжать путь.

Мы вовремя повернули обратно – по крайней мере, так нам казалось. Я возглавлял группу носильщиков, спускавшихся с нижнего склона Северного седла по пояс в свежесвыпавшем снегу. Сирдар остановился и указал на гребень. Я поднял глаза и увидел, как прямо на нас несется снежная волна.

Мне повезло выбраться из этой переделки живым. Семь из моих шерпов оказались не так удачливы и погибли в лавине. Выжившие носильщики не упрекали меня, но дома меня ждал поток обвинений.

Я надеялся, что газеты на сей раз смягчат свой тон, ведь мое имя на два года исчезло с их страниц. Но я ошибся.

Не стоит ворчать. Меня вполне могли оставить в Блайтли, как беднягу Финча. Несказанная удача, что я вообще здесь, и на этот раз я ее не упущу.

Ну как, понимаете, что у меня тут? Самая первая запись имеет историческое значение. Почерк самого Джорджа Мэллори! А дальше становится только лучше.

Гораздо лучше.

Пропускаю много страниц, где описано, как они обустроили лагерь IV и не смогли продвинуться из-за плохой погоды. Думаю, вы согласитесь, что странички эти сами по себе стоят хороших денег. Но перейдем сразу к первой попытке штурма.

2 июня 1924 года

Как же горько испытать поражение... Особенно после нашего многообещающего старта вчера утром.

Мы с Брюсом вышли из лагеря IV, собираясь в этот день пройти со стороны Северного седла и разбить два лагеря повыше перед финальным утренним броском к вершине. Мы знали, что Нортон и Сомервелл пойдут на штурм через сутки после нас, и поклялись первыми оказаться наверху. С нами была небольшая команда носильщиков, всего девять *тигров*.

Вначале подъем был несложен, так как мы шли под нависающим гребнем Северного седла. Настроение царило боевое, и носильщики – некоторые из них были со мной в двадцать втором – даже добродушно перешучивались.

Стало куда хуже, когда мы вышли из укрытия ледяных стен. Сильные порывы невыразимо холодного ветра хлестали нас, как плети, и проносились по всему северному склону.

Мы решили после привала разбить лагерь V на двадцати пяти тысячах футов и продолжать двигаться вверх, но ветер оказался серьезным противником. В поздние послеобе-

денные часы мы наконец достигли места, которое прежде рассматривали только в бинокли.

Брюс первым ступил на небольшое плато, обернулся и позвал меня. В его голосе звучали недоуменные нотки.

– Послушайте-ка, Мэллори. Вы уверены, что мы – единственная группа на горе?

Я забрался вслед за ним на плато и сразу понял, что он имеет в виду.

От нас вверх по склону уходила цепочка свежих следов. Я принялся рассматривать те, что были поближе. Очевидно, существо, оставившее их, стояло на утесе и следило за нашим восхождением, а затем отступило и забралось повыше.

– Снежный барс? – спросил Брюс.

Я отрицательно покачал головой.

Существо передвигалось не на четырех ногах. Следы отпечатались очень четко и во всем походили на человеческие. Но, последовав по ближайшим следам, я увидел, что искаженная перспектива сыграла со мной дурную шутку. Если следы эти оставил человек, он должен был обладать необычайно длинными ногами – расстояние между отпечатками составляло почти шесть футов. Следы, будто под весом тяжелого тела, глубоко уходили в снег.

Я как раз наклонился над одной из ямок, когда на плато появились носильщики. Кто-то из них бросил взгляд на следы и испустил вопль, который отдался эхом в горных пропастях вокруг нас. Не произнося больше ни слова, он повернулся и бросился прочь. За ним почти сразу последовали трое других. Я глянул вниз и увидел, что они в страхе скинули тюки и беспорядочно разбросали их по всему склону.

У меня не было времени стоять там и гадать, почему эти крепкие люди бежали с такой поспешностью. День клонился к закату; без четырех носильщиков нам будет нелегко разбить лагерь до темноты.

Брюс и один из *тигров* стали собирать разбросанные тюки, а все остальные начали разбивать лагерь. Только к вечеру, вымотанные до предела, мы собрались у очага за чаем.

Я попытался было разузнать у *тигров*, почему убежали другие носильщики, но они отвечали лишь невнятным бормотанием и опускали головы, словно боялись встретиться со мной взглядом.

Мы рано легли спать, хорошо зная, что отсутствие четырех носильщиков доставит нам на следующий день немало хлопот.

Мои надежды на отдых оказались тщетны. Ночью я проснулся. Сперва я подумал, что Брюс храпит громче обычного, но *сонение*, доносившееся снаружи, ничем не напоминало человеческий храп. Если бы дело происходило в Северной Америке, я рассудил бы, что там в поисках съестного возится медведь, но в этой местности никакие медведи не водились – во всяком случае, я о них не слыхал.

Я встал и выбрался из палатки. Шел снег, не очень густой, но скрывавший от меня источник шума. Я успел только мельком заметить темную тень, взбиравшуюся по склону. Когда я вернулся в палатку, все *тигры* повернулись ко мне, и снова я увидел страх в их глазах.

Утром мы заметили у палатки свежие следы.

Тигры наотрез отказались идти дальше и с дрожью ужаса смотрели на эти следы. По правде сказать, они спешили немедленно покинуть лагерь. Вспоминая об опыте 22-го, я не хотел их принуждать к подъему, и мы с Брюсом неохотно согласились отказаться от восхождения во имя общего блага. Мы позаботились о безопасности лагеря и припасов и начали спускаться. Лагерь VI придется разбивать другой команде.

Они сейчас наверху – Нортон и Сомервелл. По пути вниз мы пересеклись с ними. Они шли в гору. Я отвел Сомервелла в сторонку: зная, что у него при себе фотографический аппарат, я попросил его сфотографировать любые следы, которые им попадутся.

Добравшись до лагеря IV, я посмотрел вверх и увидел, что вторая команда уже миновала нашу отметку. Я счастлив, что новый штурм проходит успешно.

Но там, наверху, должен быть я.

Быть может, через несколько дней так и случится.

5 июня 1924 года

Нортон и Сомервелл потерпели неудачу. Да, Сомервелл только что вернулся в лагерь IV, едва уцелев. Он рассказывает удивительные вещи об этих кручах. До вершины он не добрался и все же, как мы считаем, поставил новый мировой рекорд высоты. Он говорит, что сделал самые поразительные фотографии горных вершин. Но он дорого за них заплатил — кашляя кровью, лишился всей выстилки горла и в процессе едва не задохнулся.

Следующая попытка за мной. Я выхожу утром с молодым Сэнди Ирвином. По праву идти со мной должен был бы Нортон, но последнее восхождение далось ему совсем тяжело. Ирвин в роли напарника меня не беспокоит. Парень силен, как бык, наделен редким рвением и стремится к победе.

Нортон и Сомервелл сумели разбить лагерь VI, но без происшествий не обошлось. Трое из их *тигров* впали в ту же непонятную панику, что и наши носильщики, и отказались идти дальше. Нортон говорил об углублениях в снегу; по его мнению, это пятна льда, который подтаял и после снова замерз, создавая впечатление следов большого животного. Мысль о том, что так высоко на горе может обитать крупное двуногое существо, он поднял на смех, а *тигров* презрительно назвал *суеверными крестьянами*.

Я же, со своей стороны, не собираюсь торопиться с выводами, пока не появятся новые свидетельства.

Как бы то ни было, это не важно.

Неведомые звери не заставят меня отступить от *моей* горы.

Я показал вам все это просто как *намек* на то, что последует дальше. Известно ли вам, что у Ирвина во время восхождения был с собой фотоаппарат? Представляете себе, что может быть на этой пленке?

А если я скажу вам, что в жестяной шкатулке, доставшейся мне от отца, имелся и помятый «Кодак»? Думаю, это значительно увеличит стоимость всего *пакета*.

Заднюю крышку аппарата я не пытался открывать, но пленка, похоже на то, все еще внутри. Я уверен, что с помощью современных технологий фотографии можно спасти. Учитывая продолжение дневника Мэллори, остается только гадать, какие чудеса запечатлелись на пленке.

Вперед – перейдем к главной части нашей истории.

Мэллори и Ирвин начали восхождение в 8.40 утра на следующий день. Ночь они провели в лагере V, а 7-го июня дошли до лагеря VI. Здесь была сделана очередная запись в дневнике.

7 июня 1924 года

Я рад, что мы захватили кислород, и рад вдвойне, что со мной Ирвин: он умело обращается с проклятыми баллонами, с которыми я еще не научился справляться. Несмотря на мои прежние сомнения, кислород пока что очень помогает в восхождении. Мы вышли к лагерю с меньшими усилиями и гораздо быстрее, чем мне представлялось возможным. Оделл также убедился в преимуществах кислорода. Сейчас он должен был уже добраться до лагеря V; там он найдет множество новых камней, описание которых надолго его займет. Я отправил к нему двух носильщиков с запиской, где просил следить с утра за нашим восхождением.

Признаюсь откровенно, подгонять носильщиков не понадобилось, так торопились они уйти.

Ночью было страшно холодно, ветер свистел и всей своей мощностью налетал на палатки – так что временами я боялся, что нас снесет с горы, как моряков смывают бушующие волны. Я очень плохо спал.

Около двух тридцати утра свист ветра упал до шепота.

И тогда я это услышал.

Могу сравнить этот звук лишь с воем волчьей стаи, который я как-то слышал в Канаде: тогда эти высокие, дикие завывания сопровождали выбор вожака. Но сейчас вой звучал так, словно исходил из горла одного-единственного животного, одаренного, правда, изумительным голосом. Ни-

когда еще ни один итальянский тенор не исторгал такие неземные, прекрасные звуки. Будто какой-то бог пел нам песню в самом высоком месте планеты.

Я не стал бы описывать этот полет воображения, однако ночная мелодия потрясла меня до глубины души, и чувства, поднявшиеся во мне, были почти религиозными.

Носильщиков, напротив, пение только ужаснуло. Один из них продолжал кричать, пока другие его не успокоили. Он постоянно повторял все те же два слова.

Метох-кангми.

Через несколько минут ветер поднялся снова и ярость его заглушила все остальное.

С немалым трудом я смог убедить одного из *тигров* рассказать о причине их страха. Легенда довольно характерна для отставших от цивилизации народов: демон мужского пола, что обитает высоко в горах и похищает зазевавшихся женщин и детей – создание хитрое и изобретательное, а главное, наделенное пугающей силой и свирепостью. Мне всегда казалось, что эти рассказы предназначены удерживать детей и подростков вблизи домашнего очага, и я не намерен думать иначе по причине ночного пения, будь оно каким угодно музыкальным.

Кроме того, носильщики говорят, что гора принадлежит этому зверю. Такого я не могу допустить.

Гора моя.

Это последняя запись перед финальным штурмом. Все носильщики ушли в лагерь IV, на склоне остались лишь мы с Ирвином. Сэнди возится с кислородными баллонами, проверяя, готово ли снаряжение к предстоящим нам испытаниям. Я чувствую знакомое волнение.

Небеса чисты, и моя гора ждет меня.

Не знаю, насколько вы знакомы с подробностями этого штурма. Пока что все описанное более или менее общеизвестно – точнее, вы узнали даже *больше*, чем было известно до сих пор. Самое интересное впереди, но прежде я хотел бы обратить ваше внимание на запись, которую я на-

шел в старых отчетах об экспедиции, так как она проливает свет на другую часть нашей истории.

Это дневниковая запись Оделла, геолога, о котором выше упоминал Мэллори. Он в самом деле добрался до лагеря V, где оказался 7-го июня. Здесь он встретил спускавшихся с горы носильщиков Мэллори и Ирвина; те передали ему следующую записку от Мэллори:

*Дорогой Ноэль,
вероятно, мы выйдем завтра (8-го) пораньше, чтобы воспользоваться ясной погодой. Часов с восьми утра Вы сможете отслеживать наше продвижение: мы будем пересекать скалистую полосу под вершинной пирамидой либо взбираться на гребень.*

*Искренне Ваш,
Д. Мэллори*

Вечером 8-го июня Оделл сделал запись в своем дневнике.

Полевой журнал Ноэля Оделла, 8 июня 1924 года

Опасаюсь худшего.

Утром я начал восхождение с целью продолжить геологические исследования. Ветер и туман, окутывавший гору, мешали мне разглядеть гребень, где должны были продвигаться Мэллори и Ирвин. Я дошел до двадцати шести тысяч футов и пересек небольшое обнажение, где задержался, чтобы изучить превосходную гранитную интрузию.

В 12.50, как только мой восторг, связанный с находкой первых неоспоримых окаменелостей на Эвересте, немного поутих, вокруг внезапно прояснилось, и я увидел весь гребень и сам пик вершины. Мои глаза приковала к себе крошечная черная точка, чей силуэт вырисовывался на маленьком снежном пятачке под скальным уступом гребня. Черная точка зашевелилась. Показалась вторая черная точка и пересекла пятачок, присоединившись к первой. Тог-

да первая направилась к большому уступу и вскоре очутилась на нем; за ней последовала вторая. Затем поразительное видение исчезло, снова скрытое облаками.

Я сильно обеспокоен: Мэллори и Ирвин, судя по всему, на пять часов отстают от графика и вряд ли сумеют сегодня добраться до вершины. Вижу также, что близится непогода. Я решил переместиться в лагерь VI, так как им могла понадобиться моя помощь.

В 1.45 дня я с двумя носильщиками достиг гребня, и стихия сразу же с яростью набросилась на нас. Укрыться было практически негде — с первого же взгляда стало ясно, что в лагере царит беспорядок. Кругом были разбросаны пайки и спальные мешки, точно их расшвыривал кто-то в припадке бешеной злобы. Мне показалось, что я вижу в снегу свежие следы, но в этот момент шквал обрушился прямо на гору, швыряя мне в глаза колючий снег, и мы вынуждены были спрятаться в единственной оставшейся стоять палатке.

Мы по очереди выходили наружу и звали Мэллори и Ирвина, надеясь, что они расслышат наши крики в реве бури и найдут обратную дорогу в лагерь. Ответа мы не дождались. Мы провели несколько поистине ужасных часов, прижимаясь друг к другу в этой палатке. В предвечерние часы ветер начал стихать. Мы стали осматривать склоны в поисках Мэллори и Ирвина, но никого не увидели.

Затишье позволило нам быстро спуститься в лагерь IV — ни один из нас не желал оставаться на ночь на такой высоте. Утром я твердо намерен выйти на поиски товарищей.

Я не оставлю их умирать на этой горе.

На этом теряется последний след Мэллори и Ирвина. Вы, вероятно, знаете, что останки Мэллори были найдены. В 1999 году экспедиция Симонсена обнаружила его тело на высоте примерно двадцати семи тысяч футов. Мы еще обратимся к вопросу, как тело оказалось там, но сначала я хотел бы напомнить, что именно я вам предлагаю. В 1924 году эта история была сенсацией. О восхождении пи-

сали все газеты мира. Мэллори и Ирвин стали национальными героями. Один из внутренних дворов колледжа Магдалины в Кембридже, альма матер Мэллори, был переименован в его честь; там был установлен мемориальный камень, который можно видеть и сегодня. Другой памятник был установлен в Оксфорде, где учился Ирвин. В соборе св. Павла прошла поминальная служба по Мэллори. Присутствовал тогдашний премьер-министр Д. Рамсей Макдональд, кабинет министров в полном составе и королевская семья, включая короля Георга V. И все это — в те давние дни, когда средства массовой информации были лишь жалким подобием сегодняшних!

Способны ли вы представить, какие возможности для экранизаций, франшиз, изданий и перепечаток открывают мои документы?

А я ведь даже не упомянул о главном откровении.

Все это имеет историческое, глобальное значение. Смеею полагать, вы согласитесь со мной, когда прочтете последние записи в бумагах из жестяной шкатулки.

Для начала, еще одна запись Мэллори, датированная 9-м июня.

9 июня 1924

Приветствую всех с вершины мира!

Я пишу эти строки, греясь на солнце на самой вершине Эвереста. Ирвин поглощен фотографированием и старается сделать как можно больше снимков. Я водрузил на вершине маленький «Юнион Джек». Мы по очереди сфотографировались рядом с флагом; убежден, что по возвращении домой такой снимок наконец-то сделает меня героем газетных полос. Я поместил у флага портрет жены; фотография Рут была со мной на протяжении всего путешествия из Англии, и теперь часть ее, как и часть меня, навсегда останется там, на самой вершине моих достижений.

Мне не раз, особенно в течение последних тридцати часов, казалось, что нам снова придется отступить, что гора

вновь одолеет меня. Но целеустремленность Ирвина, человека по-настоящему стойкого, помогла нам преодолеть все преграды.

С первой из них мы встретились вчера, ранним утром. Вскоре после выхода из лагеря VI мы опять заметили на свежем снегу неизвестные следы, которые вели от лагеря в сторону пиков. Мы подняли глаза – и я тут же услышал зловеющий грохот падающего снега где-то над нами. Кажется, я заметил на гребне бледную фигуру, но времени вглядываться пристальней не оставалось: к нам уже неотвратимо мчалась снежная стена.

Быстрая реакция Ирвина спасла мне жизнь. Он вонзил ледоруб в слежавшийся снег и мы скорчились под небольшим снежным козырьком, помешавшим лавине снести нас в пропасть. К счастью, лавина была незначительная, но я был потрясен ее внезапностью и несколько минут не мог прийти в себя.

Сложный подъем с траверсами взад и вперед по склону занял несколько часов; мы были вынуждены ступать со всей осторожностью из страха вызвать новый обвал и очень устали, добираясь до гребня – а ведь нам предстояло еще немало таких подъемов.

Мы прошли траверсом к глубокой впадине, ведущей к восточному подножию вершинной пирамиды. Нортон говорил мне, что во время восхождения они продвинулись чуть дальше этого места, и мы решили назвать его путь *кулуаром Нортон*.

В этой точке мы расстались с кулуаром Нортон и совершили диагональный траверс северного склона. Мы быстро пересекли крутое, покрытое фирном пространство с несколькими пятнами свежевыпавшего снега. Далеко слева, если не ошибаюсь, мы какое-то время видели следы Сомервелла, но вскоре миновали место, где он повернул назад.

Я попросил Ирвина на минутку остановиться и мы обменялись скромными поздравлениями – предельная высота, какую достигал когда-либо человек, осталась позади. Основание вершинной пирамиды находилось всего в двухстах футах над нами, и к нему вел нетрудный подъем.

Мы двинулись в путь, но только после полудня вышли к подножию утеса, который видели снизу, с большого расстояния; его называют *Второй ступенью*. Мы давно знали, что этот участок станет одной из труднейших составляющих *любого* восхождения.

Он оказался хуже, чем мы могли вообразить. Скала почти в сто футов возвышалась над нами массивным монолитом. Ирвина изрядно обескуражила громадность задачи, да и мне скала показалась непреодолимой; с такими я еще не сталкивался. Но это была *моя гора, моя судьба*.

Стиснув зубы, я полез на скалу.

Прежде я считал восхождение на Пиллар-Рок в Западных холмах самым сложным эпизодом в своей биографии альпиниста, но «Вторая ступень» оказалась еще сложнее. Долгие, нескончаемые часы я сражался с нею, а Ирвин осторожно полз следом, повторяя каждое мое движение. Я карабкался вверх, отступал, переходил вправо, влево. Нескольким раз мне пришлось возвращаться назад и менять направление.

Но я не готов был признать поражение. Уже близились сумерки, когда я перевалился через последний выступ, битый час не поддававшийся моим усилиям, и растянулся на спине, хватая ртом воздух, у подножия пирамиды.

Я помог Ирвину забраться наверх. В уходящем свете мы разглядели, что путь к вершине проходит по заснеженному склону с уклоном в сорок пять градусов, который ведет напрямик к вершинному гребню.

Нам пришлось заночевать на уступе; под нами, при свете звезд, словно раскинулось все мироздание. Спали мы по очереди и старались экономить кислород, так как утром нас ждали новые испытания.

Холод был адский, и я продрог до костей. Должно быть, мы до сих пор бы лежали там, спаянные с утесом в один мерзлый камень, если бы нас внезапно не разбудило то же высокое завывание, та же мелодия, что мы слышали минувшей ночью. Здесь, на вершине мира, она звучала как пение ангелов, и все же я со всей остротой сознавал, что звук раздавался над нами.

Какое бы ни находилось там существо, оно пряталось наверху, на вершине, на *моей* горе.

Мысль об этом заставила меня вскочить на ноги. Я провёл предраассветные часы, расхаживая по узкой каменной полоске и пытаясь разогреть мышцы; как только небо посветлело, я разбудил Ирвина и мы пошли на последний штурм.

Заснеженный склон мы преодолели сравнительно легко. Ирвин предоставил мне честь первым ступить на вершину, и я сперва довольно внимательно осмотрел ее, ожидая увидеть и здесь следы, так похожие на человеческие. Но снежный покров сиял нетронутой белизной — и в десять часов тридцать минут утра я взошел на вершину во имя своей страны и короля.

Я стою на вершине мира.

Понимаете, что это значит? Джордж Мэллори был *первым* человеком на Эвересте, и перед нами доказательство, причем запись сделана его собственной рукой. Некоторые современники всегда верили, что Мэллори удалось покорить вершину. Том Лонгстаф, один из спутников Мэллори в экспедиции 1922 года, позднее писал: «Для любого альпиниста очевидно, что они побывали на вершине».

Но до сих пор успех Мэллори *никогда* не был подтвержден. Оделл выполнил данное самому себе обещание и вернулся с двумя носильщиками на гору. Около 3.30 дня 9 июня они достигли лагеря V, где провели ночь. На следующий день Оделл в одиночку поднялся к лагерю VI, который по-прежнему оставался пустым. Затем он взобрался по склону, где Мэллори и Ирвин были застигнуты небольшой лавиной, но не обнаружил ни единого следа пропавших альпинистов. В лагере VI он расположил на снегу в форме буквы Т два спальных мешка, что являлось сигналом для базового лагеря: «Исчезли бесследно. Оставил всякую надежду. Жду указаний». После этого Оделл, оплакивая погибших друзей, спустился в лагерь IV.

Наутро участники экспедиции прекратили поиски и начали собираться в обратный путь. Судьба Сэнди Ирвина остается неизвестной.

Готов поспорить, вы уже решили, что в наших *переговорах* я слишком рано выложил козырную карту. Но я могу показать вам кое-что еще. Продолжение этой истории заставит содрогнуться весь мир, от впадин морских до вершины самого Эвереста.

Последние записи в дневнике принадлежат не Мэллори. Они сделаны дрожащей, неуверенной рукой, как если бы писавший был очень болен — и подписаны именем Сэнди Ирвина. Первая дата может вас немного удивить.

23 июля 1924 года

Я не совсем уверен, какое сегодня число, но точнее мне не определить. Здесь некому меня поправить — где бы ни было это «здесь». Знаю только, что это горная деревня и что никто в ней не понимает ни единого английского слова.

Я плохо помню, как попал сюда. Лихорадочный жар начинает спадать. По временам я думаю, что лучше мне было бы оставаться в беспомощности: я гляжу на свои ноги и понимаю, что без медицинской помощи долго не протяну. Моя хозяйка — маленькая высохшая женщина, которой можно дать и восемьдесят лет, и все сто — принесла мне вещи, что они нашли рядом со мной, и я с удивлением обнаружил, что дневник Мэллори уцелел. Надеюсь, эти записи отвлекут меня от боли... и ужаса.

С чего начать?

Наверное, с того, на чем остановился Мэллори, но в первую очередь я должен рассказать о восхождении на «Вторую ступень». Думаю, это достижение останется непревзойденным подвигом в истории альпинизма. Однажды я побывал на лекции Уинтропа-Янга, и его высказывание о Мэллори запечатлелось в моей памяти:

«Его движения при восхождении были уникальны. Они противоречили всем теориям. Он высоко поднимал ногу,

опираясь на любой уклон гладкой поверхности, пригибал плечо к колену и буквально перетекал вверх, распрямляясь в стремительном броске. Что бы ни происходило невидимо для глаз между ним и скалой... выглядело это всегда одинаково, и результат был таким же – единое волнообразное движение, такое быстрое и мощное, что скале, казалось, остается лишь уступить или исчезнуть».

Там, на «Второй ступени», я в этом убедился – Мэллори словно взял верх, навязав скалам свое тело и волю, и горе пришлось сдаться. Я был уверен, что он повернет назад, но эта мысль, думаю, даже не мелькала в его голове.

Я хотел передать невероятную *убежденность* в его взгляде, когда делал последний снимок на вершине. Мэллори сидел на камне рядом с маленьким флагом.

Он только что отложил дневник. Под ним будто раскинулся весь мир. Ради фотографии он снял кислородную маску, и по лицу его расплылась широкая, радостная улыбка. Я поднял аппарат и стал наводить объектив на резкость.

И тогда я увидел это существо.

Оно взлетело по склону стремительными прыжками, и сперва я заметил лишь размытую тень. Не успел я даже крикнуть, как существо нависло над Мэллори.

Оно было в полтора раза выше меня, размах плеч составлял около четырех футов. Под кожей бугрились и перекачивались твердые как камень мускулы. Все тело за исключением ладоней, где кожа была грубой и жесткой, почти черной, покрывала грязно-белая шерсть. С бедер свисали космы волос, напоминая толстый килт, доходивший чуть ли не до колен. От него исходила мускусная и прогорклая вонь, отдававшая запахом болотистой заводи в жаркие дни. Млечно-белые глаза уставились на Мэллори.

– Берегитесь! – наконец воскликнул я.

Зверь в недоумении закрыл уши руками толщиной с человеческую ладонь. Голова у него была овальной формы, а череп сзади слегка заострен. Здесь волос было больше, они свисали на широкую спину, подобно гриве. Существо раскрыло пасть, полную длинных желтых зубов, и завопило, выпрямившись во весь рост и колотя себя в грудь ладоня-

ми; эта быстрая барабанная дробь эхом разнеслась по всей горе.

Кажется, затвор аппарата *щелкнул* под моим пальцем, когда существо набросилось на Мэллори. Тот наполовину обернулся, и в этот миг зверь ударил его правой рукой по голове. Мэллори упал набок, сбив флаг. Ветер подхватил маленькое полотнище и вместе с фотографией жены Мэллори понес его вниз по склону.

Мэллори попытался приподняться. Зверь наклонился, схватил его за правую ногу и поднял в воздух. Он дважды прокрутил на головой тело Мэллори. Даже на расстоянии я слышал, как *хрустнула*, ломаясь, кость ноги. Существо снова раскрутило тело и швырнуло его прочь. Мэллори, размахивая руками, пролетел по воздуху ярдов двадцать, упал беспорядочной грудой и покатился по склону, кувыряясь и переворачиваясь, пока не застыл в облаке сухого снега, который быстро окрасился красным.

Зверь выпрямился на вершине во весь рост. Он поднял голову к небесам и завыл, вновь барабана ладонями по груди.

Затем, так же стремительно, как появилось, существо повернулось и исчезло.

У меня не было времени следовать за ним. Я с трудом стал спускаться с вершины, надеясь вопреки всему, что Мэллори еще жив.

24 июля 1924 года

Вчера мне пришлось прерваться. Записи утомляют меня, но дело даже не в этом: мысль о состоянии, в котором я нашел Мэллори, принесла тягостные воспоминания, и продолжать я не мог.

Мои недуги, хоть они и серьезны – ничто в сравнении с увечьями, нанесенными бедняге Мэллори. Когда я добрался до него, он был в сознании, но так страдал, что предпочтительней было бы милосердное забытие. Его правая нога была сломана по меньшей мере в трех местах, кости проткнули кожу и торчали под неестественными углами. Сама

нога, казалось, безвольно висела, словно была полностью вывернута из сустава. Его лицо было белым, как снег, и только на лбу темнела впадина — туда пришелся первый удар существа, вдавивший в мозг кости черепа.

— Оставьте меня, — прохрипел он сквозь боль.

Но я твердо знал одно: человека нельзя так просто бросать в беде, особенно друга, который нуждается в помощи. Я устроил его поудобней, насколько мог, и вернулся на вершину.

Погода начинала портиться, вокруг сгустился морозный туман, и мне нужно было действовать быстро, чтобы успеть найти дорогу назад, к Мэллори. Вещевые мешки, к счастью, были там же, где мы их оставили, и мне удалось вытащить из них два баллона с кислородом. Я понимал, что запас кислорода в них сильно сократился за время восхождения, но не позволял себе отчаиваться. Я хотел лишь как можно быстрее спустить Мэллори с горы.

Когда я уже собрался уходить, в глаза мне бросился дневник Мэллори, лежавший на земле. Я добавил его к своей ноше, подумав, что он доставит Мэллори некоторое утешение — если только он сможет когда-либо снова прочитать эти страницы.

Зверь не показывался и не издавал ни звука.

К своему удивлению, я застал Мэллори сидящим. На его лице было написано страдание, но он положил левую ногу на правую, защищая свои раны.

— Оставьте меня, — снова прошептал он.

— Ну уж нет, старина, — ответил я.

Общими усилиями мы кое-как связали его ноги вместе. Крики боли отдавались по всему склону, но сознания он не терял. Он даже предложил маршрут спуска, по которому мы должны были до наступления ночи вернуться в лагерь IV.

Я не считал, что он продержится так долго, но его неукротимая воля, казалось, превозмогала раны, что давно убили бы менее сильного человека. Он был не в силах нести мешок или баллон с кислородом, и при каждом вдохе жадно хватал ртом воздух.

Но когда он понял, что я не брошу его, он решительно настроился помочь мне со спуском. В связке мы медленно спустились по верхним склонам пирамиды, ни словом не упоминая о том, что лежало впереди – о крутом утесе, называемом «Второй ступенью».

К тому времени, как мы достигли края утеса, туман настолько сгустился, что не было видно ни вершины, ни подножия «ступени». Я хотел спускаться первым, но Мэллори ни за что не соглашался, и с его доводами трудно было спорить.

– Если вы сорветесь, я вас не удержу, – сказал он.

Он скользнул через край.

Я увидел самую поразительную демонстрацию искусства восхождения, какую только могу припомнить. Несмотря на адскую боль, терзавшую его тело, Мэллори спускался, используя одни пальцы и силу рук; он цеплялся за мельчайшие, незаметные для меня трещины в скале. Я крепко сжимал веревку, но ни разу мне не пришлось ее удерживать.

Я начинал уже думать, что нам удастся спуститься с горы живыми.

Мэллори был футом в двадцати от подножия, когда я услышал хруст снега под тяжелыми шагами в нескольких ярдах левее от себя.

Зверь вырос из тумана.

Я даже не успел отшатнуться. Существо схватило меня и подняло над головой, словно весил я не больше младенца. Я успел подумать, что оно собирается сбросить меня вниз, и мысленно, признаюсь, произнес не одну молитву, но оно лишь грубо отшвырнуло меня в сторону. Я упал головой вперед; в рот мне набился замерзший снег.

Обернувшись, я сразу понял, почему зверь *отделался* от меня. Он глядел прямо вниз с утеса. Я все еще был обвязан веревкой, но не чувствовал никакого натяжения. Только легкое подрагивание веревки говорило мне, что Мэллори все еще там, все еще спускается.

Но сколько это продлится?

Зверь наклонился, схватил веревку и начал ее вытягивать. Я услышал отдаленный крик Мэллори.

Я сделал единственное, что мне оставалось. Я взмахнул ледорубом и набросился на животное сзади.

25 июля 1924 года

Сожалею, что был вынужден бросить рассказ на полуслове. Боль становится невыносимой. Обе ноги почернели и продолжают гнить. От жуткого запаха кружится голова, однако крошечная хозяйка стойчески его терпит и все время смотрит на меня с печалью во взоре.

Мне осталось, я думаю, недолго.

К счастью, не так много осталось и рассказать.

Я ударил зверя ледорубом, угодив в нижнюю часть шеи. Клюв ледоруба глубоко ушел в мясо и зверь взвыл от боли. Он сжал веревку обеими руками и одним рывком разорвал связку, которая могла выдержать вес пяти человек.

Не помню, закричал ли перед гибелью Мэллори, так как зверь сразу же обратил внимание на меня. Я понимал, что стоит мне оставить выгодную позицию за его спиной, и я пропал. Я отчаянно вцепился в гриву животного и продолжал наносить удары ледорубом, пока вся моя рука и мех на его плечах не покрылись липкой струящейся кровью.

Существо попыталось схватить меня, но ему помешал мой мешок. Я успел бросить взгляд вниз, когда оно отскочило от края обрыва. Туман рассеялся, и я увидел внизу, у подножия, недвижимое тело Мэллори.

В следующий миг существо помчалось прочь огромными прыжками, словно пытаясь сбросить меня. Я держался за длинную гриву и торчавший из тела зверя ледоруб и скакал на животном, как на бешеном коне, а оно мчалось, будто не чувствуя под ногами снег.

Мы очутились на уступе. Не останавливаясь, существо ринулось в пропасть, показавшуюся мне бездонной.

Несколько секунд я боролся с удушьем, пока не осознал, что кислород на исходе... Я сделал глубокий вдох и сбросил с лица маску. Голову ожгло ветром и холодом, щеки секли льдинки. Я погрузил лицо в мех зверя и крепче схва-

тился за длинную шерсть. Дышать стало совсем трудно, и вскоре я потерял сознание.

Очнулся я лишь благодаря сильной судороге, которая прошла по всему телу животного и сбросила меня с его спины. Падая, я сжал рукоятку ледоруба; он остался у меня в руке, прочертив по спине существа длинный кровавый разрез. У меня кружилась голова, я не понимал, где нахожусь, и знал только одно — попытка к бегству закончится смертью.

Я обернулся и посмотрел существу в глаза. Оно тоже выглядело изможденным. Теперь я видел, что мой ледоруб нанес гораздо больший урон, чем могло бы показаться. Бок зверя был весь покрыт кровью, стекавшей на снег густыми каплями. Язык существа, мясистый и серый, похожий на старый камень, ворочался в неожиданно розовом рту. Оно дышало тяжело, как пес в жаркий летний день; с губ и из широких, раздувавшихся ноздрей текла пена.

Вспомнив, как повело себя существо при первом моем крике, я заревел. Думаю, кричал я даже громче, чем в университете, когда мы первыми пересекли финишную черту и выиграли лодочные гонки. Существо прижало к ушам кожистые ладони и застонало, как побитая собака.

Никогда еще я не ощущал такого жалкого страха. Собрав остатки мужества, я шагнул вперед, поднял ледоруб и завопил во весь голос.

К моему несказанному удивлению, существо бросилось наутек.

Я остался один на скалистом пятачке, нависавшем над длинной зеленеющей долиной. Дышать стало легче. Позади высилась гора. Зверь принес меня вниз, в сравнительно безопасное место.

Обессиленный, я упал на колени и заплакал.

26 июля 1924 года

Конец уже близок. Боль в ногах исчезла, сменившись холодным окоченением; я знаю, что это плохой признак. Я впадаю в бредовое состояние и снова прихожу в себя — то я снова оказываюсь лицом к лицу с обезумевшим зверем, то

вижу себя на вершине мира, и мне улыбается Мэллори, а маленький флаг гордо реет на ветру.

Не помню, как я спустился с того места, где оставил меня зверь; в памяти сохранились обрывки, отдельные картины, туманные, как полузабытый сон. Я пришел в себя уже здесь, в постели, не владея ногами: обморожение и гангрена зашли так далеко, что сегодня покончат со мной.

Моя хозяйка нашла жестяную коробку, куда я смогу положить свои вещи. Там будет храниться этот дневник – может, через много лет кто-нибудь найдет его и узнает, что мы достигли цели.

Фотографический аппарат также пережил спуск. Я долго крутил его в руках, вспоминая тот миг, когда существо впервые выросло за спиной Мэллори и мой палец лежал на рычажке.

Успел ли я нажать на него? Сделал ли снимок, который станет таким же знаменитым, как другие мои фотографии, снятые в тот же день?

К сожалению, я этого никогда не узнаю. Я оставляю аппарат вместе с дневником в надежде, что когда-нибудь на мой вопрос найдется ответ. Я положил в коробку и завершие ледоруба. Он проделал со мной весь путь. Кровь давно высохла, но на клюве ее еще много; возможно, придет день, когда сама кровь зверя станет подтверждением моего рассказа.

Не печальтесь. Я стоял на вершине мира рядом с величайшим альпинистом в истории.

Для меня этого более чем достаточно.

Ну, что скажете?

Можете получить дневники, фотоаппарат и окровавленный ледоруб.

Сойдемся на десяти миллионах долларов?

Михаил Розенфельд

УЩЕЛЬЕ АЛМАСОВ

Приключенческая повесть

Рис. М. Рудакова

НОЧЬ НА НЕВЕ

(Вместо пролога)

В один из вечеров середины августа, будучи в Ленинграде, я плыл по Неве к Кировским островам. Маленький нарядный пароход, переполненный шумной, праздничной публикой, быстро летел, расплескивая спокойную воду, и среди величавой реки, на фоне массивной гранитной набережной он казался веселой игрушкой. Пароход свернул на Малую Невку, из-под сводов моста раздался гудок, и следом за ним выползло точно такое же суденышко, возвращавшееся с островов. На минуту пассажиры умолкли, стараясь разглядеть на встречном пароходе знакомых, и когда он проходил мимо, сосед подтолкнул меня локтем:

— Смотрите, слушайте: вас зовут.

И действительно, в гуще столпившихся на борту людей выделялась высокая фигура молодого человека. Он энергично махал руками и кричал:

— Узнали?.. Висковский!.. Я Висковский! Помните Монголию?

Быстро уплывал пароход. Кричавший человек перебежал на самый конец кормы:

— Слышите меня?.. Я Висковский... Позвоните пятьдесят три сорок восемь... Много интересного...

...Висковский... Монголия... В первое же мгновение, как только меня толкнул сосед, услышав голос Висковского, я тотчас узнал его. Однажды встретив человека в бескрайней монгольской степи, вы никогда его не забудете, и могли я не помнить геолога Висковского, с которым пять лет назад мы путешествовали по степям и пустыням Западной Монголии!

В наступившей темноте загорелись огни Парка культуры и отдыха. Но я в это время был далеко от Невы. В памяти проносились курганы, синие горы монгольского Алтая, где мы засыпали под рев голодных барсов и просыпались от хищного клекота орлов. Это было летом 1930 года. В Монголию по приглашению народного революционного правительства приехала комплексная экспедиция Всесоюзной академии наук. Несколько отрядов геологов, географов и астрономов отправились во все концы огромной страны. Специальный корреспондент «Комсомольской правды» ехал с представителем Министерства народного просвещения Н., который знакомился с работой всех отрядов.

В течение двух месяцев, передвигаясь на автомобилях, мы совершили рейс в три тысячи километров — от столицы Монголии Улан-Батора до Кобдо и затем к границе Советского Союза, до Кош-Агача.

Как-то ночью, не доехав километров пятнадцать до зачеченного становища, мы расположились на ночевку в степи. Разведя костер из сухого кустарника и установив монгольскую палатку — майхан, мы легли у огня. Трое путешественников в непроницаемой мгле ночи чувствовали себя в эти часы одинокими, и представитель министерства старый монголовед Н. долго ворочался на своей медвежьей шкуре. Старик в бессонные ночи имел обыкновение рассказывать различные истории — он не любил гнетущей ти-

шины и часами предавался воспоминаниям, стараясь удерживать нас от сна. Нередко старик поражал нас изумительными фантазиями, и его суровый голос делал правдоподобными самые невероятные случаи.

— Завтра будет жара. — Монголовед, кряхтя, вытянулся на шкуре. — Придется встать пораньше. Завтра к полудню мы доберемся к Цза-Загтухану. Наконец-то мы увидим живых людей! Даже я, полжизни проведший в степях, начинаю постепенно приходить в уныние. Каково же ваше состояние — столичных людей, привыкших к шумным улицам и площадям! За пять дней нам не попался ни один всадник. В таких краях поневоле обрадуешься встрече хотя бы с алмасами.

— С алмасами? Кто такие алмасы? — пододвинулись мы к старику, зная, что он сейчас обязательно расскажет что-нибудь удивительное.

И мы не ошиблись.

— Алмасы?.. Но разве вы не слыхали про Алмасские горы и про неведомых людей из недоступных ущелий? О-о! Тогда вы должны узнать загадочную историю, которая занимает меня вот уже тридцать лет... Однажды в селении «Светлая степь», возле Желтой пустыни, — начал он, — во время снежного бурана монголы попрятались в юрты. Внезапно все собаки кочевья с безумным лаем кинулись на холмы. Кочевники выскочили за ними и в страхе застыли от того, что им пришлось увидеть. В бушующем урагане, в вихрях падающего снега с диким ревом метался черный волосатый человек.

«Чекемби?» («Кто ты?»), — закричали монголы. И таинственный человек, увидев людей, убежал. И сразу метель стихла. На следующий день монголы заметили на снегу его следы — следы человеческих ног, но странные следы. На снегу четко выделялись когти и оттопыренный большой палец. Следы уходили через степь к Алмасским горам и терялись у обрыва бездонной прпбасти.

Узнав о случившемся, я решил, что это, может быть, дикий человек — один из алмасов, о которых, повторяю, мне приходилось много слышать. Я мог бы рассказать мас-

су подобных случаев, слышанных от кочевников на протяжении тридцати лет, но боюсь, что все это покажется вам легендой или суеверием темных людей. Однако меня эти рассказы убеждают, что алмасы, возможно, существуют и до сих пор. Знакомясь с описанием путешествий по Центральной Азии, нередко находишь упоминание о диких, неведомых людях. О них рассказывает Марко Поло, затем Плано Карпини. Все эти факты идут из глубокой древности. Но есть и более поздние источники, документы нашего времени..

В 1906 году петербургский профессор Барадин возвращался из экспедиции со своим караваном. В момент захода солнца каравановожатый, оглядываясь, искал места для ночлега и вдруг с криком упал на колени. Караван верблюдов остановился, и все увидели на песчаном бугре фигуру волосатого человека, похожего на обезьяну. В лучах заходящего солнца он стоял, согнувшись и опустив длинные руки, пытливо рассматривая людей. Взмолвленный, Барадин попросил монголов нагнать его, схватить, но никто из проводников не решился. Алмас, медленно отступая, скрылся за песчаными холмами... Ах, если бы нашлось несколько молодых людей! — мечтательно произнес Н. — Снарядить экспедицию и отправиться в глубину Желтой пустыни... Нужен испытанный отряд, который не боялся бы лишений и опасностей. Представьте себе: вот мы, например, проникаем в безводные пески, пробираемся в недоступные ущелья скал и... вдруг находим неведомых черных людей!..

Последние слова старик произнес нараспев, затем он завернулся в халат и сразу же уснул.

Угасал костер, темнота стала еще гуще.

Алмазы... Легенда, сказка, суеверие или правда? Можно ли предположить, что где-то в недоступных горах живут дикие люди?

Беспокойные мысли прервал звук шагов. Кто-то приближался к палатке, и, не отдавая себе отчета, кто это мог быть, вскочив на ноги, я кинулся ему навстречу.

В глаза хлестнул резкий свет электрического фонаря.

— Осторожней, товарищ, — послышался спокойный голос, — уберите оружие. К вам идут потерпевшие кораблекрушение.

Снова сверкнул карманный фонарь, и высокий, худощавый молодой человек, вежливо поклонившись, представлялся:

— Геолог Висковский. Если не ошибаюсь, — кивнул он на автомобиль, — вы едете к нам. Как мне повезло! — рассмехался он. — Я спасен. В самом деле, здесь ничего не стоит погибнуть, когда твой конь сбил ногу и ты вынужден идти пешком. Не правда ли, геологический молоток — плюхой компас? Сегодня на рассвете я выехал на разведку, мой конь захромал, и я заночевал среди курганов.

Приход неожиданного гостя разбудил старика и его секретаря, и мы до утра разговаривали с новым знакомым, С восходом солнца автомобиль поехал вперед, мы же с Висковским пошли пешком. Он вел на поводу хромавшего коня. По дороге я передал геологу ночной рассказ монголоведа, и Висковский, слушая, замедлил шаг.

— Да, — задумчиво промолвил он, — занятно. Но должен вам сказать, что я склонен подойти ко всему этому серьезно. Алмасские горы, как их называют кочевники, совершенно не освещены. Трудно вообразить и у нас это не укладывается в сознании, но факт остается фактом: в недоступных Алмасских горах не бывал ни один человек. И вполне естественно, почему возникают легенды, суеверия. Но при современных средствах сообщения, по-моему, возможно пробраться к горам... Хорошо снаряженная экспедиция и... — Дернув повод, Висковский горячо воскликнул: — Я был бы счастлив участвовать в такой экспедиции!

В селении Цза-Загтухан геолог во все дни стоянки находился возле монголоведа, и часто, удаляясь от общества, они вели продолжительные беседы. Двадцать дней мы ездили вместе, и между нами завязались крепкие приятельские отношения. Вернувшись в СССР, мы нередко переписывались, Висковский писал с Памира и Дальнего Востока, и вот сейчас он промелькнул на невском пароходе.

...Пятьдесят три сорок восемь. Номер телефона. Не заходя в парк, немедленно пересев на отходящий к Летнему саду пароход, я вернулся в город. Первая попавшаяся будка телефона-автомата — и через полчаса мыжимаем друг другу руки под фонарями моста лейтенанта Шмидта.

— Как хорошо, что мы встретились! — сказал он. — А я уже хотел было писать вам. Но разве опишешь... Я только три дня назад приехал из Монголии. Два месяца я работал в Ученом комитете и в начале июня должен был вернуться в Ленинград. Но пять лет я не был в отпуску и решил провести его в Монголии. Никогда вы не представите себе, где я побывал... Угадайте, куда... куда я поехал?

— К алмасам, — сказал я в шутку, напоминая о совместных странствованиях.

Но Висковский с серьезным лицом тихо и твердо ответил:

— К алмасам... Да... Я был там!.. Я отправился к алмасам...

Ночь, всю ночь, мы, не замечая времени, ходили по набережной Невы. Утром, когда по городу двинулись первые трамваи, мы поехали на квартиру к Висковскому, перелистывали тетради дневников и читали документы. Записи подтвердили, дополнили поразительный рассказ геолога. С разрешения Висковского, изменив лишь, по его настоянию, фамилии участников происшедших событий, мы передадим читателю все, что было нами услышано на набережной ночной Невы.

У СТАРОГО ДЖАМБОНА

В первых числах июня Висковский закончил свою работу в Улан-Баторе и, твердо решившись совершить поездку в Желтую пустыню, с рекомендательным письмом местных друзей пошел к старому монгольскому ученому Джамбону, надеясь получить у него совет.

Джамбон, историк и археолог, с весны поселился на горе Богдоул, куда обычно в летние месяцы выезжают на дачи жители Улан-Батора. Богдоул — единственное место в окрестностях монгольской столицы, где еще сохранились деревья. Народно-революционное правительство республики объявило леса и животных Богдоул государственным заповедником.

В двух километрах от города Висковский перешел вброд разлившуюся реку Толу. Отсюда начинался подъем, и, приближаясь к своей цели, он впервые призадумался над тем, какой прием ожидает его у Джамбона. Улан-баторские знакомые сочли своим долгом предупредить геолога о странном характере одинокого старика. Двадцать лет назад, оставив кафедру в Петербургском университете, совершенно обрусевший, Джамбон вернулся на родину. Великие события чередовались в стране — китайская оккупация, нашествие барона Унгерна, установление народно-революционного правительства, — но Джамбон, запершись в своем доме, не участвовал в политической жизни страны. Двадцать лет он скрывался от мира в своем кабинете. Постепенно старика забыли, между тем как его имя еще продолжают произносить с трибун научных конгрессов и труды его переведены на языки многих стран Европы, Америки и Азии. Окончив образование в Петербурге, Джамбон совершил несколько больших экспедиций по пустыням Монголии, открыл два мертвых города и множество памятников эпохи воинственных походов Чингис-хана. В Китае Джамбону принадлежит честь раскопок у Пекина. Он нашел документы династий минов, основавших Бей-Цзин, как значится Пекин на мандаринском диалекте. В результате своих раскопок Джамбон прославился историческим исследованием названий, какими наделяют Пекин. Так, например, «Северная столица» одновременно именуется «Цзинь-Ду-Янь» (в переводе «Ласточка») и «Шунь-Тянь-Фу». В записях Марко Поло Пекин упоминается в качестве «ханского города» — Хан-Балык.

Старик жил на средства, получаемые за переводы его трудов. Монгольское правительство установило ему солид-

ную персональную пенсию, и три года назад, в день шестидесятилетия, министерство народного просвещения преподнесло ему автомобиль, которым он и пользовался, переезжая летом на Богдоул.

По указаниям дачников, Висковский свернул с дороги и попал в густой лес. На мгновение он остановился, услышав у самых ног тонкий, обрывистый свист. Из травы выскочил рыжий сурок — тарбаган — и, нисколько не пугаясь человека, приподнявшись на задние лапы, с любопытством глядел на Висковского. Камни сжимали стволы исполинских деревьев. Висковский ползком взобрался на вершину гряды. Внизу, в сплошном мраке, под тенью деревьев, в замшелых расщелинах, звенел невидимый подземный ключ. Оглядываясь вокруг и не находя тропинки, Висковский уже было решил спуститься вниз, но почувствовал, что позади него кто-то стоит. Неслышно ступая толстыми подошвами войлочных туфель, к нему подошел низкорослый китаец с корзиной, наполненной грибами. В узких черных шароварах и кожаной тужурке он ничем не отличался от городских каменщиков, работающих на новых постройках. Китаец вежливым жестом задержал его и почтительно спросил на отличном русском языке:

— Вы ищете дорогу? Если позволите, я укажу.

И, легко перепрыгивая через камни и придерживая грибы, он вывел Висковского к заросшей, еле заметной тропе.

— Спускайтесь вниз. Дорога, — сказал он, — автомобили... Увидите город.

— Но я иду из города. Я ищу дачу профессора Джамбона.

Китаец вновь поклонился и пропустил его вперед:

— Дача Джамбона очень близко.

Спустя несколько минут Висковский увидел большую белую юрту. Но здесь проводник опередил его и попросил обождать. В юрте, куда, к удивлению Висковского, вошел китаец, послышался негромкий разговор — старческий, ворчливый голос, очевидно, бранил вошедшего. Вскоре китаец вернулся с миниатюрной лакированной скамейкой:

— Извините... Профессор просит вас обождать.

В юрте поднялась возня. Под звуки приглушенного ворчания как будто передвигали мебель; наконец раскрылись деревянные створки, и к Висковскому торопливой походкой вышел маленький, худощавый седой старик с фигурой подростка. Висковский сразу же заметил, что профессор чувствует себя ужасно неловко в длинном черном сюртуке. Огромные манжеты спадали с тонких детских рук, и старик, наклонив набок голову, придерживал их кончиками пальцев. Высокий, просторный крахмальный воротник подпирал его подбородок, и когда профессор сделал движение, с его шеи соскочил застегнутый на резинке галстук.

— Умоляю простить меня. Недостойный Ли Чан, совершая свои грибные экспедиции, оставляет меня на попечение духов Богдоула. Я надеюсь на ваше милосердие!.. Прошу...

В просторной юрте, представлявшей собой настоящую круглую комнату с деревянным крашеным полом, стояли письменный стол, книжные полки и узкая тахта, покрытая кошмой. Джамбон пододвинул гостю деревянное резное кресло, после чего и сам сел за стол. Китаец, успевший переодеться в черный шелковый халат, принес низкий, как табурет, стол с двумя деревянными полированными чашками.

— Спасибо, Ли Чан. Старайся искупить свои грехи, Предложи дорогому гостю наш безвкусный, ничтожный чай.

Не зная, как приступить к разговору, Висковский пытливо разглядывал маленькое скуластое лицо ученого. Большие, совсем ребяческие ясные глаза светились из-под густых белых бровей. Превосходные белые зубы и тонкие китайские усы.

— Освежитесь чаем. — Профессор передал деревянную чашку. — Сорок лет назад я вывез ее из Тибета. Розовое дерево когда-то источало дивные ароматы.

— Вы здесь живете один? — неожиданно для самого себя спросил Висковский и тотчас спохватился: — Прошу извинить меня, если я нарушил...

— О нет!— заметив смущение гостя, перебил его Джамбон. — Теперь я совершенно свободен. Меня предупредили о вашем приходе, и я вас очень, очень ждал. Со мной Ли Чан, — добавил он, отвечая на вопрос, — и в этом году нас, двух отшельников, можно поздравить с разрешением столь долгого затворничества. Я кончил исследование последнего знака с восточных склонов Синих скал. Абсолютно точно установлено, что знак трех линий есть изображение стреляющего из лука охотника. Начертания окончательно расшифрованы, и через два дня я отсылаю сообщение в Российскую академию наук. Прошу снисхождения, я увлекся... Вряд ли вас может интересовать подобная тема. Итак, мне рассказали о ваших намерениях... Говорите, молодой друг, я слушаю вас.

Волнуясь, чувствуя на себе пристальное внимание, с каким его слушал профессор, Висковский пересказал ему то, что так долго готовил, и Джамбон, не перебивая, слушал его, потирая ладонями колени.

— Поймите... я ни на что не надеюсь, но мне хотелось бы исследовать эти горы. Степи, пустыни!.. Но при современных средствах сообщения пятьсот — шестьсот километров, даже по пустыне, — расстояние не столь далекое. Я хотел бы лишь видеть горы, о которых ходит вековая легенда. Что могло породить предания и суеверия? Я хочу нанять автомобиль. Денег у меня хватит. Поездка займет около месяца. В случае, если встретятся непреодолимые препятствия, я вернусь... Могу ли я рассчитывать на вашу помощь? Расскажите мне об этом загадочном районе и, если возможно, укажите проводника из знакомых вам старых монголов. Одного прошу: не считайте нелепостью...

— Как вы смогли подумать! — запротестовал Джамбон. — Я необычайно высоко ставлю ваши благородные стремления. Они заслуживают всемерного поощрения, и вы вполне можете рассчитывать на меня. Знайте же, молодой друг: Алмасские горы находятся от нас в пятистах километрах, в глубине Желтой пустыни. На автомобиле этот невыносимо тяжелый путь, возможно, и проходим. Неверно то, что район Алмасских гор никем не посещен.

По моим сведениям, несколько экспедиций побывало там, но еще никто не смог проникнуть в горы. Пропась, словно исполинский крепостной ров, делает недоступными абсолютно отвесные скалы. Из глубины пропасти, как сообщают путешественники, доносится шум, и есть основание предполагать наличие воды. А там, где вода... возможна и жизнь. Горы тянутся на десятки километров цепью голых скал, достигающих тысячи метров высоты. Современный геолог, конечно, может задаться целью найти проходы, но в мои годы мои друзья при одном виде легендарных скал навсегда оставляли свои смелые мечты.

— Таким образом,— осторожно спросил Висковский,— вы и мне советуете распрощаться с надеждой?

— Никогда! — воскликнул Джамбон. — Никогда я не позволил бы разрушить планы молодого ученого! Тем более... тем более... что я лично вызвался вам помочь.

— Итак?

— Я ваш! Да-да. Не задерживаясь, мы осуществим ваше желание, и мы будем у Алмасских гор. Двадцать лет добровольного плена закончились. Перед смертью я хочу надышаться воздухом степей и пустынь. Царство древних династий пятьдесят лет было моим уделом. Довольно! В степи, пески и горы я поеду с вами, юный друг! Берите меня, я весь в вашем распоряжении!

— Как понять? — остоленел Висковский. — Вы хотите... вместе?..

— Коль вы не откажетесь от общества старого саркофага, он двинется за вами. Мои средства, мой автомобиль и мой Ли Чан. Он столь же прекрасный повар, как и шофер!

— Я не нахожу слов...

— Не надо, мой дорогой, молчите. Пять дней на сборы. Разрешите снаряжением заняться нам. Вы согласны? Ваши руки!.. Ли Чан, сюда!

Джамбон возбужденно захлопал в ладоши. Китаец стал на пороге,

— Ли Чан, открой вино, наше старое вино, — отпразднуем минуту согласия, и да будет она счастливой!.. Сколь-

ко вам лет? — спросил восторженный Джамбон, разливая вино из бутылки. — Двадцать пять? Вино старше вас на двадцать лет. Двадцать лет я не поднимал чаши!

— За вас! — воскликнул Висковский,

— За молодых! — высоко и торжественно поднял профессор чашу.— За тех, с кем становишься молодым!

* * *

До поздних сумерек в юрте продолжалась беседа. Старик-ученый и геолог решили сохранить в секрете свою поездку, и в монгольской столице с удивлением узнали о внезапном отъезде Джамбона спустя много дней, после того, как профессорский «бьюик» покинул Улан-Батор.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЕГЕНДА

На краю пустыни, в степном становище у монастыря и кумирни Алтан-Цецык, ночью остановился длинный караван китайских купцов, совершавших путь из Калгана в Улан-Батор. Под вечерним небом зажглись костры, разбрелись спутанные верблюды, и вокруг постоянного двора выстроились двухколесные арбы с поднятыми оглоблями. В пламени костров мелькали синие халаты, караванщики тащили к огню блеющих баранов, и пустынная местность огласилась шумом людского нашествия. У бревенчатой изгороди остановилось несколько автомобилей: вместе с караваном в становище прибыл ехавший на гастроли в Монголию бродячий китайский театр. Незаметно для всех в становище приехал еще один автомобиль — груженный доверху коричневый «бьюик» с привязанными по бокам бочонками воды.

Старуха из юрты, по обычаю, вынесла связку сухого навоза для костра. Китаец-шофер оставил своих двух пассажиров и ушел в степь, к загону спящего стада.

— Последняя ночь среди людей, — сказал Джамбон, разворачивая плед и вылезая из машины. — Завтра мы будем спать в песках Желтой пустыни.

За холмом чернели заборы и крылатые крыши буддийского храма. Исступленные крики доносились издалека.

— Вечернее служение лам, — прислушавшись, сказал Джамбон и, взяв за руку Висковского, он поднялся на холм.

С высоты открывалась панорама огромного монастыря Хуре. Из темного входа, где мерцали огни свечей, выбежали ламские ученики — банди; они путались в длинных одеяниях и, обгоняя друг друга, кричали:

— Хоралдай!.. Хоралдай!.. (Соберемся! Соберемся!)

Барабаны и литавры возвестили час вечерних молений. Ламы уселись на низкие скамьи и приглушенно забормotalи молитвы. В глубине храма в огне свечей поблескивал золоченый Будда.

«Скоро кончится служение,— сказал про себя Джамбон. — Я навещу храм».

Старик и Висковский спустились к костру. Уже совсем стемнело.

Ли Чан вернулся, неся подмышкой молодого барана.

— На один час, не более, я вас покину, мой друг, — внезапно объявил профессор. — Как я уже говорил, мне нужно посетить Хуре — местный монастырь. Я надеюсь найти старого знакомого ламу, если он еще жив. До ужина мы простимся.

Джамбон церемонно снял шляпу и, опираясь на палку, удалился. Следя за ним, Висковский заметил на пригорке разукрашенный цветными фонариками балаган. Ли Чан, как будто угадывая его мысли, предложил:

— Если угодно, можете пройтись... Я буду смотреть за машиной.

В переполненном балагане китайского театра сидело и стояло не менее двухсот зрителей. В угарной духоте нака-

лившихся ламп висел дым табака. Висковский прошел в первый ряд и сел на траву у ковра сцены. В тяжелых парчовых одеяниях невозмутимые актеры сражались на мечах, и в гуле громких разговоров было трудно слышать их голоса.

Но публика гораздо более занимала Висковского. С нагайками в руках важно беседовали степные всадники о скоте и пастбищах. Пожилая монголка в старинной прическе с рогами, надвинув на затылок мужской котелок, стиснув в зубах сигарету, без стеснения кормила младенца. И вдруг наступила тишина, все внимание обратилось на сцену. Застыв на месте, вытянув головы, кочевники и караванщики с волнением уставились на выскочившего из-за ширмы злого духа с белым шестом. Зрители переживали трагический момент.

— Каково! — неожиданно над ухом Висковского раздался смех. — Уморительнейший кадр.

Недоуменно подняв голову, Висковский увидел белокурого крепыша в кожаной ковбойке... Не обращая внимания на вопросительный взгляд геолога, не замечая или не желая замечать его изумление, он непринужденно протянул руку.

— Из Москвы? Из Ленинграда? — затараторил незнакомец. — Будем знакомы. Я кинооператор Телятников. Каким образом вы здесь? Не правда ли, приятно встретиться в этой опере, где не нужно беспокоиться о калошах? Хо-хо-хо! Мы не опоздаем на трамвай?

В одну минуту человек, назвавшийся Телятниковым, сумел сообщить о себе самые подробные сведения. Командированный в Улан-Батор, он приехал снимать годовой национальный военно-спортивный праздник «надам». Но, черт побери, в Ленинграде не удосужились предупредить его, что надам происходит в августе, а сейчас начало июня. Изволь искать занятий. Не возвращаться же обратно! Шутка ли: около двух месяцев безделья! Подумать только, сколько событий за это время случится в Ленинграде и Москве! В ожидании надама кинооператор решил озна-

комиться со страной, и вот на своем «додже» он разъезжает по окрестным кочевьям.

— Куда вы едете? Если что-нибудь интересное, я готов хоть сейчас присоединиться.

— Небольшая геологическая разведка в степи, — уклончиво ответил Висковский. — Для вас она не может быть интересной.

— Послушайте, — воскликнул Телятников, точно они были знакомы со школьной скамьи, — я, кажется, поеду с вами! Честное слово, мне надоело колесить одному. Клянусь, это получится смешно.

— Нет, к сожалению, невозможно, — сдержанно сказал Висковский: — я не один, со мной старый ученый. Как у него, так и у меня серьезные задания.

— Не один? — обрадовался Телятников. — Еще смешней! Конечно, я еду, еду с вами!

— Нет, — теряя выдержку, сердито отрезал геолог. — Не может быть и речи о том, чтобы ехать с нами. Тяжелый и долгий путь, пески, безлюдная местность...

— Да бросьте увиливать! — возмутился Телятников. — Прислушайтесь к своим словам. То вы говорите, что небольшая разведка, а теперь чуть ли не каракумская экспедиция. Скажите прямо, что не хотите брать меня в попутчики.

— Не хочу, — вырвалось у Висковского, — и удивляюсь вашей неуместной настойчивости. Мы не хотим брать лишних и никого не возьмем с собой.

— Но меня? — простосердечно обиделся Телятников. — Что вы имеете против меня? Вы, если не ошибаюсь, должны быть комсомольцем. Даже вы наверное комсомолец, и я тоже... Что же, вы думаете, я лягу обузой на ваши плечи? У меня свой «доджик», я набыю его бензином, и покатам. А?

Не зная, что еще возразить, чтобы как-нибудь избавиться от кинооператора, возмущенный Висковский отодвинулся от него, стараясь дать понять, что дальнейший разговор бесцелен. Но Телятников не переставал говорить, упрашивать, требовать, и неизвестно, чем бы кончилась

встреча двух ленинградцев, как вдруг возбужденный кинооператор, к удивлению геолога, замолчал. Больше того: Телятников как бы забыл про Висковского. Какая-то настойчивая мысль захватила его, и, немного подумав, он быстро направился к выходу. Облегченно вздохнув, оставленный в покое геолог снова принялся смотреть на сцену, в ту же минуту забыв о назойливом соотечественнике.

Невдалеке от балагана, загруженная брезентами, стояла машина Телятникова. Маленький американский «додж», или, как называл его кинооператор, «доджик», был еле различим в темноте ночи, и, шагая под звуки барабана и флейты, Телятников, отыскав знакомый силуэт, помчался бегом к автомобилю.

Рванув дверцу, он решительно позвал:

— Русалка! Милейшая Русалка, откройте ваши прелестные глаза.

Никто не отозвался на его призыв, да и трудно было предположить присутствие живого существа в ворохах жесткого брезента. Нетерпеливым движением Телятников дал несколько сильных гудков. Однако, как и прежде, ему не ответили. Тогда кинооператор начал тормозить поклажу. И вот брезент зашевелился, с кожаного сиденья поднялась фигура молодой девушки. Не давая ей прийти в себя после крепкого сна, Телятников с места в карьер объявил:

— Немедленно приведите себя в порядок! Три минуты на туалет — и мы отправляемся с вами с визитом.

Девушка, которую Телятников называл Русалкой, по-видимому, привыкла к странностям оператора, тем не менее она ошеломленно смотрела на него, очевидно ожидая более подробных объяснений.

И Телятников, словно боясь упустить время, оглушил ее потоком еще более непонятных фраз:

— Я уверен, тебе он не откажет!.. Уважаемая Русалка, прошу вас следовать за мной... Каменная личность! Но я уверен, что это отличный, свой парень.

Подхватив девушку на руки, Телятников, не переставая говорить, поставил ее перед фарами и включил свет. И, в то время как она смущенно оправляла платье и приводила

в порядок волосы, оператор оглядел ее с ног до головы и, довольный ее видом, убежденно произнес:

— Отлично! У тебя, как говорят летчики, видимость прекрасная. Он тебе не посмеет отказать!..

Потушив фары, Телятников потащил девушку к китайскому театру.

В короткий промежуток времени, пока они дойдут до балагана, мы успеем рассказать, кем была Русалка, и читателю станут ясны удивительные отношения, существовавшие между этой парой. Но сначала назовем настоящее имя девушки: ее звали Граней, она носила фамилию Телятниковой. Восемнадцатилетняя Граня Телятникова была сестрой кинооператора. И прежде всего нам необходимо описать исключительную любовь, какая с детских лет существовала между братом и сестрой.

В годы гражданской войны на Киевщине брат и сестра Телятниковы остались круглыми сиротами. Андрей Телятников был старше Грани на семь лет, и когда их определили в детский дом и перевезли в Ленинград, десятилетний малыш превратился в нежнейшую, заботливую мать. Он ни на шаг не отходил от сестренки, зорко следил за тем, чтобы ее не обижали, а впоследствии, когда он подрос и поступил в техникум, ежедневно навещал ее, незаметно уносил с собой ее платья и чулки, чинил ее одежду, никому не доверяя ухода за Граней.

В семнадцать лет Андрей Телятников был уже самостоятельным человеком, получил отдельную комнату и взял сестренку к себе. Товарищи поражались белокурому здоровяку, который, будучи общительным, веселым парнем, ни с кем не водил дружбы и был занят только своей сестрой. Утром он приготавливал ей завтрак, поил чаем, отводил в школу и, срываясь с работы, бежал, чтобы встретить ее и проводить домой. С течением времени, когда Граня стала взрослой девушкой и, поступив в институт физической культуры, уже могла вести самостоятельную жизнь, Андрей Телятников, с трудом отпустив ее в общежитие, все свободное время проводил в институте и как хозяин распоряжался в ее комнате.

Граня, высокая, красивая и развитая девушка, сердечно любила своего брата. Она также не могла представить и дня разлуки с ним. Но посторонних искренне изумляло поведение Андрея. Находясь с сестрой, Телятников неизменно выражал суровость, разговаривал с Граней мрачно и грозно, называя ее «мисс», «герцогиня» или «леди». В последнее время, когда она завоевала четыре ленинградских рекорда по плаванию, он стал снисходительно называть ее Русалкой.

Тяжелое время Телятников переживал, когда бывал в командировках. Где бы он ни находился — в Средней Азии, на Дальнем Востоке, в океане, во льдах Арктики, — он ежедневно писал Гране. Возвращался из путешествий он неожиданно, заставая сестру врасплох. И каждый раз повторялась одна и та же сцена. Вернувшись из поездки, он посреди дня появлялся в комнате Грани и с мрачной подозрительностью перерывал все ее вещи.

Как-то в один из таких налетов перепуганная подруга, взобравшись на кровать и не смея выйти из комнаты, чтобы позвать Граню, с ужасом наблюдала, как обычно благодушный Телятников со сверкающими глазами переворачивал корзинки сестры, разрывал вещи в шкафу и даже ползал под койкой,

— Что вы ищете? — в страхе спросила она. — Граня в саду. Я ее могу...

— Ни с места! — рявкнул Телятников, — Я ищу письма гусаров. Я уверен, что за Русалкой шатаются разные драгуны и уланы. Клянусь жизнью, я им переломая руки и ноги!

Таким образом, у самой красивой девушки Инфизкульта, замечательной пловчихи Грани, не было так называемых «ухажеров» и «кавалеров». Никто не хотел рисковать, не решался пригласить ее в парк или кино. Если кто-либо, не зная о существовании Андрея и о его нраве, пробовал пройти с Граней в саду или по набережной Невы, тогда, как из-под земли, вырастала угрожающая фигура Телятникова. Не здороваясь, не говоря слова, он ша-

гал рядом, затем, взглянув на часы, точно не замечая постороннего, брал Граню за руку и мрачно командовал:

— На башне святого Антония пробило полночь! Любезнейшая мисс, налево кругом, домой шагом арш!

Отправившись в очередную командировку в Монголию, Телятников добился разрешения взять с собой сестру.

— ...Он тебе не посмеет отказать, — твердо повторил Телятников, увлекая Граню в балаган и пробираясь сквозь толпу кочевников к Висковскому. — Познакомьтесь, — дружелюбно толкнув геолога, как ни в чем не бывало представил он Граню. — Моя сестра... Первоклассная пловчиха... Я называю ее Русалкой!..

Висковский, еще более пораженный, чем раньше, вскинул глаза и встретился со сконфуженным взглядом девушки.

— Простите, — пробормотал он, обращаясь к кинооператору, — я не понимаю вас...

— Проси, — подтолкнул сестру Телятников. — Мы надеемся, что вы не откажете...

— Я, кажется, уже объяснил вам...

— Да, все это так, — заторопился оператор, — но поймите: что я буду делать два месяца до надама? И... и... моя сестра, прекрасная пловчиха...

— Но в пустыне, — хитро улыбнулся Висковский, — ей, кажется, негде будет проявить свои способности.

Граня окончательно растерялась и почти с мольбой повернулась к брату. Однако Андрей был непоколебим.

— Во что бы то ни стало, — твердил он, — вы должны нас взять. Мой нюх подсказывает мне, я чувую, что это интереснейшая поездка!

Потерявший терпение Висковский уже хотел было резко оборвать Телятникова, но в эту минуту в балагане появился Ли Чан.

— Вас ждут, — позвал он геолога. — Профессор вернулся.

Обрадованный Висковский, кивнув оператору и его сестре, быстро ушел за китайцем.

— Не хотите ли немного пройтись? — пригласил геолога стоявший у автомобиля Джамбон. — К тому же наш баран еще не готов.

— С удовольствием, — все еще слыша голос Телятников, торопливо согласился Висковский. — Куда угодно.

— Великолепно! Я хочу вам кое-что передать.

Медленным шагом Джамбон повел геолога в сторону буддийских обелисков, означающих близость монастыря. Вдали засинели крылатые крыши храма.

Старик-ученый взял Висковского под руку и сказал:

— Я хочу вам рассказать одну легенду-сказку, а может быть, и действительный случай. Мой лама Тамби-Сурун жив и благоденствует. Двадцать семь лет назад мы познакомились с ним в этих краях, когда я возвращался из Пекина. Монах пришелся мне по душе, и позднее он не раз навещал меня в Улан-Баторе. Как-то во время беседы он сообщил мне предание, слышанное им от стариков. Лет восемьдесят назад здесь существовало большое становище. Однажды на празднике «цам», когда все население явилось к храму смотреть процессию масок, среди опустевших юрт осталась единственная женщина, которая кормила двухмесячного больного ребенка. Но и она, не вытерпев, оставила на время свое дитя и побежала поглядеть на пляски лам. Вскоре она возвратилась обратно в юрту.

Праздник в разгаре. Трубят трубы, пение, пляски. Вот вывели колесницу будущего будды, как вдруг на всю степь пронесся страшный вопль, в толпу ворвалась обезумевшая женщина и без чувств упала на землю. Муж ее поскакал в становище. Он кинулся в юрту и с криком отпрянул назад. Над лежавшим на кошке ребенком склонилось черное чудовище. Черная волосатая женщина кормила грудью дитя. Увидев монгола, она схватила ребенка и убежала в степь, в пустыню...

Слушайте дальше. Лет двадцать спустя, как-то осенью, в вечернюю пору монголы гнали скот с пастбища. Солнце зашло, и вот со стороны пустыни показались два человека. Монголы поехали к ним навстречу... и ужас объял кочевников. То были алмасы. Впереди шагал высокий юноша в

звериных шкурах. Старая, сторбленная алмаска держалась за его руку. Скотогоны в страхе сбились в кучу. На крики высыпало все население становища. Тогда алмасы повернули обратно. Старуха, задыхаясь, отставала. Она задерживала юношу. Он подхватил ее на руки и помчался за холмы. Изнемогая под тяжелой ношей, он упал. Старая алмаска закричала, очевидно приказывая ему бежать, бросить ее, спастись. Наконец и кочевники пришли в себя. Они соскочили с коней и осыпали алмаску градом камней... Сейчас мы увидимся с ламой, — внезапно обрывая рассказ, сказал профессор, — я хочу получить у него дополнительные сведения о пути.

В воротах монастыря гостей ожидал лама. Он провел их через огромный двор в кумирню. В темном помещении от скудного света обвитых золотыми нитями свеч бородастые великаны-боги, хранители стран света, казались еще выше. Тускло блестели золоченые статуи будд. Держась за руку Джамбона, осторожно передвигался Висковский.

В одном из залов вдоль стен были расставлены полки со множеством книг.

— Сто восемь томов вероучений Будды, — горделиво объявил лама, — двести двадцать пять томов комментариев! Жизни одного человека не хватит для изучения таинств.

В центре зала с потолка спускался огромный зеркальный шар. Монах величественно поднял руку:

— Мудрость Будды отражает мир.

Старый лама с почтением раскрывал двери залов и ввел гостей в круглую кумирню без окон. Он зажег светильник, и на потолке, как лохматые бороды, закапались пятнистые меха барсов. Сняв со стены щит, лама протянул его Джамбону, и профессор поманил геолога:

— Проведите рукой.

На щите лежала коричневая шкура. Висковский ощущал сухую, пергаментную кожу.

Джамбон, переговорив с ламой, пожал ему руку, и снова через темные залы они прошли во двор и за ограду монастыря.

Когда лама исчез, Джамбон тихо рассмеялся:

— Не сердитесь на меня за то, что я вас увлек в приют монахов. Но лама Тамби-Сурун уверяет, что на щите... шкура, снятая монголами с убитой алмаски...

* * *

Было еще совсем темно, когда Ли Чан разбудил Висковского. На небе сверкали звезды и блестела луна. Чуть заметно светлел восток, но геолог по опыту знал, что сейчас вспыхнет заря и поднимется солнце. Голубой дым расползался по мокрой траве, издалека брели насытившиеся кони; монголы выходили из юрт и в тишине утра шли к стадам.

Путешественники направились к одной из юрт. Седой монгол грел руки над тлеющими углями и молчаливо приветствовал гостей. Ли Чан разлил по чашкам соленый чай с молоком. В чугунном котле лежала холодная свежая баранина.

Старик-монгол роздал каждому по куску мяса и закурил длинную трубку.

По знаку профессора Ли Чан вышел к автомобилю и вернулся с ковшом, полным сухого печенья, жаренного на бараньем сале.

— Великодушный Ли Чан, — торжественно сказал Джамбон, — одари хозяев боорсуками. Это сделает тебе честь как лучшему хранителю старинных традиций нашей страны. И еще, Ли Чан, принеси сюда маленький бидон бензина.

Послушный китаец принес и бидон. Глаза старика-монгола заблестели от удовольствия.

— Кочевник более всего будет рад этому подарку, — объяснил Джамбон геологу: — он смажет бензином хвост табунному жеребцу. Многие уверяют, что волки не выноят запаха бензина и страшатся нападать на стадо.

Распростившись с хозяевами юрты, путешественники уселись в машину. В этот момент взошло солнце, и автомобиль тронулся в путь.

Свернув в сторону от караванной дороги, Ли Чан помчался по степи. Ударяясь о тарбаганы норы, неся «бьюик» вперед, и с каждой минутой местность становилась все более дикой. За первые два часа путешественники проехали около ста километров. Давно окончились становища кочевников, исчезли стада, и в бескрайней степи в прозрачном воздухе открывался вид на сто километров вперед.

Солнце еще не дошло до середины неба, когда из глубины степи показались две черные точки и навстречу автомобилю попались два охотника. Изможденные кони еле передвигали ноги. Охотники были до последней степени истощены, но, ничем не выказывая своего состояния, по обычаю долго приветствовали путников:

— Сайн байну! (Добро вам!)

— Сайн, — ответил Джамбон.

— Амор сайн соджи байну? (Хорошо ли живете?)

— Сайн, — повторил профессор, — сайн.

— Мал сурук сайн байну? (Скоту и табуну вашему хорошо ли?), — осведомился второй охотник, но, бросив взгляд на автомобиль, поправился: — Здорово ли сердце машины?

Соскочив на землю, монголы спутали ноги изможденных коней и, усевшись на корточки и закулив трубки, продолжали свои приветствия:

— Хорошо ли едете?

— Хорош ли путь?

Джамбон, в свою очередь приветствуя охотников, спрашивал их о пути и охоте. На все кочевники отвечали одним словом: «сайн» — «хорошо», непрерывно курили, выколачивали трубки и вновь набивали их табаком.

— Соин-ю байн? (Что нового?), — спросил профессор.

Это означало, что можно приступить к обычному разговору.

— Четверо суток мы охотились в степи, — сообщил охотник, — охотились на волков.

— Нет ли у почтенных путников воды? — спросил другой. — Нам будет отрадно принять от вас чашку воды.

Джамбон сделал знак, и Ли Чан отвязал походный бак.

— Сокровенная радость! — с достоинством поблагодарили охотники, осторожно приняв губами к чаше. — Четыре дня мы ничего не пили и не ели,

— Где же убитые вами звери? — спросил Джамбон. — Я не вижу ваших волков.

— Плохой воин — богатырь для своих знакомых! — рассмеявшись, ответил охотник. — Не стоит таить правду: ночью мы не смогли уследить зверя, и стая скрылась в горах. Темные ночи в эту пору.

Второй охотник добродушно вторил своему спутнику:

— Неметкий человек всегда сваливает вину на длинные рукава — есть и такая пословица. После жары мы уснули в скалах, когда глаза наши должны были быть открыты, и звери ушли.

— Однако где их ружья? — удивился Висковский. — Спросите их, профессор.

— К чему ружья? — равнодушно ответил охотник Джамбону. — Вот ташур*. Ташуром я рассеку голову самому страшному зверю.

— Счастья и благоденствия вам! — поднялся старший охотник. — Стыдно возвращаться без добычи. Это у меня впервые...

— После неудачи бывает большой успех, — попробовал утешить его Джамбон. — В следующую охоту...

— А слава? — с печальной улыбкой покачал головой охотник. — Нас осудят... Мужчина, которого осуждают люди, — то же, что белая лошадь, упавшая в грязь. Прощайте!

И еще три часа ехал «бьюик» по степи. Отныне люди больше уже не встречались.

Постепенно исчезала караванная тропа. Промелькнули последние придорожные плиты заклинаний и благословений. В спутанных травах блеснул на солнце потрескавшийся плоский камень с письменами:

«Ом мани патме хум» («Слава тебе, на лотосе сидящий»), — прочел Джамбон.

---

* Ташур — плетка с зашитым в ремне свинцом. Ташур — самый необходимый предмет кочевника, с которым он никогда не расстается.

Позднее встретились еще две такие же каменные плиты, и это были последние знаки людей:

«Спасайся от злых духов!»

«Жертвуй злым духам!»

Джамбон многозначительно посмотрел на Висковского и глухо сказал:

— Конеч!.. Больше мы не встретим людей!

Безостановочно ехал автомобиль, переваливая через холмы. Наконец Ли Чан, снизив скорость, высунулся из-за руля. Он как будто к чему-то прислушивался.

— Сиди спокойно, любезнейший капитан, — сказал профессор. — Мы никого не встретим в этом зеленом океане.

— Я выбираю, — ответил Ли Чан, — место для остановки.

У высокого кургана китаец развернул машину, и путешественники расположились в тени. Снимая кошмы и брезент, путешественники вдруг ясно услышали гул автомобиля. Из-за кургана выехал «додж». Висковский узнал вчерашнего кинооператора. Сорвав с головы пеструю тубетейку, Телятников ликующе взмахивал рукой:

— Привет, друзья! А я вас все-таки нагнал. Куда вы так быстро несетесь? У вас смешной шофер. Настоящие тонки! Вы, вероятно, намерены обедать? Очень хорошо, я тоже чертовски проголодался!

В ЖЕЛТОЙ ПУСТЫНЕ

Ночью, когда автомобили остановились на ночлег и все уснули, Висковский, с досадой поглядывая на примостившегося возле палатки кинооператора, записывал при свете костра дневные впечатления, причем Телятникову посвящались следующие строки:

«Наглец или нахал? Возможно, однако, что это простодушная личность, и я буквально не знаю, как удалить неожиданного спутника и его сестру. Отрицательный тон, каким я разговариваю с ним, нисколько не действует, не про-

изводит на него никакого впечатления. Телятников, неизвестно почему, понравился профессору, и Джамбон уверен, что мы с кинооператором — старые знакомые. Сестра его имеет беспомощный вид. Как объяснить профессору глупое недоразумение? Телятников невозмутимо едет рядом с нами. Он лихо рулит одной рукой и безумолчно рассказывает профессору немыслимые басни и анекдоты. Старик ухитряется его трескотню, и только вот сейчас, укладываясь спать, он мне сказал про Телятникова:

— Станный, забавный, но очень приятный молодой человек.

Что делать, как избавиться от белокурого болтуна? Остается лишь надеяться, что завтра или самое позднее через пару дней ему наскучит однообразие пути и он возвратится назад. Обязательно вернется!

...Но что творится с Джамбоном! — пишется дальше. — Затворник с горы Богдоула неузнаваем. Кто бы поверил, глядя на разгоряченную маленькую живую фигурку старого человека, что ему шестьдесят восемь лет и двадцать лет он провел взаперти, схоронившись от людей? Джамбон буквально не может усидеть на месте — его разжигают воспоминания юношеских лет, на каждом шагу он то и дело останавливает машину и, обводя тростью горизонт, рассказывает нам про курганы и древние развалины разрытых и мертвых городов. И так без конца льются воспоминания давних лет. Задерживаясь у самого неприметного холма, он мечтательно рассуждает:

— Кто знает, что схоронили века под выжженной травой? Кто лежит под вековыми камнями: богатырь или певец — свидетель славных подвигов? — И т. д. и т. п.

Вечером он приказал Ли Чану свернуть к разбитой скале и, с увлечением осмотрев ее со всех сторон, допытывался:

— Не правда ли, в очертаниях скалы чудится всадник с пикой в руках?

Задыхаясь от восторга и усталости, профессор облазил скалы. На одном из камней он нашел древние, уже стершиеся, загадочные, неизвестные науке знаки. Надо было

видеть, с каким упоением, едва ли не касаясь щекой камней, он всматривался в знаки!

— Олени... Оленьи знаки!.. — бормотал он, срисовывая их в блокнот. — Предтечи букв! Откуда они появились? В честь знаменитых побед высечены начертания или скорбные события запечатлены на камнях? Этот знак напоминает турецкое «а». О-о-о! А вот это, несомненно, изображение человека. Он что-то несет. Наверно, возвращается с охоты, сгибаясь под добычей! Опять буквы... Нет-нет, это оленьи рога. Тут водились олени? Или пришельцы высекли эти изображения, вспоминая зверей и животных своей родины? Стойте! Да это определенно турецкое «а». Ли Чан, взирай!

Призраки древних веков преследуют наш «бьюик», зато современные события абсолютно неизвестны старому профессору. Он, например, с детским любопытством слушает о преобразенном Советском Союзе; мигая своими ясными глазами, он узнает про фашистские костры, об изгнании ученых из Германии, о расистской теории — одним словом, сегодня мне пришлось преподать ему первый популярный урок пионерской политграмоты. Старик — сердечный, обаятельный человек, я искренне рад нашему знакомству и совместному путешествию. Ли Чан — превосходный шофер и трогательная нянька профессора. Он также вызывает во мне исключительный интерес; надо узнать его поближе.

Профессор спит в синей монгольской палатке — майхане.

Телятников поставил рядом свой «додж» и безмятежно заряжает киноаппарат».

Далее в дневнике идут записи чисто профессионального содержания — беглые геологические наблюдения над местностью, которые мы опускаем и продолжаем наш рассказ.

Улучив удобный момент, Висковский подошел к Гране, молчаливо пригласил ее следовать за собой и отошел от костра настолько, чтобы Телятников не мог его слышать.

— Послушайте, — сурово сказал он, — вы мне кажетесь серьезной и умной девушкой... Что же касается вашего брата...

— Он очень хороший, — опустив глаза, промолвила девушка. — Поверьте, он...

— Он может быть лучшим из кинооператоров и превосходным братом, судя по тому, что вы сопутствуете ему, но я вам советую поговорить с ним и убедить его покинуть нас.

Подавленная тоном геолога, Граня пообещала:

— Хорошо... я ему скажу... Мы уедем...

Она повернулась, чтобы уйти, но геолога, по-видимому, тронул жалкий вид девушки:

— Постойте... Прошу вас понять меня. Я не имею чего-либо против вас...

Недовольный собой, он тотчас переменял тон и угрюмо закончил:

— Одним словом, я все сказал и, надеюсь, могу быть спокоен, что завтра же с рассветом вы с братом уедете!

— Да... — чуть слышно проговорила Граня, — можете быть уверены.

Обеспокоенный отсутствием сестры, Телятников отставил аппарат. Но вот Граня вернулась, и он торопливо расстелил брезент в машине.

— Укладывайтесь, моя Русалка. Завтра на рассвете в путь.

— Скажи, — нерешительно спросила Граня, — не замечаешь ли ты, что здесь недовольны....

— Что ты! — перебил Телятников. — Превосходные люди! Какие могут быть разговоры? Поедем дальше. Они будут очень рады. Если станет скучно, повернем обратно. А пока — ехать и ехать! А, как ты думаешь?

Граня взглянула в сторону Висковского и неожиданно для себя самой заявила:

— Конечно!.. Я вполне согласна с тобой.

Утром Висковский, зайдя в майхан профессора, застал Джамбона за странным занятием. Стоя на коленях, изги-

баясь перед осколком зеркала, профессор, ворочая шеей, прилаживал воротник и туго повязывал галстук.

— К чему это, профессор? — поразился геолог. — В степи?..

Джамбон оглянулся и многозначительно прошептал:

— Среди нас дама.

С восходом солнца двинулись в путь два автомобиля. Грания сидела, опустив голову, стараясь не встречаться взглядом с Висковским, зато Телятников чувствовал себя превосходно.

* * *

На следующий день трава постепенно уступила мертвому пространству, мелкому гравию, и Джамбон, заведя на горизонте осыпающиеся бугры, похожие на горбы лежащих верблюдов, провозгласил:

— Прощайтесь, друзья, с благодатными травами. Конец Цао-ди! Древние китайцы, — разъяснил он, — называли страну монголов Цао-ди — Травяная земля.

Голые, потрескавшиеся плиты отсвечивают на солнце, искрятся волнистые песчаные дюны. Но вот пейзаж резко переменился, и камни затерялись в глубоких сыпучих песках. Неподвижные пышные белые облака, словно изнывая от зноя, стояли над желтыми барханами. Час от часу путь становился трудней. И в жаре, достигавшей шестидесяти градусов, все выходили из застрявшего в дюнах автомобиля. Телятников оставлял свой «додж» и помогал Висковскому подталкивать тяжелый «бьюик». Джамбон в таких случаях выскакивал на ходу и, не выпуская из руки трости и сжимая маленькие кулаки, надув щеки, изо всех сил толкал и толкал машину.

В течение четырех дней путешественники, против ожидания, успешно проехали четыреста пятьдесят километров.

Однажды перед заходом солнца профессор, пытливо изучавший карту, внезапно приказал Ли Чану свернуть на

восток. Висковский не возражал, терпеливо ожидая разъяснения причины отклонения с пути. В сумерках среди песков показались каменные валуны.

— Любезный мой друг, вы простите старика, — сказал Джамбон, — но было бы неслыханным преступлением не посетить мировых памятников...

Джамбон, виновато пряча глаза, слез с машины и отправился к камням. Висковский и Телятников последовали за ним. Как и следовало ожидать, на камнях оказались древние надписи.

— Бичик! Письмена! — восхищенно воскликнул профессор.

На этот раз и Висковский с Телятниковым пришли в изумление. По гладким глыбам камней извивались настолько четкие письма, что, глядя на них, казалось, будто вчера их высек острый резец.

— Здесь в 1624 году, — объявил Джамбон, — князь и поэт Цокто-Тайчи диктовал свои мысли, настроения, и слова его выбили на камнях. Он вспоминал воспитавшую его женщину Холовуту и, из далекого похода выражая ей свои чувства, повелел на века надписать на камнях следующее. — И Джамбон с пафосом прочел то, что было вырезано на камнях: — «В год белой курицы, осенью 21-го числа первой осенней луны, Цокто-Тайчи выехал на своем могущественном коне на гору, что на северной стороне Цецерлика, Хангайского хребта. Он поднялся на вершину и стал обозревать... Посмотрел на восток и опечалился и, плача, произнес...»

Взволнованный Джамбон про себя пробормотал слова, обращенные к Холовуте, и тихо закончил:

— «Говоря, он заплакал, и его слова запомнили и записали через четыре года, в год мыши, 18-го числа новой луны, Паж Данчин и Богатырь Хаен, и на скале высекли...

Паж Данчин и Богатырь Хаен, — все более и более воодушевляясь, читал профессор, — в ознаменование славы Хана высекли эту надпись спустя 464 года после рождения Чингис-хана. Год рождения Чингис-хана — год водяной лошади...

В великий белый день, — закончил Джамбон, — на скале, подобной яшме, они написали слова Цокто-Тайчи!»

Так множество раз во время путешествия профессор приказывал своему верному Ли Чану сворачивать в сторону и находил старинные памятники, надгробия, курганы. Многие узнали его спутники из того, что до сих пор было неизвестно.

Так, на одном из курганов профессор насчитал восемнадцать высоких камней.

— На этом месте, — объяснил он, — похоронен могущественный воинственный хан. Он покориł восемнадцать подобных себе ханов и князей!

Не прошло и двух дней, как Телятников окончательно покориł старика-ученого. Найдя старинное, полузасыпанное песками надгробие, профессор, не смея задерживать машины, с искренним вздохом уселся на свое место, решая Ли Чану ехать дальше.

— Алмасские горы зовут нас, — сказал он, — иначе я бы здесь провел не менее трех дней и ночей и до конца своих дней запечатлел бы эти чудесные памятники.

— Уважаемый профессор, — воскликнул из своего «доджика» Телятников, — если вам угодно, вы эти гробницы будете всегда иметь под рукой!

— Как так? — нахмурился Джамбон. — Я ценю ваше остроумие, милый юноша, но... будьте снисходительны к старику, который видит пленительные изваяния в последний раз в жизни.

— Вовсе нет! Вы их будете видеть каждый день. Я нащелкаю вам сколько угодно этих Чингис-ханов!

И Телятников во всех видах заснял надгробье.

Джамбон был вне себя от радости.

— Какое счастье, — сказал он Висковскому, — что к нам присоединился этот обаятельный молодой человек!

С течением времени Висковский должен был примириться с присутствием кинооператора. Веселый Телятников в самые тяжелые минуты путешествия своей беспечностью поднимал настроение, охотно помогал вытаскивать «бьюик» из песков; его же маленький «додж» ни разу

не застревал. Но Граня сильно беспокоила геолога. Чувствуя какую-то непонятную симпатию к молчаливой девушке, Висковский принимал это чувство за жалость и досадовал на себя.

Сестра Телятникова ничем не давала знать о себе, и чем тише она себя вела, тем более ее поведение вызывало досаду у геолога.

Желтая пустыня встретила путешественников нестерпимым зноем. В лицо веяло духотой и сильным, сухим жаром раскаленных песков. Под солнцем пустыни Граня быстро загорела, и на смуглом лице ее голубые глаза засветились еще более восхитительным блеском, волосы стали ослепительно золотыми. И старый Джамбон и замкнутый Ли Чан с восхищением смотрели на девушку, точно видя ее впервые. Вполне естественно, что и Висковский заметил эту перемену и часто ловил себя на том, что он невольно следит за машиной Телятникова. В таких случаях выдержанный, «каменный», как называл его оператор, геолог вскипал злобой. Однажды, не вытерпев, он, против воли и что совсем было не в его характере, съязвил. Поравнявшись с машиной Телятникова, он крикнул Гране:

— Загорели?

В ответ Граня приветливо улыбнулась.

— Вы ошиблись, — громко произнес Висковский, — ваше место в Гаграх, на пляже!..

С тех пор Граня избегала какого бы то ни было общения с суровым геологом. Она помогала Ли Чану у костра, стелила постель Джамбону, отчего растроганный и смущенный профессор терял дар речи и около получаса церемонно раскланивался. Она заряжала брату кассеты и после всего от одного взгляда Висковского чувствовала себя лишним человеком.

Впоследствии Граня чистосердечно признавалась, какое истинно радостное облегчение ощутила она, когда брат ее принял новое решение. Это было на седьмой день путешествия.

Утром седьмого дня, проснувшись первым, Телятников взобрался на самый высокий бугор, осмотрелся по сторонам и убедился, что дальше стелются бесконечные пески.

— До свиданья, товарищи,— объявил он, спустившись в палатку. — Мне стало скучно, я уезжаю. Как раз нам хватит бензина на обратный путь.

— Не смею задерживать, — с сожалением сказал профессор, — но мне лично очень жаль расставаться с вами. Кроме того... я не мыслю, как это вы будете один пробираться семь дней...

— Н-да! — впервые омрачился беззаботный кинооператор. — Я немного перехватил. Еды, воды и бензина у нас хватит, но довольно скучно одним возвращаться. Клянусь, я думал, что вы скоро закончите поездку. Не повернуть ли нам всем вместе, а?

— Я вас предупреждал, — сурово напомнил Висковский. — Надо было думать раньше.

— Утрясется, — беспечно тряхнув головой, рассмеялся Телятников. — Я буду газовать день и ночь. Куда вам сообщить о моих рекордах?

Уныло, не спеша путешественники пили чай. Старый ученый печально молчал, а Висковский, стараясь подавить в себе симпатию к Телятникову, пытался сохранить спокойное безразличие.

— Я вас немного провожу, — к удовольствию профессора, предложил кинооператор. — Для хорошего шофера десять километров не крюк.

И снова двинулись на автомобилях по пескам.

— Стоп! — закричал Телятников, вылетая вперед. — На горизонте озеро.

За барханами сверкала голубая вода.

— Недаром я поехал вас провожать! — ликовал Телятников. — Искупаюсь — и на попятную.

— Мираж, — сквозь зубы произнес китаец, — нет воды.

— Как хотите, я съезжу. Граня, вынь свой купальный костюм. Ты сейчас сможешь побить всесоюзный рекорд!

Кинооператор пустил машину на полный ход, но еще раньше, чем он возвратился, Висковский и Джамбон убе-

дились в правоте слов Ли Чана. Мираж быстро рассеялся...

Медленно тащился «доджик» обратно, как вдруг на востоке опять блеснула синяя гладь воды.

Ли Чан, не спрашивая разрешения, уверенно свернул к озеру, но когда «бьюик» уже подъезжал к самой воде, он гневным движением повернул руль.

— Безумный! — воскликнул Джамбон. — Мы изнемогаем от зноя... Мы будем купаться...

— Нет!

— Но ведь это не мираж?

— Нет... Не мираж...

— Бедняга, твой разум испарился от солнечного жара! Вперед!

— Слушаюсь.

Автомобили подъехали к берегу, и все, за исключением Ли Чана, оцепенели от изумления: перед ними лежали кристальные пласты каменной кристаллической соли.

— Постойте, постойте, — вытаскивая аппарат, закричал Телятников, — пятнадцать минут! Я должен заснять это место. Очень, очень смешно!

Пустыня, омрачившая наших спутников безрадостными сюрпризами, вскоре вознаградила их захватывающим приключением. Едва Телятников успел заснять озеро, за буграми поднялись столбы песка, и в нарастающем гуле, как при землетрясении, задрожала почва под ногами. Ли Чан, выхватив из-под брезента ружье, торопливо уселся за руль, и автомобиль понесся за дымным облаком песчаной пыли.

— Дзерены! — догадался Джамбон. — Антилопы!

Гул, топот тысяч ног огласили мертвое пространство. За тучами пыли мелькали сотни и сотни светложелтых антилоп. Они точно проносились по воздуху, и, казалось, в пустыне бушевал самум. Левой рукой придерживая руль, Телятников мчался впереди и стрелял из револьвера. Он мешал Ли Чану, и раненные им животные, высоко подскакивая в воздухе, бежали с еще большей быстротой.

— Не стреляйте! — надрывался Джамбон. — Не смей!

Расстреляв все патроны, Телятников отстал. Тогда Ли Чан, на мгновение отпустив руль, сделал два выстрела подряд и сразу сел. Минуту спустя он остановил машину. На песке лежали две антилопы, вытянув тонкие белые ноги.

Тысячи желтых антилоп ринулись через бугры и вихрем неслись к горизонту. Они летели, почти не касаясь почвы, и стадо умчалось в густой пелене сметенного песка.

— В чем дело? Я попадал, я видел, как они подбрасывались вверх, — недоумевал Телятников. — Ли Чан, это твои антилопы?

Китаец поднял убитое животное и показал на маленькую, чуть заметную рану:

— Надо стрелять сбоку... В сердце.

— О жесточайший из тиранов! — неистовствовал профессор, топая ногами. — Как ты смел убить благороднейшее животное — красу степей и пустынь!

Ли Чан, смущенно пряча лицо, привязывал антилоп к задку автомобиля.

— У нас будет свежее мясо, — покорным шепотом просил он прощения. — Нам очень нужно свежее мясо.

Трое мужчин хлопотали у машин. Граня отошла в сторону и задумчиво побрела по пескам. Змеистые кусты саксаула напоминали ей о деревьях. Вспоминая российское лето, она с грустью осматривалась вокруг и незаметно шла дальше и дальше, как будто за буграми должны были находиться зеленые прохладные рощи, ручьи и реки.

Неожиданно в двух шагах, под самыми ногами, раздалось тихое ворчанье, словно в песке возились щенята. Граня изумленно остановилась и в самом деле увидела двух слепых, неуклюжих щенят. «Откуда они появились?» Радостно недоумевая, склонилась она над ними, и вдруг перед ее глазами на песок упала густая лохматая тень. Приглушенное яростное рычанье послышалось позади. Граня обернулась... и замерла.

Огромная серая волчица с ощеренными клыками и вздыбленной шерстью приготовилась к прыжку. Со злобным воем она присела и кинулась на девушку. В этот мо-

мент прогремел выстрел. Волчица грузно, точно с воздуха, упала к ногам Грани. Ошеломленная девушка посмотрела туда, откуда раздался выстрел, и заметила быстро удалявшегося Висковского. С равнодушным, холодным видом спрятав наган, он, даже не посмотрев на Граню, зашагал обратно. Не отдавая себе отчета в случившемся, Граня подхватила волчат и побежала к автомобилям.

— Что за выстрел? — услышала она вопрос Джамбона.

— Пустяки, — ответил Висковский: — волк. Очевидно, этот волк пригнал стадо. Отныне он уже не станет тревожить пугливых антилоп!..

Ночью, на привале, китаец занялся приготовлением нового блюда. Кинооператор больше не напоминал об отъезде. Охота увлекла его, и он с нетерпением ждал завтрашнего дня, поклявшись не возвращаться без антилопы.

Ли Чан на огромном блюде преподнес отдыхающим путникам горячее мясо.

— Какая нежность! — восхитился профессор, попробовав антилопы. — Какой дивный аромат! Поистине, Ли Чан, ты искуснейший из кулинаров! В тебя переселился дух императорских поваров древнейших династий хань и цинь.

В облаке скрылась луна. Польщенный Ли Чан устанавливал майхан. Телятников, закусив губу, заряжал револьвер, профессор дремал, ожидая зова слуги. Висковский, задумавшись, сидел над дневником. В легком ветре слышались глухие звуки, и засыпающий профессор, качая головой, путая слова, бормотал:

— Ночные голоса... По преданиям, то стонут убитые Чингис-ханом воины... Но это ветер разносит гудение камней... Вздutie почвы... Осыпающиеся пески...

Ли Чан внезапно вздрогнул, выпустил полотенце, и майхан упал.

— Кто-то идет, — вытянул голову Телятников. Висковский захлопнул дневник. Он также услышал шаги. Ли Чан подбежал к автомобилю и зажег фары.

В ослепительном свете прожекторов стояли две черные бесформенные фигуры людей.

ГДЕ КИНООПЕРАТОР?

С минуту длилось напряженное молчание. Двое пришельцев, заслонив руками лицо от света фар, стояли, не двигаясь с места, и Висковский успел разглядеть темные комбинезоны. К нему, как к самому ближнему, шагнул первый, огромного роста мужчина. Пораженные путешественники слышали немецкую речь.

— Guten Abend! Mit wem hab ich die Ehre in der Wüste Bekanntschaft zu machen? Flieger Krüger, — представился он. — Das ist mein Mechaniker Mayer*. (Добрый вечер! С кем имею честь познакомиться в пустыне? Пилот Крюгер. А это мой бортмеханик Майер.)

— Милости прошу, — засуетившись, пригласил профессор, припоминая немецкие слова. — Какая приятная неожиданность!

— Я вижу больше неприятностей в нашем происшествии, — сказал летчик, присаживаясь к огню. — Вынужденная посадка. Неделю мы сидели в песках и вчера доели последний бисквит.

— Ли Чан! — взволнованно крикнул Джамбон. — Скорей, скорей неси свою чудесную антилопу!

— Вы европейцы? — отворачиваясь от Джамбона, осведомился у Висковского пилот. — Осмелюсь спросить, откуда вы?

— Из Ленинграда, — в один голос произнесли геолог и Телятников, — из СССР.

Удивленно вскинув глаза, пилот потер маленькие усы и, как эхо, задумчиво повторил:

— Из Ленинграда... из СССР...

— Геноссен! — обычным своим тоном воскликнул Телятников (это было единственное известное ему немецкое слово). — Нажимайте, геноссен, на мясо.

---

* Дальнейший разговор даем в переводе Висковского, отлично владеющего немецким языком.

Китаец принес блюдо жареного мяса и, наклонившись к Джамбону, что-то прошептал.

— Ночь, — пожал плечами ученый, — какая может быть охота?

— Аргали... Близко горы, тут водятся аргали.

— Но у нас гости. Нужно достойно принять.

— Майхан я поставил. Чай горячий. Мясо подал. Я скоро вернусь.

— Ступай, ступай, неистовый зверобой.

— Кушайте, — пододвинул Висковский мясо гостям. — Позднее вы нам расскажете о своих приключениях

— Я это сделаю сейчас, — отрезая мясо, сказал Крюгер. — У нас нет времени задерживаться. Мы... туристы. Неделю назад вылетев из... (он назвал маньчжурский город), мы попали в бурю и, избегая урагана, потеряв ориентацию, сожгли все горючее. На этом кончается наша несложная история. Аппарат наш не более чем в полутора километрах отсюда. Из-за песчаных холмов вы не могли нас видеть, мы же слышали гул автомобиля и явились на огонь вашего костра. Сейчас меня главным образом интересует, сколько бензину вы сможете уделить нам для продолжения полета. Наш старый «BMW» будет превосходно работать даже на автомобильном бензине.

Со вниманием выслушал Висковский короткий рассказ пилота, и с самого начала ему не понравился его холодный и несколько требовательный тон,

— Не может быть сомнения, — поспешил заявить профессор, — мы поделимся с вами.

— Но вряд ли, — обдумывая каждое слово, сказал Висковский, — вас устроит пара десятков литров.

— Сколько у вас горючего? — отрывисто спросил Крюгер. — Каков ваш запас?

— Ничтожно мал, — сдерживая накипающее раздражение, сказал Висковский и, к ужасу профессора, добавил: — Прошу простить, но меня удивляет ваша манера разговаривать: вы как будто приказываете...

— Неделя в безвыходном положении... — пробормотал летчик, опуская глаза. — Извините меня... Поймите состоя-

ние.... нервы...

— Остается один выход, — заметил Телятников, когда Висковский перевел ему происшедший разговор: — генос-сен поедут со мной. Полный газ — и через три-четыре дня мы на становище. Они закупают бензин, и машины доставляют им горючее к самолету.

С душевной благодарностью Висковский принял совет кинооператора и перевел его предложения немцам.

— Нет, это невозможно! — прежним тоном возразил пилот. — Есть другой выход. У вас, по-видимому, достаточно продовольствия. Вы одалживаете нам все свое горючее, мы улетаем и через сутки на самолетах вернем вам бензин.

Джамбон растерянно молчал. Уклоняясь от дальнейшего разговора, Висковский сказал:

— Отложим разрешение нашей задачи до утра.

— Доброй ночи, — поднялся пилот и, вытянувшись по-военному, щелкнул каблуками. — Итак, до утра. Идемте, Майер.

— Куда вы? — протянул руки ученый. — Отдохните на кошмах. Располагайте нами...

— Нет, нам нужно быть у машины.

— Я с вами, — вскочил Телятников. — Скажите им, Висковский, я хочу посмотреть самолет. Завтра я сниму замечательную встречу автомобиля с аэропланом в пустыне.

— В высшей степени рад, — вновь щелкнул каблуками пилот, — самолет близко.

— Русалка, неси кассеты, — приказал оператор сестре, — завтра генеральный съемочный день.

Пилоты ушли с Телятниковым и Граней, в это же время возвратился Ли Чан и незаметно присел к огню.

— Ну, что тебе дала ночь? — укоризненно сказал профессор. — Я отпустил тебя, надеясь, что ты действительно принесешь аргали для туристов.

— Они не туристы... — еле слышно промолвил китаец. — Я был у самолета. Они фотографируют... для карты...

— Ты был у самолета! — поразился Висковский. — Ты видел?..

— Я был... Я видел...

— Как ты посмел? — возмутился профессор. — Ли Чан, я не узнаю тебя!

Разгневанный профессор ушел в майхан. Висковский остался у костра записывать в дневник необычайную встречу. Он писал около двух часов, и уже рассветало, когда он вдруг оторвался от тетради, вспомнив про Телятникова. Отчего он так долго не возвращается? Продолжительное отсутствие кинооператора встревожило геолога. Он, сам себе не признаваясь, успел полюбить весельчака. Висковский положил дневник и поднялся на бугор. Два летчика со свертками в руках шли к нему навстречу.

— Где кинооператор? — с тяжелым предчувствием, едва не закричав, спросил Висковский. — Почему он не с вами? Где девушка?

— Он... видите ли... — подходя вплотную, сказал Крюгер, — он пожелал остаться...

— Где Телятников? — крикнул геолог.

Но в ту же минуту летчик ударом кулака сбил его с ног. Схватив за руки, он навалился на него всем телом. Бортмеханик завязал ему рот платком и, вытянув из-за пазухи веревки, скрутил геологу руки за спину. Огромный Крюгер, не выпуская Висковского, шепотом командовал:

— Ноги... Держи ноги.

Новый удар по голове, и Висковский потерял сознание.

В забытии он услышал, как мимо проехал автомобиль. Неизвестно, сколько времени прошло с момента нападения. Когда же Висковский открыл глаза и перевернулся на спину, высоко в солнечном небе к востоку летел сверкающий «юнкерс».

* * *

Не задерживая внимания читателя на первом приключении экспедиции Висковского и Джамбона, мы сразу рас-

скажем, как Ли Чан освободил профессора, потом геолога и Телятникова.

Оглушив и связав геолога, летчики, подкравшись к палатке, накинулись на спящего ученого и, угрожая револьвером прибежавшему на помощь Ли Чану, связали обоих и уехали на «бьюике» к самолету.

Джамбон, лежа на опрокинутом майхане, стонал, наблюдая, как Ли Чан, переворачиваясь с боку на бок, силится развязать руки. Но это ему не удавалось, и китаец оставил тщетные и безнадежные попытки. Вставало солнце. Ли Чан затих. Джамбону показалась подозрительной тишина; напрягая силы, он чуть приподнялся и увидел китайца уже в другом месте — он переполз к пеплу костра. Ли Чан сидел, откинувшись назад; он широко раскрыл глаза и закусил губы. Лицо его сильно побледнело, напряглись скулы и подергивался подбородок.

Прошло немного времени, и растянувшийся на полотне Джамбон ощутил на своем лице чье-то прикосновение. Ли Чан стаскивал с его губ платок, затем развязал руки и ноги.

— Каким чудом ты сумел скинуть путы, Ли Чан? Кому мы обязаны...

Китаец, печально улыбаясь, показал Джамбону обожженные руки с обрывками перегоревших веревок.

Ли Чан с Джамбоном нашли и освободили Висковского, и трое измученных людей отправились отыскивать кинооператора. Им очень быстро удалось обнаружить Телятникова: он лежал возле пустого «бьюика», среди разбросанных жестяных банок.

Но где Граня? Висковский первый заметил отсутствие сестры кинооператора. Связанный Телятников с платком на губах яростно замычал при виде Джамбона и геолога. Он попытался приподняться, но тотчас лишился чувств. Пятно засохшей крови покрывало его лицо. Опустившийся на колени Ли Чан показал Джамбону рану на голове оператора. Очевидно, его ударили тупым предметом или рукояткой револьвера. Полчаса ушло на то, чтобы привес-

ти Телятникова в сознание. Придя в себя, Андрей оглянулся и мучительно простонал.

— Где ваша сестра? — вскричал Висковский. — Что здесь произошло? Грания... где она?

Лицо Телятникова стало неузнаваемым. Слезы ярости потекли из глаз, и он протянул руку к небу.

— Они оглушили меня, — задыхаясь, сказал он, — я ничего не видел... Они похитили ее...

— Разбойники! — вскричал профессор, вздымая руки.

Он вытянулся на носках, точно намереваясь кого-то схватить, и затрясся от негодования.

— Подлые пираты пустыни! — едва не рыдая, воскликнул он. — Похитить юную, беззащитную девушку! О-о-о, нет такой кары...

— «Геноссен», вероятно, фашисты, — глухо произнес Телятников. — Это фашистские трюки.

— Фашисты? — переспросил Джамбон. — Скажите, Висковский, это те субъекты, про которых вы мне рассказывали? Но ведь они хунхузы?

— Профессор, — горестно усмехнулся Телятников, — вероятно, первый раз в жизни вы делаете запоздалое открытие.

— Надо признаться, — рассматривая свои руки со следами веревок, сказал Джамбон, — на старости лет мне довольно тяжело дается курс политических наук.

* * *

Спеша закончить первый эпизод, мы опускаем многие подробности этого дня, переживания и разговоры путешественников, очутившихся в отчаянном положении. Пилоты забрали весь бензин, и взамен горючего на песке валялись тюки ненужного хлама. Летчики бросили и свои парашюты. В «бьюике» остались ящики с продовольствием, но состояние людей, застрявших в глубине пустыни, не могло считаться благополучным.

Приведем короткую запись из походного дневника Висковского, которую он сделал в этот день:

«Положение отчаянное. Мне даже не хочется думать о том, что мы остались без воды и лишены возможности продолжать путь или вернуться обратно. Наша маленькая экспедиция обречена на гибель, если не случится какого-либо чуда. Однако нужно идти вперед. Пешком, но вперед, вперед! Алмасские горы близко. Возможно, там есть вода, и мы получим возможность... Но Граня, Граня!.. Бедная девушка! С какими целями увезли ее воздушные бандиты? Как нам спасти ее? Я сейчас ничего не соображаю... Как я был суров с ней, и как я сейчас в этом раскаиваюсь! Винават этот экспансивный Телятников. Зачем он поехал за нами? Но время ли сейчас осуждать его? Бедняга, тяжело переживает несчастье. Надо поддержать его... Нет, лучше не писать. Я чувствую, что теряю последнюю выдержку...»

В «додже» Телятникова, откуда пилоты также забрали почти весь запас, сохранилось еще полбака горючего, и путешественникам приходилось решать неразрешимое: как спастись. В полдень, несколько остыв от гнева и возмущения, занявшись остатками вчерашней антилопы, друзья не заметили, как Ли Чан с забинтованными руками взял свое ружье и отправился на охоту. Но он немедленно явился из-за бархана и громко объявил:

— Горы! Пятьдесят километров — горы!

Джамбон порывисто обнял Висковского:

— Горы! Наши горы!

— Пятьдесят километров?..

— В таком случае, едем, — подхватил Телятников. — У гор, наверно, есть вода и звери. Полбака нам вполне хватит.

С горестью друзья покинули «бьюик», Ли Чан перегрузил на «додж» продовольствие и захватил оставленные немецкими пилотами мешки. Экспедиция тронулась в путь.

Алмасские горы черными скалами поднимались к облакам. Переваливая через бугры, к закату солнца «додж», не доехав ста метров до пропасти, сжег весь бензин, и путники, стараясь не глядеть друг на друга, сошли с машины и уселись на камнях.

Ли Чан, против обыкновения, не притронулся к ящикам; он не стал разводить костра и не снимал с машины майхана. Китаец, не выходя из-за руля, выпрямившись, сидел в автомобиле и не отрываясь глядел на горы. Очнувшись от раздумья, Висковский посмотрел в ту сторону, куда глядел Ли Чан, и невольно закрыл глаза. Он не верил, он боялся, что сейчас мираж растает в воздухе. Легкая рука профессора легла на его плечо, и проникновенным, тихим голосом, словно сдерживая рыдание, Джамбон спросил:

— Отчего, отчего вы молчите, мой молодой друг Висковский? Вы же видите... Видите дым на горе... Висковский, там горят костры...

Раскрыв глаза, Висковский вновь убедился: из ущелий Алмасских гор к гаснувшему небу тянулся дым.

НА ДНЕ ПРОПАСТИ

Мы оставили четырех друзей у пропасти легендарных Алмасских гор, где при свете последних лучей закатного солнца они увидели дым загадочных костров. Джамбон крепко обнял Висковского и, как ребенок прижимаясь своей седой головой к плечу молодого геолога, тяжело дыша от волнения, восторженно смотрел на мрачные скалы и тихо повторял:

— Горы... Наши горы!

Далекий, чуть слышный рокот потока доносился из глубины пропасти. Казалось, где-то мчался грохочущий поезд, и больше никаких звуков не раздавалось в тишине. Высоко в небе парили орлы, и легкий синий дым на глазах исчезал в наступающей темноте.

Мираж! Пустыня научила путешественников отличать видения природы от действительности. Висковский знал, что мираж обычно возникает в полдень, когда солнце в зените, а сейчас поздний вечер и скоро яркие отблески заката погаснут на острых вершинах. Пламенем зажглись пики

скал и быстро потухли. В густой темноте скрылись горы, и Висковский очнулся, только когда увидел свою колышущуюся тень на песке. Ли Чан, первым заметивший дым в горах, уже успел разжечь костер из досок порожних ящиков. Профессор, расположившись на кошме, поджал под себя ноги и задумчиво раскачивался, держась за носки ботинок. Один лишь Телятников не понимал, чем так поражены профессор с геологом.

— В горах люди, — заключил он, — и очень кстати. Однако, если это племя из породы вчерашних «геноссен», я предпочел бы сейчас же открыть стрельбу, прежде чем они придут к нам справиться о бензине. Горючего у нас нет, что же касается законов гостеприимства, то я готов хоть сейчас их встретить приличным образом.

И, вспоминая пилотов, кинооператор подкинул на ладони револьвер.

Не слыша отклика на свои слова, он искренне возмутился:

— В чем дело? Да вы, никак, окаменели? По-моему, самое удивительное уже произошло. Отчего вы молчите? Правда, этот дым очень эффектен...

— О, Телятников! — вскинув руки, горячо воскликнул ученый. — Знаете ли вы, представляете ли, свидетелем какого исторического события являемся мы в этот момент? Можете ли вы вообразить, кто находится в этих горах... Обнимаю, мой юный друг, от всей души поздравляю вас! Вы первый кинооператор на нашей земле, который снимет неведомых людей!!!

— Русалка... — горестно прошептал Телятников. — Если бы я знал, что там я найду свою Русалку!

Джамбон, устыдившись своей горячности, обнял кинооператора и прижался щетинистой щекой к его голове:

— Милый юноша... поверьте, я разделяю вашу печаль. Это общее наше горе, но... но мы накануне мирового открытия!..

И Джамбон рассказал Андрею историю и легенды Алмасских гор. Потрясенный Телятников пришел в восторг. Он был вне себя от радости, но спустя немного времени,

опять вспомнив о Гране, не выдержал раздирающей муки. Скрипнув зубами, он пошел в пески. Проходя мимо машины, он заметил Висковского. Молодой геолог, по обыкновению, писал дневник. У ног его лежали волчата — волчата Грани. Он задумчиво гладил зверят и не заметил кинооператора.

Опустив руки, медленным шагом Телятников побрел в темноту.

* * *

У самого края пропасти, при огне костра, Висковский в эту ночь исписал почти всю тетрадь:

«Уснули. Наконец я один! Джамбон удалился в свой «дворец пышности и чистоты», как он называет палатку. Успокоился немного и бедняга Телятников. Только сейчас узнав от профессора о цели нашего похода, он вне себя от радости принялся готовить, заряжать свой аппарат и научил Ли Чана, как подавать ему объективы во время съемки. Он развернул перед умиленным Джамбоном потрясающие картины сенсации, какую вызовет на экране появление фильма об алмасах. Пусть забавляется, бедняга... Я также счастлив — цель как будто достигнута, но тревожные мысли об исчезновении Грани все более и более отравляют радость.

Горят костры. Не верится, но горы обитаемы! В ущельях гор существует жизнь. По-прежнему, как меня предупреждал Джамбон, остается неразрешимым вопрос, как мы попадем к этим исполинским скалам. На пути бездонная пропасть. При первом взгляде на Алмасские горы любой геолог найдет подтверждение новой теории, доказывающей, что в Центральной Азии еще не закончился процесс горообразования. Очевидно, эта область подвержена частым землетрясениям. Пропадь, над которой я сейчас пишу дневник, есть не более как титаническая трещина, возникшая в результате одного из таких катастрофических зем-

летрясений. Пропасть не менее тысячи метров глубины. Скалы расщеплены, и по линиям гор здесь резче, чем где бы то ни было, видно, что надвиговые явления продолжаются. Вот где глазам геолога старой Европы дается величайшее наглядное пособие! Завтра мне предстоит сделать массу открытий. Огромное значение будет иметь хотя бы беглое, примитивное, описание гор. Край, куда мы так легко (!) проникли, в сущности географическое белое пятно. Ни на какой карте не обозначено, кому принадлежит эта большая пустынная территория между Монголией и Китаем.

Итак, до завтра. С рассветом мы двинемся на разведку, Вот где пригодится аппарат Телятникова. Чего бы не отдал каждый геолог, чтобы очутиться на моем месте... Но интересно, кто бы согласился остаться в пустыне без средств передвижения, в безвыходном положении, в каком нахожусь я с моими замечательными товарищами! Как мы будем возвращаться обратно? Охота, возможно, спасет от голода, но без бензина мы погибли. Впрочем, разумно ли сейчас терзаться мыслями о будущем, когда оживает мрачная легенда старины и в таинственных, диких горах вьется дым? Даже сейчас, при воспоминании того, что мы видели, холод пробегает по телу. Ли Чан и Джамбон смотрели на горы, значит виденное мною не галлюцинация... Дым поднимался к небу, и теперь нельзя не верить: в горах жи...»

На полуслове обрывается дневник Висковского, и оставшиеся в тетради страницы ничем не заполнены.

Кто же помешал геологу завершить описание прошедшего дня, вследствие чего мы лишаемся в дальнейшем возможности цитировать документы путешествия?

Но прежде мы последуем за несчастным Телятниковым. Мучительно страдая, ничего не видя перед собой, он идет по пескам, и далеко позади остался чуть заметный огонек костра. И вдруг он остановился. Тихие звуки однотонной песни послышались впереди. Не веря себе, он согнулся, дрожь пробежала по его телу, и механически он сделал несколько шагов.

Тусклый свет луны проскользнул по барханам. Песок как будто зашевелился. И вот рядом, за бугром, снова слышалась песня. Тонкий женский голос... Телятников ускорил шаг — теперь не могло быть сомнения, женский голос звучал близко, и кинооператор, не отдавая себе отчета, побежал. Все ближе и ближе звучала странная песня. Одним махом взлетев на бугор, Телятников замер. Перед ним стояла хрупкая китаянка.

Тучи разошлись, и при свете луны в двух шагах от себя он увидел китайскую девушку. Нисколько не смутившись от появления Телятникова, точно она его ждала, китаянка, не переставая петь, не двигаясь с места, улыбнулась. Как зачарованный, кинооператор подошел к девушке и взял ее за руку.

— Кто ты? — изумленно спросил он.

В одно мгновение лицо китаянки преобразилось. Изогнувшись, она отскочила в сторону. В воздухе взвился легкий канат, и опутанный с головы до ног Телятников не успел раскрыть рта, как она сильным рывком свалила его на песок.

...По рассказу самого Висковского мы продолжим хронике экспедиции и с его слов передадим все, что произошло после того, как дневник с оборванной фразой упал на песок,

«Увлечшись записями, захваченный переживаниями дня, — сообщает геолог, — я ничего не слышал вокруг себя. Давно уснули мои товарищи, никто не мешал моим занятиям. Как вдруг возле автомобиля, находившегося в каких-нибудь десяти метрах, внезапно что-то упало, точно с машины свалился тяжелый мешок. Я хотел вскочить, но уже было поздно: длинное и широкое темное покрывало упало на мою голову, чьи-то руки опутали меня толстой веревкой, — в секунду я превратился в мумию, однако ноги оставались свободными. Сильным рывком меня поставили на ноги и, толкнув в спину, заставили идти. И я пошел с завязанной головой, не видя дороги, не зная, куда меня ведут. Руки стиснуты по бокам. Я часто спотыкался, теряя равновесие, но в ту же минуту меня поддерживали и, дер-

гая за конец веревки, опять заставляли идти быстрым шагом. Спустя некоторое время я почувствовал, как пески исчезли, из-под ног потянуло сырой прохладой. Толчком в грудь мне безмолвно приказали лечь на спину, и я съехал вниз, ударяясь головой об острые мелкие камни. Спуск на спине продолжался с четверть часа; я слышал, как рядом со мной ползли люди и под ними осыпались камни. Не менее двадцати человек сопровождали меня. Я слышал их шепот и прерывистое дыхание. Наконец ноги уперлись во что-то твердое, я встал и пошел, как конь на поводу. В одном месте я нерешительно остановился; мягкая почва закачалась, я едва не упал, но сразу же понял, что иду по плетенному из веревок мосту. Зыбкий мост качался, внизу шумела вода. Снова спуск, и мы пошли по вырубленным в камне ступеням, потом левым плечом я ощутил щербатую каменную стену. Необъяснимое внутреннее чувство самосохранения заставляло меня без всякого предупреждения идти, прижимаясь к камню. Я как будто знал, что справа — пропасть.

Около часу я плелся на поводу. Еще толчок — и я падаю на холодную, твердую землю. Под приглушенный говор меня привязали к чьей-то горячей спине. Шум шагов, люди уходят, с моей головы стаскивают покрывало, и, оцепенев, я вижу себя на дне пропасти.

Черные отвесные скалы врезаются в светлеющее небо. В горной теснине нет никого, кроме привязанных спинами друг к другу Джамбона и Ли Чана. По хрипу за моей спиной узнаю, что сам я связан с Телятниковым. Кинооператор лежал молча, не двигая ни одним мускулом.

Ясно помню: первое, что бросилось мне в глаза, был клочок свежей травы. Я с изумлением смотрел на пробивающуюся из-под камней зелень. Голубой свет в тумане утра заполнил узкое ущелье, и на вершинах засветилось лиловое солнце. Невиданная красота рассвета на миг заставила забыть о случившемся. Неожиданность нападения, вероятно, настолько ошеломила нас, что мы словно онемели.

— Барабан прозвучал, — сказал профессор, и я с дрожью подумал, не сошел ли он с ума.

— Какой барабан? — крикнул я, стараясь разглядеть его лицо. — Что вы слышите?

— Утро, — вздохнул профессор. — Горы напоминают мне башни древних китайских городов. Со сторожевых башен барабанным боем оповещали население о наступлении дня и ночи.

Шаги. Медленные, неторопливые шаги. Из-за огромного валуна появились два китайца с винтовками в руках. Седоусый старик, раскачиваясь из стороны в сторону, держал винтовку наперевес. Его синяя ватная куртка была крестнакрест перевита лентами патронов. В широких шароварах, перехваченных белым полотняным поясом, он чем-то напоминал запорожцев. В двух шагах позади него шагал юноша в распахнутой кожаной тужурке, обутый в высокие желтые шнурованные сапоги.

Два китайца уселись на корточки и уставились на нас в упор с ярко выраженной во взгляде ненавистью. Не произнося ни слова, они положили на землю винтовки, вынули длинные трубки и, не спуская с нас глаз, набили их табаком. Второй китаец, молодой парень, высек огниво, подал его старику, но тот не принял огня. Он бросил трубку и схватил винтовку. Приставив дуло к моей груди, напирая на меня всей своей тяжестью, он разразился злобным проклятием»*.

Навсегда Висковский запомнил его пронзительный, неистовый голос. Старик, осыпая пленников яростной руганью, грозил каждую секунду выстрелить, и Ли Чан отчаянно закричал:

— Послушай нас, узнай, кто мы!

— Молчи, продажный раб! — взмахнул винтовкой старик. — Нам хорошо известно, зачем вы, как волки, шныряете по пустыне и, как змеи, ползете к горам. Смерть вам, ничтожные, трусливые негодяи!

---

* Разговор, происходивший в ущелье, переводили Ли Чан и Джамбон.

— Старик, перед тобой ученые люди! — прокричал Ли Чан. — Они изучают камни и землю.

— Разбойники! — гневно воскликнул профессор. — Мы мирные путешественники, слуги науки! Возьмите в автомобиле сумку, в ней все мои деньги. Берите их — это все, что вам нужно...

— Не сомневайся, — усмехнулся старик. — Деньги мы возьмем, но вам не откупиться. Деньги! — вскипая злобой, подскочил он на месте и рванул куртку, ударяя себя кулаком по голой груди. — Проклятые ваши деньги! Из-за денег вы стреляете в нас пушками, стреляете из огненных повозок, преследуете на железных автомобилях и летаете на аэропланах. Деньги! Двадцать тысяч долларов вы назначили за седую голову Лю Ин-сина. Но прежде он двумя пулями уничтожит четырех собак. Деньги! Как звери, с сыновьями и женщинами, нашими женами, живем мы в ущельях. Но, но... — злорадно закончил китаец, — напрасно рыщете вокруг! Никогда вы не узнаете ход в наши горы. Смотрите, глядите на них в последний раз.

— Клянусь памятью отца моего, слушай меня, Ли Чана слушай, почтенный! Это ученые люди. Двое — из СССР. Русские молодые ученые!.. Висковский, Телятников, — спросил Ли Чан, — у вас есть в автомобиле документы, паспорта?

— Безусловно есть, — откликнулся Телятников и, верный себе при самых невероятных обстоятельствах, добавил: — Переведи им, пожалуйста, Ли Чан: если сюда без пропуска вход воспрещен, я готов хоть сейчас покинуть это место...

— Девять дней назад, — с неостывающей злобой перебил старик, — мы захватили два автомобиля с русскими и японцами. Деньги объединяют вас — японцев, немцев и русских. Они гнались за нами с пулеметом. Нанятые немецкие офицеры летают над нами и бросают бомбы. Но нет силы, которая могла бы нас уничтожить. Мы истребим всех врагов! Пусть ваши души отнесут им мои слова.

Старик, назвавшийся Лю Ин-сином, щелкнул затвором и приказал молодому китайцу:

— Прислони их к скале. Две пули на четырех.

Старик прицелился в геолога, но задержался.

— Не стреляй, остановись! — раздалось несколько голосов, и со скалы посыпались люди с походными сумками из автомобиля путешественников.

У одного из них Висковский заметил в руках свой заграничный паспорт. Блеснул золотой герб. Запыхавшийся человек сунул паспорт Лю Ин-сину, и старик, перекинув винтовку через плечо, выслушал обступивших его китайцев. Он осмотрел вещи. Ему подали второй паспорт в красном переплете. Лю Ин-син повернулся к пленникам и горестно промолвил:

— В остаток дней моей жизни я бы никогда не простил себе величайшего из грехов!

С этими словами он пошел к Висковскому, острым криком ножом перерезал веревки. Молодой китаец освободил Джамбона с Ли Чаном.

Склонившись до земли, сложив на груди ладони, Лю Ин-син тихо промолвил;

— Братья... Простите негодного старика...

В УЩЕЛЬЕ АЛМАССКИХ ГОР

В ту ночь, когда Висковский в Ленинграде, на набережной Невы, передавал нам свой необычайный рассказ, он взял с нас слово, что при опубликовании хроники путешествия в очерках будет пропущен ряд моментов, которые невольно могут причинить вред отряду китайских партизан, нашедших убежище в тайниках Желтой пустыни.

Седоусый предводитель взобрался на высокий камень — осколок разбитой скалы, поднял руку и в наступившей тишине произнес следующую взволнованную, торжественную речь:

— Братья, смелые воины, и жены, матери наших детей! Солнце наступающего дня приносит нам счастье, ибо вы видите перед собой людей из Страны Отрады, которой мы провозглашаем «тысячу лет»!

— Тысячу лет! — взбрасывая над головами винтовки, сверкнув саблями, подхватили партизаны. — Да здравствует Советский Союз!

— Преследуют нас, травят, морят голодом империалисты, но по горам и рекам с победными боями идут красные войска советского Китая. Мы помогаем нашим братьям. Врагам никогда не узнать прохода в нашу крепость, мы неуловимы и доживем до радостного дня встречи с могучей красной армией. Она, как сокрушительный поток, движется из Цзянси; девятью провинциями владеет красная армия, и сейчас наше знамя поднято над цветущими землями Гуйчжоу, Сычуани, Сикана и Ганьсу. Советскому Китаю тысячи лет!

Со скалы с приветом и речами выступило еще несколько человек. От лица путешественников отвечал Висковский. К его изумлению, на камень вскарабкался Джамбон и, вытянув трость, попросил слова.

— Люди гор! — растроганно начал профессор. — Позвольте мне называть вас братьями — тем именем, каким почтили вы меня и которого я недостоин. Пятнадцать столетий прошло с тех пор, как перестала существовать династия Цинь, по имени которой ваша родина, воспетая поэтами — «Земля цветов», «Страна земледелия и вежливости», — названа Китаем. Разбирая документы полутора тысяч лет, ученый знает, какие страдания во все века переносил народ под игом императоров, мандаринов, феодалов, ростовщиков.

Братья партизаны, вы боретесь против вековых угнетателей. Я верю: вы завершите историю счастливой победы, и слава ваших воинов затмит блеск памяти Чингисхана.

Родина моя, Монголия, с помощью народов СССР, стала свободным государством. Но я... я лично был всегда далек от политики, не боролся и не страдал. В эти минуты я уз-

нал больше, чем за всю жизнь, и хотя немного шагов осталось мне до берега реки забвения, всю свою жизнь я готов отдать вам и подобным вам!

Партизаны с почетом повели гостей в Долину Горного Потока. В шуме бурного водопада девушки на углях жарили мясо, и в огромных чанах кипело варево. Издалека доносилось конское ржание.

— Почтенный Лю Ин-син, — сказал Джамбон, — мы счастливы праздновать радостный день нашей встречи, но сейчас я должен рассказать тебе о великом горе, постигшем нас в пути.

Старый китаец молча выслушал подробный рассказ профессора о случившемся. Вместо ответа Лю Ин-син взял Джамбона под руку, сделал знак, чтобы и остальные путешественники следовали за ним. Лю Ин-син провел их на вершину скалы и, отдав приказание своему сыну, протянул руку по направлению к пустыне.

Молодой китаец, сын вождя партизан, усевшись на корточки, установил барабан и, по взмаху руки отца, забил отрывистую дробь.

— Смотрите, — сказал Лю Ин-син, — пустыня живет!

Как только сын старика перестал бить в барабан, вдали раздалась точно такая же сигнальная дробь. Эхо прозвучало в горах.

Солнце склонилось к закату. Сумерки заволокли горы.

— Пустыня живет! — гордо и торжественно повторил Лю Ин-син. — Смотрите, всюду есть наши люди.

В наступившей темноте далеко в пустыне сверкнул огонь. Когда огонь потух, Лю Ин-син убежденно сказал:

— В самом скором времени мы получим известие о вашей девушке... Я не могу открыть вам наши тайны, но сейчас, когда мы стоим с вами на этой скале, огненные сигналы перелетают пустыню. Через час наши люди в первом городе на краю пустыни все разузнают. Первый гонец, который прискачет в ущелье, привезет нам вести. О, мы сильны, мы сильнее, чем думают и знают о нас наши враги — японцы. Каждая песчинка в пустыне живет!..

С этими словами Лю Ин-син стал спускаться со скалы. Внизу пламенели костры, и в плясках кружились молодые китайцы. Джамбон перевел друзьям то, что сказал ему старик.

Обрадованный Телятников тотчас вспомнил о своем аппарате.

— Ли Чан, — спохватился он, — кто будет пировать, а кто и работать! Попроси товарищей доставить аппарат и мешки с кассетами. С этой минуты ты можешь считать себя на службе Союзкинохроники.

Ли Чан перевел просьбу кинооператора. Оказалось, что на рассвете партизаны перенесли весь груз из автомобиля в ущелье. Телятников кинулся к своим мешкам, вытащил кассеты и в ужасе опустил на землю.

— Ли Чан, — скрипнув зубами, простонал кинооператор, — они раскрыли кассеты!.. Пленка засвечена. Скорей, скорей, пусть принесут аппарат! Он заряжен... Хоть что-нибудь...

Ли Чан перекинулся с партизанами парой фраз и смущенно пожал плечами:

— Они говорят... Они думали, что это новый пулемет, и... открыли аппарат.

— Засвечена... вся пленка засвечена! — схватился за голову Телятников.

Джамбон между тем, усевшись на цыновке и придвинувшись вплотную к Лю Ин-сину, настойчивым шепотом допытывался:

— Слыхали ли вы про алмасов? Скажите, не встречали ли в горах какие-либо замечательные надгробья, изваяния, начертания или следы неведомых людей?

— Позовите Хэ Мо-чана, — вместо ответа распорядился предводитель партизан, — пусть он придет ко мне.

Два человека, посланные Лю Ин-сином, привели дряхлого старика. Седая коса, завитая в пучок, украшала его голову, с плеч свисало теплое одеяло, и на ногах топорились сапоги из волчьего меха.

— Хэ Мо-чан, — громко сказал предводитель, указывая на Джамбона, — большой человек перед тобой. Когда придет

час, я позову тебя, и ты проведешь этого человека в Долину Смерти и Пещеру Снов.

Старик склонил набок голову, длинным, изогнутым ногтем мизинца поцарапал в ухе и, еле шевеля губами, покорно произнес:

— Син (ладно). Повинуюсь.

СЕМЬ ДНЕЙ

В ущелье угасли костры. Ли Чан, как это было в прежние дни, установил майхан; профессор и Висковский улеглись спать. Один лишь Телятников остался сидеть на камнях. Убедившись, что все уснули, он осмотрелся по сторонам, заглянул в палатку и, облегченно вздохнув, решительно зашагал по ущелью.

— Они где-нибудь близко, — бормотал он про себя. — Чудесная девушка, я ее найду.

Карабкаясь по камням, перелезая через высокие валуны, Телятников шел вперед, как будто ему давно была известна дорога. Временами на пути ему попадались сторожевые партизаны. Они приветливо махали ему руками, беспрепятственно пропускали и удивленно глядели ему вслед.

В каменных пещерах спали люди, у очагов женщины укачивали детей, и Телятников, извиняясь и прижимая руки к груди, знаками расспрашивал их, очевидно надеясь, что его поймут.

— Молодая девушка, — показывал он, — она еще так ловко, как ковбой, орудует канатом. Где она? Где она живет?

Китайки не понимали его и участливо качали головами.

После часа розысков наш кинооператор, потеряв надежду найти девушку, хотел уже было вернуться обратно, как вдруг услышал шум за перевалом. Минута — и он увидел широкую долину. Множество девушек на конях скакали по озаренной луной долине. Изогнувшись, прижав го-

ловы к гривам коней, они с пиками скакали по кругу. Посреди круга, следя за ними, гарцевала вчерашняя китайка.

Она сделала знак — и вот все всадницы взметнули копья. Деревянный щит стоял прислоненный к камню. Всадницы выхватили из-за спины лук и стрелы. Знак — и тучи стрел, пронесаясь по воздуху, впились в щит.

— Браво! — не вытерпев, восторженно забил в ладоши Телятников, — Браво, амазонки!

Мгновенно в долине наступила тишина. Девушки сбились толпой. Молодая китайка, командовавшая этим удивительным отрядом, изумленно подняла голову и увидела кинооператора. Шутя она погрозила ему плетью. Но разве это могло остановить пылкого Телятникова! Он мигом скатился вниз, подбежал к ней и схватил за стремяна. Со смехом и испуганными криками ускакали девушки.

Китайка была заметно раздосадована. Она что-то сказала кинооператору, но он ее не понял. Тогда она, тронув коня, взмахнула лассо. И опять, как вчера, Телятников, связанный, рухнул на землю.

— Оставьте, — взмолился он, — оставьте ваши трюки... Нельзя же повторяться.

Жалобный тон, с каким Телятников промолвил эти слова, по-видимому, тронул девушку. Проворно соскочив с коня, она подбежала к пленнику, развязала петлю и усадила рядом с собой.

— Спасибо, — поблагодарил Телятников. — Как тебя зовут? — осведомился он. — Я хочу знать твое имя, чудесная девушка.

Улыбаясь, китайка молчала.

— Меня, — указал на себя оператор, — зовут Андрей Телятников. — Андрей, — повторил он. — Андрюша... Меня — Андрюша.

— Ан... Ан... — с трудом повторила девушка.

— Андрей... Андрюша. А тебя?

И девушка поняла.

— Лю, — ответила она и, устыдившись, закрыла рукавом лицо.

— Великолепно! Вот мы и начинаем сговариваться. Хочешь, я увезу тебя в Ленинград, в Москву?

— Москау... Москау, — вздрогнув, вскочила на ноги китаянка. — Москау.

— Москва!.. Да, это наша столица.

— Москау, — мечтательно произнесла китаянка.

И так до зари они просидели на камнях. Нужно ли было им знать язык друг друга?

Восторженный Телятников говорил без умолку. На восходе солнца, взявшись за руки, они шли по горам, и только испуганный крик Джамбона заставил Телятникова побежать к палатке.

— Что бы это могло значить? — дергаясь от волнения и показывая Висковскому обрывок бумаги, едва не кричал Джамбон. — Слушайте, я прочту вам эту записку. Я нашел ее у изголовья. О, Ли Чан, как ты посмел!

С трясущимися губами профессор начал читать:

— «Дорогой мой господин и благодетель! Я на время покидаю вас. Умоляю, не пытайтесь узнавать, куда я скрылся. Где бы вы ни были, я к вам вернусь. Если вы уедете из Алмасских гор, я все равно скоро буду с вами. Тысяча лет благоденствия. Преданный вам ваш до забвения Ли Чан»... Куда он скрылся? — с горечью воскликнул Джамбон.

— Успокойся, ученый, — послышался голос позади. Все обернулись и увидели Лю Ин-сина.

— Он вернется. Он покинул тебя, но... так надо...

Не смея расспрашивать вождя партизан, Джамбон умолк.

Взошло солнце, и два человека, покинувшие горы, в этот момент были далеко в пустыне.

* * *

Ли Чан и сын вождя партизан Ван Дзе-лян на конях пересекали пески. Они ехали без припасов и воды. К вечеру Ван Дзе-лян, остановив коня, сложив руки, крикнул,

подражая реву барса. И ближний бугор зашевелился. Расступились и упали кусты саксаула. Человеческая голова вынырнула из песков.

— Нам дадут воду и свежих коней, — спокойно сказал Ван Дзе-лян. — Привет, друзья! — крикнул он. — Привет вам от старого Лю Ин-сина!

По целому ряду соображений нам не следует описывать путешествия двух китайцев — Ли Чана и сына вождя партизан.

«Пустыня живет», — вспомнил Ли Чан слова Лю Ин-сина, и он убедился, что всюду в тайниках песков существуют посты партизан. По зову Ван Дзе-ляна в песках и камнях, в зарослях саксаула, из-за курганов появлялись люди. Молодой китаец передавал им привет вожака горных воинов, и глаза людей пустыни загорались радостью. Они выносили им холодную воду, сушеное мясо и меняли коней. Каким образом они существовали в знойных песках, для Ли Чана осталось тайной. Он думал лишь о цели путешествия. Однажды, к концу четвертого дня пути, им повстречался стремительный всадник.

По обычаю степей и пустынь, встречный человек должен был остановиться, но этот всадник, не обратив внимания на наших путников, промчался мимо.

— Гонец, — объяснил Ван Дзе-лян. — Он скачет к Лю Ин-сину. Он в два раза быстрее нас совершит этот путь.

...На исходе шестого дня кончилась пустыня. На горизонте в тумане засквозили силуэты домов небольшого города.

Ван Дзе-лян соскочил с коня:

— Отсюда ночью мы пойдем пешком... Ночью нам принесут одежду, и мы станем неузнаваемы.

ЧТО ПРИВЕЗ ГОНЕЦ

Джамбон никак не мог привыкнуть к отсутствию Ли Чана. Он часто жаловался, как ребенок, растерянно оглядывался по сторонам, точно что-то забыв или потеряв, и

Висковский насколько мог старался рассеять грусть и печаль старого ученого.

Ночами Телятников осторожно покидал ущелье и только на заре возвращался к палатке.

На шестой день жизни в ущелье Алмасских гор наших друзей настигло потрясающее несчастье, перед которым все минувшие переживания — нападение фашистских пилотов и похищение Грани — показались им ничтожными.

Удары протяжного гонга раскатами эха пронеслись по ущелью. Со всех сторон сбежались партизаны, на скалу вышел Лю Ин-син. Рядом с ним стоял прискакавший гонец.

С почтительным поклоном гонец передал старику тяжелую кожаную сумку.

— Братя, слушайте вести, — провозгласил Лю Ин-син, вынимая из сумки пакеты и свертки бумаг. — Сейчас нам станет известным, что происходит в мире.

Из сумки выпало несколько газет на японском, китайском и английском языках. Подошедший вместе с Джамбоном Висковский поднял газеты и хотел передать их Лю Ин-сину, как вдруг ему показалось, что туман застилает ему глаза. Он покачнулся, приблизил газету к самым глазам и, ошеломленный, схватился за сердце:

— Профессор, смотрите, не сошел ли я с ума?

Джамбон взглянул на газету и вскрикнул. Подбежавший Телятников, не понимая, что случилось, тоже заглянул в газету и, побледнев, во все горло закричал:

— Русалка! Сестра! Граня!

На первой странице газеты был напечатан портрет Грани. В расшитом японском кимоно Граня улыбалась, и над портретом чернели огромные буквы заголовка:

«Она счастлива, что вырвалась от большевиков».

— «...что вырвалась от большевиков»... — прочел Висковский.

— Вы издеваетесь надо мной! — вскричал Телятников, вырывая из рук Висковского газету. — Этого не может быть! Но... но... кимоно... Она улыбается!..

Схватившись за голову, Телятников упал на колени. Он смотрел на портрет, переворачивал, теребил газету и скрежетал зубами, беспомощно обращаясь к Висковскому

— Газета выходит в трех изданиях, — сказал Джамбон. — Смотрите, всюду ее портреты и одна и та же записка. — И Джамбон прочел: — «Вырвавшаяся из СССР молодая спортсменка Г. Телятникова переживает сейчас самые счастливые часы пребывания за пределами страны большевиков. Стоит взглянуть на портрет, чтобы понять ее искреннюю радость...»

— Довольно! — в ужасе перебил Телятников. — Я не вынесу!... Грания... неужели это она?

— Да, это ваша сестра, — гневно подтвердил Висковский. — Это она!

В отчаянии Телятников на мельчайшие куски разорвал газету и бессмысленно осмотрелся вокруг.

В суровом молчании стояли партизаны. Они не понимали, но чувствовали, что произошло несчастье.

Закрыв глаза, Телятников согнулся, точно под ударом, но потом, опомнившись, он с трудом поднялся на ноги и, не глядя на геолога, холодно спросил его:

— Я не расслышал: вы, кажется, что-то сказали?

— Я сказал, — ответил Висковский, — что это ваша сестра...

Телятников гордо вскинул голову:

— В таком случае, вы ошибаетесь: я не знаю ее! Подлая предательница не может быть моей сестрой!

* * *

— Горе, великое горе! — беспрерывно твердил в этот день Джамбон. — Сколько несчастий! Где мой Ли Чан?

Ночью Висковский пришел к твердому решению покинуть ущелье и сообщил об этом Джамбону.

— Но Ли Чан... — простонал ученый. — Как быть?..

— Остается верить ему, он ведь написал...

— Совершенно верно,— согласился Джамбон.— Я еще не имел случая разочароваться в верности моего Ли Чана. Да, да, мы поедem...

Глубокой ночью Висковский услышал голос Телятникова.

Невдалеке от палатки кинооператор с кем-то разговаривал.

— Лю, — говорил Телятников, — ты... ты никогда не будешь изменницей... Но она... она! Лю, я сойду с ума!..

Голос Теляникова оборвался, и геолог услышал тяжелые рыдания.

..На следующий день осунувшиеся, истосковавшие путешественники, сообщив Лю Ин-сину о своих намерениях, стали собираться в дорогу.

— Почтеннейший Лю Ин-син, — отведя вождя партизан в сторону, робко сказал Джамбон, — вспомни, я просил тебя разыскать мне таинственных...

— То, что обещал Лю Ин-син, нерушимо, как камни гор... Позовите Хэ Мо-чана, — ударив в ладоши, сказал старик.

Немедленно на его зов явился древний Хэ Мо-чан, которого ученый видел в первый день прибытия в ущелье.

— Хэ Мо-чан, — с необыкновенным уважением произнес Лю Ин-син, — ему сто сорок лет. Он дед наших дедов. Он знает все тайны гор, он провел нас в эти недоступные ущелья. Ему известны все тайны,— повторил Лю Ин-син и, возвысив голос, обратился к старику: — Хэ Мо-чан! Настал час, ты проведешь ученого в Долину Смерти и Пещеру Снов.

— Син. Повинуюсь, — сказал Хэ Мо-чан. Ноги его дрожали в мохнатых сапогах из волчьего меха.

Джамбон, казавшийся подростком в сравнении со стариком, взяв под руку «деда дедов», удалился с ним по тропе.

Два или три часа отсутствовал ученый. Вернувшись один, без Хэ Мо-чана, он прямо прошел к Висковскому.

— Не волнуйтесь, мой друг, — задышавшись, промолвил он, вынимая из внутреннего кармана пиджака хрупкий, точно

фарфоровый, свиток. — Поддержите меня, я теряю силы... Когда мы выберемся отсюда... Я дал клятву... Только тогда я смогу рассказать вам... Висковский, мой дорогой юный друг, в наших руках тайна алмасов...

* * *

В полдень Лю Ин-син приказал ударить в гонг. Опять собрался весь народ, и предводитель партизан объявил:

— Братья, прощайтесь. Высокие гости наши, увы, не могут более оставаться в ущелье. Завтра мы выступаем в поход. Пора снаряжаться, и сейчас как раз время проводить их в путь. Не беспокойтесь, — сообщил он Висковскому, — машина, на которой вы счастливо прибыли к нам, приготовлена. Два автомобиля японцев, подбитых нами, были нагружены большим запасом бензина. Все в вашем распоряжении, все перенесено в вашу машину. Бочки наполнены водой.

Под грохот барабанов, как на параде, выстроились партизаны, и четверо друзей попрощались с обитателями Алмасских гор.

— Я должен просить прощенья, — застенчиво, но твердо сказал Лю Ин-син, — глубокие обстоятельства вынуждают... Придется завязать вам глаза...

Туго завязан черный платок, и снова, как ночью, под ногами колышется плетеный мост. Висковский поднимается по веревочной лестнице, ползет по обрыву. Постепенно затихает шум потока, легкий ветер повеял в лицо. Песок.

— Я не беру с вас слова, — пожал ему руку Лю Ин-син, — вы откроете глаза через полчаса. Прощайте... Вы скоро услышите о нас.

Когда Висковский снял повязку, никого из партизан уже не было и в сыпучих песках потонули, пропали следы.

— В путь, в путь, — заторопил Джамбон, — домой! У меня большая работа. Дни и ночи отныне я стану расшифровывать древние рукописи. Бедные наши друзья, — скон-

фузился профессор, перехватив взгляд Висковского, — как тяжело расставаться с ними!..

— Следовало бы чем-нибудь отблагодарить товарищей, — предложил Телятников. — Съемку сорвали, но они отличные ребята! Оставим им эти мешки, — указал он на имущество немецких пилотов.

— Превосходно! — согласился Висковский. — Парашюты очень кстати. Материя пригодится партизанам, но хотелось бы более существенное.

— На старт! — самому себе скомандовал кинооператор. — Как говорят капитаны, полный вперед!

Телятников дал три протяжных гудка в честь братской встречи, и «додж» тронулся.

В МАНЬЧЖУРСКОМ ГОРОДЕ Н.

У самой границы пустыни расположен город Н. Низкое каменное белое здание станции находится в километре от города. Пыльная степь, базар, и за ним одноэтажные деревянные строения, окруженные заборами лавчонки с шестами, украшенными лентами, мастерские, в которых чинят велосипеды и граммофоны. Пестрая афиша единственного кино, вывеска с намалеванной танцующей парой и звуки радиолы зовут в местный дансинг. Китайские нищие в рубищах бродят вокруг, поднимая пыль босыми ногами. Переулок публичных домов. И в конце городка — миниатюрная и пышная кумирня. И это все, что можно увидеть в городе Н. Его бы можно было назвать поселком, если бы вблизи не находились угольные копи, а рядом с ними — недавно построенные казармы. За хижинами и полуразрушенными фанзами простирается аэродром, куда опустился самолет пилота Крюгера.

В конце нашей истории читателю станет понятным, откуда мы узнали публикуемые подробности. Поэтому, не задерживаясь на объяснениях, мы объединим все известные нам факты и последовательно передадим, что случи-

лось в тот день, когда из прибывшего самолета вынесли связанную Граню.

Японский полковник встречал самолет. Крюгер, отдав рапорт, указал на девушку. Полковник с благодарностью пожал ему руку, и девушку на автомобиле отвезли в единственный в городе двухэтажный каменный дом вблизи вокзала.

Граня очутилась в темной комнате. Узкая тахта, маленький стол и табуреты стояли у стен. Девушку мучила жажда. Увидев графин и чашку, она напилась воды и через несколько минут уснула непробудным сном. Несомненно, в воду были прибавлены сонные капли. В тяжелом сне Граня не могла слышать, кто входил в комнату. Проснувшись, она заметила пробивающийся сквозь шторы солнечный свет, хотела встать, но... кто-то во время сна снял с нее платье. Ничего не сознавая, с болью в голове, припоминая события минувшего дня, Граня, натянув одеяло, поднялась и отдернула штору. Решетка на окне напомнила ей, где она находится. На табурете лежал сверток одежды. Это было цветистое, расшитое кимоно. Что оставалось делать Гране? Она решила, если понадобится, разбить двери, но во что бы то ни стало выйти отсюда. И она надела то, что ей попало под руку. Короткое кимоно забавно сидело на ней. Взглянув в зеркало, Граня изумленно улыбнулась, но в ту же секунду отчаянный гнев охватил ее. Толкнув дверь и убедившись, что она заперта, Граня стала бить по двери кулаками, затем схватила табуретку, разбила окно, но за окном была чугунная решетка...

Могла ли девушка знать, что в короткий миг, когда она надела кимоно, находившийся за стеной, специально дежуривший фотограф снял ее и случайную улыбку. Остальное дополнила ретушь. Так в газетах появилась фотография пленницы, советской девушки-спортсменки, с клеветнической заметкой.

Не прошло и пяти минут, как на поднятый Граней шум и грохот дверь растворилась, и в комнату вошла старуха в длинном шелестящем шелковом платье.

— Проснулись, голубушка? — приторно ласковым голосом, как ни в чем не бывало, на чистом русском языке спросила старуха. — О боже, какая вы красавица!

— Где я? — кинулась к женщине Граня. — Кто вы?

— Успокойтесь, успокойтесь, дорогая, вам будет очень хорошо...

— Я прошу ответить!..

— С удовольствием представляюсь вам. Будемте знакомы. Я русская княгиня Анна Дмитриевна Крутицкая... Надеюсь, мы станем с вами друзьями.

— Княгиня?..

— Княгиня, — поклонилась старуха. — Как вас зовут, моя...

— Княгиня? — вскрикнула ошеломленная Граня. — Где же я? Что происходит?

— Милочка моя, я вам все разъясню. Вы в маньчжурском городе Н. Город находится под покровительством японского военного отряда... Они очень приветливы, и поверьте...

— Княгиня!.. Японцы... — все еще ничего не соображая, растирая виски, пыталась прийти в себя Граня. И, вдруг догадавшись, воскликнула: — Но вы... вы эмигрантка?!

— Эмигрантка, — опустив глаза, сказала Крутицкая. — Вам известно, в силу каких причин, милая моя...

— Не смейте так называть меня! — разъярилась Граня. — Я комсомолка, и никаких...

— О, что с вами? Повремените...

Но Граня уже не слушала ее. В каком-то беспамятстве она оттолкнула старуху и сломя голову кинулась по лестнице вниз. На крик княгини внизу выскочили военные, Среди них Граня узнала пилота Крюгера. Несколько человек в военной форме, обвитые портупеями, тотчас окружили ее.

Случись Гране на минуту раньше быть в зале, откуда они выбежали, она бы услышала разговор, который самым близким образом касался ее, брата и советских путешественников.

Пилот Крюгер заканчивал свое донесение.

— Превосходно! — заключил полковник. — Девушка вряд ли сможет дать нам какие-либо серьезные сведения. Но, во всяком случае, она нам расскажет о цели их экспедиции. Четверо остались в песках. Как вы говорите, у них нет горючего и воды. Если мы отправим самолеты, мы возьмем их голыми руками. Вы, господин Крюгер, проводите машины в пустыню.

— Я готов... Я могу точно указать местонахождение и координаты.

— А сейчас, — сказал полковник, — нам нужно заняться воспитанием этой комсомолки. Хорошо, если бы она написала письмо своим... Было бы гораздо легче...

— Господин полковник, — вставил один из офицеров, — если она действительно комсомолка, будет очень трудно...

— Ерунда! — перебил полковник. — Разве вы не знаете женщин? Наряды, тряпки, развлечения — и она будет наша.

Крик княгини прервал заседание штаба.

Попавшись в руки военным, Граня на секунду смирилась.

— Немедленно, — потребовала она, — верните меня к брату!

— Сколько пылу! — улыбнулся полковник. — Положительно, она восхитительна. Крюгер, вы были в плену у русских, вы же знаете русский язык, объяснитесь с этой чарующей...

— Барышня, — подыскивая слова, начал Крюгер, — я имею честь...

Голос Крюгера вывел Граню из себя:

— Негодяй! Это вы увезли меня?.. Я... я... убью вас!

И, схватив с перил лестницы вазу, Граня бросила ее в пилота. Крюгер вовремя присел, иначе бы он не остался в живых.

— Убрать! — вскричал полковник.

И адъютант, скрутив Гране руки, повел ее наверх и закрыл дверь.

Два дня Граня пролежала в комнате за решеткой. Она не подпускала к себе Крутицкую, отказывалась от еды и уже раздумывала о способе самоубийства,

Ночью в конце четвертого дня Граня услышала в темноте звук, как будто под дверью возилась мышь. Включив свет, она заметила под дверью просунувшийся клочок бумаги.

Записка! Граня быстро прочла десять строк, написанных кривыми печатными русскими буквами. Провокация или...

В записке она прочла следующее:

«Ради Вашего спасенья, ради Вашего брата действуйте так, как советуют Вам друзья. У Вас здесь есть друзья, и они спасут Вас. Сделайте вид, как будто вы образумились. Ничего не говорите с окружающими и не показывайте возмущения, иначе Вас отправят в тюрьму, откуда спасти Вас будет труднее. Да здравствует Москва! Записку уничтожьте.

Друзья».

Без конца Граня перечитывала записку и решила: «Если это провокация, какой риск?.. Я все равно буду молчать. Под пыткой я не произнесу ни одного слова...»

Когда наутро в комнату нерешительно вошла Крутицкая, Граня была спокойна.

— Распорядитесь принести мне еду.

Старуха необычайно обрадовалась:

— Голубушка, вы не представляете, какие радости ждут вас!..

В сопровождении Крутицкой Граню посетила портниха. На следующий день под охраной трех офицеров ее вывели на автомобиле на прогулку в степь. В комнате поставили «виктролу», а еще через день Крутицкая явилась с огромными картонками нарядов, Граня покорно и безразлично примеряла роскошные платья.

— Дорогая, — как бы невзначай, спросила ее бывшая княгиня, — может быть, вы хотите побеседовать с господи-

ном полковником? Он принимает такое участие... Клянусь, вы очаровали всех!

— Нет, — ответила Граня, — я подожду еще несколько дней.

— Приготовьтесь, на днях вам предстоит познакомиться с местным обществом, — сообщила Крутицкая. — Хотя они азиаты, тем не менее это в высшей степени культурные и галантные люди. Они так трогательно заботятся о нас...

— Что будет на днях?

— Бал и ваш выход в свет, — улыбнулась Крутицкая. — К вашей золотой головке чудесно пойдет голубое платье. Вы всех покорите.

Бессонную ночь и еще один мучительный день провела Граня. В самых смелых и фантастических мечтах могла ли она вообразить, что случится с ней грядущей ночью?

Вечером с помощью камеристки Крутицкая одевала Граню. пышное голубое платье, бледные розы. Глядя на себя в зеркало, Граня, не узнавая себя, чувствовала, что она теряет силы.

«Что со мной? К чему этот маскарад?» — про себя рассуждала она, еле сдерживаясь, чтобы не отшвырнуть ползавшую вокруг нее с булавками во рту Крутицкую.

* * *

Оркестр играл штраусовский вальс. Граня вслед за Крутицкой медленно спускалась по лестнице в зал, где уже собралось множество военных. При ярком свете всюду сверкали золото, ордена, мундиры. Вдоль стен, как на сцене оперы, обмахиваясь веерами, сидели русские дамы-эмигрантки. Молодые японки в европейских платьях кружились по залу.

Задержав Граню на ступеньке, Крутицкая, взяв ее под руку и отведя в сторону, к вазе с цветами, поставленной вместо разбитой, указала вниз:

— Милочка, на сегодняшнем балу вы встретите самое изысканное общество, какое можно было видеть только на придворных балах Санкт-Петербурга. Посмотрите: с краю сидит княгиня Заржицкая, первая красавица Петербурга. Однажды покойный государь...

Взглянув туда, куда ей указывала Крутицкая, Грания едва не расхохоталась. «Первой красавице Петербурга», желтой, седой, сморщенной старухе с острым подбородком, было не менее шестидесяти лет.

— У колонны, — продолжала Крутицкая, — вы видите примадонну императорских театров Несветинскую. Ее улыбка пленяла всю столицу...

И опять Грания еле сдержалась, чтобы не засмеяться. Как ни тяжело было ей, но невозможно было без смеха смотреть на эту кунсткамеру сморщенных и сгорбленных, тощих фигур.

Наконец, спустившись вниз, Крутицкая представила Гранию обществу. Последним к ней подошел Крюгер. Осторожно пилот предложил ей руку и был смущен, когда Грания приняла ее.

Стараясь ничем не выказывать своего отвращения, Грания молча ходила с Крюгером по залу и терпеливо слушала его сбивчивую речь. Нетрудно было заметить, что все окружающие, занятые разговорами или танцами, с любопытством следили за этой парой. Внезапно сквозь грохот музыки Грания отчетливо расслышала гул самолетов.

Крюгер, поклонившись, своим ломаным языком сказал:

— Завтра вы будете иметь колоссальное удовольствие видеть и обнять своя брат...

— Каким образом? — встрепелась Грания. — Самолеты летят...

— Нах пустыня... Вы догадывайсь правильно...

— За братом и...

— Все четвером будет здесь. Они вылетают на базу, через час я будет лететь и догонять их у гор, чтобы показать место... Разрешите вальс.

Лихорадочно раздумывая над словами Крюгера, Грания автоматически закружилась в вальсе.

И вдруг знакомая тень упала на стекло раскрытого окна. Граня покачнулась и, стиснув губы, сдержала крик.

В окне промелькнуло лицо Ли Чана.

— Вам плохо? — остановился Крюгер. — Разрешите пройти в парк.

— Да, да, на воздух... — сжимая его руки, попросила Граня.

Польщенный Крюгер, бросив на полковника многозначительный взгляд, что-то сказал ему на ходу и объяснил Гране:

— Чудесный, дивни парк! Я сказал, и никто не будет мешать наша прогулка вдвоем.

В темной аллее, важно шагая об руку с Граней, Крюгер рассуждал:

— Я понимаю, вы очень скучаете за родина. Я сам полный печаль оставил фатерланд и служу у японский воздушный флот. Будет время, я вернусь мой любимый...

Он не закончил фразы. Тени метнулись из-под кустов. Чьи-то сильные, цепкие руки сдавили его горло и закрыли рот. Граня отшатнулась, но в тот же миг увидела перед собой лицо... лицо Ли Чана.

— Молчите! — быстро предупредил ее китаец.

Спустя три минуты по степной дороге мчался автомобиль. Незнакомый человек сидел за рулем — и рядом с ним замирающая от радости и неизвестности Граня. Позади сидели Ли Чан и молодой китаец. Держа за руки Крюгера, они не сводили с него револьверов.

Холодным, бесстрастным голосом человек за рулем, не оборачиваясь, отрывисто говорил Крюгеру:

— Поймите, нам терять нечего. Если вы издадите малейший звук, в ту же секунду пристрелят вас. Повинуйтесь, и вам сохранят жизнь. Нет смысла быть пристреленным — ведь вы служите за деньги. Помните: если нас схватят, вы тотчас будете убиты. Нам нечего терять!

С полного хода автомобиль остановился у ворот аэродрома.

— Помните! — повторил человек у руля.

А Ли Чан и Ван Дзе-лян приставили к бокам Крюгера дула револьверов.

В темноте подошел часовой.

— Это я, пилот Крюгер, — сказал немец и назвал пароль.

Ворота раскрылись. Автомобиль помчался в конец аэродрома.

— Где ваш самолет?

— К полету все готово?

— Да, — прохрипел Крюгер, — все готово. Нет бортмеханика.

— Справимся.

И человек, управлявший автомобилем, выскочил из машины.

В темноте чернел самолет.

Под двумя револьверами, Крюгер занял свое место в пилотской кабине. Ли Чан передал Гране револьвер, и она села на место бортмеханика. Неизвестный завел пропеллер. В грохоте мотора Граня услышала:

— Да здравствует Москва!

Самолет понесся по полю. Автомобиль выехал за ворота и скрылся в облаках пыли.

Всходило солнце, когда Крюгер под угрозой трех револьверов поднялся за облака.

— Уберите, — попросил он Граню. — Пусть они уберут оружие. Если захотят, они меня будут убить... Спросите, куда лететь.

— В пустыню, к Алмасским горам, — приказал Ли Чан.

— Помните, — прокричала воодушевившаяся Граня, — помните, что вам сказали. Если вы предадите нас — мы погибнем, но прежде вы будете убиты. Вперед!

— Алмасские горы, я понимаю, — закивал Крюгер. — Я дорожу своя жизнь.

* * *

В лучах солнца нового дня самолет летел над пустыней. К удивлению Грани, Крюгер стал совершенно спокоен. «Уж не задумал ли он предательство?» — подумала она. Но Крюгер летел к Алмасским горам. Иная причина давала ему возможность быть спокойным за свою судьбу.

Итак, самолет — над пустыней, а в другом конце, среди песчаных барханов, двигался автомобиль с тремя советскими путешественниками.

«АЛМАС!.. АЛМАС!..»

Пустыня. Тишина. Нежная рябь на песчаных холмах и сияющее до боли в глазах яркое синее небо. Медленно двигался автомобиль, словно не решаясь расставаться с горами, и путники, скованные щемящим и томительным чувством, хранили молчание.

Тяжело вздыхая, ученый наконец перестал смотреть на скалы и обратился к геологу:

— Наступило время, друг мой, раскрыть вам тайну алмазов, поведать о том, что я видел в Долине Смерти и в Пещере Снов. Но прежде я приведу небольшую историческую справку. В одном из маньчжурских городов... Но вы не слушаете меня?..

— Остановитесь! — встревоженно приказал Висковский. — Мне кажется... летят самолеты!..

И действительно, три самолета, по виду бомбардировщики, появились с востока и через несколько минут закружили над автомобилем.

— Несомненно, за нами, — убежденно сказал Висковский. — Едем обратно! Посмотрим.

С самолетов заметили маневр «доджа», и тотчас все три бомбардировщика тоже повернули к горам.

— Ясно... Все понятно, — решил Висковский. — Продолжайте ехать. Старайтесь как можно дальше отъехать от гор. Я остаюсь.

— Один? Я не позволю,— запротестовал профессор, — покинуть одного! Никогда...

— Нет времени для споров, — повелительно прервал его геолог, — гоните сейчас же изо всех сил. Я должен остаться!

Джамбон, как огорченный ребенок, обиженно моргая глазами, по-детски раскрыл рот и уже не мог говорить. Он лишь умоляюще протягивал руки, надеясь задержать геолога.

— Бесценный друг, — бормотал он дрожащими губами, — сделайте милость, объясните, что вы задумали? Вы погубите себя!

— Я остаюсь, — легко отстраняя руки ученого, категорически повторил Висковский. — Успокойтесь и поезжайте, иначе вы погубите всех нас... Так нужно.

— Я догадываюсь, — вмешался в разговор нахмурившийся Телятников. — Если необходимо, оставайтесь. — Кинооператор вынул револьвер и добавил: — Будьте спокойны, в случае чего я от вашего имени...

— Спрячьтесь, немедленно спрячьтесь в машину! Постарайтесь лишь оттянуть время часа на два-три, больше ничего от вас не требуется. Никакой стрельбы.

— Но если «геноссен»...

— Тем более... Ни в коем случае.. Пусть делают с вами что хотят. Главное — оттяните время.

— Есть! Заговорим! Можете не сомневаться — вы же знаете мой замкнутый характер.

И автомобиль с недоумевающим, растерянным Джамбоном помчался вперед. Самолеты бреющим полетом понеслись вслед за «доджем». Висковский лег на горячий песок и лежал недвижимо до тех пор, пока окончательно не затих рев моторов, Внимательно прислушавшись, не возвращаются ли самолеты, Висковский убедился, что пилоты его не заметили, и только тогда он побежал к горам. Не более чем через час он был у пропасти.

Изнывая от усталости и жажды, геолог опустился на землю.

— Лю Ин-син! — сложив рупором ладони, закричал он, свесившись над пропастью. — Лю Ин-син! — Крик прозвучал слабо в пустынном пространстве, и Висковский потерял надежду, что его услышат.

Дым, еще недавно тянувшийся из ущелий, исчез. Геолог понял: партизаны заметили аэропланы и погасили огни. Тогда он принялся бросать в пропасть камни. Тяжелые камни, падая, точно таяли в воздухе, беззвучно пропадая в бездне.

«Очутившись в одиночестве, — рассказывает Висковский, вспоминая настоящий эпизод, — и не слыша ответа на свои крики, я чуть было не раскаялся в том, что покинул автомобиль. Один в песках! Один в таинственных, безлюдных песках пустыни, за пределами Монголии, в краю, который никому не принадлежит! Я был песчинкой на колоссальном географическом «белом пятне». «Что, если, — подумал я, — никто не откликнется? Сумею ли я добраться до нашей машины и спастись?» И я безостановочно бросал камни в пропасть...»

Рука наткнулась на теплые упругие мешки. Вскочив на ноги, Висковский сосредоточенно уставился на запакованные парашюты, и, не зная еще, что предпринять, обдумывая возникшую мысль, он почти бессознательно поднял второй мешок и отстегнул пряжки — на песок выпал спутанный ремнями твердый зеленый брезентовый ранец. Держа в руках предмет, похожий на автомобильную подушку, Висковский напряженно вспоминал. Он никогда не прыгал с парашютом. Он не успел. В прошлом году весной он посетил только один раз аэроклуб. В Ленинград приехал работавший два года на Колыме товарищ; три дня веселился с ним Висковский, разъезжая по дачам знакомых, пропустил два урока, и его перевели во вторую очередь. Затем экстренная экспедиция в Казахстан. С какой ненавистью сейчас он вспоминал граммофон в лесу, где они, хоча, танцевали, спотыкаясь о пни!

Что же объяснял инструктор? К чему этот ранец и пряжки? Закрыв глаза, Висковский представил лужайку, на которой собрались будущие парашютисты, и даже вспомнил

лицо инструктора. Застыв в напряжении, боясь шелохнуться, геолог механически вскинул ранец за спину и щелкнул карабинами, которые туго вошли в алюминиевые пряжки. Опоясанный диковинной упряжью, Висковский шагнул к обрыву. Он нерешительно посмотрел на большую квадратную рукоятку. Вытяжное кольцо? На секунду ему показалось невероятным, почему этот квадрат называют «кольцом». Но это несомненно вытяжное кольцо. Отойдя назад, Висковский, вцепившись в рукоятку, разбежался и прыгнул в пропасть,

«Я думал, — рассказывал нам геолог, — что разорвется сердце, так вдруг стеснило грудь; я задохнулся, в глазах перевернулись небо и скалы. Я падал, как подстреленная птица, и, сильно дернув рукоятку, не верил, что парашют раскроется. Может показаться бессмысленным, но в ушах у меня ясно прошипел граммофон, тот граммофон, что играл в лесу... Длинное полотнище выскользнуло из-за спины, и над головой распахнулся огромный купол. Рывок меня отбрасывает в сторону. Никогда в жизни я так не торжествовал, как в ту секунду. Когда натянулись стропы, мне показалось, что по ним в руки мои переливается необычайная, могучая сила...»

Плавно раскачивались черные скалы. Висковский быстро опустился в мрачную теснину. Отстегнув парашют, геолог оглянулся по сторонам. Под отвесной скалой, в диком, первобытном мире, закрывая небо, в темноте сбились острые валуны высотой в три человеческих роста.

— Лю Ин-син! — как и прежде, закричал Висковский и, не слыша ответа, пополз на четвереньках.

Ноги застревали в расщелинах, острые камни ранили, раздирая руки. Геолог упорно переползал через валуны, и вскоре скалы раздвинулись.

Перед Висковским раскрылась широкая, светлая долина. Обрадованный геолог сделал движение, намереваясь бежать, но остался в прежнем положении. Станный вид поразил его: кости, груды костей и человеческих черепов лежали на земле, а вдалеке долина, казалось, была покрыта глубоким снегом. Не зная, идти ли дальше или искать

другого пути, Висковский повернулся и невольно отпрянул назад. У подножия горы, в пещере, горела свеча. В следующую минуту из пещеры вышел сторбленный человек. Покрывало на плечах, серые мохнатые сапоги... И сразу Висковский узнал старика.

— Хэ Мо-чан!.. Где Лю Ин-син? — порывисто спросил геолог. — Проведи меня.

Вместо ответа Хэ Мо-чан приложил палец к губам и, указывая на пещеру, где горела свеча, приказал молчать. Но Висковскому некогда было раздумывать над словами старика. Надеюсь кого-либо застать, помимо Хэ Мо-чана, он вбежал в пещеру... и отпрянул назад.

На соломенной цыновке у плоского камня при свете восковой свечи, сторбившись, сидел необычайный человек. Обросший волосами, в мохнатых шкурах, он был похож на дикого зверя. Услышав шум шагов, он повернулся и в страхе очерил рот. В дрожащей его руке дергалась кисть, которой он до того что-то писал на расprostертом по камню пергаменте. В ужасе страшный человек отбежал вглубь пещеры.

Крепкие, жилистые руки схватили Висковского и заставили выйти из пещеры.

Смертельно испуганный Хэ Мо-чан, глотая воздух, разводил руками и, задыхаясь, повторял:

— Алмас!.. Ам-моно... Алмас!..

С горы торопливо спускался Лю Ин-син.

ДВА ПЛЕННИКА

Оставим геолога в долине — судьба его больше не вызывает беспокойства — и поспешим в пустыню, к автомобилю, который, вопреки приказанию Висковского, вместо того чтобы развить предельную скорость, в самом непродолжительном времени замедлил ход, потом безнадежно остановился. Самолеты, снижаясь, пошли на посадку, и «додж», быстрый, проворный «додж» Телятникова, стоял

как вкопанный у песчаного бугра. В радиаторе вскипела вода.

Три самолета сели не далее чем в ста метрах от «доджа», и спустя пять минут Телятников оповестил Джамбона:

— Идут. Семь или восемь человек. Профессор, как быть? Что вы им сегодня предложите взамен чудесной антилопы?

Восемь одинаково одетых в комбинезоны спутников окружили автомобиль. Из среды прибывших на самолетах людей вперед вышел коренастый, низкого роста человек в военной куртке. Скуластое лицо японца вежливо улыбалось, и на превосходном русском языке, любезно раскланявшись, он поздоровался с нашими путешественниками. Он превосходно владел чужим ему языком, только немного запинался на букве «л», выговаривая ее почти как «р».

— Не станем представляться друг другу, я командир этого небольшого отряда. Очевидно, — сказал он, — вы догадываетесь о нашей цели.

— Нисколько, — столь же учтиво ответил Телятников. — Может быть, господин Крюгер прислал с вами одолженный им бензин?

Довольный собой, Телятников был рад случаю изумить летчиков дипломатическими способностями. Заговорив, он не мог удержаться, чтобы полностью не развернуть перед ними своего блестящего дара.

— Я восхищен, — продолжал он, припоминая читанные им интервью, — я потрясен искусством господина Крюгера, сумевшего улететь на простом бензине! Я заключаю, что он предпочитает старые конструкции или является изобретателем моторов, работающих на тяжелом топливе.

— О, вы как раз затронули центральную тему! Пилот воспользовался всем вашим запасом. Не будете ли вы столь любезными осведомить нас, откуда вы достали бензин в пустыне?

— Предусмотрительность, — нагло рассмеялся в лицо незнакомцу Телятников. — Я всегда имею обыкновение брать с собой лишние талоны, и у ближайшей колонки...

— Довольно, — перебил маленький командир. — Вы были у бандитов!

— Бандиты? — запальчиво бросил Джамбон. — Бандиты обычно нападают на мирных путешественников, обирают и оставляют на голодную смерть.

— Бандиты, — как бы не слыша слов Джамбона, повысил тон командир, — в течение года скрываются в горах. Нам это доподлинно известно. Вы были у них. Вы нам составите услугу и укажете ход!

— О чем речь? — с нескрываемым притворством переспросил кинооператор. — Мы совершали прогулку по пустыне и никого, кроме Крюгера и животных, не встречали.

— Партизаны! Нас интересуют партизаны!

Джамбон, не давая Телятникову ответить, шагнул к командиру и высокомерно-резко заявил:

— Я был... я был у партизан. Что вам угодно?

— Я в высшей степени рад вашей искренности...

— Что вам угодно, спрашиваю я!

— Укажите нам...

— С завязанными глазами, — перебил командира профессор, — с закрытыми глазами нас провели в ущелье, но... но если бы я видел ход, клянусь честью, я все равно не сказал бы вам!

Джамбон гордо выпрямился, не подозревая, какие последствия будут иметь его слова.

Не меняя выражения лица, человек в военной куртке снова задал вопрос кинооператору:

— Где ваши остальные спутники?

— Сколько сейчас времени? — вместо того чтобы ответить, в свою очередь спросил Телятников. — Не откажите сказать, который час?

— Семнадцать часов шесть минут, — удивленно посмотрел на часы военный. — Почему это вас интересует?

— Я боюсь, не опоздал ли наш друг на футбол. Начало ровно в пять. Вы любите футбол?

— Предупреждаю вас, молодой человек, — заметно раздражаясь, пригрозил командир пилотов, — дело серьезнее,

чем вы предполагаете. Упорство вынудит нас прибегнуть к репрессиям... Немедленно отвечайте: сколько вы видели партизан, сколько у них коней, каково состояние вооружения и запасов продовольствия? Даю вам слово, что вы будете неприкосновенны и свободны, если ответите на вопросы.

— В таком случае, можете сейчас же распрощаться с нами. Вы ничего не узнаете.

— Я уверен в обратном...

— Напрасно, — делаясь серьезным, уверил Телятников.

— Напрасно задерживаете и себя и нас.

— Ответите, повторяю вам, ответите! Предлагаю первый вопрос. Подумайте. Будет поздно.

— Полковник или кто вы там по чину, не упускайте из виду главного обстоятельства: перед вами гражданин СССР.

— Каждый ответит за себя, — промолвил командир и сделал знак сопровождавшим его пилотам.

Кинооператор, с минуты на минуту ожидая нападения, предусмотрительно прислонился к автомобилю. Пилоты, выслушав непонятный кинооператору приказ, направились к «доджу», и, лишь только они приблизились, Телятников сорвал с машины массивный штатив:

— Разойдитесь! У меня еще три ноги.

Отскочив назад, Телятников тотчас раскаялся в своей ошибке. Летчики захватили Джамбона и потащили его за собой. В ярости вспыльчивый кинооператор, забыв наставления Висковского, ринулся на помощь ученому. И мог ли он поступить иначе? Налетев на пилотов, Телятников с размаху ударил штативом первого попавшегося под руку, затем, уже не разбирая, кружа над головой тяжелым треножником, как легкой бамбуковой палкой бил кого попало. Сшибая противников с ног, нанося страшные удары, кинооператор во весь голос орал:

— Подходите! Получите! Я покажу вам непревзойденные американские кадры!

Выстрел прогремел над ухом. Маленький командир, опустив револьвер, как ни в чем не бывало хладнокровно заметил:

— Превосходные удары. Bravo! Bravo! Однако таким образом вы не спасетесь. Советую вам, сдавайтесь.

Спокойный голос полковника заставил Телятникова опомниться. Четыре человека поднимались с песка.

— Положите штатив.

— Смешной малютка! — двинулся к нему Телятников.

Незаметно подкравшись сзади, летчик, приемом джиуджитсу дернув его за руку, опрокинул на спину.

— Смеется последний, кажется так говорит ваша русская пословица? Займемся стариком, — сказал военный, — он скорее всех расскажет.

Сдерживая стоны, хромая, избитые Телятниковым люди обступили Джамбона.

— Гамак! — приказал командир. — Извините, господин профессор, но мы вынуждены применить свои средства.

Летчики сняли с автомобиля толстые шести и воткнули их глубоко в песок. Привязав руки профессора к двум шестам и ноги к штативу, они вырыли под ним песок и сложили для костра доски ящика. Джамбон повис в воздухе.

— К сожалению, в походной обстановке мы не можем устроить более усовершенствованный гамак. Но вам так прохладно. Я прикажу зажечь огонь.

— Ли Чан, — простонал ученый, — где ты, мой Ли Чан? Знай, — с трудом выговаривая слова, промолвил он, — когда четыреста с лишним лет назад Колумб открыл Америку, на одном из островов матросы увидели подвешенные на сваях сетки. То были постели дикарей. Аборигены называли их гамаками. Первое индейское слово, которое усвоили моряки, было «гамак». Сейчас я слышу его из уст современных людоедов...

* * *

Над пустыней летел самолет Крюгера. В четыре часа дня Ван Дзе-лян увидел горы и жестом указал немецкому

пилоту направление. Не прошло и двух часов, как Ли Чан, молодой китаец и Граня увидели автомобиль. Но... радость их мигом сменила тревога. Невдалеке от автомобиля стояли три самолета.

— Я ни в чем не повинен, — скрывая улыбку, сказал Крюгер, — они полетели на своя инициатива, они должен был ждать меня и пришел первый к ваш брат...

Ли Чан, дотронувшись до локтя Грани, знаком попросил ее, чтобы она приказала Крюгеру пойти на посадку.

Крюгер охотно выполнил это поручение. Самолет, покружив над ровной площадкой, сел в трех километрах от автомобиля Телятникова. Два китайца, крепко связав Крюгера, бросили его на песок и вместе с Граней побежали к автомобилю...

Что же происходило с Джамбоном и Телятниковым?

Пытка продолжалась.

— Господин профессор, мне горестно прибегать к крайним мерам. Я жду... — несколько раз повторил полковник.

— Крепитесь, профессор! — крикнул Телятников. — Помните, вас называли братом.

— Ли Чан... Мой бедный Ли Чан, — закрыв глаза, обрывающимся голосом сказал Джамбон, — помнишь тонконогих дзеренов? Никогда не трогай нежных антилоп и... и... без пощады, без сожаления уничтожай этих зверей...

— Отменю, моментально отменю приказ. Дайте слово... — как бы жалея старика, попросил командир, — или сейчас зажгут...

Не закончив фразы, командир умолк. Вздогнув, летчики побросали доски ящиков.

Гул самолета! Пораженный командир тревожно поднял голову, но тотчас успокоился:

— О, да ведь это Крюгер! Обождем немного — может быть, вы станете сговорчивей со старым приятелем. Вот он идет на посадку.

С полчаса полковник выжидал.

— Однако странно, — пробормотал он. — Почему Крюгер не опустился рядом с нашими самолетами?.. Нечего терять время, — немного погодя решил он. — Разложить огонь!

Крюгер придет в разгар великолепного зрелища. Развести огонь под гамаком.

Пилоты кинулись с досками ящиков к профессору.

— О, мой Ли Чан! — вскричал Джамбон. — Ты не увидишь моей кончины, Ли Чан!

— Я здесь, мой старый господин! — раздался голос Ли Чана из-за бугра, и через секунду он сам появился на вершине. — Я здесь, Джам... — И с револьвером в руках он ринулся вниз.

— Взять! — взревел полковник. — Взять их!

Следом за Ли Чаном бежали Грания и Ван Дзе-лян. Грания подбежала к связанному брату.

— Русалка! — ликующе закричал Телятников. — Ты?

— Дай твои руки!

Внезапно лицо Телятникова перекошилось. К ужасу сестры, он крикнул:

— Отойди! Не смей прикасаться! Иди к ним, ты им... сестра и подруга. Не смей, я честный гражданин Советского Союза!

— Что с тобой, Андрей?

Возле связанного Джамбона происходила жестокая борьба. Два китаец, перебегая с места на место, отстреливались от японских пилотов.

— Метко стреляй, мой Ли Чан! — торжествующе кричал Джамбон, качаясь на вытянутых руках. — Уничтожай хищников!

Неизвестно, чем бы кончилась неравная борьба, как вдруг за барханами послышались глухие звуки, точно из гор надвигался гром дальней грозы.

За холмами взметнулись тучи песка. В неудержимом урагане, в разрастающемся гуле донеслись протяжные крики, и люди в комбинезонах вместе с начальником, не задумываясь, помчались к самолетам,

Грохот выстрелов, топот коней, и с криком, стоя на стременах, проскакали всадники.

Мимо промелькнули пики, лицо Лю Ин-сина, тонкая фигура Лю, и Телятников услышал голос Висковского:

— Держитесь, друзья!

КОНЕЦ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

и

ТАЙНА АЛМАСОВ

(Вместо эпилога)

Конец приключений... Однако, прежде чем приступить к эпилогу, мы должны, как на экране кино, представить утро следующего дня в пустыне.

Яркое, жгучее солнце, волнистые песчаные барханы. Два автомобиля готовы в путь, и все пассажиры на местах. Гудки, ликующие протяжные гудки. Толпа всадников, окружавших автомобили, взмахивает нагайками и уносится к горам.

Старый Лю Ин-син выхватывает из-за спины винтовку, и три раза стреляет в воздух, затем и он скачет за умчавшимися друзьями. На минуту у автомобиля остается Лю. Она, печально улыбаясь, смотрит на Телятникова и, качая головой, тихо произносит:

— Москау!..

И все сидящие в автомобилях, как бы сговорившись, рассеянно смотрят в сторону. Висковский, спохватившись, лезет в мешок и выволакивает двух волчат.

— Я сохранил для вас, — говорит он Гране.

А Телятников страдающе оглядывает свой беспомощный «додж».

— Лю, — говорит он, — у меня не осталось даже твоей фотографии. Но... но я никогда не забуду тебя...

— Москау, — отвечает Лю.

— Увидимся ли мы?

И опять Лю повторяет:

— Москау.

Но вот, встрепенувшись, словно сбрасывая печаль, китаянка взмахивает нагайкой, конь взвизгивает на дыбы, девушка запекает песню, ту самую песню, на звуки которой, как зачарованный, так недавно лунной ночью шел по

пустыне Андрей. И она исчезает вслед за ускакавшими всадниками.

Гудок. «Бьюик», наполненный бензином японских самолетов, медленно трогается с места. В «додже» — один Телятников. Он нехотя поворачивает руль, едет за товарищами, но все время оборачивается и смотрит на горы...

В заключение приведем отрывок из последнего письма, полученного нами от Висковского:

«Ознакомившись с рукописью очерков, сделанных вами по моему рассказу и дневникам, — пишет он, — я благодарю вас за то, что вы соблюли все условия, поставленные мной, и пропустили ряд моментов, какие сейчас не могут быть опубликованы.

Совершенно правильно поступили вы, не задерживая внимания читателя на обратном нашем пути. Он закончился благополучно, свидетельством чему служит наша встреча в Ленинграде. Излишним было бы рассказывать, как поступили партизаны с воздушными налетчиками. То личное дело Лю Ин-сина и его товарищей.

...Легенда об алмазах, оказывается, имеет свое твердое основание. Джамбон, получивший в Пещере Снов многовековой пергаментный свиток, сейчас занят расшифровкой исторической записи — своего рода летописи одного маньчжурского селения. Передаю ее, как слышал от Джамбона. Не помню названия города, но оно приведено во «Всеобщей географии» Элизе Реклю. Много сотен лет назад правитель Китая соорудил возле этого города гигантскую крепостную стену. В проломе древней стены и сейчас существует маленький храм, знаменитый по легенде, получившей широкую известность во всем Китае. В страшных мучениях селяне, превращенные в рабов, годами возводили вал и стены. Одна крестьянка, принеся мужу обед, нашла его труп между телами умерших. Она разбила себе голову о камни, и стена обрушилась. На храме, построенном в честь женщины, похороненной рядом с мужем, высечена надпись: «Эта женщина всегда будет чтиться в памяти людей, а император Цзинь достоин вечного проклятия».

В старинной рукописи приводятся описания крестьянских волнений в том районе, откуда исходит легенда. Одно из селений, трудившееся на постройке крепостных стен, взбунтовалось и целиком ушло в горы. Предводитель восставших провел их в недоступные ущелья. Возможно, с годами они одичали и, выходя в пустыню в звериных шкурах, своим видом пугали кочевников. Историю горных людей написал сам вожак, которого селяне похоронили в пещере Долины Смерти. Профессор видел почетный памятник, высеченный из камня, и в гробнице лежал этот пергаментный свиток.

Одного из последних алмасов в Пещере Снов видел профессор Джамбон, а затем и я. Это он показал партизанам ход в недоступные, загадочные ущелья. Во всяком случае, из-под пера профессора выйдет изумительный труд.

Джамбон, быстро оправившийся от переживаний, собирался приехать отдыхать в СССР, в Крым.

С Телятниковым я, к сожалению, не встречаюсь. Он получил выговор на фабрике за опоздание и отрабатывает утраченное время непрерывными командировками. Зимой я проведу в Ленинграде». Далее следуют дела личного порядка. Но что для нас осталось совершенно непонятным — это последние строки письма, вернее приписка:

«Граня шлет вам привет. Если будете в Ленинграде и зайдете ко мне, она будет очень рада принять вас. В случае моего отсутствия (командировка или экспедиция) она вам скажет, где я нахожусь».

Итак, прощаемся с четырьмя путешественниками из Желтой пустыни, а тому, кто взял на себя приятный труд передать их приключения, остается самое легкое — дописать одно только слово: «к о н е ц».

Москва, 1935.

Геннадий Старков

БРАТ ГУЛИ-БЪЯБОНА

Рис. В. Васильева

Дорогой «Уральский следопыт»! Посылаю вам блокнот в кожаном переплете. Думаю, что сейчас, в связи со всеобщим вниманием к проблеме «снежного человека», не безынтересно будет опубликовать эту находку — записки студента Виктора Трофимова.

Блокнот попал ко мне следующим образом.

Во время разгрома японских империалистов в Северо-Восточном Китае, осенью 1945 года, наша танковая бригада, прорываясь в тыл противнику, остановилась в городке Лубей. Экипажу нашей машины пришлось заночевать у доктора тибетской медицины — восьмидесятилетнего китайца. Звали его, кажется, Хваном. Он принял нас приветливо, радушно, мы быстро стали друзьями. И поздно вечером старик, порывшись в своих бумагах, дал мне этот блокнот. В нем все написано по-русски. Но тогда мы уже валились с ног от усталости, и я не стал читать, да а был неважный, а почерк мелкий.

Наутро танки помчались дальше, а блокнот так и остался у меня. Недавно, перебирая свои старые солдатские пожитки, валяющиеся с войны в чулане, я отыскал это сочинение студента Виктора Трофимова. Надпись

по-китайски на внутренней стороне обложки блокнота сделана, по-видимому, самим доктором Хваном. Мой приятель, инженер Чжан Фа-цай, практикующийся на нашем заводе, перевел ее. Она гласит:

«Эту тетрадь подобрал в горах Каракорум, в районе Чогори, буддийский монах из монастыря, что стоит в верховьях реки Яркенд. Куплена у него мною на базаре в городе Рума, когда я гхал аз Кашгара в Хотан».

Вот все, что я могу сообщить об этой фантастической находке.

*Геннадий Старков.
18. 10. 1958 г.*

ОТ РЕДАКЦИИ:

«Снежный человек» действительно волнует умы многих ученых земного шара. В некоторых тибетских монастырях хранятся скальпы какого-то животного, пока еще неизвестного науке. Многочисленны легенды о нем, бытующие среди населения Центральной Азии и прилегающие районов. В горах Тибета, на Гималаях, на Памире многие путешественники и исследователи не раз обнаруживали следы доселе нигде не встречающегося живого существа. Были сведения и о том, что его якобы видели издали.

Сейчас в тех краях работает несколько экспедиций разных стран, в печати постоянно публикуются сообщения, связанные со «снежным человеком». В Академии наук СССР создана специальная комиссия по изучению проблемы «снежного человека».

Какое счастье держать в руках карандаш и писать на бумаге в мелкую клетку! Обыкновенный карандаш! Дорогой мой, как ты попал к мистеру Кэнту? Полуистертые золотистые русские буквы — «Ф-ка им. Сакко и Ванцетти» — на твоей грани звучат для меня будоражащей музыкой. А блокнот! Это бумага, на которую я могу нанести человеческие слова, мысли. Человеческие мысли! Это почти невероятно!.. Гм!.. Невероятно для студента, израсходовавшего на лекциях в университете не один десяток тетрадей и никогда не признававшего карандашей, только самопишущую ручку? Кто бы мог подумать, что карандаш для меня будет высшим наслаждением? И я сейчас пишу, бережно используя каждый миллиметр твердого грифеля.

Впрочем, если я буду все этак душекопательно излагать, то мне не хватит места рассказать и половины того, что произошло. Буду предельно краток. Жаль, что на филологическом факультете не преподавали специальный предмет краткость.

Итак, по порядку.

Наша группа альпинистов, состоящая из старшекурсников почти всех уральских вузов, начала восхождение на южную безымянную вершину Сарыкольского хребта. Все мы поклонники величественного и загадочного Памира, и это был не первый наш маршрут.

На привалах мы спорили, как назовем вершину, когда форсируем ее.

Памир, мой родной, Памир! Гигантская высокогорная пустыня, оледенелые хребты, роскошные луга бухарского тарана, черная зелень приземистых зарослей терескена по сухим шлейфам и склонам гор! Здесь удивительно изумрудны березовые рощи, как у нас на Урале, и густы таинственные тугаи вдоль русел бесчисленных рек, сплошные джунгли ивы, облепихи, боярышника. Я каждый учебный год бредил тобою, Памир, во сне, ждал летних каникул, мечтал завоевать тебя. Я воображал себя Сюань-Цза-

ном и Марко Поло, считал себя последователем Федченко и Мушкетова, учеником Северцева и Ошанина, Иванова, Корженевского и Наливкина.

Я мечтал покорить тебя, Памир, и вот я у тебя в плену. Уже год или больше? Отпустишь ли ты меня? А, может быть, я сейчас вовсе и не на Памире? Гденибудь в Каракорумах или на Гиндукуше? В Афганистане, в Китае, в Тибете, в Индии? Нет, нет, нет и нет! Я на родном Памире, в родной стране!

Тьфу, черт! Эта дикая жизнь с гули-бьябонами и особенно, конечно, встреча с экспедицией проклятого мистера Кэнта, наверное, помрачили мой ум. Надо стараться излагать все как можно последовательнее. Логика! Эх, балда ты, Витька, по логике получал всегда только тройку.

Но, давай, товарищ Трофимов, без лирических отступлений. Ты пишешь для науки, а не для студенческой вечеринки, не для сероглазой Танечки Комаровой. (Вот посмотрела бы она сейчас на меня — с этакой бородищей, почти голый, настоящий аламас! Ей очень нравился фильм «Ущелье аламасов»).

Сарыкольский хребет — граница Советского Союза с Китаем — идет с севера на юг, чуть отклоняясь на восток, потом круто заворачивает на запад и уходит в соседний Афганистан. На этом повороте мы и занимались исследованием сравнительно невысоких, чуть больше пяти тысяч метров, безымянных вершин.

Сейчас уже не представляю, как я тогда сорвался в ущелье. Помню, что на привале я смешил ребят: изображал, как у нас в Свердловске студентки-медики танцуют фокстрот, и, видимо, оступился. Сколько я летел вниз, потеряв сознание после первого же удара о снежный наст между каких-то скал, неизвестно. Как долго я лежал в беспмятстве и где, тоже неизвестно.

Помню, мы шли солнечным тихим днем, а очнулся я в полусумраке под бешеное завывание пурги, очнулся от того, что меня за плечи кто-то встряхивал.

2

Сначала я подумал, что это какой-то человек. Чуть раскосые глаза под сильно нависшим лбом глядели по-дружески, толстые губы расплылись в доброжелательной улыбке. Но длинные толстые лапы, обросшие шерстью, мех на острой, точно киль, груди, а также плоская волосатая морда, конусообразная макушка, косматые плечи, начинающиеся от самых ушей, подсказали, что это животное. И, главное, был сильный-сильный запах зверя. (К нему я теперь привык и не замечаю, потому что, наверное, и от меня уже пахнет точно так же).

Я закрыл глаза. Возможно, от страха. Над моим лицом раздавалось почти человеческое дыхание. Конечно, я не сразу сообразил, что передо мною гули-бьябон, как его называют киргизы, или голуб-яван, как принято именовать его в нашей литературе. В некоторых сообщениях о нем еще употребляется термин йети. А мистер Кэнт, проклятый мистер Кэнт, о котором речь впереди, говорил «сноу-мэн», что означает по-русски «снежный человек».

— Бу, бу, фиу, фиу, — раздавалось надо мной попеременно с ласковым урчанием.

Я долго подавлял в себе страх. Никакому животному нельзя показывать, что боишься его. И я, вероятно, первый человек, что так близко встретился с этим таинственным обитателем неприступных горных вершин, полулегендарным живым существом. По моей смелости гули-бьябон будет судить о смелости других наших людей. Здесь, у самого поднебесья, смелость, наверное, не последнее мерило при знакомстве.

«Витька! — сказал я себе. — Где наша не пропадала! Ты прославишься на весь Советский Союз, внесешь ценный

вклад в науку! Возьми себя в руки. Ты же не какой-нибудь неграмотный шерп — житель Гималаев, или суеверный лепча из Дарджилинга. Ты почти ученый муж, а кроме того, альпинист, физкультурник и постоянный подписчик «Всемирного следопыта».

Я заставил себя открыть глаза и постарался изобразить на своей физиономии спокойствие и дружелюбие.

— Бу? — спросил меня гули-бьябон.

В звуке его хриплого и немного визгливого голоса явно слышался вопрос. Но что ему ответить? Я, очевидно, весьма растерянно улыбался, припоминая все читанное об обезьянах. На память не пришло ни одного обезьяньего словечка.

Впрочем, все слова обезьяньего языка — чистейшая выдумка писателей. С животными надо разговаривать по-человечески: любое из них поймет смысловую интонацию в речи, оттенки чувства в человеческом голосе.

— Дорогой ты мой, гули-бьябончик! — тихо и, как мог, понежнее сказал я. — Ну, давай знакомиться, давай будем друзьями. Меня зовут Витя. Понимаешь? Ви-тя. Ви-и-тя-а!

Он оторвал свои лапищи от моих плеч и продолжал сидеть на корточках против меня. Я поднялся и тоже сел, вытянув затекшие ноги.

— Ви-тя... Ви-тя... — повторил я, похлопав себя по груди. Подать ему сразу руку я побоялся.

Он долго смотрел на меня изучающими, умными, совершенно человеческими глазами. Сидя на корточках, он упирался, широко расставив руки, костяшками полусогнутых пальцев в землю. Большие пальцы на ногах, толстые, мохнатые и корявые, тоже оттопыривались в стороны, и

весь гули-бьябон походил на огромную обезьяну. Я ждал, что он сейчас дружелюбно хрюкнет, как это делают гориллы в зоопарке после вкусного угощения. Но он опять произнес свое «бу», и опять это был какой-то непонятный для меня вопрос.

Свет в пещере, проникавший снаружи, где бушевала метель, был слабым, мы сидели за небольшим поворотом стены, и гули-бьябон оказывался больше в тени, нежели я. Но я отчетливо видел, как его зоркие, настороженно добрые глаза прощупывают меня как диковинку, рассматривают мою альпинистскую куртку, подбитую цигейкой, мои ботинки с шипами, блестящую пряжку пояса.

Вдруг он подпрыгнул на корточках, подавшись назад, к самой стене пещеры, и сел на камень, сел совсем по-интеллигентному — вот-вот закинет ногу на ногу и охватит колени руками. Мы продолжали изучающе смотреть друг на друга, и я разглядел, что шерсть на нем недлинная, негустая, черно-рыжая, и сквозь нее просвечивает темная кожа,

Я не переставал улыбаться, конечно, наверное, натянуто. Гули-бьябон поднес руку к своему лицу (именно — «руку» и к «лицу»: слова «лапа» и «морда» к нему никак не применимы) и почесал толстыми короткими пальцами с закрытыми ногтями небритую щеку (она действительно производит впечатление небритой). Почесал так, словно задумался: «Что же делать с этим несчастным альпинистом? И зачем это я приволок его сюда, в пещеру?»

А что же делать мне?

Я прикинул: гули-бьябон, бесспорно, раза в два-три сильнее меня и может сотворить со мною все, что ему заблагорассудится. Не ждать же, что придет ему в голову. Я поспешил подняться на ноги, чтобы снова попытаться объяснить.

— Витя. Понимаешь, Витей меня зовут, — сказал я, показывая на себя и шагнув к нему.

Но он на это лишь промычал что-то невнятно сердитое и, не вставая, протянул ручищу, опустил мне на плечо и придавил меня снова к земле.

— У-у, черт! — приседая, выругался я и пошарил вокруг, ища палку повесомее. Вся пещера была устлана тонкими обломками деревьев. И я, наверное, показал бы ему превосходство человека, умеющего владеть простейшим оружием: под руку подвернулась хорошая дубинка.

А гули-бьябон в этот миг засмеялся. Смех напоминал человеческий отдаленно, но все-таки это был смех.

— Чо, чо, чо!.. — закричал он весело и стал колотить себя кулаками в грудь.

— Значит, тебя зовут Чо? — спросил я, оставив свою дубинку.

— Чо! — опять засмеялся гули-бьябон.

Но я заметил, как он, не трогаясь с места, вытянул ногу и наступил на дубинку. И тут он умолк в ожидании.

Я встал и, глядя ему прямо в глаза, чтобы успокоить его, покладистым жестом чуть-чуть протянул к нему руку:

— Чо-о! Чо-о!.. Дорогой мой Чо!.. — Мне очень хотелось объясниться, подружиться с ним. Желание стукнуть его было мимолетным и, пожалуй, совершенно не свойственным мне. Я быстро схватил палку и вышвырнул ее из пещеры. А ему сказал ласково: — Тебя зовут Чо, а меня Витя. Витя! — И, показывая то на него, то на себя, я несколько раз повторил: — Чо — Витя, Чо — Витя, Чо — Витя.

И какова же была моя радость, когда гули-бьябон понял, засмеялся и тоже начал тыкать куцой пятерней то себя, то меня.

— Чо — Вить, Чо — Вить, — произнес он. Только Чо у него звучало с прицокиванием, а вместо Вить, получалось Уить. Почти как свист.

— Договорились!.. — И я, как старому другу, пожал ему пальцы, они очень грубые, мозолистые, как потрескавшаяся пятка. — Теперь мы знакомы.

Милый Чо! Мог ли я предполагать, знакомясь с тобою, что ты будешь верным и преданным другом, что ты, спасая меня, отдашь свою жизнь? Сейчас, когда я описываю свои приключения, в глазах все время стоит стреляющий в упор из парабеллума Кэнт, ты, бросающийся на него, шесть разрывных пуль в твоём могучем теле...

Впрочем, надо спокойно все изложить по порядку. Итак, мы в пещере, первое знакомство.

— Вить-Вить-Вить,— продолжал присвистывать Чо, покачивая головой и глядя на меня приветливо, как на долгожданного гостя.

А меня пробрал озноб. То ли от мороза, который начал донимать меня, то ли от всех волнений, хорошо пока окончившихся. Я стал дрожать, я замерз. И, показывая ему, как глухонемому, сколь можно выразительнее, что мне холодно, я спросил:

— Как ты живешь тут на таком морозе? Найти бы где-нибудь пещеру потеплее. А? Эта же пурга, наверное, долго? — Я после каждой фразы спохватывался, что он меня не понимает, и жестами старался объяснить значение своих слов.

Но Чо, внимательно слушая, сидел неподвижно. И, наконец, по-видимому, ухватил мысль о пурге и холоде. Он вскочил, замахал руками, повернулся к выходу из пещеры и заговорил быстро:

— Чо-Вить-бу-фыр-ку-хы-ю-у...

Такой набор односложных слов!..Тогда я их еще не понимал. Чо как бы бранил летящий со свистом мимо пещеры снег. Он начал отчаянно отталкивать его, бить, то кулаками, то ладонями, толкать коленями, пинать. Он вошел в раж и не мог остановиться.

На всю жизнь мне запомнится эта жуткая картина. Я в пещере. Зуб на зуб не попадает от холода, не только от страха. А на выходе — дико пляшущий, рычащий, кричащий, ругающийся на неведомом гортанном языке гулибьябон Чо. В безудержном и злом танце он то подпрыгивал, то садился наземь и дергался, опираясь на руки. Затем снова вскакивал и махал руками, будто дрался со всеми миллионами мчащихся мимо снежинок и сбивал на лету всякую из них, которую вихрями заносило в пещеру.

А за снежной кутерьмой, за пеленой пурги ничего не было видно.

— Чо! Чо!— кричал я, тщетно пытаюсь остановить его буйные телодвижения.

Но мои истощные призывы только возбуждали его, и он неистовствовал еще больше.

3

Лишь тогда, когда Чо выдохся, обессилен, он подошел ко мне, и я понял, зачем ему нужны были эти невообразимые пляски. Ондохнул на меня горячим запахом зверя. Пот струился с него, как с хлопкороба в ашхабадскую жару, и весь он излучал тепло. Согрелся. Мне даже показалось, что в пещере стало не так холодно.

— Не-е-ет! — все-таки сказал я. Но сказал по-дружески, уважая его обычай. Он же не виноват, что находится на такой низкой ступени человеческой культуры. — Это, брат,

самый примитивный способ повышать температуру в остывающем организме. Что? Не понимаешь? Тьфу, черт! Я все время упускаю, что не умеешь говорить по-нашему. Сейчас увидишь!..

Пока он танцевал, согреваясь, я вспомнил про спички. Потряс перед его носом заветным коробком и приготовился поразить его настолько, чтобы окончательно снискать доверие и уважение. Нож, спички и кусочек шоколада — вот все, что оказалось при мне из мира цивилизации, все, чем я решил распорядиться с наибольшим толком.

Я начал собирать в кучу обломки хвороста, палки, сучья, которые кто-то специально натаскал в пещеру. Вроде как бы священнодействуя перед гули-бьябоном, сидящим на камне и с любопытством следящим за каждым моим движением, я с чувством, с толком, с расстановкой ломал старые голые и сухие ветки и по всем туристским правилам сооружал костер. Потом вытащил нож и, хотя в этом не было никакой необходимости, настрогал лучины. Просто хотелось похвастаться

Чо заинтересовался блестящим складнем и нацелился схватить его. Но я быстро сложил лезвие, нож щелкнул, и Чо отдернул руку.

— Это, брат, такая штука, — объяснил я, — что можно и порезаться.

— Гу! Гу! Гу! — пробурчал ничего не уразумевший Чо и часто-часто закивал головой, хлопая себя ладонью по колену.

— Чего? — спросил я.

— Гу! Гу! — снова произнес Чо с испугом, с тревогой, вытягивая толстые губы и устремляя глаза на мою ногу.

Я посмотрел на штаны. По колену полз огромный, с ручные часы величиной паук, бархатисто-черный, брюхо почти шарообразное с ярко-красным пятном на конце. Я немного растерялся. Кара-курт! Самый ядовитый паук! Причем, это была самка, укус ее смертелен. Наверное, я потревожил ее, сооружая костер.

Мне многого стоило, чтобы не испугаться в присутствии Чо. Я снова раскрыл нож и осторожно кончиком лез-

вия сбросил с себя кара-керта. Паук упал к ногам гули-бьябона. Бедный Чо в ужасе всхрипнул, как обезумевший буйвол, только как-то визгливо, и вскочил на камень с легкостью обезьяны, задрожав всем своим волосатым телом. Но мне удалось одним легким ударом ножа перерезать самку кара-курта. Брюшко ее мгновенно спало, а голова с ножками немного пошевелилась и замерла.

Чо все это видел. Он медленно спустился с камня, наклонился над уничтоженным кара-куртом, по-звериному обнюхал его. Затем ковырнул пальцем, убедился, что опасности больше нет, и, улыбаясь, уставился на меня взглядом, полным восхищения.

— Бох! Бох! — выкрикнул он, звонко размыкая шлепающие губы при звуке «б».

Это было первое слово на гули-бьябонском языке, которое я усвоил. Оно означает по-нашему «молодец», «парень- гвоздь» или что-то одобрительное в этом роде.

Я поблагодарил Чо за комплимент и снова потряс коробком спичек в руке. Он прислушался и выжидательно замер. «Ну,— думаю, — сейчас ты, брат, удивись!» У меня даже сердце заколотилось от волнения. Как мой новый антропoidный, человекоподобный друг среагирует на огонь? Ведь все животные боятся пламени... Что станет делать мой гули-бьябон Чо? Сорвется с места и убежит, оставит меня одного в этой пещере, где я буду пережидать пургу, пережду, а потом еще неизвестно как буду пробираться к своим? В пустынно диких горах очень хорошо понимаешь беду, трагедию одиночества и ценишь любого товарища, пусть даже это не совсем человек.

— Ты не бойся, дружище Чо, — сказал я, вынув спичку, и почувствовал, что голос у меня робкий, неуверенный. — Сейчас зажгу огонь. Понимаешь? Тепло будет. Не понимаешь? Тепло!.. Вот этот холод!.. — Тут я стал усиленно помогать себе мимикой, жестами, энергичными движениями. Я так изощрялся, что, наверное, перещеголял актеров театра пантомимы. — Холод! Бр-р! Вот этот холод сейчас и фу-у, улетит. Понимаешь, улетит. Птица крыльями машет,

понимаешь? Улетит! Тепло будет. Хорошо будет. У-у-уф! Хорошо! Понимаешь?..

Трясущейся рукой я чиркнул спичкой и показал дрожащий в пальцах огонек.

Как я был обескуражен! Чо заулыбался, хлопнул себя по бокам, и, когда я, не рассчитав, уронил спичку, и она погасла, он так огорчился, ну, прямо ребенок, у которого отняли любимую игрушку. Вот- вот заплачет.

Я чиркнул другой спичкой и запалил костер! Надо отдать должное моим туристским навыкам: костер я сложил вполне квалифицированно — пламя сразу охватило все сучья и весело заколыхалось над ними. В воздухе пахнуло дымком тамариска. Примечательный аромат! Никакая другая древесина, горя, не дает такого прият-

ного дыма, как кусты тамариска.

Чо радостно заерзал на месте, еще раз похлопал себя по бедрам и придвинулся боком к огню, с наслаждением вдыхая запах дымка.

— Бох! Бох!... — удовлетворенно зачмокал он.

Гули-бьябон не животное, не зверь, он не боится горящего пламени, знает, что возле него можно погреться. Но почему же он не научился зажигать огонь, а только собирает валежник тамариска? Топлива в пещере, если тратить экономно, не меньше, чем на сутки. Я протягивал руки над костром. Чо тоже пробовал делать так, как я. И он совсем немного побаивался, еще не умея рассчитать расстояния до пламени, чтоб не обжечься.

— Как же так? — спросил я у Чо, теперь уже храбро и свободно придвинувшись к нему. — Огонь ты знаешь, а человек ты совсем дикий.

— Бох, бох,— ответил он и начал гладить меня по спине.

Хотя я и не сомневался, что он ласкает меня, все-таки пришлось отвлечь его от таких нежных чувств: рука у него слишком тяжелая. Я вытащил из кармана шоколадку, развернул у него на глазах, разломил пополам, сунул себе в рот и ему. Мой Чо зажмурился от удовольствия, зачмокал, зачавкал и — увы! — стал так гладить меня, что я испугался за целостность своего хребта. С огромным усилием отвел его руку в сторону.

На дворе — если считать высокогорный пустынный Памир двором нашей пещеры — темно. Свистел ветер. Мы обнялись и долго сидели у костра, я помаленьку подбрасывал в огонь.

Но о чем говорить с моим Чо? О том, когда ожидать окончания пурги? О том, как я буду выбираться отсюда и много ли мне придется идти? Как долго я пробуду с моим новым другом вместе?

Обо всем этом думалось грустно-грустно.

Я призывал себе в помощь все мое мужество и волю, чтобы не впасть в уныние. Я даже потихоньку запел «Легко на сердце от песни веселой». И мой Чо с любопытством бесцеремонно заглядывал мне в рот, слушая. Песня для него, пожалуй, оказалась самым удивительным во мне.

Это, помню, раззадорило меня, и я спел ему уральскую частушку:

Милый, чо, да, милый, чо!
Милый, чокаешь почо?
Милый чокает: — А чо?
Если чокну, ну, так чо?

До сих пор не знаю, что именно больше нравилось моему Чо: мелодия этой частушки, или содержание.

Аппетит приходит во время еды. После жалкого кусочка шоколада мне стало понятно, что я голоден в сто раз больше, чем в университете за день до стипендии. Я сказал об этом возможными способами: вдавливал руками и без того провалившийся живот, совал себе в рот пальцы щепотью. Чо в ответ тоже что-то говорил, но мы не смогли столковаться.

Тогда я вышел из пещеры. Пурги уже как ни бывало, стояла тихая звездная ночь. Подмораживало, несмотря на то, что днем в этих краях при солнце можно купаться. Я быстрехонько сориентировался по звездам, где северо-запад, куда мне потом нужно двигаться, чтобы попасть к своим товарищам-альпинистам, которые, конечно, считают меня погибшим, да так погибшим, что и трупа не нашлось.

Чо вышел за мною на полусогнутых ногах. Тоже поглядел на звезды. А потом принялся потихоньку заталкивать меня обратно в пещеру: дескать, возвращайся поддерживать огонь. Я подчинился: ну, куда пойдешь в этакую темень?

А Чо исчез. Я сидел у костра и думал, что со мной еще может случиться. Хотелось есть. Тамарисковый дым спокойно и плавно поднимался вверх, к своду пещеры, и пыльным хвостом тянулся к выходу. Стояла тишина.

Не знаю, сколько времени я провел в одиночестве, позевывая и подремывая, подбрасывая сучья в костер. Для меня было совершенно ясно, что дождусь утра и отправлюсь на северо-запад. Судя по очертаниям гор вокруг, я находился где-то среди вершин. Значит, мне надо спускаться

ся в долину, там я, несомненно, встречу людей и вернусь к своим.

Лишь два обстоятельства путали мои мысли. Прежде всего, пустой желудок. Хватит ли у меня сил добраться до человеческого жилья? Но это сомнение я энергично отбрасывал. А вот второе, то, что я еще мало познакомился с гули-бья боном, совсем не изучил его, останавливало меня. Может быть, задержаться? Ведь мое подробное сообщение, возможно, заинтересует наших ученых.

Засыпая у костра, я видел себя в аудитории университета, делающим доклад о наблюдениях за антропоидным существом — гули-бьябоном. Я заканчивал свою речь какими-то важными подробностями, и мне аплодировали.

Будет ли когда-нибудь такое?

Проснулся я от прикосновения жестких волос к моей щеке. Костер почти погас, только тлеющие угли чадили чуть-чуть, и первое, что я сделал, — подбросил сучьев. В пещеру проникал неверный свет раннего утра, вспыхнувшее пламя багрово озарило свод и стены, и в этом смешанном освещении я не сразу разобрал, кто со мной.

Двое. Один — мой Чо, сидящий напротив на камне. А рядом? Положив мне голову на плечо, справа сидел другой гули-бьябон. К немалому своему смущению, я понял, что это гули-бьябон женского пола, и отпрянул. Столь неожиданно было ее соседство.

— А-а! А-а! — закричал Чо, увидев, что я проснулся. Он показывал рукой на мою соседку, с гордостью знакомил меня: — А-а! А-а!

Она в точности, как женщина, поправила длинную прядь волос, упавшую ей на лицо, — завела ее за ухо и улыбнулась мне. Лицо ее отличалось от физиономии Чо только тем, что было почти без растительности. Сидела она, поджав под себя ноги, упираясь левой рукой в землю, а правой подала мне какого-то зверька с разбитой головой.

Я взял. Сперва посчитал, что это выпотрошенный заяц. Но нет! Размеры меньше, а мех подлиннее, уши намного короче. Но, как у зайца, задние ноги несколько больше передних, и так же мал хвост. Только потом, через много

дней, от проклятого мистера Кэнта я узнал название: пищуха. Это самая первая еда гули-бьябонов. Пищухи живут в россыпях крупных камней, питаются травой, на зиму заготавливают запасы сена — прячут его в щелях между камнями.

Тогда мне было не до названия. Я в какие-нибудь пять минут, изумляя Аа и Чо, освежевал тушку, словно всю жизнь только и занимался обдиранием шкурок. Затем кое-как испек куски мяса на углях и съел. Хороший завтрак!

Пока я все это прожевывал, мои гули-бьябоны с почтением поглядывали и молчали, принюхиваясь к запаху жареного мяса. Возможно, они ждали, что я предложу им по кусочку, но я оказался безнадежным эгоистом. Впрочем, они, по-видимому, были сыты, или сказалась их завидная выдержка. Позже я не раз убеждался, что гули-бьябон может довольно спокойно переносить длительный голод, а потом так обильно поест, что завалится спать на целые сутки, а то и двое.

Позавтракав, я поблагодарил Аа, применяя, кроме слов, язык пантомимы. Она в ответ положила голову мне на плечо и нежно потерлась о меня. Чо восторженно хлопал себя по бедрам и все что-то говорил и говорил. Наверное, воздавал славу еде. Ведь еда — единственная радость в их жизни.

Потом Аа угостила меня куском белой глины. Я не сразу сообразил, зачем она мне подает мягкий ком, жирноватый на ощупь. Гули-бьябоны увидели мое недоумение, Чо оживился и начал уговаривать меня поесть. Односложных слов его я не понимал, но по тону любой безошибочно определил бы, что он меня уговаривает. Для убедительности Чо сам отщепил кусочек и сунул себе в рот, жмурясь от наслаждения, словно взял шоколадку.

Известно, что в Иране употребляют в пищу особую сладкую глину. Нивхи на Сахалине делали прежде кушанье из смеси каолина и оленьего молока. В Италии есть блюдо — пшеницу смешивают с нежным мергелем. Я из вежливости тоже попробовал принесенного гули-бьябонами лакомства. Прямо скажем, не очень. Глина приторная, прилипает к языку. А, главное, ешь ее с полным сознанием, что она не питательна, не усваивается. Я лишь сделал вид, что мне понравилось.

— Итак, прощайте, мои дорогие гули- бьябоны Чо и Аа! Большое спасибо вам за гостеприимство, за то, что спасли меня, выбрали где-то, укрыли от пурги, затем накормили, — с такой речью я обратился к своим диким друзьям, вставая и собираясь в путь-дорогу. — Пожелайте мне счастливо и быстро отыскать своих!

Я говорил все это, отлично сознавая, что меня не понимают. Я отчаянно размахивал руками, корчил всевозможные рожи, чтобы объяснить смысл слов. И мой Чо догадался о расставании, а может, просто почувствовал его. Я притронулся к его мохнатой богатырской руке, пожав ее посильнее, и заглянул ему в глаза. Чо плакал.

Конечно, может быть, дым утасяющего костра ел ему глаза, когда он встал во весь рост. Но мне показалось, что это слезы предстоящей разлуки. Они текли по морщинам,

огибая выпуклый огорченный рот. И я увидел, что Чо — пожилой, если не старый, гули-бьябон, что жидкие брови его почти седые. Позади меня стояла такая же большая и такая же пожилая Аа. Она прикладывала волосатую руку к глазам. Ну, женщины всегда более чувствительны!..

— Прощай, мой друг Чо!

Я двинулся из пещеры. Над горами уже взошло солнце и зарумянило окрестные снега, скалы, камни, ледники вдали. Мертво-пустынные величественные вершины окружали меня. Ни облачка в небе. Холодно-голубое, без единой птицы, оно лишь подтверждало отсутствие жизни вокруг. Камень, камень, снег и камень! Я никогда прежде не бывал один в горах среди вечной мерзлоты — в таком ледяном безлюдье, и мне захотелось вернуться к моим почти чело-векам Чо и Аа. Но я упрямо заставил себя пойти на северо-запад, не оглядываясь.

С каждым шагом, хоть воздух был прозрачным, чистым, свежим, хоть солнце начинало живительно припекать, я все больше и больше ощущал, что я один. Один неизвестно на сколько километров пути! И силы мои от этого начали таять.

Но тут на мое плечо легла волосатая ручища. За цоканьем своих ботинок я не слышал, как Чо тащился за мной. Как я был ему благодарен, когда мы пошли вдвоем! Я гладил его твердый огромный бицепс под мягкой шерстью. А обернувшись затем, увидел, что и Аа плетется сзади.

Они провожали меня.

5

Но не суждено мне было попасть к людям.

Мы шли почти весь день. И, то ли я плохо ориентировался по солнцу, то ли, огибая неприступные скалы, мы теряли прямолинейное направление, до вечера не показывалось никакой долины. А я рассчитывал, что нахожусь

где-то неподалеку от альпинистского лагеря. Тогда я еще не знал, как далеко мог отнести меня гули-бьябон.

Чо и Аа были со мною. Они передвигались в горах лучше всякого альпиниста, хотя и не носили ботинок с шипами. Я без альпенштока часто оказывался в затруднительном положении, и гули-бьябоны выручали меня — подсаживали, подтягивали за руки и молча шли за мною, иногда чуть опережая, иногда приотставая.

К вечеру я освоил чудесный способ передвижения по снежным склонам. Чо садился и, приподняв ноги и руля руками, ловко скатывался вниз. Я несся за ним по проямой борозде, — чрезвычайно быстрый спуск километра два в минуту, не меньше. Аа, так же привычно, как и Чо, пользовалась этим способом.

К вечеру я понял, что иду, не зная, куда. Где я свалился в ущелье? Где мы делали восхождение? Где альпинистский лагерь? Конечно, если бы в то время я умел хорошо объясняться по-гули-бьябонски, то Чо показал бы мне кратчайший маршрут. Но мы были друг для друга еще почти глухонемыми.

Чо иногда издавал дикий рев: не то недовольство мною, — дескать, куда, Витька, тебя несет нелегкая? — не то он проверял, есть ли кто-нибудь за ближайшей скалой. Аа отвечала ему резким свистом, звучавшим успокаивающе: пусть, мол, идет парень, какое наше дело. Я несколько раз ловил себя на том, что наблюдаю за ними и задумываюсь над тем, в каких родственных связях они находятся. Муж и жена? Брат и сестра?

Я до сих пор не знаю этого. Но товарищами друг для друга они были самыми верными. Когда Чо, раненный на смерть, облапил стрелявшего в нас Кэнта, и оба они сорвались с отвесной скалы в пропасть, сколько мук претерпела Аа, чтобы достать Чо, вынести на вершину и замуровать в камнях...

Но об этом — после.

На закате у Чо в руках оказались две убитые пищухи, и мы остановились, сделали привал. Аа мгновенно выпотрошила добычу голыми руками. Причем разрывала она брю-

хо у пищухи так ровно и аккуратно, словно, вместо ногтей, у нее на пальцах — лезвия бритвы.

Мы с аппетитом поужинали. Без соли сырое, хотя и нежное, как у кролика, мясо пищухи не вкусно, но я не без удовольствия вспоминал, как у нас на Урале, когда стряпают пельмени, любят намазывать на хлеб толстый слой только что нарубленного сырого фарша.

После непрерывного, почти без отдыха, перехода по голым горам я вдруг уснул мертвецким сном. Я был достаточно натренированным, закаленным альпинистом, да и от рождения я не хилый, но таких длительных пеших путешествий, от восхода до заката, по кручам, по скалам, по камням, до этого дня мне переносить не приходилось. Веки опустились как-то сами собой, все тело обмякло в изнеможении, и я проспал всю ночь напролет до рассвета, на верное, и не пошевелившись.

Проснулся я в объятиях Аа. Проснулся от холода, замерзла спина. Я дрожал мелкой дрожью, и Аа прижимала меня к своему горячему телу, стараясь обогреть.

Я сразу вскочил на ноги: мне было очень неловко, что меня, словно младенца, прижимают к груди. Чтобы согреться, я стал делать самую интенсивную гимнастику. Аа продолжала лежать в расщелине между камней и, по-человечьи позевывая, сладко подремывала. По всему, ей было совсем не холодно, а мне мороз пощипывал уши.

В душе я погордился, что мой организм крепок, вынослив, не боится ни простуды, ни переохлаждения, привычен к резким изменениям температуры дня и ночи. Но я все-таки, помню, пожалел, что встал рано. Можно бы поспать еще. Мягкая шерсть Аа, ее горячая кровь хорошо грели меня, надо было просто перевернуться на другой бок. Ведь сколько мне идти еще — неизвестно. А при таких нагрузках следует больше спать и усиленной питаться.

В последующие ночи я так и делал — дрых в объятиях Аа или Чо, а то, еще лучше, между ними, как между двумя печками, до тех пор, пока они сами не подымались. Температура тела у гули-бьябонов явно выше температуры человеческого организма. Если у волков нормальная — трид-

цать восемь градусов, то у Чо — не меньше тридцати девяти, а у Аа, пожалуй, и все сорок.

И как много они едят! Пока я согревался спортивной зарядкой по нормативам ГТО II ступени, Аа встала и убила двух пищух. Сделала она это с ловкостью, которой позавидовал бы любой мальчишка, самый заядлый игрок в бабки. Взяв камень, она сначала на вид лениво и безразлично оглядывалась вокруг. Заприметив среди скал неосторожного зверька, которого я, например, тогда еще совершенно не умел различать, она кидала в него камень. Бросок на пятнадцать — двадцать метров получался резким, отрывистым и чрезвычайно сильным. Попадание на редкость снайперское, причем точно в голову пищухи.

А в это время на вершине недалней скалы раздался громкий протяжный крик нашего Чо. Он быстро спустился к нам, волоча за собой убитого архара. В этом диком баране не менее полуторасот килограммов живого веса, но Чо, приблизившись к нам, поднял его, как перышко, над головой, держа длинной вытянутой рукою за конец изогнутого рога.

Он бросил архара к моим ногам и приветствовал нас восторженным ревом: «Доброе утро».

Мне не надо было объяснять, что я должен делать. Я сел за работу: выпотрошил архара, освежевал, разрезал на куски. Аа и Чо, сидя рядом на корточках, с любопытством наблюдали, как в моих руках мелькает блестящее лезвие ножа. Я работал с увлечением, приятно иногда показать свое умение, свою ловкость. Мне очень хотелось, чтобы гули-бьябоны меня уважали. Я ведь их очень уважал. Что бы случилось со мною, если бы Чо не подобрал меня, когда я свалился в ущелье?

Но, когда мои мохнатые друзья стали слизывать с камней кровь архара, мне, с непривычки, стало не по себе. Они хватали камни и обсасывали их, жмурясь и урча от наслаждения. А потом даже опустились на четвереньки и прямо по-собачьи начали языками подбирать баранью кровь с гнейсовой плиты, на которой я разделал тушу.

Я отошел в сторону, надеясь отыскать хоть немного топлива, чтобы не есть мясо сырым. Но разве найдешь что-нибудь в этой каменной пустыне, кроме льда, и снега, да нищих кустарничков караганы — жалкого подобия нашей желтой акации, да еще такой же мирикарии — медвежьей лапы, которую можно разжечь лишь осенью, когда на ней созреют плодики, содержащие воск. То ли дело у нас на Урале — кругом леса!

Осматривая окрестности, я заподозрил страшную вещь. Мне показалось, что мы находимся совсем в другом месте, не там, где накануне вечером я уснул. Дальнейшие события подтвердили это трагическое обстоятельство, усложнявшее мне возвращение к людям. Ночью мои милые гули-бьябоны спокойно взвалили меня, спящего, на плечи и по очереди несли.

Но куда? Где мы тогда находились? На сколько километров и в каком направлении унес меня Чо впервые, подобрав в ущелье и укрыв в пещере во время пурги? И куда меня потом перетаскивали?

С гнетущей тревогой, мрачный, я возвратился к своим мохнатым друзьям, которые пировали, пожирая архара. Не столько голод, сколько необходимость разумно поддерживать свои силы, заставила меня съесть несколько кусков мяса. И лишь нежная заботливость гули-бьябонов не давала угаснуть моей надежде на спасение. Аа и Чо наперебой подсовывали мне самое нежное баранье филе. Они, умницы, видели, что мои зубы — это зубы десятимесячного ребенка в сравнении с их мощными челюстями, в которых, как спички, расщеплялись толстые кости. С такими друзьями не пропадешь!

Я объелся. Как завзятый гули-бьябон, я поминутно хватал горстями снег, чтобы напиться. Пресная влага не утоляет жажды. Я длительное время мучился, пока не приспособился опять-таки по-гули-бьябоньи употреблять в пищу свежую кровь убитых животных и лизать солончаки.

После завтрака Аа и Чо долго не хотели идти дальше: оставался недоеденным архар и целых две пищухи. Мы уже начинали привыкать взаимно объясняться, и я с красноречием Цицерона и с жестикуляцией взбешенного глухонемого доказывал им, что надо двигаться вперед и вниз, в долину, которая утадывалась за грядой скал на горизонте. Аа и Чо показывали на добротные куски мяса, которые жалко оставлять грифам.

Я вспотел, пока уговорил, доказал, показал, что пищух и пару бараньих ног можно нести с собою. Я взял пищух, Аа и Чо — по окороку, и мы, наконец, двинулись. Гули-бьябоны поминутно оглядывались на остатки мяса, на которые сразу же налетел снежный гриф. (Кажется, точнее эта бурая голошея хищная птица с размахом крыльев больше, чем рост гули-бьябона, называется гималайским сипом).

Жадный обжора Чо вернулся, отогнал грифа и взял с собой еще большой кусок мяса. Но через час или полтора ходьбы и Чо и Аа присели и съели все, что несли с собою. Мне ничего не оставалось, как отдать им на растерзание и обеих пищух и тоже второй раз позавтракать. Про запас.

Впрочем, полуденное солнце уже изрядно припекало, и наши мясные запасы могли бы очень скоро испортиться. Да и карабкаться по скалам со свободными руками было куда легче.

Легче! Я сейчас улыбаюсь про себя, вспоминая, каким беспомощным и слабеньким был я со значком альпиниста II ступени на груди — парень, считавшийся в университете атлетом и богатырем. В глазах гули-бьябонов я выглядел тогда, наверное, грудным ребенком, ползунком. Мне до сих

пор еще не довелось видеть гули-бьябоньего младенца, но он, в моем представлении, должен родиться сразу мастером спорта, чтобы передвигаться в этом царстве каменных глыб и сыпучих снегов, выжить и вырасти таким, как Чо, чтобы стать властелином этих бескрайних высокогорных просторов, на крыше мира, у поднебесья.

Сейчас, когда я пишу обо всем этом, я терзаюсь мыслью, что в те дни был недостаточно серьезным. В двадцать лет с небольшим вообще на мир смотришь безответственно легко. Вместо того, чтобы понастойчивей искать пути на северо-запад, я отвлекался изучением моих гули-бьябонов, старался постичь тайну их примитивного, односложного языка, наблюдал их привычки, образ жизни, учился метко бросать камни, перенимал умение ориентироваться, где обрыв, где сыпучие камни угрожают обвалом, где водятся вкусные пицухи.

Как я был наказан!

Сплошные горные массивы стали разделяться многочисленными широкими плоскодонными долинами и бессточными котловинами, которые заполнены рыхлыми геологическими отложениями. Мы спустились, наконец, в глубокую долину и несколько дней шли среди буйно зеленеющей сочной растительности. Мои гули-бьябоны набрасывались на разные травы и кустарники, даже грызли деревья, как зайцы, словно соскучились по витаминам. Я тоже, боясь заболеть цингой, старался есть побольше всяких ягод и зелени.

Несколько раз я разжигал костер, спички у меня кончались, и на последнем привале я решил пробыть подольше, поддерживая постоянный огонь. Не может быть, чтобы меня не искали, думал я. Если я буду постоянно находиться на одном месте, меня будет легче найти моим товарищам-альпинистам. И мне постоянно чудились то звуки человеческих голосов, то рокот самолета, то ржанье коней.

Аа и Чо все так же нежно заботились обо мне: кормили и холодными ночами согревали своим теплом. Но гули-бьябоны — безнадежные бродяги. Я построил довольно

приличный шалаш, перед входом горел костер, и внутри было сравнительно тепло, но Чо и Аа никак не хотели жить под крышей. Когда я все-таки уговорил Чо расположиться в шалаше, он проковырял в стене дыру, высунул голову наружу, прислушиваясь, да так и провел всю ночь. Аа вообще ни разу не зашла в шалаш и спала рядом, как бы охраняя нас. И им никак не сиделось на месте — весь день они бродили, отлучаясь не только надолго, но и далеко.

А я сидел у костра, поддерживая огонь, стараясь, чтобы от костра поднималось как можно больше дыму.

И вот как-то под вечер я почувствовал, что на меня кто-то пристально смотрит. Я не испугался, а только подумал, что у меня появляются какие-то новые звериные способности: чутье. Или, может быть, я просто-напросто изнервничался?

Вскоре я заметил, как из-за деревьев за мною действительно следит пара любопытствующих и внимательных глаз. Говорят, уральцы обладают пониженным чувством воображения, фантазии (это из наших студенческих споров в университетском общежитии). Но я почему-то сразу представил себе, что это гули-бьябон, причем не Аа и не

Чо, а какой-то молодой экземпляр. Я крикнул по-дружески приветливо:

— Иди сюда, не бойся!

На их гули-бьябонском языке это звучит ужасно и русскими буквами не передашь.

Улыбаясь и протягивая мне пару убитых пищух, из зарослей поднялась еще более крупная, чем мои прежние мохнатые друзья, молодая гули-бьябонка. Она, по-видимому, была не только молодой, но и красивой на гули-бьябонский вкус: лицо чуть-чуть подернуто рыжим пушком, мех на всем теле гладкий, светлый, почти русский и блестящий, а выставяющийся вперед рот с красными губами полон крепких ослепительно-белых зубов.

Подошла она, как все гули-бьябоны, немного сгибая ножищи в коленях, как девчонка, впервые надевшая туфли на высоких каблуках. Опустилась рядом, настороженно оглядываясь по сторонам и рассматривая меня, словно ребенок удивительную игрушку. Я к тому времени уже имел, как говорится, счастье однажды лицезреть свою персону в зеркале небольшого озера и знал, что, обросший, грязный, вонючий, я похожу на настоящего гули-бьябоненка. Только шерсть на моей туристской куртке виднелась внутри, а не снаружи, что и было сразу замечено моей новой знакомой. Она потрогала цигейку и удовлетворенно хрюкнула.

«Э-э, да ты, матушка, совсем еще молода, коли хрюкаешь, подобно обезьяне, — подумал я. — Ну, давай посмотрим, чем ты отличаешься от других?»

Я принял ее подарок, быстро выпотрошил пищух. Гули-бьябонка была в восторге от ножа. Мы немедленно съели самые вкусные куски и довольно свободно объяснились. Ее звали Уа, и это произносилось почти как Вуа.

Рассматривая меня, она все время смеялась и трогала то мое плечо, то шею. Потом весело толкнула, и я едва не отлетел в сторону. Что я мог противопоставить силище этой богатырши? Я ткнул ее шипами альпинистских ботинок в бок, — она дернула меня за ногу, чуть не вырвав ее напроочь.

Тогда я слегка кольнул Уа ножом. Она отпрянула, потом стукнула меня по уху, а затем пыталась отнять у меня нож. Я сумел сделать вид, что выбросил его далеко на сторону, а сам незаметно спрятал в карман. В эту минуту вдали раздался резкий свист моего Чо, я ответил ему в тон, сунув в рот четыре пальца. Тогда Уа неожиданно схватила меня в охапку и потащила прочь.

Я отчаянно сопротивлялся. Я кричал, что было мочи, призывая на помощь своего Чо. Я улу-чил момент, полез в карман за ножом, но его не оказалось: выпал, очевидно, когда меня хватали и подымали вверх ногами. Я пробовал душить свою похитительницу, но у гули-бьябонов совсем нет шеи, и руки мои скользили по гладкой шерсти. Я колотил ее кулаками, щипал ее, пытался бить ногами. Но ей все это было, как слону дробина, выражаясь студенческим жаргоном. Ноги мои она живо сжала мускулистой ручищей, да так, что я оказался висящим вниз головой у нее на плече.

Через несколько минут мы были уже на какой-то вершине, перевалили ее и двинулись дальше по какому-то хребту в обход зеленой долины, где мне почудилось, будто я заметил признаки человеческой жизни. Кровь прилиwała мне в голову, вот-вот, казалось, она хлынет у меня из ушей, изо рта. Я боролся, выбиваясь из сил, старался как-нибудь приподнять свою гудящую голову. И вдруг у меня мелькнула жуткая мысль: а что, если Уа утащит меня за границу?

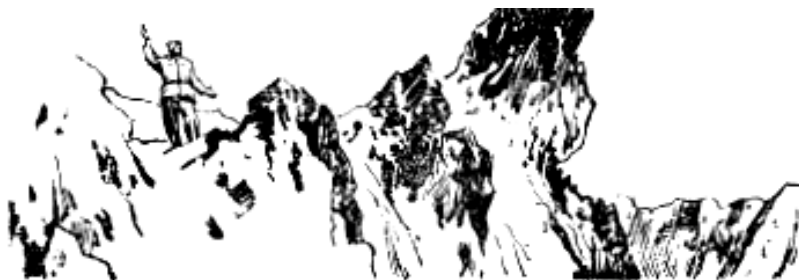
Для такой страшной мысли не было весомых оснований, я вообще не знал, где мы находимся. Но почему-то я почувствовал, что земля подо мною не наша, хотя вокруг, наверняка, на тысячу километров еще не ступала нога человека. Была ли это афганистанская земля или китайская, я объяснить не смог бы. Но вот не наша, и все! Нет, я не хочу оправдываться перед своими согражданами, которые, возможно, будут когда-нибудь читать эти записи. Я не смею выдавать себя за такого патриота, у которого так сверхъестественно развито шестое чувство — чувство родной земли. Нет! Но одна мысль о том, что меня могут переправить в другое государство, вызвала во мне ужас, от которого теряется сознание.

Я не знал, что меня ожидают впереди такие приключения, от которых я стал седым и, наверное, старым.

— Чо! Чо, дорогой брат мой! — уже не кричал, а шептал я тогда. И теперь всю жизнь я буду с благоговением произносить твоё имя. Чо, дорогой брат мой!..

7

Неоднажды я пытался спрятаться, когда Уа опускала меня на землю и отлучалась, оставляя одного. Я убегал куда-нибудь в сторону, чтобы избавиться от Уа. Но у нее был слух дикой серны, орлиное зрение и нюх овчарки. Каждый раз Уа быстро отыскивала меня, несколько не сердилась, добродушно ворчала, очевидно, считая меня щенком-несмышленишем, и кормила меня мясом добытой пищухи. Она говорила мне «бох-бох» и другие комплименты, урчала и преданно терлась волосатой головою. А потом снова бесцеремонно сгребала меня в охапку, взваливала на богатырское плечо и несла дальше. Я даже приспособился и ехал на ней уже не вверх тормашками.

Я чувствовал и понимал ее хорошее отношение ко мне. Только один раз я получил от нее злую затрешину, от которой свалился замертво и долго был в беспамятстве.

Произошло это так. На пятый или шестой день Уа, как обычно, положила меня в укромное местечко между скал и отправилась за пищей. Я проклинал себя за то, что обронил свой нож при первом знакомстве с Уа. Можно было бы зарезать ее или хотя бы покончить с собой — до такого отчаяния я дошел, когда убедился, что утащен за границу. Мы двигались все время на юго-восток, и горные гребни становились все более и более оледенелыми, а в разломах известняка и кристаллических сланцев начинали попадаться горячие источники. Резко расчлененный рельеф, почти без ровных плато, глубокие узкие ущелья, вместо поперечных равнин, — все говорило о том, что я уже не на Памире. Где же? Если двигаться от Памира на юго-восток, то, насколько помнится, попадешь на Каракорум. Но это уже за граница!..

Все подтверждало мне, что я на Каракоруме — на хребте самого мощного в мире оледенения и втором в мире по высоте. И я твердо решил покончить с собой. Плутать, как гули-бьябон, среди пустынных скал и снегов у самого поднебесья, но на своей территории — еще куда ни шло: есть надежда на спасение. Родная земля, пусть голая, каменистая, вселяет эту надежду и укрепляет ее. А таскаться в таких условиях по заграницам!.. Честное слово, лучше умереть!..

Я выбрался из расщелины, где меня оставила Уа, и сердце мое сжалось от безнадежности. Солнце стояло высоко над снежнокаменными кручами, ясно показывая мне юг. Я взобрался на какую-то вершину и увидел, что горные кряжи справа, слева, впереди и позади меня четко протягивались на юго-восток, даже почти на восток. Нет, это уже не наша страна!..

Я попробовал разбить себе голову о скалу. Но то ли мой череп крепко скроен, то ли в отчаянии у меня не хватало сил, — я ударился несколько раз и лишь набил огромную шишку, потекла кровь, голова загудела, но я оставался живым. Тогда я вскочил и опрометью бросился вниз по снежному почти отвесному склону поперек хребта. Когда меня несли по этим местам, я заметил небольшую висячую долину и теперь подумал, что прыгну с нее вниз головой. В высокогорных областях, бывает, большой ледник, стекая по главной долине, углубляет ее быстрее, чем боковые менее мощные леднички — свои долинки, вот они и полукаются висячими над главной, как балконы. И высота вполне достаточная, чтобы разбиться в лепешку.

В несколько минут я скатился на несколько километров вниз испытанным гули-бьябонским способом, управляя руками, как рулями. Оглядываясь, остерегаясь, чтобы меня не нагнала Уа, я поднялся и побежал что было сил. Дальше склон был голый, без снега, но я уже бегал по скалам не хуже архара. Правда, шипы на моих ботинках поистерлись, и по льду я заскользил бы, но по камням мог соперничать даже с самими гули-бьябонами. Я очень боялся,

что выдохнусь, прежде чем вернется и начнет преследовать меня Уа, она-то могла ходить быстрыми шагами без усталости, и этот страх подгонял меня.

И надо же было, чтоб я упал! Спрыгивая с какой-то скалы, я не удержался на ногах, потому что уступ оказался оледенелым и покатым, и растянулся почти плашмя на острых камнях. Кое-как поднялся и снова упал — уже от боли в колене. Пришлось сесть отдышаться. Засучив штанину, поглядел: кожа ободрана до самой кости.

Альпинисту часто приходится быть в синяках, кроме того, я с мальчишества привык переносить любую боль, потому что в детстве был драчуном и забиякой. Но тут мне пришлось туго. Свербящая, ноющая и одновременно колющая боль в коленке, сама, помимо моей воли, выжимала из меня стоны, как я ни старался сдерживаться, прикусывая губы.

Разбитая нога вынудила ползти. Я изодрал в кровь руки, порвал куртку на груди, но упорно двигался вперед, торопясь и тупея от боли. Сказал бы мне с месяц назад кто-нибудь (даже Танечка, которая всегда подсмеивалась надо мной), что человек может упрямо ползти, преодолевая мучительную боль, упрямо ползти только для того, чтобы броситься вниз головой и разбиться,— я не поверил бы. А тогда я спешил и спешил, чтобы успеть умереть до того, как меня разыщет и настигнет Уа.

Не знаю, может быть, она меня и любила, эта молодая обросшая шерстью богатырша с блестящими желтыми глазами. Но ее материнская нежность, ее самозабвенное спокойствие о том, чтобы я был сыт и не замерзал морозными ночами, ее трогательная заботливость и ласковое облизывание языком так и не вызвали тогда во мне даже чувства симпатии. Я потом безжалостно помог убить ее. И только сейчас, когда описываю все это, я жалею дикую красавицу Уа. Наверное, можно было не уничтожать ее, а как-нибудь договориться жить в мире и согласии.

Я дополз до края обрыва и собрался с силами, чтобы кинуться вниз, и услышал над головою протяжный, громкий, гули-бьябонский, словно порыв урагана, свист. Я даже

выругался: успела все-таки найти меня противная Уа! Я свесил голову в пропасть, оставалось последнее движение, чтоб перевалить через край, и тут вдруг почувствовал, что это не Уа, что свистит мой старый Чо.

— Вить-Вить-Вить! — раздавался пронзительный свист.

Я поднял голову. Напротив меня, на другой горе, тоже на краю висячей долинки стоял Чо. Он махал мохнатыми ручищами и радостно подпрыгивал, хлопая себя по бедрам, рыжим, на солнце почти золотистым.

Мой родной Чо! Позабыв о боли, забыв о своем намерении умереть, я вскочил на ноги и заорал:

— Чо! Дружище! Иди сюда скорее!

8

Нас разделяло всего метров двести. Эх, если бы Чо или я умел летать! Под нами лежала глубокая долина, спуститься в которую не было возможности ни мне, ни ему. Мы стояли друг против друга, словно на гигантских каменно-мертвых коврах-самолетах, под нами плыли облака.

— Вить-Вить! — полукричал, полусвистел Чо и, показывая мне в сторону, быстро зашагал по краю висячей долинки.

До места, где ущелье смыкалось, было километров десять. Там виднелись крутые снежные склоны в ущелье и со стороны Чо и с моей. Можно быстро скатиться и встретиться.

Прикинув расстояние, я заковылял в ту же сторону, что и Чо. Он свистел, кричал, что-то бормотал. Я не мог разобрать смысла, но понимал, что мой Чо рад за меня, рад видеть меня живым, рад, что догнал меня. Он все время что-то показывал мне зажатое в левой руке, но я не разглядел.

— Где же Аа? — спросил я, сложив руки рупором у рта.

— Аа! Аа! Аа! Аа-а-а-а! — закричал он в ответ, остановившись и обернувшись назад.

Я понял, что Аа тоже где-то недалеко, и тоже начал звать ее, помогая старому Чо, и, как можно быстрее двигаясь вперед, чтобы поскорее сойтись со своим испытанным другом.

Интересно устроен человек! Не снежный, а настоящий, вроде меня. Всего несколько минут назад, казалось, ничто не могло бы меня остановить и отвратить от безумного решения — броситься вниз головой в пропасть. Почему? У меня не было другого выхода, мне не хотелось жить, хотя меня кормило, согревало и заботилось обо мне сильное человекоподобное существо — гули-бьябонка Уа, с которой явно не пропадешь в этом холодном льдисто-каменном хаосе безлюдных бесконечных гор.

Но появился Чо, такое же человекоподобное существо. Какой теперь открывался выход из трагического положения студента-альпиниста, попавшего с одним лишь комсомольским билетом в какую-то — неизвестно какую — страну? Никакого выхода! Чо ведь даже не смог бы объяснить мне, где я: в Китае, в Афганистане, в Индии или Непале? И что меня ждет впереди? Ничего не прояснялось после встречи с Чо.

Тем не менее, я ожил. Я шагал, забыв о сумасшедшей боли в разбитой ноге, не чувствуя, что хромаю, и не спуская глаз со своего Чо, который важно выступал по другую сторону пропасти. Я стал замечать окружающую жизнь. Я с наслаждением смотрел, как убегал в гору мощнорогий архар, как вскинулся и полетел, трусливо замахав крыльями, гигантский снежный сип, как вдали вперегонки бросилась наутек, завидя моего Чо, многочисленная стая красных волков. Эти красно-желтые пушистохвостые зверюги, поменьше наших уральских серых волков, видимо, дружно осаждали какую-нибудь парочку горных козлов. Но как только они заметили Чо, все столь же панически, сколь и сплоченно, ринулись напропалую подальше от него.

Да. Гули-бьябон в этих краях — царь зверей, владыка гор.

В те минуты я был так рад встрече со своим Чо, что даже не подумал: каково было бы мне, если б стая красных волков охотилась на этой стороне пропасти, где шел я. Впрочем, я, наверное, ни о чем не думал. Я спел своему Чо нашу уральскую частушку «Милый, чо, да милый, чо...» и, как мальчишка, впервые познавший эхо, бодро и беспечно кричал вместе с Чо, когда он время от времени останавливался и звал свою Аа:

— А-а-а! А-а-а!..

Эхо далеко разносило наши дружные голоса по горам, сверкавшим на солнце заснеженными гребнями и гранями льда, отшлифованного ветрами до голубизны.

Наши веселые крики тогда и принесли мне новые грустные приключения.

Нивесть откуда и совершенно неожиданно на меня налетела моя рыжешерстная похитительница Уа. Она догнала меня так ловко, что я не слышал ее шагов и обернулся лишь тогда, когда на моей спине оказалась ее косматая ручища. Я успел только увидеть, что она негодуя сузила в темные щелки свои желтые глаза, как это делают злые девчонки. В следующий момент я получил от нее затрепичину по уху и, наверное, грохнулся наземь, потеряв сознание. А может быть, и не успел упасть, как она подхватила меня, взвалила на плечи и потащила.

Что теперь сетовать и рассуждать! Возможно, не орали бы мы со старым Чо — Уа не успела бы отыскать меня. И Чо меня не отдал бы и прогнал ее. И молодая красавица Уа жила бы себе и жила. И тогда бы, возможно, мы не встретили экспедицию мистера Кэнта... Эх, если бы да кабы, да во рту росли грибы!

9

Я пришел в себя от обжигающего ветра, который колотил лицо, шею миллионами сухих, словно песок, снежинок. Уа несла меня сквозь буран и тяжело дышала. Я отвернулся

от ветра, пошевелился, кое-как натянул на голову капюшон, обхватил рукой свою владычицу за шею, вернее за то место, где должна быть шея, сунул пальцы поглубже в ее шерсть.

Уа почувствовала, что я жив, повернула ко мне румяное волосатое лицо, оскалила в приятельской улыбке свои крупные зубы, ласково поурчала и прибавила шагу. От нее пыхало жаром, и если б не сногшибательный ветер, то над нами взвивались бы клубы пара. Ее голова, живот, бедра заиндевели, а на шерсти ниже колен висели крупные ледяные сосульки. Но она шла и шла, только ей одной ведомо, куда, потому что в трех шагах из-за мчащейся снежной пелены ничего не было видно.

Здесь, в горах, на крыше мира, вдали от морей, при резко континентальном климате, естественны и дневной нагрев, и ночное охлаждение почвы. Утрами всегда заморозки, а взойдет солнце, накалит каменные громады, и стоит теплынь градусов до двадцати. Но после заката все опять быстро остывает. И бывает такое резкое понижение температуры, что я закрываю уши. А ведь они у меня уральские, и до минус двадцати пяти, а то и до тридцати в Свердловске я никогда не опускал верх ушанки.

Неожиданное падение температуры здесь вызывает сумасшедшие ветры, прямо-таки уральские бураны и пургу. С той только разницей, что здесь не поймешь, то ли это снег из туч, которые опять-таки неизвестно где, наверху или внизу, то ли это снег сдувает с вершин, и поэтому он такой крупный и льдистый. А эта снежная буря была такая сильная и холодная, что я заподумывал: уж не пришла ли зима, может быть, Уа несет меня несколько месяцев?

Мы вошли (странно звучит «мы вошли», когда я лежу на загравке, и меня быстро несут — попробуй вырваться!) в неглубокую расщелину. Две отвесные каменные стены образовывали неширокий коридор, в который только сверху сыпался снег, и было сравнительно тихо.

Я сказал Уа, дескать, давай здесь остановимся.

— Чо, Чо! — ответила она, показывая рукой назад и пошла еще быстрее.

«Хорошо, — думаю, — значит, мой Чо идет за нами. Но откуда Уа это знает?» — тут же усомнился я. При всех самых высоких способностях чують запахи, шорохи и еще черт знает что, едва ли можно в такой снежный буран догонять по следу и, тем более, ощущать чье-то преследование.

«Выдумывает все эта Уа!» — решил я и впал было в самую настоящую меланхолию. Мне стало все равно, на все наплевать, будь что будет!

Однако мысли есть мысли. Думать — прекрасное свойство человека! Оно все время беспокоит тебя, напоминает о том, что ты жив, живешь, а отсюда появляются мысли: зачем и для чего живешь, и что ожидает тебя в будущем, и что ты сам можешь и должен сделать для своего будущего.

Я никогда не был пессимистом и не стал им здесь, в обществе гули-бьябонов. Среди них уныния не бывает. Может быть, потому что они не читали стихов Есенина, не учатся и не получают двоек, их не продергивают в стенной газете за плохое поведение — не знаю! Это сложный философский вопрос.

Но, во всяком случае, например, тоскливый свист неистового ветра и мрачная завеса калейдоскопически вертящегося перед глазами снега, которые могут нагнать на слабонервного человека полное отчаяние, — в гули-бьябоне пробуждают только энергию и упорство, прилив упрямых сил и неукротимую волю. В этом они похожи на наших альпинистов, туристов, геологов-разведчиков и вообще на всех тех, кто одержим страстью достичь намеченной цели.

Подставляя ветру и снегу лицо, я стал думать о своем научном сообщении в родном университете: «Человекоподобное существо — гули-бьябон».

Я увлекся и перестал замечать окружающее.

Я сделал твердый вывод, что гули-бьябоны не дикие животные, а люди, стоящие на самой первой ступени человеческого развития. У каждого из них есть зачатки характера. Да-да, именно характера. Ведь у дикого животного, как известно, не может быть характера, а только темперамент.

Очень жалею, что у меня не было таких мыслей прежде, когда мы в общежитии спорили с Колькой Ильинским. Колька много раз доказывал, что главное у человека — темперамент, это, дескать, его внутренняя сущность, непередаваемая основа. У одних, дескать, есть страстная порывистая настойчивость, а у других ее нет, и с таких, дескать, взятки гладки. Колька прикрывался тем, что он флегматик по темпераменту, и был подчеркнутым пижоном, антиобщественником.

До чего же ты, Коля, примитивен! У тебя темперамент гули-бьябона, они тоже, как ты, медлительны, и их как будто бы ничем не удивишь. Но если у гули-бьябонов это естественно здесь при низкой температуре, в суровых условиях высокогорной жизни, в разреженном воздухе, то у тебя это просто отсутствие высокоразвитого интеллекта. И ты еще этим рисуешься, подолгу не ходишь в парикмахерскую, говоришь, что это твой стиль. Ты просто равнодушный ко всему человек. Тебе лишь бы хорошо и вовремя поесть, поярче одеться да не заболеть; чуть вскочит прыщик на морде — у тебя уже трагедия!..

Тьфу! Я даже унизил моих гули-бьябонов, сравнив тебя и твой стиль с ними. Тебе бы, человек Коля Ильинский, такие черты характера, какие в зачатке есть у гули-бьябонов: мужество, чуткость, верность товариществу, последовательность, целеустремленность!

Ну, ладно. Я отвлекаюсь опять, а уже исписана половина блокнота, доставшегося мне от покойного мистера Кэнта. Кто знает, может, я не выживу, и этот блокнот будет

моим последним словом к товарищам людям. Надо писать поэкономнее.

Наконец моя владычица Уа (ну, как не владычица, если я в ее руках — ее собственная игрушка!) затащила меня в большую пещеру. Большую — сравнительно с той, где я познакомился с Чо. Я пригляделся, но глубина ее терялась в темноте. В пещере было тепло, даже жарко, а весь пол оказался усыпанным крупным золотым песком — каждое зерно в ноготь величиной.

— Ого! — не удержался я от восклицания.

У нас на Урале много украинцев и поэтому часто слышишь мягкое произношение звука «г». Видать, и я сказал: «Охо!» А «хо» по гули-бьябонски означает нечто страшное и опасное.

Уа собиралась было сразу уходить, но задержалась, стала уговаривать меня, что никакого «хо» здесь нет. Она мягко хлопала меня по плечу, закатывала глаза и смеялась, объясняя, что пойдет за едой, а я могу лечь спать. Уа даже погладила рукою теплое пещерное дно под моими ногами, устланное золотой щебенкой, и подталкивала меня идти поглубже.

Ну, как ей растолковать, что в глубину пещеры забираться рискованно? У нас, особенно на западном склоне южного Урала, пещеры не диковина. Я смекнул по теплому влажному воздуху, что здесь процесс карстового образования еще не закончился, порода трещиновата и пориста, может обвалиться, что в толще идет уже механический размыв, подготовленный растворением горячей во-

дой бьющего где-то поблизости гейзера. В глубине действительно раздавался шум воды.

Я ковырнул пальцем влажную стену, от нее легко отделились крупные зерна золота. Размягченные спайки меж зерен в породе были какой-то маслянистой глиной, похожей на пульпу при флотации медной руды, в которой, как известно, много золота.

Попробуй популярно объясни безграмотной гули-бья-бонке карстовые явления! Я и сам, хоть и уралец, плохо разбираюсь в геологии. Пришлось сказать, чтобы она быстрее уходила, а самому сделать вид, что укладываюсь спать, конечно, недалеко от входа.

Раньше мне никогда не приходилось лежать на золоте. Но ничего особенного я не ощутил. На траве или даже на снегу куда лучше! Какой все-таки дурак был мистер Кэнт, когда не поверил моему рассказу о золотой пещере. По себе судит! «Если бы у вас действительно было столько золота, — сказал он, — вы никому бы об этом не говорили». А ведь мы с Чо могли бы откупиться от Кэнта.

Не помню, сколько я ждал красавицу Уа в этой золотой пещере. Вернее, я ее и не ждал. Метель в горах утихла, наступил тихий вечер, и я уснул, разомлев от влажной жары. При всех сложных переживаниях, я, оказывается, не утратил здоровой способности засыпать к ночи и дрыхнуть, как убитый, без сновидений. Верно, стало быть, говорят: уральцы — люди крепкие, у них пупы железные.

Впрочем, тогда я, кажется, видел во сне свою покойную мать. Она, будто бы, делала пельмени, и я выпросил у нее немножко сырого фарша, который очень вкусно пахнул. Намазал его на ломоть хлеба. Наверно, я был голоден.

Утром меня разбудил Чо. Да-да, именно Чо. Просыпаясь, я посчитал, что возвратилась Уа, и приготовился отбрыкиваться от ее нежностей. Прямо перед входом в пещеру алела заря. Оранжево-красная над каменными глыбами, она заливала зловещим светом снега, ставшие алыми, точно кровь. А само небо, словно избавляясь от этого неприятного цвета внизу, светлело и светлело без единого облачка, чем выше, тем голубее.

— Вить! Вить! — свистяще хрюкнул Чо, приплясывая на короточках передо мной.

Уа не называла меня Вить, она мне всегда говорила «бох» — высшая похвала на гули-бьябонском языке. Я недоверчиво взгляделся в лицо: да, это был, несомненно, мой Чо.

Мы обнялись до хруста в костях. Моих костях, конечно. Чо радостно урчал. Потом он запустил свою волосатую пятерню себе в рот и извлек из-за щеки мой нож. Какой

молодец! Он его нес в руке, подобрав там, где меня похитила Уа, его, видимо, он и показывал мне, когда мы встречались на разных краях пропасти. А потом положил нож себе за щеку, чтобы не мешал в руках.

Я с ликованием схватил свое последнее достояние, оружие труда, отличающее меня от гули-бьябонов. Все золото подо мною ничего не стоило в сравнении с этой ценностью — дешевеньким складным ножом!

— Какая ты умница, Чо! Честное слово, ты умнее некоторых университетских тупиц, зачисленных в студенты по протекции папенок и маменек!.. Это же нож! Орудие труда! Понимаешь?

Я раскрыл нож, пощупал — не затупился ли, поднял первый попавший под руку самородок и, напевая: «Все куплю», — сказало злато. «Все возьму», — сказал булат...», — с успехом продемонстрировал внимательно следившему за моими движениями Чо, как стальное лезвие режет золото.

— Видишь? Золото здесь совсем чистое. Его твердость в чистом виде чуть больше, чем у гипса. Такое золото — редкость: обычно оно содержит серебро или медь, около

четверти состава, или, в крайнем случае, находится в минерале вместе с теллуром — в кренерите, в калаверите, в сильваните. Причем, не путай с сильвинитом — то, брат, сырье для калийного удобрения. У нас на Урале многие в золоте понимают, а отец мой даже был в молодости старателем-золотоискателем.

Глупо было, конечно, читать для Чо такую лекцию, блистать перед ним своей эрудицией, хвастаться. Но я был так счастлив, что мы снова вместе! Немудрено, если б я тогда же стал рассказывать ему про Таню, которая учится на нашем курсе и ждет, что я ей из альпинистского похода привезу какую-нибудь редкостную достопримечательность. В хорошие минуты жизни человек всегда думает о самом близком и дорогом.

Чо внимательно слушал меня, кивая головой и согласно похрипывая, словно все понимал. Он тоже поднял кушечек золота и пожевал в зубах, расплющив его. А я взял и отрезал у него с плеча большой клочок черно-рыжей шерсти, скатал в комочек, потер им щеку, чтобы подчеркнуть ему свою признательность, и спрятал реликвию у себя на груди.

— Это я от тебя передам привет нашим ребятам. Понял?

Чо громко смеялся, в восторге оскалив зубы. Но тут же нахмурился и весь как-то сжался, мгновенно сбив с меня сентиментальное настроение и вернув в реальную обстановку, окружающую нас.

— Хо! Хо! Хо! Хо! — закричал Чо, взмахивая мохнатыми руками и всматриваясь в глубину пещеры.

Всходило солнце, и первые лучи, словно прожектор, осветили пещеру. Я обернулся. Все стены на много сотен метров сверкали золотыми блестками, а вдали, куда показывал Чо, поднимались клубы желто-зеленого пара.

Мы оба попятились к выходу. Я от неожиданности, Чо из убежденной предосторожности.

— Не бойся, — успокаивал я. — Это плавится золото. Там, наверное, выход горючего газа. Мы сможем там добыть огня, спичек-то у меня больше нет.

Я залюбовался необычайным зрелищем. Там кипело и выгорало золото. Золотые лучи солнца пронизывали пещеру далеко вглубь, и дорога туда, дорога из золотых самородков, сверкала зеленоватым блеском. И зеленоватый дымок испаряющегося золота тоже был золотым.

Сколько еще нетронутых человеком богатств на нашей лишь частично обжитой планете! Они ждут и здесь, в этих неприступных снежнокаменных краях, своего хозяина.

Конечно, будет время, и в Китае, и в Индии (на чьей же я территории?) народ возьмет власть в свои руки и придет штурмовать дикие, таинственные горы, искать, добывать, разрабатывать сокровища этих недр, тосящих по человеческим рукам.

Как и следовало ожидать, вернулась Уа. Но ни я, ни Чо не предполагали, что она полезет драться. Она появилась с ворохом набитой сажки в руках. С десятков этих больших, оранжевых в черную полоску птиц она сунула прямо в лицо моему Чо, с расчетом обескуражить его, и пыталась сгрести меня в охапку, что-

бы сразу утащить.

Чо не оторопел. Он спокойно отмахнулся от кучи птичьих туш и заступился за меня — взял Уа за плечи, люто крикнул, отшвырнул ее в сторону.

И через минуту я едва не усомнился в своем выводе, что гули-бьябонь — это люди на низшей ступени человеческого развития.

Уа дико завизжала, как сто девчонок разом, и прыгнула на Чо, стараясь совсем по-бабьи выцарапать ему глаза. Старый Чо был выдержаннее и сначала хладнокровно отмахивался руками и ногами. Им быстро стало тесно под сводами пещеры, двум рычащим мохнатым огромным зверям, и Чо, сначала осторожно оттерев меня наружу, вырвался из пещеры сам.

Тогда Уа, выскочив за нами, окончательно рассвирепела — подняла обеими руками каменюгу, этак килограммов на триста, и с размаху бросила в Чо, словно мяч на баскетболе. Чо увернулся. Она схватила другой камень, чуть поменьше, и прицелилась. Но Чо успел подбежать к ней, стиснул ее вытянутые над головой руки, потрянул — и камень выпал. Он не отпускал ее, ругаясь — что-то бормоча зло и угрожающе, но она повисла у него на руках и иступленно заколотила ногами ему по животу. Чо скрючился и оттолкнул ее подальше.

Я стоял ни жив ни мертв.

Уа мигом кинула в Чо еще одним камнем, величиною с набитый рюкзак, прямо одной рукой, как это делают все гули-бьябоны на охоте. Чо заслонил голову, но камень угодил ему в грудь. Мой Чо пошатнулся, и Уа, ни секунды не медля, не давая ему передышки, навалилась на него, кро-

вожадно вцепилась зубами в плечо. В жестокой схватке, ударяясь о камни, оба упали. Шерсть клочьями взлетала над ними.

Уа моложе и, видать, ловчее. Она быстро оказалась сверху. Старый Чо, лежа ничком, захрипел, задыхаясь. Увидев, что его ноги конвульсивно задвигались в воздухе и уже не задевают Уа, я, не помня себя, раскрыл свой нож, кинулся на нее и всадил лезвие в холку по самую рукоять. Резко повернул, как на медвежьей охоте, и вынул.

Уа взметнулась на ноги, попятилась назад на несколько шагов, приготовливаясь наскочить теперь на меня. Ее желтые большие глаза превратились в черные хищные щелки. Она уже присела, чтобы покончить со мною одним прыжком.

Но тут поднялся Чо и, взяв двумя руками большой камень, запустил его в Уа. Он попал ей в самый лоб. Конечно, никакой, даже гули-бьябонский череп, не выдержит такого удара.

Старый Чо медленно подошел к рухнувшей замертво Уа. Отдышавшись, он опустил перед ней на колени и жалобно-жалобно заурчал, поглядывая на меня с укоризной.

Потом он некрепко сжал мою руку и подтянул к сердцу Уа. Сердце остановилось, в этом не было никакого сомнения. Я отвернулся: вид разmozженного черепа — не из приятных. А Чо поднялся, обошел вокруг трупа, чтобы заглянуть мне в глаза.

Наши взгляды встретились. Чо покачал головой и испытующе, вопросительно смотрел на меня в упор. Я тоже встал, не отводя глаз. И наш безмолвный разговор, как мне показалось, был, примерно, таким:

— Я не виноват, что так получилось. Ты на меня не сердишься? — говорил Чо,

— Я понимаю, дружище, — говорил я, — что вас, гули-бьябонов, по-видимому, осталось очень мало, и, конечно, мне горько-горько, что погибла молодая Уа. Но поверь, у меня не было к ней никакого расположения. Она хорошо относилась ко мне, безусловно. Но я был все-таки ее пленником. Пленником. Понимаешь?

Не знаю, может быть, мне всего лишь показалось, что мы с Чо поняли друг друга. Он совсем по-человечьи положил мне руку на плечо и похвалил меня:

— Бох!

Я спросил, пощупав его грудь, где сквозь шерсть просвечивал огромный кровоподтек:

— Как тут? Ничего?

В доказательство, что все ребра целы, Чо яростно и бодро поколотил себя в грудь кулаком. И вдруг повел носом, выпрямился, насторожился, напряжился весь, прислушиваясь к тишине мертвых гор вокруг. Я тоже внимательно огляделся окрест.

И из очень дальнего далека до нас донесся тоскующе ищущий рев:

— Оо-оо-оо-оо!.. О-о-о-о!..

— Аа! — воскликнули мы разом и как-то даже облегченно.

10

Вскоре Аа, постояв на ближайшей вершине и издали стараясь разглядеть, что у нас произошло, спустилась к нам. Чо уткнулся лбом в ее лоб, и они долго терлись друг о друга, чуть слышно урча и побряхывая. Чо ей, наверное, объяснил все.

И тогда они подняли убитую Уа и понесли ее на плечах в ближайшую расщелину. Я не мог быть безучастным и тоже подставил плечо под тяжелую грустную ношу.

Мы несли ее долго, очень долго. Чо медленно шагал впереди на полусогнутых ногах, шагал осторожно, словно с переполненной чашей, из которой нельзя пролить ни одной капли. Светило солнце, ослепительно, до рези в глазах сверкали вокруг нетронутые снега, окаймленные дочерна темными траурными ребрами скал. Если беспрерывно смотришь на однообразные горы под ярким солнцем, зре-

ние перестает воспринимать оттенки. Только черное, белое и голубое было вокруг.

Когда наша процессия спустилась на дно неширокого и неглубокого ущельица, Уа положили наземь. Чо и Аа осмотрелись и выбрали нишу в стене, полузаваленную крупными камнями. Не издавая ни звука, они начали разбивать камни, аккуратно складывая их в стороне. Я принялся помогать.

Стояла жара, и мы часто прерывали работу, чтобы поесть снегу. У меня начинала кружиться от голода голова, снова разболелась разбитая коленка, но мои гули-бьябоны и не помышляли прекращать выборку камня из ниши. Она медленно углублялась и углублялась. Рядом вырос целый курган из камня, почти в два моих роста. Над нами то и дело кружились снежные сипы, но ни один не осмелился спуститься к мертвой Уа, лежавшей поодаль.

Меня уже покачивало от голода и непосильного труда, ведь я больше суток ничего не ел. Аа заметила, как я пошатнулся, таща камень, и протянула мне какую-то жалкую

полусухую травинку. Для подкрепления. Я безразлично сжевал ее и тяжело вздохнул.

И опять Аа с Чо перетолковали меж собою, и она ушла ненадолго. Возвратилась со множеством больших, буроватых с темными пятнами яиц в пригоршне. Я быстро съел все яйца. Аа с нежной грустью поглядывала на меня, как мать на хилого, заморенного ребенка. Она тоже устала и села отдохнуть, поскребывая себе голову, словно расчесывая волосы — толстые, как проволока.

Чо неистово работал, не сделав ни единой передышки, пока не выбрал к закату солнца весь камень из углубления. Опять молча, все втроем мы перетащили труп Уа в нишу, ставшую вместительной, как небольшая пещера.

Быстро темнело. И в коротких сумерках, когда Чо старательно усаживал мертвую Уа в нише, я невольно сравнил ее, молодую, со старой Аа. Да, Уа была настоящей красавицей. Даже бездыханное тело ее выглядело упругим и сильным, а черты лица мужественными и по-своему обаятельными. Чо усадил ее на вечный отдых, и она, казалось, просто устало над чем-то задумалась на минутку. А старая Аа ссутулилась, стоя рядом, и беззвучно всхлипывала. По ее морщинистым, обросшим мелким волосом щекам текли слезы, и могучие, но уже дряхлеющие плечи дрожали.

Чо начал укладывать камни обратно в нишу, замуровывая Уа. Я стал помогать, воспрянув силами после десятка сырых яиц. Не осталась в стороне и Аа.

Камень за камнем. Стук за стуком — размеренные тихие звуки. В южных краях солнцу стоит лишь скрыться за горизонтом — сразу наступает непроглядная темень. Но в этот вечер небесную вахту быстро сменила полновесная луна и залила всю округу холодными струями зыбкого желтого света. И словно сдвинулись в траурном молчании горы, мрачно обступили нас, будто захотели стиснуть и захоронить в себе еще двух гули-бьябонов со студентом в придачу, как приняли в свои недра красавицу Уа.

Мы продолжали работать и работать, я лез вон из кожи, чтобы не отставать от друзей. К утру ниша была завале-

на камнями на несколько метров толщиной. Ни дать, ни взять — произошел естественный обвал. Кто, проходя мимо, догадается, что под россыпью гранитных и гнейсовых глыб, навороченных старыми Чо и Аа, в толще горы покоится их молодая соплеменница.

Снова взошло солнце, и я заторопил моих друзей. Вперед! Вперед на северо-запад! Хотя, впрочем, слишком на запад нельзя: вдруг забредешь в Афганистан. Мне надо во что бы то ни стало дойти туда, где в припамирской горной области смыкаются льдистый Каракорум и островерхий Куэнь-Лунь! И пусть впереди хоть тысяча километров пути, я дойду до людского жилья, дойду до родной страны!

Аа и Чо не противились, шли туда, куда я показывал. Они трогательно заботились обо мне и не раз предлагали тащить меня. На небольшом высокогорном плато мы натолкнулись на птичий базар саджи. Саджа чуть похожа на голубя, только гораздо крупнее, в несколько раз, и охристая, почти оранжевая, низ беловатый, а на голове, на груди, спине и хвосте тонкие черные полоски. А пальцы сросшиеся, поэтому ее зовут еще, кажется, копыткой. Гнездо у нее прямо на земле, в каждом — два-три буроватых, с темными пятнами яйца. Вот уж попили мы этих яиц! Сначала били саджу камнями и съели несколько штук, а потом надоело потрошить и ощипывать их, и стали лакомиться одними яйцами.

Стараясь и по аппетиту не отставать от гули-бьябонов, я объелся до щемящей тяжести в желудке. После мы все трое заснули под какой-то нависшей скалой. И в ночной мороз меня согревали мои горячие, как печки, мохнатые друзья.

Я настраивал себя спать чутко, чтобы Аа и Чо снова не понесли меня куда-нибудь. Но где там! Стоило мне положить голову на мягкое плечо старой Аа, я словно провалился в небытие. И вполне вероятно, что Чо опять нес меня, как ребенка. Куда? Не знаю. Во всяком случае, когда лучи утреннего солнца защекотали мне веки и я проснулся, трудно было определить: на много к северо-западу мы про-

двинулись за ночь или не на много. Может быть, мы уклонились на восток.

Но так или иначе, к полудню мы подошли к большой котловине. И внизу я увидел сизые дымки костров и белые палатки лагеря какой-то экспедиции.

Я хрипло заорал, мгновенно ошaleв от бурного восторга: — Люди! Ура-а-а!..

Опасливый Чо благоразумно взял меня за руку и попытался отвести назад. Но разве я послушался?

— Люди! Ура-а-а!..

Увы! Мой Чо верно чувствовал, что встреча с этой экспедицией чревата трагическими последствиями. Почему я тогда не подчинился ему и был так

неосторожен? А ведь я грамотный, я знал, что люди на земле разные.

11

Рассерженная Аа рвала руками траву, порывивала, приседая и подпрыгивая. Бедные мои гули-бьябоны! Как вам растолковать, что я не могу вечно быть с вами, хоть и рад вашему обществу, и нет границ великой благодарности вам за все заботы обо мне. Я же человек настоящий, не снежный, и я должен жить среди людей.

Когда я упрямо двинулся вниз, Аа настойчиво бросалась вперед и вставала передо мной на четвереньки, загораживая дорогу. А старый Чо несколько раз пробовал схва-

тить меня в охапку, чтобы не пустить дальше. Но я раскрыл свой нож и выразительно помахал перед самым носом грустно-свиристого Чо, перед глазами плаксиво-печальной Аа. Тогда они приотстали. Но потом все-таки не раз дружным дуэтом раздавался их отрывисто-визгливый крик, и они снова настигали меня, пытаюсь остановить, вернуть.

Во всем виновата моя уральская настырность. Уж если уральцу что втемяшится в голову, если он задумал что-нибудь и решил, никакая сила его не задержит. Километр за километром, уступ за уступом преодолевал я, со скоростью матерого архара спускался в долину. Стараясь, чтоб мои гули-бьябоны не помешали мне, я поминутно оглядывался назад и так спешил, так торопился к цели, что на одной террасе, сам не знаю как, попал в ловушку.

То ли облако зацепилось за угловатую кручу и повисло на краю бездонного ущелья, то ли от шумящего где-то в глубине водопада поднимались испарения, — не знаю. На крошечной терраске справа вставала отвесная стена, бесконечной высоты, с нее свешивался голубой, зловеще поблескивающий на солнце лед. Сзади, меж гигантских скал, остался узкий проход, по которому я спустился. Впереди был наклонный неширокий, с полметра, карниз, куда мне и следовало осторожно двинуться дальше. Но с четвертой стороны появилось облако, в него я и врезался.

За живыми клубами густого белого тумана, сразу охватившего всего меня, я не заметил, что слева был обрыв, и оступился. Нога сорвалась в пустоту, я повалился набок, но край в мелких камнях осыпался, и я съехал всем туловищем вниз, кое-как успев ухватиться за камень побольше.

Камень лежал непрочно и шевелился. Одно неосторожное движение — и я сверзился бы вместе с ним в ущелье. Повиснув на руках, я безуспешно силился подтянуться, выкарабкаться. Но камень с каждой моей попыткой предательски приближался к краю, и мне много стоило, чтоб удерживаться на локтях в клубящемся облаке тумана.

Я забоялся, что мои верные гули-бьябоны, догоняя меня, пройдут мимо. Вторично сорваться в ущелье, да еще

после такой сверхальпинистской многодневной тренировки? Этого еще не хватало!

Я заорал что было мочи:

— А-а-а-а!..

И тут же вскрикнул еще, но уже от боли, потому что подоспевшая Аа встала мне на пальцы своей мозолистой, поросшей шерстью ступней. Она что-то заурчала, быстрое и весьма продолжительное, будто начала читать мне нотацию. С детства не могу терпеть нравоучений!

Что она говорила, понять я не был способен. Когда одна рука придавлена тушей, весом более центнера, а вторую еле держишься за край обрыва, и все туловище болтается

над бездной, за туманом ничего не видать, ноги судорожно ищут хоть какую-нибудь шероховатость на скале, чтоб зацепиться, — в такие минуты не поймешь и своего родного языка, не то что гули-бьябонского.

А старая Аа с усердием злой няньки все ворчала и ворчала, била себя кулаками в грудь и не собиралась меня вытаскивать. У меня уже мелькнула мысль, что она попросту хочет, чтоб я слетел вниз и больше не причинял им хлопот. Но когда в следующую минуту я, окончательно обесилев, повис на руке, намертво прижатой ногою Аа, стало понятно, что меня спасли.

Подошел Чо. Тоже поворчал немного. Но наклонился надо мною, сгреб меня одной рукой за шиворот, как щенка, поднял и отбросил от края пропасти.

Он, наверное, отчаянно ругался, потому что стал выкрикивать, брызжа слюной и хлопая себя по бокам, такие звуки, которых я не слыхивал от него прежде.

— Чо! — сказал я тогда как можно более покладисто. — Ну, извини, родной. Больше не буду. Честное слово! Дальше мы пойдем все вместе. Все втроем! Ты же сам понимаешь, что этот обрыв, когда торопишься, заметить мудроно...

Я умышленно произносил длинную-преддлинную речь. Хитрил. Когда я говорил, Чо и Аа всегда с удовольствием, с почтительным изумлением слушали, заглядывая мне в рот. Человеческая речь завораживает их, как завораживала слушателей в старых уральских сказках вещая птица гамаюн. Однажды Чо даже заставил меня показать ему свой язык. Долго разглядывал его, подергивая своей косматой головой, промывал что-то удивленное, а потом несколько раз пытался высунуть и свой язык, чтобы посмотреть.

— Больше не буду отлучаться, честное слово! Чо, родненький!.. — не прекращал я потока слов и на разные лады пережевывал одну и ту же мысль, как на семестровом зачете в университете, когда отвечаешь без достаточной подготовки.

И своей речью я успокоил моих гули-бьябонов, чуть не усыпил. Они сели наземь и задремали. А когда они садятся

на ровное место, не на возвышающийся камень, им потом бывает очень трудно подняться: надо сначала встать на четвереньки.

Как сейчас, передо мною в памяти стоит этот ясный день. Мы сидим на маленькой терраске среди каменных громад. Печет солнце, стоящее почти над самой головой. Из пропасти рядом вырываются клубы тумана, вернее, пара: в ущелье бил горячий источник. Благодать! Но я заспешил вниз, в долину, к лагерю, увиденному с вышины, к двум палаткам, где есть люди.

12

Люди!.. Человек!..

Говорят, где-то в Европе есть мимические театры. Когда выберусь из этого каменного плена, попробую организовать такой театр у нас в университете. У меня явные способности мимикой и жестами не только выразить свою мысль, но и сагитировать. Мне удалось уговорить Чо и Аа пойти со мной в долину.

Это было, наверное, потрясающее зрелище, когда перед заходом солнца к лагерю экспедиции Кэнта подошло три человекоподобных существа. Я, оборванный, обросший альпинист, а рядом настороженно сутулящиеся — то ли медведи, то ли гориллы — Чо и Аа.

Мы еще не приблизились и на полкилометра, как весь лагерь зашумел, пришел в движение. Люди с криками «Йети! Йети! Йети!» выскакивали из палаток и бросались наутек в противоположную сторону. Я побежал, чтобы остановить их, Чо и Аа отстали. Когда я домчался до первой палатки, из нее вышел рослый человек с парабеллумом в руке и спросил по-английски:

— Что случилось?

— Икскьюз ми!.. — залепетал я. Все английские слова вылетели у меня из головы. Я тут же проклял свою прежнюю лень в университете и мысленно поклялся себе, что

засяду за иностранный язык, как полагается. — Я русский альпинист... Вот пришел к вам со своими двумя товарищами. Они гули-бьябоны... Я заблудился... Но все ваши, увидев нас, разбежались... Моя фамилия Трофимов...

Человек с парабеллумом мельком осмотрел меня и впери́л взгляд на Чо и Аа, которые стояли вдалеке, переминались с ноги на ногу, в нерешительности.

— О-о! — восторженно произнес иностранец и одобрительно цокнул языком, точно так же, как это делал мой Чо, когда чем-нибудь восхищался. Потом спросил по-русски:

— Вы сказали, это ваши товарищи?

— Да, — ответил я. — Это Чо и Аа. Чо трижды спас меня, мы очень подружились.

— Восхитительно! — воскликнул, он, хлопая меня по плечу. — Будем знакомы! Меня зовут Кэнт. — Он слабо пожал мне руку, сунул парабеллум в кобуру и кого-то позвал: — Лакхпа! Лакхпа!..

Но из второй палатки, к которой он обращался, никто не откликнулся.

— Ваши все убежали, — заметил я.

— Шерпы! — усмехнулся Кэнт. — Шерпы очень боятся снежного человека, они испытывают священный страх. Я еще не выяснил, с какими религиозными верованиями это связано. Но какие чудесные экземпляры — ваши товарищи!.. — И Кэнт снова уставился на моих гули-бьябонов.

Чо и Аа, убедившись, что никакая опасность им не угрожает, немного приблизились. Мне даже послышалось, как Чо тихонько и дружелюбно свистнул:

— Вить!

— Иди, Чо, сюда! — поманил я его. — Не бойся. Мы немножко отдохнем, проконсультируемся, где находимся, сориентируемся и пойдем дальше.

Я говорил это не столько Чо, сколько Кэнту. Чо и Аа, как существа безграмотные, конечно, не могли понимать слов «консультируемся» и «ориентируемся». Но они медленно стали подходить к нам. Кэнт пожирал их глазами.

— Где мы находимся? — спросил я. — Я безнадежно потерял ориентировку. Вы мне можете разобраться по карте и наметить точный маршрут к нашей границе? У вас ведь есть карты этих краев? Мы, наверное, на Каракоруме?

— Карты? — рассеянно переспросил Кэнт. — Да, где-то есть, конечно.

Он совершенно опьянел от присутствия Чо и Аа. Они подошли, настороженно переглядываясь меж собою и вопросительно посматривая на меня. Я говорил какие-то пустяки, чтобы голосом, интонацией успокоить их окончательно. А затем не без гордости представил их Кэнту:

— Знакомьтесь: это Чо, мой названный брат. А это Аа — моя сестра. Я с ними брожу по этим каменным краям уже, наверное, больше месяца. И если бы не они, не эти верные друзья, я давно бы погиб... Это Кэнт! Кэнт! — повторил я несколько раз, объясняя моему Чо, что перед ним человек такой же, как я...

— Кхэн!... — облегченно выдохнул Чо, и все лицо его сморщилось в доброй улыбке.

— Интересно, по сколько лет этому джентльмену и этой лэди? — весело спросил Кэнт и стал приглашать всех нас в палатку.

Я рассказал ему, что гули-бьябоны предпочитают находиться на открытом воздухе. Кэнт покладисто согласился, быстро развел костер и начал готовить ужин, чтобы покормить нас. Это был очень подвижный, сухощавый пожилой человек с энергичным лицом, на котором сильно выдавались вперед решительный подбородок, орлиный нос, тонкие губы. Одет как альпинист. Короткая, седая и

круто вьющаяся шевелюра, словно мерлушковая шапочка, заменяла ему головной убор.

Он очень быстро и ловко орудовал, распечатывая аргентинскую тушенку, датский сыр, кубинский сахар. На мое предложение пойти поискать его помощников Кэнт ответил беззаботным смехом:

— О, не беспокойтесь! Придут, никуда не денутся. Им некуда идти без продуктов и снаряжения: до ближайшей шерпской деревни десять дней перехода.

Я так соскучился по живой человеческой речи, что болтал без умолку. Кэнт безупречно говорил по-русски, лишь в некоторых словах можно было уловить на звуке «р» иностранный акцент. Впрочем, он больше помалкивал, только поддакивая или спрашивая, а мой язык, словно залежался во рту без движения и теперь работал и работал.

Мистер Кэнт готовил ужин, внимательно слушая меня. Между делом он вынес из палатки новые альпинистские ботинки, куртку и штаны. Я меж разговорами переоделся и продолжал рассказывать о своих злоключениях. Чо и Аа сидели рядом на камнях, тоже слушали меня, будто все понимали, даже кивали в знак согласия и с любопытством принимались к разогреваемому в котле мясу. Да и у меня самого от этого аппетитного аромата настоящей человеческой кухни кружилась голова, я еле успевал проглатывать набегавшую слюну.

Кэнт, нарезая хлеб, протянул гули-бьябонам по ломтю. Чо долго и недоверчиво обнюхивал новую для него пищу, исподлобья следя за мной. Я тоже поспешил взять кусок хлеба, чтобы показать, что это съедобно и вкусно. После долгих дней питания сырым мясом не рассчитаешь силы надкуса, и зубы мои лязгнули. Хлеб был величайшим наслаждением. И после меня Чо с Аа мгновенно съели свои куски, попросили еще, и Кэнт скормил им почти все свои запасы.

К горячему мясу они сначала не притронулись. Тогда я разложил куски перед ними на камне. Когда мясо остыло, Чо наклонился к нему, облизался как-то прямо по-зверино-

му и проглотил все дочиста, ничего не оставив Аа, которая, намявшись хлеба, видимо, задремала.

— Чо! Как тебе не стыдно! Обжора несчастный! — пожурил я его.

Но Чо в ответ лишь пробурчал что-то добродушное, потом сонливо помигал смешливыми глазами и придвинулся поближе к костру.

На лагерь Кэнта опускалась ночь.

13

— Давайте, Виктор, немного поработаем,— предложил мистер Кэнт, когда стало совсем темно, и в костре светились только тусклые угольки, подернутые золой.— Я привык работать каждый день, а сегодня еще не пришлось.

Он вынес из своей палатки блокноты и один подарил мне. «В знак величайшей дружбы и уважения», как он сказал. Затем дал и карандаш.

— Заметьте: карандаш советский. Я совсем недавно был у вас в России, я очень люблю русский характер, много читал Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого... Давайте, я запишу все, что произошло сегодня. Кроме того, вы продиктуете мне свои наблюдения над снежными людьми в естественной обстановке, пока в памяти все свежо.

Угли в костре угасли, окончательно покрывшись золой. Кэнт зажег коробчатый электрический фонарь со стеклянными обрешеченными стенками, вроде таких, как у проводников

в поездах. Чо спал, уткнувшись лицом в грудь Аа. Она, кажется, бодрствовала! Во всяком случае, я несколько раз видел, как на ее слабо освещенном и неподвижном лице

нет-нет, да и приоткроется один глаз. Так делают очень умные сторожевые собаки.

Мы с Кэнтом говорили чуть не до утра. Теперь я припоминаю, как хитро он строил нашу беседу. Он подробно расспрашивал обо всем и подхваливал меня за мужество, за выносливость, за умение сохранить высокий дух в самую тяжелую минуту, даже за то, что я смог питаться сырым мясом пищухи. Я делился своими наблюдениями, а он записывал. Теперь я склонен думать, что Кэнт нарочно изматывал меня вопросами, чтобы я покрепче уснул.

Но тогда мое настроение было столь ликующим, что я ничего не замечал. Кэнт обещал мне всячески помочь вернуться домой. Он много рассказывал мне о снежном человеке. Чо и Аа, оказывается, наиболее крупные, редкие особи. По свидетельству местных жителей — шерпов — бывают еще и совсем маленькие йети. Кэнт посвятил поискам снежного человека почти половину своей жизни, верил в его существование. Ведь обнаружено же, оказывается, в 1901 году в северо-восточной части Конго крупное животное окапи, о котором никто до той поры не знал. А края,

где мы находимся, изучены в двадцатом веке гораздо меньше, чем Африка в девятнадцатом.

Если мне удастся выбраться из этих гигантских горных лабиринтов, я посвящу себя изучению предков человека. Чо и Аа и убитая Уа, несомненно, — родственники романичкам, чьи зубы и челюсти, рассказывал Кэнт, найдены на южных склонах Гималайского хребта. А может быть, они сходны с тигантопитеками, чьи остатки обнаружены в пещерах Южного Китая. Так или иначе, мои гули-бьябоны — «пред-люди», наши несчастные дикие предки.

С такими мыслями, помнится, я и уснул под монотонное научное повествование Кэнта. Во сне мне удилось, что я вместе с Чо и Аа иду по городу Свердловску. Чо — в модном костюме, в ботинках, при галстукe, который ему чрезвычайно мешает. Аа держится за него под руку, но почему-то босая: наверно, не нашлось ничего подходящего из обуви на высоком каблукe. Все трое мы пересекаем улицу, чуть не попадаем под трамвай, еле слышно зазвеневший, и Аа шепчет мне на уху:

— Гу! Гу!..

«Гу» означает опасность. Я невольно проснулся, быстро сунув руку в карман за своим ножом. Нож не оказалось, я его забыл в старых штанах. Кругом было тихо. Светало. Продрав глаза, я осмотрелся.

Невдалеке стоял Кэнт со связкой каких-то блестящих предметов в руке. А в нескольких шагах от него за огромным камнем притаились Чо и Аа. У Чо было такое страшное выражение лица, что у меня мурашки по спине побежали.

— Гу! Гу! — тихо подавала мне сигнал Аа.

— Уот ду ю ду? Что вы делаете? — закричал я Кэнту неожиданно для себя по-английски.

Кэнт подошел ко мне, бледный и дрожащий. Он сел рядом, обнял меня за плечи свободной рукой. И я с ужасом увидел, что у него целая связка стальных наручников — кандалы не кандалы, но специально сделанные кольца на прочных цепях.

— Молодой человек, — торопливо заговорил Кэнт. — Не будем медлить. Нам с вами надо доставить эту пару йети в Европу живыми. Это в десять тысяч раз эффективнее, чем привезти шкуры. Шкуры могут быть поставлены под сомнение: снежный человек или нет? А живые экземпляры!.. Это понимаете, что такое? Это будет наша с вами слава, как ученых, путешественников, следопытов! Это богатство. Вся Европа будет у наших ног! Все газеты мира заговорят о нас!.. Вся Европа!..

— Зачем мне Европа? — спросил я. — Мне надо на Урал, скоро начало учебного года, а у меня хвост по спецкурсу, надо зачет сдавать...

Помнится, я говорил ему еще что-то подобное, неуместное: настолько был поражен его предложением. Я категорически отказался полонить гули-бьябонов. Ну как я мог предать моего родного Чо, который не однажды выручал меня из беды?

Но Кэнт не унимался. Он заклинал меня помочь ему захватить хотя бы одного. Сам он не сумел одеть наручники: гули-бьябоны очень чутки к опасности. А мне, по мнению Кэнта, сделать это было бы легче легкого.

— В конце концов вы русский и большевик, — увещевал меня Кэнт. — Разве не в ваших интересах доставить цивилизованному миру самое веское и живое доказательство правильности учения Дарвина о происхождении человека?

Из-за дальнего хребта, что обрамлял долину, в которой мы сидели, взошло малиновое солнце. Я с содроганием в душе смотрел на связку стальных наручников, брошенных Кэнтом наземь. Красные солнечные лучи пронизывали воздух почти горизонтально, и темно-алые блики засверкали на кандалном металле. Казалось, наручники обагрились кровью.

— Как можно? — сказал я Кэнту. — У этих живых существ нет ничего. Ни крова, ни богатства, ни материальных благ. Даже нет одежды. Ни-че-го! Единственное, что у них есть, — это свобода. И вы хотите отнять у них свободу? Нет!

Мне удалось убедить Кэнта, что можно заняться изучением гули-бьябонов, не обижая их, относясь к ним, как равный к равным. Кэнт начал лихорадочно исписывать свой блокнот. Весь день прошел спокойно, если не считать мелочей. Кэнт ругался на всех языках мира, когда выяснилось, что кто-то из шерпов с перепуту разбил фотоаппарат. Затем попробовали сбежавших разыскивать в окрестностях. Но Чо с Аа не отходили от меня ни на шаг, и если б даже кто-нибудь из проводников и носильщиков экспедиции Кэнта был поблизости, то все равно убежал бы дальше, увидев гули-бьябонов.

А Кэнт не оставлял мысли осуществить задуманное. Он все время возобновлял разговор на эту тему. Я еще и еще раз говорил о чудовищности его плана — захватить Чо и Аа и увести в Европу. А он то предлагал мне взять одного из них к себе в Советский Союз, то пулушутя грозил, что сдаст меня местным властям, намекнув, что мы находимся далеко от границы СССР. С какими только подзаходами Кэнт ни пытался воздействовать на меня!

Что я мог сделать? У тех, у кого есть все человеческие блага, и то отнимать свободу — позор. Что я, колонизатор какой-нибудь, что ли!..

И Кэнт менял, как говорится, пластинку, рассуждал о странностях русского человека (советского, — поправил я). Потом начал безудержно хвалить меня, сказал, что уральцы — народ особенный. Я все это старался не замечать. Сильной и красивой выглядела в его комплиментах моя личность.

Наверное, поэтому ночью, когда я вдруг неожиданно проснулся, оказалось, что на мне стальные наручники. Кэнт, только что защелкнув тяжелые браслеты, соединенные цепью, сидел на корточках против меня и светил фонарем мне в лицо.

— Хеллоу, уралец! — зло сощурился мистер Кэнт. — Предлагаю выбор: или вы обеспечиваете мне хотя бы один

живой экземпляр снежного человека, и я гарантирую вам доставить вас в Советский Союз. Или я буду вынужден удовольствоваться шкурами, но тогда и какая-то пуля ваша. Свидетелей здесь нет на двести — триста километров вокруг.

Он похлопал по кобуре своего парабеллума.

Я пнул его сколько было сил, сразу обеими ногами. Фонарь погас.

— Чо! Аа! — закричал я по-гули-бьябонски. — Гу!.. Гу!.. Спасайтесь, друзья! Спасайтесь!

В крошечной тьме, к которой еще не успели привыкнуть мои глаза, лишь угадывался откуда-то стреляющий Кэнт. Я пригнулся и кинулся наугад в сторону, присел, сделал еще бросок, но скованные руки не давали возможности быстро передвигаться среди каменных глыб. На мое счастье, следующим прыжком я ткнулся головой прямо в грудь Аа. И еще через мгновение могучие, заросшие шерстью руки подхватили меня, взвалили на спину и понесли.

Выстрелы Кэнта стали быстро отдаляться, редеть и, наконец, умолкли. Глаза постепенно приспособились к тем-

ноте, и я начал различать окружающее. Цепи гор вокруг. Цепь на руках. Горы, горы и горы...

Рассвет мы встретили на той самой терраске, где я чуть не сорвался в ущелье, из которого вырывались облака тумана. Я попробовал разбить о камни стальные браслеты на своих руках или хотя бы порвать цепь, соединяющую их. Я в ярости метался от одной скалы к другой, выбирая край поострее. Я колотил увесистыми камнями по металлу. Но тщетно. Наручники были рассчитаны на гули-бьябонов.

Чо и Аа наперебой помогали, едва не вырвали мне руки из плеч, но тоже не сумели ни порвать цепи, ни раскрыть браслетов.

— Понимаешь, ключ у Кэнта, — объяснял я озадаченному Чо, показывая на маленькие отверстия в замках кандалов. — Вот сюда вставляется ключ, поворачивается, и — чик — руки освобождаются. Но ничего, брат, не сделаешь: ключ у Кэнта. Понимаешь, у Кэнта.

Чо буркнул что-то успокаивающее, распорядился ждать его и пошел назад, оставив нас на терраске возле пропасти.

— Дождись темноты. Ночью лучше, — крикнул я ему вслед. Но Чо скрылся.

Мы сидели со старой Аа и смотрели, как над ущельем клубится туман. Пронзенный солнечными лучами, он то переливался радугой, подымаясь легким облаком, то сгущался до снежно-белого и вылетал тяжелыми комьями, устремляясь к влажным скалам в стороне.

Я думал об удивительной догадливости Чо, о его природном уме, о прекрасных чертах сильной натуры гули-бьябонов. Неужели Чо удастся достать ключ? Ему, возможно, придется для этого убить Кэнта. А может быть, и Кэнт убьет его. И если даже Чо выйдет победителем, как он отыщет ключ, которого никогда не видел и не знает, каков этот ключ.

Я очень волновался. Я, наверное, ни разу в жизни за все свои двадцать лет не волновался больше, чем тогда. Внешне спокойная Аа словно окаменела, и я сперва позави-

довал ее тупым нервам. Но потом увидел, что губы у нее, выпуклые морщинистые губы, дрожат, как у девчонки.

— Милая Аа!..

Я пододвинулся к ней, положил голову ей на плечо. И она по-матерински обняла меня.

15

Чо появился неожиданно для нас, потому что мы с Аа задремали на солнышке. Прямо в охапке, как беремья дров, он притащил обессиленного мистера Кэнта.

У Кэнта был настолько измученный вид, что его стало жалко. Я тряпка. Я пожалел врага. Жалость унижает друга, но врагу придает силы, а, главное, размягчает собственный мозг и делает человека менее сообразительным. Я не догадался улучшить минуту и забрать у Кэнта парабеллум, когда Чо опустил свою тяжелую ношу передо мной. Я вежливоенько попросил Кэнта разомкнуть мне наручники.

Он долго шарил по всем карманам, начал хныкать и оправдываться, перемешивая в речи русский с английским:

— Вы поймите меня, мистер Виктор. Вы же сами ин фючюр — ученый человек. Я полжизни отдал проблеме снежного человека. Я должен привезти хотя бы один экземпляр в Европу. Я передал бы его в эксцелент — отличный зоологический сад и стал бы богатым ученым. Я истратил все сбережения на эту экспедицию...

— В зоопарк? — перебил я его. — В клетку?

— Ему там было бы лучше, — настаивал Кэнт. — Здесь, в холодных горах, он все равно вымирающее животное.

— Он не животное! — запальчиво возразил я.

Тут Кэнт, наконец, отыскал ключ и раскрыл мне браслеты. Чо, следивший за каждым его движением, сразу схватил Кэнта в охапку, наверное, чтобы отнести назад в лагерь. Но Кэнт как-то вырвался, отскочил и выхватил парабеллум.

Чо рассердился. Он заревел, как медведь, и ринулся на Кэнта. Я не успел вмешаться. Кэнт выстрелил и попал мне в плечо. Разрывная пуля вырвала клочок мяса, брызнула кровь, и Чо, увидав ее, навалился на Кэнта.

Кэнт поддался не сразу. И пока Чо, подняв на руках, задушил его, прогремело еще шесть выстрелов. Шесть разрывных пуль бедный Чо не выдержал. Он размахнулся по-богатырски, чтоб кинуть труп Кэнта в ущелье, шагнул вперед, покачнулся и сам повалился в бездну.

16

Плечо мое не заживает. Пока старая Аа вытаскивала мертвого Чо со дна пропасти и замуровывала его по гули-бьябонскому обычаю в скалах, я помогал ей и работой заглушал боль. Но, когда кончили похоронный ритуал, я обессилел, и Аа потащила меня на себе. Потом мы возвращались, мне хотелось разыскать лагерь Кэнта. Не получилось.

Вот уже который день мы идем на северо-запад. Я твердо надеюсь дойти до своей страны. Правда, я ослабел, и двигаемся мы медленно, а этим снежно-каменным волнам пустыни нет конца.

На привалах я делаю эти записи в блокноте, подаренном проклятым Кэнтом. Мы много разговариваем с Аа, я уже знаю, наверное, все слова небогатого гули-бьябонского языка, который состоит из одних только звуков, выражающих то или иное чувство.

Может быть, я не дойду, и старая Аа замурует меня в скалах: ведь я теперь почти гули-бьябон. Мы второй день идем по вершинам какого-то бесснежного кряжа, и я решил, так как и блокнот и карандаш кончаются, сложить на какой-нибудь вершине из камней пирамидку позаметнее и спрятать эти записи. Будет время, и в этих местах пройдут настоящие следопыты и обнаружат приятный сюрприз для себя...

А я все равно дойду!.. И мне будет жаль расставаться со старой Аа...

Я спрашиваю ее, страшно ли ей остаться одинокой. Нет, она не боится одиночества. Она говорит, что разыщет всех остальных гули-бьябонов, расскажет им историю с Кэнтом и строго-настрого накажет-всем, чтоб они никогда, ни при каких обстоятельствах не встречались с людьми, тщательно избегали встреч с человеком.

Я плетусь за нею, и голова моя в огне. Ну, как объяснить старой Аа, что люди на земле разные: смотря из какой страны они придут в эти богатые, таинственные края...

На этом кончаются фантастические записки студента Виктора Трофимова.

Комментарии

Э. Ф. Бенсон. Рог Ужаса

Рассказ, который считается одной из первых историй об «отвратительном снежном человеке», был опубликован в сборнике Бенсона «Visible and Invisible» («Видимое и невидимое», 1923) и удостоился высокой оценки Г. Ф. Лавкрафта (в эссе «Сверхъестественный ужас в литературе»). Пер. М. Фоменко.

Эдвард Ф. Бенсон (1867-1940) — сын архиепископа Кетерберийского Э. Бенсона, плодовитый английский писатель, автор многочисленных и популярных в свое время романов нравов, биографий, мемуаров и рассказов. В 1892-97 гг. занимался археологическими исследованиями в Египте и Греции. Сегодня наиболее известен как создатель сумрачных и загадочных, но порой юмористических либо сатирических рассказов о призраках.

С. 8. ...*Альхубель* — Искаж. Альпхубель (Alphubel), от назв. горы в швейцарских Пеннинских Альпах (4206 м).

С. 8. ...*Энгадине* — Энгадин — большая долина с горными курортами в швейцарском кантоне Граубюнден.

С. 8. ...*начертить на льду лезвиями коньков* — Автобиографическая деталь: Бенсон был отличным фигуристом и написал, в частности, книги «Английское фигурное катание» (1908) и «Зимний спорт в Швейцарии» (1913).

С. 9. ...*они заметили на снегу следы босых человеческих ног* — Во время совместной экспедиции Альпийского клуба и Королевского географического общества на Эверест в 1921 г. под руководством подполковника Ч. Говарда-Бюри участники экспедиции заметили в снегу на высоте 6400 м. следы, которые напоминали отпечатки босых человеческих ног. Позднее Говард-Бюри описывал данные следы как волчьи; тем не менее, сведения об этом открытии стали первоисточником многих современных представлений о снежном человеке.

С. 10. ...*Унгехойергорна* – Унгехойергорн (Ungeheuerhorn) – вымышленная гора, букв. «Рог чудовища» (нем.). «Рогом» называют острые вершины в горах альпийского типа.

С. 12. ...*Шрекгорна* – Шрекгорн (Schreckhorn) – гора в Бернских Альпах (4078 м), чье название как раз и означает «Рог Ужаса», «Рог Страха» (нем).

Александр Беляев. Белый дикарь

Впервые в журн. «Всемирный следопыт», 1926, № 7. Публ. по этому изданию с исправлением ряда опечаток и устаревших особенностей орфографии и пунктуации. В редакц. предисловии опущена отсылка к газетному сообщению (см. ниже).

Рассказ виднейшего советского фантаста А. Р. Беляева (1884-1941) – первое в советской и достаточно раннее в рамках мировой фантастики произведение о снежном человеке, представленном здесь выжившим на гималайских высотах кроманьонцем. «Белый дикарь», согласно редакции журнала «Всемирный следопыт», был навеян газетной заметкой, которая была воспроизведена в № 6 журнала за 1926 г.:

Довая здесь снимок с телеграммы, напечатанной в прошлом году в газете «Известия ЦИК СССР», редакции «Всемирного Следопыта» сообщает, что читатели нашего журнала, которые заинтересуются находкой человека неведомой расы и его дальнейшей судьбой, найдут в следующем номере нашего журнала

новый рассказ А. Беляева „Белый дикарь“.

Михаил Грешнов. Последний неандерталец

Впервые в альм. «На суше и на море», вып. 8, 1967-68 (М., 1968) с подзаг. «Фантастический рассказ».

М. Н. Грешнов (1916-1994) – советский фантаст. Работал сельским учителем, директором сельской школы. Автор десяти сборников рассказов.

С. 72. *...русского профессора Поршнева* – Имеется в виду известный советский историк и социолог Б. Ф. Поршнев, работавший в Институте всеобщей истории АН СССР. В 1950-х гг. увлекся и много занимался проблемой снежного человека, кот. считал сохранившимся до наших дней реликтовым гоминидом.

Геннадий Прашкевич. Я видел снежного человека

Впервые в изд.: «Собеседник: Сборник для юношества», вып. 1 (Новосибирск, 1974), под псевд. Геннадий Гончаров. Публикуется по этому изданию.

Г. М. Прашкевич (р. 1941) – видный современный русский писатель-фантаст, поэт, переводчик, автор мемуарных книг, очерков по истории русской фантастики и пр. Первые рассказы и стихотворения опубликовал, будучи еще школьником. По образованию геолог. Работал в лаборатории раннего палеозоя Института геологии и геофизики СО АН СССР (1959-1965), в лаборатории вулканологии Сахалинского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР (1965-1971), Западно-Сибирском книжном издательстве (1971-1983), участвовал в геологических и палеонтологических экспедициях работал на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, Камчатке, Курильских островах. Заслуженный работник культуры РФ, лауреат многочисленных премий.

Интерес к проблеме снежного человека возник у Прашкевича в ранней юности, о чем он с юмором рассказал в мемуарной книге

«Малый бедкер по НФ, или Книга о многих превосходных вещах» (2002):

«В начале 50-х годов прошлого века воображение советских людей было занято двумя основными темами: Атлантидой и снежным человеком. Ну понятно, сперва шла борьба за мир, а уж потом Атлантида и сноумены. <...>

Понятно, я не мог пройти мимо таких актуальных тем. Тем более (я перешел в седьмой класс) в городской газете «Тайгинский рабочий» только что появился мой первый научно-фантастический рассказ «Остров туманов».

В известной библиографии Н. Мацуева после указания *Поповский А. Дружба. Повесть. М. «Сов. пис.», 1935* указаны всего три рецензии: «*Так называемый писатель Павловский*», «*Жив Курилка*» и «*Еще о так называемом писателе Поповском*». Если бы на мой рассказ откликнулись критики, боюсь, тремя рецензиями дело бы не закончилось.

К счастью, критики не откликнулись, и я один за другим написал несколько научно-фантастических романов, актуальных, как я полагал: «Под игом Атлантиды», «Горная тайна» и «*Contra mundum*».

Единственное, что могу сказать в оправдание, что, как это ни странно, не в столь уж далеком будущем из указанных выше набросков вышли научно-фантастические повести «Разворованное чудо», «Мир, в котором я дома» и «Шпион в юрском периоде», что, безусловно, подтверждает любимый мною тезис о том, что человек полностью проживает всю свою будущую жизнь в период где-то с пяти до пятнадцати лет.

После этого уже ничего не происходит.

Ну, может, некоторый упадок.

«Первым из европейцев увидеть снежного человека посчастливилось греческому путешественнику Тамбоци, — смело писал я в романе «Горная тайна». — Тамбоци увидел сноумена в районе пика Кобру, на высоте примерно в пять тысяч метров. Грека сильно поразила огромная согнутая тень, нагнувшаяся над хрупкой веточкой рододендрона, а потом быстрота, с какой слинял в сторону ледяных развалов испуганный сноумен. Никогда больше, — писал я с несколько преувеличенной озабоченностью, — грек не встречал сноумена».

Шерпы, сообщал я будущим читателям, — смелый и выносливый народ.

Они живут в горах. Среди них нет ни одного, кто не имел бы пары сильных, мускулистых ног и мощной спины, привыкшей к переноске тяжестей. *«Шерп Тарке, – писал я, – брел по гладкой, как зеркало, поверхности ледника Бирун. В одном месте – (очень похожем на заснеженный пустырь за ремонтирующимся рабочим клубом имени Ленина) – шерп наткнулся на большие следы босых ног».* Если бы нашего соседа машиниста Петрова прогнать босиком по снежному пустырю, несомненно, след остался бы не менее крупный. Понятно, шерп насторожился. *«Его крепкие руки в любой момент готовы были сорвать с плеча тяжелое заряженное ружье, выхватить из-за пояса кривой тяжелой нож кукри или схватить тяжелую ледяную глыбу, множество которых валялось вокруг».*

Да и сам по себе шерп не был придурком. «Я, блин, гоблин, а ты, блин, кто, блин?» Увидев следы, он рванул подальше от опасного места, тем более что *«...бледное гималайское небо начинало уже темнеть, скрывая в клубящихся тающих облаках заснеженную вершину тяжелого Эвереста».*

Но шерпу пошла непруха.

В узком ледяном ущелье он наткнулся на сноумена.

Скажу сразу, сноумен не был взят из головы, у него был реальный прототип в жизни. Я писал своего сноумена с некоего Паюзы – сопливого сволочонка годами двумя старше меня, с сапожным ножом за голенищем. Одежды на сноумене вообще не было (единственное отличие от Паюзы), зато морда в волосах, в синяках, зубов маловато.

И был он глух, как Бетховен.

Последняя находка меня неимоверно радовала, что-то такое я слышал по радио.

Понятно, что шерп в ужасе упал на колени. *«Врожденное суеверие и страх костром вспыхнули в его гордом сердце».*

Фраза о врожденном суеверии казалась мне безупречной.

Снежные пики, курящиеся сухим снегом склоны, небесная голубизна, пропасти, разверзающиеся под ногами, – действительно сильная красивая вещь получалась. Вроде тех клеенчатых ковриков с лебедями и русалками в сатиновых лифчиках, которые продавались на местном рынке. Сноумены (галуб-яваны, тхломунги, йети), писал я, были вовсе не глупы, просто опустились из-за недоедания. Снежные Гималаи могли предложить им только голубоватую траву, про которую тогда много писал известный астроном Г. А. Тихов, а спуститься вниз, в теплые, обитаемые долины, напасть на питательных горных коз снежные люди не до-

гадывались. А договориться с редкими путешественниками вроде того грека Тамбоци мешала им глухота.

Да и не люди они были, наносил я сюжетный удар будущим читателям.

Межпланетный корабль марсиан потерпел катастрофу на леднике Бирун и в живых остались только два члена экипажа. Один, изнуренный недоеданием, сразу сдался высокогорному пограничному наряду некоей азиатской страны, входящей в агрессивный военный блок СЕАТО.

Понятно, хорошо бедолаге не стало.

Взяли сноумена на болевой прием и приволокли в комендатуру, где он не выдержал допроса с пристрастием и умер.

Зато второй попал в руки советских исследователей.

Теорему Пифагора, начертанную перед ним на снегу, изголодавшийся марсианин принял с таким же восхищением, как и добрый кусок свиного сала. А потом был торжественный прием в Кремле, отправка марсианина на родину, долгие пламенные речи, ну и все такое прочее.

Через много лет на литературном семинаре в Дубултах фантаст Александр Иванович Шалимов, человек деликатный и воспитанный, действительно подтвердил, что в тридцатые годы, когда во многих районах Памира еще хозяйничали басмачи, к советским пограничным заставам иногда спускались с ледников хмурые галуб-яваны. Случалось, что они попадали в руки непреклонных чекистов. Ответить на резкие, в упор поставленные вопросы – кем подослан? на кого работаешь, падла? признаешь ли диктатуру пролетариата? – галуб-яваны, даже при некоторой их инстинктивной расположенности к новым властям, ответить не могли, потому что были глухи, как Бетховен. Ну, их и ставили к стенке. А Александр Иванович (тогда геолог) никак не успевал вовремя поспеть к месту происшествия. «Но однажды... – волнуясь, возвысил голос Александр Иванович. – Однажды... Неподалеку от нашего лагеря... Непреклонные ч-ч-чекисты... Схватили самку... Самку... Самку... – волнуясь повторял он. – Самку...»

Пришлось уважительно подсказать:

– ...басмача!»

С. 77. ...*лерв* – Лерва (*Lerva lerwa*) – снежная куропатка, обитает на склонах гор и в ущельях Гималаев и высокогорных массивов Китая на высоте 2900-5500 м.

С. 81. ...*тхлох-мунге* – Также тхлох-мунг, «горный дикарь» на

языке народа лепча, населяющего Сикким и некоторые районы Бутана и Непала.

С. 81. ...*сераком* – Серак – ледяной пик на передней кромке ледника; очень нестабилен и крайне опасен для альпинистов.

С. 85. ...*экспедиция Ральфа Иззарда в 1954 году* – Эта экспедиция, организованная британской газетой «Дейли мейл», получила большую известность в СССР благодаря достаточно оперативно переведенным кн. ее участника Ч. Стонора («Шерпы и снежный человек», русское изд. 1958) и руководителя Р. Иззарда («По следам снежного человека», 1959).

С. 86. ...*на снежнике* – Снежник – скопление снега ниже снеговой линии в местах, защищенных от солнца и солнца; может сохраняться после стаивания окружающего снежного покрова или на протяжении всего года.

Кирилл Станюкович. Человек, который его видел

Впервые в журн. «Вокруг света», 1958, №12, под псевд. «К. С.».

К. В. Станюкович (1911-1986) — советский геоботаник, географ, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент АН ТаджССР. Участник Второй мировой войны, множества экспедиций на Памир, Тянь-Шань, горный Казахстан и Сибирь, автор многочисленных научных и научно-популярных работ. Написал ряд научно-фантастических рассказов и повестей, собранных в основном в авторском сб. «Тайну охраняет пламя» (1965). В 1958 г. возглавлял комплексную экспедицию АН СССР по поискам на Памире снежного человека, по результатам которой пришел к выводу, что это существо является легендой. Энтузиасты поисков снежного человека позднее обвиняли Станюковича в том, что экспедиция была в действительности нацелена на сбор недостающего материала для его главного труда «Атлас Таджикской ССР» (1968).

Публикации предшествовала следующая редакционная врезка: «О снежном человеке на Памире много рассказов. Существует ли снежный человек на самом деле? Или он существовал до недавнего времени, а в наши дни его уже нет? И что он собой представля-

ет? Ответить на эти вопросы могут только специальные исследования или... случайная встреча на высотах Памира.

Снежным человеком заинтересовались сейчас многие ученые и, возможно, тайну его в недалеком будущем удастся раскрыть. Пока же приходится только строить предположения, основываясь на немногочисленных фактических данных и учитывая общие условия жизни в горах. Одним из таких предположений и является публикуемый нами рассказ».

Кирилл Станюкович. Голуб-яван (К вопросу о жизни снежных людей на Памире)

Впервые в «Известиях Всесоюзного географического общества», 1957, т. 89, вып. 4, под назв. «Голуб-Яван: (Сведения о “снежном человеке” на Памире)». Публикуется по авторскому сб. «В заоблачных высях» (1980).

С. 121. ...*Рацек* – В. И. Рацек (1918-1980) – известный советский альпинист, военный топограф, автор многочисленных книг о горах и альпинизме, в том числе «Загадка снежного человека» (1962).

С. 122. ...*Э. М. Мурзаева* – Э. М. Мурзаев (1908-1998) – видный физикогеограф, топонимист, историк географической науки.

С. 126. ...*замечательная книга А. Н. Формозова* – Речь идет о книге биогеографа, зоолога, художника-анималиста и популяризатора А. Н. Формозова (1899-1973) «Спутник следопыта» (первое полное изд. 1936), выдержавшей множество переизданий.

Александр Шалимов. Загадка азиатских высокогорий

Публикуется по авторскому сб. «На пороге великих тайн» (М., 1966).

А. И. Шалимов (1917-1991) – советский геолог, писатель-фантаст. Участник Второй мировой войны, а позднее многочисленных геологических экспедиций, автор и соавтор более 100 научных работ; научно-фантастические повести и рассказы, где встречаются раз-

личные природные загадки и феномены, объединены в 16 сборников.

Петроний Гай Аматауни. Встреча со «снежным человеком»

Впервые в журн. «Гражданская авиация» (Москва, 1961, № 7), позднее в ростовском журн. «Дон» (1964, № 10 (под назв. «Тайна «снежного человека»)), газ. «Кировская правда» (1975) и как часть «фантазии в эпистолах» «Голубой нуль» (1982). Печатается по первой публикации, откуда взята и заставка; рис. В. Силина даны по публикации в журн. «Дон».

П. Г. Аматауни (1916-1982) – прозаик, очеркист, фантаст, летчик-инструктор, пилот и командир корабля гражданской авиации. Участник второй мировой войны. Публиковаться начал в 1944 г. Наиболее известен фантастической трилогией «Гаяна» (1957-66).

В публикации в журн. «Дон», помимо мелких разночтений, после слов «в 347 километрах от цели» следует отрывок:

«Справа – гигантская дьявольская «расческа» из черно-серых скал, слева – глубокий запекшийся шрам в могучем теле хребта, а сверху сыплется на нас трескучие сухие снежинки, гонимые морозным дыханием гор.

Но вся эта прелесть, сам понимаешь, особенно хороша, когда ты видишь ее у себя под крылом, когда вместо ноющей тишины твой слух бодрит шум моторов и когда стрелки приборов не стоят мертво на нулях...

Клинк от души повозился в носу пилотской кабины и доложил нам обстановку. Крылатый разбойник таранил нас «в лоб» и буквально вывернул наизнанку все хозяйство включения зажигания, разомкнул контакты, оборвал проводники и выключил моторы. И вот мы одни, под крышей мира, на самом чердаке...»

Василий Карпов. Высота 4100

Впервые: «Наука в Сибири». 1984. 26 января; также в журн. «Сибирские огни», 1985, № 12.

В. В. Карпов (р. 1952) – русский писатель-фантаст, автор нескольких научно-фантаст. произведений, публиковавшихся в периодике и сборниках конца 1980-х – нач. 1990-х гг.

Алан Кубатиев. Снежный Август

Впервые в журн. «Памир» (Душанбе), 1984, №9.

А. К. Кубатиев (1952-2022) – писатель, переводчик, журналист, литературовед. Учился в Киргизском госуд. ун-те и аспирантуре МГУ, преподавал в Киргизском нац. ун-те, Американском ун-те Центральной Азии и др. С 26 лет публиковал научно-фантастические рассказы; британской фантастике посвящена и его кандидатская диссертация. Последний период жизни провел в Кронштадте. Активно занимался переводами, составил биографию Д. Джойса.

С. 166. ...сарлыке – Сарлык – горный як.

С. 166. ...улара – Улар – горная индейка, птица из семейства фазановых.

С. 168. ...открытия Лики – Британские палеоантропологи Луис Лики (1903-1972), его жена Мэри (1913-1996) и сын Ричард (1944-2022), работая в Африке, совершили множество важнейших открытий, касающихся эволюции человека.

С. 169. ...ширдаком – Ширдак – киргизский войлочный ковер.

Йозеф Несвадба. По следам снежного человека

Рассказ был опубликован в авторском сб. «Мозг Эйнштейна» (1960), на русском – в одноименном авторском сб. (1965). Пер. Р. Разумовой.

Й. Несвадба (1926-2005) – видный чешский фантаст, врач-психиатр, переводчик, автор многочисленных рассказов и романов. Возглавлял научно-фантастическую секцию СП Чехословакии. В 1956-

1992 г. работал психотерапевтом в психиатрическом отделении университетской клиники в Праге. Наряду с Л. Соучеком считается основным представителем чешской научно-фантастической литературы второй половины XX в.

С. 190. ...*Деменовой пещере* – Имеется в виду Деменовская пещера Свободы в Словакии со знаменитыми сталактитовыми образованиями, открытая в 1921 г.

С. 191. ...*my goodness!* – Господи! (англ.).

С. 191. ...«*Black and White... London*» – «Черное и Белое, особый сорт отборного старого виски Бьюкенена, Глазго и Лондон» (англ.).

С. 197. ...в *Альтамире* – Альтамира – пещера в Испании с наскальными росписями эпохи позднего палеолита (15-10-е тыс. до н. э.). Была открыта в 1879 г. и стала первой обнаруженной пещерой с каменной живописью. Споры о том, действительно ли эти наскальные росписи были сделаны первобытными людьми, продолжались более 20 лет.

С. 198. ...*experto crede* – Доверьтесь опыту (лат.).

С. 207. ...*Нанга-Парбат* – Также Нангапарбат, девятая по высоте гора в мире (8126 м), расположена в Кашмире на северо-западе Гималаев. Считается одним из опаснейших для восхождения восьмитысячников.

С. 218. ...*Мацоху* – Мацоха (букв. «Мачеха») – карстовая пещера-провал в Чехии к северу от Брно, глубиной 138.7 м.

С. 220. ...*батевских ботинках* – Ботинках производства «Батя» (Bata), ведущей чешской (ныне международной) обувной фирмы, основанной в 1894 г.

Терри Пратчетт

Юмореска виднейшего британского фантаста сэра Теренса Дэвида Джона Пратчетта (литер. имя Терри Пратчетт, 1948-2015) была

впервые опубликована в «Bucks Free Press» (1969). Пер. М. Фоменко.

С. 226. ...*Шепердс Буш* – жилой и торговый район в западном Лондоне.

Андрей Дмитрук. Волосатый парень

Рассказ печатался в авторском сб. «Великая миссия цивилизаторов» (1967). Пер. М. Фоменко.

А. В. Дмитрук (р. 1947) – украинский писатель-фантаст, известный киносценарист, журналист. Автор нескольких изданных на украинском языке сборников рассказов, повестей и романов.

Айзек Азимов. Эверест

Впервые в журн. «Universe Science Fiction», 1953, декабрь. Пер. И. Гуровой.

Выдающийся мастер американской фантастики, биохимик и популяризатор науки А. Азимов (1920-1992) нередко упоминал этот рассказ как пример неудачного предсказания: он был написан в апреле 1953, но опубликован лишь в декабре, т. е. уже после того, как в мае 1953 г. Эверест был покорен.

Станислав Лем. *Exodus*

Рассказ С. Лема (1921-2006) был написан во второй пол. 1940-х гг. и вошел в авторский сб. «*Inwazja z Aldebarana*» (1959). Пер. М. Литинской.

С. 249. *Exodus* – исход (лат.), также лат. наименование второй книги Ветхого Завета.

Боб Шоу. Невероятный дубликат

Рассказ (1974) вошел в авторский сб. «Космический калейдоскоп» (1976). Пер. С. Силаковой.

Боб Шоу (1931-1996) – британский фантаст, уроженец Ирландии. Работал инженером, дизайнером, журналистом; с 1975 г. — профессиональный писатель. Автор почти трех десятков романов и многочисленных повестей и рассказов, дважды лауреат премии «Хьюго» (1979, 1980) как лучший автор-фэн.

Фредерик Браун. Ужас Гималаев

Впервые в журн. «Dude» (март 1960) под назв. «Abominable». Пер. А. Елькова, Ю. Копцова.

Ф. Браун (1906-1972) – один из классиков американской фантастики, автор около 30 детективных и НФ-романов и многочисленных рассказов. Начал свою карьеру как наборщик и корректор в «Милуоки джорнэл». Мастер «ультракоротких» и часто юмористических рассказов с неожиданными сюжетными поворотами и концовками.

Георгий Реймерс. Горы хранят тайну

Повесть вошла в авторский сб. «Неземной талисман» (1964).

Г. К. Реймерс (1915-2005) – писатель-фантаст, пилот гражданской авиации. Участник Второй мировой войны, много лет работал пилотом в Казахстане, Сибири, Средней Азии. Писать начал в 45 лет, находясь в больнице после инфаркта; помимо научно-фантастических повестей и рассказов, опубликовал также документально-художественные книги, посвященные авиации, и сб. стихов.

С. 290. ...*Дхаулагири* – Горный массив в Непале длиной в 120 км, главная вершина которого вздымается на высоту 8167 м.

С. 297. ...*арчи* – Арча — тюркское название ряда крупных древо-видных можжевельников.

У. Сэмброт. Снежное видение

Впервые в еженед. «Saturday Evening Post» (29 октября 1960) под назв. «Creature of the Snows»; позднее в авторском сб. «The Island of Fear and Other Science Fiction Stories» (1963). Пер. М. Фоменко.

У. Сэмброт (1914-2007) – американский писатель-фантаст, автор более 50 рассказов; начал публиковаться в 1951. и к концу 1960-х гг. сошел с НФ-сцены. Его нередко называют недооцененным автором, т. к. Сэмброт печатался в основном в «глянцевых» еженедельниках и его научно-фантастические произведения не получали поэтому должного внимания.

С. 318. ...*Гауришанкар* – гора в Гималаях на границе Китая и Непала (7181 м).

С. 318. ...*Аннапурны и К-2* – Аннапурна – высочайшая (8091 м) вершина одноименного горного массива в Гималаях, одна из самых опасных для альпинистов гор; К-2 или Чогори – вторая в мире по высоте (8611 м) горная вершина и второй по опасности после Аннапурны восьмитысячник.

С. 319. ...*Намче-Базаре* – Намче-Базар – поселок в районе Кхумбу в Непале, расположенный на высоте 3440 м; популярный среди туристов и альпинистов перевалочный пункт по пути в высокогорные области Гималаев.

Кэрол Эмшвиллер. Отвратные

Впервые в антологии «Orbit-21» (1980). Пер. В. Барсукова. Пер. ранее публиковался под загл. «Отвратительные», однако переводчик счел, что новое заглавие больше соответствует авторскому замыслу.

К. Эмшвиллер (р. 1921) – американская писательница-фантаст, лауреат многочисленных премий, включая премию им. Ф. К. Дика, «Небьюла» и Всемирную премию фэнтези; помимо НФ-произведений, написала также несколько романов-вестернов. Ее фантастические произведения причисляют к экспериментальному и «последовательно феминистическому» (У. ле Гуин) направлению в фантастике.

С. 334. ...*Эго...Суперэго... Ид* – Психологические структуры, предложенные З. Фрейдом для описания человеческой психики, соответственно «Я» во взаимодействии со внешним миром, «Сверх-Я» (совокупность морально-этических установок) и «Оно» (бессознательная часть психики).

С. 339. ...«*в тени человека*» – Намек на знаменитую одноименную книгу (1971) выдающегося приматолога и антрополога Джейн Гудолл (р. 1934) о ее работе по изучению диких шимпанзе.

Виктор Рожков. Плато черных деревьев

Повесть была опубликована в антологии «Зеленый поезд» (1976).

С. 341. ...*Балянд-су* – Намек на памирскую реку Балянд-Киик. Гидролог А. Пронин утверждал, что в 1957 г. видел в долине этой реки снежного человека; сообщение Пронина об этой встрече произвело сенсацию в СССР и привело к организации экспедиции АН СССР по поискам снежного человека (1958), возглавлявшейся К. Станюковичем (см. выше).

А. Шалимов. Призраки ледяной пустыни

Повесть вошла в авторский сб. «Тайна Тускароры» (1967).

Произведение имеет любопытную историю. В первом варианте повести («Призраки белого континента», 1962) действовали прилетевшие с Плутона за земным ураном инопланетяне; позднее они уступили место антарктическим «йети». В 1969 г. вышел и диафильм «Призраки белого континента» (сценарий А. Шалимова,

худ. В. Шевченко), который вобрал в себя элементы обоих вариантов и стал одним из известных советских детских «ужастиков».

С. 437. ...*фумарол* – т. е. трещин и отверстий в кратерах, на склонах и у подножий вулканов, сквозь которые выделяются горячие газы.

С. 438. ...*нунатаков* – Нунатак – окруженный со всех сторон пик или холм, выступающий над поверхностью ледникового покрова.

Николай Абыйчанин. Из повести «Чучуна и Суланя»

Публикуется по изд.: Абыйчанин Н. Чучуна и Суланя, или Повесть о «снежном» человеке. Пер. В. Федорова. Якутск, 1992.

Н. В. Абыйчанин (наст. фамилия Слепцов, 1925-1997) – якутский писатель-инвалид, журналист, публицист. Автор ряда сборников рассказов. Следует отметить, что герой повести – не «истинный» чучуна, а дикарь, живущий в тайге.

Максим Кабир. Ночь без сияния

Печатается по авторскому сб. «Призраки» (сетевая публ.).

М. А. Кабир (р. 1983) – украинский русскоязычный поэт, прозаик, журналист. Выпускник исторического факультета Криворожского госуд. педагогического ун-та. Литературный путь начал в университете как поэт и панк-исполнитель. Автор ряда романов и повестей и многочисленных рассказов, в основном в жанре хоррора.

Джей Лейк. Жирняга

Д. Лейк (наст. имя Джозеф Э. Лейк-мл., 1964-2014) – американский фантаст, автор многочисленных романов и рассказов, лауреат премии Д. Кэмпбелла (2004) как лучший новый автор НФ.

В 2008 заболел колоректальным раком, вел прославивший его блог, где откровенно рассказывал о своей болезни и борьбе со смертью. Пер. В. Барсукова.

В предисловии к новелле «Жирняга», опубликованной в антологии «The Mammoth Book of Monsters» (2007), Лейк писал:

«“Жирняга” был написан лет через пять после того, как я перебрался на тихоокеанский северо-запад. Меня всегда влекла фортеана, и особенно криптозоология. Снежный человек – вероятно, второй самый известный криптозоед в мире после Несси.

Здесь у нас, конечно, страна снежных людей, земля, где история еще нова и все еще царствуют деревья. В нескольких милях от моего дома сохранились (вы их знаете) куски Старого Леса. И вот я задался вопросом: а что если снежный человек – совсем не то, что мы себе представляем? Что если это – Старый Лес, вызывающий к шрамам истории, которые люди Запада только недавно начали понимать?

“Жирняга” является моим ответом на этот вопрос».

С. 500. ...*заповедный лес Маунт-Худ* – Официально Национальный лес Маунт-Худ, природный заповедник с поросшими лесом горами, лесами и озерами, основанный в конце XIX в. примерно в 100 км восточнее Портленда. Здесь и далее все географические привязки в новелле реальны, за исключением самого городка Шве́ден (Sweden), чье название намекает на сравнительно большое количество иммигрантов из Швеции, поселившихся в Орегоне в конце XIX-нач. XX вв.

С. 501. ...«*Ругер Дирфилд*» – Карабин производства фирмы Sturm, Ruger & Co., производившийся в 2000-2006 гг.

С. 502. ...*скользкий Билли* – Прозвище Уильяма (Билла) Клинтона (р. 1946), президента США в 1993-2001 гг.

С. 503. ...*Джерри Спрингеру или выступает в программе «20/20»* – Речь идет, соответственно, о знаменитом американском телеведущем (р. 1944) и новостном тележурнале компании ABC, начавшем выходить в эфир в 1978 г.

С. 503. ...«*вагонера*» – Различные модификации этой марки джипов выпускались в 1963-1993 гг. Почти все упомянутые далее мар-

ки автомашин сильно устарели на момент описываемых событий, что подчеркивает бедность жителей захолустного городка.

С. 508. ...*Натана Хэйла* – Натан Хэйл (1755-1776) – герой Войны за независимость США, разведчик, пойманный англичанами в Нью-Йорке и позднее казненный.

С. 508. ...*в тумане стреляли горилл* – Намек на известный кинофильм «Гориллы в тумане» (1988) о работе зоолога Диан Фосси, изучавшей горных горилл в Руанде.

С. 511. ...*Супер Боул* – Финальная игра ежегодного чемпионата по американскому футболу Национальной футбольной лиги США, крупнейшее спортивное событие года и фактический национальный праздник.

С. 515. *Я ему не сторож...* – Слова Каина: «Разве я сторож брату моему?» (Быт. 4:9).

С. 522. ...*на Луну на крыльях из паутины* – Цитата из популярной песни Коула Портера «Одна из таких вещей» (1935).

С. 526. ...*агента Малдера* – Агент Фокс Малдер – главный герой культового телесериала «X-Files» («Секретные материалы», 1993-2002); роль его исполнял Д. Духовны. В 2016 г. на телеэкраны вышло небольшое продолжение сериала.

С. 527. ...*заместителя Гавка* – Имеется в виду герой телевизионной серии мультфильмов начала 1960-х гг., пес, служащий заместителем шерифа в различных штатах.

С. 538. ...*Ефрем Цимбалист-младший* – Американский актер (1918-2014), прославился ролью инспектора ФБР Льюиса Эскина в телесериале «ФБР» (1965-1974), на которую его лично благословил директор Бюро Д. Эдгар Гувер.

С. 541. ...*Уилламетт* – Река в штате Орегон, приток р. Колумбия.

Уильям Мейкл. Отвратительный

У. Мейкл (Микл) – современный шотландский писатель, живущий в Канаде. Автор двух десятков романов (фантастика, ужасы, фэнтези и т.п.) и нескольких сотен рассказов; публикуется в основном в небольших издательствах. Пер. М. Фоменко.

В первой половине новеллы изложены действительные обстоятельства британской экспедиции 1924 г. на Эверест, включая гибель Джорджа Мэллори (1886-1924) и Эндрю («Сэнди») Ирвина (1902-1924), и приведены реальные имена ее участников. Отметим, что вопрос о том, дошли ли Мэллори и Ирвин до вершины, до сих пор остается открытым.

С. 545. ...*Северному седлу* – Имеется в виду покрытый льдом перевал с крутыми склонами, соединяющий Эверест и Чангзе, который в 1920-1930-е годы считался основным путем к вершине. В наши дни под Северным седлом традиционно устанавливается первый базовый лагерь на горе.

С. 545. ...*Финч дошел до двадцати семи тысяч футов* – 23 мая 1922 г. участник британской экспедиции, ученый-химик и альпинист Д. Финч (1888-1970), используя кислород, достиг на Эвересте высоты в 27,300 футов (8,321 м).

С. 551. *Метох-кангми* – Тибетское наименование снежного человека, букв. «снежный человек-медведь».

С. 556. ...*Второй ступенью* – «Вторая ступень» расположена у подножия вершинной пирамиды Эвереста и является началом вершинного участка северо-восточного гребня: 40-метровый подъем считается крайне трудным, однако с 1975 г. многие альпинисты используют установленную здесь китайской командой лестницу.

С. 556. ...*восхождение Пиллар-Рок в Западных холмах* – В 1913 г. Мэллори в одиночку и по собственному маршруту совершил восхождение на г. Пиллар-Рок в Озерном краю Англии. Данный маршрут имеет высокую категорию сложности и сравним по трудности со «Второй ступенью» Эвереста.

С. 558. ...*Уинтропа-Янга* – Д. Уинтроп-Янг (1876-1958) – британский поэт, альпинист, активист физического воспитания, автор ряда известных книг о горных восхождениях.

Михаил Розенфельд. Ущелье алмасов

Впервые: «Молодая гвардия», 1936, № 1. Первое отдельное изд. М., 1936. Повесть была экранизирована по авторскому сценарию реж. В. Шнейдеровым в 1937 г. под назв. «Ущелье аламасов». В 1955-1962 гг. вышла тремя отдельными изд. и в авторском сб. «Избранное». Публикуется по первому послевоенному изд. (М., 1955) с исправлением устаревшего написания некоторых слов. Приводим опубликованную в данном изд. в качестве предисловия статью М. Черненко «Об авторе этой книги». В этом биографическом очерке опущены детали работы М. К. Розенфельда как военного корреспондента: он участвовал в военных операциях в Маньчжурии в 1929 г., в гражданской войне в Испании и в конфликте на Халхин-Голе (1939).

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Михаил Константинович Розенфельд, автор этой книги, на протяжении более пятнадцати лет был сотрудником «Комсомольской правды». Он пришел работать в «Комсомолку» в дни основания газеты, весной 1925 года, когда ему было девятнадцать лет, и связал с ней всю свою жизнь.

Розенфельд был корреспондентом отдела информации, репортером. Редакция поручала ему самые разнообразные задания. Вначале это была хроника столичного дня, отчеты о спортивных состязаниях. Потом, еще в 1925 и 1926 годах, вместе с международными делегациями рабочей молодежи он объездил многие города страны, побывал на Украине, в Грузии, на Урале, в родном Ленинграде, где учился и вошел в жизнь. Он не только знакомил иностранных друзей с родной страной, но и сам знакомился с ней, постигал ее широкие планы, пафос великого индустриального строительства, развертывавшегося повсюду. Постепенно у него вырабатывался свой «журналистский почерк», стремитель-

ный и вместе с тем экономный и выразительный. Его заметки (даже если они и не имели подписи) всегда можно было узнать. Он писал репортажи со съездов и конференций, его голос не раз слышали москвичи во время передач с Красной площади. Редакция посылала его участвовать в автопробегах и испытаниях аэросаней, летать на опытных аэростатах.

Он много путешествовал. Вспоминается большая, красочно оформленная карта, составленная ко дню десятилетнего юбилея «Комсомольской правды». На ней были обозначены маршруты сухопутных путешествий, плаваний и полетов специальных корреспондентов газеты. Маршруты Михаила Розенфельда из края в край пересекали всю страну. Соединенные в одну линию, они могли несколько раз опоясать земной шар.

Журналистика, работа в газете были его призванием, потребностью его непоседливой, живой и энергичной натуры. В нем никогда не угасал беспокойный интерес ко всему новому, что совершалось в стране. Возвращаясь из очередной поездки, он часами мог восторженно и увлекательно рассказывать о людях, с которыми познакомился, о разнообразных случаях и приключениях, которые всегда сопутствовали ему в пути. Блестящий рассказчик, он старался и на страницах газеты говорить с читателями так, чтобы читатель сам переживал вместе с автором взволновавшие его события. С каждым годом его все больше увлекали темы о смелых и находчивых людях, преодолевающих неожиданное и необычное. И вместе с тем ему уже становилось тесно на газетном листе.

Первые его книги — «В песках Кара-Кума» и «Клад пустыни Кара-Кум» — были хроникой интереснейшей экспедиции академика А. Е. Ферсмана и геолога Д. И. Щербакова летом 1929 года в безводные «Черные пески» Туркмении. Розенфельд сопровождал экспедицию.

Летом 1930 года по приглашению правительства Монгольской Народной Республики в Монголию выехала экспедиция Академии наук СССР. С одной из групп экспедиции Розенфельд за два месяца пересек всю Монголию с востока на запад. Он жадно наблюдал, как пробиваются ростки нового в жизни этой страны, которую в то время, четверть века назад, не без основания считали страной-загадкой. На привалах в степи, на снежных перевалах Гобийского Алтая, в песках монгольских пустынь он вел дневник. Записи о виденном чередовались с документами, справками, выписками из книг. А видел он многое: и зловещие храмовые праздники буддийских лам, и составление первого до-

говора на социалистическое соревнование в монгольском колхозе, и эпитафии Чингисхана на замшелых камнях, которые разыскал престарелый профессор, и организацию ревсомольцами первого в Монголии детского сада. Потом из этих записей, помимо интереснейших газетных очерков, родилась новая книга — хроника путе-шествия: «На автомобиле по Монголии».

Задания и поездки следовали одна за другой. В 1932 году Розенфельд дважды ездил в Среднюю Азию, на афганскую границу, в Вахшскую долину. Затем летал на первом советском дирижабле. Осень 1932 года он встретил на Ленских золотых приисках, весну 1933 года — в составе спасательной экспедиции у берегов Шпицбергена, где потерпел аварию ледокольный пароход «Малыгин» (эта экспедиция описана в его книге «Ледяные ночи»).

Осенью 1933 года Розенфельд побывал на подъеме па рохода «Садко» в Кандалакшском заливе, весной следующего, 1934 года ушел в кругосветное плавание на ледоколе «Красин», спешившем из Ленинграда через Панамский канал на Чукотку для участия в операциях по спасению челюскинцев.

В этих плаваниях и путешествиях у Михаила Розенфельда окончательно сложились планы нескольких новых книг для детей и юношества. Он избрал для себя жанр приключенческой литературы.

«Ущелье алмасов» — первая его приключенческая повесть.

Она была издана в 1936 году. Конечно, на картах и в справочниках читатели не найдут ни Алмасских гор, ни самих алмасов. Но, прочитав книгу, веришь, что все описанное в ней было в действительности или, во всяком случае, могло быть. Многие картины природы и люди, описанные в книге, запомнились Розенфельду со времени его путешествия по Монголии в 1930 году.

В 1937 году была издана вторая приключенческая повесть Розенфельда — «Морская тайна».

Увлекательный рассказ о тайной японской базе «Крепость синего солнца», приключениях смелого штурмана Головина, веселого и мужественного боцмана Бакуты и амурской рыбачки Нины Самариной с удовольствием читают не только юные, но подчас и взрослые читатели.

Конечно, обе эти повести не лишены недостатков. Далеко не все поступки героев оправданы. Но при всем этом глубокое знание жизни и талант позволили автору создать интересные и запоминающиеся книги.

В первые дни Великой Отечественной войны, оставив работу над новыми темами, новыми занимательными приключениями, М. К. Розенфельд ушел на фронт. В 1942 году он пал смертью храбрых в боях с врагом на Харьковском направлении. Фашистская пуля сразила его в самом начале большого творческого пути.

С. 607. ...*аргали* – Горный баран, архар.

С. 640. ...«*виктролу*» – Виктрола – напольный граммофон, выпущенный в первой половине XX в. американской фирмой «Victor Talking Machine Company»; роль усилителя звука играл корпус с отделениями для хранения грампластинок.

Геннадий Старков. Брат гули-бьябона

Впервые в журн. «Уральский следопыт», № 1-3, 1959. Публикуется по этому изданию.

Автор повести, скрывшийся под псевд. «Геннадий Старков» – писатель, журналист В. К. Очеретин (1921-1987). Родился в семье журналиста. После ареста родителей в 1937 г. учился в Кизеле, работал во Владивостоке, Иркутске, Кизеле, Свердловске маляром, грузчиком, чертежником, репортером, артистом кукольного театра, внештатным корреспондентом в газ. «Уральская кочегарка». В годы Второй мировой войны ушел добровольцем на фронт, автоматчиком танкового десанта прошел от Орла до Берлина и Праги. После войны окончил отделение журналистики историко-филологического факультета и Высшие литературные курсы СП СССР, с 1950 г. опубликовал ряд романов и повестей о тружениках Урала. В период публикации «Брата гули-бьябона» был главным редактором журн. «Уральский следопыт», с 1968 г. главный редактор журн. «Урал».

Повесть «Брат гули-бьябона» являлась двойной мистификацией: в оглавлении она значилась как «Записки В. Трофимова», в подзаг. (в № 2-3, 1959) – как «Записки, переданные «Уральскому следопыту» Геннадием Старковым»; художественный характер произведения нигде не был указан, а слова о «фантастических записках» в последней фразе повести могли быть поняты двояко. Все это, конечно, производило известное впечатление на читате-

лей, тем более что публикация повести непосредственно следовала за невероятной шумихой по поводу снежного человека в советской прессе и экспедицией АН СССР по поиску снежного человека на Памире (1958).

Хотя настоящее имя автора повести было известно в писательских кругах и среди некоторых любителей фантастики, широкой публике его впервые раскрыли В. Крапивин, С. Аксененко и А. Кердан в повести «Трое в “копейке”, не считая зайца Митьки» (2002): «Заглядывал Вадим Кузьмич Очеретин, который в ту пору публиковал в “Следопыте” под псевдонимом умопомрачительную приключенческую повесть о снежных людях “Брат гули-бьябона”. Повесть пользовалась весьма живым интересом у читателей, но официальной критикой была встречена “неоднозначно”. Истинное авторство “Брата гули-бьябона” для всех для нас было секретом Полишинеля, и мы обсуждали эту вещь с молодой горячностью».

В оформлении обложки использована илл. В. Васильва к повести Г. Старкова «Брат гули-бьябона».

Оглавление

Э. Ф. Бенсон. Рог ужаса. <i>Пер. М. Фоменко</i>	7
А. Беляев. Белый дикарь	23
Г. Прашкевич. Я видел снежного человека	74
К. Станюкович. Человек, который его видел	99
К. Станюкович. Голуб-яван (К вопросу о жизни снежных людей на Памире)	115
А. Шалимов. Загадка азиатских высокогорий	132
П. Г. Амадуни. Встреча со «снежным человеком»	145
В. Карпов. Высота 4100	156
А. Кубатиев. Снежный Август	164
Й. Несвадба. По следам снежного человека. <i>Пер. Р. Разумовой</i>	187
Т. Пратчетт. Ужасный снежный человек. <i>Пер. М. Фоменко</i>	224
А. Дмитрук. Волосатый парень. <i>Пер. М. Фоменко</i>	239
А. Азимов. Эверест. <i>Пер. И. Гуровой</i>	244
С. Лем. Exodus	249
Б. Шоу. Невероятный дубликат. <i>Пер. С. Силаковой</i>	263
Ф. Браун. Ужас Гималаев. <i>Пер. А. Елькова, Ю. Копцова</i>	281
Г. Реймерс. Горы хранят тайну	285

У. Сэмброт. Снежное видение. <i>Пер. М. Фоменко</i>	315
К. Эмшвиллер. Отвратные. <i>Пер. В. Барсукова</i>	328
В. Рожков. Плато черных деревьев	340
А. Шалимов. Призраки ледяной пустыни	374
Н. Абыйчанин. Из повести «Чучуна и Суланя». <i>Пер. В. Федорова</i>	468
М. Кабир. Ночь без сияния	483
Д. Лейк. Жирняга. <i>Пер. В. Барсукова</i>	499
У. Мейкл. Отвратительный. <i>Пер. М. Фоменко</i>	543
М. Розенфельд. Ущелье алмасов	566
Г. Старков. Брат гули-бьябона	662
Комментарии	735

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.